

ПАНТЕОНЪ

ИСТОРИИ ИСКУССТВА

ИЗДАНИЕ

№ 12. — Декабрь.

1851.

(Санкт-Петербургъ)

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

A.) ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

ДАМСКАЯ ВОЙНА. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Евгенія Скриба*, переводъ *В. Попова*.

B.) ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

ЛЪСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ. Романъ *Габріэля Ферри*. Части: шестая и седьмая.

II. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

БАЛЕТЪ ВЪ РОССИИ. Воспоминаніе о знаменитомъ хореграфѣ *К. Л. Дидло*.
(Статья послѣдняя, *А. П. Глушковскаго*).

III. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ТАЛЪМЫ, писанныя имъ самимъ. Главы XXIII и XXIV.

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. Богатый холостякъ и двое женатыхъ. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ. Соч. актера *П. Григорьева* 1.
2. Петербургскіе шалуны. Оригинальная оперетта, въ 2 картинахъ, съ танцами, соч. актера *П. Григорьева* 1.
3. Третье дѣйствіе изъ комедіи Житейская школа, соч. *П. Григорьева* 1.
4. Любовныя записки мужа. Комедія въ 1 дѣйствіи. Сюжетъ заимствованъ съ французскаго актеромъ *П. Григорьевымъ* 1.

(*Бенефисъ г. Григорьева.*)

5. Кастильская честь. Драма въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, пер. съ франц.
6. Чему быть, того не миновать. Драматическая пословица въ 1 дѣйствіи, соч. Барона *Ф. Ф. Корфа*.
7. Волшебная роза или уздныя честолюбцы. Комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, передъ. съ французскаго *С. Соловьевымъ*.
8. Остриженные львы или живые покойники. Водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, пер. съ франц. *П. Каратыгина*.
9. Железная дорога между Петербургомъ и Москвою. Водевиль въ 1 дѣйствіи и въ 2 картинахъ.

(*Бенефисъ г. Каратыгина 2.*)

10. Блокада крѣпости Костромы или Русскіе въ 1608 г. Драматическія сцены въ трехъ картинахъ, съ пѣніемъ, танцами, взрывомъ и разрушеніемъ крѣпости. Соч. *А. Т. В.*

11. Любовь по приказу или первые опыты кокетства. Комедія въ 1 дѣйстви, передѣланная съ французскаго г-жею *Тальцевой*.
12. Много шуму изъ пустяковъ. Шутка-водевиль въ 1 дѣйстви Соч. *А. Я.* Сюжетъ заимствованъ изъ французскаго водевиля.
13. Карета или по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ. Комедія-водевиль въ 1 дѣйстви, передѣланная съ французскаго *Ө. А. Коши*. (Въ первый разъ по возобновленіи.) Дебютъ г. *Рамазанова* 1.

(*Бенефисъ г-жи Дюръ.*)

V. СМѢСЬ.

1. Трактиръ прекрасной Лауры. (Изъ воспоминаній французскаго туриста.)
2. Исторія о тюльпанахъ. Письмо *Альфонса Карра*.
3. Со. Статя *Александра Делаверля*.
4. Невѣста солнца. Разсказъ *Баронессы де-Менэнвилъ*.
5. Лондонская Всемирная Выставка. Статя, написанная очевидцемъ-наблюдателемъ.
6. Нѣсколько словъ о Мегюль.
7. Елка.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ШАЛУНЫ ИЛИ ЕЩЕ БѢДОВАЯ ДѢВУШКА. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйстви, соч. *Н. Н. Круглополева*.

Къ этому № прилагаются :

1. МАЗУРКА. *Н. Бороздина*.
2. ЦѢЛЫЙ ДЕНЬ НА НЕБѢ, новая пѣсня *А. Варламова*.
3. БОЛЬШОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи ПАНТЕОНА на 1852 годъ и объ открытіи ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ журнала: «Пантеонъ».

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ө. КОНИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СВИЩЕВА

Комитетъ учрежденъ въ Петербургѣ 23 Января 1851 года
въ томъ, чтобы по распоряженію комитета издать въ Петербургѣ

Санкт-Петербургъ: П. П. Свищевъ.
ТОМЪ VI.

ДЕКАВРЬ — КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1851.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С Петербургъ, 22 декабря 1851 года.

Ценсоръ: *Н. Пейкеръ.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

ДАМСКАЯ ВОЙНА.

КОМЕДІА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ,

Соч. ЕВГЕНІЯ СКРИБА.

ПЕРЕВОДЪ

В. Попова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГРАФІНА ДОТЕРВАЛЬ.

ЛЕОНІЯ ДЕ-ВИЛЬГОНТЬЕ, ея племянница.

ГЕНРИХЪ ДЕ-ФЛАВИНЬОЛЬ.

ГУСТАВЪ ДЕ-ГРИНЬОНЪ.

БАРОНЪ ДЕ-МОНРИШАРЪ.

ДРАГУНСКІЙ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ.

СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ графини, близъ Ліона, въ октябрѣ
1817 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лѣтняя зала. Двѣ двери, ведущія въ боковыя комнаты. Въ глубинѣ дверь въ переднюю. На лѣвой сторонѣ каминъ, на правой канapé и маленькій столикъ.

I.

КАРЛЪ, въ шегольской ливреѣ, держа въ рукѣ письмо, стоитъ передъ картиной, поставленной на мальбретѣ. Леонія входитъ,

КАРЛЪ (*смотритъ на картину*). Прекрасно!... превосходно!... какая тонкость!... какая грація!...

ЛЕОНИА (*примѣтя Карла*). Что это? Онъ, кажется, разсуждаетъ.... (*Послѣ минутнаго молчанія, строго*). Карлъ!... Карлъ!...

КАРЛЪ (*быстро оборачивается и кланяется*). Къ вашимъ услугамъ.

ЛЕОНИА. Что ты тутъ дѣлаешь?

КАРЛЪ. Простите! я разсматривалъ портретъ вашей тетушки. Онъ до того похожъ, что я узналъ ее въ одну минуту.

ЛЕОНИА. Это вовсе не твое дѣло. Письма? журналы?

КАРЛЪ. Я сегодня утромъ ходилъ въ Лионъ, вмѣсто вашего кучера, ему было некогда, и принесъ цѣлую кучу писемъ. Вотъ это къ вамъ.

ЛЕОНИА. Подай!... А!... изъ Парижа!... отъ Гортензи.... (*Пробѣгая письмо*.) Милая Гортензія!... Она въ тревогѣ отъ лионскихъ безпокойствъ! Бойтся за насъ! (*Остановясь*.) Она спрашиваетъ о моей свадьбѣ.... да, время думать объ этомъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ! Всѣ молодые люди избаловались: занимаются только журналами да политикой, а не дамами!

КАРЛЪ. Вотъ два письма графинѣ д'Отерваль.... (*читая адресъ*) съ клеймомъ изъ Ванден.... (*Леонія смотритъ на Карла, нахмуря брови*.) Это очень просто.... Графиня ревностная роялистка.

ЛЕОНИА (*прерывая его*). Еще кому?

КАРЛЪ (*положивъ письма на столъ*). Эти вашему дядюшкѣ и господину Густаву де-Гриньону, молодому рекетмейстеру, который проживаетъ здѣсь уже восемь дней.

ЛЕОНИА (*съ сердцемъ*). Довольно!... журналы?...

КАРЛЪ (*подавая ихъ*). Извольте!...

ЛЕОНИА. Что это? они разрѣзаны, взяты....

КАРЛЪ. Это потому, что кучеръ и горничная хотѣли прочесть ихъ прежде васъ, но это неприлично и я не хотѣлъ имъ позволить, и потому....

ЛЕОНИА. Замолчи!... Я тебя объ этомъ не спрашиваю.

КАРЛЪ. Я не думалъ заслужить вашего гнѣва за мое усердіе.

ЛЕОНІЯ (*сухо*). Несноснѣе всего — излишество усердія.

КАРЛЪ (*улыбаясь*). Какъ говорилъ господинъ Талейранъ.

ЛЕОНІЯ (*оборачиваясь къ нему, съ удивленіемъ*). Это слышомъ!... и если ты себѣ еще позволишь....

—

II.

ТЪ ЖЕ И ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ. Что такое? что случилось, милая Леонія?

ЛЕОНІЯ. Что случилось, тетушка? ничего!... Кроме того, что Карлъ позволяетъ себѣ цитировать Талейрана.

ГРАФИНЯ (*улыбаясь*). Человѣкъ, который приносилъ несчастіе всѣмъ, кому ни служилъ.... худая рекомендація для слуги.... Успокойся, мой другъ! Карлъ вѣрно вычиталъ это гдѣ-нибудь.... и повторять, не понимая!...

КАРЛЪ (*почтительно кланяясь*). Но я никакъ не воображалъ, что заслужу этимъ нерасположеніе мадамъ Леоніи..

ЛЕОНІЯ. Нерасположеніе.... что за выраженіе....

ГРАФИНЯ (*Карлу, который хочетъ извиняться*). Ни слова больше. Ты слишкомъ много разсуждаешь.... я знаю твое усердіе и добрыя качества, твою преданность.... Но ты слишкомъ часто забываешь свое положеніе; не принуждай меня напоминать тебѣ объ этомъ, твое мѣсто не здѣсь! Ты нанять съ тѣмъ, чтобы объѣзжать верховыхъ лошадей моего брата; ступай-же къ своей должности! (*Карлъ почтительно кланяется, отдаетъ ей два письма и уходитъ.*)

—

III.

ЛЕОНІЯ, ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ (*распечатывая письмо*). Нынче даже и слуги хотятъ разыгрывать роль.... Карлъ хорошій человѣкъ, но зараженъ общимъ недостаткомъ.

ЛЕОНІЯ. О, нѣтъ!... дерзость его переходитъ всѣ предѣлы.

ГРАФИНЯ (*открывая письмо*). Право?... расскажи мнѣ, что-же онъ сдѣлалъ! (*Живо.*) Погоди, я только пробѣгу мое письмо.

ЛЕОНІЯ. Правда! я свое уже прочтала. (*Графиня, на право отъ зрителей, читаетъ съ одушевленіемъ письмо. Леонія, на льво у стола — журналы.*)

Графиня. Это отъ нея!... бѣдная подруга!... рука ея дрожала, писавши это письмо. «Милая Сесилія! тысячу разъ благословляю тебя! я начала надѣяться съ-тѣхъ-поръ, какъ узнала, что сынъ мой у тебя. Твой замокъ въ двухъ миляхъ отъ границы и позволяетъ ему безопасно ожидать окончанія роковаго слѣдствія. Никто не можетъ подозрѣвать, что замокъ графини д'Отерваль укрываетъ человѣка, обвиненнаго въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ. Тебя все знаютъ, и никогда подозрѣніе не можетъ пасть на твой домъ. Генрихъ невиненъ; несчастный порывъ вспыльчивости, о которомъ онъ тебѣ разскажетъ, придалъ ему видъ преступника. Однакожъ, въ настоящее время, и этого достаточно, во Франціи, для гибели человѣка. Впрочемъ, меня увѣрили, что правительство прекратило все строгости и что главнокомандующій испрашиваетъ всепрощеніе для Люва.»

Леонія. Ахъ! что я прочитала!

Графиня. Что такое?

Леонія (*показывая журналъ*). Еще осужденіе на смерть!

Графиня. Боже мой!

Леонія. «Лювскій военный совѣтъ приговорилъ вчера къ смерти начальника бонапартистовъ, Генриха де-Флавиньоля, молодого человѣка 25 лѣтъ.»

Графиня. Но мы говорили, что онъ, при помощи друзей, успѣлъ скрыться.

Леонія. Да, да, теперь я вспомнила: Густавъ де-Гриньонъ оттого въ такомъ восторгѣ.

Графиня. Густавъ — нашъ молодой ракетмейстеръ? Странно! я не ожидала отъ него такой храбрости. Отецъ его, говорятъ, былъ трусливъ, какъ заяцъ.

Леонія. Да! можетъ быть по этому онъ и поблѣднѣлъ, когда лодка качнулась на водѣ.

Графиня (*смѣясь*). Чудесно!... значитъ онъ въ одно время и храбръ и трусливъ!

Леонія. Это странно. Я его объ этомъ спрошу.

Графиня. Когда?

Леонія. Сегодня, вечеромъ, во время контрданса. Вѣдь у насъ балъ и концертъ, по случаю вашихъ именинъ... я уже думала о вашей прическѣ. Превосходная камелія, которую я замѣтила въ теплицѣ, будетъ вамъ очень къ лицу!

Графиня. Кокетничать самой, это я повимаю... но заставлятъ кокетничать тетку.

Леонія. Это очень натурально... Для меня, вы тоже, что и я

сама ; когда васъ хвалятъ, что часто случается, я всегда весела ! О какъ я была рада, когда матушка позволила мнѣ провести съ вами цѣлый мѣсяцъ... мнѣ кажется, если я только буду смотреть на васъ, то уже сдѣлаюсь совершенною... Вы емѣетесь ? развѣ я не такъ выразилась ?

Графиня. Нѣтъ, милый другъ, нѣтъ. Это говорило твое сердце. Я улыбнулась твоимъ мечтаніямъ, твоей откровенности... ты просто признаешься мнѣ въ любви.

Леонія. Но если это правда ! Дома надо мной часто смѣялись и говорили : «ужь когда Леонія сказала *тетушка*, такъ тутъ значить все кончено ! «Они правы... ваши манеры, ваши наряды мнѣ всегда кажутся лучше, чѣмъ у другихъ.... Говорятъ даже, что я подражаю вашей походкѣ, вашимъ жестамъ...» Такъ что же ? Это оттого, что они прекрасны. Знаете ли, когда вы меня цѣлуете и называете *милой дочерью*, я почти также счастлива, какъ-бы слышала эти слова отъ моей матери.

Графиня (*цѣлуя ее*). Полно ! полно ! не надо меня такъ баловать, а то я черезчуръ огорчусь, когда ты уѣдешь ; ты унесешь съ собою мою молодость !

Леонія. Но вы и безъ меня еще очень молоды, тетушка.

Графиня. Да... молода... отгадай, сколько мнѣ лѣтъ ?

Леонія. Не знаю !

Графиня. Я тебѣ помогу : тридцать....

Леонія. Тридцать....

Графиня. Ну !...

Леонія. Тридцать-одинъ....

Графиня. Съ прибавкой : тридцать-три ! да, тридцать-три ! прошлаго года мнѣ было только тридцать-два, а теперь, увы,, цифра выросла ! Ну, что, тетушка твоя порядочная старушка ?

Леонія. Старушка !.. Да я всякое утро молюсь, чтобъ походить на эту старушку !

Графиня. Это нелѣпо ; но все равно, мнѣ это пріятно... Ну моя ученица, посмотримъ, что ты нарисовала нынче утромъ.... я общала твой матери заставлять тебя работать.

Леонія. Я для этого и, пришла сюда и, отгадайте, кого я увидѣла передъ вашимъ портретомъ ?

Графиня. Кого ?

Леонія. Карла.

Графиня. Ну ?...

Леонія. Вообразите, онъ разсуждалъ : «Это превосходно ! какая тонкость, какая грація !»

Графиня. И ты за это такъ разсердилась?

Леонія. Конечно.... Развѣ слуга смѣетъ разсуждать о живописи?

Графиня. О! ты маленькая маркиза!

Леонія. Это еще не все! представьте себѣ: онъ поетъ!

Графиня. Чтожъ, если ему весело.... Развѣ Богъ запретилъ ему пѣть, какъ и тебѣ и мнѣ?

Леонія. Но знаете-ли, что онъ поетъ хорошо?... Это-то меня и бѣситъ.

Графиня. А! а! расскажи, пожалуйста, гдѣ-же ты его слышала?

Леонія. Вчера я прогуливалась въ паркѣ; вдругъ слышу голосъ, который поетъ первыя строфы аріи Чимарозы; голосъ прекрасный, метода превосходная.... Я думала, что это какой-нибудь оперный пѣвецъ.... подхожу, и что-же я вижу? — Карла.

Графиня. Въ самомъ дѣлѣ?

Леонія. Вы смѣтаетесь, тетушка, а я такъ сержусь, сама не знаю почему.... это меня бѣситъ. Какъ-же послѣ этого различить благороднаго человѣка отъ лакея, если у обоихъ изящныя манеры и приличная варужность? Замѣтите, тетушка, какъ онъ сложенъ и когда служитъ вамъ или предлагаетъ фрукты, то всегда въ такихъ отборныхъ выраженіяхъ и какимъ-то тономъ равенства; это меня просто выводитъ изъ себя — это дерзость. Какъ онъ смѣетъ выражаться такъ же, какъ его господа, это значитъ не уважать насъ; не имѣть должнаго почтенія.... (*Съ нетерпѣніемъ.*) Словомъ, тетушка, я не знаю, какъ выразить то, что чувствую, но только, не смотря на мою снисходительность къ другимъ, я питаю какую-то ненависть къ этому дерзкому лакею, и еслибъ я имѣла власть, онъ не остался-бы здѣсь ни минуты.

Графиня (*весело*). О-го, какъ строго! однако прежде, чѣмъ его выгнать, надо его выслушать.... (*Звонитъ.*)

Леонія. Вы звоните для этого, тетушка?

Графиня. Да. (*Входитъ слуга.*) Карлъ здѣсь?

Слуга. Здѣсь, сударыня.

Графиня. Позови его! (*Слуга уходитъ.*)

Леонія. Но .. чтожъ вы ему скажете, тетушка?

Графиня. Будь покойна!

Леонія. Я не хочу, чтобъ онъ думалъ, что черезъ меня получаетъ выговоръ!

Графиня (*весело*). Почему же? Вѣдь ты находишь же, что онъ дерзокъ?

IV.

ТЪ ЖЕ И КАРЛЪ.

Карлъ. Вы меня изволили звать?

Графиня. Да... подожди; ты меня принуждаешь сдѣлать тебѣ выговоръ. Какъ ты могъ себѣ позволить....

Леонія (*тихо графинь*). Вѣдь онъ не зналъ, что я была тамъ.

Графиня (*Леоніи*). Все равно. (*Карлу*.) Какъ ты могъ себѣ позволить сказать про мой портретъ, работы моей племянницы, что онъ прекрасенъ?....

Карлъ. Я сказалъ только, что онъ похожъ на васъ, какъ двѣ капли воды.

Графиня. Все равно, это не твое дѣло. Хвалить—значить судить; ты можешь судить только о равныхъ себѣ.

Карлъ. Простите, если я причинилъ вамъ этимъ неудовольствіе. Впередъ я буду только думать о томъ, что говорилъ.

Графиня. Хорошо.....

Леонія (*всторону*). Напротивъ, худо. Вотъ еще одинъ изъ тѣхъ отвѣтовъ, которые меня бѣсятъ.

Графиня (*Карлу*). Приготовилъ-ли ты лошадь моего брата?

Карлъ. Она у подѣзда.

Графиня. Ну, Леонія, погода прекрасная, надѣнь амазонское платье и попробуй маленькую лошадь въ паркѣ.

Леонія. Съ вами, тетушка?

Графиня. Нѣтъ, съ моимъ братомъ... и съ Карломъ.

Леонія. Но....

Графиня. Онъ хорошій наѣздникъ и его ловкость успокоиваетъ меня на твой счетъ.

Леонія. Иду, тетушка! (*Уходя*.) Я его просто ненавижу.

V

КАРЛЪ, ГРАФИНЯ.

Графиня. Ну, шалунъ, такъ вы никогда не будете разсудительны?

Генрихъ. Браните меня, браните какъ можно больше, вы браните такъ очаровательно.

Графиня. Вы меня не обезоружите вашей лестью!... Вы безпрестанно подвергаетесь опасности; того и гляди, что васъ откроютъ, или Леонія или кто-нибудь изъ моихъ людей.... Пѣть въ паркѣ арию Чимарозы и, въ добавокъ, еще пѣть прекрасно!..

Генрихъ. Немудрено: я припоминалъ, какъ вы ее пѣли.

Графиня. Молчите!... Ваша лесть нестерпима.... неблагодарный!... Ужъ я не говорю о себѣ, а вы знаете, что я люблю васъ, какъ сестра.... но вспомните о вашей бѣдной матери.....

Карлъ. Вы правы!... Чтожъ я долженъ дѣлать?...

Графиня. Прежде всего отвѣчать, когда я зову *Карла* и не откликаться на имя *Генриха*.

Генрихъ. Извольте, я это запомню.

Графиня. Потомъ, не восхищаться рисунками моей племянницы, и не отвѣчать, какъ сейчасъ: «я буду только думать, о томъ, что говорилъ».... Лицемеръ!... Онъ не можетъ рѣшиться не быть свѣтскимъ человѣкомъ... Наконецъ, вы себя погубите если, не смотря на мои приказанія, будете ходить въ Лионъ, какъ сегодня утромъ.... Но знаете-ли вы, несчастный!.... дѣло идетъ о вашей жизни....

Генрихъ (*весело*). Ба!

Графиня. Надо бояться всего съ прибытіемъ барона де-Монришара.

Генрихъ. Барона де-Монришара?

Графиня. Да.... новаго префекта.... въ немъ товкость женщины и хитрость дипломата; притомъ онъ дѣятеленъ, неутомимъ.... и къ несчастію, онъ мнѣ обязанъ своимъ назначеніемъ!..

Генрихъ. Вамъ.... какъ, графиня, вы хлопотали о человѣкѣ, который двадцать лѣтъ былъ преданъ душею консульству и имперіи?

Графиня. Именно поэтому; онъ всегда преданъ настоящему правительству и служить еще лучше, для того, чтобъ забыть его услуги прошедшему.... И теперь онъ вѣрно захочетъ ознаменовать вступленіе свое въ должность какимъ-нибудь блестящимъ дѣломъ.

Генрихъ. Напримѣръ, разстрѣлять двухъ или трехъ беззащитныхъ бѣдняковъ....

Графиня. О, нѣтъ! Онъ не жестокъ, напротивъ, я знаю, что онъ даже просилъ о прощеніи заблудшихъ. Но онъ съ жаромъ предался идеѣ, открыть начальника бонапартистовъ. Онъ употребитъ противъ васъ все пружины своего ума; ваши при-

мѣты будутъ опубликованы и первый солдатъ можетъ васъ узнать.

Генрихъ. Ну — призываться ли вамъ? эти опасности и преслѣдованія забавляютъ меня, какъ романъ. Что можетъ быть веселѣе, какъ слышать свое имя на рынкахъ, покупать у разношниковъ свое осужденіе, разговаривать съ жандармомъ, который могъ бы взять меня: «А что, служивый, этотъ Генрихъ де-Флавиньоль еще не захваченъ?».... — Нѣтъ еще, видно головорѣзъ дорожитъ своей жизнью... «Скажите, пожалуйста, не знаете-ли его примѣть»....

Графиня. Вы меня заставляете трепетать!.... О мужчины! вы всегда тѣ же! Вамъ всегда дороже всего удовлетвореніе нашего тщеславія; но чтобъ васъ наказать, а можетъ быть и обрадовать.... вотъ вамъ письмо вашей матери.... наслаждайтесь слѣдами слезъ.... подумайте, что если вы будете казнены, она умретъ отъ отчаянія. Прибавьте, что если васъ арестуютъ у меня въ домѣ, я буду считать себя причиной вашей гибели и терзаться всю жизнь угрызеніями совѣсти.... Представьте себѣ все это.... это такъ драматично!.... такъ эффектно! такъ забавно; это настоящій романъ... О! подите! у васъ нѣтъ ни капли сердца!

Генрихъ. Простите!.... простите!.... я виноватъ!.... Да, когда существованіе наше внушаетъ столько сочувствія, оно должно быть для насъ священо; я буду остерегаться.... я буду беречь себя... для моей матери и для (*береть ее за руку*) моей сестры.

Графиня. Въ добрый часъ! Вотъ слово, которое миритъ меня съ вами.... Теперь, любезный братецъ, подумаемъ о вашей безопасности. Расскажите мнѣ въ подробности вашу опрометчивость, о которой пишетъ мнѣ ваша матушка.

Генрихъ. Извольте!... Вы знаете, что наша фамилія привязана къ монархіи, какъ и ваша, и потому мой отецъ не явился ко двору Наполеона въ тотъ день, когда мнѣ исполнилось 15 лѣтъ. Онъ сказалъ мнѣ: «сынъ мой, я далъ присягу королю и долженъ оставаться въ бездѣйствіи, но ты свободенъ.... всякій долженъ служить отечеству вѣрой и правдой, и потому ты вступишь въ военную службу». Я отвѣчалъ, записавшись на другой день въ солдаты; я сдѣлалъ кампаніи въ Россію и Германію. Это вамъ объясняетъ, почему я чувствую такую любовь къ императору и ко всему, что напоминаетъ его величіе, но клянусь вамъ, я никогда не былъ главою никакой партіи! Около мѣсяца тому назадъ, въ то самое время, когда открыли заговоръ капитана Леду, я пріѣхалъ въ Лионъ. Проходя по Белькурской площа-

ди, я увидѣлъ взводъ пѣхоты; прежде чѣмъ я успѣлъ распросить, что тутъ готовится, приблизилась карета, сопровождаемая конными карабинерами. Изъ этой кареты вышелъ сѣдой старикъ въ парадной формѣ, между двухъ солдатъ; приближаюсь къ нему узнаю — кого-же?... храброго графа Ламбера, моего стараго генерала, который на службѣ отечества получилъ болѣе двадцати ранъ; я зналъ его благородство, преданность отчизнѣ, его безкорыстіе и, представьте,—его хотѣли разжаловать.... Тогда, видя, какъ срывали съ него ордена, я внѣ себя бросился къ моему старому генералу и, подавая ему крестъ, полученный изъ его рукъ на полѣ битвы, вскричалъ: «да здравствуетъ императоръ!...»

Графиня. Безразсудный!

Генрихъ. Что изъ этого произошло, отгадать не трудно; меня схватили какъ главу бонапартистовъ, и бросили въ темницу. Я былъ-бы еще и теперь въ заключеніи или, лучше сказать, меня не было-бы совсѣмъ на свѣтѣ, еслибъ одинъ изъ тюремщиковъ, подкупленный вами, не далъ мнѣ средствъ убѣжать сюда.... къ роялисткѣ, моей непріятельницѣ.... Здѣсь я наслаждаюсь двойнымъ счастьемъ: во-первыхъ, быть спасеннымъ, и во-вторыхъ быть спасеннымъ вами. Вотъ вамъ все мое преступленіе.

Графиня. Скажите лучше, порывъ вашего благороднаго сердца; я и безъ этого твердо рѣшилась спасти васъ, но теперь.... О! пусть они отыщутъ васъ подлѣ меня!

VI.

ТЪ ЖЕ И ЛЕОНІА, въ амазонскомъ платьѣ.

Леонія. Вотъ и я, тетущка... хороша-ли я?

Графиня (*осматривая ее*). Прелесть!... только твой галстучекъ немного высокъ. (*Генриху*.) Карлъ, посмотри, готовъ-ли мой братъ! (*Генрихъ уходитъ*.) Кто тебѣ далъ эту прекрасную розу?

Леонія. Господинъ де-Гриньонъ.

Графиня. Я еще не видѣла сегодня нашего милаго гостя.

Леонія. Онъ идетъ сюда... я его оставила внизу, у подъѣзда, онъ въ восхищеніи отъ дядюшкиной лошади.

VII.

ТЪ ЖЕ И ГРИНЬОНЪ.

Гриньонъ (*въ глубинѣ сцены*). Какое прелестное животное! какой жаръ! какая бодрость! Какъ долженъ быть счастливъ тотъ, кто можетъ носиться на этомъ живомъ ураганѣ!

Графиня (*которая его слышитъ*). Любопытно, что она объ этомъ думаетъ!

Гриньонъ (*входитъ и кланяется*). А! mademoiselle!... графиня! мое почтеніе.

Графиня. Здравствуйте!... У васъ какая - то манія героизма, я сейчасъ слышала, какъ вы говорили о счастіи носиться на живомъ ураганѣ! Держу пари, что вы въ отчаяніи, что не можете взобраться на Буцефала.

Гриньонъ (*съ энтузіазмомъ*). Правда, графиня! правда... это такъ прекрасно... это... такъ... о!...

Графиня. Вы не находите втораго прилагательнаго... я вамъ услужу, прерывая васъ; вотъ вамъ журналы и письма!

Гриньонъ. Письма? ко мнѣ?

Графиня. Да, тамъ... на столѣ.

VIII.

ТЪ ЖЕ И ГЕНРИХЪ.

Генрихъ. Братецъ вашъ готовъ, сударыня....

Графиня (*Леоніи*). Я посмотрю, какъ сядешь на лошадь, (Гриньону, который хочетъ за ними идти) читайте ваше письмо, я сейчасъ возвращусь. Пойдемъ, Леонія. (*Уходитъ въ сопровожденіи Генриха.*)

IX.

ГРИНЬОНЪ, одинъ, слѣдуя за ними взглядами.

Какой демонъ вдохнулъ въ мое сердце безумную любовь къ этой женщинѣ! Она показала себя героиней въ Вандеи и ставитъ выше всего мужество. Чтобъ ей поправиться, я готовъ на всякое безстрашное дѣло; нѣтъ опасности, которой-бы я не подвергался.... мысленно. Когда я о ней думаю, ничто меня не устрашаетъ. Я рекетмейстеръ, становлюсь героемъ, хотя, по своей должности, вовсе не обязанъ имъ быть. Если я говорю ге-

рой, то разумѣется, по теоріи; къ несчастію, на практикѣ я совершенно не герой... Это непостижимо!.. отчего на практикѣ меня всегда пробираетъ дрожь... Эту тайну я могу объяснить только моимъ рожденіемъ, это врожденное чувство... Во мнѣ и мужество моей матери и благоразуміе отца... Глупцы, пожалуй скажутъ мнѣ на это: такъ оставайтесь всегда сыномъ вашего отца и избѣгайте опасностей. (*Съ гильвомъ.*) Но развѣ я могу, милостивые государи? Развѣ мнѣ это позволить моя мать? Едва только покажется на горизонтѣ какой-нибудь случай къ героизму, какой-то демонъ срываетъ у меня съ языка компрометирующія слова, моя храбрая половина воспламѣняется и готова броситься на встрѣчу опасности, а чуть опасность поближе, я сейчасъ на попятный дворъ,—и вѣдь совершенно невольно... это родительское благоразуміе. Это ужасно!.. быть храбымъ и вервическимъ въ то-же время, и къ довершевію зла, еще влюбленъ, какъ дуракъ; но эта женщина, которая меня оживляетъ, приводитъ въ восторгъ до того отважна, что и меня заставитъ совершить какой-нибудь подвигъ, какую-нибудь глупость... До сихъ поръ я отдѣлывался словами, но это не можетъ долго продолжаться... и тогда я буду отвергнутъ... презрѣнъ ею. (*Съ рѣшимостью.*) Нѣтъ другаго средства избѣжать катастрофы, надо непременно на ней жениться. Женясь—я отецъ семейства: отецъ имѣетъ право быть благоразумно-храбымъ... что я говорю?... право!.. Это его долгъ!.. отецъ семейства имѣетъ обязанности относительно жены и дѣтей. Какой-нибудь повѣса вздумаетъ оскорбить меня—я не имѣю права его вызвать... я отецъ семейства!.. Пусть будутъ наводненіе, пожаръ, язва... я спасусь... я отецъ семейства. Только надо поспѣшить имъ сдѣлаться. Да какъ? (*Садится на лѣво у стола и пишетъ.*) Рискну объяснить ей въ любви, употреблю выраженія самыя пламенныя, страстныя... положимъ это письмо здѣсь... подъ зеркало... она его увидитъ... она его прочтетъ... буду надѣяться!

X.

ТЪ ЖЕ, ГРАФИНЯ, поддерживая Леонію, входитъ изъ средней двери.

Графиня (*въ кулисы*). Луи! Жозефъ!..

Гриньонъ. Она зоветъ! (*Идетъ къ графини и помогаетъ ей поддерживать Леонію; они вдвоемъ кладутъ ее на канapé.*) Что случилось?..

Графиня. Маленькое несчастіе; но она начинаетъ приходить въ чувство.

Гриньонъ. Она не ранена?...

Графиня. Благодаря Бога, нѣтъ, но я боюсь сильнаго потрясенья и испуга. Сдѣлайте одолженіе, позвоните.

Гриньонъ. Что вамъ угодно приказать?

Графиня. Надо поскорѣе послать въ городъ за медикомъ.

Гриньонъ. Я сейчасъ самъ привезу его.

Графиня. Покорно благодарю, вы такъ добры!

Гриньонъ (*всторону*). Лучше не быть мнѣ здѣсь, когда она будетъ читать мое письмо. (*Громко.*) До свиданія. (*Уходитъ.*)

XI.

ГРАФИНЯ, ЛЕОНІЯ, сядя.

Леонія (*еще въ безпамятствѣ*). Тетушка!... тетушка! еслибъ вы знали.... Я не могу еще и теперь опомниться.... Я была такъ сердита.... то есть, такъ неблагодарна!... Этотъ бѣдный молодой человекъ, которому я одолжена жизнью!...

Графиня. Что это значитъ?

Леонія. Это случилось такъ удивительно, или скорѣе такъ счастливо!... Вообразите, тетушка, что Карлъ (*приходя въ себя*) нѣтъ, Генрихъ — нѣтъ... я сказала такъ.... Карлъ.... этотъ бѣдный Карлъ....

Графиня (*живо*). Какъ! ты все знаешь?

Леонія (*съ радостью*). Все, все, тетенька.

Графиня (*съ ужасомъ*). Боже мой!...

Леонія (*живо, вставая съ канapé*). Но я буду молчать, клянусь вамъ, я буду молчать.... я вамъ помогу скрыть его.... я къ этому принуждена сегодня благодарностью....

Графиня (*съ нетерпѣніемъ*). Но все это не объясняетъ мнѣ ничего....

Леонія (*съ радостью*). Правда.... мнѣ кажется, что объ этомъ должвы знать всѣ.... не только мы двое.... Мы съ дядюшкой пустились въ галопъ, вдругъ его лошадь чего-то испугалась и понеслась въ лѣсъ, моя за нею.... въ чащѣ лѣса платье мое зацѣпилось за сукъ, я непременно слетѣла-бы съ сѣдла и вѣрно влачила бы по землѣ, еслибъ не Карлъ.... онъ быстро соскакиваетъ съ сѣдла, смѣло бросается впередъ, одною рукою схватываетъ мою лошадь за удило, а другой снимаетъ меня съ сѣдла и сажаетъ почти безъ чувствъ на траву.

РАФИИЯ. Смѣлый молодой человекъ!

ЛЕОНИА. И не смотря на то, я разсердилась....

ГРАФИИЯ. За то, что ему угодно было спасти тебя?...

ЛЕОНИА. Нѣтъ, но спасая меня, онъ оказалъ неуваженіе!... Вообразите, онъ схватилъ мои руки и началъ ихъ согрѣвать.... давалъ мнѣ нюхать флаконъ съ спиртомъ.... развѣ слуга долженъ имѣть при себѣ флаконы?... сверхъ того, онъ безпрестанно повторялъ, какъ будто равной себѣ: бѣдное дитя!... Я не могла ему отвѣчать, потому что была испугана; но внутренно я кипѣла гнѣвомъ. Когда-же открыла глаза и увидѣла его у ногъ моихъ, почти такого-же блѣднаго, какъ я сама, когда онъ протянулъ мнѣ руку, говоря: что легче ли вамъ? Успокоились ли вы хоть немножко? тогда я вышла изъ границъ и ударила хлыстомъ по протянутой рукѣ... потомъ я заплакала.... сама не знаю почему....

ГРАФИИЯ (*начиная беспокоиться*). Ну, потомъ?

ЛЕОНИА. Потомъ?... Судите о моемъ удивленіи, объ моей радости, когда я увидѣла, что онъ всталъ съ улыбкою и, снявъ граціозно шляпу, сказалъ мнѣ, кланаясь: Чтобъ ваша справедливая гордость не возмущалась болѣе отъ моей дерзости—позвольте вамъ сказать, сударыня, что я не Карлъ, но Генрихъ де-Флавиньоль, преслѣдуемый бѣглець.

ГРАФИИЯ. Несчастный! онъ погибъ!

ЛЕОНИА. Погибъ? Не оттого-ли, что довѣрилъ мнѣ свою тайну?

ГРАФИИЯ. Но кто меня увѣритъ, что ты ее сохранишь?

ЛЕОНИА. Вы думаете, что мое сердце способно ему измѣнить?

ГРАФИИЯ. Измѣнить! сохрани меня Боже отъ такого подозрѣнія! но твоя доброта, самыя твои опасенія могутъ ему измѣнить!

ЛЕОНИА (*съ усиліемъ*)! Ахъ! не бойтесь ничего.... я буду тверда... дѣло идетъ о немъ!

ГРАФИИЯ (*живо*). О немъ!

ЛЕОНИА. Простите меня, тетюшка!... Я не могу долѣе отъ васъ скрывать своихъ чувствъ.... да и не зачѣмъ: твердость и невыразимая радость совершенно наполняютъ мое сердце: я была такъ несчастна въ теченіе пятнадцати дней!... не могла или, лучше сказать, не смѣла объяснить себѣ свой гнѣвъ и стыдъ; я чувствовала, что стремлюсь къ пропасти, и между-тѣмъ не имѣла силъ остановиться.

ГРАФИИЯ (*съ сильнымъ беспокойствомъ*). Что ты говоришь?

ЛЕОНИА. Я понимаю теперь все.... Если я сердилась на него.... в на себя, такъ это потому, что его любила!...

ГРАФИИЯ (*съ движеніемъ*). Вы его любите!...

Леонія. Что-же тутъ дурнаго?

Графиня (*холодно*). Ничего! ничего!... вы его любите!...

Леонія. Вы, кажется, сердитесь на меня, милая тетушка?

Графиня (*холодно*). Сержусь!... я... нисколько! И за что мнѣ сердиться?

Леонія. Не знаю!... можетъ быть, за мою позднюю довѣренность... я вамъ сказала бы объ этомъ раньше, еслибъ сама прежде знала мою любовь.

Графиня. Кто васъ упрекаетъ за недовѣрчивость?... Оставьте меня... я хочу быть одна!..

Леонія (*съ горестью*). О! нѣтъ... вы на меня сердитесь!...

Графиня (*съ нетерпѣливостію*). Я, кажется, довольно ясно сказала вамъ, что нѣтъ.

Леонія. Вы никогда такъ со мной не говорили! Вы мнѣ не говорите даже — ты!

Графиня (*съ жаромъ*). Ты плачешь?... Прости меня, другъ мой! Если я тебя, можетъ быть, огорчила, такъ это потому, что я сама огорчена... я страдала. О! жестоко!... я еще и теперь страдаю... (Оставь меня на минуту, прошу тебя. *Смотритъ на Леонію, потомъ живо цѣлуетъ ее.*) Иди-же!... иди!...

Леонія (*уходя*). Ну, если такъ, я по-крайней-мѣрѣ спокойна. Уходитъ.)

ХII.

Графиня (*одна*). Она его любить!... почему-же ей не любить его? Развѣ она не также молода, какъ онъ? развѣ она не также благородна и богата, какъ онъ? Отчего же я такъ страдаю отъ этой мысли? почему, когда она мнѣ говорила объ этомъ, я почувствовала невольную досаду и отвращеніе... нѣтъ, это невозможно! Развѣ я не бодрствовала надъ нимъ въ теченіе пятнадцати дней, какъ сестра? развѣ я не говорила съ нимъ, какъ мать? Не благодарилъ-ли онъ онъ меня еще сегодня поутру, называя сестрою?... Ахъ нѣтъ... чувствую: я заблуждалась... этотъ материнскій языкъ былъ хитростью моего сердца для собственнаго обмана... Въ ложныхъ именахъ сестры или матери, я искала предлога не скрывать моей нѣжности къ нему!... нѣтъ! Это была не привязанность дружбы, не родственная преданность... это была любовь! я люблю!... (*Съ ужасомъ.*) Я люблю!... а моя соперница— дитя моего сердца, гений прелести и доброты!... (*Обращаясь къ себѣ.*) О! и я еще могу колебаться! Нѣтъ, я затаю въ сердцѣ

страсть свою, я задушу ее!... (*Посль минутнаго молчанія.*) Не могу! съ тѣхъ поръ какъ этотъ скрытый огонь блеснулъ предъ моими глазами, съ тѣхъ поръ, какъ я призналась самой себѣ въ этой любви, она растетъ отъ всякой думы, отъ всякаго слова... я предаюсь ей, какъ волнѣ. (*Съ рѣшимостью.*) Но къ чему бороться? Правда, Леонія любить Генриха... Но онъ? онъ ее еще не любитъ; еслибы онъ любилъ, онъ-бы ей признался. Она сказала-бы мнѣ. (*Съ радостью.*) Нѣтъ, нѣтъ! онъ не любитъ ее. Онъ свободенъ... ну, такъ пусть-же выбираетъ между нами! Правда, она такъ мила, прекрасна... что-же? говорятъ, что я еще не дурна... Пусть онъ рѣшитъ... (*Съ грустью.*) Бѣдное дитя!... она его такъ любитъ... какъ ребенокъ любитъ игрушку, какъ любятъ въ шестнадцать лѣтъ—передъ ней цѣлая будущность; въ эти лѣта, сердце довольно богато, чтобъ залечить свою рану, чтобъ утѣшиться и возродиться... но любовь въ тридцать лѣтъ... о! это цѣлая жизнь... И такъ, надо съ ней бороться... поборемся!... но безъ хитрости и женскаго коварства... нѣтъ, сразимся преданностью, дарам ума и красоты; говорятъ, что я умна; воспользуюсь своимъ умомъ... А Леонія, съ своими шестнадцатью годами, чѣмъ защитится?... И если я восторжествую теперь... то ручаюсь за будущее... я сдѣлаю Генриха до того счастливымъ, что его счастье поглотитъ мое. (*Посль минутнаго молчанія.*) Но вопросъ: одержу ли я побѣду? въ силахъ-ли я бороться?... Кто меня увѣритъ въ этомъ? Когда мы знатны, богаты, счастливы, никто изъ окружающихъ не скажетъ намъ правду... (*Беретъ со стола зеркало.*) Моя рука дрожить... нѣтъ, это не волненіе кокетства, а сердце заставляетъ меня дрожать... нечего смотрѣться... никогда я ни найду себя такою, какою я бы хотѣла быть. (*Посль многовѣнной нерѣшимости смотрится въ зеркало, улыбается и говоритъ.*) Да... но это предательское стекло обманчиво, оно обмануло ужъ столько другихъ. (*Ставитъ зеркало на столъ и замѣчаетъ письмо Гриньона.*) Это что за письмо? Графинѣ д'Отревалъ... (*смотритъ подпись*) отъ Гриньона!—Прочтемъ... (*Открываетъ письмо; въ это время въ глубинѣ сцены показывается Гриньонъ.*)

— XIII.

ГРАФИНЯ, ГРИНЬОНЪ.

Гриньонъ (*въ глубинѣ*). Она читаетъ мое письмо!

Графиня (*читая*). Возможно-ли!

Гриньонъ (*въ глубинѣ*). Она, кажется, не сердится!

Графиня (*продолжая читать*). Да... да... это языкъ истинной любви... выраженіе страсти... это лепетъ сердца!

Гриньонъ (*всторону*). Что-то она скажетъ!

Графиня (*продолжая*). Онъ меня любить... значитъ, меня еще можно любить!... Онъ проситъ моей руки... такъ еще можно на мнѣ жениться!...

Гриньонъ (*приближаясь*). А! была ни была!... рикну! (*Дѣлаетъ шагъ и кашляетъ*.)

Графиня (*оборачиваясь и замѣтя его*). Вы писали это письмо?

Гриньонъ (*сконфузясь*). Это письмо... это самое... (*Всторону*). Вотъ тебѣ и разъ!

Графиня (*живо*). Огвѣчайте!... вы-ли?...

Гриньонъ. Да, это я!

Графиня. И это точное выраженіе вашихъ чувствъ?

Гриньонъ. Совершенное!

Графиня. Такъ вы меня любите?... просите моей руки?...

Гриньонъ. Да, я осмѣлился... почему-же нѣтъ?

Графиня. Вамъ двадцать-пять лѣтъ.

Гриньонъ. Что за дѣло до лѣтъ! все что я знаю и могу сказать, это то, что вы молоды и прекрасны—и я васъ люблю до безумія.

Графиня (*съ радостью*). Вы меня любите?...

Гриньонъ. И вы не сердитесь, прощаете меня....

Графиня (*съ радостью*). На васъ сердиться!... Вы истинный другъ мой... Такъ это рѣшено, вы меня точно любите? находите прекрасной?... Ахъ, никогда эти слова не были мнѣ такъ пріятны такъ дороги... и еслибъ вы знали... еслибъ я могла вамъ высказать...

Гриньонъ. Ахъ! я не требую такъ много! Чтобъ свести меня съ ума, довольно того восторга, жара, волненія, которыя я чувствую, когда васъ вижу!... (*Направо слышенъ шумъ оркестра*.)

Графиня. Это что такое?

Гриньонъ. Ахъ, Боже-мой!... чуть было я не забылъ... это сюрпризъ... въ день вашего ангела.

Графиня. Мои именины... я и забыла о нихъ....

Гриньонъ. Но за то мы объ нихъ думали: я и ваша племянница... Тамъ, въ большой залъ, собрались всѣ ваши друзья, сосѣди, все ваши люди.

Графиня. Мои люди!

Гриньонъ. Да, мы устроили сельскій балъ и концертъ.

Графиня. Балъ! концертъ! (*Всторону*.) Онъ вѣрно будетъ

тамъ. (*Громко.*) Благодарю, мой другъ, благодарю! пойдемъ танцовать....

Гриньонъ. Если позволите....

Графиня. Будемъ пѣть....

Гриньонъ. Да еще какъ!

Графиня. Для нихъ!... съ ними!...

Гриньонъ. Да, да — пусть всѣ видятъ, слышатъ....

Графиня (*всторону*). Онъ будетъ тамъ, онъ насъ услышитъ.... онъ насъ разсудитъ.... (*Громко.*) Пойдемъ, мой другъ, я такъ счастлива...

Гриньонъ. А ужъ я-то какъ.... о!

Графиня. Идемъ, идемъ! (*Уходятъ направо.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(*Та-же комната.*)

I.

ГРИНЬОНЪ, входитъ изъ дверей на право, потомъ МОНРИШАРЪ, изъ глубины.

Гриньонъ. Странное дѣло!... послѣ своего признанія, она на меня больше не глядитъ!... А между тѣмъ, когда я припоминаю себѣ ея смущеніе, ея физіономію, все мнѣ говоритъ, что я люблю... все, кромѣ ея самой! А! вѣрно ей мало трогательныхъ писемъ и страстныхъ словъ, ей нужны вещественныя доказательства.... дѣла. (*Прохаживается по театру и видитъ Монришара, который входитъ, предшествуемый драгунскимъ унтеръ-офицеромъ.*) Это кто такой?

Монришаръ (*обращаясь къ драгуну*). Чтобъ мои приказанія были строго исполнены! Слышишь! ничего больше, ничего меньше!... Поймаешь?

Драгунъ (*отдавая честь*). Слушаю, господинъ префектъ. (*Уходитъ*).

Монришаръ (*приближался и кланялся Гриньону*). Смѣю спросить, графиня д'Отреваль?

Гриньонъ. Она въ залѣ, принимаетъ поздравленія отъ своихъ друзей, сегодня ей именины.... Но какъ скоро она узнаетъ, что господинъ префектъ департамента....

Монришаръ. А, такъ вы меня знаете?

Гриньонъ. Я сейчасъ слышалъ, какъ васъ назвали (*дѣлаешь нѣсколько шаговъ къ залѣ*) и спѣшу....

Монришаръ. Сдѣлайте одолженіе, не безпокойтесь! мнѣ некуда торопиться! Когда приносишь дурныя новости....

Гриньонъ. Какъ! Что это значить?

Монришаръ. Я давно знаю графиню, она всегда была ко мнѣ благосклонна и еще недавно я узналъ отъ министра, что она говорила въ мою пользу....

Гриньонъ. Она довольно сильна при дворѣ! Я согласенъ, что для васъ было-бы тягостно.... привести ей дурную новость.

Монришаръ (*холодно*). Не одну, а нѣсколько.

Гриньонъ (*устрашенный*). Какія - же?

Монришаръ. Какія?... прежде всего я долженъ ей сообщить, что одна изъ ея фермъ горитъ.

Гриньонъ. Горить! Вы въ этомъ увѣрены?

Монришаръ. Мы замѣтили пламя, проходя по большой дорогѣ, и какъ я, по важнымъ причинамъ, не могъ никого послать изъ людей моего отряда....

Гриньонъ. А! по важнымъ причинамъ?

Монришаръ. Да, по очень важнымъ! то я и отправилъ на ферму всѣхъ крестьянъ, которые мнѣ попались, приказавъ поскорѣе увѣдомить меня о положеніи пожара.

Гриньонъ (*всторону*). Пожаръ! Какой прекрасный случай для геройскаго дѣла!... если я туда пойду.... непременно отличусь! Какой эффектъ произведетъ это на графиню: она спроситъ, гдѣ господиномъ Гриньонъ, и ей скажутъ: онъ бросился для васъ въ огонь! (*Монришару*.) Скажите, далеко отсюда эта ферма?

Монришаръ. Едва ли четверть мили, и еслибъ можно было послать туда пожарную трубу....

Гриньонъ (*съ жаромъ*). Трубу? Я самъ схожу за ней, до города недалеко, и я бѣгу....

Монришаръ. Прекрасно! Но можетъ быть, безъ приказанія отъ меня, вамъ не повѣрятъ, и если вы позволите....

Гриньонъ. Сдѣлайте одолженіе. (*Монришаръ садится, на лѣво къ столу и ищетъ на чемъ-бы писать; не найдя, вынимаетъ изъ кармана записную книжку и пишетъ карандашомъ.*)

Гриньонъ (*ходитъ въ продолженіе этого времени съ одушевленіемъ*). Что можетъ быть лучше роли спасителя отъ огня! Идти по пылающимъ перекладинамъ, исчезать въ клубахъ дыма въ страшную минуту, когда кровля трещитъ, готова обрушиться.... видѣть въ окнѣ старика или женщину, протягивающихъ руки,

воскликая : спасите меня ! спасите меня ! Тогда броситесь среди криковъ толпы : куда вы ! вы идете на явную гибель !... Что за дѣло !... Это вѣрная смерть !... Это храбро, благородно ! (*Обращаясь къ Монришару.*) Скажите, у фермера есть дѣти ?

Монришаръ (*продолжая писать*). Кажется, трое.

Гриньонъ (*съ радостію*). Трое дѣтей... Какое счастье ! (*Монришару.*) И малолѣтныя ?

Монришаръ (*продолжая писать*). Да....

Гриньонъ (*всторону*). Тѣмъ лучше ! ихъ легче будетъ вынести !... О ! я воображаю, какъ приметъ меня графиня, когда я возвращусь, окруженный всеми людьми фермы... несомый на носилкахъ изъ вѣтвей... съ прогорѣвшимъ платьемъ, съ закопченнымъ лицомъ... Ахъ ! голова моя кружится... Давайте... давайте поскорѣе ваше позволеніе — я бѣгу !

Монришаръ. Чудесно ! (*Отдавая ему записку, всторону.*) Сколько жару въ этомъ молодомъ человѣкѣ !... (*Гриньону, который хочет удалиться.*) Сдѣлайте одолженіе, освѣдомьтесь кетати о бѣдномъ мальчикѣ съ фермы, мы видѣли, какъ его несли съ пожара равенаго.

Гриньонъ (*начиная трусить*). А !... а !... рененаго... но вѣрно не сильно ?

Монришаръ. Къ несчастію, вѣтъ !... У него опалено все лицо....

Гриньонъ. А !... опалено лицо !

Монришаръ. А главное, упавшая головня переломила ему три ребра.

Гриньонъ. Три ребра !... И это оттого, что онъ хотѣлъ помочь ?

Монришаръ. Да. Однако торонитесь... каждая минута дорога.

Гриньонъ (*оставаясь на мѣсть*). Да... да я сейчасъ велю моему человѣку осѣдлать лошадь, и скакать сломя голову ! Знаете, онъ скоро доставитъ письмо и духомъ все устроить. (*Въ это время входитъ драгунскій унтеръ офицеръ.*)

Драгунъ (*обращаясь къ Монришару*). Господинъ префектъ, сейчасъ прискакалъ нарочный : пожаръ потушенъ.

Монришаръ. Ну, слава Богу !

Гриньонъ (*живо*). Потушенъ !... Какая досада ! въ ту самую минуту, когда я туда отправлялся... (*Монришару.*) потому что я туда шелъ, вы сами видѣли, что я шелъ.

Драгунъ. Люди вездѣ разставлены, какъ приказано. Но офицеръ открылъ новые слѣды и желаетъ сообщить вамъ объ этомъ.

Монришаръ (*всторону*). Хорошо... я сейчасъ-же все разсмотрю. (*Громко Гриньону*.) Сдѣлайте одолженіе, не говорите графинѣ о моемъ посѣщеніи, непредвидѣнный долгъ службы при вуждаетъ меня удалиться; но я тотчасъ возвращусь. (*Уходитъ съ драгуномъ*.)

Гриньонъ (*прогуливается, съ одушевленіемъ*). Какая досада!.. Такого случая не скоро дождешься!.. Пожаръ, затушенный въ минуту моего прибытія — героизмъ безъ опасности! Ускользнуло жъ изъ подъ носу! Вотъ и графиня! Также задумчива, какъ и утромъ... не обо мнѣ-же она мечтаетъ. (*Приближаясь къ ней*.) Графиня....

—
II.

ГРИНЬОНЪ, ГРАФИНЯ, входитъ изъ дверей на право.

Графиня (*разстроенная*). А! это вы, любезный другъ!

Гриньонъ (*всторону*). Каково! она сказала любезный другъ!

Графиня (*съ занятымъ видомъ и смотря въ залу*). Почему-же вы не въ бальной залѣ? Тамъ все кипитъ, балъ въ разгарѣ.

Гриньонъ. Я былъ здѣсь, и занимался вашими интересами... одна изъ вашихъ фермъ загорѣлась, но, къ моему несчастію, пожаръ ужъ потушенъ...

Графиня (*разстроенная*). Къ несчастію?

Гриньонъ (*съ жаромъ*). Да. Я былъ такъ счастливъ, видя возможность порисковать для васъ жизнию! Потому-что, знаете! я васъ люблю болѣе самого себя, болѣе моей жизни.

Графиня (*по прежнему задумчиво, но смѣется*). Это много!

Гриньонъ. Такъ вы сомнѣваетесь?

Графиня. Я вѣрю, что вы меня любите; но чтобъ вы любили меня больше жизни, не вѣрю! — Вы даже не пришли въ залу, когда я пѣла.

Гриньонъ (*въ энтузіазмъ*). Извините! я тамъ былъ! Я слышалъ вашъ удивительный дуэтъ съ вашей племянницей... Какой онъ произвелъ всеобщій восторгъ! даже ваши люди были увлечены... особенно вашъ новый слуга.

Графиня (*живо*). Карлъ?

Гриньонъ. Да, Карлъ... кажется, его такъ зовутъ... онъ кричалъ *браво!* громче меня...

Графиня (*съ нѣжностью*). Ахъ, добрый другъ мой! а я васъ обвиняла!... О, теперь я очень довольна.

Гриньонъ (*всторону*). Я ее привелъ въ то же самое положеніе, какъ сегодня утромъ.

Графиня. И такъ, вы и Карлъ мнѣ аплодировали?

Гриньонъ (*замѣтя Карла, который выходитъ*). Конечно... да вотъ и онъ.... Спросите: онъ вамъ самъ скажетъ.

Графиня (*всторону*). Онь! (*живо Гриньону*.) Мой другъ, я была виновата передъ вами.... и хочу загладить мою вину: подождите меня въ залѣ и мы вмѣстѣ танцуемъ слѣдующій кадрилъ.

Гриньонъ (*въ упоеніи*). О, какое счастье.... Я бѣгу. (*Уходя направо*.) Дѣло идетъ на ладъ! Ай, да я! Каково обработалъ!

—

III.

ГРАФИНЯ, ПОТОМЪ ГЕНРИХЪ.

Генрихъ. Наконецъ я нашелъ васъ, графиня, я искалъ васъ вездѣ....

Графиня (*тронутая*). Зачѣмъ же, Генрихъ?

Генрихъ (*съ восхищеніемъ*). Зачѣмъ? за тѣмъ, чтобъ вамъ высказать все, что у меня на душѣ, высказать, если только пайду слова, чтобъ выразить все, что я чувствовалъ.... Никто, никогда не видалъ того, что я сейчасъ видѣлъ, никто не слышалъ того, что я сейчасъ слышалъ!...

Графиня (*улыбаясь*). Боже мой! какой восторгъ! отчего это?

Генрихъ. Отчего? Отъ васъ и отъ нея.

Графиня. Какъ?

Генрихъ. Она и вы! я не могу васъ раздѣлить въ моихъ мысляхъ! вы обѣ показались мнѣ какъ-бы слитыя вмѣстѣ.... какъ двѣ сестры.

Графиня (*смѣясь*). Или какъ двѣ росы на одномъ стеблѣ... или какъ двѣ звѣзды одного созвѣздія... Но между-тѣмъ, вы нашли, что младшая роза была посвѣжѣе, покрасивѣе?

Генрихъ. Какъ бы вамъ сказать... я не знаю самъ; ни одна изъ нихъ не казалась мнѣ прекраснѣе другой.... но обѣ увеличивали взаимно свою красоту! Чистое, невинное личико младшей выставляло еще поразительнѣе поэтическое и блестящее лицо старшей!.. Вы улыбаетесь? Что же будетъ, если я вамъ расскажу мои впечатлѣнія во время вашего дуэта?...

Графиня (*весело*). Рассказывайте... рассказывайте... мнѣ интересно узнать, какъ вы выпутаетесь изъ этого положенія.

Генрихъ (*весело*). Я изъ него не вышель-бы никогда. Столько въ немъ прелести и поэзи.

Графиня. Это оригинально!

Генрихъ. Благодаря моей счастливой ливреѣ, я смѣшался съ вашей прислугою. Вы начали, но едва раздались ваши первые ноты, едва вашъ прекрасный, трогательный голосъ началъ это удивительное кантабиле, какъ слезы показались на всѣхъ глазахъ....

Графиня. Берегитесь!... вы измѣняете второй звѣздѣ.

Генрихъ. Ваши насмѣшки меня не останавливать.... Эти грубыя души разбѣжились и таяли, слушая васъ, они не отдавали себѣ отчета ни въ чемъ, а между-тѣмъ повнимали все!...

Графиня. А Леонія?

Генрихъ. Она показалась въ свою очередь.... и признаюсь когда она начала пѣть, я почувствовалъ состраданіе къ ней.... Бѣдвое дитя! — подумалъ я, — покажется неловкою и неопытною подлѣ такой мастерицы.

Графиня (*съ большою живостью*). Ну, а оказалось?

Генрихъ. Оказалось, что я былъ правъ! Ея неопытность обнаруживалась въ каждой нотѣ, но я не знаю почему, а только эта самая неопытность имѣла какую-то неизъяснимую прелесть!

Графиня. А!...

Генрихъ. Никто не могъ удерживаться отъ улыбки, слыша этотъ дѣтскій голосъ послѣ вашего, а между-тѣмъ, самый этотъ контрастъ придавалъ ему какую-то наивность.... свѣжесть....

Графиня. Берегитесь!... теперь въ свою очередь блѣднѣетъ первая звѣзда....

Генрихъ (*съ жаромъ*). Пѣть!... пѣть!... потому что онѣ соединились! Когда начался дуэтъ и вашъ трогательный, страстный голосъ смѣшался съ ея скромнымъ и чистымъ.... о! тогда изъ этого смѣшенія произошло такое цѣлое, что сердце таяло, духъ замиралъ въ груди и на глаза просияли слезы; обѣ вы составили какъ бы одно существо, прекрасное.... совершенное, представляющее разомъ дѣвушку и женщину, подобно тому счастливому дереву, которое растетъ подъ небомъ Неаполя и приноситъ на одной и той же вѣтви цвѣты и плоды.

Графиня (*встѣрону*). Начинаю падѣяться!

Генрихъ (*вдругъ*). Ахъ Боже мой!

Графиня. Что такое?

Генрихъ. Я и забылъ, что обѣщаль танцовать контрдансъ.

Графиня. Съ кѣмъ?

Генрихъ. Съ вашей сосѣдкой, г-жей Сеули, визави съ вашей племянницей, и рядомъ съ вами....

Графиня (съ радостью). А!

Генрихъ. Къ счастью, оркестръ кажется еще не заигралъ.... и я бѣгу. (Генрихъ уходитъ направо, поцѣловавъ руку графини; Леонія тихо входитъ изъ глубины и приближается къ графини).

Леонія. Тетущка!...

Графиня. Я думала, что ты приглашена наэтотъ контрдансъ....

Леонія. Да, я танцую.

Графиня. Почему же ты не идешь въ залу?

Леонія. Я хотѣла прежде съ вами посоветоваться.

Графиня. О чемъ?

Леонія. Вотъ видите-ли, когда я пѣла, я замѣтила у него слезы на глазахъ.... это доброе начало, значитъ, я ему нравлюсь; не правда-ли, тетущка?

Графиня. Безъ сомнѣнiя.

Леонія. Онъ просилъ меня танцовать съ нимъ визави, но я боюсь разрушить успѣхъ моего пѣнiя и потому хочу отказаться отъ танцевъ.

Графиня. Это почему?

Леонія. Я такъ дурно танцую.... еще вчера вы говорили, что у меня руки болтаются и нѣтъ граціи въ плечахъ.

Графиня (съ откровенностью). И не смотря на это, ты все-таки прекрасна.

Леонія (живо). Право?

Графиня (въ забвенiи). Даже слишкомъ.

Леонія. Тѣмъ лучше! (Съ удовольствiемъ.) Такъ я пойду, и въ первый разъ, какъ буду съ нимъ танцовать, постараюсь быть половчѣе и пограціознѣе.

Графиня. Ну, что же ты не идешь?

Леонія. Я хочу попросить у васъ еще совѣта.... Душечка, тетущка, скажите, какъ-бы мнѣ ему повравиться? (Смотритъ около себя съ безпокойствомъ.) Научите, пока у насъ есть еще время....

Графиня (всторону). Мнѣ ее учить? ну, что-жъ, если и послѣ этого Генрихъ меня выберетъ, значитъ, онъ предпочитаетъ меня всѣмъ женщинамъ.

Леонія (вполголоса). Во-первыхъ, о прическѣ, какъ вы думаете, не приколоть-ли мнѣ на голову эти цвѣты? (Показывая на ожерелье.) Или пустить въ волоса эти жемчужныя витки?

Графиня (*живо*). Дитя! Лучшее украшеніе молодости — сама молодость! чтобы украсить шестнадцатилѣтнюю головку, надо снять съ нее все украшенія.

Леонія. Въ такомъ случаѣ, я ничего не надѣну на голову! благодарю васъ, тетушка.... Ахъ, вы такія добрыя.... такія милыя.... прощайте! (*Бѣжитъ къ двери и вдругъ останавливается.*) Ахъ! чуть было и не забыла.... Ну, а если онъ заговоритъ со мной во время тавцевъ, что мнѣ ему сказать? Я боюсь, чтобъ онъ не счелъ меня дурочкой.... Ахъ, тетушка, посоветуйте мнѣ, укажите мнѣ предметъ для разговора.

Графиня. Я!

Леонія. Вы такъ умны и вашъ разговоръ ему всегда такъ нравится.

Графиня (*живо*). Онъ тебѣ это говорилъ?

Леонія. Онъ хвалилъ васъ безъ умолку.... мнѣ кажется, если я перескажу ему, чему вы меня научите, это подѣйствуетъ.

Графиня (*всторону*). Что за странная мысль пришла ему въ голову?

Леонія. А, постоитъ! прекрасно! Я нашла предметъ для разговора! Теперь я увѣрева, что ему понравлюсь!... Я буду говорить....

Графиня. О чемъ?

Леонія. Объ васъ!... а ужъ въ этомъ случаѣ, я ручаюсь за мое краснорѣчіе!

Графиня (*въ порывъ чувства*). Добрая, милая Леонія!... Я хочу....

Леонія. Слышите-ли: его голосъ!

Графиня. Генриха! (*Всторону.*) Я только о немъ и думаю.

Леонія. Онъ меня ждетъ, кажется, зоветъ меня.... прощайте тетушка, прощайте! (*Убѣгаетъ на право.*)

—

IV.

Графиня (*одна, смотритъ въ балъную залу*). Она къ нему спѣшить, контрдансъ начался.... онъ съ ней визави.... какъ онъ на нее смотритъ! Забылъ даже, что ему начинать.... они переходятъ.... Но что я вижу? она блѣднѣетъ.... смущеніе рисуется на всѣхъ лицахъ! Генрихъ бросается на дворъ, а Леонія бѣжитъ сюда въ испугъ....

—

V.

ГРАФИНЯ. ЛЕОНІЯ.

Графиня. Что такое? ради Бога, что тамъ случилось?

Леонія (*въ испугѣ*). Солдаты.... драгуны....

Графиня. Солдаты!

Леонія. Они окружили весь домъ, а жандармы вошли на дворъ.

Графиня. Боже мой!

Леонія. Они пришли его арестовать!

Графиня. Арестовать, у меня! въ домѣ графини д'Отреваль!
Это невозможно! Успокойся, успокойся, я тебѣ говорю, это не-
возможно.

Леонія. Успокойтесь! Если вы спокойны, тетушка, вы его не любите!

Графиня. Ты думаешь? (*Всторону.*) О! пусть-же онъ въ опасности увидитъ, кто изъ насъ его больше любитъ! (*Генрихъ входитъ, графиня подбѣгаетъ къ нему.*)

VI.

ТЪ ЖЕ и ГЕНРИХЪ.

Графиня. Ну, что?

Генрихъ (*весело*). Дѣйствительно драгуны! Они меня ищутъ.

Графиня. Кто вамъ это сказалъ?

Генрихъ. Ихъ офицеръ, у котораго я ловко все выпросилъ.

Леонія. И вы осмѣлились?...

Генрихъ. Мнѣ кажется, это довольно меня интересуетъ,
чтобы справиться.

Леонія. Онъ погибъ!

Генрихъ. Развѣ я могу погибнуть подлѣ васъ!

Графиня. Правда; насъ двое, чтобъ спасти его.

Генрихъ. Позвольте! трое.... Я желаю тоже быть въ этомъ числѣ. Пойщемъ какого-нибудь переодѣванія, что-нибудь пооригинальнѣе.

Графиня. Вѣчно романъ!...

Генрихъ. Знаете ли, вы лучше не бравите меня; я предаюсь
вполнѣ вашей волѣ.

Графиня. Узнаемъ сперва, кто наши неврiатели....

Генрихъ. Слушаю, генераль.

Графиня. Какъ зовутъ драгунскаго офицера?

Генрихъ. Не знаю, генераль, но онъ подъ командою страш-
наго барона де-Монришара....

Леонія (*въ испугѣ*). Страшнаго!... О! я умру отъ ужаса!

Графиня (*подходя къ ней*). Да не плачь-же такъ, глупенькая!

Леонія. Не могу!

Графиня. Развѣ ты думаешь, что я не боюсь за него также, какъ ты? Но я думаю о средствахъ къ спасенію и самая горестъ придаетъ мнѣ твердость....

Генрихъ. Какъ она хороша!

Леонія (*отирая глаза, но продолжая плакать*). Да, тетушка... да! и я попытаюсь.

Генрихъ. Какъ она сострадательна!... О, я благословляю судьбу за опасность, которой она меня подвергаетъ. (*Графинь.*) Сердитесь.... браните меня, но я всегда скажу: опасность! я тебя благословляю! Безъ нея я не видѣлъ бы вашего участія, я не имѣлъ бы такой милой защиты. Пусть теперь исполнится даже самый приговоръ, я пойду безропотно на смерть, потому что благодаря ему, я успѣлъ внушить вамъ (*Леоніи*) столько страха, (*графинь*) а вамъ столько мужества!

Графиня. Вы веселы съ вашими мадригалами.... подумаемъ о баронѣ.... если онъ осмѣлился придти сюда, значитъ, онъ знаетъ все.... намъ пмѣнили.

Генрихъ (*беззаботно*). Кто-же? развѣ моя голова оцѣнена? развѣ мой плѣнъ стоитъ измѣны?

Графиня. Есть люди, которые измѣняютъ даромъ.

Генрихъ (*улыбаясь*). Говорите-же послѣ этого, что на свѣтѣ вѣтъ безкорыстія!...

Графиня. Замолчите-ли вы? Идутъ.

УІІ.

ТЪ ЖЕ И СЛУГА.

Слуга. Баронъ де-Монришаръ спрашиваетъ, угодно ли вамъ сдѣлать ему честь, принять его?

Леонія. Боже!

Графиня. Разумѣется, съ удовольствіемъ. (*Слуга уходитъ.*) Баронъ.... а мы еще ни на что не рѣшились!

Леонія (*Генриху*). Бѣгите, бѣгите!

Графиня. Напротивъ!... Оставайтесь здѣсь.

Генрихъ. А что? развѣ вы что-нибудь придумали?

Графиня. Итъ еще! но оставайтесь! пусть Монришаръ васъ увидитъ.... какъ слугу. Трудно подозрѣвать того, на кого сперва смотрѣли безъ подозрѣнія....

Генрихъ. Какое вѣрное замѣчаніе!

Леонія. Какъ вы счастливы, тетушка, у васъ столько присутствія духа!... Какъ вы это дѣлаете?

Графиня (*съ силой*). А между-тѣмъ, я умираю отъ страха и безпокойства.... Но уйдите отсюда.... надо, чтобъ я была съ барономъ одна....

Генрихъ. Однѣ?... О пѣть! Я хочу знать, что вы ему будете говорить!

Графиня. Вы.... безъ сомнѣнія.... (*Леоніи*.) Ступай-же ступай. (*Леонія уходитъ*.)

Слуга (*докладывая*). Господинъ баронъ де-Монришаръ!

Генрихъ (*всторону*). Это оригинально.

VIII.

ГРАФИНЯ, ГЕНРИХЪ, всторонѣ, МОНРИШАРЪ.

Графиня (*живо подходя къ Монришару*). Ахъ, баронъ! Какъ я счастлива, что васъ вижу!

Монришаръ. Прежде всего позвольте принести вамъ мою благодарность....

Графиня. За вашу префектуру? Не правда-ли? вы имѣли страшнаго противника, но я такъ хитро и ловко подѣйствовала въ вашу пользу, что восторжествовала надъ всеми препятствіями.

Монришаръ. Чѣмъ могу васъ отблагодарить за это участіе? чему обязанъ я такому внимательному покровительству?

Графиня. Вашимъ личнымъ достоинствамъ. Я васъ знала прежде, чѣмъ вы думаете; мы были соперниками въ Вандеѣ....

Монришаръ. И вы мнѣ покровительствовали, не смотря на то, что я былъ вашъ непріятель?

Графиня. Еще лучше.... подъ именемъ непріятеля.... но я вамъ это расскажу на дняхъ, потому что, надѣюсь, вы у меня останетесь. Карлъ!... (*Генрихъ молчитъ*.) Карлъ! возьми шляпу господина барона. (*Движеніе Монришара*.) О! я такъ хочу! (*Генриху*.) Карлъ! привеси закуску. (*Генрихъ уходитъ, улыбаясь*.)

Монришаръ. Вы слишкомъ милостивы....

Графиня. Я хочу какъ можно больше затруднить вашу благодарность.

Монришаръ. Судите-же о моей радости, я нашелъ средство расквитаться съ вами!

Графиня. Вы уже начинаете (*движеніе барона*), доставя мнѣ удовольствіе принимать васъ у себя въ домъ.

Монришаръ. Я сдѣлаю еще лучше, я предлагаю вамъ оказать значительную услугу правительству.

Графиня. Вашу руку, баронъ. Вотъ рѣчь истиннаго сына отечества. А въ чемъ состоитъ эта услуга?

Монришаръ. Арестовать начальника бонапартистовъ.

Графиня. Bravo! Это вѣроятно человекъ важный.... извѣстный.

Монришаръ. Извѣстный?... да! я думаю, по-крайней мѣрѣ вамъ.

Графиня (*смѣясь*). Мнѣ.... я знаю главу бонапартистовъ! Это любопытно.... А имя этого злодѣя, который такъ ловко умѣлъ обмануть меня?

Монришаръ. Генрихъ де-Флавиньоль....

Графиня (*добродушно*). Флавиньоль!... Какъ, этотъ молодой человекъ, съ такимъ кроткимъ видомъ.... о! я никогда не ожидала отъ него такой хитрости!... Дѣйствительно, я видѣла его нѣсколько разъ, у его матери.... Но если онъ бонапартистъ.... (*смѣясь* я скажу, какъ гнѣвный Горацій: «Когда онъ волюдумъ—съ нимъ знаться не хочу.» Правда стихъ немного длиненъ, но Корнейль простить мнѣ эту маленькую погрѣшность... Ахъ, да! гдѣ же этотъ господинъ Флавиньоль?

Монришаръ. Онъ скрывается.

Графиня. Скрывается!

Монришаръ. Въ одномъ загородномъ домѣ....

Графиня. Близко?

Монришаръ. Очень....

Графиня. И вы идете арестовать его?...

Монришаръ. Это будетъ трудненько, безъ вашей помощи.

Графиня. А! вамъ нужна моя помощь!

Монришаръ. Да, графиня, вообразите! Этотъ загородный домъ принадлежитъ умной, чувствительной женщинѣ, знатнаго рода, пламенной роялисткѣ и, въ добавокъ, моей благотворительницѣ.

Графиня (*иронически*). Какъ, я?

Монришаръ. Именно.... Вы понимаете мое затрудненіе.... Сперва я долженъ сказать ей, что я ее подозреваю, потомъ, что пришелъ сдѣлать у ней обыскъ.... и.... и.... и наконецъ, что.... но я надѣялся, что вы меня избавите отъ этого.

Графиня (*разражаясь смѣхомъ*). Порядочная нелѣпость! Такъ вы думаете, что это я? что я укрываю бонапартиста?

Монришаръ. Увы!... Не думаю, а убѣжденъ въ этомъ.

Графиня. И для этого вы привели всѣхъ этихъ драгуновъ, для этого разставили у всѣхъ выходовъ жандармовъ?

Монришаръ. Совершенно для этого! и я не уйду отсюда, пока не арестую нашего врага. Надо же вамъ доказать мою благодарность, графиня....

Графиня (*перемѣняя тонъ*). Ну, а я, господинъ баронъ, постараюсь доказать вамъ, какъ оскорбленная женщина умѣетъ мстить!

Монришаръ. Вы мстите!...

Графиня. За неисчислимыя оскорбленія.... за кровавую обиду для такой ревностной роялистки, какъ я... (*идетъ къ канале*). Не угодно-ли вамъ сѣсть, баронъ.... садитесь и слушайте.

Генрихъ (*подходитъ ближе, чтобы слышать; восторону*). Что она хочетъ ему сказать!

Графиня (*Генриху*). Ты что тутъ дѣлаешь? Ужь не подслушивать-ли вздумалъ? Ступай! Исполни, что тебѣ приказано! (*Монришару*.) Помните - ли, баронъ, назадъ тому лѣтъ восемнадцать, молодой судья, полный талантовъ и усердія, былъ посланъ въ замокъ Кермадіо, чтобы арестовать трехъ вандейскихъ шефовъ....

Монришаръ. Какъ не помнить, графиня? Этотъ судья былъ я самъ.

Графиня (*насмѣливо*). Право? Такъ значить, вы были тогда прокуроромъ республики....

Монришаръ. Вы думаете?

Графиня. Я въ томъ увѣрепа.

Монришаръ. Можетъ быть!

Графиня. Ну! такъ-какъ это были вы, то не помните-ли вы дѣвочку, лѣтъ тринадцати или четырнадцати?

Монришаръ. Которая увела у меня арестантовъ изъ подъ носу, и съ такою необычайной хитростью....

Графиня. О, пощадите мою скромность, баронъ; это была я.

Монришаръ. Вы?

Графиня. Шесть лѣтъ спустя, въ Нормандіи.... гдѣ вы, кажется, были чиновникомъ во время Имперіи....

Монришаръ (*съ замѣшательствомъ*). Можетъ быть, но... кажется....

Графиня. Э! Боже мой! Кто не служилъ во время Имперіи; Вы помните этихъ товарищей генерала Моро, которые ускользнули у васъ изъ рукъ и успѣли сѣсть на англійскій фрегатъ....

Монришаръ. Подъ предлогомъ завтрака и прогулки на рейдѣ....

Графиня. Куда я васъ пригласила... не сердитесь... Вы видите, мы сражались уже съ вами на сушѣ и на морѣ, и вотъ теперь мы снова соперники: вы, какъ всегда, отыскиваете, а я, какъ всегда, скрываю... по-крайней-мѣрѣ, вы такъ думаете. Значитъ, въ нашемъ положеніи, все осталось по старому, кромѣ того однако жъ, что вы теперь—не республиканскій судья, не чиновникъ Имперіи, а королевскій префектъ. Но это пустяки. И такъ, баронъ, примемся за дѣло. Во-первыхъ разсудимъ такъ: Флавиньоля или здѣсь, или его нѣтъ!

Монришаръ. Онъ здѣсь, сударыня!

Графиня. А если нѣтъ?

Монришаръ. Онъ здѣсь!

Графиня. Рѣшительно?... Ну, вы знаете, какъ я скрываю. Ищите! (*Встаютъ.*)

Монришаръ. Прячьте! Вы увидите, какъ я ишу... А, графиня, вы меня считаете за новичка 98 года или за неопытнаго школьника 1804. Но нѣтъ, графиня, я теперь уже не юноша.

Графиня. Увы! а я уже не молодая дѣвушка.

Монришаръ. Пламенный и доверчивый юноша сталъ теперь человѣкомъ.

Графиня. И молодая дѣвушка сдѣлалась жевщиною! А! баронъ, вы на меня нападаете... у меня! въ моемъ домѣ! бѣдный префектъ! Какую суетную жизнь вамъ придется вести! Я напередъ смѣюсь всѣмъ развлечениямъ, какія постараюсь вамъ доставить. Вообразите, вы сидите за отличнымъ столомъ, за бутылкою хорошаго вина, потому что я не забыла, что вы записной гастрономъ... Вдругъ крикъ: «На коня! Флавиньоля видѣли въ лѣсу!...» Вы бѣжите, рыкаете, рветесь, спрашиваете... и пожалуйте, не вѣрьте, моимъ слезамъ, не вѣрьте моей улыбкѣ!... Когда я буду весела,—думайте, что я печальна... если только я не предусмотрю вашей догадки и не обману васъ ложными маневрами... Ха! ха! ха!

Генрихъ (*всторону*). Клянусь небомъ, эта женщина восхитительна!

Графиня. Карлъ! закуску господину барону... Подкрѣпите себя, баронъ... вамъ это необходимо. (*Видя, что Генрихъ смѣется и не несетъ ничего.*) Что ты тамъ стоишь съ пустыми руками и глупорадостной мнью? подавай скорѣе закуску. (*Монришару, уходя.*) Прощайте, баронъ... или скорѣе до свиданія... потому что если вы намѣрены остаться здѣсь до поимки Флавиньоля, то про-

гостите у меня полгода (*дьялая реверансъ*), съ чѣмъ я себя и поздравляю отъ всего сердца... Прощайте баронъ, прощайте!

IX.

ГЕНРИХЪ и МОНРИШАРЪ.

Монришаръ (*ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Генрихъ слѣдуетъ за нимъ съ подносомъ*). Демонъ, а не женщина! я начинаю сомнѣваться... можетъ быть, меня обманули и Флавиньола нѣтъ здѣсь.

Генрихъ. Господинъ баронъ — къ вашимъ услугамъ!

Монришаръ (*продолжая ходить*). Сейчасъ! Еслибъ онъ былъ здѣсь, графиня не приняла-бы этотъ обидный и насмѣшливый тонъ.

Генрихъ. Господинъ баронъ...

Монришаръ. Я тебѣ сказала, сейчасъ! (*Про себя.*) Но если его нѣтъ, эта экспедиція сдѣлаетъ меня смѣшнымъ во всѣхъ глазахъ, не говоря уже о сильномъ вліяніи графини при дворѣ... Она можетъ меня погубить... Ну, а если я уѣду, а онъ здѣсь и черезъ часъ послѣ моего ухода графиня выпроводитъ его за границу, тогда прощай моя репутація!... Просто, у меня вся голова кругомъ идетъ.

Генрихъ. Неудобно-ли закусить господину барону?

Монришаръ. Убирайся къ чорту!

Генрихъ. Слушаю, господинъ баронъ!

Монришаръ. Погоди... какая мысль!... (*Генриху.*) Подойди... Смотри мнѣ прямо въ глаза... (*Закусываетъ.*) Ты, какъ мнѣ сдается, не такъ просто, какъ кажешься съ виду.

Генрихъ. Вы очень милостивы.

Монришаръ. Живой, тонкій взглядъ...

Генрихъ (*всторону*). Чего онъ добивается?...

Монришаръ (*послѣ мичутнаго молчанія*). Кажется, графиня не слишкомъ честитъ тебя... Сейчасъ она обошлась съ тобою довольно крутенъко.

Генрихъ. Да, господинъ баронъ, ужъ такая наша участь; что дѣлать!

Монришаръ. А часто она тебя такъ отдѣлываетъ?

Генрихъ. Всякій день.

Монришаръ. А много-ли она даетъ тебѣ прибавки за это?

Генрихъ. Ничего, господинъ баронъ.

Монришаръ. Значитъ и худо обращается и худо платитъ.

(*Переминая тонь.*) Ну, милый мой, хочешь-ли приобрести двадцать-пять лундоровъ?

Генрихъ. Какимъ-образомъ?

Монришаръ. Вотъ какимъ. (*Таинственно.*) Здѣсь въ замкѣ долженъ быть спрятанъ нѣкто Генрихъ де-Флавиньоль...

Генрихъ. А!

Монришаръ. Если ты мнѣ его откроешь и покажешь, я тебѣ дамъ двадцать-пять лундоровъ.

Генрихъ (*смѣясь*). Только то! вамъ его показать?

Монришаръ. Чему же ты смѣешься?

Генрихъ. Тому, что деньги мои.

Монришаръ. Развѣ ты что-нибудь знаешь?

Генрихъ. Покуда немного, но все-равно... или я сильно ошибаюсь, или вамъ его покажу.

Монришаръ. Bravo!... такъ вотъ тебѣ лундоръ въ задатокъ!

Генрихъ. Покорно васъ благодарю, господинъ баронъ.

Монришаръ. Теперь ступай, я боюсь, чтобъ какъ-нибудь не замѣтили, что мы съ тобою за одно.... графиня такъ хитра!...

Генрихъ. Да, ужъ это такъ. (*Возвращаясь.*) Господинъ баронъ! Мнѣ пришла мысль: нельзя-ли какъ-нибудь сдѣлать, чтобъ графиня назначила меня къ вамъ для прислуги: тогда намъ удобнѣе было-бы разговаривать....

Монришаръ. Прекрасно!... Я вижу, ты малый съ головой! Значить я не ошибся въ выборѣ.

Генрихъ. Покорно васъ благодарю, господинъ баронъ.

(*Уходитъ.*)

Х.

МОНРИШАРЪ, одинъ.

Bravo! одного союзника отбилъ у неприятеля! Лакей этотъ не такъ простъ, какъ прикидывается.... А, графиня! это научить васъ бранить вашихъ людей при мнѣ.... Нѣтъ такой крѣпости, которая не имѣла-бы слабой стороны и вы, графиня, имѣете одну, которую можно атаковать.... (*Вынимая портфель.*) Кто живетъ въ этомъ замкѣ? (*Читаетъ.*) Господинъ Кермадіо, братъ графини, безсловесное существо; господинъ де-Гриньонъ, — это должно быть родственникъ президента уголовного суда, значить, человекъ нашего покроя, онъ можетъ быть мнѣ полезенъ.... Дѣвица Леонія де-Вильгоитъ, племянница графини.... Ей шестнадцать лѣтъ,

значить, она слишком молода, чтобъ выйти за нашего брата.... А сколько лѣтъ Флавиньолю? говорятъ двадцать-пять.... Какова-то его наружность? Я еще не имѣю его примѣтъ, но мнѣ ихъ скоро пришлютъ; впрочемъ, онъ долженъ быть хорошъ собой и интересенъ.... изгнанники всегда интересны! Стало-быть, если Флавиньолю здѣсь, Леонія знаетъ это.... а если она знаетъ, то должна быть къ нему не равнодушна, а можетъ-быть даже влюблена въ него. Мое присутствіе должно приводить ее въ страхъ.... а въ шестнадцать лѣтъ неумѣютъ скрывать страхъ.... Это не то, что графиня! Вотъ женщина! право, мнѣ кажется я влюбился бы въ нее, еслибъ имѣлъ время.... Сюда кто-то идетъ.... молодая дѣвушка! романтическая наружность, задумчивость, потупленные глазки.... это должно быть она.... О, еслибъ я могъ отплатить графинѣ... Попробуемъ.

 XI.

МОНРИШАРЬ, ЛЕОНІЯ

ЛЕОНІЯ (*примѣтивъ его*). Извините, господинъ баронъ, я васъ потревожила.... Я думала, что тетушка здѣсь...

МОНРИШАРЬ. Она только что ушла. Но я буду очень несчастливъ, если ея отсутствіе заставитъ васъ считать меня своимъ непріателемъ!

ЛЕОНІЯ. Мнѣ, считать васъ своимъ непріателемъ! Какимъ-образомъ?

МОНРИШАРЬ. Я полагаю потому, что бѣжите отъ меня. Впрочемъ, я очень понимаю вашу недовѣрчивость....

ЛЕОНІЯ. Мою недовѣрчивость?

МОНРИШАРЬ. Безъ сомнѣнія! Вы знаете, что я пришелъ сюда затѣмъ, чтобы схватить человѣка, который вамъ дорогъ!

ЛЕОНІЯ (*всторону*). Овъ хочетъ меня испытать, но я остерегусь. (*Громко.*) Я не понимаю, что вамъ угодно сказать.

МОНРИШАРЬ. А кажется, я говорю, очень понятно! Съ часъ тому, вы видѣли, что я пришелъ сюда съ солдатами, вы должны были считать меня своимъ непріателемъ, и я дѣйствительно былъ имъ, потому что надѣялся найти здѣсь Флавиньолю, котораго долженъ арестовать.... Но теперь все перемѣнилось!

ЛЕОНІЯ. Какъ?

МОНРИШАРЬ. Я знаю, что господина Флавиньолю здѣсь нѣтъ.

ЛЕОНІЯ. А!

Монришаръ. И я ухожу!

Леонія (*живо*). Сейчасъ?

Монришаръ. Сейчасъ!... Сейчасъ!... Знаете-ли, сударыня, что ваша торопливость могла бы возбудить во мнѣ подозрѣнія...

Леонія (*начиная смущаться*). Какъ! вы полагаете...

Монришаръ. Конечно! видя, что мой уходъ васъ такъ радуетъ, я могу подумать, что былъ обмануть и что господинъ Флавиньоль еще здѣсь....

Леонія (*съ одушевленіемъ*). Я рада вашему уходу! напротивъ, баронъ, еслибъ мы могли васъ здѣсь удержать надолго, очень надолго....

Монришаръ (*смѣясь*). Позвольте, вотъ вы впадаете въ другую крайность! Сейчасъ вы отсылали меня немного скоро, теперь стараетесь удержать надолго, это для человѣка подозрительнаго значило бы одно и то же....

Леонія (*въ смущеніи*). Я не понимаю.... господинъ баронъ.

Монришаръ (*улыбаясь*). Успокойтесь, сударыня, успокойтесь! Это только предположенія.... мнѣ извѣстно, что Флавиньоля не было ни нѣтъ въ замкѣ.

Леонія. И вы не ошибаетесь.

Монришаръ. И такъ, для одной проформы и чтобъ успокоить свою совѣсть (*улыбаясь*) я не намѣренъ мучить цѣлый эскадронъ по пустякамъ (*наблюдая за нею*), а просто обыщу соседніе лѣса.

Леонія (*спокойно*). Обыщите, господинъ баронъ.

Монришаръ (*всторону*). Его нѣтъ въ лѣсахъ. (*Леоніи*.) Всѣ чердаки, потайные шкафы, каминны и погреба дома.

Леонія (*спокойно*). Это вашъ долгъ, господинъ баронъ.

Монришаръ (*всторону*). Значитъ онъ спрятанъ не въ домѣ!... (*Леоніи*.) Наковець, допросы и обыщу всѣхъ людей.... можетъ-быть онъ переодѣтъ. (*Леонія дѣлаетъ движеніе; всторону*.) Она содрогается. (*Громко*.) Надо допросить построже всѣхъ рабочихъ съ фермы. (*Всторону*.) Она спокойна. (*Леоніи, прильпая за нею*.) Всю здѣшнюю прислугу. (*Всторону*.) Она дрожить! (*Громко*.) И наконецъ, исполнивъ всѣ эти формальности, я удалюсь съ сожалѣніемъ, что не могъ разделить даже пріятнаго общества графини и вашего, но между тѣмъ, счастливый тѣмъ, что не былъ принужденъ исполнить мой тягостный долгъ въ вашемъ домѣ.

Леонія (*съ одушевленіемъ*). Какой-же это долгъ?

Монришаръ. Какъ! развѣ вы не знаете? Флавиньоль военный, отыскавъ его я обязанъ предать его военному суду....

58 Леонія (*въ страхѣ*). Но это смерть....

Монришаръ. Не смерть, но строгое наказаніе....

Леонія. Смерть, говорю я вамъ!... Вы не осмѣливаетесь мнѣ объ этомъ сказать, но я въ томъ увѣрена.... умереть, ему!... О, пощадите! умоляю у вашихъ ногъ, пощадите!... Ему только двадцать пять лѣтъ, у него мать, которую казнь его убьетъ, у него есть друзья, которые только и живутъ его жизнью. О, пощадите!... онъ невиненъ! онъ мнѣ самъ все открылъ.... Не осуждайте его, простите!

Монришаръ (*Леоніи*). Бѣдняжка!... (*Всторону.*) Между тѣмъ это мой долгъ. (*Громко.*) Берегитесь, сударыня, вы говорите со мной такъ, какъ будто онъ уже въ моей власти!... Онъ здѣсь!...

Леонія. Здѣсь!... я не говорила этого.

Монришаръ. Правда, но когда я сказалъ, что хочу допросить слугъ въ замкѣ, вы поблѣднѣли.

Леонія. Я!

Монришаръ. Вы вскричали: онъ мнѣ самъ все открылъ!

Леонія. Но....

Монришаръ. Вы сейчасъ просили, что бы я его пощадилъ.

Леонія. Я! (*Примѣтивъ входящаго Генриха, вскрикиваетъ, закрываетъ лицо руками и остается неподвижна.*)

Генрихъ (*подходитъ къ Монришару и говоритъ тихо*). Я нашелъ слѣды....

Монришаръ (*тихо*). И я также.

Генрихъ. Онъ здѣсь въ домѣ.

Монришаръ. Я сейчасъ узналъ это.

Генрихъ. Переодѣтый.

Монришаръ. Bravo!... (*Видя, что Леонія подняла голову и на него смотритъ.*) Тсъ! (*Приближается къ Леоніи.*) Видя, что вы такъ растроганы и смущены, я боюсь, чтобъ мое присутствіе не было вамъ въ тягость и потому удаляюсь.... (*Генриху, уходя.*) Смотри, чтобъ онъ не ушелъ отсюда.

Генрихъ (*тихо*). Пока я здѣсь — не бойтесь, не уйдетъ.

Монришаръ. Хорошо! (*Уходитъ.*)

ХII.

ЛЕОНІЯ, ГЕНРИХЪ.

Генрихъ (*бросаясь въ кресла, помирая со смѣху*). Ха! ха! ха! какая сцена!

Клеонія. О, не смѣйтесь такъ, не смѣйтесь!

Генрихъ. Боже мой! какъ вы печальны! Что случилось?

Леонія. Оскобляйте, прокливайте меня!

Генрихъ. Васъ?

Леонія. О! я самая несчастная, недостойная.... У меня вѣтъ ни совѣсти, ни мужества....

Генрихъ. Боже мой! что вы говорите?

Леонія. Вы мнѣ довѣрились, вы мнѣ открыли тайну, отъ которой зависить ваша жизнь.... а я ее выдала, я вамъ измѣнила!

Генрихъ. Какъ?

Леонія. Здѣсь сейчасъ, предъ вашимъ судьей! о какъ я презрѣнна!... Я боялась (*живо*).... боялась за васъ.

Генрихъ (*удивленный*). Возможно ли?

Леонія (*вслыпывая*). Мнѣ васъ потерять? Мнѣ, когда я отдала бы жизнь, чтобъ васъ спасти!

Генрихъ. Что я слышу?...

Леонія. Но клянусь вамъ, я не переживу вашего ареста, умоляю васъ, не сердитесь, простите меня. (*Бросается на колѣна.*)

Генрихъ (*хочетъ ее поднять*). Леонія! ради Бога!...

ХП.

ТѢ ЖЕ И ГРАФИНЯ,

Графиня. Что я вижу?... что ты тутъ дѣлаешь?..

Леонія. Я прошу у него прошенія, потому что я все открыла, чрезъ меня все погибло!

Графиня (*живо*). Погибло?... погибло!... о, вѣтъ! Пока я еще здѣсь!

Леонія (*съ радостью*). Ахъ, тетушка!... спасите его!

Генрихъ. Не бойтесь вичего. Монришаръ взялъ меня въ сыщки!

Графиня (*живо*). Не довѣряйтесь ему!... Довольно одного слова, одного жеста, и онъ все пойметъ, все угадаетъ.... Но, по счастью, я здѣсь!...

XIV.

ТѢ ЖЕ И ГРИНЬОНЪ, ПОТОМЪ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ ЖАНДАРМОВЪ.

Гриньонъ. Не знаете-ли, что это все значитъ, графиня? откуда эти слухи о преступникахъ, о переодѣтыхъ бонапартистахъ?

Графиня. Это мечта господина Монришара.

Гриньонъ. Мечта? пусть такъ; а между-тѣмъ весь домъ въ тревогѣ, всѣхъ слугъ арестуютъ.

Леонія (съ ужасомъ). Боже мой!

Графиня (Гильбону). Вы въ этомъ увѣрены?

Гриньонъ. Какъ-же! я сейчасъ видѣлъ, какъ схватили вашего кучера и одного изъ лакеевъ... но вотъ унтеръ офицеръ, онъ вѣрно идетъ сюда съ такимъ-же намѣреніемъ...

XV.

ТЪ-ЖЕ И ЖАНДАРМЪ.

Жандармъ (Генриху). Я васъ искалъ.

Генрихъ. Меня?

Жандармъ. Не угодно-ли пожаловать за мной.

Генрихъ (жандарму). Тутъ должна быть ошибка, я прислуживаю господину префекту....

Жандармъ. Ошибки нѣтъ! мои приказанія точны. Не угодно-ли... пожалуйте!

Графиня (тихо Генриху). Не признавайтесь ни въ чѣмъ; я отвѣчаю за все. (Громко.) Иди же Карлъ, повинуйся.

Генрихъ. Слушаю, сударыня! (Беретъ свою шляпу на каминъ.)

Графиня (тихо Гриньону). Черезъ четверть часа, приходите сюда: мнѣ надо съ вами переговорить наединѣ.

Гриньонъ. Со мной?

Графиня. Молчите! (Переходитъ на лѣво къ Леоніи.)

Гриньонъ (всторону). Свиданіе! часъ отъ часу лучше!

Леонія (всторону). Я погубила его!

Генрихъ (жандарму). Идемъ!

Графиня (всторону). Она его погубила, а я спасу! (Уходитъ съ Леоніей на лѣво, Генрихъ съ жандармомъ въ глубину, Гриньонъ на право.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та-же комната.

ГРАФИНЯ и ЛЕОНІЯ входятъ съ разныхъ сторонъ.

Графиня. Ну! какія новости?

Леонія. Я исполвляла ваши приказанія, хотя, призваться, ихъ не понимаю . .

Графиня. Этого и не нужно... Гдѣ ливрея Жоржа?

Леонія. Въ той комватѣ (*показываетъ на льво*). Ну, что Монришаръ?

Графиня. Онъ допрашивалъ по очереди всю прислугу, а послѣ допроса отпуская ихъ.

Леонія. А Геврихъ?

Графиня. Онъ все время былъ подлѣ него.

Леонія (*устрашенная*). Худой признакъ!

Графиня. Можетъ быть!

Леонія. Это признакъ подозрѣнія...

Графиня. Или довѣренности! Мой маленькій грумъ однакожъ слышалъ мимоходомъ, когда подавалъ чернилъницу и перья...

Леонія (*нетерпливо*). Что, что такое?

Графиня. Что Геврихъ тихо сказалъ префекту: не отчаявайтесь, я васъ увѣрю, онъ здѣсь и скрывается подъ видомъ слуги.

Леонія. Возможно-ли? какая смѣлость!... Я трещу.

Графиня. А меня такъ это успокоиваетъ; воспользуемся этой идеей, но только поскорѣе. Геврихъ такъ неблагоприятно, онъ кончить тѣмъ, что измѣнить самъ себя!...

Леонія. А вы хотите помочь ему убѣжать?

Графиня. Убѣжать! Дитя! А гдѣ его сыщики?

Леонія. Правда! двѣнадцать жандармовъ на дворѣ и тридцать драгунъ около дома и передъ главными воротами.

Графиня. Прекрасно!

Леонія. Но они забыли поставить часовыхъ къ дверямъ колюшень и каретныхъ сараевъ, а вы знаете, они проходные и сквозь нихъ легко пробраться въ деревню.

Графиня. О! я узнаю тутъ барона Монришара вполнѣ...

Леонія. Вы сомнѣваетесь, тетушка... (*Подводитъ ее къ окну*.) Изъ этого окна видна большая дорога... посмотрите, ни одного солдата во всей окрестности.

Графиня. Вблизи! правда! но подальше ихъ спрятано двадцать; видишь-ли эту группу деревъ? Ужъ тамъ навѣрное засада.

Леонія. А можетъ быть и нѣтъ! (*Вскрикивая*.) Ахъ! что это я замѣтила надъ кустомъ шляпу съ галуномъ жандарма.

Графиня. Я тебѣ говорила.

Леонія. А! понимаю, его хотять заставить бѣжать по этой дорогѣ...

Графиня. Чтобъ легче схватить.... Именно. Спасибо барону! средство ловко придумано и можетъ намъ пригодиться.

Леонія. Какъ?

Графиня. Предоставь это мнѣ.... Сюда кто-то идетъ.... Это Гриньонъ. Прикажи Жану заложить коляску.

Леонія. Но, тетушка....

Графиня. Иди-же, мой другъ, иди! (Леонія уходитъ на лѣво.)

II.

ГРАФИНЯ, ГРИНЬОНЪ крадется на цпочкахъ.

Гриньонъ. Вотъ и я, графиня! Я аккуратно явился, по вашему приказанію. (Беретъ стулъ.)

Графиня (съ любезностью). Я васъ ожидала.

Гриньонъ (съ радостью). Вы меня ожидали!

Графиня. И ожидая васъ, мечтала....

Гриньонъ. О чемъ?...

Графиня. Объ васъ.

Гриньонъ. Возможно-ли?

Графиня. Да, о вашемъ рыцарскомъ характерѣ, объ этой жаждѣ опасностей, которая васъ томить....

Гриньонъ. Это правда; во мнѣ это врожденная слабость.

Графиня. Воображеніе самая заразительная вещь, а мое, по милости барона де Мовришара, теперь полно ужасами, преслѣдованіями, арестами.... я мечтала о страшныхъ катастрофахъ.... я представляла себѣ бѣднаго изгнанника, осужденнаго на смерть....

Гриньонъ. И вы были изгнанникомъ?

Графиня. Напротивъ, онъ пришелъ просить у меня убѣжища.

Гриньонъ. Прекрасно!...

Графиня. Онъ просилъ, умолялъ, говорилъ, что у него есть мать, сестра....

Гриньонъ. Какъ это правдоподобно!

Графиня. И вдругъ солдаты насъ окружаютъ и требуютъ выдачи моего гостя.

Гриньонъ. Выдать его!... никогда!

Графиня. Какъ мы другъ друга понимаемъ!... Они угрожали мнѣ почти смертью!...

Гриньонъ. Что такое ихъ смерть! Лишь бы тутъ было лю-

бимое вами существо, которое вас обольщает своимъ взглядомъ, своимъ жестомъ.... Ахъ, графиня! Когда я предаюсь подобнымъ мечтамъ при васъ, мое сердце клокочетъ, горитъ, кровь кипитъ.... я весь въ огнѣ....

Графиня (улыбаясь). Можетъ быть потому, что это мечта!...

Гриньонъ. А! вы сомнѣваетесь въ истинѣ моихъ чувствъ! Но что-же мнѣ сдѣлать, чтобы васъ убѣдить? Дайте случай, укажите, я сломаю себѣ голову — и слова не скажу. Утромъ я пропустилъ случай броситься для васъ въ пламя.... но теперь желалъ-бы видѣть васъ въ величайшей опасности, чтобы вырвать изъ нея или самому погибнуть!

Графиня. Какой жаръ!

Гриньонъ. Ахъ, вы не знаете, какъ это сердце васъ любитъ, вы не знаете, на какія жертвы оно готово изъ любви къ вамъ.... Да... я молю небо только объ одномъ: дать мнѣ случай умереть — за васъ!...

Графиня. Такъ радуйтесь: ваши мольбы услышаны.

Гриньонъ. Какъ это?

Графиня. Случай, котораго вы желали — готовъ.

Гриньонъ. Гмъ! случай.... то есть....

Графиня. Узнайте, Карлъ, мой камердинеръ, котораго арестовали, вовсе не слуга, а Генрихъ де-Флавиньоль.

Гриньонъ. Какъ!

Графиня. Генрихъ де-Флавиньоль, осужденный на смерть, какъ заклятый бонапартистъ.

Гриньонъ. Что вы говорите!

Графиня. И вы можете его спасти.

Гриньонъ. Я?

Графиня. Да, поставивъ себя на его мѣсто.

Гриньонъ. Для разстрѣлявiя!

Графиня. Нѣтъ!... до этого дѣла не дойдетъ; надо только, чтобы васъ приняли на нѣсколько минутъ за него и арестовали.

Гриньонъ. Позвольте, позвольте.... я сказалъ, что готовъ на все, для васъ, но для незнакомаго, для чужаго....

Графиня. Для изгнанника!

Гриньонъ. Понимаю!

Графиня. Я его сообщница. Я должна спасать его жизнь, съ опасностью моей собственной.... Вы отказываетесь?

Гриньонъ. О нѣтъ! и если я трепещу, такъ это за васъ, а для меня это рѣшительно все равно....

Графиня. Я это знала напередъ и рассчитывала на ваше геройство.... но будьте покойны, я постараюсь, чтобъ дѣло обошлось безъ всякой опасности.

Гриньонъ. Безъ опасности!

Графиня. Я думаю, что даже могу вамъ за это поручиться.

Гриньонъ. Безъ опасности!... (*Съ одушевленіемъ.*) Но я хочу чтобъ она была!... Я ее презираю, вашу опасность! Скажите, что мнѣ дѣлать?

Графиня. Надѣть ливрею, которая тамъ.... (*Показываетъ на льво.*)

Гриньонъ (*съ неустрашимостью*). Надѣну!... потомъ?

Графиня. Сѣсть на козлы коляски, вмѣсто моего кучера.

Гриньонъ. Сяду!... потомъ?

Графиня. Взять возжи въ руки и везти меня.

Гриньонъ. Повезу.... потомъ?

Графиня. Шаговъ за двѣсти отсюда, на насъ бросятся жандармы.

Гриньонъ (*начиная трусить*). Съ заряженными ружьями?

Графиня. Безъ ружей.... но они васъ арестуютъ!

Гриньонъ. Арестуютъ!

Гриньонъ. Арестуютъ! меня! Гриньона! За что же?

Графиня. Васъ арестуютъ, какъ Генриха де Флавиньоля.... и что-бы они вамъ ни говорили, что-бы съ вами ни дѣлали....

Гриньонъ. Какъ, даже....

Графиня. Все равно. Вы признаетесь, и будете утверждать, что вы Генрихъ де Флавиньоля.... пока васъ арестуютъ....

Гриньонъ. А ужъ безъ этого нельзя? Непременно арестуютъ?

Графиня. Непременно.... какъ Флавиньоля, а между-тѣмъ, въ это время настоящій Флавиньоля скроется за границу, и будетъ обязанъ своимъ спасеніемъ вамъ, вашему благородству, вашей неустрашимости.

Гриньонъ. А что-же будетъ со мной въ это время?...

Графиня. Я вамъ сказала, вы будете задержаны.

Гриньонъ. Задержанъ.... (*Всторону.*) Тюрьма, дѣпи. (*Громко.*) Позвольте....

Графиня. Я вамъ объясню все это послѣ.... Идутъ.... скорѣе, скорѣе.... ливрея тамъ.... (*Показываетъ на льво.*)

Гриньонъ (*направляясь къ двери на право*). Иду....

Графиня. Но куда-же вы идете?

Гриньонъ. Надѣтъ ливрею.

Графиня. Она здѣсь, въ этой комнатѣ.

Гриньонъ (*показывая на право*). Ахъ, да!... тамъ зала.

Графиня (*показывая на лѣво*). Сюда, сюда.

Гриньонъ. Дѣйствительно сюда.

Графиня. Погодите. Вотъ вамъ письмо....

Гриньонъ. Для чего?

Графиня. Спрячьте его въ карманъ вашей ливреи.

Гриньонъ. Съ какою цѣлью?

Графиня. Послѣ узнаете!... ступайте.

Гриньонъ. Слушаю.

Графиня. И при первомъ ударѣ звонка будьте готовы показаться.

Гриньонъ. Въ ливреѣ?

Графиня. Разумѣется.... Идутъ.... ступайте-же, ступайте скорѣе!

Гриньонъ (*уходя на лѣво*). Иду! о батюшка! до матушка! чего вы меня довели!

—

III.

ГРАФИНЯ, ЛЕОНІЯ.

Леонія. Тетушка, тетюшка.... Сюда идетъ Монришаръ.

Графиня. Уже!... Если бы только Генрихъ не былъ-еще открытъ!

Леонія. Вотъ и баронъ!

Графиня (*показывая на столъ*). Сядемъ за-работу.

—

IV.

МОНРИШАРЪ, ГРАФИНЯ и ЛЕОНІЯ (*сидятъ на право*).

Монришаръ (*обращаясь къ двери, драгунамъ*). Продолжайте обыскъ; особенно старайтесь отыскать слугу, который былъ со мною.

Леонія (*тихо графинѣ*). Слышали? онъ подозрѣваетъ Генриха....

Графиня (*съ смущеніемъ*). Да. (*Оправляясь*). Буду хладнокровна.

Монришаръ (*приближаясь къ нимъ и кланяясь*). Mesdames!

Графиня. А! это вы, баронъ! вы вѣрно пришли сюда отдох-

путь отъ вашихъ трудовъ! Это необходимо. Леонія!... кресло барову...

Монришаръ (*беретъ самъ*). О! не безпокойтесь!

Графиня (*весело*). Ну, какъ идетъ вашъ обыскъ? осмотрѣли вы всѣ шкафы? хорошо ли обшарили всѣ углы, допросили ли всѣхъ людей? Кстати о допросахъ: какъ назовете вы тѣ вопросы, которые предлагали моей племянницѣ?

Монришаръ. Я узналъ только то, что уже зналъ прежде: именно, Флавинюль, скрывается у васъ переодѣтый.

Графиня. Переодѣтый! не женщиной ли?... можетъ быть, это я или племянница!

Монришаръ. Смѣйтесь, смѣйтесь, графиня, но я знаю свое: меня не разувѣрите.

Графиня. Избави Боже!... Васъ разувѣрять.... Это было-бы неучтиво! Но я полагаю, довольно трудненько открыть виновнаго въ такой огромной дворцѣ, какъ моя.

Монришаръ. Кругъ стѣняется, графиня! и если я не обманываюсь въ своихъ подозрѣнiяхъ, такъ очень скоро достигну цѣли.

Леонія (*тихо графинѣ*). Онъ знаетъ все!... (*Графиня жметъ ей руку, чтобъ заставить молчать.*)

Монришаръ. Я ожидаю описанiя примѣтъ виновнаго, и какъ скоро ихъ получу....

Леонія (*тихо*). Боже мой!

Монришаръ. Надѣюсь, что не-стану вамъ болѣе докучать моимъ присутствiемъ.

Графиня. Не стѣняйтесь, баронъ; и если-бъ вы даже обманулись въ своихъ подозрѣнiяхъ, что иногда также можетъ случиться, распологайтесь здѣсь безъ церемонiи, какъ у себя дома.

Монришаръ. Какъ, вы-хотите, чтобы я....

Графиня. Разумѣется! И чтобъ предоставить вамъ полную свободу, я прошу у васъ позволенiя провести нѣсколько дней въ городѣ, куда меня призываютъ дѣла.

Леонія (*удивленная*). Какъ тетушка?

Графиня. Да замолчишь-ли ты?

Монришаръ (*всторону*). А! она хочетъ удалиться.... (*Громко.*) Вы уѣзжаете?

Графиня. Да, если только не буду плѣнницей въ своемъ домѣ и если господинъ префектъ мнѣ это позволитъ.... (*Всѣ встаютъ.*)

Монришаръ. Что за идея! приказывайте! я повинуюсь!

Графиня. Вы слишкомъ любезны. Я уже-отчасти воспользо-

валась этимъ позволеніемъ, приказавъ заложить лошадей... Взгляни Леонія, готова-ли коляска?

Леонія. Да, теперь она у подъѣзда.

Графиня (звонитъ). Что-же мнѣ объ этомъ не доложить?
(Продолжаетъ звонить).

V.

ТѢ ЖЕ, ГРИНЬОНЪ, выходитъ въ ливреѣ изъ лѣвой двери.

Гриньонъ. Коляска вашего сіятельства подана.

Графиня. Хорошо ... позови горничную и ѣдемъ!

Монришаръ. Позвольте... позвольте, сударыня, одну минуту... (Гриньону.) Подойди-ка поближе, любезный... Я сейчасъ допрашивалъ вашего камердинера, графиня...

Графиня. Ну съ?

Монришаръ. И мнѣ кажется, что это былъ совсѣмъ не онъ.

Графиня. У меня ихъ два, г-нъ баронъ.

Монришаръ. Два! А! — но точно-ли онъ всегда носилъ ливрею?

Леонія (живо Монришару). Конечно.

Гриньонъ (тихо графинь). Но онъ меня сегодня уже видѣлъ, въ моемъ прежнемъ костюмѣ.

Графиня (тихо). Тѣмъ лучше.

Монришаръ. Слуга этотъ долженъ быть новичекъ... онъ у васъ очень недавно въ этой должности.

Графиня. Что васъ заставляетъ такъ думать?

Монришаръ. Одно смутное воспоминаніе; мнѣ кажется, я его видѣлъ въ другомъ костюмѣ.

Графиня. Дѣйствительно, онъ иногда мнѣ служитъ безъ ливреи.

Монришаръ. А! Объясните-же мнѣ пожалуйста, нѣкоторые обстоятельства, которые меня удивляютъ... напримѣръ, его смущеніе...

Леонія. Совсѣмъ нѣтъ!

Гриньонъ (всторону). Боже мой! какъ я боюсь струсить...

Монришаръ. Это благородство въ чертахъ... неправда-ли, графиня, у него чрезвычайно благородный видъ?

Гриньонъ (всторону). Я измѣняю самъ себя... своимъ благороднымъ видомъ.

Графиня. Я васъ увѣряю, баронъ...

Леонія. Да, мы васъ увѣряемъ...

Монришаръ. А! это другое дѣло; и хотя вы говорите, что это вашъ лакей, но я не буду его допрашивать.... Я его просто — арестую.... *(Идетъ въ глубину.)*

Гриньонъ *(тихо)*. Ахъ! графиня.

Графиня *(тихо)*. Все идетъ хорошо! Мы спасены. Письмо... выньте письмо....

Гриньонъ *(тихо)*. Зачѣмъ?

Графиня *(тихо)*. Отдайте его мнѣ....

Монришаръ *(графинь)*. Ну, что-вы скажете о моей идеѣ?

Графиня *(съ притворнымъ смущеніемъ)*. Я скажу.... что это значить сляшкомъ далеко простирать шутку.... и что вы не лишите меня полезнаго слуги.

Монришаръ. Я думаю, что онъ можетъ быть также полезенъ и для меня.

Графиня *(приближаясь къ Гриньону)*. Вы этого не сдѣлаете.

Монришаръ. Почему-же?

Графиня *(приближаясь къ Гриньону)*. Потому, потому что.... *(тихо Гриньону)*. Письмо! *(громко)*. Потому что этотъ человекъ у меня.... что онъ, словомъ, я за него ручаюсь... *(Тихо Гриньону.)* Письмо, или вы пропали! *(Гриньонъ вынимаетъ письмо и передаетъ ей.)*

Монришаръ *(слѣдитъ за всеми ея движеніями и быстро подходитъ)*. Это что за бумага? Позвольте! я вамъ приказываю отдать ее мнѣ!

Графиня *(съ смущеніемъ)*. А я вамъ это запрещаю.

Монришаръ *(оживо)*. Всякое сопротивленіе бесполезно.... отдайте бумагу.

Гриньонъ. Извольте!

Графиня *(закрываетъ лицо руками)*. Несчастный! онъ погибъ!

Гриньонъ *(всторону)*. Я желалъ-бы лучше быть въ другомъ мѣстѣ!

Монришаръ *(читая адресъ и потомъ начало письма)*. Господню Генриху де-Флавилью! «Любезный сынъ! *(Отзначаивается и отдавая письмо Гриньону, торжественно.)* Господинъ де-Флавильюль, именемъ короля и закона, я васъ арестую. *(Идетъ въ глубину.)*

Леонія *(которая слѣдовала за всѣмъ, испускаетъ крикъ радости)*. Ахъ! Какое счастье!

Графиня *(тихо Леоніи)*. Плачь, несчастная, плачь!

Монришаръ *(двумъ драгунамъ)*. Схватите его!

Графиня. Баронъ, я васъ умоляю

Монришаръ. Сударыня, я не могу поступить противъ моего долга. (*Драгунамъ.*) Отведите его въ сосѣдную комнату, удостовѣрьтесь, что это именно тотъ, кого мы ищемъ, его признанія будетъ достаточно, а потомъ—вы знаете мои приказанія. (*Драгунъ дѣлаетъ утвердительный знакъ.*)

Гриньонъ. Что вы говорите?

Монришаръ (*Гриньону*). Прощайте храбрый и несчастный молодой человекъ. Повѣрьте — я чувствую къ вамъ искреннее уваженіе и сожалѣніе.

Гриньонъ. Позвольте, милостивый государь, позвольте!...

Монришаръ (*драгуну*). Отведите его.

Гриньонъ. Куда? (*Графиня жметъ ему руку и онъ уходитъ молча.*)

Монришаръ (*графинь, котораятираетъ глаза*). Простите, графиня, моей дерзости, но мой первый долгъ извѣстить маршала обо всемъ случившемся. Я бы желалъ написать нѣсколько строкъ...

Графиня. Въ этой комнатѣ (*показывая на лѣво*) вы найдете все нужное для письма. Моя племянница васъ проводитъ.

Леонія (*видя Генриха, выходящаго изъ лѣвой двери*). Боже мой! Генрихъ!

Монришаръ (*подходя къ Генриху*). Ты правъ, онъ былъ здѣсь, переодѣтый, но не смотря на все хитрости, я его открылъ, (*беретъ его за руку*) и теперь онъ у меня въ рукахъ.

Генрихъ (*рѣшительно*). И что же?

Монришаръ. Молчи! вотъ твои 25 лупдоровъ! (*Кладетъ ему въ руку кошелекъ и уходитъ, впереди Леоніи.*)

Генрихъ (*изумленный, съ кошелькомъ въ руке*). Что все это значить?

Леонія (*живо*). Что я на веру счастья, потому что вы спасены.

Генрихъ. Спасены?

Леонія. Благодаря тетускѣ... Прощайте! (*Уходитъ за Монришаромъ.*)

VI.

ГЕНРИХЪ, ГРАФИНЯ.

Генрихъ (*бросая кошелекъ на столъ*). Спасены!... спасены вами!

Графиня. Нѣтъ еще! не совсѣмъ. Я только отвратила подо-

зрѣнія барона; онъ думаетъ, что схватилъ виновнаго, но пока вы не перейдете за границу, я все еще буду бояться....

Генрихъ. А я не боюсь больше ничего.... благодаря той, которой умъ и хитрость....

Графиня. Умъ! хитрость!... Нѣтъ, скажите, сердце, любезный Генрихъ. Въ то время, когда я рѣшилась васъ спасти, я страдала; у меня кровь застывала въ жилахъ. Вы думаете, неблагодарный... да... вы неблагодарны, вы думаете объ умѣ и хитрости, и полагаете, что жалость и состраданіе къ несчастному, заставить васъ потеряться въ рѣшительную минуту, измѣнить себя волненіемъ, страхомъ, какъ ребенокъ. Нѣтъ, Генрихъ, истинная привязанность смотритъ прямо въ лицо опасности, и шутитъ, когда смерть гложетъ сердце.... Но едва минетъ опасность, твердость ея слабѣетъ и силы исчезаютъ! (*Плачетъ.*) Я умерла бы, если-бъ васъ арестовали!

Генрихъ. Всякій день, всякая минута открываютъ мнѣ въ васъ новыя достоинства. Напрасно ищу въ моемъ сердцѣ словъ, которыми бы я могъ высказать то, что чувствую, но вы знаете все, вы умѣете читать въ душахъ, потому, что вы фея, волшебница! Дайте мнѣ средство заплатить за все, чѣмъ я вамъ обязанъ!...

Графиня. Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны.

Генрихъ. За все, что вы претерпѣли за меня!

Графиня (*съ большимъ волненіемъ*). Прежде отвѣта, Генрихъ, я должна васъ спросить, отъ чистаго ли сердца вы говорили эти слова?

Генрихъ. Вы меня обижаете! Чѣмъ могу вамъ доказать?...

Графиня. Чѣмъ? тѣмъ....

Генрихъ. Говорите!

Графиня. Тѣмъ, что вы должны меня любить.... потому что я васъ люблю больше жизни.... Но тсъ!.. идутъ.

— VII. —

ТЪ ЖЕ И МОНРИШАРЬ съ письмомъ въ рукахъ.

Монришаръ. Благодарю васъ, графиня! вотъ, по вашей милости, мой рапортъ и готовъ.

Графиня (*всторону*). Какъ-бы его выжить поскорѣе!

Монришаръ (*подходя къ графинѣ*). Простите мнѣ мою побѣду?

Графиня. Ни вашу побѣду, господинъ баронъ, ни вашу манеру побѣждать!... Этого-ли должна я была ожидать отъ васъ за услугу, вамъ оказанную?

Монришаръ. Долгъ прежде благодарности, графиня!

Графиня. Развѣ вашъ долгъ велитъ вамъ употреблять коварство и измѣну?

Монришаръ. Сударыня!...

Графиня. Да, я повторяю: измѣну. Вы платили кому-нибудь жалованье, вы подкупили кого-нибудь изъ моихъ людей... Осмѣльтесь отпереться! О, я догадываюсь кто предатель!... Да! (*Посмотрѣвъ на Генриха.*) Ваши съ нимъ перемигиванья, таинственные разговоры... Это оптъ! (*Обращаясь къ Генриху.*)

Генрихъ. Я, сударыня?

Графиня. Да ты!... я это вижу по твоему смущенію и по замѣшательству барона... Ты мнѣ больше не нуженъ. (*Строго, задушая улыбку.*) Вонъ изъ моего дома!

Монришаръ. Но....

Графиня. Онъ не останется здѣсь ни минуты!

Монришаръ. Такъ я его привимаю къ себѣ въ услуженіе.

Графиня. Вы не сдѣлаете этого....

Монришаръ. Это рѣшено, графиня. (*Генриху.*) Ну, мой милый, садись сейчасъ на мою лошадь и скачи въ галопъ въ Сеатъ-Андеоль. Леонія. Боже!

Монришаръ (*отдавая письмо*). Это письмо ты отдашь начальнику дивизіи.

Генрихъ. Но, господинъ префектъ, у меня нѣтъ лошади.

Монришаръ. Возьми мою.

Генрихъ. Господинъ префектъ! Солдаты меня не пропустятъ.

Монришаръ. Я имъ прикажу. (*Идетъ къ дверямъ.*)

Генрихъ (*тихо графини*). Вы спасли мнѣ жизнь — располагайте ею.

Монришаръ (*Генриху*). Ну, теперь иди.

Генрихъ. Черезъ часъ, господинъ префектъ, я буду тамъ, гдѣ слѣдуетъ. (*Монришаръ идетъ съ нимъ влѣтъ и отдаетъ ему послѣдній приказанія.*)

VIII.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ГЕНРИХА.

Монришаръ (*къ драгунамъ въ глубинѣ*). Приведите арестанта!

Графиня (*всторону*). Это слишком скоро! (*Громко*.) Господинъ баронъ, послушайте.... сжальтесь.

Монришаръ. Вы знаете, что я не жестокъ и врагъ осужденный, и еслибъ меня послушали, то вѣрно даровали-бы всемъ подозреваемымъ прощеніе, о которомъ я просилъ.

Графиня. Я это знаю; ну, чтожъ?

Монришаръ. Этотъ молодой человекъ меня интересуетъ!... Онъ вашъ другъ, и я попытаюсь его спасти.

Леонія. Его спасти!

Графиня. Какъ?

Монришаръ. Это будетъ зависѣть отъ него.... я съ нимъ поговорю.

Графиня (*съ замѣшательствомъ*). Еслибъ вы подождали часъ.... полчаса, дать ему оправиться отъ перваго испуга.

Монришаръ. Не беспокойтесь.... я надѣюсь, мы поладимъ и не пройдетъ десяти минутъ, какъ я узнаю отъ него все, что мнѣ надо знать....

Леонія (*всторону*). Десять минутъ, въ это время онъ едва успѣетъ выйти изъ дому.

Монришаръ (*видя входящаго Гриньона съ драгунами*). Опъ идетъ; могутъ ли попросить оставить насъ однихъ?

Графиня. Одну минуту!

Монришаръ (*строго*). Это мой долгъ, сударыня.

Графиня (*удаляясь съ Леоніей*). Боже мой! что дѣлать?

Леонія. Чего вы боитесь, тетушка?

Графиня. Если Гриньонъ струситъ....

Леонія. Развѣ у него нѣтъ мужества?

Графиня. Есть, но не надолго, къ-тому же онъ нетерпѣливъ.... (*Уходятъ на право, дѣлая жесты Гриньону. Драгуны удаляются, отдавъ бумагу Монришару.*)

IX.

МОНРИШАРЪ, ГРИНЬОНЪ.

Монришаръ. Бѣдный молодой человекъ!... къ счастью, его безопасность зависить еще отъ него.

Гриньонъ (*всторону*). Я самъ не свой, просто душа въ пятки просится.

Монришаръ. Подойдите, милостивый государь.

Гриньонъ. Вы желаете со мной говорить, господинъ баронъ?

Монришаръ. Да, намъ надо еще перемолвить слова два, передъ роковою минутою.

Гриньонъ (*всторону*). Какою это минутою!

Монришаръ (*показывая ему бумагу, полученную отъ драгуна*). Вы признаетесь, что вы Генрихъ де-Флавиньоль?...

Гриньонъ (*со вздохомъ*). Увы! признаюсь.

Монришаръ. Отставной офицеръ императорской гвардіи!

Гриньонъ (*начиная трусить*). Да! А что-же тутъ дурнаго?

Монришаръ. Ничего, напротивъ — это даетъ вамъ право на вниманіе и преимущества.

Гриньонъ. Преимущества?

Монришаръ. Да... если вы не хотите, чтобъ вамъ завязали глаза, или если вамъ самимъ будетъ угодно скомандовать... вы можете этого потребовать.

Гриньонъ. Скомандовать!... что вы этимъ хотите сказать?

Монришаръ. Къ несчастью, мои инструкціи очень точны... Вы были уже суждены и приговоръ вашъ произнесенъ; мнѣ остается только его исполнять! (*Важно.*) Все начальники бонапартистской партіи, черезъ часъ, послѣ ареста, должны быть разстрѣляны безъ отлагательства и безъ шума.

Гриньонъ (*внѣ себя*). Безъ шума!... О! нѣтъ!... Я надѣлаю шума... извините! Такимъ образомъ не разстрѣливаютъ людей... Безъ шума, вотъ прекрасно!

Монришаръ. Выслушайте меня, молодой человекъ.

Гриньонъ. Пифъ, пафъ, пуфъ! это они изыываютъ безъ шума!...

Монришаръ. Я долженъ прибавить, что есть еще средство избѣжать опасности..

Гриньонъ. Какое?

Монришаръ. Но можетъ быть, вы на него не согласитесь?

Гриньонъ. Отчего-же... говорите скорѣй... я почти увѣренъ, что соглашусь... Безъ шума!...

Монришаръ. Есть приказаніе, даровать прощеніе тѣмъ изъ арестантовъ, которые во всеѣмъ сознаются и укажутъ сообщниковъ... И такъ, если вы можете мнѣ что-нибудь открыть...

Гриньонъ (*живо*). Я!... конечно могу и очень важное...

Монришаръ (*съ радостью*). Возможно-ли?...

Гриньонъ. Я ручаюсь что это довольно важно!

Монришаръ. Что-же это?...

Гриньонъ. Это-то... что я не... (*Остановливаясь.*) Боже мой! графиня.

X.

ТЪ ЖЕ ГРАФИНА.

Графиня (*быстро входитъ съ права и обращается къ Монришару*). Ну, что любезный баронъ, я въ такомъ безпокойствѣ...

Монришаръ. Успокойтесь!... я не ошибся... Господишь Флавиньоль можетъ себя спасти однимъ словомъ... и готовъ намъ открыть...

Графиня (*съ ужасомъ обращаясь къ Гриньону*). Какъ?... что такое?... что вы хотите открыть?..

Гриньонъ (*живо*). Я?... ничего!... рѣшительно ничего! (*Всторону*). Когда она здѣсь, я не смѣю даже струсить.

Монришаръ. Но вы сейчасъ хотѣли мнѣ сказать...

Гриньонъ. Я? и не думалъ!

Графиня (*всторону, пожимаетъ ему руку*). Прекрасно! благодарю.

Монришаръ (*графинь*). Но скажите ему, графиня, скажите ему хоть-вы, что если онъ погибнетъ, такъ это отъ собственнаго легкомыслія...

Графиня (*тихо Монришару*). Вы правы... оставьте меня съ нимъ на нѣсколько минутъ... я уговорю его...

Гриньонъ (*всторону, смотря на графиню*). Когда я на нее смотрю, кажется, что въ меня входитъ натура моей матери...

Графиня (*Монришару, смотря на Гриньона*). Я имѣю на него вліяніе, онъ мнѣ не будетъ противиться...

Монришаръ. Хорошо, но поспѣшите. Сроку всего остается до пріѣзда президента уголовного суда, котораго мы ждемъ съ часу на часъ.

Графиня. Для чего?

Монришаръ (*вполголоса*). Позвольте мнѣ умолчать объ этомъ.

Графиня. Почему?

Монришаръ (*пониживъ голосъ*). Его присутствіе необходимо, для утвержденія судебного приговора...

Графиня (*пожимая ему руку*). Молчите!

Монришаръ. Вы понимаете?

Графиня. Очень хорошо!

Монришаръ (*Гриньону*). Я васъ оставляю съ графиней; надѣюсь, что она будетъ имѣть надъ вами болѣе власти, чѣмъ я. Совѣтую вамъ послушаться голоса друга. (*Уходитъ въ глубину и отдаетъ приказаніе драгунамъ*.)

XI.

ГРАФИНЯ ГРИНЬОНЪ.

Графиня (*встопону, смотря на Гриньона, съ участіемъ*). Бѣдняжка!... я боюсь за него.... если въ самомъ дѣлѣ....

Гриньонъ. Никогда ея глаза не обращались на меня съ такимъ участіемъ, и еслибъ не драгуны....

Графиня (*приближается къ нему; разговоръ идетъ вполголоса*). Благодарю васъ, добрый другъ мой, благодарю!

Гриньонъ. Такъ вы довольны мною?

Графиня. Очень! Я прошу васъ только, будьте тверды еще ан ѣсколько минутъ.

Гриньонъ. О! за это ручаюсь! Вы здѣсь! и я твердъ, какъ гранитъ!... Но, правду сказать, вы пришли очень кетати....

Графиня. Вы начинали уже терять терпѣніе?

Гриньонъ. Мнѣ терять терпѣніе!... да я умеръ-бы! (*съ само-забвеніемъ*). Послушайте, я открою вамъ мое сердце... ложь меня тяготитъ.... я не то, чѣмъ хочу казаться.

Графиня. Какъ?

Гриньонъ. Я совѣмъ не герой.... напротивъ, то есть.... Когда я говорю напротивъ, такъ это тоже не совѣмъ вѣрво.... Видите ли, во мнѣ двѣ природы: одна чисто геройская, эту половину... Но я вамъ объявлю это послѣ... Поэтому, когда Монришаръ сказалъ мнѣ, что я буду разстрѣлянъ чрезъ часъ.... такъ повѣрите ли, я испугался....

Графиня. Еще-бы не испугаться!

Гриньонъ. И я ужъ хотѣлъ закричать: я не Флавиньоль! но вы вошли, и я устыдился своего страха; я почувствовалъ, что могу сдѣлать что-нибудь великое, геройское.... если только вы тутъ будете! И такъ успокойтесь; я не измѣню Флавиньолью: объ одномъ только прошу васъ, не уходите отсюда, не оставляйте меня.... Будьте здѣсь, когда префектъ воротится, будьте здѣсь, когда прочтутъ мнѣ приговоръ.... Будьте здѣсь, когда... А я способенъ на все.... даже принять за другаго десятокъ пуль въ грудь, если только принимая ихъ, я услышу вашъ голосъ: я здѣсь!

Графиня (*беретъ его за руку*). Благородный молодой человекъ! Да, вы храбры; я васъ лучше знаю, чѣмъ вы сами; васъ устрашаетъ воображеніе, а не сердце.

Гриньонъ. Хорошо, хорошо! говорите мнѣ это, это меня одушевляетъ.

Графиня. Вамъ недостаетъ только внезапной, сильной опасности !....

Гриньонъ. Ну ! мнѣ кажется, что теперь есть все, что мнѣ надо.

XII.

ТЪ ЖЕ « МОНРИШАРЪ. »

Монришаръ. Я не могу болѣе дожидаться..... Президентъ уголовного суда

Графиня. Пріѣхалъ ?

Монришаръ. Да, графиня !.... Надо, чтобъ Флавиньоль рѣшился говорить или последовалъ за мною.

Гриньонъ (*смѣло*). Я слѣдую за вами.

Монришаръ. Что вы говорите ?

Гриньонъ (*съ горячностью*). Моя участь рѣшена ! Военный совѣтъ, уголовный судъ, взводъ ... Залпъ ... пифъ, пафъ, пуфъ !....

Графиня (*устрашенная*). Перестаньте !....

Гриньонъ (*съ жаромъ*). Десять пуль въ грудь Это мнѣ ни почемъ ! если ужъ дошло до этого — мнѣ все равно ! (*Графиня*) Я сынъ моей матери ! (*Монришару*.) Пойдемте, баронъ !

Монришаръ. Ну, если вамъ такъ угодно идемъ !

Графиня. Одну минуту одну минуту !

Гриньонъ. Нѣтъ.... нѣтъ. идемъ.

Графиня. Успокойтесь ... Я сперва предложу нѣсколько важныхъ вопросовъ господину барону.

Монришаръ. Важныхъ вопросовъ ?....

Графиня. Да, баронъ. Давно-ли вы арестовали вашего племянника ?...

Монришаръ. Почти уже съ часъ Но я не вижу

Графиня. Скажите баронъ, вы часто объѣзжали свой департаментъ ?...

Монришаръ. Безъ сомнѣнія, но все это

Графиня. Еще слово : сколько времени надо, чтобъ доѣхать отсюда до Молеона ?

Монришаръ. Три четверти часа !... По какое отношеніе ?..

Графиня. А отъ Молеона до границы, разумѣется, на хорошей лошади ?...

Монришаръ. Десять минутъ, но....

Графиня. Три четверти и десять минутъ, всего пятьдесятъ пять минутъ.

Монришаръ. О, это слишкомъ! Идемъ!

Графиня. Но подождите-же!... что за человѣкъ!... еще одинъ послѣдній вопросъ. Мнѣ кажется, что президентъ уголовного суда старый сенаторъ...

Монришаръ. Графъ де Гриньонъ!

Гриньонъ (*съ радостью*). Мой дялюшка... мой добрый дялюшка!

Монришаръ (*изумленный*). Вашъ дялюшка!

Графиня (*холодно, дѣлая ему реверансъ*). Здѣсь кончаются мои вопросы, я васъ не удерживаю, вы можете представить президенту — его племянника.

Монришаръ (*остолбевъ, и смотритъ съ ужасомъ на Гриньона*). Господиъ Генрихъ де Флавиньоль!

Графиня. Фи!... драма! трагедія! нѣтъ, мы лучше угостимъ васъ семейной сценой! (*Показывая на Гриньона*.) Господиъ Густавъ де Гриньонъ, резетмейстеръ! Его дялюшка не видался съ нимъ довольно долго и будетъ очень радъ, что вы доставите ему это удовольствіе!

Монришаръ (*смущенный*). Какъ?... вы Флавиньоль... или скорѣе не Флавиньоль!... Нѣтъ, это невозможно!.. вы хотите меня еще разъ обмануть, графиня!

Графиня (*смѣясь*). Вы можете обратиться къ самому президенту и голосъ крови не обманетъ его...

Монришаръ. А ваше смущеніе при арестѣ?

Графиня. Военная хитрость.

Монришаръ. А письмо, которое я перехватилъ?

Графиня. Фальшивая эволюція... я сама его подготовила.

Монришаръ. Но ваши слезы, горестъ?

Графиня (*смѣясь*). Развѣ я плакала? Ахъ, бѣдный баронъ, не сердитесь!... я обещаю падъ вами посмѣяться... и вы знаете, что я не привыкла обманывать.

Гриньонъ. Это геній, а не женщпаа!

Монришаръ. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ же виновный... мнѣ извѣстно, что онъ былъ здѣсь.

Графиня. А! вотъ что!

Монришаръ. Боже мой! Какой лучъ свѣта!... Если это былъ другой!

Графиня. Кто другой? тотъ, которому вы дали пропускъ, тотъ, котораго вы подкупили, тотъ, за котораго вы просили меня... Ахъ! я этого очень бы желала!

Монришаръ. Это онъ! А! такъ я еще не побѣжденъ... и бѣгу...

Графиня. По его слѣдамъ?... Безполезно!...вы его не поймаете никогда.

Монришаръ. Вы думаете?...

Графиня. У васъ слишкомъ хорошая лошадь.

Монришаръ (*съ гнѣвомъ*). А!

Гринцовъ (*слѣется*). Ха! ха! ха!...

Графиня. Правда, вы подумали объ всемъ, великодушный другъ, даже снабдили его всемъ нужнымъ и дали денегъ на дорогу...свидѣтель этому вашъ кошелекъ съ 25 лундорами, который мнѣ поручено вамъ возвратить. (*Идетъ къ столу.*) Платить за обманъ!... это черезъ чуръ!...

Монришаръ. О! вы не женщина—вы демонъ! Столько коварства, столько хладнокровія! А я писалъ къ маршалу, что заговорщикъ пойманъ. О! я отомщу за себя!

XIII.

ТѢЖЕ. ЛЕОНІЯ спяльно встревоженная.

Леонія. Баронъ, вотъ къ вамъ привезли очень нужную бумагу изъ Ліова. (*Монришаръ беретъ депешу, Леонія живо приближается къ графинѣ.*)

Монришаръ. Отъ маршала!

Леонія (*тихо*). Ахъ, тетушка! какое несчастіе!

Графиня. Что такое?

Леонія. Онъ воротился!

Графиня. Кто?

Леонія (*тихо*). Генрихъ!

Графиня (*также*). Какъ?

Леонія (*тихо показывая направо*). Онъ тамъ!

Графиня (*также*). Боже-мой!

Монришаръ (*дѣлаетъ жестъ радости, прочитавъ депешу*). А! графиня...теперь моя очередь!

Графиня. Что вы хотите сказать?

Монришаръ. Сейчасъ торжествовали вы,...но судьба войны измѣнчива.... и, не смотря на вашъ умъ и вашу хитрость, судьба господина Флавиньоля, благодаря этой бумагѣ, въ моихъ рукахъ и я могу заставить его предаться въ мою власть въ какомъ-бы мѣстѣ онъ ни былъ.

Графиня (*съ смущеніемъ*). Вы... какъ это?

Монришаръ. Это мой секретъ! всякій въ свою очередь, графиня! я хочу только прежде отъѣзда показать вамъ, что я умѣю

мстить... (Гриньону.) Господишъ де Гриньонъ, я предупреджу ваше-го дядюшку, пусть онъ самъ возвратитъ вамъ свободу. До свиданія, графиня! (Уходитъ.)

XIV.

ГРИНЬОНЪ, ГРАФИНЯ, потомъ ГЕНРИХЪ.

Графиня. Что ты мнѣ сказала? Генрихъ....

Генрихъ (показываясь направо). Здѣсь!

Графиня. Несчастный! зачѣмъ вы пришли сюда?

Генрихъ (живо). Это мой долгъ!.. могли-ли выдумать, что я допущу погибнуть за себя другаго, невиннаго?

Графиня. Погибнуть?

Генрихъ. Старый гвардеецъ, который провожалъ меня, разсказалъ мнѣ все.... Господишъ Гриньонъ пожертвовалъ за меня собою, господишъ Гриньонъ арестованъ за меня!...

Графиня. И господишъ Гриньонъ свободенъ! Хотите, онъ вамъ самъ это скажетъ!

Генрихъ (примптя Гриньона, бросается въ его объятія). Ахъ! сударь, такая жертва....

Гриньонъ. Между людьми храбрыми — это долгъ.... (всторону) удивительно.... я объ этомъ и не думалъ,

Леонія. Возвратиться, когда опасность была отвращена....

Графиня (съ энергіей). Не совсѣмъ еще!

Леонія. Какъ?

Графиня (Генриху). Васъ еще могутъ здѣсь искать, если Монришаръ не скоро уѣдетъ.... (Гриньону.) Ступайте, караульте его отъ-вздъ.

Гриньонъ. Бѣгу.

Графиня (Генриху). Вы.... въ этотъ кабинетъ.

Генрихъ. Но....

Графиня. Я! такъ хочу!... и чрезъ нѣсколько минутъ опасность пройдетъ. (Генрихъ уходитъ.)

XV.

ГРАФИНЯ, ЛЕОНІЯ.

Графиня (Леоніи). Теперь ты можешь раздѣлить мою безза-ботность и радость. (Видя, что она отворачивается, чтобъ отереть слезы.) Боже мой! о чемъ ты плачешь?

Леонія. Я не плачу, тетушка, я не плачу! (Всхлипывая.) Я

счастлива!... онъ спасень!... но въ тоже время я въ отчаяньи... потому что сейчасъ, когда я прятала его въ этомъ кабинетѣ, и трепетала за него.... (плача) онъ сказалъ мнѣ....

Графиня (живо). Что такое?

Леонія (живо). Развѣ я знаю? развѣ я могу вспомнить? я поняла только то, что все кончено для меня!

Графиня (всторону, печально). Понимаю!

Леонія. Что мы не можемъ принадлежать другъ другу...

Графиня (всторону, печально). Правда!... надо ей это хорошенько объяснить. (Беретъ ее за руку.) Бѣдняжка! такъ ты этого хочешь... ты его проклинаешь?...

Леонія. О! нѣтъ!... но я умру отъ печали.

Графиня (стараясь ее утѣшить). Леонія... Леонія... будь благоразумна. Если, на примѣръ, онъ связавъ общаніемъ...

Леонія (живо). Правда!... онъ мнѣ говорилъ, что судьба его навсегда принадлежитъ другой.

Графиня (живо). И онъ назвалъ эту особу?

Леонія. Нѣтъ!... онъ не хотѣлъ сказать ея имени... но вы, тетушка, вѣрно ее знаете?

Графиня. Я думаю, что знаю!

Леонія. Въ самомъ дѣлѣ?... а любить-ли она его?

Графиня (съ силой). О!

Леонія (графинѣ). Она хороша, мила, любезна?...

Графиня. Не такъ, какъ ты, разумѣется...

Леонія. И онъ ее выбралъ!

Графиня. Чтожъ дѣлать, душа моя, съ сердцемъ не разсуждаютъ, и если она любима...

Леонія. Но совсѣмъ нѣтъ, онъ любитъ меня...

Графиня. Тебя!

Леонія. Да, меня... онъ мнѣ въ этомъ самъ признался... но онъ обязанъ другой дружбой и... благодарностью.

Графиня (живо). Благодарностью... А!

Леонія. И особенно общаніемъ, которое онъ сдержитъ, еслибъ это даже стоило ему жизни! Вотъ что пелѣно! Скажите ему это, тетушка; вы однѣ можете его уговорить! (Генрихъ все это слышитъ и не могши болѣе удержаться, бросается изъ правой двери.)

Генрихъ. Молчите! молчите!

Графиня. Боже мой!

Леонія. Уйдите, сдѣлайте милость уйдите! Ну, если Монришаръ придетъ....

Генрихъ. Что за важность!.. Пусть я лучше умру.

Графиня. Лучше умереть, чѣмъ измѣнить своему обѣщанію?... Хорошо, Генрихъ!

Леонія. Но, тетушка...

Графиня. Предоставь мнѣ съ нимъ переговорить. (*Тихо Генриху.*) Вы мнѣ сказали: я обязанъ вамъ жизнью; располагайте ею. (*Леонія отходитъ на нѣсколько шаговъ.*)

Генрихъ. Чего же вы требуете?

Графиня. Вашего счастья! Это единственная вещь, о которой я мечтала, которую желала и которой хотѣла достигнуть.

Генрихъ. Но я...

Графиня (*дѣлаетъ знакъ Леоніи приблизиться и ставитъ ее подлѣ Генриха*). Генрихъ! вотъ та, которую вы должны избрать.

Генрихъ. Ахъ! мой другъ... мой добрый другъ!

Леонія. Ахъ, я была увѣрена, что буду обязана этимъ вамъ; (*Бросается на колѣни.*)

Гриньонъ (*быстро входитъ съ лѣва*). Что вы тутъ дѣлаете? Монришаръ идетъ сюда.

Всѣ. Монришаръ!

Леонія (*Генриху*). Уйдите! уйдите!

Гриньонъ. Онъ уже взошелъ по лѣстницѣ... вотъ онъ!

Леонія. Не успѣлъ! (*Генрихъ садится на канapé, дамы стоятъ передъ нимъ и стараются закрыть его платьями.*)

=

XVI.

ТѢ ЖЕ И МОНРИШАРЪ.

Монришаръ. Я пришелъ съ вами проститься, графиня!

Леонія (*съ радостью*). А!

Монришаръ. Но прежде отъѣзда, я вамъ докажу, что не хвасталъ, говоря, что эта бумага могла доставить въ мою власть господина де-Флавиньола.

Леонія (*всторону*). Я трепещу!

Графиня (*всторону*). Что онъ хотеть сказать?

Монришаръ. Это тотъ указъ, котораго я такъ долго домогался, указъ прощенія.

Всѣ (*съ радостью*). Прощенія!

Графиня и Леонія (*удаляясь отъ канapé*). Теперь онъ можетъ показаться...

Генрихъ (*вставая*). А! баронъ, теперь я могу имѣть честь...

Монришаръ (съ торжественнымъ видомъ). О! я былъ увѣренъ, что заставлю его показаться этимъ средствомъ.

Леонія. Боже мой!

Гриньонъ. Это была западня и мы въ нее попались.... (Всѣ остаются неподвижны отъ ужаса. Монришаръ приближается къ авансцену и смѣется про себя, съ видомъ удовольствія. Графиня подходитъ къ нему, подмигиваетъ его улыбку и дѣлаетъ жестъ радости.)

Монришаръ. Генрихъ де-Флавиньоль.... именемъ короля и закона объявляю вамъ....

Графиня (продолжая его тономъ). Объявляю вамъ свободу и прошеніе....

Всѣ. Какъ?

Графиня. О! безъ сомнѣнія! развѣ вы не видите, что господинъ Монришаръ хочетъ взять свой реваншъ и разыгрываетъ мелодраму, чтобъ испугать меня.

Леонія. Ахъ! еслибъ такъ!

Графиня (беретъ бумагу у Монришара). Смотрите!... читайте!... указъ всепрощенія.

Монришаръ. Вотъ женщина! ее ничѣмъ не надуешь!

Леонія (графини). Ну теперь, мы опять всѣ вмѣстѣ....

Графиня. Да!... но не надолго.... сегодня въ ночь я должна уѣхать.

Леонія. Уѣхать!

Гриньонъ. Вы ѣдете?... Хорошо, такъ и я ѣду. О! что вы мнѣ ни говорите, и я ѣду, я послѣдую за вами, не смотря ни на что, даже до конца свѣта, и въ дорогѣ надѣлаю столько прекраснаго, высокаго, великаго, что вы скажете наконецъ: вотъ человѣкъ, котораго я сдѣлала героемъ, сдѣлаю же его счастливымъ!...

Графиня. Не будемъ говорить объ этомъ.... (Подходя къ барону) Ну что, баронъ?

Монришаръ. Я побѣжденъ, графиня!...

Графиня (съ грустью). Не вы одни... (Показывая веселость.) Чтожъ дѣлать, баронъ? Иногда и побѣда бываетъ хуже пораженія — и наоборотъ, иное пораженіе стоитъ любой побѣды: утѣшимся! Но только совѣтую вамъ — не вступайте никогда въ войну съ дамами: или поразятъ или возьмутъ въ плѣнъ или, что еще хуже, дадутъ вамъ шахъ и матъ!

II.

ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

ЛѢСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ.

РОМАНЪ ГАБРИЭЛЯ ФЕРРИ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

VI.

ОХОТА НА СМЕРТЬ.

Боа-Розе, рѣшившись воспользоваться неожиданною милостью, испосланною имъ Провидѣніемъ, бросился вслѣдъ за карабинеромъ. Гайферось, понимавшій очень хорошо, что ихъ существованіе записать отъ успѣха этой охоты, послѣдовалъ за ними.

И въ-самомъ-дѣлѣ эта охота должна была спасти жизнь людей, умиравшихъ отъ голода. Но и здѣсь, могли-ли три охотника, не имѣвшіе ничего, кромѣ ножей, надѣяться на успѣхъ, когда предъ ними было животное, по легкости почти для нихъ недостижимое, по силѣ такое, что къ нему опасно было подступиться.

При видѣ враговъ, бѣгущихъ къ нему, буйволъ остановился на мгновеніе, началъ рыть копытами землю, бить хвостомъ по бедрамъ, наклоняя свою длинную гриву почти до земли, и потомъ, выставивъ рога въ защиту, остановился, ожидая непріятеля.

— Пепе, держи сзади буйвола, — кричалъ канадецъ голосомъ, болѣе страшнымъ, чѣмъ ревъ буйвола; — Гайферось, забѣгай справа, онъ будетъ между насъ, и не уйдетъ.

Пепе, бывший впереди своихъ товарищей, первый выполнилъ приказаніе канадца съ такою скоростью, которую едва-ли можно было ожидать, судя по его усталости; Гайферось, съ своей стороны, быстро перешелъ на право, а Боа-Розе бросился въ лѣво. Такимъ образомъ они втроемъ образовали углы треугольника, въ срединѣ котораго находился раненный буйволъ.

— Теперь впередъ, разомъ! ура, ура! — кричалъ испанецъ, бросаясь съ ножомъ на буйвола, и пожирая глазами кровь, которая вытекала ручьемъ изъ его раны.

— Тихе, ради Бога, тихе! — кричалъ канадецъ, испуганный яростью голоднаго карабинера, лѣзшаго на опасность. — Подожди, чтобы подойти въ одно время.

Но Пепе, у котораго глаза горѣли, зубы были стиснуты, не слышалъ болѣе ничего. Гдѣ Боа-Розе находилъ опасность, тамъ Пепе видѣлъ только добычу, которою онъ могъ утолить голодъ, и почти добѣжалъ до буйвола, когда тотъ, испугавшись непріятелей, ближе и ближе его окружавшихъ, отступилъ и бросился бѣжать въ ту самую минуту, когда испанецъ занесъ ножъ, чтобы поразить его. — Пепе промахнулся, и увлеченный силою удара, упалъ, потерявъ равновѣсіе.

Когда онъ приподнялся, испуская вой отъ бѣшенства, буйволъ былъ уже далеко, и канадецъ съ Гайферосомъ уже были впереди его.

— Перерѣжьте ему дорогу къ рѣкѣ, — кричалъ испанецъ, когда увидѣлъ, что буйволъ, казалось, хотѣлъ броситься въ рѣку, ища въ ней послѣднее убѣжище, — ради Фабіана, ради жизни нашей не упустите его.

Но Боа-Розе не нужно было ждать словъ Пепе, чтобы замѣтить, что дѣлалъ бѣгущій буйволъ. — Опасаясь потерять единственную надежду на спасеніе жизни, канадецъ, какъ гончая собака, полетѣлъ по направленію къ рѣкѣ, и, поровнявшись съ нимъ почти въ прямой

линии, побѣжалъ на него съ громкимъ крикомъ. Тогда животное бросилось въ противоположную сторону, но встрѣтивъ здѣсь гамбузино, готоваго пресѣчь ему дорогу, кинулось прямо къ Пепе.

Какъ искусные охотники, въ которыхъ голодъ удваивалъ способность, канадецъ и Гайферось, продолжали преслѣдовать буйвола, удваивая крики, между-тѣмъ какъ Пепе, молча, неподвижно пригнувшись къ землѣ, ожидалъ приближенія его.

Очевидно, что буйволъ ослабѣлъ уже отъ потери крови, бѣжавшей струею изъ широкой раны между лопатокъ. Движенія его сдѣлались медленны, слабы; кровавая пѣна потоками бѣжала изъ широкихъ и черныхъ ноздрей; глухой, прерывистый ревъ ясно показывалъ упадокъ силъ. Казалось, онъ ничего не видѣлъ, потому что на своемъ бѣгу онъ долженъ былъ почти наткнуться на испанца, ждавшаго его, и между тѣмъ не сворачивалъ съ дороги.

Карабинеръ одною рукою схватилъ буйвола за рога, а другою — два раза воткнулъ ему въ грудь ножъ до рукоятки. Животное упало на колѣна, но вскорѣ поднялось и потащило за собою испанца. Карабинеръ употребилъ одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ приемовъ, которые употребляютъ иногда торреадоры въ его странѣ: онъ вспрыгнулъ ему на спину и ухватился за длинную, волнистую гриву.

Боа-Розе и Гайферось могли видѣть, какъ всадникъ, пожираемый голодомъ, обвинившись какъ змѣя вокругъ добычи, наносилъ ударъ за ударомъ, и каждый разъ въ то же время припадалъ губами къ ранѣ и пилъ кровь, струившуюся оттуда.

Голодъ превратилъ человѣка въ хищнаго звѣря.

Не заботясь уже о томъ, по какому направленію скакалъ буйволъ въ предсмертной агоніи, микелеть продолжалъ пить горячую кровь, возвращавшую ему жизнь, вылъ, наносилъ удары и несся на спинѣ животнаго.

— Смерть и адъ! — вскричалъ канадецъ, задыхающійся и мучимый голодомъ, такъ долго одерживаемымъ его желѣзною волею, — доканчивай же его, Пепе; неужели ты дашь ему убѣжать въ рѣку?

Испанецъ вылъ, продолжая наносить удары, и не замѣчалъ, что буйволъ несся къ рѣкѣ, пытаясь сбросить врага, вцѣпившагося въ его бока. — Въ ту минуту, когда Боа-Розе еще разъ закричалъ отъ бѣшенства, израненное животное собрало свои силы, и великолѣп-

нымъ скачкомъ прыгнуло въ воду какъ олень, на слѣдъ котораго по-пали собаки.

Человѣкъ и буйволъ исчезали нѣсколько минутъ въ пѣнистыхъ волнахъ; потомъ снова появлялись на ея поверхности, барахтаясь; но жизнь наконецъ оставила исполина луговъ; буйволъ упалъ и сдѣлался вскорѣ недвижимъ, какъ осколокъ скалы, обрушившійся въ средину рѣки.

Въ ту минуту, когда Пепе всталъ на ноги, канадецъ и Гайферось бросились въ рѣку.

— Неловкій мясникъ! — вскричалъ канадецъ, обращаясь къ Пепе, — можно-ли уродовать такимъ образомъ благородное животное!

— Та, та, та! — отвѣчалъ Пепе, — безъ меня это благородное животное ушло-бы отъ насъ, а по милости моей неловкости, вотъ оно здѣсь.

Говоря эти слова, испанецъ, къ которому возвратилось наконецъ его веселое расположеніе духа, прыгалъ съ дикою радостью вокругъ буйвола, лежавшаго въ рѣкѣ.

Трое охотниковъ съ трудомъ могли вытащить огромный трупъ на берегъ рѣки, гдѣ тотчасъ принялись разрѣзывать его, прерывая работу криками восторга, котораго не въ силахъ были удержать.

— Запасовъ на весь походъ, — повторилъ Пепе въ десятый разъ, — исполинскій обѣдъ, и послѣ него отдыхъ подъ этими прекрасными деревьями, — окончилъ онъ, показывая на тѣнистый противъ нихъ лежащій островокъ.

— Обѣдъ скорый, какъ обѣдъ походнаго солдата, часть отдыха, и потомъ въ путь по слѣдамъ индѣйцевъ, — важно отвѣчалъ канадецъ.

— Я ни о чемъ не позабылъ, Боа-Розе; только мы много пострадали отъ голода!

Возвращенные къ чувству своего долга и любви, три охотника стали продолжать молчаливо свое дѣло, которое вдругъ начало прерываться жалобнымъ воемъ, до нихъ долетавшимъ.

— Посмотрите, сказалъ Пепе, указывая на противоположномъ берегу двухъ волковъ, которые были отъ голода, глядя съ жадностью на охотниковъ; вотъ два бѣдняка тоже пришли за своей долей изъ буйвола, и, чортъ возьми! они ее получаютъ.

При этихъ словахъ, карабинеръ схватилъ переднюю ногу буйвола

и размахнувъ надъ головою, перебросилъ черезъ рѣку. Кусокъ, предназначенный волкамъ, упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, и голодные животныя бросились за нимъ въ воду.

— Вотъ что останется имъ и ихъ товарищамъ,—сказалъ Боа-Розе, показывая на остатки, когда лучшія части мяса были уже отдѣлены, то-есть спина, почитающаяся самымъ лакомымъ кускомъ всякой говядины и филе, разрѣзанный на длинныя и тонкіе куски, и отложены въ сторону; — займемся теперь нашимъ столомъ.

— Однако, я не думаю,—сказалъ Пепе,—чтобы этотъ буйволъ сдѣлался самоубійцею, изъ удовольствія доставить намъ пищу; вѣрно онъ убѣждаетъ отъ преслѣдованія какого-нибудь индѣйскаго охотника: и съ нашей стороны благоразумнѣе быть готовымъ принять посѣщеніе нѣсколькихъ штукъ этихъ несговорчивыхъ мародеровъ, которые вѣрно не преминутъ обойтись съ нами, какъ съ этимъ буйволомъ.... Да еще на небольшой полянѣ на островѣ, которая видна отсюда — два волка, — прибавилъ Пепе, оканчивая разсужденія, — роютъ землю, работа, не совсѣмъ-то для меня понятная послѣ того, какъ я имъ бросилъ порядочный кусокъ.

Слова карабинера напомнили двумъ его товарищамъ, въ какомъ опасномъ положеніи они находятся: одна только неожиданная удача могла заставить ихъ на нѣсколько минутъ позабыть это.

Кривая и желтоватаго цвѣта линія, шедшая поперекъ рѣки, среди голубоватаго отблеска, показывала бродъ охотникамъ, и они рѣшились, для большей безопасности, перебраться на островъ, и тамъ, подъ защитою густыхъ деревьевъ, развести огонь и приготовить обѣдъ себѣ.

Когда они стали переходить въ бродъ красную рѣку, оба волка перестали рыть землю при приближеніи людей, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ съ воемъ, схвативъ брошенный карабинеромъ кусокъ, а за нимъ вслѣдъ бросился и его товарищъ.

Трое охотниковъ, вступивъ на островъ, нашли почти по срединѣ небольшой поляны яму, въ нѣсколько дюймовъ глубиною, которую вырыли волки когтями.

— Тамъ, вѣроятно, есть какой-нибудь трупъ,—сказалъ Пепе, впечатлѣнія котораго были по обыкновенію вѣрны,—и между-тѣмъ этотъ дернъ, покрывающій землю, кажется не показываетъ, чтобы она была недавно копана.

Одно только впрочемъ обстоятельство поразило испанца при его изслѣдованіи, то, что въ одномъ мѣстѣ ямы, вырытой волками, дернъ былъ обрѣзанъ совершенно ровно, точно будто-бы садовымъ инструментомъ.

Голосъ Боа-Розе, звавшій Пепе на помощь въ то мѣсто, которое они избрали для отдыха, отвлекъ испанца отъ его изслѣдованія, однако-жь онъ далъ себѣ слово возвратиться сюда, чтобы продолжать его, какъ скоро утолитъ свой страшный голодъ.

Не смотря на то, что порохъ двухъ охотниковъ подмокъ отъ грозы въ ту роковую ночь, въ которую пропадъ Фабианъ, однако онъ былъ еще на столько сухъ, чтобы безъ труда можно было зажечь огонь, для приготовленія ихъ пищи. Сухаго дѣса было вдоволь на островѣ, и вскорѣ три голодные охотника, ожидая минуты, въ которую могутъ утолить свой голодъ, дошедшій до послѣдней степени, должны были пока довольствоваться пріятнымъ запахомъ буйволоваго мяса, жарившагося на угольяхъ.

Двадцать разъ канадецъ, болѣе владѣвшій собою, долженъ былъ своимъ вліяніемъ удерживать ихъ, чтобы они не бросились и не начали ѣсть сырое еще и покрытое кровью мясо; наконецъ наступила минута, когда они могли дать волю своему пожирающему нетерпѣнію.

— Потихе-же, потихе!—вскричалъ Боа-Розе, когда Гайферосъ и Пепе начинали съ неистовствомъ пожирать хребетъ буйвола.—Если будете такъ ѣсть, то подавитесь и задохнетесь: это мясо безъ соли не здорово. — Оно дѣлается твердо, какъ кремль.

— Можетъ быть, — отвѣчалъ Пепе, не распространяясь далѣе; — зато оно также нѣжно, какъ небесная роса.

И только страшный шумъ работающихъ челюстей слышался среди тишины острова.

— Тѣ также угощаются тамъ, — сказалъ канадецъ, показывая на берегъ рѣки, только что ими оставленный, гдѣ два другихъ собесѣдника, не менѣе ихъ самихъ голодные, пожирали остатки окровавленнаго буйвола.

Это были два волка, которые, привлеченные запахомъ буйвола, перешли рѣку и пожирали остатки, но не съ такою жадностію, какъ люди: эти плотоядные животныя возгордились-бы, если-бы могли чувствовать такой голодъ, какъ люди.

Спина буйвола исчезла совершенно, а Пепе съ жадностію взгля-

нулъ еще разъ на изрѣзанный въ куски филей, который Боа-Розе почти засушилъ на угольяхъ, чтобы сохранить еще на нѣсколько дней мясо такимъ образомъ. — Эта провизія была положена особо.

— Теперь съ часокъ заснемъ, — сказала канадецъ, — потомъ въ путь; смерть и индѣйцы не ждутъ.

И лѣсной скиталецъ протянулся на травѣ, подавая примѣръ своимъ товарищамъ, и отогнавъ могучимъ усиленъ воли потокъ грустныхъ мыслей, отяготившихъ его; великанъ заснулъ, чтобы подкрѣпить свои силы и энергію, столь необходимыя для спасенія его дитяти. Гайферось послѣдовалъ примѣру канадца; но Пепе, прежде сна, захотѣлось доискаться, что значила эта странная особенность, которую онъ замѣтилъ въ ямѣ, вырытой волками среди небольшой прогалины.

Карабинеръ, съ терпѣннѣмъ индѣйца, снова разсмотрѣлъ мѣсто, гдѣ дернъ казался такъ ровно разрѣзаннымъ. Богѣ спокойный на этотъ разъ, онъ скоро убѣдился, что когти какого-бы то ни было животнаго не могли такимъ образомъ, какъ здѣсь, обрѣзать глинистой почвы. Потомъ ему показалось, что на землѣ была свѣтлая, съ металлическимъ блескомъ полоса, какую оставляетъ желѣзный сошникъ плуга по краямъ бороздъ, на прорѣзываемой имъ почвѣ.

Тогда Пепе вынулъ свой ножъ и приложивъ его плашмя во всю длину прямо противъ этого непонятнаго для него обрѣза, сталъ всовывать въ землю. Клинокъ ножа проскользнулъ съ легкостью, какъ бы въ какую-нибудь ращелину и описалъ широкой кругъ. Пепе почувствовалъ, что сердце его сильно забилося. Онъ догадался, что здѣсь есть подвалъ, какіе обыкновенно дѣлаются въ пустыняхъ, и въ этомъ подвалѣ, безъ сомнѣнія, есть ловушки для бобровъ, аммуниція, порохъ и оружіе.

Читатели догадались, что счастливый случай привелъ трехъ охотниковъ на Островъ Буйволовъ, гдѣ местицъ зарылъ добычу, и потому понятно, если мы скажемъ, что надежда, заставлявшая биться сердце испанца, не была неосновательна.

Пепе съ легкимъ усиленъ приподнялъ и оттащилъ пластъ дерна, скрывавшаго кладъ болѣе драгоценный для безоружныхъ путешественниковъ, чѣмъ бесполезное золото, которымъ они пренебрегали.

Съ помощію пальцевъ и своего ножа, Пепе съ судорожнымъ жаромъ разрылъ землю. Что найдетъ онъ на днѣ этого подвала? То-

вары-ли, съ которыми ему нечего дѣлать, или оружія, — свою разрушительную силу и энергію, жизнь и свободу для Фабіана ?

Остановившись на минуту отъ волненія и мучительной неизвѣстности, Пепе принялся снова за работу. Вскорѣ подъ землю, еще не окрѣпшею, онъ ощутилъ толстую кожу, покрывавшую скрытые предметы. Онъ отбросилъ далеко кожу ; лучъ солнца проникъ въ глубину тайника и видъ того, что тамъ было, ослѣпилъ испанца, онъ только и видѣлъ одну вещь между наваленными какъ ни попало предметами : — огнестрѣльное оружіе всѣхъ размѣровъ, пороховые рога, привязанные къ карабинамъ, сквозь прозрачность которыхъ видѣлся зернистый и свѣтящійся порохъ.

Въ первый разъ Пепе, послѣ долгаго времени, преклонилъ колѣни, прочиталъ пламенную молитву, и побѣжалъ какъ сумасшедшій къ Боа-Розе.

Канадецъ спалъ такимъ чуткимъ сномъ, какъ солдатъ вблизи непріятеля.

— Что это значитъ, Пепе ? — вскричалъ онъ, — пробужденный шумомъ шаговъ своего товарища.

— Пойдемъ, Боа-Розе, — возразилъ съ радостью Пепе, — пойдемъ, Гайферось ! — кричалъ онъ, толкая ногой спавшаго гамбузино.

Потомъ онъ бросился бѣжать къ подвалу, послѣдуемый своими товарищами, которые напрасно его спрашивали о случившемся.

— Оружіе ! оружіе ! — вскричалъ испанецъ, — выбирайте любое, вотъ ! вотъ ! вотъ !

И при каждомъ словѣ, Пепе, нагнувшись къ землѣ, опускалъ руку въ сдѣланное имъ отверстіе и выбрасывалъ по карабину къ ногамъ изумленного Боа-Розе.

— Поблагодаримъ Бога, Пепе, — сказалъ Боа-Розе, — Онъ намъ возвращаетъ силу....

Каждый изъ трехъ охотниковъ выбралъ себѣ оружіе по рукъ. Боа-Розе взялъ еще одно, четвертое, для Фабіана, потому что эта неожиданная находка, послѣ добычи буйвола, посланнаго имъ Провидѣніемъ, снова возродила надежду въ его сердцѣ.

— Сложимъ остальное на мѣсто, Пепе, — сказалъ канадецъ ; — не будемъ лишать хозяина этого оружія и этихъ товаровъ, драгоцен-

ныхъ средствъ, которыя онъ скрылъ здѣсь : это было бы грѣшно предъ небомъ.

Три охотника скоро завалили яму и сдѣлали ее, сколько можно было непримѣтною для всѣхъ взоровъ, не подозрѣвая, что они такъ благородно обезопасили выгоды своихъ смертельныхъ враговъ.

— Въ дорогу теперь, — продолжалъ канадецъ, — въ дорогу и днемъ и ночью, не правдали, Пепе ?

— Да, — отвѣчалъ послѣдній, — теперь мы уже три воина, которые гонятся за бандитами, и донъ Фабіанъ....

Неожиданное зрѣлище прервало рѣчь его и слова замерли на губахъ ; ужасная дѣйствительность угрожала еще разъ разсѣять мечты двухъ охотниковъ, или по-крайней-мѣрѣ надолго отложить исполненіе ихъ намѣренія. Боа-Розе и Гайферосъ взглянули вслѣдъ за Пепе на предметъ, неожиданно прервавшій рѣчь его.

На противоположномъ берегу, индѣйскій воинъ, тщательно распланированный какъ бы передъ сраженіемъ, казалось съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ остовъ брошеннаго на немъ буйвола. — Хотя и невозможно было, чтобы онъ не замѣтилъ трехъ бѣлыхъ, однако-жъ индѣецъ не обращалъ, по видимому, никакого вниманія на ихъ присутствіе.

— Это нашъ амфитріонъ, — возразилъ Пепе ; — не попробовать ли мнѣ на немъ, изъ благодарности, на какое разстояніе бьетъ мой новый карабинъ ?

— Берегись, Пепе ; — какъ бы ни былъ храбръ этотъ индѣецъ, но его спокойствіе, съ которымъ онъ нарочно будто бы не замѣчаетъ насъ и не обращаетъ никакого вниманія, доказываетъ, что онъ не одинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, индѣецъ продолжалъ разсматривать съ такимъ хладнокровіемъ, которое наказывало необыкновенную храбрость, или по-крайней-мѣрѣ явное сознаніе превосходства своихъ силъ, и его карабинъ, повѣшенный черезъ плечо, служилъ, казалось, скорѣе украшеніемъ для него, чѣмъ оборонительнымъ оружіемъ.

— А ! это команчъ, — продолжалъ Боа-Розе, — я узналъ его по головному убору и по украшеніямъ его плаща, изъ буйволовой кожи ; и команчъ неумолимый врагъ апаха. Этотъ молодой человекъ идетъ теперь по Дорогѣ Войны.

Я позову его, потому что время слишкомъ дорого для насъ, чтобы употреблять его на хитрости, когда нужно прямо идти къ цѣли.

Канадецъ поспѣшилъ исполнить свое намѣреніе, которое согласовалось съ прямою его характера и твердымъ шагомъ подошелъ къ берегу, готовый сразиться; еслибъ это былъ врагъ, случайно наткнувшійся на нихъ, готовый заключить союзъ съ индѣйцемъ, еслибъ ему пришлось найти друга въ молодомъ команчскомъ воинѣ.

— Закричи ему по-испански, Боа-Розе, — сказала Пепе; — чрезъ это мы скорѣе узнаемъ, какъ должны дѣйствовать.

Канадецъ поднялъ вверхъ прикладъ своего карабина, между тѣмъ какъ индѣецъ продолжалъ разсматривать остовъ буйвола и слѣды, оставшіеся подлѣ него.

— Три воина умирали съ голода, какъ Великій-Духъ послалъ имъ раненаго буйвола, — кричалъ Лѣсной Скиталецъ. — Сынъ мой старается узнать, не то-ли это животное, которое онъ ранилъ своимъ копьемъ. Не хочетъ-ли онъ принять часть его, которую мы сберегли ему? Этимъ онъ докажетъ тремъ бѣлымъ воинамъ, что онъ имъ другъ.

Индѣецъ поднялъ наконецъ голову.

— Команчъ, — отвѣчалъ онъ, — другъ не вѣстъ бѣлымъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ; и не садясь къ ихъ огню, онъ хочетъ прежде узнать ихъ имя, откуда они и куда идутъ.

— Карамба! — сказалъ Пепе въ полголоса, — молодой человекъ гордъ какъ начальникъ апаховъ.

— Сынъ мой говоритъ съ гордостью начальника, — возразилъ Боа-Розе, повторяя вѣжливѣ фразу карабинера. — Онъ безъ сомнѣнія имѣетъ мужество начальника, но онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы вести войско по Дорогѣ Войны, однакожъ я буду отвѣчать ему, какъ бы предводителю какого-нибудь племени. Мы прошли и идемъ къ истоку Красной-Рѣки по слѣдамъ двухъ бандитовъ. Тотъ — Пепе Соня, тотъ золотонискатель, у котораго индѣйцы сняли съ головы волосы, а я Лѣсной Скиталецъ изъ Нижней Канады.

Индѣецъ съ важностію выслушалъ отвѣтъ Боа-Розе.

— Отецъ мой, — отвѣчалъ онъ, — имѣетъ и благоразуміе и возрастъ начальника; но онъ не можетъ сдѣлать, чтобы глаза команчскаго воина были слѣпы или уши глухи. Изъ трехъ бѣлыхъ воиновъ онъ запомнилъ имена двоихъ, но эти имена не тѣ, которыя онъ слышитъ теперь.

— А, да! — возразилъ живо Боа-Розе, — это значитъ сказать мнѣ вѣжливо, что я лжець, а лзыкъ мой никогда не зналъ лжи ни изъ страха, ни изъ дружбы. Потомъ канадецъ продолжалъ раздраженнымъ голосомъ :—Кто обвиняетъ Боа-Розе во лжи, тотъ дѣлается его врагомъ ; прочь же, команчъ, чтобы глаза мои тебя не видали больше : съ этого времени пустыня тѣсна для насъ обоихъ.

Сказавъ эти слова, канадецъ взвелъ курокъ у своего карабина ; но индѣецъ, не двигаясь съ мѣста, сдѣлалъ знакъ рукою.

— Жгучій-Лучъ, — вскричалъ онъ гордо, ударяя себя въ грудь, — отыскивалъ вдоль Красной-Рѣки Орла Свѣжихъ Горъ и Попугая, отыскивающихъ сына, похищеннаго у нихъ апахскими собаками.

— Орель, Попугай ! — вскричалъ Боа-Розе, совершенно удивленный. — Ахъ ! да, это правда, я забылъ.... Но, скажи, сынъ мой, скажи, — продолжалъ живо старый охотникъ, — видѣлъ-ли ты Фабиана, дитя, которое я отыскиваю ?

И канадецъ, отбросивъ вдругъ свой карабинъ, кинулся въ бродъ рѣки, которую онъ перешолъ исполнскими шагами.

— Да ! да ! Орель и Попугай, это мы оба ; это имя намъ дали апахи и я забылъ его, — продолжалъ канадецъ разбрызгивая ногами вокругъ себя воду. — Подожди, Жгучій-Лучъ, подожди, я твой, я принадлежу тебѣ, какъ желѣзо стрѣль, какъ клинокъ рукояткѣ.... твой другъ.... на жизнь и на смерть....

Молодой индѣецъ улыбался, ожидая Льенаго Скитальца, который вскорѣ вышелъ на берегъ и протянулъ ему свою широкую, честную руку, въ которой воинъ почувствовалъ свою какъ ущемленную въ стволѣ раздвоившагося дерева.

— И такъ, — вскричалъ канадецъ, съ трудомъ сопротивляясь желанію заключить въ свои объятія молодаго индѣйца, — ты врагъ Красной-Руки, Смѣшанной-Крови и всѣхъ этихъ.... Но кто сказалъ имена наши воину, котораго соплеменники называли справедливо Жгучимъ-Лучемъ, потому, что сынъ мой, кажется, столь-же страшенъ, какъ огненные стрѣлы, выходящія изъ облаковъ ?

— Отъ Тубакской президы до Бизоньяго Озера, въ которомъ любитъ собой Цвѣтокъ озера, — отвѣчалъ индѣецъ, дѣлая намекъ на донью Розаріо, образъ которой противъ его воли запечатлѣлся въ его головѣ, отъ Бизоньяго Озера до Туманныхъ Горъ, и отъ мрач-

ных холмовъ до тайника, вырытаго ими, Жгучій-Лучъ слѣдовалъ за оскорбителями своей чести.

— Ахъ! это три этихъ дем.... Но продолжай, Жгучій-Лучъ.

— Похитители,—продолжалъ индѣецъ,—не имѣли тайны отъ него, и, по словамъ ихъ Жгучій-Лучъ узналъ двухъ бѣлыхъ воиновъ на Бизоньемъ Островѣ. Такъ-ли храбры эти два бѣлые воина, какъ говорятъ о нихъ?—окончилъ онъ, устремляя глаза свои на отдаленный горизонтъ.

— Къ чему этотъ вопросъ? — спросилъ Боа-Розе съ спокойною улыбкою, которая отвѣчала на это лучше всѣхъ увѣреній.

— За тѣмъ,—отвѣчалъ спокойно индѣецъ, что—я вижу отсюда на востокѣ дымъ отъ огней Черной-Птицы и тридцати его воиновъ, на западѣ отъ огня двухъ степныхъ пиратовъ, а на сѣверѣ десять апаховъ, и что команчскій индѣецъ и двое блѣднлицыхъ окружены съ трехъ сторонъ врагами.

— Это, чортъ возьми, правда! индѣйцы рѣшительно прозорливѣе насъ,—вскричалъ канадецъ спрашивая, взоромъ Команча, когда увидѣлъ вдали легкое облако дыму, показывающее мѣсто индѣйскаго лагеря.

VII.

ПЛАВАТЕЛИ КРАСНОЙ РѢКИ.

Молодой команчъ понялъ значеніе взгляда Боа-Розе, узнавшаго присутствіе одного изъ трехъ неприятельскихъ отрядовъ, о которыхъ говорилъ индѣецъ.

— Опасность правда, еще далека,—отвѣчалъ Жгучій-Лучъ, показывая пальцемъ на востокъ, гдѣ дымъ отъ огней индѣйскаго бивака подымался едва замѣтною спиралью,—команчъ послѣдуетъ за своими новыми друзьями на Бизоній Островъ, и тамъ они возжгутъ огонь совѣта, чтобы рѣшить, что имъ дѣлать. Идемъ.

Лѣсной Скиталецъ и индѣецъ отправились въ бродъ чрезъ рѣку, чтобы соединиться съ Пепе и гамбузино, ожидавшими съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ послѣдствій этого разговора, что они не могли слышать изъ него ни одного слова.

Индѣецъ протянулъ церемонно двумъ бѣлымъ руку и всѣ четверо

отправились къ разложенному огню, у котораго три охотника такъ гомерически обѣдали. Теперь они были совсѣмъ въ другомъ расположеніи духа. Пища возвратила силу и гибкость ихъ ослабѣвшимъ отъ изнуренія членамъ, а пріобрѣтеніе оружія — увѣренность и энергію ихъ пораженнымъ сердцамъ. Тамъ, молодой индѣецъ на скоро съѣлъ свою часть буйвола, раненнаго, какъ онъ говорилъ, однимъ индѣйцемъ изъ шайки Смѣшаной-Крови, и Боа-Розе воспользовался этимъ временемъ, чтобы сообщить своимъ двумъ товарищамъ, что ему удалось узнать самому.

Непріятное и трудное положеніе, — сказалъ канадецъ, оканчивая ; — преслѣдовать врага тогда, когда самого преслѣдуютъ.

— Да, — возразилъ карабинеръ ; — но, неужели-же теперь, когда мы вооружены, какъ слѣдуетъ воинамъ, намъ труднѣе достигнуть своей цѣли, чѣмъ было тогда, когда мы, также осаждаемые этими апахскими бездѣльниками, преслѣдовали дона Антоніо де-Медіану ?

У канадца, также какъ и у испанца, была та неустрашимая самоувѣренность, которая даетъ силу людямъ дѣлать невѣроятные подвиги ; потому что часто встрѣчается въ жизни, многія предположенія остаются для насъ неисполнимыми только потому, что они намъ кажутся такими. Два охотника не думали, что предпринимаемое ими дѣло имъ не по силамъ.

— Какъ бы то ни было, — вскричалъ мстительный Пепе, — а я пойду снова раскопаю подвалъ этого проклятаго местица, для котораго мы столько употребили труда, чтобы сдѣлать его незамѣтнымъ. Пойдемъ, Гайферось, пока Боа-Розе будетъ разсуждать о нашемъ дѣлѣ съ этимъ молодымъ воиномъ, мы покидаемъ въ воду всю добычу этой ехидны, исключая огнестрѣльнаго оружія.

Злопамятный испанецъ удалился, послѣдуемый гамбузино.

— Сынь мой, — сказалъ канадецъ Жгучему Лучу, — не разкажетъ ли мнѣ теперь, что онъ одинъ дѣлаетъ, и такъ далеко отъ своего племени, слѣдуя за апахами.

Команчъ разсказалъ Боа-Розе о происшествіяхъ, которыя уже читателю извѣстны : о нападеніи, въ которомъ Энцина и онъ едва спаслись, о появленіи двухъ пиратовъ близъ Бизоньяго Озера, потомъ о своей отважной погонѣ за ними до Бизоньяго Острова, гдѣ онъ видѣлъ, какъ тѣ прятали свою добычу въ землю.

Въ эту минуту Гайферось и Пепе возвратились изъ своей экспедиціи. Попоны, сѣдла, товары, все они покидали въ рѣку, исключая только связки карабиновъ, которую они принесли съ собою.

— Прекрасно, — сказалъ команчъ, — это пригодится воинамъ моего племени. У нихъ нѣтъ другаго оружія, кромѣ луковъ и стрѣлъ, а теперь у нихъ въ рукахъ будетъ громъ блѣдилицы.

Жгучій-Лучъ снова началъ свой рассказъ, который три охотника слушали со вниманіемъ. Мы намѣрены вкратцѣ сообщить его содержаніе. Команчъ оставилъ Бизоній Островъ, надѣясь еще во время возвратиться, чтобы захватить на немъ двухъ степныхъ пиратовъ, ибо онъ полагалъ, что они скоро возвратятся къ мѣсту, гдѣ спрятали свою добычу, гдѣ, по ихъ выраженію, бандиты зарыли свою душу. Но необходимость повидаться съ своимъ племенемъ, расположеннымъ далеко, на что употребилъ онъ много времени и быстрота движеній Смѣшанной-Крови и его отца обманули его предположенія.

Когда онъ возвратился на берега Красной Рѣки, во главѣ только десяти воиновъ, которыхъ начальникъ племени ввѣрилъ его благоразумію и неустрашимости, молодой команчъ разослалъ шпіоновъ въ разныя мѣста. Они донесли ему, что два воина, которыхъ онъ пріслѣдовалъ, уже миновали Бизоній Островъ, гдѣ онъ надѣялся ихъ схватить и оставивъ рѣку, по теченію которой плыли въ челнокѣ, отправились сухимъ путемъ, вдоль по берегу ея, къ истоку, лежащему близъ Бизоньяго Озера.

Команчъ, принужденный съ своими десятью воинами плыть противъ довольно быстрого теченія въ челнокѣ, на которомъ они пріѣхали отъ своего племени, не могъ потому прибыть во время, чтобы вступить въ борьбу съ двумя пиратами: это обстоятельство можетъ быть было къ счастью молодаго начальника, потому что шайка двухъ бандитовъ увеличилась въ дорогѣ индѣйскими бродягами, которыхъ такъ много находится въ степи.

Это донесеніе одного изъ соглядатаевъ Жгучаго-Луча было допложено другимъ изъ его разсылныхъ. Послѣдній неосторожно пошелъ слишкомъ быстро къ биваку Смѣшанной Крови. Полдня онъ провелъ съ местицомъ и его отцемъ, и въ ту минуту, когда думалъ, что настала для него послѣдняя часъ, Смѣшанная-Кровь послала его къ Жгучему-Лучу, съ предложеніемъ мира и дружбы молодому начальнику, и поручилъ ему между прочимъ передать, что онъ былъ

бы пріятнымъ гостемъ въ его лагерь, чему тотъ не повѣрилъ, и конечно основательно, если припомнить намѣреніе местица относительно его.

Отъ этого послѣдняго посланца своего, команчскому воину сдѣланы извѣстны имена, данныя индѣйцами двумъ бѣлымъ охотникамъ; онъ узналъ ихъ на Бизоньемъ Островѣ по описанію, сдѣланному индѣйцами его соглядатаю, который такъ неожиданно возвратился къ молодому начальнику.

— Жгучій-Лучъ,—присовокупилъ индѣецъ, окончивая свой рассказъ—хочетъ только крови своихъ двухъ враговъ, чтобы омыть свою честь и волосъ съ ихъ головы, чтобы украсить ими входъ своего шалаша; кромѣ того онъ смертельный врагъ апаховъ, нѣкогда своихъ братьевъ.

— Мы будемъ помогать, сколько у насъ есть силъ, — возразилъ Пепе, читавшій въ сверкающихъ глазахъ молодого команча непримиримую ненависть его къ своему прежнему племени; — но, братъ мой,—присовокупилъ онъ,—команчъ только по усыновленію?

— Жгучій-Лучъ,—возразилъ индѣецъ,—не помнитъ, что онъ родился апахомъ, съ-тѣхъ-поръ какъ Черная-Птица жестоко оскорбилъ его въ томъ, что онъ имѣлъ самаго драгоцѣннаго.

Эта послѣдняя причина неприязни Жгучаго-Луча къ индѣйскому начальнику, еще тѣснѣе связала дружественными узами молодого команча съ двумя охотниками, которые, по совѣту его, рѣшились воспользоваться нѣсколькими оставшимися минутами дня, чтобы оставить островъ и отправиться опять въ путь къ цѣли, къ которой они всѣ стремились.

— Ваши воины далеко отсюда? — спросилъ Боа-Розе индѣйца.

— Одинъ изъ нихъ караулитъ мой челнъ на мысѣ Бизоньяго Острова, другіе разсѣяны по лѣвому берегу Красной-Рѣки, а Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь находятся на противоположномъ берегу. На разстояніи двухъ карабинныхъ выстрѣловъ Орелъ и Попугай нашли бы ихъ слѣды.

— Пойдемъ, пойдемъ, вскричалъ Боа-Розе!—мы не нашли ихъ; за то нашли себѣ оружіе, пищу, и храбраго и вѣрнаго союзника. Слава Богу, все къ лучшему.

Сказавъ эти слова, канадецъ накиннулъ на одно плечо карабинъ, на другое положилъ связку оружія, вынутого изъ подвала, Пепе и

Гайферось взяли пищу и аммуницію, и всё трое, полные рвенія, одобренные этими счастливыми обстоятельствами, послѣдовали за молодымъ команчомъ, который повелъ ихъ къ оконечности острова, гдѣ скрывался воинъ, которому онъ ввѣрилъ охраненіе своего челна.

Это была одна изъ тѣхъ лодокъ, которыя употребляются индѣйцами этой части Америки для переѣзда, и простота ея конструкціи требуетъ короткаго описанія.

Команчскій челнъ былъ сдѣланъ изъ двухъ грубо дубленыхъ буйволowychъ кожъ, сшитыхъ вмѣстѣ и натянутыхъ на тонкую раму изъ ясневаго дерева. Швы на немъ для того, чтобы не проходила вода, были замазаны твердою смѣсью, составленною изъ сала и золы. Эта непрочная барка была около десяти футовъ въ длину и трехъ съ половиною въ ширину; носъ и корма у ней были острые и округленная середина ея и цвѣтъ дѣлали ее похожею, разумѣется въ гигантскихъ размѣрахъ, на одинъ изъ кожаныхъ *каскетовъ*, которые нѣкогда употреблялись вмѣсто дорожныхъ стакановъ.

На этихъ-то лодочкахъ однако индѣйцы предпринимаютъ далекія плаванія по рѣкамъ, наполненнымъ водопадами, мелями и скалами; и какъ бы скоро ни ломались эти хрупкія раковины, все надобно удивляться, что они еще долго сопротивляются ударамъ, ими получаемымъ и силѣ волнъ, съ которыми борятся. — Впрочемъ, ихъ легкость даже предохраняетъ ихъ отъ тысячи случаевъ, которые раздробили бы въ мелкія части лодку болѣе твердую, и въ непроходимыхъ мѣстахъ для мореходцевъ допускаетъ безъ труда носить ихъ на плечахъ своихъ, въ теченіе цѣлаго дня.

Въ одной изъ такихъ-то лодокъ отправился маленькій отрядъ. Команчъ началъ сильно грести, и ломкая машина быстро пошла вдоль по рѣкѣ.

Жгучій-Лучъ и воинъ, ему сопутствовавшій, направили челнъ вдоль лѣваго берега, держась сколько было возможно ближе къ берегу, чтобы не быть замѣченными подъ тѣнью береговыхъ деревьевъ.

— Какъ далеко, по вашему мнѣнію, мы теперь отъ истока Красной-Рѣки? — спросилъ канадецъ, все еще недовольный быстротою.

— Если мы будемъ такъ ѣхать всю ночь, какъ теперь, то завтра

прибудемъ къ Красному устью, — отвѣчалъ команчъ, — когда солнце будетъ на горизонтѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь.

Это составляло цѣлый день и цѣлую ночь плаванія, предполагая, что никакое припятствіе не помѣшаетъ плаванію маленькаго отряда, что было не очень вѣроятно для нашихъ пяти путешественниковъ, окруженныхъ всевозможными непріятелями.

Боа-Розе, рассматривая, какъ и его товарищи, покрытыя деревьями берега рѣки и обнаженную полосу, по направленію которой онъ полагалъ, что расположились Смѣшанная-Кровь и его шайка, въ то-же время припоминалъ себѣ всѣ подробности разсказа Жгучаго-Луча. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей ему казались недовольно ясны и потому участь Фабіана была для него предметомъ пожирающаго безпокойства.

— Который изъ лазутчиковъ вашихъ, — спросилъ канадецъ у команча, — проходилъ въ лагерь Красной-Руки ?

Индѣецъ показалъ головою на воина, который гребъ веслами подлѣ него.

— Ахъ ! — вскричалъ Льсной Скиталецъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, зачѣмъ-же вы раньше мнѣ не сказали объ этомъ ? Команчъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ гребцу взволнованнымъ голосомъ : — ты видѣлъ молодаго Южнаго Воина (такъ они называютъ моего бѣднаго Фабіана), ты видѣлъ его, говорилъ съ нимъ ? Что дѣлалъ онъ ? въ какомъ онъ видѣ былъ ? Часто-ли онъ обращалъ взоръ свой на горизонтъ, чтобы отыскать въ облакахъ полеть Орла Снѣжныхъ горъ, и того, котораго они лучше бы сдѣлали, назвавъ Орломъ-Насмѣшникомъ ? — Говори, команчъ, уши отца отверсты, чтобы слушать рѣчь о столь любимомъ сынѣ.

Но на такое множество вопросовъ, дикій воинъ не отвѣчалъ ничего, онъ не зналъ по-испански, а канадецъ не зналъ команческаго нарѣчія. — Жгучій-Лучъ передалъ вопросы первому и перевелъ отвѣты второму.

— Молодой Южный воинъ, — сказалъ онъ, — былъ тихъ и печаленъ, какъ сумракъ въ горахъ, когда почная птица начинаетъ свою пѣсню.

— Слышишь, Пепе ? — вскричалъ канадецъ со слезами на глазахъ.

— Лицо его, — продолжалъ переводчикъ, съ точностію повторяя сказанное ему, — было блѣдно какъ лучъ луны на озерѣ ; но его зрачки блестяли подобно огненной мухѣ въ темной травѣ степей.

— Да, да, — сказал канадец: — если вы хотите узнать мужество въ человекѣ, не смотрите на его щеки, а на глаза.

— Но, — продолжалъ переводчикъ, — что-же значить блѣдность щекъ молодого Южнаго воина и огонь въ его глазахъ, — какъ не то, что тѣло его страдало отъ голода, но что эти мученія не проникали до его души; душа воина никогда не страдаетъ отъ изнуреній его тѣла.

Старый охотникъ много прожилъ между индѣйцами и потому очень хорошо зналъ, что на первомъ планѣ ставится ими испытанная храбрость; и дикое удовольствіе сверкало въ его глазахъ, когда онъ слушалъ отъ индѣйца похвалы своему дитяти.

— Молодой Южный воинъ, — продолжалъ индѣецъ, приписывая, можетъ-быть, Фабиану свои собственныя впечатлѣнія, — не старался различить въ небѣ полета орловъ, своихъ друзей; онъ былъ погруженъ въ самого себя, и крики послѣдняго издыханія убитыхъ имъ неприятелей все еще слышались въ его ушахъ, и онъ улыбался смерти.

— Нѣтъ, команчъ, молодой человекъ не то говорилъ, что онъ думалъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что его старый Боа-Розе.... и, — продолжалъ канадецъ голосомъ, которому онъ напрасно старался придать твердость, — знаетъ-ли команчъ, когда.... назначили казнь молодому воину....

— Въ ту минуту, когда великій начальникъ Черная-Птица догонитъ Смѣшаную-Кровь у Краснаго устья.

— Вы оба устали; пустите насъ въ свою очередь погрестъ, меня и Пепе, — сказалъ канадецъ, съ воспаленными глазами; — орелъ попалъ на слѣдъ коршуновъ.

Когда два новыхъ гребца начали грестъ, кожанный челнъ поплылъ еще быстрѣе по поверхности рѣки.

Впрочемъ тягость отделилась отъ сердца Боа-Розе; онъ зналъ, что Фабианъ живъ, что казнь его была отложена до соединенія Черной-Птицы съ местицомъ; онъ зналъ также, что отрядъ перваго былъ позади ихъ и что онъ прибудетъ прежде его къ Красному устью. Однакожъ, Смѣшаная-Кровь могъ измѣнить намѣреніе идти туда, куда предназначилъ, иди по-крайней-мѣрѣ не остаться тамъ долго, и тогда трудно было попробовать напасть на него съ сколько-нибудь счастливымъ успѣхомъ.

— А далеко-ли Красное устье отъ того мѣста, которое вы назвали

Озеромъ Буйволовъ? — спросилъ Боа-Розе у Жгучаго Луча, — чтобы разъяснить свои сомнѣнія.

— На поль-лье.

— Что-же хочеть дѣлать Смѣшанная-Кровь на Озерѣ Буйволовъ, гдѣ вы отыскали его? Не знаетъ-ли это мой сынъ?

— Сорвать цвѣтъ озера, живущій въ небесно-голубой хижинѣ, — сказалъ молодой индѣецъ съ горящимъ взглядомъ.

— Я не понимаю Жгучаго-Луча.

— Цвѣтъ озера, — продолжалъ команчъ, пытаея скрыть блескъ своихъ глазъ, — дочь бѣлыхъ; она бѣла и прекрасна, какъ цвѣтъ магноли, полуоткрытый утромъ и въ полномъ своемъ блескѣ въ полдень; она прекраснѣе.... вечерней звѣзды, которая.... до того времени являлась глазамъ воина выше всѣхъ индѣйскихъ дѣвъ.

— Что дѣлаеть эта молодая дѣвица, далеко отъ селеній? — продолжалъ Боа-Розе, вовсе не подозрѣвая, чтобы это была та, которая занимала такое большое мѣсто въ сердцѣ Фабіана.

— Она сопровождаетъ своего отца съ тридцатью двумя охотниками на дикихъ лошадяхъ.

— Тридцать два охотника! Ахъ, Пепе! — вскричалъ канадецъ въ восторгѣ, — это-то и хотѣлъ объяснить намъ Педро Діазъ. Мы безъ сомнѣнія тамъ встрѣтимся съ ними. Ну, такъ это будетъ порядочное сраженіе: противъ шестидесяти индѣйцевъ, сорокъ или пятьдесятъ индѣйцевъ и бѣлыхъ! — продолжалъ охотникъ, котораго лицо ожилилось огнемъ сраженій. Красное устье увидить много крови. Мы спасемъ Фабіана, среди этой тревоги, и прикладами своихъ карабиновъ разобьемъ черепы этимъ степнымъ пиратамъ.

— Мы ихъ искрошимъ, Боа-Розе, — возразилъ Пепе, — предаваясь свирѣпымъ страстямъ, которыя возбудили въ немъ его ненависть къ Красной-Рукѣ и Смѣшанной-Крови, — эти два демона недостойны лучшей участи.

Прямодушный Льсной Скиталецъ, умѣвшій болѣе любить, чѣмъ ненавидѣть, и неумолимый карабинеръ, способный ненавидѣть столько же, сколько и любить, налегли еще съ большимъ жаромъ на свои весла.

Воды рѣки подернулись черноватымъ отблескомъ, когда берега сѣззились и образовали тѣennyй каналъ, увѣнчанный вершинами сплетшихся деревьевъ, котораго берега были во сто шагахъ отъ баржи. Послѣдній

пурпуровый лучъ заходящаго солнца игралъ еще, рисуя въ дали блестящую полосу, сквозь сводъ зелени, и смѣшивался съ густою тѣнью, покрывавшею поверхность рѣки.

Вступая въ этотъ темный проходъ, Жгучій-Лучъ подалъ знакъ воину, сидѣвшему подлѣ него: они оба снова взяли весла изъ рукъ охотниковъ, которые замѣнили ихъ карабинами. Вскорѣ потомъ два индѣйца издали крикъ, подобный крику ласточекъ, когда онѣ летаютъ надъ водою.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, челнъ взомель подлѣ густой сводъ деревъ. Послѣдній лучъ солнца, казалось, потухъ въ рѣкѣ, и съ трудомъ, среди этого мрака, можно было разобрать съ кормы, что было на носу лодки.

— Если темнота не производила иногда странныхъ и обманчивыхъ видѣній, — сказалъ канадецъ, — я поклялся-бы, что я вижу тамъ, на ясени, наклонившейся къ водѣ, что-то похожее на человѣческую форму.

Молодой команчъ остановилъ канадца, который приложилъ уже къ плечу свой карабинъ.

— Орелъ и Пересмѣшникъ находятся здѣсь въ дружеской сторонѣ, — сказалъ онъ; — воины издалека показываютъ имъ дорогу.

Сказавъ эти слова, Жгучій-Лучъ приказалъ индѣйцу перестать на минуту грести, а движеніемъ весла въ противную сторону, или на перерѣзъ, какъ говорятъ моряки, подѣхалъ быстро подлѣ наклоненный стволъ ясени, на которую показывалъ канадецъ.

Въ эту минуту, когда ни Пене, ни Боа-Розе, не успѣли еще отдать себѣ отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ, черное тѣло скользнуло вдоль дерева; челнъ, получивъ ударъ закачался, и подлѣ начальника команчовъ сѣлъ индѣецъ.

Это новое лицо передало свои извѣстія въ короткихъ словахъ, которыхъ бѣлые охотники не поняли, между-тѣмъ какъ челнъ продолжалъ во мракѣ подвигаться впередъ, потомъ индѣецъ скоро опять замолчалъ, какъ и всѣ бывшіе въ лодкѣ.

Почти черезъ часъ молчаливаго плаванія, тотъ-же случай повторился, и другой индѣецъ скользнулъ въ челнъ, который угрожалъ сдѣлаться слишкомъ тѣснымъ, если въ него стануть каждый часъ входить новые посѣтители. Новопришедшій сказалъ также нѣсколько словъ Жгучему-Лучу на команчскомъ нарѣчій, и на этотъ разъ,

вмѣсто того, чтобы продолжать грести, оба индѣйца подняли свои весла и предоставили челну слѣдовать самому на нѣсколько времени, по стремленію рѣки. Подъ звонкимъ сводомъ, покрывавшимъ рѣку, слышался отдаленный шумъ.

Вскорѣ этотъ шумъ увеличился; слышался плескъ воды, подобно тому какъ бываетъ на мели; но темнота не позволяла ничего различить; въ это время хрупкая барка начала сама собою, безъ всякаго дѣйствія гребцовъ, медленно поворачиваться, и потомъ стала совершенно поперегъ, такъ что носъ и корма ея были обращены къ берегамъ; наконецъ вдругъ она снова приняла прежній ходъ и быстро поплыла по теченію рѣки; вскорѣ быстрота ея до того увеличилась, что челнъ полетѣлъ какъ стрѣла по водѣ, спускаясь между тѣмъ, какъ онъ несея внизъ.

Это была въ самомъ дѣлѣ одна изъ быстринъ рѣки, на которой оба команча, не будучи въ состояніи управлять въ темнотѣ, пустили свою барку плыть по ея произволу. Съ минуту вода ключемъ была подъ лодкою, которая, казалось, плыла по пѣнистымъ волнамъ; вдругъ страшный ударъ потрясъ ее такъ, какъ-будто бока ея разсѣлись, чтобы дать проходъ водѣ; потомъ она сдѣлалась неподвижна.

Опасное мѣсто было пройдено безъ приключеній, и Жгучій-Лучъ, съ своимъ товарищемъ, отдохавшіе во все это время, снова взяли за весла и стали продолжать свой путь.

Путешественники, проѣхавъ быстрину, скоро вышли изъ этого темнаго прохода, который тянулся почти не прерываясь на нѣсколько лье, и вступили на открытое мѣсто. Тамъ имъ необходимо было выдти на берегъ, чтобы дать посохнуть челну, который началъ немного течь.

Путешественники, вышедъ на берегъ и вытащивъ лодку, находились почти на совершенно обнаженной равнинѣ; только нѣсколько кустарниковъ хлопчатника росло на противоположномъ берегу.

— Орелъ и Пересмѣшникъ могутъ нѣсколько уснуть, пока я съ двумя своими воинами разожгу огонь, чтобы починить челнокъ, — сказалъ Жгучій-Лучъ.

— Съ вашего позволенія, мой молодой другъ, — возразилъ Пепе, — я люблю лучше начать съ ѣды, а потомъ уже уснуть, если хватитъ на то времени.

Четыре команчскихъ воина развели вскорѣ огонь, около котораго подлѣ нихъ усѣлись три бѣлые охотника, и остатки буйвола доставили

семи гостямъ ужинъ столь-же великолѣпный, какъ и предшествовавшій обѣдъ подлѣ тѣнию деревъ на Островѣ Буйволовъ.

Когда перевернули челнъ, чтобы разсмотрѣть скважину, черезъ которую проходила вода, команчъ замѣтилъ, что швы потеряли часть своей обмазки, и что отъ этого-то проходила вода; онъ составилъ изъ буйволовяго сала, смѣшаннаго съ золою, замазку, и обмазавъ ею снова швы челнока. Въ это время индѣецъ сталъ прислушиваться къ отдаленному шуму.

— Не слышится-ли что-нибудь подозрительное? — спросилъ Пепе индѣйца :

— Жгучій-Лучъ прислушивается къ вою волка-предзнаменателя.

— Ну! любезный другъ, вы можете похвастаться, что у васъ прекрасный слухъ.

— Ну, такъ какія-же предзнаменованія сообщаетъ вой маленькаго степнаго волка, который по моему значитъ только, что онъ голоденъ?

— Когда индѣйцы на охотѣ, — отвѣчалъ важно команчъ, — большіе степные волки слѣдуютъ за нами молча, вполне увѣренные, что получаютъ свою часть добычи; маленькіе волки, будучи слабѣе первыхъ, съ воемъ идутъ за сильными, какъ-бы прося и себѣ части у нихъ. Я слышалъ голосъ предзнаменованія на сѣверѣ; а шайка Черной-Птицы расположена на востокѣ; значитъ на сѣверной сторонѣ есть другая шайка, которой наши лазутчики не видали, и отъ которой бѣгутъ теперь буйволы. Отецъ мой можетъ ихъ слышать.

И въ-самомъ-дѣлѣ неопредѣленный шумъ снова послышался вдали.

Тогда команчъ взявъ головню съ очага и освѣтилъ ею мѣстность на недалеое разстояніе. Широкая полоса, протоптанная и изрытая, какъ земля на конномъ дворѣ, тянулась отъ рѣки и терялась въ равнинѣ, сколько можно было различить.

— Мы расположились здѣсь на слѣдѣ буйволовъ, — возразилъ индѣецъ; — это мѣсто опасно, намъ нужно бѣжать и мы только, только что успѣемъ: стадо возвращается сюда по прежнимъ слѣдамъ.

Вскорѣ ревъ смѣшался съ глухимъ стономъ земли. Жгучій-Лучъ сказалъ нѣсколько словъ своимъ двумъ индѣйцамъ и тѣ быстро раз-метали и потушили огонь, исключая головни, которую держалъ ихъ начальникъ; потомъ оба команча, при помощи охотниковъ, поспѣшно потащили свой челнъ за Жгучимъ-Лучемъ.

Молодой начальникъ выбралъ, чтобы снова остановиться, вершину

одной изъ невысокихъ холмовъ, которыми эта страна наполнена. Тамъ они разложили новый очагъ, передъ которымъ три красные воина снова стали продолжать прерванное обмазываніе чедна.

Едва они занялись дѣломъ, какъ противъ только что оставленнаго имъ мѣста, на противоположномъ берегу рѣки, показалась длинная и широкая колонна буйволовъ, несшихся въ галопъ къ равнинѣ. Видно было, какъ подъ тяжелымъ ударомъ этихъ чудовищныхъ обитателей степей, кустарникъ хлопчатника съ трескомъ ломался и повалился на землю, какъ горсть сухой травы.... Оглушительный ревъ перебивался съ сильнымъ дыханіемъ ноздрей дикаго стада, нюхавшаго воду, черезъ которую оно хотѣло проходить; потомъ вода зашумѣла, разбиваясь о твердыя груди животныхъ, покрытыя долгими гривами и какъ гонимая внезапнымъ приливомъ во время равноднствія, рѣка зашумѣла и разлилась по обѣимъ своимъ берегамъ.

Когда все стадо уже перешло, она еще не переставала пѣниться и ударять въ затопленные берега, а уже весь шумъ мало-по-малу затихъ въ отдаленіи.

VIII.

НЕСПОКОЙНЫЕ ПРИБРЕЖНЫЕ ЖИТЕЛИ.

Исполнискіе размѣры, въ которыхъ, по волѣ Создателя, является американская природа, ея рѣки, протекающія на полторы тысячи лье и какъ моря широкія, ея озера, подобныя океанамъ, ея огромныя деревья, ея гигантскіе порты, какъ напримѣръ портъ Санъ-Франциска, гдѣ помѣстились-бы соединенные флоты всей Европы, все это не предвѣщаетъ-ли, что Америка достигаетъ необыкновеннаго могущества.

Въ извѣстные періоды, огромныя рѣки, полевые потоки и даже самыя малые ручейки, наполнены огромными лососами, въ такомъ-же количествѣ, какъ наши отмели сельдями и сардинками; вода, не имѣя болѣе мѣста для нихъ, выбрасываетъ ихъ изъ своихъ нѣдръ, и тогда индѣйцы, скитающіеся въ этихъ безграничныхъ равнинахъ, раздѣляютъ съ плотоядными животными степей пищу, которую посылаетъ имъ Провидѣніе.

Въ другія эпохи, подобно лососямъ нъ рѣкахъ, столь-же многочисленныя стада буйволовъ, которые величиною своею столько-же

превосходить наших быковъ, какъ Миссисипи Рейнь, бѣгутъ по дугамъ отъ индѣйцевъ, ихъ преслѣдующихъ, отъ сѣрыхъ медвѣдей, которые на нихъ нападаютъ.

Съ какимъ изъ животныхъ, за которыми только охотятся въ цѣломъ мѣрѣ, можно сравнить сѣраго медвѣдя? Ни съ какимъ; величиною онъ почти съ буйвола, когти его длинны и остры, какъ кабаньи клыки, отъ твердой кожи его отскакиваютъ пули охотниковъ, не причиняя никакого вреда, какъ градъ отъ черепичной крыши и онъ вскопъ уноситъ цѣлаго буйвала въ свою берлогу. Убить одно изъ этихъ чудовищныхъ животныхъ составляетъ побѣду, которою болѣе всего гордятся красный воинъ степей.

Къ числу этихъ бродячихъ стадъ буйволовъ, принадлежало и это стадо, которое путешественники недавно видѣли переходившимъ черезъ Красную Рѣку, въ небольшомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ они прежде было расположились.

— Сыны мой вѣрять снамъ и предзнаменованіямъ, — сказалъ Боа-Розе команчу, — когда слышенъ былъ уже только отдаленный шумъ бѣгущихъ буйволовъ.

— Голосъ волка-предзнаменователя никого не обманываетъ, — отвѣчалъ Жгучій-Лучъ съ видомъ полнаго убѣжденія, которому канадецъ улыбался. Сыны, которые Великій Духъ посылаетъ спящему воину, никогда его не обманываютъ. Не думаетъ-ли Орелъ Снѣжныхъ Горъ, что въ этотъ самый часъ ночи буйволы оставляютъ свой сонъ въ высокой травѣ, чтобы путешествовать во время полночной прохлады?

— Это невѣроятно: Богъ, какъ и намъ, посылаетъ животнымъ ночью сонъ. Буйволы не волки, не тигры, которые рыщутъ во мракѣ, а днемъ спятъ; и индѣйцы безъ сомнѣнія преслѣдовали это стадо животныхъ, которое только что пронеслось.

— Ну, сыны для моего ума тоже, что вой волка-предзнаменователя для моихъ ушей, что ночной бѣгъ буйволовъ для моихъ глазъ, вѣрный признакъ окружающей насъ опасности.

— Если это правда, — возразилъ Боа-Розе, — а я думаю, что такъ, потому что ты вдвое моложе меня, но за то передъ тобой опытъ ихъ отцовъ, которыхъ не пренебрегаютъ въ пустыняхъ, какъ въ большихъ городахъ, и первыя впечатлѣнія юности; такъ въ такомъ случаѣ я думаю лучше сѣсть въ лодку и поскорѣе отправиться.

— Челнъ готовъ ; но намъ нужно еще взять нѣкоторыя предосторожности. Мы засвѣтимъ за этими холмами шесть огней на нѣкоторомъ разстояніи одни отъ другихъ. Съ противоположнаго берега рѣки, гдѣ расположена шайка, насъ преслѣдующая, и съ того берега, гдѣ стоитъ Черная-Птица, апахи увидятъ огни и не будутъ въ состояніи разглядѣть, есть-ли около нихъ воины; между тѣмъ, какъ они будутъ терять время, изыскивая средства приблизиться, не бывъ замѣченными, Жгучій-Лучъ, Орель, Пересмѣшникъ, успѣютъ опередить непріятеля, котораго они преслѣдуютъ.

Этотъ благоразумный совѣтъ поразилъ Боа-Розе и испанца. Огни были зажжены за кустарниками и небольшими холмами, которые, скрывая огни, позволяли видѣть только одно отраженіе ; кожаный челнъ, обмазанный непроницаемою замазкою, былъ спущенъ на воду, и маленькая труппа, послѣ почти двухчасовой остановки, стала продолжать свое плаваніе.

Три бѣлые охотника, полные довѣрія къ четыремъ команчамъ, которые по очереди отдыхали и снова брались за весла, воспользовались этимъ временемъ и легли на днѣ челнока, чтобы заснуть на нѣсколько минутъ. Путешествуя такимъ образомъ днемъ и ночью, Пепе и Боа-Розе ясно видѣли, что они вознаграждаютъ потерянное невольное время и утѣшенные этимъ ободрительнымъ доказательствомъ, они также какъ и Гайферосъ, скоро перестали противиться непреодолимой дремотѣ, смыкавшей ихъ глаза.

Давно уже огни, зажженные на берегу, чтобы обмануть непріятеля, исчезли вдали. Три усталые охотника спали глубокимъ сномъ. Въ то время, когда оба индѣйца молча гребли, молодой команчъ, сидя на кормѣ челнока, пылливо продолжалъ разсматривать всѣ окрестности пустыни, по которой они проѣзжали. Жгучій-Лучъ казался недоступнымъ спуску, не смотря на то, что онъ былъ неподвиженъ древеснаго ствола, или прибрежной скалы.

Его энергическій профиль лица, его блестящіе глаза и могучая обнаженная грудь, выказывавшаяся изъ подъ кожанаго плаща, совершенная соразмѣрность головы съ широкими плечами, все это дѣлало молодаго индѣйца прекраснымъ образцомъ человѣческой породы въ дикомъ состояніи. Углубился-ли молодой воинъ въ самаго себя, отыскивая въ воспоминаніи образъ Цвѣта Озера или образъ Вечерней Звѣзды, для которой онъ покинулъ землю, гдѣ покоились кости его

отца, этого мы не знаемъ, да теперь еще мало нужды и знать намъ. Не смотря на то, что онъ былъ погруженъ въ свои мысли, если самый малѣйшій шумъ, кромѣ шума его лодки, касавшейся тростника и ударовъ весель по водѣ, слышался гдѣ-нибудь въ далеку, онъ не убѣгалъ отъ его вниманія.

Однакожь, за неподвижностью его, доказывавшею, что всякій шумъ въ пустынѣ былъ только тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть, следовали мало-по-малу нѣкоторыя движенія тѣла и головы, какъ-будто и другіе признаки примѣшивались къ голосу ночи и пустыни.

Что-то похожее на глухое хрипѣніе, принесенное легкимъ вѣтеркомъ, которое, казалось, выходило изъ средины рѣки, подтвердило вскорѣ подозрѣнія апаха. Онъ подаль знакъ своимъ двумъ гребцамъ, чтобы они перестали грести, и наклонился къ канадцу, который почувствовалъ прикосновеніе къ плечу, открылъ глаза и оглянулся вокругъ себя. Онъ увидѣлъ, что два индѣйца держали неподвижно свои весла въ рукахъ и догадался, что имъ угрожала здѣсь кака-нибудь еще скрытная опасность.

Когда онъ заснулъ, рѣка текла по равнинѣ; теперь-же, когда онъ проснулся, она была сжата довольно высокими берегами.

— Не разбудить-ли Пепе? — спросилъ Боа-Розе индѣйца.

— Пусть спитъ, — отвѣчалъ команчъ, — если нужно будетъ, мы его разбудимъ. Я слыхалъ, что пуля Горнаго Орла никогда не миновала цѣли.

— Да, мой другъ, правда, когда у меня былъ карабинъ, который раздробился въ моихъ рукахъ; а съ этимъ не могу, не пробовавъ, отвѣчать за первый выстрѣлъ. Но зачѣмъ вы разбудили меня?

Довольно продолжительное ворчаніе, подобное шуму кузнечныхъ мѣховъ, отвѣтило за индѣйца.

— А, — сказалъ канадецъ, — я больше не спрашиваю. Впрочемъ, что за важность? Поведемъ дальше, а если вы не устали грести, позвольте мнѣ продолжать свой сонъ.

— Мы не можемъ ѣхать дальше безъ его позволенія. За этимъ поворотомъ рѣка очень узка и животное занимаетъ небольшой посреди ея островокъ. Что видѣлъ Жгучій-Лучъ однажды, того не забываетъ никогда. Ему извѣстны самыя малѣйшія извилины Красной рѣки.

Между тѣмъ челнъ продолжалъ подвигаться впередъ, и какъ было

необходимо на что-нибудь рѣшиться, прежде чѣмъ вступить въ опасный проходъ, о которомъ говорилъ индѣецъ, Боа-Розе взялъ весла и сталъ подниматься противъ теченія.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, удерживая неподвижно лодку, когда поднялся на нѣсколько тоазовъ; намъ нечего стрѣлять среди этихъ пустынь, которыя скрываютъ нашихъ непріятелей, потому-что мы пробудимъ ихъ. Одной даже вспышки довольно для этого. И такъ, команчъ, по моему мнѣнію, по просту, безъ церемоній, оставляя въ сторонѣ самолюбіе, намъ лучше взять челя на плечи и пройти это мѣсто по берегу, чтобы не имѣть стычки съ этимъ дьявольскимъ животнымъ. Далѣе мы снова поѣдемъ рѣкою.

— У трехъ индѣйцевъ есть выточенные топоры и твердыя руки; а у бѣлыхъ охотниковъ острые ножи, — возразилъ Жгучій-Лучъ.

— Самолюбіе молодого человѣка не согласуется съ бѣгствомъ, а это знаю. Что-же лучше, пронести-ли лодку по берегу, что дѣло нетрудное, или рисковать, что она разобьется, какъ сухая тыква, что будетъ уже невознаградиво. Жгучій-Лучъ, пожертвуйте вашимъ тщеславіемъ молодости изъ любви отца, ищущаго своего сына, у котораго минуты сосчитаны; васъ проситъ объ этомъ старецъ, у котораго волосы уже посѣдѣли и котораго сердце полно горести.

— Цвѣтъ Озера, — сказалъ индѣецъ, неспособный скрывать впечатлѣнія своего юнаго сердца, — содрогнулся-бы, увидя остатки чудовищнаго животнаго, и она улыбнулась-бы воину, ей припешему его; сердце Жгучаго-Луча будетъ радоваться.

— Да, дитя мое, пріятно получить улыбку отъ той, которую любишь; это столько-же пріятно и для блага, сколько для индѣйца; но пріятно также обязать старика, который оплакиваетъ своего сына. Великій Духъ благословитъ вашу войну.

Команчъ не отвѣчалъ. Разбудили Пепе и Гайфероса, чтобы сообщить имъ, что сѣрый медвѣдь сторожилъ узкій проходъ, который нельзя было миновать, не имѣя стычки съ нимъ, и что необходимо было съ челнокомъ и кладью обойти берегомъ и такимъ образомъ избѣгнуть опаснаго шума, который долженъ произойти отъ битвы съ этимъ грознымъ сторожемъ острова.

Эта новость о медвѣдѣ, заграждавшемъ проходъ по рѣкѣ, поставила Пепе въ весьма дурное расположеніе духа.

— Чтобы чортъ свернулъ шею этой проклятой гадинѣ, сказалъ онъ,

звѣвая и клеймя съ досады, презрительнымъ выраженіемъ, которое охотники даютъ только небольшимъ животнымъ, самаго ужаснаго и колоссальнаго изъ обитателей луговъ ; — я такъ спокойно спалъ.

Между тѣмъ, причаливъ къ берегу, канадецъ, осторожный по обыкновенію, рѣшился, прежде нежели весь отрядъ выйдетъ изъ лодки, осмотрѣть равнину ; онъ медленно вышелъ на береговую скалу рѣчки. Высокая трава покрывала вершину берега и совершенно мѣшала что-нибудь разсмотрѣть.

Канадецъ пробирался ползкомъ между травою, держа карабинъ въ рукахъ и на нѣсколько минутъ скрылся отъ глазъ товарищей.

Остальные были на стражѣ ; потому-что въ дѣлѣ съ сѣрымъ медвѣдемъ недостаточно было избѣгать только нападенія, нужно было также и ожидать его. Очевидно было, что онъ не одинъ теперь въ своемъ пустынномъ владѣніи. Какъ нѣкогда грозные владѣтели замковъ съ высоты башни или скалы, повелѣвали проходящими по рѣкѣ, такъ и теперь нужно было опасаться, чтобы страшное животное не захотѣло взять дорожную подать въ видѣ охотника или индѣйца, если только оно уже попробовало въ своей жизни мяса того или другаго.

Видѣвъ съ храпѣніемъ его, время отъ времени слышалось шелканье его страшныхъ зубовъ, и шумъ отъ когтей, которыми онъ рвалъ землю.

Въ эту минуту канадецъ торопливо возвратился.

— За весла, за весла, — сказалъ онъ шопотомъ, присоединившись къ товарищамъ. — Цѣлая дюжина индѣйцевъ скачетъ по степи.

— Волки — предзнаменователи никогда не обманываютъ, — отвѣчалъ индѣецъ. Въ какую сторону бѣгутъ эти апахскія собаки ?

— Во всѣ стороны ; но кажется вѣдутъ оттуда, гдѣ мы оставили зажженные огни. Пойдемъ, Жгучій-Лучъ, вотъ теперь нужно не колеблясь прибѣгнуть къ топорамъ индѣйцевъ и къ ножамъ бѣлыхъ противъ сѣраго медвѣдя. Чтобы тамъ ни случилось, а здѣсь мы не можемъ ни минуты оставаться больше, не подверганъ себя опасности. Того и смотри, что кто-нибудь изъ этихъ всадниковъ подъѣдетъ къ рѣкѣ.

Челнъ снова былъ спущенъ на средину рѣки, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, не смотря на ужасное храпѣніе, которое слышалось оттуда.

Во всякомъ другомъ обстоятельствѣ, не смотря на силу и свирѣпость животнаго, которое, по словамъ индѣйца, должно было находиться на небольшомъ островѣ и заграждать узкій проходъ, который онъ составлялъ съ берегами, — наши плователи мало-бы позаботились объ этой встрѣчѣ.

За исключеніемъ Гайфероса, всѣ проводили свою жизнь въ пустыняхъ и были привычны къ ихъ опасностямъ ; онъ, однако, казалось, также какъ и товарищи его, не испугался. Причина была та, что онъ не зналъ, съ какимъ неприятелемъ они имѣли дѣло. Другіе два охотника и индѣйцы знали его и цѣнили всю опасность сосѣдства апаховъ, присоединявшуюся къ сраженію, уже самому по себѣ столько опасному.

Они могли дѣйствовать только холоднымъ оружіемъ, въ случаѣ если бы животное не захотѣло дать имъ спокойно проѣхать, а толстая шкура сѣраго медвѣдя дѣлала эту борьбу очень сомнительною. Если бы онъ былъ раненъ, то ревъ его могъ привлечь индѣйцевъ, страстныхъ къ охотѣ ; челнъ ихъ подвергался опасности быть разорваннымъ отъ малѣйшаго прикосновенія его острыхъ когтей ; и почти неизбежно долженъ былъ опрокинуться подъ ними.

Боа-Розе, для большей увѣренности, чтобы предупредить всякую попытку команча на нападеніе, просилъ Жгучаго-Луча взять одно изъ веселъ, а самъ схватилъ другое ; потомъ рѣшась на все, чтобы ни случилось, онъ направилъ челнъ къ правому берегу, такъ что бы обойти проходъ именно съ этой стороны, и подѣхать, сколько возможно ближе, къ свирѣпому животному.

Челнъ, слѣдуя по довольно быстрому теченію рѣки, вскорѣ проплылъ пространство, на которое отвелъ его Боа-Розе, подымаясь противъ течения. Торжественна была минута, когда онъ обогнулъ поворотъ рѣки.

Три индѣйца съ топорами въ рукахъ, на носу барки, были готовы поразить чудовище тройнымъ ударомъ, а Пепе и гамбузино, вооруженные ножами, оставались на кормѣ. — Маленькая барка плыла безмолвно и звонкое храпѣніе продолжало выходить изъ нѣдръ рѣки, какъ будто въ ней сѣло на мель какое-нибудь морское чудовище.

Вскорѣ, на мрачной поверхности рѣки, показался путешественникамъ песчаный и скалистый островокъ, а надъ нимъ видѣлась огромная, черная масса.

— Господи! — сказал шопотом гамбузино, утраченный видом неприятеля, которого онъ не воображалъ такимъ огромнымъ.

Челнъ медленно подвигался; при видѣ людей, на немъ подъѣзжавшихъ, медвѣдь испустилъ ужасный ревъ, и роя одною изъ своихъ чудовищныхъ лапъ землю, бросалъ въ рѣку глыбы песку, потомъ какъ разсерженный буйволъ, началъ медленно подыматься на дыбы.

Челнъ вступилъ въ роковой проходъ и бывшіе на немъ приготовились.

— Ну, команчъ, — сказалъ Боа-Розе, — еще одинъ хорошій натискъ весломъ и, можетъ быть, жизнь семи человекъ спасена.

Неустрашимый Лѣсной Скиталецъ, мощною, твердою рукою сталъ грести своимъ весломъ, чтобы дать быстрѣе ходъ баркѣ, и сколько возможно отдалить ее отъ животнаго, которое, стоя на заднихъ лапахъ, казалось колебалось начать борбу. Индѣецъ съ неменьшею твердостью помогалъ охотнику и поднялъ свое весло въ ту минуту, когда барка, подобно стрѣлѣ, пробѣгала на разстояніи только какой пшбудъ сажени отъ исполинскаго и свирѣпаго сторожа маленькаго островка.

Онъ, казалось, былъ еще въ нерѣшимости, броситься-ли ему на челнъ, и Боа-Розе надѣлся счастливо переступить этотъ опасный шагъ, какъ одинъ изъ команчей, съ удивительною быстротою, которую старій охотникъ не успѣлъ предупредить, бросивъ свой топоръ, пустилъ медвѣдю въ животъ стрѣлу, глубоко вонзившуюся въ его вутренность.

Боа-Розе не могъ удержаться отъ гнѣва и закричалъ; животное, отъ бѣшенства, испустило ревъ, подобный реву буйвола, пораженнаго ударомъ копыя, и шелкая страшными зубами, съ ужаснымъ шумомъ бросилось въ воду, какъ скала, упавшая съ крутаго берега.

Канадецъ былъ столько-же проворенъ, какъ команчъ, и началъ такъ сильно грести, что барка ихъ полетѣла еще быстрѣе; медвѣдь не зацѣпилъ ее и его лапы ударились объ воду.

— Ура! — закричалъ Пепе въ половину удушенный вихремъ пѣны, хлеставшей его по лицу, — смѣлѣй! Боа-Розе, смѣлѣй! Команчъ! вы пробѣжали, какъ два истые моряка. — Эхъ! бросьте ваши топоры, если не хотите, чтобы эта гадина насъ потопила.

Три индѣйца скользнули между двухъ гребцовъ съ носа на корму, и въ ту минуту, когда разъяренное животное съ ревомъ и пѣною

отъ бѣшенства, задыхаясь, съ горящими глазами было не болѣе какъ на полъ-фута отъ лодки, колыхавшейся отъ волненія, произведеннаго его страшными лапами, они находились уже на кормѣ съ поднятыми топорами, сверкавшими въ ихъ рукахъ.

— Рубите-же! — заревѣлъ Пепе.

Индѣйцы не нуждались въ его наставленіяхъ, которыхъ они не понимали: три топора упали на черепъ чудовища, какъ три удара молота по наковальнѣ.

— Еще! еще! — кричалъ снова Пепе: — эта гадина живуща.

— Потихе-же! ради Бога! — сказалъ Боа-Розе, — индѣйцы не....

Внезапный блескъ оствѣтилъ рѣку, украшенную кровью снова раненаго медвѣдя. Его бѣшенный ревъ смѣшался съ выстрѣломъ, раздавшимся въ ушахъ индѣйцевъ и двухъ охотниковъ, занятыхъ на кормѣ....

— Довольно! — вскричалъ испанецъ, увидя тѣло, скатившееся по крутому берегу и упавшее въ воду близъ животнаго, подъ усиліями котораго вода продолжала кипѣть, между тѣмъ какъ челнъ подвигался быстро впередъ. — Это что такое?

— Что-же значить апахъ, упавшій въ рѣку? Негодай тонеть, — отвѣчалъ индѣецъ.

Вскорѣ раздались крики въ равнинѣ, простиравшейся по возвышеннымъ берегамъ рѣки, на которые команчи отвѣчали и странно было это смѣшеніе дикихъ человѣческихъ голосовъ съ ревомъ колосальнаго обитателя степей, подобнымъ урагану, бѣгущему по рѣкѣ. — Стрѣла, произившая его внутренность, три удара топоромъ, поразившіе его черепъ, казалось только, возбудили бѣшенство въ этомъ медвѣдѣ.

— Смѣйте, Боа-Розе, смѣйте! — кричалъ стоявшій на колънахъ въ кормѣ челнока Пепе и наблюдавшій вмѣстѣ съ индѣйцами, какъ страшное животное плыло все быстрѣе и ближе, каждую минуту поднимая одну изъ своихъ лапъ, желая загопить хрупкую барку. — Слава Богу! мы и отъ его счастливо отдѣлялись, — продолжалъ онъ, въ ту минуту, когда вода снова хлеснула ему въ лицо. — Еще одинъ поридочный ударъ весломъ, команчъ, напоследокъ. — Это ты сейчасъ выстрѣлилъ, Боа-Розе?

— Да, — сказалъ канадецъ, продолжая нагибаться подъ весломъ, — и

карабинъ не дурень. Выстрѣли-же и ты въ свою очередь въ этого дьявольскаго медвѣдя, прицѣлясь только въ морду.

И въ самомъ дѣлѣ, тутъ нечего было остерегаться: индѣйцы знали присутствіе бѣглецовъ, которымъ необходимо было отдѣлаться отъ рѣчнаго непріятеля, чтобы быть готовыми выдержать нападеніе.

— Ну, Гайферось, готовы вы? Вы слышите, что сказалъ Боа-Розе! въ морду животному!

— Да, — отвѣчалъ гамбузино.

Два выстрѣла раздались разомъ вдоль береговъ рѣки; но челнъ такъ сильно качался по зыбкимъ водамъ рѣки, что пули не попали медвѣдю въ назначенное мѣсто. — Чудовище только трянуло своею огромною головою, съ которой однако полетѣли кровавыя брызги.

— Бѣшеное животное! вскричалъ обманутый въ своемъ ожиданіи Пепе.

Эта страшная ночная борьба между разъяреннымъ медвѣдемъ и челномъ постоянно убѣгавшимъ отъ его усилій, продолжалась еще нѣсколько минутъ въ совершенномъ безмолвіи со стороны путешественниковъ среди рева ихъ преслѣдователя. — Пепе и Гайферось снова зарядили свои карабины, чтобы еще разъ выстрѣлить въ медвѣдя. — Это было не легко при непрерывномъ качаніи барки, поднимаемой волнующеюся рѣкою.

Однако стрѣлки успѣли выбрать настоящее положеніе, когда большее пространство, оставленное между кормою челна и исполинскою мордою упornaго преслѣдователя, доказало, что утомленіе или уныніе начали имъ овладѣвать.

— Смѣлѣ весломъ! — кричалъ снова испанецъ, — гадина отстаетъ отъ насъ.

Гребцы удвоили силы, и разстояніе все болѣе и болѣе увеличивалось.

— Еще! еще! Такъ.... хорошо.... остановитесь на минуту оба, если можно. Челнъ не трясется болѣе на водѣ, и я могу прицѣлиться этому бѣшеному дьяволу въ то мѣсто, гдѣ, я вижу, сверкаетъ его черная морда подъ длинною шерстью.

— Нѣтъ! нѣтъ! — вскричалъ живо канадецъ, не уступая желанію своего товарища, — побереги пулю для того индѣйца, который несется за нами въ галопъ.

Челювь плыль въ эту минуту между двухъ береговъ, довольно низкихъ, которые позволяли, не смотря на темноту, видѣть всю равнину. Черныя тѣни коней и всадниковъ неслись среди высокой травы. — Другая опасность, болѣе существенная, увеличивала ненадежность положенія плователей.

Мы сказали, что медвѣдь ослабилъ свои усилія, но это было для того, чтобы переимѣнить тактику. — Онъ поплыль въ косвенномъ направленіи къ берегу.

— Причаливайте къ берегу пайскося, Боа-Розе, — кричалъ Пепе, слѣдившій за всѣми движеніями разъяреннаго медвѣдя, — или онъ зайдетъ напередъ и пересѣчетъ дорогу.

Жгучій-Лучъ оглянулся и увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ, что медвѣдь плыветъ недалеко отъ берега. — Команчъ, вспомошествоваемый сильно Боа-Розе, который, при словахъ испанца, былъ уже готовъ, направилъ лодку на правую сторону. Въ такой-же кривой линіи, какъ медвѣдь, челювь пролетѣлъ къ берегу; и въ ту минуту, когда медвѣдь бросился на землю, молодой команчъ, съ карабиномъ въ рукѣ, также выскочилъ на нее.

— Отчальте, — сказалъ онъ Боа-Розе. — Пусть Орелъ оставитъ воину безъ страха дѣйствовать одному.

Индѣецъ и медвѣдь вышли на берегъ, въ разстояніи почти двадцати шаговъ одинъ отъ другаго.

Приготовленія команча къ битвѣ были очень просты и продолжались нѣсколько секундъ. Между тѣмъ какъ медвѣдь приближался обыкновенною рысью, Жгучій-Лучъ, съ спокойствіемъ, возбудившимъ удивленіе въ самомъ Боа-Розе, потому что жизнь молодаго индѣйца зависѣла отъ вѣрности выстрѣла, невѣрнаго движенія и отъ другихъ непредвидимыхъ обстоятельствъ, сѣлъ на песокъ, какъ отдыхающій усталый пѣшеходець, приложилъ проворно прикладъ своего карабина къ плечу, а стволъ по щекѣ, и въ такомъ положеніи ожидалъ врага.

Почти равное по величинѣ буйволу, исполинское и свирѣпое животное, ужасъ степей, приближалось, разинувъ кровавую пасть и оскаливъ свои страшныя бѣлыя зубы съ сверкающими изъ-подъ густой шерсти глазами.

Ружье команча медленно слѣдовало за движеніями медвѣдя; потомъ, когда дуло ствола почти коснулось нависшей шерсти его головы, выстрѣлъ раздался. — Чудовище упало на землю; но и въ своемъ па-

деніи оно-бы раздавило своимъ трупомъ индѣйца, если-бы онъ, тотчасъ послѣ выстрѣла, не отскочилъ отъ него шаговъ на шесть съ ножемъ въ рукѣ.

Индѣецъ гордо взглянулъ на своего непріятеля, лежащаго на окровавленномъ пескѣ, и отрѣзавъ быстро, со всѣмъ искусствомъ ловчаго, огромную лапу сѣраго медвѣдя въ первомъ составѣ, возвратился въ свой челнъ.

— Жгучій-Лучъ храбръ какъ военачальникъ, — сказала Боа-Розе, сжимая руку команча. — Орелъ и Пересмѣшникъ гордятся своимъ новымъ другомъ. Сердце его можетъ радоваться; потому что Цвѣтъ Озера будетъ улыбаться, видя доказательство его мужества.

Глаза молодаго команча засверкали отъ радости, которую возродило въ его сердцѣ привѣтствіе Боа-Розе, и еще отъ надежды, которую онъ пробудилъ въ немъ.

Индѣецъ издалъ отрывистое восклицаніе и принялся грестъ, потому что апяхи, несясь по равнинѣ, казалось тоже хотѣли, какъ недавно сѣрой медвѣдь, отрѣзать плавателямъ путь.

IX.

МЕЖДУ ДВУХЪ ОГНЕЙ.

Мѣсто, куда индѣйцы по видимому удалились, чтобы встрѣтить лодку, было усыяно ивами и ясенями, подъ прикрытіемъ которыхъ они легко могли выждать случай напасть на плавателей, будучи сами внѣ опасности. Нашимъ плавателямъ нужно было или захватить этотъ постъ прежде апახовъ, или, если тѣ займутъ его первые, то не вдаваться далеко въ этотъ опасный проходъ.

Два команча смѣнили канадца и Жгучаго-Луча, которые съ карабинами въ рукахъ, вмѣстѣ съ Гайферосомъ и Пепе, защищали двухъ гребцовъ.

Апахамъ нужно было обойти огромный полукругъ; на всѣхъ почти точкахъ котораго они находились внѣ выстрѣловъ; лодкѣ-же, такъ сказать, нужно было проѣхать прямую линію.

— Развѣ я былъ не правъ, когда вамъ говорилъ, что эти индѣйцы кажется, принесены въ степи на крыльяхъ, точно какъ саранча самумомъ, какъ я слыхалъ во время путешествій моихъ по Америкѣ? — спросилъ у Пепе канадецъ, раздраженный этимъ новымъ затрудненіямъ.

— Хотя я не отвергаю, чтобъ эти бездѣльники не были ужасомъ степей — отвѣчалъ испанецъ, — однако-же, если не ошибаюсь, мы не должны удивляться преслѣдованію насъ. Посмотри туда на эту пѣгую лошадь, цвѣтъ которой можно различить, не смотря на темноту, и которая скачетъ безъ всадника, — не кажется-ли тебѣ, что мы уже видѣли ее у островка на рѣкѣ Жиль?

— У меня есть страшная причина вспомнить объ ней, — присовокупилъ Гайферось; — индѣецъ, который первый накинулъ на меня свой лассо и стащилъ съ лошади, былъ точь въ точь на такой лошади, какъ эта.

— А другая, — возразилъ карабинеръ, — можно поклясться, смотря на буйволону гриву, которою, кажется, украшена ея голова, что она принадлежитъ тому индѣйцу, котораго мы видѣли на стражѣ на берегу рѣки, когда нашъ пловучій островокъ спускался тихо по ея теченію? Ахъ! это одно изъ тѣхъ обстоятельствъ въ нашей отважной жизни, которое я долго буду помнить. — Я готовъ держать пари стс противъ одного, что это тѣ самые бездѣльники, которые насъ осаждали, и которые отыскиали наши слѣды въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы выходили, чтобы занять Золотую Долину.

— Я не отрицаю этого, — сказалъ вздыхая Боа-Розе, которому эти послѣднія обстоятельства, упомянутыя скальпированнымъ гамбузино и испанцемъ, напомнили еще горестивѣ потерю Фабіана:

Они пробѣжали почти три четверти разстоянія до группы деревьевъ и, слѣдовательно, челнъ былъ недалеко отъ индѣйцевъ, которые также въ свою очередь почти уже огибали полукругъ, и еслибъ новые карабины трехъ бѣлыхъ могли такъ далеко хватать, то можно было надѣяться ссадить одного или двухъ изъ этихъ всадниковъ равнины.

Челнъ, не смотря на то, что былъ сильно разгоняемъ веслами, держался довольно твердо на водѣ, такъ что боковая качка не помѣшала-бы вѣрности руки стрѣлка.

— Прикажите вашимъ воинамъ грестъ по легче, — сказалъ Боа-Розе молодому команчу.

Тогда канадецъ и испанецъ подняли разомъ руки, столь гибельныя для индѣйцевъ, и выстрѣлили.

— Вотъ двое уже изъ нихъ не будутъ болѣе преслѣдовать никого, —

сказалъ Пепе;—я отвѣчаю, что они больше не будутъ имѣть дурныхъ намѣреній противъ насъ.

— Можеть-быть они только ранены?—подхватилъ Гайферосъ, видѣвшій къ своей великой радости, точно также какъ и къ своему удивленію, возможность достигать непріятелей на такомъ далекомъ разстояніи и притомъ ночью.

— Я въ этомъ сомнѣваюсь,—возразилъ Боа-Розе.—Во всякомъ случаѣ они не въ состояніи намъ вредить; но,—присовокупилъ онъ съ досадою,—мы не будемъ имѣть возможности воспрепятствовать тѣмъ, которые останутся въ живыхъ, занять прежде насъ мѣсто за деревьями. — Довольно, довольно,—продолжалъ канадецъ, дѣлая знакъ рукою болѣе не грестъ.

Остальные индѣйскіе всадники понеслись скрыться въ чащѣ, однако карабинъ команча, звукъ выстрѣла котораго внезапно раздался въ ушахъ всѣхъ, успѣлъ ссадить еще одного изъ нихъ.

Едва протекло нѣсколько минутъ, какъ грянулъ цѣлый залпъ на челнѣ. Къ счастью, этотъ быстрый отвѣтъ индѣйцевъ не имѣлъ гибельныхъ послѣдствій, исключая только того, что одному гребцу пуля пробила руку, а другая пуля пробила дыру въ боку верхней части барки. Команчъ приподнял раненную руку здоровою; кость не была раздроблена; одно только мясо было содрано вокругъ.

Канадецъ взялъ вмѣсто его весло и направилъ челнъ противъ теченія къ маленькой бухтѣ, которую защищалъ болѣе густой поясъ тростника, чѣмъ возвышенность мѣста, которое ее образовало.

Это было однако самое лучшее убѣжище, которое находилось по близости.

Путешественники не могли, тотчасъ послѣ отступленія, вытѣснить индѣйцевъ изъ выгодной позиціи, ими занимаемой; силою прорваться чрезъ проходъ, значило терять драгоценное время и подвергать опасности жизнь.

И такъ нужно было рѣшиться, чтобы избѣгнуть этихъ двухъ случаевъ, или бросить лодку, что отняло-бы у нихъ драгоценную возможность скоро плыть безъ усталости или перенести ее на рукахъ, подалше отъ мѣста, охраняемаго индѣйцами.

Едва они начали съ осторожностью вытаскивать барку на берегъ, ими занятый, какъ съ вершины деревъ, подъ которыя удалились индѣйцы, показался внезапно сильный огонь и освѣтилъ вокругъ

нихъ рѣку и берега; и въ ту же самую минуту нѣсколько пуль ударились въ тростникъ и переломали сучья въ недалекомъ разстояніи отъ челока.

Это былъ, безъ сомнѣнія знакъ, который индѣйцы подавали какой-нибудь другой партіи индѣйцевъ-же, отъ нихъ далеко отставшей.

Связки сухой травы, собранныя въ равнинѣ, произвели свѣтъ столько-же кратковременный, сколько и ослѣпительный. Не смотря на то, въ одну минуту, гигантскій ростъ канадца и довольно замѣчательный силуэтъ испанскаго охотника ясно обрисовались среди красноватой полосы огня, освѣтившаго мѣсто на довольно большое разстояніе.

Вдругъ послышавшіеся крики: Орель Слѣжныхъ Горъ! Птица-Пересмѣшникъ! Кровавый-Черепъ! — три имени, которыми индѣйцы называли канадца, карабинера и скальпированнаго гамбузино, показали тремъ бѣлымъ охотникамъ, что они узнаны.

— Почему великій охотникъ съ бѣднымъ лицомъ называется Орломъ? — кричалъ насмѣшливый голосъ, — онъ не могъ скрыть своего слѣда отъ самыхъ Туманныхъ холмовъ и береговъ Рио-Жилы до береговъ Красной Рѣки?

— Не отвѣчай имъ, Пепе, — сказалъ канадецъ, — битва на словахъ тогда хороша, когда есть свободное время, какъ это было у насъ на островѣ; но здѣсь мы должны дѣйствовать. — Остатокъ шайки находится, конечно, за этимъ кустарникомъ. — Ну! Жгучій-Лучъ, твое индѣйское воображеніе не нашло-ли какой-нибудь уловки, какъ нибудь выдти отсюда?

— За чѣмъ хитрить? — возразилъ команчъ, — что можемъ мы найти лучше и проще того, какъ перенести изъ этой маленькой бухты челнъ на плечахъ на разстояніе двухъ карабинныхъ выстрѣловъ.

Уже трое воиновъ молодаго начальника съ легкою лодкою изъ буйволовои кожи на плечахъ, отправились по направленію на лѣвый берегъ, какъ одинъ изъ нихъ испустилъ гортанный звукъ.

Хотя луна, долженствовавшая подняться только подь утро, не взошла еще, однако звѣзды и свѣтлыя лучи млечнаго пути на столько освѣщали землю, что можно было различить другую партію индѣйцевъ, числомъ около двадцати человекъ. — Трое или четверо были на лошадахъ, но они ѣхали шагомъ, соображаясь съ ходомъ пѣшихъ товарищей.

Тутъ нечего было колебаться.

— Хотя сердце Жгучаго-Луча такъ твердо, — возразилъ Боа-Розе, — по карабинъ его не такъ вѣренъ въ его рукъ какъ мой и Пепе; молодой начальникъ и Гайферось помогутъ перенести челнъ такъ скоро, какъ только позволятъ имъ ноги, а мой товарищъ и я, мы будемъ ихъ защищать во все время, пока они будутъ безоружны.

— Хорошо, — сказалъ индѣецъ, — воинъ ползень и не въ одномъ только сраженіи.

Послѣ этой короткой одобрительной фразы, молодой команчъ и Гайферось принялись исполнять предложеніе канадца. — Боа-Розе сталъ съ одной стороны носильщиковъ, а Пепе съ другой, и весь отрядъ бросился бѣгомъ чрезъ равнину.

Ни что не показывало, чтобы новопришедшіе замѣтили маневры маленькаго отряда, но не то было со стороны индѣйцевъ, бывшихъ въ засадѣ за ивами. — Послѣдніе испустили вой неудачи и тревоги.

— Ахъ, еслибъ я только могъ хоть однимъ глазомъ различить котораго-нибудь изъ этихъ ревуновъ! — сказалъ Пепе со стороны рѣки.

— Наблюдайте лучше, Пепе, за лѣвой стороной, — возразилъ канадецъ. — Ахъ! и эти также насъ замѣтили и завыви тоже въ свою очередь? Но пусть никто изъ нихъ не подходитъ на разстояніе выстрѣла моего карабина.

— Видите, Пепе, правду говорить, что пѣхота имѣетъ преимущество предъ кавалеріею въ войнѣ въ степяхъ, какъ и въ странахъ населенныхъ. — Прежде чѣмъ одинъ изъ этихъ всадниковъ, если не хочетъ попусту выстрѣлить въ насъ, успѣетъ остановить на столько лошадь, чтобы сколько-нибудь удачно прицѣлиться.... я.... остановлюсь....

Сказавъ эти слова, Боа-Розе остановился и, казалось, приросъ къ землѣ.

— Да, я знаю, что онъ хочетъ сказать, — проворчалъ Пепе, продолжая свой гимнастическій шагъ съ боку индѣйцевъ, обремененныхъ челномъ. — Я остановлюсь.... прицѣлюсь.... и....

Выстрѣлъ изъ карабина стараго охотника прервалъ монологъ испанца.

— И, — продолжалъ онъ въ полголоса, — индѣецъ свалится съ лошади, какъ тяжесть съ оторванной привязи.... И въ самомъ дѣлѣ прав-

да, чортъ возьми! Вотъ одинъ изъ нихъ скатывается съ своей лошади.

— Живѣе, — сказалъ канадецъ, подбѣгая послѣ этого послѣдняго по-двига, между-тѣмъ какъ изъ глубины равнины, гдѣ пуля его нашла себѣ жертву, не смотря на отдаленность, два выстрѣла бесплодно отвѣтили ему. — Вы видите, Жгучій-Лучъ, какъ въ рукахъ искуснаго стрѣлка, простой карабинъ кажется достаетъ вдвое дальше другихъ, не смотря на то, что пули моего прежняго карабина слишкомъ малы для новаго, что отнимаетъ у нихъ много силы.

До этой минуты, кривизна лѣваго берега, по которому проходила маленькая группа, совершенно почти защищала ее отъ выстрѣловъ индѣйцевъ, стоявшихъ въ засадѣ за деревьями на правомъ берегу; но бѣглецы подходили къ мѣсту, гдѣ берега рѣки были сжаты и ровны. — Это было мѣсто самое опасное для прохода, и не смотря на дѣятельный надзоръ канадца и испанца и ихъ усилія рассмотреть цѣль для себя за деревьями, стрѣлба неприятелей привѣтствовала ихъ въ проходѣ. Одинъ изъ носильщиковъ челна упалъ, и тяжело раненый, не могъ-бы подняться, еслибъ два его товарища не поспѣшили къ нему на помощь.

Страшась сами, выйдя изъ засады, подвергнуться опаснымъ карабинамъ двухъ бѣлыхъ охотниковъ, которыхъ мѣткость они столько разъ испытывали, индѣйцы стрѣляли почти на удачу, изъ-за деревъ. Исключая одной пули, оцарапавшей тѣло Пепе и оторвавшей только кусокъ отъ его рукава, выстрѣлы индѣйцевъ не сдѣлали другаго вреда бѣглецамъ.

Однако Гайферось и команчъ, принужденные вдвоемъ нести челнъ, шли медленно. Два другіе индѣйца, обремененные умирающимъ товарищемъ, подвигались съ своей стороны также съ большимъ трудомъ, а другая партія апаховъ, страшная потому, что она была многочисленнѣе и занимала тотъ-же самый берегъ, какъ бѣглецы, между-тѣмъ начинала видимо подвигаться къ нимъ мало-по-малу.

Два раза неустрашимые охотники, составлявшіе единственную защиту маленькаго отряда, останавливались, чтобы обернуться лицомъ къ неприятелю, съ тою смѣлостію которая кажется презираетъ опасность и въ два раза упали два индѣйца отъ ихъ пуль.

Во все время этого медленнаго отступленія, два лѣсныхъ скитальца,

воодушевленные своею стрѣльбою и пулями и стрѣлами, свиставшими вокругъ ихъ, шли задомъ и почти мѣрнымъ шагомъ. — Уже вдалекѣ отъ нихъ, ихъ товарищи, успѣвшіе удалиться на безопасное разстояніе отъ выстрѣловъ съ противоположнаго берега въ то время, какъ апахи, стоявшіе въ засадѣ, снова зарядили свои ружья, успѣвши наконецъ спустить челнъ на воду.

Боа-Розе и испанецъ, идя лицомъ къ неприятелю, бывшему въ равнинѣ, а спиною къ рѣкѣ, не видали, какъ индѣйскіе всадники, оставивъ прикрытіе деревъ, бросились въ рѣку, чтобы совершенно отрезать имъ отступленіе къ челну.

Громкій голосъ команча, сопровождаемый выстрѣломъ изъ карабина, отъ котораго лошадь одного изъ индѣйцевъ, смертельно раненая, зафыркала среди увлекавшаго ея течения, предупредила ихъ объ опасности, имъ грозившей.

Пепе быстро повернулся, измѣрилъ всю величину опасности, и оставилъ Боа-Розе, который держалъ въ почтеніи подъ страшнымъ дуломъ оружія, неприятелей, которые приближались съ этой стороны. Испанецъ, согнувшись и держа карабинъ въ прицѣлѣ, скользилъ какъ змѣя къ берегу, крича канадцу :

— Ретируйся къ челну, Боа-Розе, а я буду готовъ, какъ только ссажу хоть одного въ воду.

Запѣ заглушилъ голосъ испанца, который упалъ и исчезъ среди травы. Болѣзненный крикъ, вырвавшійся изъ груди канадца, сопровождалъ паденіе этого товарища всѣхъ его радостей и опасностей, и тотчасъ замеръ во рту стараго охотника, который, лишившись своего сына, теперь потерялъ своего брата.

Въ волненіи, его поразившемъ, канадецъ не замѣтилъ, какъ въ недалекомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ исчезъ Пепе, апахскій всадникъ выбѣжалъ на берегъ.

Еще минута — и все бы навсегда кончилось для Боа-Розе, неподвижнаго, приведеннаго какъ бы въ оцѣпенѣніе, еслибъ вдругъ, какъ-бы чудомъ, огненная полоса не выскользнула будто изъ нѣдръ земли; и выстрѣлъ, последовавшій мгновенно за свѣтомъ, еще грохоталъ, какъ индѣецъ валился уже съ сѣдла въ рѣку.

Въ это самое время, голова Пепе, но Пепе полнаго жизни, показалась съ лицомъ, вполнину улыбающимся и вполнину ужаснымъ, наравнѣ съ поверхностью равнины.

— Сюда бѣги, Боа-Розе, — вскричалъ испанскій охотникъ и займи мѣсто въ ямѣ, въ которую я попалъ по милости Провидѣнія. — Это постъ непреоборимъ, и ни одинъ изъ этихъ бездѣльниковъ не приблизится къ нему цѣлымъ.

Въ два прыжка канадецъ прибѣжалъ къ Пепе, и исчезъ, подобно ему, въ одномъ изъ этихъ природныхъ рвовъ, невидимыхъ подъ травой, которой верхушка растетъ наравнѣ съ верхушками травъ равнины, и которые такъ обыкновенны въ степяхъ. — Какъ нѣкогда въ глубинѣ Поцы, гдѣ оба охотника, спина о спину, ожидали нападенія тигровъ, Пепе и Боа-Розе, которыхъ непріатели напрасно искали въ продолженіи нѣкотораго времени, прислонились одинъ къ другому; первый наблюдалъ за равниной, а второй за берегами рѣки.

Пепе снова зарядилъ свой карабинъ и оба скитальца льсовъ, держа голову наравнѣ съ землею, съ сверкающими глазами, выжидали своихъ непріателей.

Потерею своихъ, приведенные въ уныніе индѣйцы хотѣли возвратиться за деревья, которыя ихъ укрывали; одни вплавь на своихъ лошадяхъ, а всадникъ, ссаженный съ лошади Жгучимъ-Лучемъ, силится такъ достигъ берега.

— Теперь, Боа-Розе, — сказалъ испанецъ, — челнъ на водѣ и ждетъ только насъ. — Вотъ негодяи выходятъ изъ воды, пристыженные и измоченные какъ выстѣнные пудели. Съ этой стороны нѣтъ большой опасности; — впередъ!

— Потіше, Пепе, — вскричалъ канадецъ, увлеченный своимъ жаромъ, — чѣмъ больше перебьемъ мы ихъ теперь, тѣмъ меньше останется бить послѣ. Если рѣка очищена отъ враговъ, такъ повернись на мою сторону, намъ будетъ довольно работы.

Разсѣянные по равнинѣ, отыскивая повсюду двухъ враговъ, которые въ виду ихъ исчезли, индѣйцы приближались ко рву, скрывавшему двухъ охотниковъ. Послѣдніе видѣли, какъ одни ломали кустарники, другіе на лошадяхъ, разгребали траву своими длинными копьями, приближаясь съ осторожностью.

— Собьемъ прежде всадниковъ съ лошадей, это вѣрнѣе, — сказалъ канадецъ, — и выстрѣлимъ оба; намъ некогда будетъ снова заряжать карабины. — Согласенъ на это?

— Да; ты на право, я на лѣво.

Два молвіи, мелькнувшія изъ травы, предшествовали двумъ выстрѣ-

ламъ, соединившимся почти въ одинъ ударъ, и еще два всадника упали съ своихъ лошадей.

Боа-Розе и испанецъ имѣли едва только время наклониться и скрыться во рву, какъ земля, сбита пулями, посыпалась на нихъ и нѣсколько стрѣлъ со свистомъ вонзились подлѣ окраинъ рва.

— Къ дѣлу! — сказалъ испанецъ, теперь минута удобная. — Онъ говорилъ еще, какъ уже бросился изъ рва, въ сопровожденіи Боа-Розе. — Это была минута колебанія для непріятелей, уже скакавшихъ за ними, съ ножомъ и съкирою въ рукѣ. — Гайферось, Жгучій-Лучъ и его два индѣйца, сидѣвшіе на корточкахъ за челномъ, поддерживали противъ непріятелей, скрытыхъ за ивами на другомъ берегу, послѣдовательный огонь, который ихъ беспокоилъ.

Вой, который испускали безпрестанно команчи, эти повторяемые выстрѣлы, которые могли заставить думать о присутствіи многочисленнаго непріятеля, не менѣе беспокоили и апаховъ въ равнинѣ. Эта минута колебанія въ преслѣдованіи, предметомъ котораго они были, счастливо послужила двумъ бѣглецамъ, которые, подъ защитою выстрѣловъ Жгучаго-Луча и его товарищей, могли спокойно пробѣжать открытый берегъ къ челну.

Апахи лѣваго берега примѣтили въ ту минуту, когда маленькій отрядъ садился въ лодку, какъ онъ былъ малочисленъ, и снова начали съ жаромъ продолжать свое преслѣдованіе; но было уже поздно; команчи быстро плыли по рѣкѣ.

Одни только конные могли догнать ихъ на такомъ разстояніи, которое минутная нерѣшимость апаховъ заставила ихъ потерять; но благоразуміе, или лучше сказать, присутствіе двухъ стрѣлковъ безъ промаха ихъ останавливало и они сдержали своихъ лошадей.

— Дай мнѣ руку, — живо возразилъ Боа-Розе, лишь только Пеше и онъ усѣлись на кормѣ барки, быстро удалявшейся по теченію рѣки. — Фу! какой страхъ навелъ ты на меня, падая; я думалъ, что ты умеръ; тысяча благодареній Богу, за то, что Онъ избавилъ меня отъ этого новаго несчастія!

— Напротивъ, упавъ, я избѣжалъ смерти, — отвѣчалъ Пеше, пожимая руку канадцу, если не съ такою силою, то по-крайней-мѣрѣ съ такою-же горячностью.

За этимъ короткимъ обмѣномъ взаимныхъ поздравленій, послѣдовало долгое молчаніе, потому что оба храбрые охотника были сча-

стливы еще разъ слышать вмѣстѣ, въ то время, какъ челнъ тихо скользилъ по рѣкѣ, ночной шумъ пустыни, которымъ они такъ часто восхищались въ продолженіи своей жизни, ржаніе лоси, отдаленное рычаніе буйволовъ, меланхолическіе крики огромныхъ ночныхъ птицъ, и по временамъ раздававшіеся крики лебедей, смѣшанные съ дуновеніемъ вѣтра и журчаніемъ рѣки.

Обстоятельства были однако-же такого рода, въ которыхъ безопасность не можетъ долго продолжаться. — Пока челнъ плылъ между двухъ низкихъ и песчаныхъ береговъ, вдоль которыхъ едва только проросли кой-какіе кустарники, или изрѣдка возвышались уединенныя деревья; пока ничто не препятствовало взору проникать въ глубину равнины, пловцы могли быть покойны. Но когда рѣка потекла среди лѣсистыхъ береговъ, въ тѣни которыхъ могъ скрываться раздраженный непріятель, ихъ преслѣдовавшій, безопасность смѣнилась безпокойствомъ; съ карабиномъ въ рукѣ, оба охотника подозрительнымъ взоромъ всматривались въ лѣсъ, покрывавшій тѣню рѣку.

Пепе не обманывался, утверждая, что бывшіе въ засадѣ за ивами, были тѣ самыя волны, которые осаждали ихъ у островка рѣки Жилы. Къ нимъ присоединилась часть шайки Черной-Птицы. Лучше сказать, это былъ небольшой отрядъ, который, какъ читатель помнитъ, отдѣлился въ сожженномъ лагерѣ мексиканцевъ, чтобы развѣдать слѣды трехъ охотниковъ, скрывшихся отъ ихъ ненависти. — Внимательное изслѣдованіе, сдѣлавшееся очень затруднительнымъ по той причинѣ, что пловучій паромъ разсыпался, и отнялъ у нихъ цѣлые два дня времени, довело однако Антилопа отъ перекрестка двухъ рѣкъ къ Золотой-Долинѣ, отъ Золотой-Долины къ берегамъ Красной Рѣки до того мѣста, гдѣ Боа-Розе, Пепе и Гайферось сѣли въ челнъ молодого команча. — Трудно было предположить, чтобы понесенныя теперь потери могли остановить Антилопа, хоть отъ предполагаемаго соединенія съ многочисленною партіею Черной-Птицы.

Среди лѣсовъ, чрезъ которые протекала рѣка, плаваніе сдѣлалось опаснымъ, медленнымъ и труднымъ; опаснымъ потому, что лѣсистые берега могли скрывать засады; медленнымъ и труднымъ потому, что нужно было разомъ обращать вниманіе на все, — и на густые лѣса по берегамъ и на теченіе воды, заграждаемое почти на каждомъ шагу затопленными стволами деревьевъ, которыхъ острия вершины могли

прорвать челнъ, и плававшими деревьями, которыхъ вѣтви останавливали его ходъ.

Въ двухъ-часовое плаваніе, челнъ едва отнесло на одно мѣ отъ того мѣста, гдѣ по берегу рѣки начался огромный и мрачный лѣсъ; тогда наконецъ взошла луна.

Это значило, что день приближался; не смотря на то, темнота продолжала покрывать рѣку. — Одна только луна, серебрившая вершины деревьевъ, бросала изрѣдка блѣдный лучъ на рѣку. — Часто, на той части поверхности водъ, куда этотъ слабый свѣтъ не достигалъ, весла запутывались въ сплетшихся вѣтвяхъ какого-нибудь дерева, росшаго на берегу, или скользили по затопленнымъ листьямъ съ глухимъ и мрачнымъ шумомъ. Оба охотника разговаривали тихо, поглядывая то на тѣнистые берега, то на теченіе рѣки.

— Если бездѣльники, которые собираются насъ поколотить, — говорил Пепе, качая съ нѣкоторымъ безпокойствомъ головою, — знали-бы свое ремесло грабителей, они-бы имѣли прекрасный случай получить себѣ удовлетвореніе среди затрудненій отыгаться отъ этой проклятой рѣки, до того заваленной пловучими деревьями, что изъ всѣхъ рѣкъ, по которымъ мы ѣздили въ лодкѣ, только эту одну можно сравнить съ Аркэнзэсомъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы вступили въ этотъ лѣсной лабиринтъ, мы сдѣлали не больше одного мѣ, и едвали наберется еще мѣ между началомъ этихъ густыхъ лѣсовъ и мѣстомъ нашего сраженія... два мѣ въ два часа. И какъ я говорю, если-бы бездѣльники знали свое ремесло, каждый всадникъ взялъ-бы одного пѣшаго на сѣло, и въ часъ уже они могли-бы дожидаться насъ въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда.

— На это нечего сказать, Пепе, — отвѣчалъ Боа-Розе; — справедливо, что эти темные берега очень способны скрывать засаду, и по моему мнѣнію нужно по-крайней-мѣрѣ освѣтить нашъ путь по рѣкѣ, чтобы ѣхать скорѣе. Я скажу объ этомъ два слова команчу.

Послѣ короткаго разсужденія, гребцы пристали для этого къ берегу. Индѣйцы подняли съ него широкую пластину дерна и положили ее на носъ лодки на двухъ твердыхъ сучкахъ дерева; на эту пластину навалили тонкихъ вѣтвей краснаго кедра, какъ-бы на каменья печи, потомъ подожгли его и вкорѣ сильный свѣтъ, какъ отъ большаго фонаря, разлился на довольно далекое разстояніе, освѣщая сомнительный путь плователей.

X.

ТЪСНИНА.

Время отъ времени канадецъ, съ помощью зажженной кедровой вѣтки, разсматривалъ внимательно позади ихъ рѣку, между тѣмъ какъ огонь съ лодки спереди освѣщалъ ея воды.

Этотъ красноватый свѣтъ, блестящій по рѣкѣ, представлялъ въ какомъ-то фантастическомъ видѣ индѣйцевъ, подобныхъ бронзовымъ статуямъ, трехъ бѣлыхъ охотниковъ въ одеждѣ, разодранной всѣми случайностями пустыни, и самые берега, на которые падали отблески огня.

На темныхъ очеркахъ береговъ то появлялись, то опять исчезали во мракѣ призраки деревьевъ, безмолвныхъ свидѣтелей переѣзда ночныхъ пловцовъ.

Было время льснаго покоя; хищные звѣри спали послѣ ночной охоты, робкія животныя предъ утреннимъ пробужденіемъ, сова, первая вѣстница разсвѣта, еще безмолвствовала въ своемъ укромномъ дуплѣ. Глубокая тишь заснувшей природы нарушалась только однообразнымъ плескомъ воды, подъ осторожными ударами веселъ.

Печальная сцена еще увеличила мрачную торжественность этихъ минутъ.

Распростертый на днѣ челнока, раненный команчъ, оставшійся до сихъ-поръ неподвижнымъ, началъ по временамъ испускать глухое стenanіe, какъ-бы въ послѣдней борьбѣ души съ узами, связывавшими ее съ тѣломъ.

— Ва-И-Та слышитъ голосъ своихъ отцевъ, — прошепталъ индѣецъ, встрепенувшись на днѣ лодки.

— Что говорятъ они ему? — спросилъ Жгучій-Лучъ, переставъ на минуту грести.

— Пѣть предсмертную пѣсню, — отвѣчалъ команчъ. — Но Ва-И-Та ужъ пѣть не въ силахъ.... голоса эти зовутъ его и велятъ ему вриди....

— Жгучій-Лучъ будетъ пѣть вмѣсто Ва-И-Та, — тихо сказалъ молодой старшина, котораго голосъ былъ такъ громокъ въ сраженіи, — но онъ будетъ пѣть, какъ поютъ на Кровавой-Стезѣ.

Тогда онъ началъ напѣвать тихимъ и грустнымъ голосомъ родъ жалобной пѣсни, сопровождавшейся мѣрнымъ всплескомъ веселъ.

— Погребальное пѣніе пробудило въ сердцѣ канадца неменѣе грустные звуки. Его юный Фабианъ найдетъ-ли друга, который также усладилъ-бы его послѣднія минуты? Эти горестныя мысли нѣсколько разъ вызывали безмолвныя слезы изъ глазъ Боа-Розе и онъ отворачивался, чтобы скрыть ихъ.

Уже свѣтъ костра потухалъ медленно, когда молодой старшина пересталъ пѣть; и снова наступила величественная тишина ночи.

Казалось индѣецъ ожидалъ только этой минуты, чтобы умереть. Послѣднія судороги показывали, что жизнь готовилась его оставить.

— Ва-И-Та доволенъ, — прошепталъ умирающій снова, — онъ отвѣтилъ устами друга призыву отцовъ. Онъ ужъ не будетъ задерживать пути своихъ братьевъ; Жгучій-Лучъ понесетъ туда (индѣецъ, казалось, показывалъ въ сторону своего селенія) вѣсть о смерти, которую воинъ встрѣтилъ на Стезѣ-Войны.

Произнеся эти слова такъ тихо, что едва можно было ихъ слышать, индѣецъ умеръ на рукахъ молодого старшины. Челнъ еще нѣсколько минутъ продолжалъ свой путь; когда ясно обозначилось, что дыханіе жизни совершенно потухло на губахъ Ва-И-Та, тогда гребцы причалили лодку къ берегу.

Двое индѣйцевъ вышли на берегъ, съ шерстяною буркой умершаго въ рукахъ и когда она была наполнена тяжелыми камнями, когда запасъ сухаго дерева былъ возобновленъ, челнъ снова отправился.

Три индѣйца привязали бурку къ тѣлу Ва-И-Та и бросили его въ рѣку...

Оживленный костеръ запылалъ ярче; свѣтлый кругъ расширился, и тѣло тихо погрузилось въ ярко освѣщенную гладь воды, которая надъ нимъ закрылась.

— Великій Духъ принялъ душу храбраго, — сказалъ Жгучій Лучъ, — тѣло его безопасно отъ оскорбленій анахскихъ собакъ. Впередъ!

Челнъ поплылъ быстрѣе, и изгладилъ подъ широкою бороздою колыханіе воды надъ трупомъ; водная могила Ва-И-Та попрежнему сдѣлалась однообразна и темна... Прошло еще нѣсколько минутъ; вдругъ Боа-Розе обратился къ молодому предводителю.

— Команчъ, — сказалъ онъ, — дай мнѣ одну изъ горящихъ вѣтвей; мнѣ нужно посмотреть, не обманываютъ-ли меня глаза. Мнѣ кажет-

ся, что сзади плыветъ очень много деревьевъ, которыхъ мы не про-
ѣзжали.

Жгучій — Лучъ взялъ горящую головню и подалъ ее канадцу, кото-
рый пристально смотрѣлъ на поверхность рѣки за кормою челнока.

Казалось подозрѣніе поразило льснаго скитальца.

— Клянусь честью, — возразилъ онъ, — намъ нельзя было проѣхать
черезъ весь тотъ лѣсъ, что плыветъ за нами. Я вамъ говорю, одни
только индѣйцы могли такъ загроздить теченіе рѣки. Эти деревья
никогда не были передъ нашимъ челнокомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи за челнокомъ, по-
верхность воды, казалось, была загромождена плававшими вѣтвями и
деревьями, черноватые стволы которыхъ освѣщало пламя.

— Странно! — замѣтилъ Гайферосъ.

— Нѣтъ, вовсе не странно для того, кому знакомы всѣ индѣйскія
хитрости, — отвѣчалъ Боа-Розе, — спроси лучше у Пепе.

Пепе, сидя на носу челнока, также разсматривалъ теченіе Красной
Рѣки и какъ Боа-Розе, ему казалось невозможнымъ, чтобы ихъ
хрупкій челнокъ могъ, не разорвавшись, проплыть сквозь эту массу
древесныхъ стволовъ и сплетшихся вѣтвей.

— Я того-же мнѣнія, — сказалъ испанецъ, — вѣдь эти бездѣльники
нарочно побросали въ воду всѣ сухія деревья, которыя только нашли
на берегахъ. Вѣроятно въ то время, когда мы выходили на берегъ,
деревья поплыли за нами. Это доказываетъ, что разбойники намѣрены
напасть на насъ по низовью рѣки, и хотятъ отрѣзать намъ отступле-
ніе съ верховья.

Мнѣніе Пепе, совершенно правдоподобное, не нашло противорѣчія
ни въ Боа-Розе, ни въ молодомъ команчѣ. Казалось достовѣрнымъ,
что индѣйцы опередили ихъ, чтобы сѣсть въ засаду за деревья прежде
нежели доплыветъ челнокъ, и что идти берегомъ было безопаснѣе,
чѣмъ ѣхать водою. Три союзника рѣшились въ такомъ случаѣ оста-
вить свое плаваніе и обойти лучше лѣсомъ, чтобы избѣжать нападенія,
которое угрожало имъ, еслибы они продолжали свой путь по теченію
рѣки.

Кожаная лодка была еще разъ снята съ воды и отнесена въ
самую чащу деревъ подъ низкія вѣтви, которыми тщательно ее при-
крыли, со всѣми обыкновенными предосторожностями.

Путешественники взяли съ собою столько провизіи и военныхъ сна-

рядовъ и пороха, сколько каждый могъ нести безъ затрудненія своего пути, прочее-же все оставили на скромное сохраненіе густаго кустарника.

— Такъ какъ ты уже проходилъ по этимъ пустынямъ,—сказалъ канадецъ Жгучему Лучу, — то будешь нашимъ проводникомъ; въ твоей молодой головѣ столько-же опытности, какъ и у человѣка, посѣдывшаго на Стезѣ-Войны... мы вѣряемся тебѣ совершенно.

— На разстояніи, которое можно пройти безъ отдыха,—отвѣчалъ молодой воинъ,—мы встрѣтимъ мѣсто до того сжатое берегами, что рѣка кажется течетъ тамъ подъ сводомъ. — Если гдѣ-нибудь индѣйцы и поджидаютъ насъ, то вѣрно въ тѣснинѣ.

Команчъ, подумавъ съ минуту чтобы припомнить мѣстность, пошелъ впередъ твердымъ шагомъ въ сопровожденіи двухъ воиновъ своего племени и за ними слѣдовавшихъ трехъ бѣлыхъ.

Косвенные лучи луны достаточно освѣщали сквозь деревья дѣсь, для того чтобы путешественники могли идти такъ скоро, какъ только позволяло имъ благоразуміе. И въ самомъ дѣлѣ, необходимо было дѣлать частыя остановки, чтобы осмотрѣть непроницаемость лѣсовъ и вслушаться въ тишину, гдѣ индѣйскіе лазутчики могли быть разсыяны и только послѣ достаточнаго осмотра маленькій отрядъ снова предпринялъ свой прерванный путь.

Иногда непроницаемая чаща кедровыхъ чужезданныхъ мховъ и длинныхъ лианъ, перенетшихся со стволами и вѣтвями деревьевъ, принуждали бѣглецовъ дѣлать большіе обходы; послѣ этихъ обходовъ нужно было опять осматриваться, чтобы не удалиться отъ рѣки.

Почти черезъ часъ, въ продолженіе котораго бѣглецы не много подвинулись впередъ, по причинѣ всѣхъ этихъ препятствій, свѣжесть воздуха, проходившаго по временамъ сквозь деревья, показывала, что рѣка была недалеко. — Вскорѣ можно было, прислушиваясь внимательно, слышать журчаніе ея водъ, усиливавшееся съ приближеніемъ къ берегамъ.

Тогда индѣецъ велѣлъ слѣдовать маленькому отряду въ право, пробуя время отъ времени лицомъ дыханіе прохладнаго вѣтерка, прислушиваясь къ шуму водъ, чтобы не сбиться съ дороги, которую они себѣ пролагали.

Три охотника безъошибно слѣдовали за своимъ путеводителемъ; кана-

дець разсматриваль съ меланхолическимъ удовольствіемъ молодого воина, котораго возрастъ и станъ напоминали ему Фабіана.

— Этотъ молодой человекъ будетъ вѣкогда могущественнымъ начальникомъ своего племени, — говорилъ Боа-Розе на ухо Пепе. — Видишь ли, онъ на кровавомъ пути, и между-тѣмъ ничто не можетъ возмутить спокойствія его глазъ и ясность его сужденія. — Ну, Жгучій Лучъ! — продолжалъ канадецъ, обращаясь къ команчу, — находишь-ли ты слѣды?

— Посмотрите, — отвѣчалъ Жгучій-Лучъ, показывая на сухіе листья, освѣщаемые лучами луны; мои воины прошли здѣсь; можетъ-быть они недалеко. Этотъ слѣдъ ноги означился, когда ночная роса уже омочала землю.

— А почему-же ты знаешь, что это слѣдъ одного изъ твоихъ воиновъ?

— Пусть Орель наклонится, и онъ увидитъ, что въ этомъ отпечаткѣ не достаетъ большаго пальца.

— Онъ правъ! — сказалъ Пепе, наклоняясь, — и мнѣ стыдно, что я раньше этого не замѣтилъ.

Другіе слѣды, найденные черезъ нѣсколько минутъ, подтверждали предположеніе команча. Вскорѣ онъ предложилъ отдохнуть отряду, и самъ, въ сопровожденіи своихъ двухъ товарищей, удалился, прося бѣлыхъ охотниковъ подождать ихъ, пока они сходятъ дальше слѣзать послѣдній осмотръ.

Индѣйцы вскорѣ разсыпались за деревьями, идя съ такою осторожностью и легкостью, что ни одинъ шелестъ листьевъ, ни даже столь слабый какъ тотъ, который производитъ игуана, играющая на травѣ при лунномъ свѣтѣ; ни одинъ скрипъ кустарника не примѣшивался къ дыханіямъ свѣжаго ночнаго вѣтерка.

Три охотника ожидали среди глубокой тишины возвращенія своихъ союзниковъ, и Боа-Розе, опершись на мшистый стволъ бука, съ ображеніемъ тревожнымъ, грустными мыслями, остерегался нарушить эту тишину, гармонировавшую съ его грустью. — Лунный лучъ печально падалъ на его лицо и позволялъ видѣть на его суровой физиономіи отпечатокъ заботъ, которыми онъ былъ снѣдаемъ съ потери Фабіана. Съ грустью исчислялъ канадецъ всѣ роковыя неудачи, которыя, казалось, умножались подъ его ногами.

Испанскій охотникъ приблизился къ нему и голосомъ, подобнымъ слабому вѣтерку, колеблющему листья деревьевъ, сказалъ: — Красной

Рукъ и Смѣшаной-Крови нужно очень остерегаться, потому что этотъ молодой смѣлый команчъ — самый опасный непріятель, который надѣлалъ-бы имъ много непріятностей, предполагая даже, что у него не были-бы союзниками двое охотниковъ, которыхъ опытность и мужество, смѣло скажу, тоже нельзя презирать; ты отвѣтишь на это, что два охотника уже два раза были побѣждены этими степными разбойниками, но чортъ побори!...

— Я не скажу этого, Пепе; участь войны переменчива, и, какъ-бы ни были страшны эти два человѣка, я никогда не побоюсь снова помѣряться съ ними. Еслибъ противъ метиса мы имѣли только личное мнѣніе, котораго срокъ не былъ-бы еще близокъ, ты-бы увидѣлъ меня цѣлые мѣсяцы неослабно ихъ преслѣдующимъ; но дни Фабиана, но что я говорю, дни?... его минуты сосчитаны, и я боюсь опоздать. Эта мысль ужасна, мой бѣдный Пепе....

— Мы также скоро, какъ эти индѣйскіе бездѣльники, прибудемъ къ

— Красному-Устью.... Но день уже наступаетъ; я слышу тамъ въдалекъ сову, предвѣстницу разсвѣта.

Мрачное и отдаленное у! у! ночной птицы раздавалось въ самомъ дѣлѣ по лѣсамъ, и поражало ухо охотниковъ.

— Вотъ еще и другія, которыя отзываются еще дальше, — сказалъ Гайферось; — кажется ихъ цѣлая стая въ этой сторонѣ.

— А можетъ быть это также условные знаки, чтобы обликнуть другъ друга, — отвѣчалъ канадецъ, какъ человѣкъ, привыкшій отыскивать во всѣхъ звукахъ пустыни истинное значеніе, которое они могутъ имѣть. — Совы, какъ орлы, рѣдко живутъ обществами.

Ничто не показывало однакожъ, чтобы ночныя эти птицы не перекликались дѣйствительно, точно также какъ пѣтухи съ одной мызы на другую, и чтобы эти меланхолическіе крики могли имѣть значеніе сигналовъ. Во всякомъ случаѣ, чтъ показывали они, кого собирали, друзей или враговъ?

Звукъ карабина, столько-же отдаленный, какъ и крикъ совъ, привелъ въ трепетъ охотниковъ, но не объяснилъ ихъ сомнѣній.

— Я не могу узнать звукъ этого оружія, — сказалъ Боа-Розе; — во всякомъ случаѣ, непріятель тамъ, и если это карабинъ индѣйца или апаха, до этого мало нужды, выбирать не изъ чего.

Окончивъ свой разговоръ, канадецъ, за которымъ слѣдовали его два товарища, быстро пошелъ по тому направленію, откуда послы-

шался ружейный выстрѣлъ. Не прошли они и нѣсколькихъ минутъ, какъ раздались сряду еще двѣнадцать выстрѣловъ, которые доказывали, что въ этомъ мѣстѣ происходила убійственная стычка.

Канадецъ удержалъ рукою карабинера, который хотѣлъ его обогнать.

— Потише, Пепе,—сказалъ онъ ему,—намъ необходимо, чтобы наши три союзника, если-бы захотѣли присоединиться къ намъ, не могли бы разойтись съ нами. У насъ нѣтъ условленнаго сборнаго крика для соединенія съ команчами, мы дали этимъ большой промахъ, который нужно, сколько возможно, исправить. И такъ мы не пойдемъ одинъ за другимъ, какъ индѣйцы, но въ рядъ, на довольно широкомъ разстояннн другъ отъ друга, чтобы расширить нашу линію, и быть въ состояннн взаимно подать помощь.

Охотники подтвердили мнѣніе Боа-Розе, и всѣ трое раздѣлились такимъ образомъ, чтобы составить въ одно время линію въ полтора-ста шаговъ, такъ чтобы ихъ союзники, возвращаясь, не могли-бы миновать ихъ. Они отправились скорымъ и ровнымъ шагомъ, и приблизились къ мѣсту, гдѣ послышался еще другой залпъ. Гайферосъ занималъ центръ линіи, въ которой Пепе съ лѣва, а канадецъ съ права составляли двѣ оконечности.

Чтобы не отстать далеко другъ отъ друга, Пепе и Боа-Розе отъ времени до времени перекликались обыкновенно употребляемымъ ими окликомъ — койоты или шакала, которыхъ такъ много въ этихъ странахъ. Обыкновенно индѣйцы и бѣлые охотники мѣняютъ свои сигналы, чтобы не возбудить подозрѣннн и подражаютъ крикамъ такихъ птицъ или животныхъ, которыя обыкновенно болѣе бываютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они находятся. Гамбузино, находясь между двумя льсными скитальцами, не могъ сбиться и шелъ такимъ-образомъ параллельно съ ними.

Боа-Розе первый изъ нихъ почувствовалъ на лѣвой щекѣ свѣжесть рѣчнаго воздуха.

Нѣсколько шаговъ дальше, онъ увидѣлъ, сквозь лѣсъ, поверхность воды, которая, черная и тихая, катила накиданныя въ ея русло деревья.

Онъ заключилъ изъ этого, что мѣсто стычки было на самой рѣкѣ или по-крайней-мѣрѣ на ея берегахъ. При новомъ и внезапномъ залпѣ онъ увидѣлъ, какъ мгновенный свѣтъ отъ него отразился на поверх-

ности рѣки; это удостовѣрило лѣснаго скитальца въ справедливости его предположенія.

Тогда онъ подошелъ еще ближе, не сворачивая съ линіи, параллельной съ рѣкою. Воинственный крикъ, раздавшійся впереди его, въ которомъ онъ узналъ крикъ одного изъ молодыхъ команчскихъ воиновъ, заставилъ канадца позвать карабинера и Гайфероса, чтобы всѣмъ троицъ бѣжать на помощь Жгучему-Лучу, такъ какъ настоящее мѣсто, на которомъ находился тотъ, было ему теперъ неизвѣстно.

Три визга испуганнаго шакала были условленнымъ знакомъ соединенія.

Боа-Розе испустилъ первый крикъ, на который испанецъ отвѣчалъ, приближаясь.

Потомъ второй, который повторилъ Пепе, уже немного ближе отъ него.

Въ третій разъ канадецъ не окончилъ своего крика. Едва произнесенный, онъ замеръ въ его гортани.

Двѣ сильныя руки сдавили его горло, между-тѣмъ какъ среди группы черныхъ тѣлъ, которыя, казалось, вышли изъ подъ земли, блестящіе ножи сверкали передъ его глазами роковымъ свѣтомъ. Если-бы Боа-Розе оказалъ минутную слабость отъ этого внезапнаго нападенія, онъ-бы погибъ; но неустрашимый лѣсной скиталецъ могъ быть на минуту удивленъ, но не испуганъ. Однимъ сильнымъ прыжкомъ впередъ, канадецъ увлекъ за собой индѣйца, руки котораго старались задушить его.

Отстранить лѣвою рукою свой карабинъ, сдавить правою въ свою очередь за горло своего непріятеля и бросить его къ ногамъ своимъ мертвымъ, подъ непреодолимымъ давленіемъ желѣзныхъ пальцевъ, было для исполина дѣломъ одного мгновенія. Боа-Розе перевелъ духъ.

— Ко мнѣ, Пепе! — вскричалъ онъ, получивъ употребленіе голоса.

Въ это самое время тяжелый прикладъ его ружья опустился на голову втораго непріятеля, который упалъ и больше не вставалъ уже; и сломанный сильнымъ ударомъ кустарникъ раздвинулся подлѣ него, давая проходъ испанцу.

— Эта собака больше не залаетъ, — сказалъ Пепе, доканчивая индѣйца, сраженнаго ударомъ Боа-Розе.

— Чортъ возьми! ты напрасно теряешь время, — сказалъ канадецъ.

Говоря еще эти слова, онъ прицѣлился въ одного изъ трехъ бѣ-

жавшихъ индѣйцевъ. Пепе сдѣлалъ тоже. Два выстрѣла вылетѣли вмѣстѣ, но безъ успѣха; апахи исчезли за кустарникомъ. Когда два охотника, обманутые въ надеждѣ, бросились на удачу за ними, три черныя тѣла прыгнули въ воду и скрылись въ рѣкѣ подѣ плававшими стволами.

— Впередъ! — кричалъ канадецъ въ ту минуту, когда Гайферось къ нимъ присоединился, и когда толпа индѣйскихъ всадниковъ неслась по противоположному берегу, вверхъ рѣчки, — тамъ въ насъ вуждаются.

Еще послышалось нѣсколько выстрѣловъ, смѣшанныхъ съ воинственнымъ крикомъ, господствовавшимъ среди смятенія.

— Слышите-ли боевой крикъ этого неустрашимого молодого челоуѣка?

— Да, — отвѣчалъ Пепе. — Закричимъ и мы, дадимъ ему знать, что мы идемъ къ нему на помощь.

Канадецъ и Пепе испустили въ свою очередь военный крикъ, потомъ, какъ древніе герои, они бросили свои имена въ шумъ сраженія.

— Горный Орелъ! — закричалъ Боа-Розе голосомъ стентора.

— Пересмѣшникъ, — проревѣлъ Пепе раздирающимъ голосомъ, смѣшнымъ подражаніемъ крику птицы, которой названіе получилъ онъ отъ этого.

Одинъ только Гайферось не испустилъ ни своего воинственного крика, ни своего ужаснаго имени — Кровавый-Черепъ; бѣдный гамбузино довольствовался въ страхъ, этимъ ревомъ, напомнившимъ ему потерю его волосъ съ головы, и ужасныя мученія, которыя онъ перенесъ.

Отголоски повторили за ними имена Орла и Пересмѣшника, между тѣмъ какъ три охотника огибали поворотъ рѣчки. Тамъ новое зрѣлище поразило ихъ взоры.

Рѣка, въ этомъ мѣстѣ, была замкнута двумя берегами, постепенно возвышавшимися, до сорока футовъ надъ уровнемъ ея, и бывшими другъ отъ друга на разстояніи шести футовъ.

Наклонное положеніе этихъ двухъ стѣнъ, при ихъ вершинѣ, показывало, что эти два крутые берега были нѣкогда соединены между собою, и что какой-нибудь сильный переворотъ земной образовалъ

свода, подъ которымъ должна была протекать рѣка, какъ-бы чрезъ подземный каналъ.

Это была тѣснина. Луна ярко освѣщала верхи обоихъ береговъ, и пришедшіе могли хорошо видѣть, что происходило на верху этого свода, раздѣленнаго, будто-бы ему не доставало только соединяющей средины.

То, что произошло передъ глазами охотниковъ, совершилось такъ быстро, что они могли участвовать въ этомъ только зрѣніемъ. Два воина съ двухъ сторонъ этого раздѣленнаго свода старались перейти пространство, раздѣлявшее ихъ другъ отъ друга.

— Постой, постой, команчъ, — вскричалъ канадецъ, заряжая карбинъ, также какъ и Пепе, чего они не могли сдѣлать при быстротѣ своего бѣга; — позволь мнѣ, я здѣсь.

Жгучій-Лучъ, услышавъ голосъ своего союзника, на минуту остановился. Этой минутой довольно было воспользоваться другому индѣйцу, который, закричавъ :

— Антилопъ умѣетъ далѣе прыгать! — перепрыгнувъ однимъ прыжкомъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ Жгучаго-Луча, и обвилъ руками своего врага.

Боа-Розе готовъ былъ выстрѣлить; но при этой рукопашной борьбѣ, нельзя было и думать прицѣлиться въ апаха, и три охотника могли только быть нѣмыми и трепещущими свидѣтелями усилій обоихъ воиновъ сбросить другъ друга въ рѣку. Эта борьба не была продолжительна и окончилась такъ скоро, какъ ей должно было окончиться, то-есть паденіемъ въ рѣку обоихъ борцевъ.

XI.

новый другъ и старый недругъ.

Рѣка кипѣла еще надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ исчезли два врага и оба охотника бросили вокругъ себя удивленные и безпокойные взоры, не имѣя средствъ отдать себѣ отчета о происшествіи, только что случившемся, не зная, врагами-ли или друзьями они были окружены, когда, съ разныхъ мѣстъ берега, съ подюжины черныхъ тѣлъ почти разомъ бросилось въ рѣку.

Это былъ новый предметъ удивленія для Пепе и для канадца, отъ которыхъ темнота до-сихъ-поръ скрывала этихъ воиновъ, но удив-

женія печальнаго, потому что они полагали ихъ врагами своего молодого союзника, и въ тоже время не смѣли употребить въ дѣло своихъ карабиновъ въ этой кровавой распрѣ, опасаясь убить друзей.

Борьба перенеслась съ земли въ нѣдра рѣки. — Между неимовѣрною кучею потопленныхъ деревьевъ, которыя, будучи слишкомъ вѣтвисты, не могли пройти сквозь тѣсное отверстіе этого роковаго прохода, мало-по-малу скопляясь, останавливались одно за другимъ среди береговъ. Пловцы скоро вынырнули на поверхность воды.

Съ карабиномъ въ рукѣ, съ сердцемъ, взволнованнымъ тысячу различныхъ впечатлѣній, два охотника слѣдили пламеннымъ взоромъ за черными и безмолвными тѣнями пловцовъ. Одни старались миновать сѣтъ вѣтвей, останавливавшую ихъ движенія; другіе усиливались достигнуть мѣста въ рѣкѣ, гдѣ два переплетшіяся тѣла, то появлялись на темной поверхности Красной рѣки, то снова исчезли въ водѣ.

Удивленіе двухъ охотниковъ возрасло еще болѣе, совсѣмъ измѣнившись однакожъ въ характеръ, при видѣ новаго лица. Это былъ блѣдый, подобный имъ, который, прибѣжавъ внезапно съ того мѣста, гдѣ онъ до этой минуты скрывался, закричалъ чисто по-испански:

— Смѣлѣе, дѣти! онъ тамъ, вотъ онъ всплываетъ наверхъ!...

И концемъ длинной шпаги, которую онъ держалъ въ рукѣ, блѣдый показывалъ на то мѣсто, гдѣ два воина, предметы его заботы, бывъ поглощены кипящею водою, снова явились, не покидая другъ друга.

— А! это Педро Діазъ, — вскричалъ съ живостью Пепе.

— Слава Богу! мы между знакомыми, — присовокупилъ канадецъ.

— Кто зоветъ меня? — спросилъ Педро Діазъ (это былъ дѣйствительно онъ), не оборачиваясь и продолжая показывать концемъ шпаги на два плаваюшія тѣла.

Отвѣта не было; вниманіе обоихъ охотниковъ было занято зрѣлищемъ, происходившимъ предъ ихъ глазами.

Три пловца схватили наконецъ двухъ остервенѣлыхъ борцовъ, и три ножа разомъ вонзились въ тѣло одного изъ нихъ. Послѣдній опустилъ руки и исчезъ подъ водою, между-тѣмъ какъ другой испустилъ задушевный вопль, — и его увлекли къ берегу неподвижнымъ.... безжизненный непріятель погрузился въ рѣку.

Дѣйствительно было уже время спасти его, потому что въ моло-

домъ команчѣ, вытасченномъ чрезъ нѣсколько минутъ на берегъ, не видно было другихъ признаковъ жизни, кромѣ слабыхъ вздрагиваній. Наклонившись надъ его тѣломъ, всѣ жадно сторожили возвращеніе жизни въ его легкія. Жгучій-Лучъ былъ удрученъ скорбе своимъ непріателемъ, чѣмъ водою, и по мѣрѣ какъ время проходило, жизнь возрадалась въ его груди.

— Ахъ! это вы, сеньоръ Боа-Розе, и вы также, сеньоръ донъ Пепе! — произнесъ Педро Діазъ, когда онъ успокоился на счетъ участи команча; — и такъ вы ушли отъ этихъ разбойниковъ? И ты также, Гайферось? Ну! это счастливый день. Но, — продолжалъ мексиканецъ, — я не вижу съ вами...

И Діазъ, казалось, искалъ взоромъ Фабіана, котораго недоставало въ этой встрѣчѣ.

— Богъ простеръ на меня руку свою, — сказалъ старый Лъсной-Скиталецъ; — Онъ разлучилъ отца съ сыномъ.

— Онъ умеръ! — вскричалъ Діазъ.

— Онъ взять въ плѣнъ! — присовокупилъ печально Боа-Розе.

— Но благодаря Бога! мы нашли слѣдъ дона Фабіана, — продолжалъ живо карабинеръ, — и такъ ослабили этихъ бездѣльниковъ, преслѣдуя ихъ, что вырвемъ его изъ ихъ когтей.

Голосъ Пепе, его самонадѣянность въ успѣхѣ ихъ предпріятія, были всегда для стараго его товарища въ опасностяхъ бальзамомъ, проливаемымъ на его раны, и послѣ минутной печали, Боа-Розе вскорѣ возвратилъ также свою энергическую увѣренность и свое отеческое самоотверженіе.

За исключеніемъ длиннаго, но не глубокаго рубца на груди молодаго команча, онъ былъ живъ и здоровъ, хотя еще слишкомъ слабъ для того, чтобы снова идти. Изъ десяти воиновъ, которыхъ онъ привелъ съ собою, оставались еще семь, соединившихся подъ его начальствомъ; и со включеніемъ молодаго начальника и четверыхъ бѣлыхъ, это составляло отрядъ изъ двѣнадцати воиновъ, рѣшительныхъ и привыкшихъ къ оружію.

Не болѣе какъ черезъ часъ, въ продолженіе котораго наши воины уснули на берегу рѣки, первые отбѣнки разсвѣта начали освѣщать лѣсъ. Жгучій-Лучъ совершенно поправился и отрядъ рѣшился снова отправиться въ путь.

Какъ апахи, не смотря на свое бѣгство, могли разсѣяться по

окрестностямъ, и искать отмщенія, то по мнѣнію Боа-Розе, должно было не ослаблять небольшого отряда, посылая нѣсколько человѣкъ для отысканія лодки, а подняться по рѣкѣ не разлучаясь, изъ опасенія какого-нибудь нападенія.

Хотя челнъ былъ слишкомъ тѣсенъ для помѣщенія двѣнадцати пассажировъ (онъ могъ, съ трудомъ, поднять десятерыхъ изъ нихъ), все-же путешествіе на немъ было быстрѣе и удобнѣе, чѣмъ другой способъ, за исключеніемъ лошади. Для далекаго разстоянія, оно было конечно не такъ скоро, какъ ноги сильнаго ходока; но онъ представлялъ по крайней-мѣрѣ ту выгоду, что путешественники могли попеременно пользоваться сномъ, столь необходимымъ, не останавливаясь и не теряя драгоценнаго времени.

Эта неоцѣненная выгода давала Боа-Розе возможность и днемъ и ночью идти по слѣдамъ Фабіана, и вознаграждать минуты, потеряныя прежде начатія преслѣдованія, которое должно было окончиться, по всей вѣроятности, къ будущему закату солнца.

И такъ, съ чувствомъ глубокой радости и боязни, не менѣе сильной, канадецъ увидѣлъ въ этомъ лѣсу первые лучи солнца, которое, при своемъ закатѣ, должно было освѣтить безъ сомнѣнія долгую и кровавую борьбу, неоцѣненною наградою которой служила жизнь Фабіана.

Слѣдуя по теченію рѣки, которой волны сверкали при свѣтѣ дня, маленькій отрядъ употребилъ не болѣе получаса на то, чтобы совершить путь, который ночью и со всѣми извилинами, дѣланными изъ благоразумія, отнялъ у него почти два часа.

Челнъ былъ неприкосновененъ подъ покровомъ кустарника, которому его довѣрили, и былъ снова спущенъ на воду. — Два индѣйца пошли впередъ лазутчиками, по обоимъ берегамъ рѣки, а восемь воиновъ помѣстились въ челнъ изъ буйволовои кожи.

Пепе и канадецъ взяли за весла, и челнъ снова поплылъ по рѣкѣ; но за нѣсколько минутъ до прибытія къ тому мѣсту, гдѣ рѣка суживалась и образовывала Тѣснину, еще разъ необходимо было вытащить изъ воды челнъ.

Замкнутыя двумя отвѣсными берегами, брошенныя индѣйцами въ воду деревья заграждали путь, образуя какъ-бы водяную чашу, около которой воды журчали, встрѣтивъ непредвидѣнное препятствіе.

Подъѣхавъ къ Тѣснинѣ, путешественники могли представить себя

всю величину опасности, которую дальновидность стараго лѣснаго скитальца устранила.

Буйволоу челя, окруженный сзади плавающимъ лѣсомъ, заграждавшимъ теченіе рѣки, не имѣлъ возможности плыть ни взадъ ни впередъ, потому-что крѣпкая баррикада изъ другихъ деревьевъ впереди дѣлала рѣку непроходимой. Спрятавшіеся по обѣимъ сторонамъ раздѣшеннаго свода и по обѣимъ берегамъ рѣки, индѣйцы держали въ рукахъ своихъ жизнь пассажировъ этого челнока, которыхъ они перебили-бы до послѣдняго съ помощію стрѣлъ и карабина, такъ что никто бы не могъ убѣжать изъ ловушки, въ которую они должны были попасться.

— Видишь, — сказалъ Боа-Розе Пепе, смотря на сѣть изъ древесныхъ вѣтвей и стволовъ, которая заграждала проходъ, — индѣйцы воспользовались опустошеніемъ урагана, бывшаго третьяго дня, чтобы закидать деревьями, вырванными вѣтромъ, теченіе воды. Имъ оставалось только стащить ихъ въ воду и пустить по ней. Нужно отдать имъ справедливость, планъ былъ хорошо придуманъ.

Мы не рассказали еще, какимъ образомъ Жгучій-Лучъ соединился съ своими воинами, и какъ апахи попали сами въ разставленные ими сѣти.

Между-тѣмъ какъ пловцы наши путешествуютъ по Красной-Рѣкѣ, перенеся челинъ на своихъ плечахъ, во ста шагахъ отъ Тѣснины, и стараются достигнуть Красной Вилы, гдѣ надѣются захватить двухъ степныхъ пиратовъ, и вырвать у нихъ вмѣстѣ съ ихъ жизнію своего плѣнника, — мы кратко расскажемъ объ этихъ происшествіяхъ.

Отыскавъ слѣды своихъ воиновъ, и отдѣлившись отъ трехъ охотниковъ, своихъ союзниковъ, Жгучій-Лучъ отправился по этимъ слѣдамъ. По мѣрѣ какъ онъ подвигался впередъ, эти отпечатки, по которымъ индѣйцы, какъ лѣсные охотники, могутъ опредѣлять время, когда они сдѣланы, съ удивительною точностію, становились свѣжѣе и новѣе.

Молодой команчъ, подойдя близко къ тому мѣсту, гдѣ апахи стояли въ засадѣ, замѣтилъ сухіе листья, еще дрожащіе такъ сказать, отъ тяжести ноги, ихъ только что прижавшей.

Тогда онъ испустилъ совиный крикъ, тотъ самый, который союзники его почли крикомъ совы, предвѣщавшимъ утро, но въ этихъ ночныхъ крикахъ были различныя модуляціи, которыя ускользнули

отъ слуха Боа-Розе, и которыя могли быть понятны только тѣмъ, которыхъ вниманіе онѣ имѣли цѣлю пробудить.

Жгучій-Лучъ не обманывался, предполагая своихъ воиновъ въ недалекомъ отъ него разстояніи. Команчи открыли слѣдъ апаховъ и слѣдовали за ними, когда особенныя модуляціи, которыя они замѣтили въ ночныхъ крикахъ, дали имъ знать о прибытіи ихъ начальника.

Отвѣтъ не замедлилъ послышаться, и, черезъ нѣсколько минутъ, шесть индѣйцевъ присоединились къ своему начальнику. Они раздѣлились на три отдѣленія.

Первое, состоявшее изъ двухъ человѣкъ, направилось къ берегу рѣки. Эти два человѣка спрятались подъ однимъ изъ древесныхъ стволовъ, пльвшихъ по рѣкѣ, предоставивъ увлекать себя теченію, несшему ихъ въ средину непріятелей, за которыми они гнались.

Въ это время, Жгучій-Лучъ, съ двумя другими воинами, переплылъ за Тѣсниною рѣку, намѣреваясь стать въ засаду на лѣвомъ берегу у подошвы одной изъ возвышенностей, которыя служили пластами для разорваннаго свода, образованнаго двумя крутизнами.

Наконецъ, четверо другихъ команчей точно также расположились на правомъ берегу.

Когда молодой храбрый начальникъ предположилъ, что два индѣйца, довѣрившіе себя теченію рѣки, должны были быть не далеко отъ Тѣснины, или иначе, въ самой Тѣснинѣ, онъ быстро поднялся съ своими воинами, по крутизнамъ, на вершинѣ которыхъ апахи съ довѣрчивостью, жадно подстерегали прибытіе челнока.

Нѣсколько выстрѣловъ изъ ружья почти въ упоръ, изъ которыхъ каждый убилъ или ранилъ по непріятелю, ревъ осаждающихъ, который, казалось, исходилъ отъ двадцати воиновъ, навели ужасъ на индѣйцевъ. Большая часть, удивленная и уstraшенная этимъ нападеніемъ, столько-же непредвидѣннымъ какъ и свирѣпымъ, хотѣла бѣжать; но найдя отступленіе отрѣзаннымъ непріятелями, малочисленность которыхъ ночь препятствовала имъ рассмотретьъ, они бросились въ рѣку.

Тогда, два индѣйца, находившіеся на выброшенномъ на берегъ деревѣ, убили изъ нихъ двухъ или трехъ и распространили въ высочайшей степени ужасъ между апахами.

Однако, когда съ одной стороны, Жгучій-Лучъ, съ топоромъ въ рукѣ, взбирался одинъ на крутизну, въ то время какъ его воины

безразсудно бросились преслѣдовать бѣглецовъ, Антилопъ, одинъ оставшійся изъ своихъ, могъ наконецъ увидѣть, съ какимъ числомъ непріятелей онъ имѣлъ дѣло.

Апахъ рѣшился по-крайней-мѣрѣ отмстить ренегату своего народа, которому онъ своею враждою нанесъ уже столько вреда, и успѣлъ бы, какъ было видно, еслибъ команчи, оставивъ напрасное преслѣдованіе, не возвратились такъ скоро, и еще болѣе во время на помощь своему начальнику.

Боа-Розе, поздравивъ молодаго команческаго начальника съ новою побѣдою, и какъ ему нечего было больше узнавать отъ него, онъ обратился съ вопросомъ къ Педро Діазу, о приключеніяхъ, которыя соединили его съ воинами Жгучаго-Луча. Діазъ удовлетворилъ его желанію въ короткихъ словахъ.

Предупредивъ вскользь трѣхъ охотниковъ объ опасности, когда они были на вершинѣ горы, что заставило ихъ остерегаться, онъ блуждалъ почти наудачу и попалъ на направленіе Красной Вилы. — Предоставленный своимъ собственнымъ средствамъ, авантюристъ, будучи болѣе неустрашимымъ наѣзникомъ, чѣмъ искуснымъ охотникомъ, вскорѣ также почувствовалъ голодь. Къ концу вторыхъ сутокъ пути, онъ почти истощилъ силы своей лошади, гоняясь за буйволами и оленями и не могъ настичь ни одного изъ нихъ.

Подъ гнетомъ страшной тоски, авантюристъ во вторые сутки отдыхалъ вечеромъ недалеко отъ Красной Рѣки, которой впрочемъ точное направленіе онъ потерялъ. Лошадь, болѣе счастливая, чѣмъ ея всадникъ, напрасно искавшій какихъ-нибудь дикихъ плодовъ или кореньевъ, чтобы утолить свой голодь, спокойно паслась въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вдругъ Діазъ примѣтилъ на разстояніи двухъ или трехъ ружейныхъ выстрѣловъ, животное, которое онъ тотчасъ принялъ, по его величинѣ, за какого-нибудь буйвола, далеко отставшаго отъ своего стада.

Темнота начинала уже покрывать поле, и авантюристъ благодарилъ небо за счастливый случай, пославшій ему одно изъ животныхъ, за которыми онъ такъ безуспѣшно гонялся до-сихъ-поръ, но страшный ревъ вывелъ его изъ заблужденія, и передъ испуганнымъ взоромъ Діаза, буйволъ превратился въ сѣраго медвѣдя, колоссальной величины. Посредствомъ другаго превращенія, бывшаго только естественнымъ продолженіемъ перваго, Діазъ изъ охотника вдругъ самъ дол-

женъ былъ сдѣлаться дичью, которую ужасный обитатель пустыни намѣревался поймать. Медвѣдь приближался къ Діазу, рысью, которая, какъ ни казалась тяжелою, въ-самомъ-дѣлѣ была очень быстра.

Авантюристъ отступилъ къ своей лошади, привязанной къ дереву длиннымъ и крѣпкимъ ремнемъ, который она старалась перервать, чтобы убѣжать отсюда. Животное испугалось больше человѣка.

Не садясь въ сѣдло, мексиканецъ выстрѣлилъ изъ своего карабина въ медвѣдя, близко къ нему подошедшаго. Пуля, сплюснутаяся объ его косматое тѣло, произвела на него только такое дѣйствіе, какое производитъ ударъ шпоръ на лошадь, то-есть, она разгорячила медвѣдя и ускорила желаніе поймать добычу, которой онъ ожидалъ. Діазу едва достало времени броситься въ сѣдло, перерубивъ ремень удерживавшей лошадь, и охотникъ, какъ иногда случается, въ свою очередь убѣгалъ передъ сильнымъ животнымъ, его преслѣдующимъ.

Медвѣдь не остался однако удовлетвореннымъ одною данью, принесенною торжеству его самолюбія, и своею тяжелою по наружности, а на самомъ дѣлѣ довольно скорою рысью, онъ погнался за лошадей съ всадникомъ, слѣдя за ними въ небольшомъ разстояніи. Часто лошадь быстрымъ галопомъ скрывалась со всадникомъ изъ вида медвѣдя, но когда усталость заставляла ее умѣрять свой бѣгъ, медвѣдь снова показывался, продолжая бѣжать все тою-же не уменьшавшеюся, свойственною ему рысью.

День смѣнилъ ночь; и въ эту минуту раздраженный авантюристомъ преслѣдователь еще разъ исчезъ во мракѣ, и потомъ снова появилось въ равнинѣ на бѣловатой и известковой почвѣ черное и чудовишное тѣло, котораго однообразная поступь и хриплый голосъ не оставляли никакого одобрительнаго сомнѣнія всаднику. Болѣе уже всадникъ не терялъ его изъ вида.

Какъ блестящія звѣзды, которыя видишь постоянно на одномъ и томъ-же мѣстѣ неба, и которыхъ не минуешь ни при какой быстротѣ; какъ тѣнь, которая слѣдуетъ за тѣломъ; какъ призраки, которые видятся постоянно уstraшенному путешественнику въ необитаемыхъ степяхъ, потому-что ихъ раждаетъ взоръ самого путешественника, такъ медвѣдь постоянно преслѣдовалъ всадника. Между-тѣмъ разстояніе, раздѣлявшее ихъ, начинало уменьшаться: медвѣдь не прибавлялъ своей скорости, но зато скорость лошади уменьшалась.

Пѣна покрывала ея бока, изъ ноздрей, расширенныхъ отъ страха, дыханіе вылетало прерывисто, мускулистыя ноги ослабѣвали, а медвѣдь не уменьшалъ своего бѣга.

Два часа протекли такимъ образомъ, два часа, которыхъ каждая минута сама собою казалась часомъ, и уже нѣсколько времени радостное и насмѣшливое фырканье медвѣдя смѣшивалось съ мучительнымъ дыханіемъ лошади, когда она, ослабѣвъ отъ раны, истощивъ силы, а еще болѣе изнемогая отъ испуга, повалилась на землю.

Діазъ предвидѣлъ это паденіе и сталъ на ноги; къ счастью въ двухъ шагахъ отъ высокаго клена, на который, скорѣе по инстинкту, чѣмъ по разсудку, поспѣшилъ влѣзть. Его пятки находились еще не высоко отъ земли, когда медвѣдь, который, казалось очевидно отдавалъ преимущество человѣку, поднялся на заднія лапы и ударилъ по шпорамъ всадника своими страшными когтями, почти также длинными, но болѣе острыми, нежели самыя шпоры.

Спасшись невредимо отъ этого непріязненнаго покушенія огромнаго животнаго, Діазъ вспомнилъ вдругъ о ловкости, съ которою взлѣзаютъ медвѣди на вершину деревъ за сотами меда дикихъ пчелъ, и расположился, сколько могъ удобнѣе, на вершинѣ главной вѣтви. Въ такомъ странномъ положеніи, въ шпорахъ, въ сапогахъ, со шпагою въ рукѣ, онъ ожидаетъ непріятеля, не слишкомъ испуганный, потому-что авантюристъ не боялся ни людей, ни животныхъ, однако, не смотря на то, сердце его билось сильнѣе обыкновеннаго.

Но Діазъ не зналъ одной особенности сѣрыхъ степныхъ медвѣдей. Сѣрый медвѣдь, который по ужасной длинѣ своихъ острыхъ когтей, кажется послѣднимъ изъ этой исполинской исчезнувшей породы допотопныхъ животныхъ, не можетъ взлѣзать на деревья, какъ другія животныя того-же самаго семейства. Онъ только-что взглянулъ на всадника, потомъ на издыхающую лошадь; и чтобы сдѣлать свой досугъ приятнымъ и поторопиться, медвѣдь, въ которомъ движеніе возбуждало аппетитъ, притащилъ лошадь къ дереву и началъ пожирать ее.

Это не мѣшало однако чудовищному гостю поглядывать по временамъ на всадника, чтобы дать ему понять хорошенько, что онъ смотрѣлъ на лошадь какъ на предварительную плату, а что главное для него составлялъ мексиканецъ.

Въ продолженіе части ночи, Діазъ слушалъ ужасную музыку хрустенья костей своей несчастной лошади ; видѣлъ, какъ огромная черная масса заботливо улеглась подъ деревомъ и почувствовалъ наконецъ, что сонъ смыкаетъ его рѣсницы. Каждый разъ, когда онъ открывалъ глаза, та же самая мелодія, то же зрѣлище поражали его глаза и слухъ, и наконецъ удрученный усталостію, авантюристъ крѣпко привязалъ себя своимъ китайскимъ поясомъ къ дереву, просунулъ руку въ эфесъ шпаги, и въ такомъ положеніи, не смотря ни на голодъ, ни на свѣжесть ночи, заснулъ спокойно.

Едва только начало разсвѣтать, онъ проснулся, и взглянулъ внизъ ; его глаза опять увидѣли черную массу, но столь неопредѣленную, что авантюристъ подумалъ, что тутъ видѣніе замѣнило дѣйствительность. Медвѣдь въ самомъ-дѣлѣ исчезъ, точно также какъ и лошадь, и вся сбруя, которую онъ можетъ-быть съѣлъ по разсѣянности или унесъ по-крайней-мѣрѣ въ свою берлогу.

Въ продолженіе всего страшнаго дня, послѣдовавшаго за жестокою ночью, голодъ, жажда, ужасныя видѣнія мнимыхъ медвѣдей, которые представлялись ему за всякимъ кустарникомъ не давали авантюристу ни минуты спокойствія или отдыха, потомъ, при закатѣ солнца, онъ увидѣлъ дымъ отъ огня, котораго не было еще видно. Былъ-ли это дымъ, вышедшій изъ того мѣста, гдѣ пировалъ медвѣдь или индѣйцы, что было одно не лучше другаго, голодный мексиканецъ, во что бы то ни стало, рѣшился пойти по тому направленію.

Шестеро индѣйцевъ сидѣло вокругъ огня, но предъ ними не видно было ни малѣйшихъ примѣтъ ужина: Діазъ испугался при видѣ пустаго очага и хотѣлъ тихонько удалиться ; но соколиный взоръ дикихъ собесѣдниковъ замѣтилъ его, и авантюристъ принужденъ былъ повиноваться приказанію подойти, приказанію такому грозному, что онъ не могъ противиться.

Это было шесть команчей Жгучаго-Луча. Будучи союзниками бѣлыхъ въ эту минуту, индѣйскіе воины миролюбиво приняли своего невольнаго гостя, спросили его, на дурномъ испанскомъ языкѣ, куда онъ идетъ, и Діазъ отвѣчалъ, что на Бизонье Озеро. Оно было также цѣлью самихъ команчевъ, и авантюристъ былъ приглашенъ сѣсть къ очагу, гдѣ вмѣсто хорошаго ужина, онъ долженъ былъ удовольствоваться мирною трубкою табаку, смѣшаннаго съ листьями сумака. Но былъ-ли то обманъ его голоднаго желудка, или дѣйствитель-

ность, однако благовонный запах жареного мяса, казалось, наполнял атмосферу вокруг мексиканца. После того, как он перестал курить, один из индейцев встал, отошел на несколько шагов от группы, и встал на колени на том месте, где земля казалась недавно изрытою.

Диаз следовал за его движениями с сильным интересом, в котором он не отдавал себя отчета. Он увидел, что индеец рыл своим ножом землю. Это не был обман: уже приятный, благовонный, острый запах распространился из под полукрытой ямы. Авантюрист испустил рев голодного дикаго зверя в минуту, когда индеец вытаскивал из земли черную глыбу, подобную обожженной коже, и открывал эту превращенную в уголь оболочку, потому он чуть не упал в обморок при виде горы розоваго и сочнаго, благовоннаго мяса, подобнаго алому и сочному мясу арбуза, которое дикій поваръ положилъ съ его черною оболочкою на землю. Это былъ кусокъ буйволовьяго мяса, который индеецъ вырылъ изъ подземной печи, гдѣ сперва неснятая кожа, а потомъ самая земля, сохранили въ немъ все благовоніе и всю сочность.

Когда Диаз удовлетворилъ съ наслажденіемъ своей крайней потребности, индейцы рассказали ему о предположенной цѣли то-есть о нападеніи на Красную-Руку и Смѣшанную-Кровь, и съ этой минуты онъ сдѣлался ихъ товарищемъ до послѣдней случившейся стычки.

Мы окончимъ, сказавъ, что Диазъ не безъ удовольствія принялъ за вѣрное (что впрочемъ было правдоподобно), что ужасная косматая, вооруженная чудовищными когтями лапа, которую онъ увидѣлъ отсѣченною въ углу челюка, была лапа того самаго сѣраго медвѣдя, которому авантюристъ былъ одолженъ такими ужасными ощущеніями.

Въ ту минуту, когда Диазъ оканчивалъ свой рассказъ, команчъ подалъ знакъ канадцу и испанцу перестать грести, и показалъ впереди челюка на дымъ, подымавшійся столбомъ съ берега рѣки, среди густаго кустарника.

Это еще значитъ только, что тамъ есть огонь,—сказалъ Боа-Розе, оставивъ челихъ кружиться по теченію рѣки,—однакожъ не худо-бы было послать впередъ узнать число и свойства тѣхъ, которые отдыхаютъ подлѣ этого огня.

Молодой команчъ отдалъ приказаніе двумъ индѣйцамъ, слѣдовавшимъ за челномъ, по правому берегу, идти развѣдать, и тѣ поспѣшили исполнить это приказаніе; между тѣмъ, каждый приготовилъ свое оружіе. Но еще прежде чѣмъ они достигли мѣста на рѣкѣ, на ряду съ дымомъ, поднимавшимся надъ деревьями, одно изъ невидимыхъ лицъ встревожилось, безъ сомнѣнія, шумомъ веселья, потому что послышался сильный голось, закричавшій :

— Уильсонъ !

— Сэръ ! — кричалъ второй голось недалеко отъ перваго.

Потомъ первый голось продолжалъ, между-тѣмъ какъ охотники съ удивленіемъ посматривали другъ на друга :

— Ты не исполняешь своей должности при мнѣ; развѣ ты не слышишь ?

— Челнъ ? я его съ полчаса какъ вижу.

— Прекрасно ! въ такомъ случаѣ я больше имъ не занимаюсь , это уже твое дѣло.

Въ то время какъ англичанинъ, котораго безъ сомнѣнія узнали читатели, оканчивалъ эти слова, челнъ поровнялся съ небольшою поляною, на которой флегматически лежали наши чудачи—англичанинъ и его тѣлохранитель. Недалеко отъ нихъ была повѣшена на небольшомъ деревѣ передняя часть косули, а задняя часть животнаго медленню жарилась надъ угольями.

На концѣ поляны три лошади паслись въ густой травѣ, поддерживаемой близостью рѣчной влаги. Сэръ Фредерикъ спокойно рисовалъ, между-тѣмъ какъ у огня американецъ наблюдалъ за кускомъ косули. За исключеніемъ прекрасной бѣлой лошади, которой блестящая шерсть была запачкана въ крови и которая, крѣпко привязанная къ дереву, со спутанными ногами, билась въ своихъ оковахъ, этотъ бивакъ среди страны, наполненной опасностями, былъ тихъ, какъ уголь у огня, пылающаго въ каминѣ голландской хозяйки.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Плѣнникъ.

Путешественники на минуту остановились, чтобы полюбоваться этой мирной картиной.

— Сэръ! — вскричалъ Уильсонъ, узнавъ въ лодкѣ молодаго команча, котораго онъ встрѣчалъ во второй разъ, — мы имѣемъ здѣсь храбраго воина, и вы ему уже жали прежде руку.

— Хорошо, — отвѣчалъ сэръ Фредерикъ Вандереръ, не поднимая головы. — А кто такой этотъ другъ, потому-что, по твоей милости, я никогда не встрѣчаю враговъ, что начинаетъ наконецъ по правдѣ нѣсколько наскучать.

— Э! сэръ, — отвѣчалъ американецъ, — что уже написано, то написано, я кромѣ этого ничего не знаю, но наконецъ, если вашей милости угодно, я васъ поставлю лицомъ къ лицу съ какою-нибудь опасностью, но это будетъ предметомъ дополнительной статьи къ нашему условію; безъ чего.... вы понимаете, сэръ Фредерикъ, я не захочу подвергать себя непріятности имѣть процессъ, или слышать упреки моей совѣсти....

— Посмотримъ, посмотримъ, — прервалъ его англичанинъ, вставая. — А! это мой молодой команчъ, — прибавилъ сэръ Фредерикъ съ живостью: — я очень радъ его встрѣтить.

Жгучій-Лучъ пожалъ руку англичанину; между-тѣмъ канадецъ, Пепе и оба мексиканца съ удивленіемъ смотрѣли на этихъ двухъ путешественниковъ, которыхъ случай привелъ имъ на встрѣчу.

— А какъ давно уже ваша милость путешествуетъ по берегамъ Красной-Рѣки? — спросилъ Боа-Розе по-англійски.

— Около шести или семи дней, — отвѣчалъ сэръ Фредерикъ, — я преслѣдовалъ этого чуднаго бѣлаго скакуна, котораго вы вонъ тамъ видите, и готовъ теперь проститься съ этими берегами, гдѣ, по моему, также безопасно, какъ и на берегахъ Темзы.

— Напротивъ, — прервалъ карабинеръ, — въ этомъ я съ вами не согласенъ. Да вотъ и у Боа-Розе спросите.

— Спросите у Уильсона, — возразилъ сэръ Фредерикъ.

Американецъ улыбулся съ гордымъ видомъ.

— Вы, быть можетъ, правы, — отвѣчалъ онъ Пепе, — а сэръ Фредерикъ ошибается.

— Если это сколько-нибудь будетъ приятно сэру Фредерику, къ вечеру я берусь перемѣнить его мнѣніе.

Боа-Розе прервалъ Пепе.

— Такъ вы не встрѣчали, — спросилъ онъ у англичанина, — двухъ бандитовъ, въ сопровожденіи десятка индѣйцевъ, которые вели молодого плѣнника ?

— Бандитовъ ? Ты удивляешь меня, пріятель, — возразилъ Вандереръ, — здѣсь нѣтъ бандитовъ, они только въ твоемъ воображеніи... Скажи, Уильсонъ, видѣли-ли мы бандитовъ ?

— Сэръ Фредерикъ, — отвѣчалъ янки, прищуривая глазъ, — я по нашему договору, не только обязанъ избавлять васъ отъ какой-бы то ни было опасности въ пустынѣ, но даже не допускать до встрѣчи съ нею. И такъ не позже, какъ на разсвѣтъ...

Отчаянныя усилія бѣлой лошади, чтобы разорвать веревки и освободиться отъ путъ, заставили охотника поспѣшить къ ней, чтобы не допустить ее ранить себя. Въ то время какъ онъ старался голосомъ успокоить лошадь, Діазъ глядѣлъ на бѣлаго скакуна съ завистью, удивленіемъ и въ тоже время съ состраданіемъ, при видѣ крови, которая пятнала ея снѣговую бѣлизну.

— Кто осмѣлился употребить карабинъ противъ этого чуднаго коня ? — спросилъ авантюристъ съ негодованіемъ.

— Это благородное животное, — продолжалъ Вандереръ, — которое вы видите, то самое, которое пастухи техасскіе называютъ *Билымъ скакунномъ степей*. Отъ самаго Техаса мы съ Уильсономъ его преслѣдовали, это намъ наконецъ наскучило и вчера Уильсонъ принужденъ былъ слегка ранить его въ шею. Правда, это средство жестоко и смѣло, но оно намъ удалось. Ея рана ничтожна и я могу похвастать ею въ Лондонѣ.

— Если вы только доѣдете, — пробормоталъ Діазъ.

— И такъ, какъ я имѣлъ уже честь вамъ доложить, — продолжалъ Уильсонъ, приближаясь къ группѣ, — не позже какъ вчера, въ четыре часа, пока ваша милость спали, не подозрѣвая ничего, я видѣлъ лодку, плывшую по теченію рѣки, и въ ней были путешественники, которые заставили-бы вашу милость перемѣнить свое мнѣ-

ніе о безопасности этихъ береговъ, если-бы я не принялъ своихъ мѣръ и не скрылъ васъ отъ нихъ.

Канадецъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Въ этой лодкѣ былъ извѣстный Хальфъ-Бердъ и другой бандитъ, также мнѣ знакомый, подъ именемъ Редъ-Хандъ.

— Хальфъ-Бердъ и Редъ-Хандъ! — вскричалъ Боа-Розе, узнавъ подъ ихъ англійскими именами, Смѣшанную-Кровь и Красную-Руку. — Вы говорите, что вчера ихъ видѣли?

— Подъ вечеръ, они плыли по рѣкѣ.

— Они были одни? — спросилъ Пепе.

— Нѣтъ, съ ними было около десятка индѣйцевъ...

— Не видѣлъ-ли ты съ ними молодаго бѣлаго? — вскричалъ канадецъ, подавая быстрое бѣненіе своего сердца.

— Не могу сказать, чего не видалъ.

Этотъ уклончивый отвѣтъ уничтожилъ Боа-Розе.

— Онъ былъ тамъ, — быстро вскричалъ Пепе.

— Его не было! — прошепталъ съ горестью Боа-Розе.

— Онъ былъ, я тебѣ говорю, — возразилъ испанецъ, — это случилось вечеромъ, охотникъ плохо видѣлъ.

— Можетъ-быть, — флегматически отвѣчалъ янки.

— Ты слышалъ, кбманчъ, — продолжалъ Пепе съ жаромъ, — вчера вечеромъ Смѣшанная-Кровь и Красная-Рука плыли въ лодкѣ въ низъ по рѣкѣ. Въ путь! Черезъ нѣсколько часовъ мы ихъ нагонимъ. Они близко отъ насъ! Сэръ Фредерикъ, — продолжалъ испанецъ, — если хотите, отправимся вмѣстѣ и вы будете свидѣтелемъ кровавой битвы.

— Если вы хотите защитить правое дѣло, — вскричалъ Боа-Розе, который снова сталъ владѣть собою, — помочь отцу, который спѣшитъ спасти отъ страшной смерти сына, ступайте съ нами и Богъ вамъ когда-нибудь воздастъ за то, что вы сдѣлаете для отца и его сына.

— Это противъ нашихъ условій, — замѣтилъ Уильсонъ. — Сэръ Фредерикъ, теперь это будетъ касаться до васъ самихъ, и вы мнѣ письменно дадите увольненіе.

— Я тебѣ даю въ присутствіи всѣхъ, — отвѣчалъ англичанинъ, тронутый горестью и голосомъ стараго лѣснаго скитальца. — Пусть не говорятъ, что я не принялъ участія въ отчаяніи отца.

— Такъ и быть! — произнесъ Уильсонъ, — по истинѣ мы ведемъ самую лѣнливую жизнь.

Лошади были быстро осѣдланы и навьючены и когда бѣлаго коня привязали къ хвосту лошади Уильсона, индѣйцы пѣшкомъ, два новые всадника по берегу рѣки, а остальные, составлявшіе этотъ отрядъ въ лодкѣ изъ буйволовоы кожи, всѣ быстро отправились въ низъ по теченію рѣки.

Мы слишкомъ долго забывали плѣнника въ его несчастіи; долгъ священный, долгъ привязанности влечетъ насъ къ Фабіану де-Медіана. Прежде всего мы должны въ двухъ словахъ сказать, что случилось съ нимъ съ той минуты, когда въ битвѣ со Вздохомъ Вѣтра, оба врага скатились до подошвы горы.

Карабинъ молодого испанца лежалъ возлѣ своего хозяина, который не показывалъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Враги бросились въ одно мгновеніе на Фабіана и достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобы овладѣть имъ и унести его вмѣстѣ съ убитымъ индѣйцемъ. Трупы индѣйцевъ побросали въ водопадъ; что касается до Фабіана, то легко было сейчасъ замѣтить, что онъ еще былъ живъ.

Довольный этимъ успѣхомъ, местицъ началъ однако считать свою потерю. Изъ одиннадцати индѣйцовъ, приведенныхъ имъ, шесть было убито, считая и тѣхъ, которымъ выпала жребій. Бораджа былъ седьмою жертвою. Вдругъ въ долину раздался вой и одинъ изъ четырехъ воиновъ, бывшихъ въ засадѣ, приближалъ разсказать метису убійство трехъ товарищей. Метисъ съ бѣшенствомъ топнулъ ногой, но онъ болѣе не колебался. Красная-Рука получилъ приказаніе перенести плѣнника, все еще безчувственного, въ лодку, спрятанную въ подземельѣ. Старый ренегатъ американскій, Антилопъ и индѣецъ, спасшійся отъ Боа-Розе, унесли Фабіана и ждали Метиса, который долженъ былъ скоро соединиться съ ними. Въ это время, когда онъ оставался одинъ Боа-Розе, возвратясь изъ экспедиціи, засталъ его въ распахъ. Горесть канадца показала ему, что отнять Фабіана отъ него, значило отнять у него болѣе чѣмъ жизнь.

Свирѣпый Метисъ пытался было, хотя не смертельно, но ранить канадца, чтобы удовлетворить пожиравшую его жажду крови; но убѣжденный въ безсиліи огнестрѣльнаго оружія, по причинѣ проливнаго дождя, онъ отступилъ или, лучше сказать, спасся бѣгствомъ.

Посреди увеличивающейся темноты чрезъ двойной покровъ туман-

на и бури, Метисъ не стараясь скрыть своихъ слѣдовъ отъ глазъ охотниковъ.

Берега рѣки, которые онъ зналъ превосходно, были такъ глубоко скрыты горами, что сейчасъ ихъ невозможно было открыть и Боа-Розе и Пепе бродили еще на удачу, когда уже Метисъ соединился съ своими товарищами, которые ждали его съ нетерпѣніемъ.

— Кто много желаетъ, тотъ мало получаетъ,—произнесъ Красная-Рука недовольнымъ голосомъ, гребя вмѣстѣ съ сыномъ, чтобы скорѣе удалиться:—у тебя всегда двадцать плановъ въ головѣ, изъ которыхъ ты никогда ни одного не оканчиваешь.

Метисъ молча указалъ на связаннаго Фабіана, лежавшаго на днѣ лодки, въ отвѣтъ на обвиненіе своего отца.

Красная-Рука продолжалъ :

— А два другіе, которыхъ ты долженъ былъ предать ! А это сокровище, которое мы побеждаемъ, когда съ помощью темноты и нашего оружія, мы легко можемъ овладѣть и людьми и золотомъ.

— Послушай, Красная-Рука, если я соглашаюсь оправдывать свое поведеніе, то съ тѣмъ только, чтобы ты не надѣдалъ мнѣ болѣе своими жалобами. Намъ теперь только четверо противъ двухъ. А въ такую погоду, какъ теперь, карабинъ стоитъ не болѣе ножа. Ждать, чтобы буря прошла, это значить ждать восхода солнца, а я не имѣю времени. Что касается до людей, вотъ уже одинъ изъ нихъ есть.... Черезъ три дня я его отдамъ Черной-Птицѣ. Двухъ другихъ нечего считать. Въ степи—охотникъ безъ оружія, все равно, что мертвый человѣкъ : голодь и медвѣди избавятъ насъ отъ нихъ прежде, чѣмъ мы дойдемъ до Красной-Вилы. Что касается до клада, не безпокойся : онъ не улетитъ и мы возвратимся прежде чѣмъ кончится эта луна. Между-тѣмъ пропустивъ одинъ день, я могу упустить случай овладѣть другимъ кладомъ, Бѣлой Голубицей у Бизоньяго Озера, которая имѣетъ крылья, чтобы улетѣть. Можешь-ли ты что-нибудь сказать противъ этихъ причинъ ? Говори скорѣе, чтобы уже болѣе объ этомъ спора не было.

— Что мнѣ за дѣло до всѣхъ голубицъ въ мірѣ, бѣлыхъ или красныхъ ? Два охотника унесутъ съ собою сокровище и, по возвращеніи, мы найдемъ гнѣздо пустымъ.

Метисъ съ презрѣніемъ пожалъ плечами.

— Золото доставитъ-ли пищу въ пустынь ?—продолжалъ онъ,—мо-

жно-ли думать о сокровищѣ, когда умираешь съ голоду въ дали, на 1800 миль отъ всякаго жилища? Эти два безоружные бродяги также цѣнятъ золото, какъ скелетъ бизона, обглоданный волками. Мнѣ случилось видѣть охотника съ хорошимъ карабиномъ, не дававшимъ промаха и умиравшаго съ голоду въ этихъ пустыняхъ. Что-же будутъ дѣлать они безъ ружей? Въ эту минуту они ищутъ нашихъ слѣдовъ и не находятъ, и смерть захватитъ ихъ на поискахъ. Что-же касается до Бѣлой Голубицы, она для меня много значитъ.

Красная-Рука не возражалъ, и оба бандита продолжали молча грестъ; но американцу нужно было на комъ-нибудь излить свое бѣшенство, отъ котораго онъ задыхался.

— Гдѣ ты зарылъ сокровище?—произнесъ онъ, толкая ногою Фабиана, едва только пришедшаго въ себя.

— Кто ты?—произнесъ Фабианъ, вспоминая свое паденіе, но не понимая своего настоящаго положенія.

— Онъ спрашиваетъ, кто я!—вскричалъ Красная-Рука съ свирѣпымъ смѣхомъ. — Ты долженъ мнѣ прежде отвѣчать: куда ты спрятаешь сокровище?

При этомъ вторичномъ вопросѣ, Фабианъ совершенно пришелъ въ себя.

Глаза его искали Боа-Розе и испанца, но встрѣчали только лица пиратовъ степей, и двухъ раскрашенныхъ апаховъ. Что случилось съ двумя охотниками? Вотъ чего не зналъ Фабианъ, и ему страшно хотѣлось узнать.

— Сокровище!—произнесъ онъ,—я никогда объ немъ не слыхалъ. Боа-Розе и Пепе не имѣли привычки повѣрять мнѣ своихъ тайнъ. Спросите у нихъ самихъ.

— Спросить у этихъ бродягъ!—вскричалъ старый ренегатъ;—спросить облако, которое мы вчера видѣли и котораго больше не увидимъ, облако отвѣтитъ-ли намъ?

— Дѣйствительно, мертвые не говорятъ болѣе,—произнесъ Фабианъ.

— Бродяги живы еще, но отъ этого имъ не лучше. Къ чему послужить имъ свобода безъ оружія?—сдѣлаться жертвою голода. Къ чему, на примѣръ, тебѣ теперь служить жизнь? Позабавить Черную-Птицу, котораго когти разорвутъ твое тѣло по кускамъ.

Оба охотника были живы и свободны, теперь Фабианъ это зналъ навѣрно и презрительная улыбка бродила на устахъ его.

— Есть охотники безоружные, которые заставляют бѣжать предъ собой степныхъ пиратовъ, хотя, по видимому, послѣдніе ихъ презираютъ,—произнесъ Фабианъ, смотря прямо въ лицо двумъ бандитамъ.

— Мы не бѣжимъ!—кричалъ ренегатъ, скрежеща зубами.—Посмотри, что за дерзость у этого молодца, Смѣшанная-Кровь! Что касается до меня, я не знаю, что меня удерживаетъ запрягать въ глотку его оскорбительныя слова, — произнесъ онъ, отвязывая свой ножъ.

Перспектива страшныхъ мученій заставляла Фабиана предпочесть скорую смерть тѣмъ пыткамъ, которыя онъ зналъ, что ему угрожали.

— Я тебѣ скажу, что тебя удерживаетъ,—продолжалъ онъ съ увѣренностью,—это боязнь Черной-Птицы, который сдѣлалъ васъ своими охотничьими собаками, и пустилъ на трехъ людей, которые съ успѣхомъ сражались съ нимъ и его двадцатью воинами, почти цѣлый день и цѣлую ночь.

Быть-можетъ слова эти, доведшія до послѣдней степени бѣшенства стараго американца, были-бы послѣдними у Фабиана, если-бы Метисъ не удержалъ руки своего отца готоваго поразить Фабиана.

— Юный воинъ юга боится пытки,—произнесъ Смѣшанная-Кровь,—и онъ оскорбляетъ своихъ побѣдителей, чтобы избѣжать страданій, но онъ перемѣнитъ свой языкъ чрезъ три дня.

— Бѣлый можетъ также умереть, какъ и индѣецъ, — произнесъ Фабианъ.

Послѣ этого отвѣта молодой человекъ закрылъ глаза, чтобы не видать болѣе отвратительныхъ лицъ двухъ бандитовъ, которые съ жаромъ разговаривали по-англійски.

Бура свирѣпствовала, дождь продолжалъ лить потоками, посреди раскатовъ грома. Лодка изъ коры, легкая какъ сухой листъ, который летитъ на крыльяхъ вѣтра, быстро скользила по водѣ, унося плѣнника далеко отъ его двухъ покровителей. Фабианъ, лежа на днѣ лодки, съ лицомъ, омываемымъ небесной водой, въ промокшей одеждѣ, которая пристала къ его тѣлу, съ тоскою думалъ о горести канадца и по временамъ также отдаленная надежда представлялась его мыслямъ, до той минуты, когда, открывъ глаза, онъ замѣчалъ, при свѣтѣ молніи, свирѣпыя и мрачныя мѣста, по которымъ они ѣхали.

Ночь почти вся прошла посреди нравственныхъ пытокъ, увеличенныхъ еще физическими страданіями. Между-тѣмъ индѣйцы и пираты,

казалось, не обращали вниманія на воду, которая текла съ нихъ и по очереди гребли и спали, укрывшись своими одъялами.

Впрочемъ Метисъ облегчилъ нѣсколько околѣтвѣвшіе члены Фабіана, распутивъ не много веревки, которыя его сжимали.

Когда небо нѣсколько прояснилось, оба пирата остановились на берегу рѣки, гдѣ огромныя деревья поднимались изъ высокой травы. Едва начинающаяся заря слабо освѣтила окрестность; одинъ изъ индѣйцевъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы поохотиться неподалеку отъ ихъ стоянки.

Фабіанъ былъ покинутъ въ лодкѣ, въ какомъ-то оцѣпененіи, близкомъ къ смерти, потому что голодъ удваивалъ его страданія, физическія и нравственныя. Между-тѣмъ Метисъ, его отецъ и оставшіяся съ ними индѣецъ старались развести огонь, чтобы просушить измокшія свои платья.

Охотникъ не замедлилъ вернуться и принесть на плечахъ убитую имъ лань, и пока онъ жарилъ самыя жирныя и нѣжныя части для завтрака, три товарища его заснули вокругъ огня. Когда жаркое было готово, они проснулись и съѣли ѣсть. Солнце уже взошло и сіяло на небѣ, на которомъ не замѣтно было ни малѣйшаго слѣда вчерашней страшной бури.

Старый ренеганъ первый вспомнилъ о плѣнникѣ съ такой заботливостью, которая обнаруживала его свирѣпую злобу, сохраненную противъ Фабіана за его слова.

— Что подумаешь Черная-Птица, — говорилъ онъ Метису, — когда мы представимъ ему плѣнника, полумертваго отъ голоду и всѣхъ возможныхъ страданій? Какъ ты хочешь, чтобы этотъ молодой бродяга хорошо встрѣтилъ пытку, когда у него не будетъ силы ее выдержать?

— Дѣлай, что хочешь и оставь меня въ покоѣ, — произнесъ нетерпѣливо Метисъ.

Красная-Рука взялъ кусокъ дичины и отправился къ лодкѣ, которая была привязана не вдалекѣ.

— Плѣнникъ чувствуетъ голодъ? — произнесъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ Фабіанъ съ твердостью, — но я не буду ѣсть, и завтра въ вашей власти будетъ только трупъ плѣнника, чтобы бросить его въ воду.

— Пльнникъ не истинный храбрый,—произнесъ разочарованный Красная-Рука.

— А ты истинный подлецъ. Замолчи, твой голосъ ненавистенъ для моихъ ушей, какъ запахъ падали для моего обонянія.

— О!—вскричалъ ренегатъ,—я тебя буду терзать своими собственными руками, я у тебя вырву признаніе во лжи вмѣстѣ съ мясомъ твоимъ. Да, пльнникъ не истинный храбрый; еслибы онъ былъ увѣренъ въ своемъ мужествѣ, онъ вѣ-бы для подкрѣпленія силъ.

— Я тебя заставляю солгать,—произнесъ Фабіанъ,—и буду ѣсть; но также вѣрно, что на моихъ слѣдахъ теперь два охотника, которые хотятъ, чтобы я жилъ; но я не буду ѣсть, какъ собака на привязи.

— А! а! пльнникъ диктуетъ свои условія.

— Да,—отвѣчалъ холодно Фабіанъ,—я не приму пищи иначе, какъ свободными руками.

— Хорошо, будетъ сдѣлано, какъ ты хочешь.

Произнеся эти слова, атлетическій Красная-Рука поднялъ связаннаго Фабіана изъ лодки и положилъ на траву, не далеко отъ костра. Онъ развязалъ ему руки и бѣдный молодой человекъ въ первый разъ, послѣ двѣнадцати часовъ, могъ съ наслажденіемъ распрямить свои руки на свободѣ; послѣ чего, прислонившись къ дереву, онъ принялъ кусокъ дичины, которую ему подаль его палачъ.

Метисъ не замедлилъ подать знакъ къ отъѣзду и Фабіанъ снова былъ перенесенъ въ лодку на рукахъ старымъ ренегатомъ. Это намъ объясняетъ, отчего на другой день, почти въ это-же самое время, друзья пльнника, разсматривая слѣды около костра и по берегу рѣки, не нашли слѣдовъ Фабіана.

Метисъ имѣлъ намѣреніе продолжать плаваніе только до Острова Буйволовъ. Бандитъ хотѣлъ увѣриться, что добыча его, зарытая на островѣ, оставалась нетронутою. Разъ удостовѣрившись въ этомъ, его выгода требовала продолжать потомъ дорогу сухимъ путемъ, чтобы избѣжать безчисленныхъ поворотовъ рѣки, которые почти удваивали разстояніе до Красной-Вилы.

Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь взяли въ руки весла, и когда они, не много спустя, издали замѣтили знакомые очерки Острова-Буйволовъ, то стали держать лодку такъ, чтобы пройти какъ можно ближе вдоль берега. Такимъ-образомъ два бандита, проходя мимо, могли видѣть маленькую прогалину, которая скрывала плоды ихъ грабежей, и удо-

стовѣрится, находилась-ли она въ томъ видѣ, какъ они ее оставили три дня тому назадъ. Когда они убѣдились въ цѣлости своего сокровища, Метисъ направилъ къ противоположному берегу. Чувство недовѣрія, казалось, предупредило ихъ не проѣзжать проходомъ, покрытымъ деревьями, гдѣ мы видѣли, что Жгучій-Лучъ спрятался съ своими союзниками въ густотѣ листьевъ, и онъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ густой кустарникъ и высокая трава позволяли спрятать лодку, которую онъ оставилъ.

Смѣшанная-Кровь зналъ, что онъ прѣвхалъ въ сторону охоты липановъ, союзниковъ племени гиленовъ, къ которому принадлежалъ Черная-Птица и что онъ могъ путешествовать совершенно безопасно отъ Озера Буйволовъ до Красной-Вилы. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько часовъ пути съ десятокъ бродягъ встрѣтились изъ этого племени, которые не желали ничего лучшаго, какъ только присоединиться къ нему, когда узнали, что дѣло въ томъ, чтобы напасть на бѣлыхъ охотниковъ.

Такимъ-образомъ, увеличивъ свое число до четырнадцати, бандиты остановились до ночи, чтобы подъ кровомъ темноты снова пуститься въ путь.

Красная-Рука развязалъ ноги Фабіану, и онъ со связанными на спинѣ руками не безъ труда слѣдовалъ за своимъ похитителемъ.

Утомленный тѣломъ, но не упавшій духомъ, юный плѣнникъ сидѣлъ на травѣ, не вдалекѣ отъ очага, подъ стражею двухъ индѣйцевъ, которые ни на минуту не оставляли его. Въ это время три сыщика липанскіе привели индѣйца, котораго они захватили не далеко отъ стоянки.

Индѣецъ былъ команчъ и въ качествѣ сына враждебнаго племени онъ былъ связанъ и брошенъ рядомъ съ Фабіаномъ. Онъ долженъ былъ служить для юнаго бѣлаго страшнымъ примѣромъ той казни, которой подвергаются военноплѣнные. Команчъ зналъ нѣсколько словъ по-испански, и оба плѣнника, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ показать другому кровавый путь къ смерти, могли помѣняться нѣсколькими словами утѣшенія. Фабіанъ назвалъ обоихъ охотниковъ ихъ индѣйскими именами, Орель и Пересмѣшникъ, которыхъ онъ хвалилъ мужество, силу, ловкость и особенно безграничную привязанность къ нему.

— А какъ называютъ эти собаки молодого блага, который долженъ будетъ умереть вслѣдъ за мною? — спросилъ индѣецъ.

— Юный-воинъ Юга, сынъ Орла Снѣжныхъ Горъ, — отвѣчалъ Фабианъ.

Смѣшанная-Кровь пришелъ, прервавъ этотъ послѣдній разговоръ. Часъ команча уже пробилъ.

Этотъ послѣдній всталъ и твердымъ шагомъ пошелъ за местицомъ. Онъ запѣлъ пѣснь смерти и прерывалъ ее для восхваленія Жгучаго-Луча, который долженъ былъ отмстить за него.

Это имя заставило Метиса переменить свой планъ. Онъ обѣщалъ Черной-Птицѣ предать ренегата апахскаго и теперь представлялся благопріятный случай принять на себя предъ молодымъ команчемъ видъ привязанности и великодушія.

— Братъ мой, — сказалъ онъ индѣйцу, — принадлежитъ къ воинамъ Жгучаго-Луча; онъ свободенъ, потому что друзья команча, — друзья Метиса.

И онъ отпустилъ индѣйца, сказавъ ему:

— Смѣшанная-Кровь и его товарищи проведутъ день возлѣ этого огня, поди и скажи начальнику команчей, что его приходу будутъ очень рады, что здѣсь онъ найдетъ для себя кусокъ дымящейся дичины и сердца, которыя возрадуются при его видѣ.

Хитрый Метисъ очень хорошо зналъ, что Жгучій-Лучъ не придетъ съестъ у его огня; но онъ надѣялся по-крайней-мѣрѣ живыми словами усыпить его и убѣдить видѣть въ немъ преданнаго къ себѣ друга и готоваго ему служить.

Остатокъ дня прошелъ, но Жгучій-Лучъ не явился. Вечеромъ, передъ заходомъ солнца, начальникъ липанскихъ бродягъ настаивалъ, чтобы весь отрядъ продолжалъ свой путь въ лодкѣ по Красной рѣкѣ.

Предложеніе было принято обоими пиратами степей, и Фабианъ послѣдовалъ за ними съ болѣе легкимъ сердцемъ, зная, что одинъ изъ враговъ Метиса видѣлъ его, узналъ имя, и что онъ возвратится къ своему начальнику, не повѣривъ мирнымъ словамъ пирата. Если, въ чемъ впрочемъ онъ и не сомнѣвался, Боа-Розе и Пепе шли по его слѣдамъ, быть можетъ случай поможетъ имъ встрѣтить команчскаго воина.

Случай помогъ ему сверхъ всякаго ожиданія, и дѣйствительно оба

охотника этимъ путемъ узнали послѣднія о немъ новости и нашли въ Жгучемъ-Лучѣ союзника, безъ котораго, по всей вѣроятности, они погибли-бы въ послѣднихъ стычкахъ.

Впрочемъ, не смотря на всю скорость своего хода, военная пирога индѣйцевъ не подвигалась съ должною быстротою. Одинъ изъ бродягъ липанскихъ имѣлъ съ собой полный мѣхъ мескала, — ликера, добываемаго изъ корня алоэ индѣйцами, которые отъ этого и называются мескалеросами, — и сцены замѣшательства и опьяненія замедляли путешествіе бродягъ и не разъ путь ихъ готовъ былъ обогреться кровью.

Не прежде, какъ уже по восходѣ солнца, отрядъ Метиса достигъ Красной-Вилы.

II.

КРАСНАЯ ВИЛА.

Долина Красной-Вилы представляетъ видъ величественный и дикій. Двойная цѣпь высокихъ горъ окружаетъ ее съ двухъ сторонъ. На сѣверѣ высокіе кордильеры съ своими синеватыми зубцами, съ своими высокими пиками, вѣянными облаками, которыя останавливаются въ своемъ бѣгу надъ высокими вершинами. На югѣ взглядъ обхватываетъ другую цѣпь горъ, гораздо ниже, но разорванные бока которой открываютъ глазамъ зіяющія пропасти и скалы темнаго гранита, мрачные контуры которыхъ едва смягчаетъ синева дали.

Между этими двумя сіеррами около десяти миль; посреди ихъ протекають съ запада на востокъ два рукава Красной-Рѣки, одинъ почти постоянно пересохшій, другой тихо катитъ свои волны между высокой травой, которая покрываетъ его берега, и кажется зеленымъ океаномъ, волны котораго разбиваются у подошвы огромнаго лѣса Озера Бизоновъ.

Пространство между этими двумя рукавами рѣки затопляется, во время дождей, разлитіемъ главнаго рукава Красной-Рѣки.

Глубокія озерки, покрытыя тиною, разстилають свои спящія воды, подъ покровомъ, повидимому прочнымъ, изъ зелени; другія лужи воды, болѣе чистой, сверкають на солнцѣ, окруженныя непроницаемымъ лѣсомъ вербъ. Въ болѣе-же сухой части, хлопчато-бумажныя деревья съ переплетшимися корнями и вѣтвями, представляютъ крѣпкую стѣну,

гдѣ одинъ только топоръ индѣйца или охотника можетъ открывать себѣ узкую дорожку.

Человѣкъ очень рѣдко показывается въ этой уединенной, пустынной долинѣ. За исключеніемъ вѣтра, который постоянно шумитъ въ высокой травѣ или воетъ въ кустахъ ивняка ничто не нарушаетъ молчанія долины Красной-Вилы.

Мы стараемся описывать мѣстность съ точностью, чтобы не заставить читателя бродить на удачу, и мы повторимъ, что сказали въ началѣ послѣдней части нашего разсказа, то-есть, что начиная отъ подошвы лѣса, густые своды котораго скрываютъ Озеро Бизоновъ, до праваго берега рѣки, гдѣ наконецъ высадилась шайка индѣйскихъ мародеровъ и гдѣ не замедлитъ соединиться съ ними скоро Черная-Птица, разстоянія будетъ около лье, и что почва представляетъ здѣсь желтоватое пространство высокой движущейся травы. По ту-же сторону, начиная отъ лѣваго берега, идетъ болотистое мѣсто, которое мы сейчасъ только описали.

Пары мескаля еще туманили глаза стараго американскаго ренегата, когда пирога причалила въ маленькой бухтѣ рѣки. Одинъ только Метисъ представлялъ въ эту ночь рѣдкое исключеніе въ противность обыкновенной своей неумѣренности. Онъ чувствовалъ, что ему нужно будетъ все его хладнокровіе для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ грабежа и похищенія. Когда отецъ съ сыномъ вышли на берегъ, Смѣшанная-Кровь сказалъ Красной-Рукѣ :

— Переѣзжай рѣку съ плѣнникомъ и оставайся тамъ съ нимъ гдѣ-нибудь въ чащѣ деревьевъ до моего возвращенія. Не забудь, что ты за него отвѣчаешь Черной-Птицѣ.

— Согласенъ, — отвѣчалъ Красная-Рука, — мои вѣки отяжелѣли, и я буду спать возлѣ плѣнника, а ему прибавлю еще повязокъ, которыми я уже его и такъ украсилъ.

Согласно приказанію Метиса, пирога, на двѣ которой лежалъ связанный по рукамъ и по ногамъ Фабіанъ, переѣхала на противоположный берегъ съ тремя другими гребцами. Красная-Рука, нѣсколько шатаясь, перенесъ на рукахъ плѣнника и положилъ его позади густыхъ деревьевъ и кустарниковъ, не вдалекѣ отъ берега.

Одинъ изъ индѣйцевъ легъ вмѣстѣ съ нимъ возлѣ Фабіана, и когда два другіе снова переѣхали рѣку, чтобы соединиться съ Метисомъ, не

было возможности догадаться, что три человека были спрятаны въ тѣни деревьевъ.

Послѣ этихъ предосторожностей на случай нападенія, пирога также была вытащена на берегъ и перенесена на рукахъ въ середину травы, которую бережно наклонили надъ лодкой, чтобъ скрывъ отъ глазъ всѣхъ, заставить подумать, что только порывъ вѣтра нагнулъ эту могучую растительность.

Послѣ этого Метисъ поставилъ двухъ индѣйцевъ на часы на берегу рѣки, почти напротивъ того мѣста, гдѣ остался Фабианъ съ ренегатомъ; потомъ онъ разставилъ другихъ по долинѣ, съ приказаніемъ наблюдать за прибытіемъ союзниковъ, которыхъ онъ ожидалъ. Когда долина приняла повидимому свой обычный видъ покоя, онъ занялся приведеніемъ въ исполненіе задуманнаго своего плана.

Прежде всего метисъ развязалъ красныя ленты, которыя составляли его головной уборъ; потомъ смылъ краску, покрывавшую его лицо по индѣйской модѣ; снялъ охотничью рубашку изъ краснаго сукна и кожаные стиблеты съ побрякушками и изъ своего костюма сохранилъ одни вышитые мокасины, въ которые обуты были также охотники бизоповъ, оставшіеся съ дономъ-Августиномъ на берегу озера. Наконецъ онъ досталъ изъ маленькаго чемодана клетчатый платокъ, которымъ повязалъ себѣ голову, парусинные панталоны и индѣйскій камзолъ, и все это надѣлъ на себя; нарядившись такимъ образомъ почти въ костюмъ бѣлаго, онъ забросилъ за плечи карабинъ и направилъ свой путь къ Бизоньему Озеру.

Это былъ седьмой день его отъѣзда съ этого самаго мѣста, куда донъ-Августинъ только-что прибылъ въ то время, когда Метисъ отсюда удалялся. Ему было извѣстно, что послѣднія приготовленія къ охотѣ за дикими лошадьми, загоны, и время, необходимое для усмиренія ихъ голодомъ, отниметъ у охотниковъ около десяти дней.

Перейдя пространство, отдѣлявшее его отъ озера, вокругъ котораго стояли лагеремъ мексиканцы, Метисъ былъ увѣренъ найти ихъ еще тамъ. И когда пройдя долину, онъ вступилъ въ лѣсъ, конское ржаніе и смѣшанный шумъ человѣческихъ голосовъ поразили его слухъ; онъ почувствовалъ сильную радость, но не обнаружилъ ее ни малѣйшимъ знакомъ удивленія.

Тогда вмѣсто осторожной походки, онъ принялъ манеры болѣе свободныя: карабинъ свой онъ перебросилъ черезъ плечо и мало

заботясь, что его замѣтятъ, Метисъ подвигался твердымъ шагомъ впередъ, пошвыстывая, какъ праздный охотникъ, къ тому мѣсту, откуда слышался шумъ. Между-тѣмъ, такъ какъ никто не замѣтилъ, когда онъ вступилъ въ прогалину лѣса, откуда могъ все видѣть, не будучи самъ видимъ, онъ не могъ устоять противъ желанія изслѣдовать, что происходило предъ его глазами.

Вдругъ облако неудовольствія омрачило дикую физиономію Метиса. Подлужины осѣдланыхъ лошадей, изъ которыхъ по богатству сбруи, украшенной золотомъ, бархатомъ и серебромъ, онъ догадался, что три принадлежать господамъ и также что это возвѣщаетъ приготовленіе къ ближнему отъѣзду. Впрочемъ лицо Метиса скоро прясіяло. Шелковая палатка доньи Розариты и ставка гаціэндера еще стояли на своихъ мѣстахъ.

Действительно, скоро на голосъ своего отца, готоваго уже садиться на лошадь, Розарита показала на порогъ своей шелковой голубой палатки, еще обольстительнѣе, чѣмъ воспоминанія Метиса представляли ему въ воображеніи.

Дикій глазъ Метиса, привыкшій къ красотѣ индѣйской, засверкалъ подъ черными бровями и дикая радость озарила его бронзовыя черты.

Теперь Метисъ рѣшился не показываться. Не спуская глазъ съ молодой дѣвушки, онъ, не оборачиваясь, отступалъ шагъ за шагомъ, и когда мало-по-малу кустарникъ и листья скрыли все отъ его взора, онъ тихо присѣлъ на корточки и оставался неподвиженъ, но такъ, что могъ слышать голоса тѣхъ, за кѣмъ слѣдилъ.

— Донъ Франциско, — говорилъ Энцина одному изъ служителей гаціэндера, — если вы замѣтите свѣжіе слѣды бизоновъ на берегу Пруда Бобровъ, вы мнѣ скажете, по возвращеніи, и въ замѣнъ зрѣлища охоты за дикими лошадьми, которое вы намъ дали, я и мои товарищи покажемъ вамъ охоту за буйволомъ, которая также имѣетъ свои достоинства. Теперь я покажу вамъ дорогу, по которой вы должны будете слѣдовать, чтобы выѣхать изъ лѣса.

Трагадуръ, донъ Августинъ и его дочь, сѣли на лошадей и руководимые сильнымъ охотникомъ за бизонами, въ сопровожденіи трехъ служителей, поѣхали по узкой длинной тропинкѣ, которая выходила на долину и извивалась въ густой травѣ.

Тутъ Энцина разстался съ всадниками, пожелавъ имъ хорошей прогулки, и указавъ бродъ, чтобы переѣхать рѣку, потомъ дорогу,

которая вела къ Пруду Бобровъ, которыхъ любопытныя работы желала видѣть Розарита.

— Сенборъ донъ-Августинъ, — кричалъ Франциско гаціэндеро, послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы по узкой тропинкѣ, пробитой буйволами, — посмотрите, должно быть тамъ есть буйволъ или дикая лошадь. Видите, какъ высокая трава волнуется будто подъ бѣгомъ какого-нибудь изъ этихъ животныхъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ некоторомъ разстояніи отъ кавалькады, волнистая линія проходила по высокимъ стеблямъ травы, какъ будто-бы бѣгъ лошади или бизона наклоняли ее.

Животное, если только это было оно, должно было подъ прямымъ угломъ перерѣзать дорогу, по которой ѣхала кавалькада, потому что линія, пробѣгавшая по травѣ, описывала полукругъ впереди лошадей, и этотъ кругъ приближался къ тропинкѣ. Вдругъ эта подвижная борозда на вершинѣ травы исчезла, и не замѣтно было болѣе ничего, кромѣ ровнаго волненія травы подъ дыханіемъ вѣтра.

— Это должно быть какая-нибудь лань, испуганная нашимъ присутвіемъ, — произнесъ гаціэндеро, — потому что трава не довольно высока, чтобы скрыть совершенно скачки дикой лошади или бизона.

Кавалькада продолжала свой путь далѣе, и только спустя долгое время послѣ этого маленькаго приключенія, новая борозда снова показалась на поверхности травы и направилась къ мѣсту, гдѣ находились индѣйцы, поставленные на часы Метисомъ. Слуги донъ-Августина теперь были слишкомъ далеко, чтобы замѣтить Метиса, который выпрямился во всю высоту своего роста, и котораго платокъ на головѣ по временамъ былъ видимъ.

Когда кавалькада выѣхала наконецъ на берегъ рѣки, ея широкія воды показали столь глубокими всадникамъ, что имъ пришла мысль, что можетъ быть Энцина обманулся, увѣряя ихъ, что они найдутъ здѣсь не далеко бродъ для перѣзда черезъ рѣку. Въ то время, какъ донъ-Августинъ и Трагадуръ совѣщались объ этомъ, вдругъ первый вскричалъ :

— Берега, которые я считалъ пустынными, а они обитаемы; вонъ тамъ я замѣчаю человѣка!

— Бѣдый какъ и мы, — произнесла Розарита, которую голосъ отца заставилъ вздрогнуть и оторваться отъ своихъ мыслей; — слава Богу!

Донъ-Августинъ безъ всякаго опасенія приказалъ Франциско пойти спросить у этого человѣка о существованіи брода; безъ

опасенія, сказали мы, да и въ самомъ дѣлѣ, какое опасеніе могъ возбудить человекъ, который мирно занимался, на берегу пустынной рѣки, бросаніемъ камешковъ въ воду?

Когда слуга подъѣхалъ къ нему, онъ, казалось, не замѣчалъ и продолжалъ свою забаву. Слуга наконецъ его спросилъ, но отвѣтъ его не долетѣлъ до слуха внимательныхъ господъ. Они видѣли только, что незнакомецъ приближался къ нимъ, неловкою походкой, размахивая руками, и съ апатическимъ взглядомъ.

— Извините, сеньоръ, — произнесъ онъ, обращаясь къ донъ-Августину съ сильнымъ англійскимъ выговоромъ; — по одинокой траперъ долженъ знать, съ кѣмъ онъ разговариваетъ въ этой пустынѣ. Вы говорите, что отыскиваете бродъ черезъ Красную-Рѣку.

— Да, другъ мой, — отвѣчалъ гаціэндеро, рассматривая пронизательнымъ взглядомъ странное выраженіе фізіономіи незнакомца.

Но послѣдній не потерялъ подъ недовѣрчивымъ взглядомъ донъ-Августина, своего вида добродушной безопасности.

— Не хотите-ли вы ѣхать къ Пруду Бобровъ? — спросилъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ Трагадуръ, — эта молодая дама желаетъ видѣть ихъ любопытныя работы.

— Гм! — пробормоталъ незнакомецъ, — я поставилъ свои ловушки; ловушки бѣднаго охотника — это его жизнь и его богатство; впрочемъ, такъ и быть, — прибавилъ онъ, — если ваша милость хочетъ только по-смотреть, я проведу, но съ однимъ только условіемъ.

Гаціэндеро продолжалъ пристально рассматривать американскаго трапера, лицо котораго ему казалось не совсѣмъ незнакомымъ.

— Вы вѣрно никогда не видали траперовъ, — произнесъ охотникъ съ громкимъ смѣхомъ и веселымъ видомъ, — и вотъ почему вы на меня смотрите съ такимъ вниманіемъ. Что-же касается до Пруда Бобровъ, если вы мнѣ общаете только смотреть и не дѣлать ни одного выстрѣла, я васъ проведу. Бродъ будетъ съ этой стороны, на лѣво.

— На лѣво, — прервалъ донъ-Августинъ; — а намъ показывали совсѣмъ въ противоположной сторонѣ.

— Вѣроятно какой-нибудь хвастунъ, которыхъ здѣсь такъ много, и которые думаютъ о себѣ, что они знаютъ мѣста, гдѣ сами никогда не бывали, лучше тѣхъ, которые ихъ посѣщаютъ. Впрочемъ, если вашей милости угодно попробовать отыскать другой бродъ, кромѣ этого, да то воля ваша.... Я вашъ покорнѣйшій слуга.

— Энцина, быть можетъ, ошибся, — произнесъ Трагадуръ, обращаясь къ донь-Августину. — Эй! другъ мой! — кричалъ онъ траперу по знаку гацэндеро, — мы согласны съ твоимъ мнѣніемъ и поѣдемъ за тобою.

— Вы хорошо дѣлаете, — вскричалъ незнакомецъ, внимательно слѣдя глазомъ за четвертымъ скачкомъ, который дѣлалъ на водѣ послѣдній камень, брошенный имъ; — къ вашимъ услугамъ.

Тогда траперъ снова принялъ своею неловкую походку, и пошелъ вверхъ по теченію рѣки, вмѣсто того, чтобы идти внизъ, какъ совѣтовалъ охотникъ за бизонами. Путешественники послѣдовали за нимъ.

— Не видали-ли мы гдѣ-нибудь прежде этой фигуры? — сказалъ гацэндеро тихо Трагадuru; — я напрасно хочу себя припомнить....

— Гдѣ хотите, чтобы вы видѣли этого олуха? — произнесъ Трагадуръ также тихо; — это одинъ изъ тѣхъ охотниковъ полуварваровъ, какъ я однажды встрѣтилъ вечеромъ возлѣ Поцы.

— Вы можете себя говорить, что хотите; но на этомъ лицѣ надѣта какъ будто маска, подъ которой скрываетъ онъ истинное свое выраженіе; я въ этомъ готовъ держать пари. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, что за важность.

Кавалькада въ молчаніи слѣдовала за траперомъ, не безъ того впрочемъ, чтобы ихъ не поразило удивленіемъ, что бродъ, казалось, лежалъ такъ далеко отъ тропинки, пробитой на степи. Розарита не говорила ни слова, она погрузилась въ мечты подъ шелестъ тростника и подъ звуки безчисленныхъ утреннихъ голосовъ, которые раздавались на всемъ протяженіи рѣки.

Траперъ, казалось, хотѣлъ занять нетерпѣливыхъ путешественниковъ и въ первый разъ прервалъ молчаніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ.

— А! боберъ, это очень трудолюбивое животное, — произнесъ онъ, — и часто въ уединенной, исполненной опасностями жизни, которую ведетъ бѣдный траперъ, я проводилъ долгіе часы, въ молчаніи наблюдая за ними. Очень часто въ тиши степей, шумъ отъ ихъ хвостовъ, которыми они строятъ себя хижины, напоминалъ мнѣ знакомый звукъ валька прачекъ на берегахъ Иллиноя, и тяжелый вздохъ вырывался у меня изъ груди при мысли о далекой родинѣ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ далеко отъ вашей родины? — произнесла

Розарита, тронутая выраженіемъ голоса трапера въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда сердце такъ легко открыто для состраданія.

— Я изъ Иллиной, сударыня, — отвѣчалъ траперъ торжественнымъ тономъ.

И онъ продолжалъ свой путь.

— Пойдите, послушайте, — продолжалъ онъ послѣ новаго молчанія ; — слышите вы этотъ шумъ, о которомъ я вамъ говорилъ ?

Путешественники дѣйствительно могли слышать отдаленный шумъ, похожій на удары о мокрое бѣлье.

— Но, — продолжалъ траперъ, прислушиваясь самъ со вниманіемъ, — когда бобры заняты этой работой, они не думаютъ развлекаться и трогать моихъ ловушекъ ; я хочу ихъ испугать немножко, чтобы развлечь.

Произнеся эти слова, траперъ испустилъ изъ груди одну за другою три звучныя торжественныя ноты, которыя заставили невольно вздрогнуть слушателей ; можно было сказать, что вдругъ раздалось грозное рычаніе американскаго льва въ пустынѣ.

Всѣ отдаленные крики замолкли, даже голоса птицъ на болотѣ перестали раздаваться.

Траперъ улыбнулся удивленію всадниковъ, потомъ онъ остановился.

— Мы теперь у самаго брода, — произнесъ онъ — вотъ Красная Вила!

Путешественники были теперь у остраго угла, который образуетъ рѣка, раздѣляясь здѣсь на два рукава. По лѣвую сторону путешественниковъ, когда они ѣхали вдоль рѣки, высокая трава скрывала отъ глазъ равнину, по правую куча вербъ возвышалась на противоположномъ берегу.

— Мнѣ кажется, рѣка въ этомъ мѣстѣ слишкомъ глубока, чтобы мы могли здѣсь найти бродъ, — замѣтилъ дояъ-Августинъ.

— Ея воды только мутны и оттого не видать дна, — отвѣчалъ траперъ съ увѣренностью. — Такъ какъ, сеньоры, не слишкомъ будетъ сираведливо, если я, для вашего удовольствія, долженъ буду по колѣна войти въ воду, то я попрошу у одного изъ васъ позволенія съѣсть сэади на лошади и такимъ-образомъ я вамъ укажу дорогу.

Франциско предложилъ взять съ собой проводника. Американецъ согласился и не безъ большихъ усилій взобрался на крупъ лошади.

— Правьте свою лошади прямо, — произнесъ онъ. Но испугалась-ли лошади, или ноги трапера неприятно цекотали ей бока, только лошади

становилась на дыбы и отказывалась идти вперед. Тогда траперъ продѣлъ свою лѣвую руку подъ руку Франциско и взялъ поводья. Но животное продолжало упрямиться.

— Станьте съ своею лошадыю возлѣ нашей, — сказалъ американецъ одному изъ слугъ, — вмѣстѣ онѣ смѣлѣ пойдуть.

Слуга повиновался и, какъ увѣрялъ траперъ, обѣ лошади взошли въ рѣку.

Вдругъ назади всадниковъ, вой, подобный тому, какой издалъ Траперъ, чтобы испугать бобровъ, раздался въ травѣ.

Удивленіе, произведенное этимъ неожиданнымъ случаемъ, скоро уступило мѣсто глубокому ужасу.

Метисъ, намъ нѣтъ надобности говорить, кто былъ траперъ, отвѣчалъ такимъ-же воемъ, и его ножъ вонзился по рукоятъ въ спину несчастнаго Франциско. Желѣзная рука Метиса вырвала его изъ сѣдла и на его мѣстѣ онъ самъ утвердился, тогда какъ несчастный слуга полетѣлъ головой въ воду.

Метисъ отбросилъ отъ себя назадъ на берегъ въ траву свой карабинъ, и схватилъ рукой за узду другую лошадь: онъ заставилъ ее стать на дыбы, и въ то мгновеніе, когда всадникъ терялъ стремяна, рука Метиса поразила его и онъ полетѣлъ туда же, куда и его товарищъ. Все это произошло такъ быстро, что Трагадуръ и гаціэндеро не имѣли времени подумать о сопротивленіи, какъ уже восемь индѣйцевъ, предупрежденные сигналомъ Метиса, наскочили на нихъ, сбросили съ лошадей и унесли въ высокую траву, которая покрывала берегъ.

Одинъ только третій слуга, при видѣ дикихъ обладателей берега, пустилъ свою лошадь по теченію рѣки, которое его увлекло, потому что бродъ былъ слишкомъ далекъ отъ этого мѣста. Вдругъ, по голосу Метиса, раздался выстрѣлъ изъ кустарника съ противоположнаго берега и онъ упалъ въ рѣку.

Что-же касается до Розариты, то когда одинъ изъ индѣйцевъ бросился въ плавъ, чтобы схватить лошадь безъ всадника, несчастное дитя, блѣднѣе цвѣта, растущаго на Озерѣ Бизоновъ, съ полуоткрытымъ ртомъ, какъ алебастровая статуя, безъ крику, упала съ лошади, и была увлечена на рукахъ жетрапера.

Въ первую минуту, посреди этихъ ужасныхъ происшествій, она не сознавала всего ужаса своего положенія, только при видѣ воспаленныхъ глазъ Метиса, при отвратительномъ прикосновеніи его руки,

она поняла, что ее ожидаетъ. Раздирающій крикъ вырвался изъ груди ея, и она закрыла глаза почти въ обморокъ. Но въ минуту этого быстрого перехода отъ жизни къ безчувственности, ей послышался еще другой крикъ отчаянія; и воздухъ донесъ къ ней послѣдній слогъ ея имени. Этотъ голосъ не былъ голосомъ ея отца; это былъ знакомый звукъ голоса, слишкомъ дорогаго, который на одну секунду раздался въ ея ушахъ, какъ эхо далекихъ странъ.

— Благодарю Тебя, Боже! — прошептала она въ глубинѣ сердца, — Ты хотѣлъ, чтобы его голосъ я слышала послѣдній въ этомъ мѣрѣ.... Нечувствительность тѣла скоро перешла и на мысль Розариты.

Этотъ крикъ дѣйствительно вылетѣлъ съ другаго берега рѣки, гдѣ старый ренегатъ и индѣецъ стерегли нашего бѣднаго Фабіана.

III.

КРИТИЧЕСКАЯ МИНУТА.

Едва только всѣ три плѣнника были перенесены въ высокую траву, которая скрывала индѣйскую пирогу и двухъ крѣпко связанныхъ плѣнниковъ, едва Розарита, все еще безчувственная, была положена Метисомъ возлѣ своего отца, какъ вдругъ одинъ изъ индѣйцевъ замѣтилъ у верховьевъ рѣки густое облако пыли. Развѣвающіеся волосы на острияхъ копій, плащи изъ буйволовой кожи, мелькавшіе въ этомъ облакѣ пыли, которое время отъ времени прорѣзалъ лучъ солнца, ржаніе лошадей, доносимое вѣтромъ, все возвѣщало прибытіе Черной-Птицы и его отряда.

Крики: «Черная Птица! Красная-Рука! Смѣшанная-Кровь!» поднялись съ обѣихъ сторонъ, и въ одно мгновеніе ока союзники Метиса, какъ бѣшеные понеслись въ галопъ, испуская раздирающіе вопли; потомъ вдругъ отрядъ раскрылся, описавъ быстрый кругъ около Метиса и его индѣйцевъ, и въ одну минуту каждая лошадь остановилась какъ вкопаная, неподвижно на своихъ дрожащихъ ногахъ. Глубокое молчаніе послѣдовало за бывшимъ волненіемъ. Еще одѣтый въ свой заимствованный костюмъ, Метисъ ожидалъ, стоя и не дѣлая ни одного шагу, прибытія предводителя. Послѣдній хотя съ исковерканнымъ лицомъ отъ страданій недавно полученной раны, держался прямо и крѣпко на своемъ конѣ. Онъ приближался къ Метису, котораго, не смотря на переодѣваніе, сейчасъ-же узналъ и съ видомъ спокойствія и величія протянулъ руку сыну Красной-Рки.

— Индѣецъ, сынъ бѣлаго, ожидалъ своего союзника, — произнесъ послѣдній.

— Не сегодня-ли третье солнце? — отвѣчалъ Черная-Птица. — Эль-Местицо употребилъ съ пользою свое время, — прибавилъ онъ, указывая пальцомъ на плѣнниковъ.

— Это еще не всѣ; тамъ есть еще одинъ изъ бѣлыхъ, сынъ Орла Снѣжныхъ Горъ.

— А Пересмѣшникъ, а Орель? что съ ними сдѣлалось? я ввѣрилъ моему брату одиннадцать воиновъ; что онъ съ ними сдѣлалъ? — спросилъ индѣйскій предводитель строгимъ голосомъ, подавивъ первое движеніе радости, которую возбудилъ въ немъ плѣнъ Фабіана.

— Девять убито, — отвѣчалъ Метисъ. — Но зачѣмъ предводитель хмурить брови? Онъ осаждалъ день и ночь трехъ бѣлыхъ на островѣ Рио-Жилы; что онъ сдѣлалъ съ своими воинами, которыхъ рыбы въ рѣкѣ пожрали? Рука Черной-Птицы надолго недвижна. Эль-Местицо въ продолженіе двѣнадцати часовъ взялъ въ плѣнъ юнаго воина Юга, онъ обезоружилъ Орла и Пересмѣшника, на которыхъ теперь смѣются буйволы, лани и дѣти индѣйцевъ.

— Орель и Пересмѣшникъ теперь идутъ по нашимъ слѣдамъ; они нашли новое оружіе и усѣяли свой путь трупами нашихъ воиновъ.

Тогда дикій предводитель разсказалъ Метису, чего онъ еще не зналъ: свои битвы со времени отъѣзда изъ мексиканскаго лагеря; и этотъ разсказъ не разъ вырывалъ у Метиса скрежетъ зубовъ.

Мѣжду-тѣмъ, по окончаніи этого разсказа, Черная-Птица и Метисъ, подъ вліяніемъ взаимнаго неудовольствія, хранили молчаніе. Быть можетъ это совѣщаніе скоро еще болѣе было-бы отравлено, безъ прибытія еще месисовыхъ воиновъ; это были остатки изъ отряда Антилопа, уцѣлѣвшіе отъ битвы при Тѣсвинѣ, гдѣ и самъ Антилопъ потерялъ жизнь.

Тогда все бѣшенство индѣйцовъ обратилось на Фабіана.

— Гдѣ сынъ Орла? — вскричалъ Черная-Птица.

— Тамъ! — отвѣчалъ Метисъ, указывая въ кусты на другомъ берегу, гдѣ Красная-Рука стерегъ своего плѣнника.

— Пусть умретъ онъ! — произнесъ предводитель.

Съ радостными воплями всѣ встрѣтили этотъ краткій и ужасный приговоръ.

Когда все умолкло, Метисъ началъ говорить.

— Жгучій-Лучъ также на нашихъ слѣдахъ ; эта бѣлая дѣвушка, которая теперь здѣсь,—привлекаетъ его къ Озеру Бизоновъ. Но онъ ее болѣе не найдетъ ; Эль-Местицо уведетъ ее въ свой вигвамъ, между тѣмъ Черной-Птицѣ остается овладѣть сотнею лошадей, которыхъ бѣлые заперли въ загонѣ. Эль-Местицо уступаетъ свою часть предводителю апаховъ ; Голубица Озера для него дороже всѣхъ лошадей въ степи.

Съ спокойнымъ безстыдствомъ, происходившимъ у Метиса отъ сознанія своей силы, ловкости и неукротимой смѣлости, уклонялся онъ отъ обѣщанія даннаго Черной-Птицѣ, когда онъ переставалъ быть ему полезнымъ. Эта наглость привела въ страшное бѣшенство индѣйца, но онъ чувствовалъ, что его рана на плечѣ отнимала половину силы, и что во всякомъ случаѣ карабины Красной-Руки и Метиса были сильными помощниками. Черная-Птица преодолѣлъ свой гнѣвъ.

— Эль-Местицо,—произнесъ онъ,—такъ спѣшить насъ оставить, что онъ забываетъ важную вещь. Развѣ онъ такъ боится война, который долженъ придти къ Озеру Бизоновъ, что даже не помнить уже своего обѣщанія предать въ мои руки того, котораго команчи зовутъ Жгучій-Лучъ?

Эти послѣднія слова индѣйскаго предводителя вдругъ прервали приготовленія Метиса къ отъѣзду : онъ уже надѣлъ свой обыкновенный костюмъ, и былъ совсѣмъ готовъ удалиться со своими.

— Хорошо, Эль-Местицо останется, потому что онъ не боится ничего.... гордо отвѣчалъ Метисъ.

Отрядъ Черной-Птицы, не смотря на рядъ потерь, которыя онъ понесъ на переходѣ къ Красной-Вилѣ, состоялъ еще изъ сорока всадниковъ. Десять индѣйцевъ провожало двухъ степныхъ пиратовъ ; еще шесть другихъ прибавилось къ этимъ пятидесяти воинамъ. Слѣдовательно апахи находились въ достаточномъ числѣ, чтобы выгодно атаковать пастуховъ, которые, по ихъ мнѣнью, не ожидали ничего, хотя-бы даже юный вождь команчей и привелъ во-время своихъ воиновъ.

Такова была быстрота переѣзда индѣйскихъ всадниковъ, ибо съ ними не было ни одного пѣхотинца, что они были почти увѣрены, что охотники и ихъ союзники не прежде ночи или по-крайней-мѣрѣ заката солнца придутъ къ Озеру-Бизоновъ. Воины пустыни непредусмотрительны какъ дѣти, и также капризны, имъ предстояло

зрѣлице привлекательнѣе для нихъ, чѣмъ похищене лошадей; это была казнь бѣлаго.

Два другіе плѣнника, гаціэндеро и Трагадуръ, были исключительною собственностью Метиса, который надѣялся получить за ихъ выкупъ богатую добычу, ихъ жизнь была неприкосновенна; и одинъ несчастный Фабианъ долженъ былъ служить жестокимъ развлеченіемъ для индѣйцевъ.

Такимъ-образомъ рѣшено было, что его принесутъ въ жертву передъ битвой. Между-тѣмъ какъ индѣйцы срубили молодую вербу и приготавлиали столбъ для пытки, Розарита пришла нѣсколько въ себя. Но при видѣ связаннаго отца и Трагадура, при видѣ сверкающихъ глазъ Метиса, которые были устремлены на нее, не смотря на голосъ своего отца, который старался ее утѣшить, мѣшая къ утѣшеніямъ проклятія своимъ палачамъ, не выдержала и снова лишилась чувствъ.

Потомъ Метисъ, съ равнодушнымъ видомъ, сталъ смотрѣть на приготовленія къ казни Фабиана.

Подобно какъ нѣсколько дней тому назадъ донъ-Антоніо де-Медіана, котораго минуты были сочтены, видѣлъ какъ тѣнь, падающая отъ кинжала Фабиана, мало-по-малу исчезала, такъ и теперь всякое движеніе солнца къ западу отнимало минуту у жизни Фабиана.

Посреди всеобщей тишины не слышно было вдали никакого шума.

Еще нѣсколько минутъ и тѣ, которые два дня и двѣ ночи шли по слѣдамъ пдахитителей, должны были-бы только отмстить за смерть. Индѣйцы разложили уже костеръ, страшныя приготовленія къ казни были кончены; а на горизонтѣ та же тишина, та же неподвижность, кромѣ крика летающей птицы надъ озерами, да отдаленнаго шума болотовъ въ болотахъ.

— Минута наступила-ли теперь?—спросилъ Метисъ Черную-Птицу.

— Мои воины ожидаютъ плѣнника,—отвѣчалъ индѣйскій предводитель.

— Воля брата моего исполнится. Метисъ приказалъ спустить пирогу снова на воду и привезти плѣнника и его двухъ стражей.

— Славно!—кричалъ съ другаго берега старый Красная-Рука при видѣ приготовленій къ казни, вытягиваясь во весь свой ростъ изъ-за кустарниковъ,—эта должность сторожевой собаки начинается мнѣ страшно надоѣдать.—Старый ренегатъ, зѣвая, произнесъ эти слова.

— Ну, молодчикъ, пойдемъ! — произнесъ онъ, нагибаясь,—тебѣ также должны были наскутить всѣ эти проволочки.

Минуту спустя показался изъ-за листьевъ Фабіанъ, приподнятый сильными руками американца.

— Держись прямо.... Ну теперь такъ, — говорилъ неумолимый старикъ, между-тѣмъ какъ плѣнникъ, котораго члены отъ веревокъ одеревенѣли, усиливался сохранить равновѣсіе и держаться прямо и твердо, чтобы встрѣтить казнь бодро лицомъ къ лицу.

— Теперь, если ты хочешь, то можешь что-нибудь спѣть для своего развлечения.

Блѣдный Фабіанъ, глаза котораго блистали, не смотря на близость страшной смерти, только показался и шатаясь на опухшихъ ногахъ, лишенный помощи рукъ, опустился и упалъ снова за кустарники.

— Развяжи мнѣ руки, — сказалъ онъ американцу твердымъ голосомъ, — чего тебѣ опасаться?

— Разумѣется нечего, такъ и быть, развяжу.

И ренегатъ разрѣзалъ веревки, которыми были связаны его руки, тогда Фабіанъ могъ встать и держаться прямо.

Последняя надежда, одна последняя мысль, казалось, его волновала, и это скорѣй была одна мысль, чѣмъ лучъ надежды : его взоры одинъ только разъ обратились, къ горизонту, но даль пустыни оставалась все такъ же безмолвна, и скоро потомъ взоры его перенеслись и все вниманіе его сосредоточилось на противоположномъ берегу, откуда долетѣлъ до слуха его крикъ отчаянія, на который онъ отвѣтилъ.

Но густая трава скрывала отъ его глазъ трехъ плѣнниковъ, изъ которыхъ Трагадуръ и гаціэндеро съ ужасомъ спрашивали другъ друга, кто этотъ несчастный бѣлый, которому готовится такая казнь?

И они также съ своей стороны не могли разсмотрѣть Фабіана за волнами зелени.

Наконецъ пирага двинулась, два индѣйца принялись за весла. Вдругъ громкій крикъ, грозный, подобный крику Ахилла, выходявшаго изъ своей палатки, чтобы отмстить смерть Патрокла, потрясъ воздухъ могучими переливами.

Этотъ крикъ раздался со стороны Пруда Бобровъ; индѣйцы вздрогнули при этихъ звукахъ, и Фабіанъ инстинктивно почувствовалъ, что это голосъ друга. Этотъ звукъ еще дрожалъ въ воздухъ, какъ вдругъ второй крикъ, вылетѣвшій изъ могучей груди лѣснаго скитальца, покрылъ первый.

Въ этихъ двухъ крикахъ слышалось имя Фабіана, какъ преграда между смертью и имъ, и Фабіанъ, не колеблясь, отвѣчалъ.

— Умри! — вскричалъ Красная-Рука, заноса надъ нимъ ножъ, чтобы поразить его.

Фабіанъ удержалъ руку ренегата и между ними завязалась борьба. Зная необыкновенную силу американца, легко можно было предвидѣть ея исходъ. Вдругъ къ крикамъ Боа-Розе, испанца и Жгучаго-Луча, раздавшимся съ трехъ сторонъ, присоединился вой, который неся съ сѣвера, съ юга и востока. Страшный лай собаки гремѣлъ въ этой суматохѣ, какъ рычаніе прикованнаго льва.

Фабіанъ, дѣлая усилія, чтобы отстранить отъ груди ножъ ренегата, но будучи не твердъ на ногахъ, парализованныхъ веревками, не устоялъ и упалъ на землю. Это паденіе спасло ему на этотъ разъ жизнь.

Увеличивающійся шумъ въ этой долинѣ, недавно еще столь безмолвной, отвратилъ бѣшенство стараго ренегата; онъ вспомнилъ, что жизнь плѣнника принадлежала только Черной-Птицѣ и онъ сталъ стараться открыть непріятеля, который имъ угрожалъ. Но разстилающаяся предъ нимъ зелень скрывала все отъ его глазъ.

Все, что онъ могъ замѣтить съ своего мѣста, это нѣсколько головъ индѣйцевъ, которые скорѣе всѣхъ вскочили въ сѣдла, а далѣе столь сильное колебаніе высокой травы, что можно было подумать, что бѣжало цѣлое стадо буйволловъ.

Въ это самое время раздались съ разныхъ сторонъ пять выстрѣловъ позади апаховъ и сбросили съ сѣделъ пять всадниковъ, которые едва только успѣли устѣться.

Тогда старый ренегатъ увидалъ, испуская тысячи проклятій, на противоположномъ берегу страшное замѣшательство, и съ карабиномъ въ рукѣ онъ тщетно старался открыть непріятелей, которыхъ ждалъ, и которыхъ скрывала отъ его взоровъ густая трава.

Нѣсколько индѣйцевъ, видя, что имъ слишкомъ далеко, чтобы добѣжать къ привязаннымъ своимъ лошадямъ, бросились въ пирогу и не смотря на крики Красной-Руки, не слушая проклятій и приказаній Смѣшанной-Крови, старались отплыть на противоположный берегъ.

Большая часть прочихъ апаховъ, свѣши на своихъ лошадяхъ, бросились впасть въ рѣку, потому-что густой дымъ поднимался съ долины позади ихъ, и уже огненные языки проскакивали изъ высо-

кой травы. Ужасъ быстрее овладѣлъ индѣйскими воинами, чѣмъ пожаръ распространялся въ долину. Остальные оставшіеся пѣшіе вилавъ бросились въ рѣку.

— Воины робкіе, воины съ женскимъ сердцемъ! — рѣвелъ Смѣшанная-Кровь въ бѣшенствѣ, тщетно стараясь остановить бѣгство индѣйцевъ.

Но дымъ, гонимый вѣтромъ, трескъ пылающей травы, и кромѣ того панической страхъ, произведенный внезапнымъ нападеніемъ невидимыхъ непріятелей, дѣлалъ тщетными всѣ усилія метиса.

У него самого была драгоценная добыча, которую онъ хотѣлъ спасти и, бросивъ напрасныя усилія, онъ схватилъ за узду одну изъ лошадей, съ которой только-что свалился всадникъ и бросился къ Розаритѣ, когда она наконецъ только-что открывала глаза. Звуки выстрѣловъ разсѣяли ея летаргію и первый предметъ, который представился ей взорамъ, былъ опять тотъ-же ужасный Смѣшанная-Кровь, который, взволнованный страстями, казался еще ужаснѣе.

Напрасно хотѣла она бѣжать: Метисъ схватилъ ея за руку, и не смотря на ея крики, не смотря на крики отца ея и Трагадура, лежавшихъ неподвижно въ своихъ узахъ, Красная-Рука приподнялъ ее, перебросилъ черезъ сѣдло и вкочилъ самъ на лошадь сзади ея. Минуту спустя его лошадь разсѣкала уже грудь воду въ рѣкѣ, которая кипѣла подъ сорока другими всадниками.

Все это произошло, хотя мы и долго описывали, такъ быстро, такъ внезапно, что никто изъ нападающихъ не могъ предвидѣть этого послѣдняго эпизода. Темное облако дыма скрывало отъ нихъ непріятеля. Изъ этого дыму раздавались смѣшанные голоса.

— Сюда, Боа-Розе! кричалъ громовымъ голосомъ Пепе. Я слышу вой этой собаки Метиса. Гдѣ ты, змѣя красная и бѣлая?

— Спасите! во имя всѣхъ святыхъ!—кричали вмѣстѣ Трагадуръ и гаціандеро, связанные, стараясь отодвинуться отъ мѣста, гдѣ тучи чернаго дыма обхватывали ихъ.

— Уильсонъ! — произнесъ голосъ.

— Сэръ! — отвѣчалъ другой голосъ.

Дымъ поднимался густыми облаками и въ то время, когда замолкли выстрѣлы, трава въ долину трещала въ пламени, которое стремилось со всѣхъ сторонъ огненными змѣйками. Въ этомъ полномъ замѣшательствѣ, которое царствовало въ одинакой степени и у

нападающихъ и у бѣгущихъ, со всѣмъ забыли-бы Трагадура и донъ-Августина, не смотря на ихъ крики, еслибы не раздался голосъ сэра Фредерика.

— Уильсонъ! — вскричалъ англичанинъ, — перестань заниматься только моею особой; тамъ гдѣ-то есть, кажется, недалеко отсюда, два несчастныхъ, которые подвергаются большой опасности. Слышишь ихъ крики? Ну! положи, что это я.

Въ то же время англичанинъ и американецъ, описавши большой кругъ, чтобы избѣжать набѣгающаго пламени, бросились къ мѣсту, откуда слышались крики и зовъ на помощь.

Давно уже была пора, потому-что пламя бросало уже красноватый свой отблескъ на донъ-Августина и его товарища несчастія, когда два избавителя пришли разорвать ихъ узы. Едва почувствовавъ свободу, несчастный отецъ бросился къ берегу рѣки.

Съ минуту онъ не видалъ ничего кромѣ смѣшанной массы лошадей, и всадниковъ, борющихся противъ быстрого теченія рѣки, головы людей, ржаніе животныхъ, которые взаимно другъ другу мѣшали въ движеніи. Одни спѣшили обогнать другихъ; другіе были увлечены на самую середину рѣки, наконецъ другіе вступали уже на твердый берегъ рѣки.

Между этими послѣдними Метисъ, держа въ рукахъ свою добычу, показался на минуту. Донъ-Августинъ увидалъ полосу развѣвающагося платья Розариты, но всадникъ, который ее увлекалъ, исчезъ за хлопчатниками.

Въ ту минуту, когда донъ-Августинъ испустилъ крикъ бѣшенства и отчаянія, потерявъ изъ виду свою любимую дочь, онъ почувствовалъ, что какая-то сильная рука бросила его на землю. Донъ-Августинъ не успѣлъ отдать себѣ отчета въ этомъ неожиданномъ паденіи, какъ вдругъ просвистала надъ его головой пуля.

— Вы славно снались, — флегматически произнесъ голосъ возлѣ гаціэндеро.

Это былъ Уильсонъ, который шелъ сзади его и бросилъ его на землю въ ту самую минуту, когда Красная-Рука цѣпнулъ въ него и онъ того не замѣчалъ.

— Посмотрите, — продолжалъ американецъ, — видите вонъ того мерзавца, который убѣгаетъ со стыда, что промахнулся? А! если бы я

Умѣлъ время зарядить свой карабинъ! Но я только заботился помѣшать вамъ сгорѣть живымъ и потомъ спасти вамъ черепъ.

Въ то время, послѣдній индѣйскій всадникъ вступалъ на берегъ, и Красная-Рука также исчезъ; онъ былъ не одинъ. Два стража увлекли Фабіана съ собой, не смотря на всѣ его усилія, и старый ренегатъ помогалъ имъ своей непреодолимой силой.

— Надѣйтесь на Бога! — произнесъ важнымъ голосомъ сэръ Фредерикъ, который также въ это время пришелъ на берегъ рѣки, гдѣ, не смотря на палящій жаръ отъ пожара, огонь угасъ на сырой и обнаженной почвѣ. — Тамъ есть кто-то, который заботится о вашей дочери. Мы окружили мерзавцевъ со всѣхъ сторонъ и ни одинъ изъ нихъ не спасется.

Произнеся эти слова, англичанинъ указалъ донъ-Августину на берега рѣки, которыя вакеросы верхомъ оцѣпляли. При этомъ видѣ, надежда въ первый разъ проникнула въ сердце гаціэндеро.

— Посмотрите, вонъ тамъ далѣе, — продолжалъ сэръ Фредерикъ, — вѣрные и сильные союзники.

Англичанинъ указалъ потомъ на Діаза и Пепе, которые верхомъ другъ возлѣ друга разсѣкали волны въ верховьяхъ рѣки и стремились къ противоположному берегу; на такомъ-же разстояніи въ низовьяхъ рѣки летѣла лодка, на устройство которой съ удивленіемъ смотрѣлъ гаціэндеро: въ ней находилось пять человѣкъ, изъ нихъ двое атлетическаго сложенія, сгибались надъ веслами и между-тѣмъ возлѣ ихъ рычалъ бѣшеный догъ.

Гаціэндеро узналъ четырехъ охотниковъ за буйволами; что-же касается до пятого, передъ которымъ сильный Энцина казался человѣкомъ обыкновеннаго роста, донъ-Августинъ его не зналъ.

— Это Боа-Розе, — произнесъ сэръ Фредерикъ, — лѣсной скиталецъ изъ Нижней Канады, у котораго также какъ и у васъ похитили единственнаго сына, надежду и любовь его жизни. Тамъ, также со стороны отъ Пруда Бобровъ есть еще юный и храбрый команчскій воинъ, ихъ союзникъ, и все, что возможно для человѣка — эти люди сдѣлаютъ.

Лѣсной скиталецъ и испанскій охотникъ, не смотря на раздѣлявшее ихъ разстояніе, узнали другъ друга и сдѣлали въ молчаніи краснорѣчивый знакъ рукой, какъ люди, которые не имѣютъ надобности въ словахъ, чтобы понимать другъ друга.

— А! тотъ, кто спасетъ мою дочь будетъ, богатъ на весь остатокъ своихъ дней! — кричалъ гаціэндеро для одобренія.

Богатый донъ-Августинъ не зналъ, что въ каждой изъ этихъ группъ рѣшительныхъ людей, которые, повинаясь одной мысли, въ одно и тоже время пересѣкали рѣку, былъ одинъ человекъ, пренебрегшій сокровищами, передъ которыми богатства донъ-Августина были ничтожны.

И какъ гацѣндеро неоднократно повторялъ свое обѣщаніе обогатить навсегда того, кто возвратитъ ему Розариту, оба охотника еще разъ взглянули другъ на друга и сдѣлали знакъ рукой. Пепе съ новою силою понуждалъ свою лошадь, которая быстро разсѣкала волны, и Боа-Розе съ большею силою гребъ. Гашѣндеро подумалъ, что это дѣлается для пріобрѣтенія обѣщанной имъ награды; и знаетъ Богъ, какъ онъ ошибался. Раздавшіеся вдругъ выстрѣлы со стороны Боброваго Пруда показали, что Жгучій-Лучъ и Гайферосъ не оставались праздными. Голосъ юнаго вождя достигалъ также до берега, гдѣ находились Уильсонъ и сэръ Фредерикъ, чтобы дать ему знать, что они идутъ на помощь, Діазъ, Пепе, Боа-Розе, Эпцина отвѣчали Жгучему-Лучу такимъ-же могучимъ крикомъ.

Немного спустя донъ-Августинъ увидѣлъ, что они вышли на берегъ и бросились сквозь чащу деревьевъ и кустарниковъ, куда отступили и засѣли индѣйцы.

Когда смѣльчаки исчезли въ этой чашѣ, лай собаки Эпцины слышался все далѣе и показывалъ, что не смотря на всѣ препятствія почвы и опасности, они продолжали подвигаться впередъ.

IV.

Прудъ Бобровъ.

Прежде чѣмъ мы будемъ далѣе продолжать нашъ разсказъ мы должны объяснить внезапное присутствіе охотниковъ и индѣйцевъ подъ начальствомъ Жгучаго-Луча, также и явленіе вакеровъ дона Августина у Красной-Вилы.

Мы уже видѣли, что за исключеніемъ Красной-Руки и Смѣшанной-Крови, которыхъ отрядъ былъ далеко впереди, три другіе отряда шли также въ этому мѣсту, какъ къ сборному пункту, и всѣ эти отряды Черной-Птицы, Жгучаго-Луча, Антилопы, слѣдовали близко другъ за другомъ.

Рѣшившись опередить своихъ непріятелей и воспользоваться помощію пастуховъ дона-Августина, команчъ попросилъ у сэра Фредери-

ка лошади и условившись съ двумя охотниками на счетъ соединенія и на счетъ поста, который каждый долженъ былъ занять, онъ поскакалъ къ Озеру Бизоновъ.

Прибывши къ Красной-Вилѣ, онъ долженъ былъ для своей безопасности объѣхать тотъ рукавъ рѣки, почти пересохшій отъ плотинъ, воздвигнутыхъ бобрами, и по этому команчъ не встрѣтилъ донъ-Августина въ пагубной для него прогулѣ.

Такимъ образомъ Жгучій-Лучъ, переѣхавши широкій рукавъ рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ Энцина указывалъ бродъ дону-Августину, прибылъ на берега Озера Бизоновъ часъ спустя послѣ отъѣзда гайэндера.

Онъ наскоро объяснилъ охотникамъ намѣренія, которыя привели индѣйцевъ и двухъ пиритовъ къ Красной-Вилѣ; описалъ имъ опасность, которой подвергаются ихъ господа и они сами, и безъ большаго труда уговорилъ съѣсть на лошадей и овѣзнить берега рѣки, пока онъ въ это время возвратится къ рѣкѣ ждать прибытія Боа-Розе и всего отряда, который остался позади его. Онъ не долго ждалъ.

Тогда, юный команчъ, Гайферось и шесть индѣйцевъ пробрались въ долину по маленькому рукаву рѣки. Пене, Боа-Розе и другіе заняли мѣста не доходя развѣтвленія рѣки, гдѣ Черная-Птица остановился. Тутъ они должны были ждать сигнала отъ команча. Могучій крикъ, который внезапно разбудилъ эхо въ долинѣ Красной-Вилы, вылетѣлъ изъ груди команча и, какъ мы уже видѣли, былъ сигналомъ бѣшеной атаки.

Діазъ и Пене почти въ то время вступили на берегъ, когда Боа-Розе, Энцина и три охотника за бизонами выскочили изъ лодки на землю.

Между-тѣмъ пока эти шесть воиновъ шли по діагональной линіи, чтобы соединиться, сэръ Фредерикъ, для котораго невыносима становилась роль зрителя, вдругъ рѣшился дѣятельно помогать охотникамъ въ ихъ атакѣ и ему небольшого труда стоило убедить Уильсона, своего тѣлохранителя, сопутствовать имъ.

Донъ Августинъ также хотѣлъ принять участіе въ битвѣ; но онъ долженъ былъ уступить настойчивости англичанина, который представлялъ ему, что его присутствіе необходимо для поддержанія порядка между вакеросами, мало привыкшими къ битвамъ съ индѣйцами. Устроившись такимъ образомъ, сэръ-Фредерикъ отправился вмѣстѣ съ своимъ американцемъ въ броду; американецъ все твердилъ, что сэръ-Фредерикъ добровольно самъ подвергается опасности и что

онъ снимаетъ съ себя отвѣтственность на это время за его особу.

— Въ это время Пепе и Діазъ соединились съ льснымъ скитальцемъ и съ охотниками за бизонами. И эти два товарища по оружію, смущенные опасностью, которая угрожала Фабіану и торжественностью рѣшительной минуты, въ молчаніи приблизились другъ къ другу и помѣнялись выразительнымъ взглядомъ.

— Онъ живъ еще, Боа-Розе, — произнесъ Пепе, который понялъ нѣмой языкъ льснаго скитальца; — мы видѣли за кустами вербъ, рядомъ съ оттискомъ ноги Красной-Руки, слѣдъ Фабіана.

— Мерзавцы укрѣпились за этимъ кустарникомъ, который окаймляетъ бобровую плотину и полупересохшій рукавъ Красной-Рѣки. Стой, ты слышишь ихъ? — произнесъ карабинеръ.

Удары топоровъ раздавались вдали.

— Это правда, — отвѣчалъ канадецъ. — Если-бы я не боялся за жизнь этого бѣднаго дитяти, я бы благословлялъ небо, что оно предастъ намъ такимъ-образомъ этихъ дикихъ звѣрей въ ихъ логовищѣ; но ужасно думать, что злость или капризъ какого-нибудь индѣйца можетъ прекратить его жизнь.

— Они теперь менѣе, чѣмъ когда-нибудь осмѣлятся, я увѣренъ, — произнесъ Пепе, — не пройдетъ дня, какъ они сдадутся.

Энцина съ трудомъ удерживалъ своего дога, который порывался броситься къ тому мѣсту, гдѣ чуялъ индѣйцевъ. Вдругъ Боа-Розе пришла мысль воспользоваться этимъ инстинктомъ. Онъ вытащилъ изъ-подъ плаща потерянную шляпу Фабіана, и отдавая Энцинѣ, сказалъ:

— Попробуй дать понюхать эту шляпу своей собакѣ, она принадлежитъ тому, котораго я ищу; мнѣ случалось видѣть, что въ подобныхъ случаяхъ собаки нападали на слѣдъ людей, которые не оставляли никакихъ знаковъ.

Охотникъ бизонъ взялъ шляпу и далъ понюхать ее своему *Озо*. Умное животное, казалось, понимало, чего ожидали отъ него и сильно потянувъ въ себя испаренія, которыя сохранила эта часть одежды Фабіана, *Озо* бросился, какъ стрѣла, по направленію, гдѣ Пепе узналъ слѣды молодого человѣка.

Прибѣжавъ въ кустарникъ, собака подала голосъ, чтобы призвать на слѣдъ своего хозяина.

Охотники приближали къ этому мѣсту, гдѣ дѣйствительно замѣтили на мокрой почвѣ слѣды, о которыхъ говорилъ Пепе.

Теперь пойдемъ впередъ, — съ твердостью произнесъ Боа-Розе; — гдѣ-бы онъ ни былъ, живой или мертвый, мы все-таки его найдемъ.

Въ эту самую минуту подѣхали сэръ Фредерикъ и его неразлучный Уильсонъ, и семь человекъ готовы были уже двинуться впередъ для открытія убѣжища индѣйцевъ, какъ вдругъ явился гонецъ отъ Жгучаго-Луча, съ просьбою о подкрѣпленіи. Онъ говорилъ, что напротивъ почти непроницаемой чащи, гдѣ засѣли индѣйцы, есть довольно глубокой оврагъ, откуда можно безпokoить непріятеля и которымъ необходимо овладѣть прежде апаховъ.

Исполнивъ такимъ-образомъ свое порученіе, индѣецъ оставилъ ихъ и отправился, чтобы пригласить вакеровъ переѣхать рѣку и занять позицію на противоположномъ берегу, чтобы такимъ-образомъ сжатъ со всѣхъ сторонъ непріятеля. Пока совершалось это движеніе и пастихи, иные вплавъ на лошадяхъ, другіе въ бродъ, наконецъ нѣкоторые въ лодкѣ переѣзжали Красную-Рѣку, маленький отрядъ, подъ предводительствомъ Боа-Розе, старался отыскать себѣ путь, чтобы быть закрытымъ отъ пуль индѣйцевъ, которые продолжали укрѣпляться. Удары топоровъ постоянно раздавались.

И осаждающіе двинулись на удачу въ эту густую и мрачную чащу, одинъ видъ которой уже наводилъ ужасъ.

Нѣсколько выстрѣловъ сверкнуло въ чащѣ лѣса; но пущенныя на удачу пули не задѣли никого, и безъ сомнѣнія не болѣе вреда сдѣлали непріятелю выстрѣлы осаждающихъ. Такимъ-образомъ они прибыли первые недалеко отъ того мѣста, гдѣ находился Жгучій-Лучъ съ своими воинами.

— Согласись, — произнесъ Боа-Розе, обращаясь къ Пепе, когда оба они встрѣтились за группою деревьевъ, подъ защитою которыхъ канадецъ разсматривалъ повидимому непроницаемую чащу лѣса, — удивительно какъ могли всѣ эти индѣйцы съ своими лошадьми такъ быстро пройти черезъ эту чащу?

— Я тоже сейчасъ думалъ объ этомъ, — отвѣчалъ карабинеръ.

— Должно быть здѣсь есть какой-нибудь тайный проходъ, который намъ необходимо открыть, иначе это мѣсто неприступно и мы положимъ здѣсь одинъ за другимъ наши кости, пытаюсь ихъ оттуда выгнать.

— Оба охотника продолжали быстро свой извилистый путь и черезъ нѣсколько минутъ достигли вождя команчей.

— Цвѣтокъ Озера тамъ, — произнесъ Жгучій-Лучъ, — и сынъ Орла не далеко отъ нея.

Постъ, искусно выбранный юнымъ воиномъ, находился на плотинѣ, переброшенной бобрами черезъ самый узкій рукавъ Красной-Рѣки.

Вода, отведенная отъ своего теченія плотиною, сначала прорыла себѣ другое русло, скоро пересохшее, потомъ образовала на равнинѣ множество лагунъ. Въ этомъ то высохшемъ руслѣ, которое образовало малевкій оврагъ, глубиною около четырехъ футовъ и шириною около двадцати, засѣли новые помощники команча.

И изъ этого мѣста, находившагося на расстояніи полувыстрѣла отъ густой ограды, за которой засѣлъ невидимый непріятель, такіе ловкіе стрѣлки, какъ канадецъ, испанецъ и Уильсонъ, могли ему причинить много вреда.

— Энцина, — сказалъ канадецъ, — если ты спустишь свою собаку, она намъ можетъ оказать большую услугу, она поможетъ спасти жизнь христіанина.

— Бѣдный Озо для меня очень дорогъ, — отвѣчалъ Энцина, — и пустить его въ эту чащу значить подвергать его опасности оставить тамъ свою кожу; но во всякомъ случаѣ колебаться нечего; этимъ, быть можетъ, мы спасемъ жизнь христіанина, какъ ты сказалъ.

Произнеся эти слова, охотникъ бизоновъ отвязалъ веревку, на которой за ошейникъ былъ привязанъ Озо.

— Пиль, Озо, пиль, молодецъ! — продолжалъ Энцина, давъ снова понюхать собаку шляпу Фабіана.

Сильный догъ, казалось, и на этотъ разъ понялъ волю своего господина, который болѣе рассчитывалъ на его инстинктъ, чѣмъ на его храбрость, и вмѣсто того, чтобы броситься съ лаемъ, онъ тихо поползъ черезъ кустарникъ.

— Мы пойдемъ за нимъ, Цене! — вскричалъ канадецъ. Испанецъ не заставилъ себѣ повторить и оба охотника пошли съ осторожностію по слѣдамъ собаки.

Но Озо, казалось, скоро почувствовалъ, что ошибся. Онъ напрасно искалъ испареній въ густой травѣ и оба охотника увидѣли издали, что онъ описалъ кругъ и вышелъ изъ чащи.

— Надѣешься-ли ты, что онъ понялъ, чего отъ него ожидаютъ? — спросилъ канадецъ тихо у Пепе.

— Безъ сомнѣнія. Это значитъ, что Фабианъ не съ этой стороны вошелъ въ лѣсъ съ индѣйцами, и очень понятно, что догъ стремится вернуться къ началу слѣда, по которому онъ шелъ.

Нанавъ опять на настоящей слѣдъ, догъ бросился съ лаемъ по теченію рѣки, то есть параллельно цѣпи горъ, которыя окаймляли долину и густому лѣсу, гдѣ скрылись индѣйцы, и который оставался по правую руку охотниковъ. Послѣ длинныхъ обходовъ, чтобы избѣжать огня непріятелей, охотники потеряли изъ виду собаку Энцины. Въ этой части лѣса, деревья были менѣе густы.

Безпокоясь объ отсутствіи собаки, Энцина сталъ свистать, но собака не отвѣчала на зовъ хозяина. Вдругъ послышался ея лай. Этотъ лай скорѣе, казалось, возвѣщалъ радость, чѣмъ опасность, и всѣ три охотника, повинаясь призыву Озо, бросились черезъ густой кустарникъ, который закрывалъ отъ ихъ глазъ нижнія сучья лѣса, куда скрылись апахи.

Скоро они напали на маленькую тропинку, на которой вся трава, казалось, только что была вытоптана, такъ что сломанные стебельки еще не успѣли завянуть и слѣды конскихъ копытъ были также замѣтны, какъ на песчаной дорогѣ.

Въ концѣ этой узкой и извилистой тропинки продолжалъ слышаться лай Озо. Потомъ трава становилась рѣже, а почва тверже, и наконецъ всѣ три охотника вдругъ остановились по голосу Боа-Розе.

— Стойте здѣсь, — пропзнесъ канадецъ. — Безполезно служить всѣмъ вмѣстѣ цѣлью для скрытыхъ тамъ карабиновъ. А! Пепе мы не обманулись; собака открыла слѣдъ.

Между тѣмъ какъ Энцина ласкалъ Озо, вернувшагося къ нему, и привязывалъ къ ошейнику веревку, Пепе, не обращая вниманія на совѣтъ канадца, побѣжалъ къ нему.

Последняя трава на тропинкѣ рѣдѣла и наконецъ совсѣмъ исчезла на каменистой почвѣ и на разстояніи двадцати-пяти шаговъ отъ опушки начинался лѣсъ. Но съ этой стороны взорамъ ихъ представилась непроходимая стѣна переплетенныхъ лианъ, опрокинутыхъ пней, и упавшихъ вѣтвей; почва, первоначально прорытая водой, оставляла между деревьями проходъ около четырехъ футовъ ширины. Съ каждой

сторонъ этого оврага поднималась стѣна, промежутокъ которой былъ наполненъ пнями деревьевъ и сучьями, только что срубанными.

— По этой дорогѣ пробрались негодня верхомъ,—произнесъ Пепе.

— Не будемъ-же здѣсь терять напрасно времени. Когда ты уже здѣсь, Пепе, то попоземъ оба, каждый по одной сторонѣ и рассмотримъ, что дѣлаетъ непріятель, гдѣ Фабіанъ, и съ какого мѣста нужно начать нападеніе. Энцина, старайся, чтобъ твоя собака не ворчала, ея голосъ можетъ навлечь намъ много непріятностей. Лучше сбѣгай, предупреди дона-Августина и Жгучаго-Луча, что мы нашли путь къ непріятелю, потомъ накройте ихъ смѣле и не давайте пощады, а между-тѣмъ мы съ Пепе, подробнѣе разузнаемъ этотъ путь.

Энцина былъ доволенъ порученіемъ и поспѣшилъ выполнять его.

На право и на лѣво, въ двадцати шагахъ отъ прорытой дороги, по обѣимъ ея сторонамъ шелъ густой лѣсъ и оба охотника, не колеблясь, отправились въ глубь, каждый съ своей стороны.

Впрочемъ мало-по-малу лѣсъ рѣдѣлъ и можно было различить не только формы людей и лошадей, но даже окинуть взглядомъ все пространство, окруженное этимъ густымъ поясомъ деревьевъ.

Прудъ Бобровъ занималъ одну изъ оконечностей этой широкой прогалины, гдѣ лошади и люди спокойно расположились. На берегу пруда возвышалось около пятнадцати хижинъ овальной формы.

Большая часть этихъ бобровыхъ хижинъ, которыя заняли теперь индѣйцы, плавали почти въ водѣ; но двѣ или три были довольно отдалены отъ берега и индѣйцы воспользовались ими для укрѣпленія, наполнивъ пространство между хижинами сѣдами, одѣлами и плащами: и на этомъ пространствѣ, между прудомъ и укрѣпленіемъ, находились главныя силы ихъ, между-тѣмъ какъ другіе ходили взадъ и впередъ и укрѣпляли самыя слабыя мѣста этого зеленого и непроницаемаго барьера, который окружалъ поляну.

Но ни Фабіанъ, котораго искали его глаза, часто туманившіеся ужаснымъ предчувствіемъ за свое дитя; ни Смѣшаная-Кровь, ни Красная-Рука наконецъ ни дочь гаціэндера, ни Черная-Птица не были видимы канадцу.

Онъ уже полагалъ, что предметы его заботъ и попеченій равно и ненависти находились между прудомъ и бобровыми хижинами, двери которыхъ были обращены къ водѣ.

Пепе съ своей стороны видѣлъ также не болѣе чѣмъ Боа-Розе, и

оба охотника должны были подавить въ себѣ желаніе выстрѣлить безъ всякой пользы въ ненавистныхъ непріятелей, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ.

Боа-Розе съ тоскою прислушивался къ малѣйшему шуму, который долеталъ до него. Онъ все надѣялся услышать голосъ Фабіана или дочери гаціэндеро и съ трепетомъ считалъ минуты, протекшія со времени удаленія Энцины за помощьюъ.

Вдругъ съ той стороны плотины бобровъ, которая была занята юнымъ команчскимъ вождемъ, раздался залпъ, сопровождаемый страшнымъ воемъ, потомъ еще полдюжины выстрѣловъ потрясли воздухъ. Сильное движеніе разлилось по полямъ около пруда и черезъ нѣскольکو минутъ канадецъ увидѣлъ зрѣлище, отъ котораго кровь застыла въ его жилахъ.

V.

ЖГУЧІЙ-ЛУЧЪ.

Чтобы объяснить сцену, которая въ настоящую минуту происходила и которую Боа-Розе изъ своей засады могъ видѣть только частью, необходимо намъ перенестись на минуту въ средину укрѣпленія индѣйцевъ.

Нужна была вся ненависть, которую питалъ Черная - Птица къ Жгучему-Лучу, чтобы заставить его, не смотря на рану, пренебречь усталостью долгаго трехдневнаго пути и битвы, въ которыхъ онъ потерялъ большую часть своего отряда. Хотя мало довѣряя словамъ Метиса, но отчасти изъ желанія мести, отчасти по любви къ грабежу и по вліянію, какое дерзкій бандитъ имѣлъ надъ индѣйскими племенами, начальникъ апаховъ уступилъ его убѣжденіямъ.

Внезапное нападеніе, которое застало въ располхъ апаховъ, въ ту самую минуту, когда они думали, что имъ останется только протянуть руку, чтобы захватить богатую добычу, когда Черная-Птица надѣялся поймать своего соперника въ любви, если не безоружнаго, то по крайней-мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда выгоды будутъ на его сторонѣ, превратило ихъ безумную увѣренность въ страшный ужасъ. Вождь, ослабленный страданіемъ и усталостью, воины, впавшіе въ уныніе въ слѣдствіе безпрестанныхъ пораженій и только-что немножко ободренные, думали, что имѣютъ теперь дѣло съ непріателемъ, несравнени

превосходящимъ ихъ въ числѣ и всѣ, исключая Метиса, предались паническому страху, послѣдствія котораго мы видѣли.

Между тѣмъ Метисъ, объясняя индѣйцамъ настоящія силы бѣлыхъ, возвратилъ нѣсколько довѣренности въ сердца воиновъ и предводителя. Тѣмъ не менѣ глухая злоба, слѣдствіе разочарованія, грызла сердце Черной-Птицы, и Смѣшаная-Кровь, слишкомъ пронизательный, чтобы не угадать этого, рѣшился снова подняться во мнѣніи апаховъ, посредствомъ одного изъ тѣхъ плановъ, которые ему были такъ знакомы, и гдѣ коварство и мужество играли одинакую роль.

Прорытая дорога, по которой индѣйцы прошли черезъ лѣсъ до боброваго пруда, давала имъ также возможность легко отступить посреди разсыпаннаго непріятели. Пока Смѣшаная-Кровь станетъ занимать тѣхъ, которые будутъ поближе, переговорами о мирѣ, индѣйцы сядутъ на коней и внезапно нападутъ на различные отряды, разсыпанные по равнинѣ и непременно легко одержать верхъ.

Таковъ былъ планъ, который предпринялъ Метисъ, пока Боа-Розе и Пене позли съ осторожностью къ укрѣпленію индѣйцевъ, или лучше сказать, это была одна только часть плана, потому что онъ его предложилъ собственно въ видахъ своей пользы. Красная-Рука долженъ былъ ему помогать, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи.

Теперь прервемъ рассказъ, чтобы замѣнить его дѣйствіемъ.

Около сорока лошадей, однѣ разсѣдланныя, другія въ полной сбруѣ, были привязаны къ деревьямъ близъ пруда. Въ бобровой хижинѣ, которая стояла противъ плотины, занятой Жгучимъ-Лучемъ, находилась донья Розарита еще блѣднѣе, еще разстроенинѣе чѣмъ Фабианъ, который зналъ по-крайней-мѣрѣ, что его страданія кончатся смертью. При входѣ въ эту хижину сидѣлъ на стражѣ старый ренегатъ, по-ложка карабинъ свой на колѣни.

Въ другой хижинѣ, самой отдаленной отъ той, гдѣ была Розарита, находился Фабианъ. Онъ не могъ отдать себѣ отчета, былъ-ли это онъ, или дѣйствительно онъ слышалъ голосъ, звукъ котораго онъ узналъ-бы между тысячью; будучи снова связанъ и въ совершенной неподвижности, онъ говорилъ послѣднее прости самымъ дорогимъ воспоминаніямъ своей краткой жизни.

Два индѣйца сторожили его, съ приказаніемъ заколоть, если предполагаемая вылазка не будетъ имѣть того успѣха, какого предводитель апаховъ ожидалъ. Въ случаѣ, если побѣда будетъ на его сторонѣ,

Черная-Птица хотѣлъ вполне насладиться удовольствіемъ жестокаго мщенія. Слѣдовательно свирѣпости своего врага, а не милосердію — Фабианъ былъ обязанъ продолженіемъ послѣднихъ и ужасныхъ минутъ своей жизни.

Наконецъ въ своемъ взаимномъ положеніи ни Фабианъ, ни Розарита не могли подозрѣвать, что они находятся такъ близко другъ отъ друга, тѣмъ менѣ замѣтить другъ друга. Такой видъ представляли поля и берега Боброваго пруда, когда Смѣшанная-Кровь приблизился къ хижины, у дверей которой сидѣлъ его отецъ. Между ними завязался короткій, живой разговоръ по-англійски. Послѣ этого Красная-Рука всталъ, произнесъ страшную угрозу, смыслъ которой не трудно было угадать, Розарита вполне поняла всю силу ея и затрепетавъ сдѣлалась еще блѣднѣе, еще неподвижнѣе чѣмъ когда-нибудь. Старый ренегатъ послѣдовалъ за Метисомъ.

Оба они подошли къ самому концу, ближе къ Жгучему-Лучу чѣмъ къ Боа-Розе, и проложили себѣ путь черезъ деревья; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оба бандита остановились, будучи невидимы въ одно и то же время и для своихъ и для непріятелей, и изъ-за деревьевъ раздался голосъ Смѣшанной-Крови:

— Пусть будутъ отверзеты уши храбраго воина, котораго апахи зовутъ Мрачное-Облако, а команчи называютъ Жгучій-Лучъ! — кричалъ Метисъ.

— Жгучій-Лучъ никогда не зналъ Мрачнаго Облака, — отвѣчалъ юный воинъ; — чего отъ него хотятъ и кто его зоветъ?

Смѣшанная-Кровь произнесъ эти слова на языкѣ апаховъ такъ чисто, что Жгучій-Лучъ думалъ слышать одного изъ своихъ соотечественниковъ, объ которыхъ даже самое воспоминаніе онъ старался отогнать.

— Это я, Смѣшанная-Кровь, — произнесъ Метисъ, — который желаетъ пожать руку друга.

— Если это все, чего желаетъ Эль-Местицо, то пусть онъ замолчитъ; его голосъ для меня противенъ, какъ свистъ гремучей змѣи! — отвѣчалъ Жгучій-Лучъ.

— Нѣтъ это не все: Эль-Местицо держитъ въ своей власти сына Орза и Бѣлую Голубицу Озера и онъ предлагаетъ возвратитъ ихъ.

Немногого недоставало, чтобы въ порывѣ радости, которая вдругъ наполнила сердце юнаго команча, не вырвался изъ груди его крикъ

торжества, не смотря на всю его власть, съ какою онъ умѣлъ владѣть своими бѣшенными страстями. Однако онъ могъ удержаться и скрыть все участіе, какое принималъ въ Цвѣтокъ-Озера, чтобы сдѣлать бродягу менѣе требовательнымъ въ своихъ условіяхъ.

Только чрезъ нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ онъ старался утишить бѣшеніе своего сердца, онъ могъ хладнокровно отвѣчать.

— На какихъ условіяхъ Смѣшаная-Кровь возвратитъ сына Орла и Цвѣтокъ-Озера ?

— Онъ ихъ скажетъ, когда рука его пожметъ въ знакъ дружбы руку Орла Снѣжныхъ Горъ и руку Жгучаго-Луча.

— Орла здѣсь нѣтъ, а Жгучій-Лучъ никогда не пожметъ руки у Эль-Местицы, развѣ только для того, чтобы ее раздавить.

— Хорошо ! — отвѣчалъ Метисъ.

Команчъ не могъ видѣть его взоровъ, исполненныхъ ненависти и бѣшенства.

— Развѣ нѣтъ здѣсь другаго какого-нибудь предводителя за плотной бобровъ ?

— Съ вашего позволенія, команчъ, я принимаю на себя переговоры, — вскричалъ Педро-Діазъ.

— Э ! Смѣшаная-Кровь, здѣсь есть предводитель мексиканскихъ золотискателей, который стоитъ всякаго другаго, если судить по его нѣкоторымъ подвигамъ, которыхъ никто не отвергнетъ и по пролитой имъ индѣйской крови.

— Мы будемъ совѣщаться вмѣстѣ, — произнесъ Метисъ. — Могу-ли я, повѣривъ его слову, идти одинъ безъ оружія, въ сопровожденіи одного только вооруженнаго товарища ? Вы то-же самое сдѣлаете съ своей стороны.

— Да, да, — отвѣчалъ благородный искатель приключеній, — ручаюсь въ этомъ моею честью, я самъ первый покажу вамъ примѣръ. Метисъ обернулся къ своему отцу и оба обмѣялись отвратительной и свирѣпой улыбкой.

— Вниманіе ! — сказалъ ему Метисъ.

— Братъ дурно дѣлаетъ, — произнесъ команчъ ; — ядовитая змѣя тѣмъ не менѣе опасна, хотя она и поетъ иногда жаворонкомъ. Подождите, по-крайней-мѣрѣ, пусть онъ прежде покажется.

— Уильсонъ !

— Сэръ ?

— Ты стрѣляешь какъ Вильгельмъ Телль, — произнесъ сэръ Фредерикъ. — Мнѣ будетъ пріятно видѣть, если ты будешь провожать этого храбраго молодца, чтобы въ случаѣ надобности его защитить.

— Охотно, — отвѣчалъ американецъ.

Въ это самое время послышался трескъ въ кустарникѣ. И оба пирата показались на прогалинѣ лѣса. Діазъ и американецъ тоже вышли и стали на плотину.

Четыре парламентаря съ минутой молча смотрѣли другъ на друга. Можно сказать, что Діазъ въ первый разъ, хотя онъ и встрѣтилъ ихъ ночью около Золотой Долины, видѣлъ двухъ бандитовъ ; но если въ ихъ фізіономіяхъ и было что-то злобщее, онъ не обнаружилъ ничего. Что касается до Уильсона, видъ обоихъ бродягъ былъ ему уже знакомъ.

Смѣшанная-Кровь подвинулся на шесть шаговъ далѣе того мѣста, гдѣ было послѣднее дерево, Діазъ прошелъ почти двойное пространство. Американецъ остался на плотинѣ, опершись на свой карабинъ ; Красная-Рука также остался на опушкѣ густаго кустарника. Діазъ подошелъ твердымъ шагомъ и взялъ протянутую руку Метиса и почувствовалъ слишкомъ поздно, что онъ довѣрился коварному бродягѣ, пальцы котораго закрылись на его рукѣ какъ клещи волчьей западни.

— Пали ! — вскричалъ Метисъ громкимъ голосомъ, схватывая другую рукою за плечо Діаза.

Карабинъ Красной-Руки поднялся, выстрѣлъ раздался, пуля просвистала подъ ухомъ Метиса и поразила прямо въ грудь несчастнаго Діаза. Онъ бы упалъ, но сильныя руки Метиса его подержали.

И пиратъ, защищаясь тѣломъ Діаза какъ щитомъ, сталъ отступать, устремивъ глаза на карабинъ Уильсона, который напрасно выбиралъ мѣсто, чтобы его поразить.

Бандитъ касался уже опушки лѣса, когда Діазъ собралъ послѣднія своя силы, вынулъ ножъ и ударилъ Метиса въ плечо. Раненый пиратъ подпрыгнулъ и когда онъ почувствовалъ сзади себя листья деревьевъ, онъ бросилъ передъ собою искателя приключеній. Этотъ послѣдній ударъ окончилъ его жизнь.

— Вотъ трупъ вождя ! — вскричалъ Метисъ. Первое движеніе ужаса, причиненное этимъ подлымъ поступкомъ, не успѣло еще разсѣ-

яться, какъ два пирата были уже далеко, и голосъ Красной-Руки кричалъ :

— Кто осмѣлится придти вырвать изъ рукъ Эль-Местицо дочь бѣлыхъ и сына Орла ?

— Клянусь честью и генераломъ Джаксономъ, — а ! — вскричалъ Уильсонъ, бросаясь за бандитами.

Но юный команчъ съ быстротою молніи предупредилъ его и уже былъ въ лѣсу, между — тѣмъ какъ американецъ, сэръ Фредерикъ и девять команчей бросились за нимъ.

Смѣшанная-Кровь, который зналъ лучше ихъ всѣ извилины густой опушки лѣса, гораздо прежде ихъ достигъ поляны. Кровь струилась изъ его плеча, но благодаря своей необыкновенной силѣ, онъ не ослабѣлъ. Когда онъ снова возвратился на берега пруда, апахи, предупредомленные выстрѣломъ, бросились на лошадей, чтобы сдѣлать вылазку, о которой заранѣе было рѣшено. Это-то самое движеніе и представилось глазамъ Боа-Розе, когда другой эпизодъ, болѣе ужасный для него, заморозилъ кровь въ жилахъ лѣснаго скитальца, не видѣвшаго болѣе ничего передъ собою, кромѣ опасности, которая угрожала Фабиану.

Когда исполняя приказанія Смѣшаной Крови, Красная-Рука сѣдлалъ лошадь для безчувственной Розариты, на которой онъ долженъ былъ ее увезти во время вылазки, Метисъ подошелъ къ Черной-Птицѣ, лежавшему позади укрѣпленія, по невозможности принять участія въ предстоящей битвѣ. Онъ указалъ вождю индѣйскому на свое окровавленное плечо.

— Теперь сынъ Орла долженъ умереть, — произнесъ онъ отрывисто, — Черная-Птица не долженъ болѣе отлагать своего мщенія, иначе онъ его лишится ; моя кровь требуетъ крови врага, Смѣшанная-Кровь не можетъ отвѣчать за побѣду.

— Черная-Птица сначала возметъ волосы бѣлаго, — отвѣчалъ апахъ, сомнѣваясь также въ побѣдѣ. — Мои войны потомъ его dokonчатъ.

— Хорошо сказано.

Два индѣйца слышали этотъ краткій разговоръ, и не ожидая приказаній, которыя они предугадывали, какъ два дикіе звѣря бросились къ хижинѣ, гдѣ лежалъ Фабианъ. Одной минуты имъ достаточно было, чтобы дотащить за ноги несчастнаго юноши до подошвы укрѣпленія.

Тогда Боа-Розе, члены котораго дрожали, увидѣвъ Черную-Птицу, приближающагося къ Фабіану. Два раза канадецъ прицѣливался въ индѣйца; но оба раза густое облако покрывало его глаза, и карабинъ дрожалъ въ его рукѣ подобно длинному стебельку, колеблемому вѣтромъ на степяхъ.

Черная-Птица медленно нагнулся; ножъ въ его лѣвой рукѣ сверкалъ надъ головою Фабіана. Тогда въ эту торжественную минуту, рука Боа-Розе перестала дрожать: вдругъ внезапный выстрѣлъ заставилъ его вздрогнуть. Черная-Птица тяжело грянулся съ раздробленнымъ черепомъ на Фабіана и покрылъ его своимъ тѣломъ. Въ это самое время раздался голосъ:

— Вотъ тебѣ мое послѣднее слово, краснокожій!

Это былъ голосъ Пепе.

Второй выстрѣлъ повергъ на землю еще одного индѣйца. На этотъ разъ тремѣлъ карабинъ Боа-Розе.

Въ одно мгновеніе, подобно потоку, который стремительно бѣжитъ въ дождливое время въ русло, пересохшее въ предшествовавшую погоду, апахи бросились на лошадяхъ къ выходу изъ ущелья. Поляна и берега боброваго пруда были почти пусты, когда Пепе и Боа-Розе устремились съ карабиномъ въ рукахъ, съ тоскою въ сердцахъ, не вида, что съ противоположной стороны Красная-Рука, неся безчувственную Розариту, въ сопровожденіи Смѣшаной-Крови выбѣжалъ и скрылся въ чащѣ лѣса.

Но оба охотника видѣли только одного Фабіана. Броситься къ нему, разрѣзать трепещущей рукой его узы, было для нихъ дѣломъ одной минуты; потомъ безъ словъ, съ душою, подавленною радостью, такъ сказать громовою, бѣдный канадецъ сжималъ и молча ласкалъ юнаго львенка, наконецъ возвращеннаго старому льву пустыни.

Опершись на карабинъ, испанскій охотникъ созерцалъ эту счастливую группу, не смѣя произнести слова изъ боязни, чтобы слезы не слышались въ его голосъ, не имѣя возможности удержать уже тѣхъ, которыя текли по его загорѣлымъ щекамъ.

Между-тѣмъ съ обѣихъ сторонъ поляны, съ той, куда скрылись два пирата и на противоположной, куда устремились индѣйцы, послышалось страшное смятеніе и скоро подобно потоку, съ которымъ мы только что сравнили индѣйскую кавалерію, текущему назадъ, если онъ

встрѣчаетъ непреодолимую плотину, оврагъ выбросилъ снова на поляну толпу дикарей.

Энцина исполнилъ данное ему порученіе и двадцать вакеросовъ дона Августина, подъ предводительствомъ самого гаціэндера, встрѣтили апаховъ въ прорытой дорогѣ и отбросили ихъ въ безпорядкѣ назадъ въ оставленное ими укрѣпленіе.

Но и эта опасность, какъ велика она ни была, могла только на минуту поколебать мужество этихъ трехъ товарищей по оружію. Канадецъ нашелъ свое дѣтище, это было главное, и схвативъ Фабіана на руки, онъ устремился за укрѣпленіе, Пепе бросился за нимъ; очутившись здѣсь, оба охотника быстро зарядили снова свои ружья, и рѣшились умереть на этотъ разъ по-крайней-мѣрѣ въ троемъ. Они ждали нападенія непріятеля.

Впрочемъ, дѣло скоро приняло другой оборотъ. Вслѣдъ за отступающими индѣйцами раздалось нѣсколько выстрѣловъ и полдюжины всадниковъ свалились съ лошадей раненые или мертвые.

— Стѣлѣ, Пепе! — вскричалъ канадецъ, — наши бьютъ индѣйцевъ съ тылу, Фабіанъ, — продолжалъ онъ, — если ты еще можешь держаться на ногахъ, пополни и скройся за эти деревья! Мы покажемъ имъ дружбу!...

Толпа индѣйцевъ росла съ каждой минутой и рассыпалась на всемъ пространствѣ поляны. Вдругъ явились и пастухи, предводимые донъ Августиномъ. Одни были на лошадяхъ, большая часть пѣшкомъ. Гаціэндера былъ впереди всѣхъ.

— Стрѣлай! Боа-Розе, стрѣлай и кричи по военному, — говорилъ неутомимый испанецъ, обращаясь къ своему товарищу.

Колоссальный льсной скиталецъ, поражая непріятелей, казалось, очертилъ непроходимый желѣзный кругъ около Фабіана. Канадецъ старался очистить себѣ дорогу къ донъ Августину, который, окруженный непріятелемъ, поражалъ на право и на лѣво длинной своей шпагой и наковецъ продолжилъ себѣ кровавый путь до гаціэндера. Вдругъ ужасный крикъ знакомаго голоса раздался позади его.

Это былъ Жгучій-Лучъ, который, безоружный, истекая кровью, но держа въ рукахъ безчувственную Розариту, бросился къ донъ-Августину по дорогѣ, проложенной топоромъ канадца. Юный воинъ успѣлъ только бросить съ крикомъ торжества дочь въ объятія отца, и упалъ безъ чувствъ.

Пока Боа-Розе нагибался, чтобы защитить того, кому онъ столько былъ обязанъ, гаціендеро, махая шпагою вокругъ своей дочери, которую онъ приподнял на сѣдло, прищипорилъ лошадь и исчезъ изъ пагубной поляны.

Грозный канадецъ стоялъ надъ тѣломъ Жгучаго-Луча, у котораго лилась кровь изъ широкой раны, и держалъ въ отдаленіи растерявшихся враговъ; онъ не замѣтилъ двухъ вновь пришедшихъ воиновъ, которые бросились со стороны пруда на поле битвы, усѣянное мертвыми.

Это былъ Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь, отброшенные назадъ въ своемъ бѣгствѣ Уильсономъ, Гайферосомъ, сэръ-Фредерикомъ и команчами. Оба пирата, ранены, должны были вернуться по той-же самой дорогѣ и очутились къ нѣскольکو бѣшеныхъ прыжковъ противъ канадца и испанца.

— Направо кругомъ, Боа-Розе! — кричалъ испанецъ.

Боа-Розе быстро повернулся и встрѣтился съ двумя смертельными врагами.

Между-тѣмъ поле битвы немного очистилось. Смерть Черной-Птицы, нападенія канадца, Фабіана и испанца, усилія пастуховъ успѣли распространить снова ужасъ между индѣйцами. Внезапное появленіе двухъ страшныхъ союзниковъ апаховъ, Красной-Руки и Метиса, было слишкомъ поздно.

Дикари уже спасались бѣгствомъ, покидая мертвыхъ, гаціендеро исчезъ съ своей драгоценной ношей и пастухи его бросились преслѣдовать бѣгущихъ. Двадцать-семь труповъ уже устлали землю, когда канадецъ и Пепе, въ третій разъ въ жизни встрѣтились съ двумя степными пиратами.

Еще упоенный жаромъ битвы, Боа-Розе съ поднятымъ топоромъ бросился на Метиса; Метисъ былъ моложе и сильнѣе и по праву принадлежалъ канадцу. Но хотя они были почти одинаково сильны, Смѣшанная-Кровь былъ проворнѣе. Онъ избѣжалъ удара и бросился на Боа-Розе, но при видѣ Уильсона, который заряжалъ свой карабинъ, онъ вдругъ перемѣнилъ планъ, и отскочилъ на дальній край поляны.

Здѣсь лежало изсохшее дерево, которыхъ было много на этой полянѣ, сухія вѣтви образовали густую стѣну и за это-то дерево скрылся Метисъ. Боа-Розе за группами сражающихся не могъ отрѣзать ему отступленія.

Пепе, строгій исполнитель своего слова, не колеблясь готовъ былъ опустить свой прикладъ на черепъ стараго ренегата; но Красная-Рука отразилъ топоромъ ударъ испанца и прикладъ разлетѣлся въ дребезги. Бандитъ съ минуту былъ въ нерѣшимости, броситься-ли ему на безоружнаго соперника, но встрѣтивъ Фабіана съ ножомъ въ рукѣ возлѣ испанца, онъ бросился бѣжать къ дереву, за которое спрятался Смѣшаная-Кровь.

Метисъ заряжалъ свой длинный карабинъ, не теряя изъ виду об-ихъ охотниковъ. Радость сверкала во взорахъ бандита, который чрезъ нѣсколько минутъ имѣлъ возможность выбирать жертву, какую хотѣлъ, но Пепе вдругъ замѣтилъ другое лежащее дерево; это дерево было лишено вовсе вѣтвей, какъ будто-бы топоръ приготовилъ его для какого-нибудь зданія, высокая густая трава поросла вокругъ его и человѣкъ легко могъ спрятаться позади его.

— Сюда, Боа-Розе живѣй, скорѣй! — кричалъ Пепе.

Канадецъ поспѣшилъ повиноваться голосу испанца; и въ то время, когда онъ помѣстился подлѣ него, Метисъ, скрываясь за своимъ деревомъ, выбиралъ глазами, кому первому послать пулю.

Фабіанъ бросился къ Уильсону за одну изъ бобровыхъ хижинъ и Метисъ не видѣлъ болѣе ни одного изъ враговъ своихъ, крови которыхъ онъ болѣе всего жаждалъ.

Тогда оба пирата, недоступные для пуль, открыли противъ пастуховъ, которые продолжали еще сражаться, убійственный огонь.

— Эти негодяи не должны ни уйдти отъ насъ ни оставаться тамъ, — произнесъ Пепе.

— Разумѣется нѣтъ, и еслибы мнѣ пришлось даже потерять жизнь, я заставлю расплатиться этихъ негодяевъ за тѣ мученія, которыя они заставили меня испытать.

Произнеся эти слова канадецъ въ двадцатый разъ опустил дуло своего ружья, бесполезное противъ непріятели, котораго пуля не могла достигнуть. Въ двадцатый разъ также съ безпокойствомъ онъ переносилъ свои взоры отъ дерева, за которымъ сидѣли бандиты въ ту сторону, гдѣ находился Фабіанъ. Хотя онъ былъ въ совершенной безопасности подлѣ Уильсона, но Боа-Розе не могъ быть спокоенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — прошепталъ льсной скиталецъ, — пока эти

два мерзавца будутъ живы, я не могу быть покоенъ: нужно покончить съ ними.

Два выстрѣла Красной-Руки и Метиса еще свалили двухъ пастуховъ.

— Кровь и смерть! нужно кончить, Пепе! — повторилъ канадецъ съ бѣшенствомъ во взорахъ. — Посмотри, вотъ самый простой способъ добраться до нихъ.

Произнеся эти слова, Боа-Розе оперся своими могучими руками въ дерево, за которымъ они лежали и цилиндрическая масса, сдвинутая съ своего мѣста, покатила по полянѣ.

— Ура! — вскричалъ Пепе въ восторгѣ. — Уильсонъ, сэръ Фредерикъ, Гайферосъ, если эти мерзавцы сбѣгутъ хоть одинъ шагъ, чтобы бѣжать, пока мы до нихъ доберемся, бейте ихъ безъ пощады!...

Испанецъ присоединилъ свои усилія къ усиліямъ канадца, и зрители могли присутствовать при одномъ изъ самыхъ странныхъ поединковъ.

Лежа на землѣ позади дерева, оба охотника толкали его передъ собой, потомъ остановясь за своимъ подвижнымъ щитомъ, наблюдали пройденное пространство и малѣйшія движенія своихъ враговъ.

— Красная-Рука, старый плутъ! — кричалъ Пепе, не будучи въ состояніи долге удерживать потока брани при видѣ своихъ ненавистныхъ враговъ, и ты, Смѣшанная-Кровь, насталъ день наказанія для васъ.

Это было зрѣлище, исполненное особеннаго ужаса. Два человѣка ползли по землѣ, катя передъ собою подвижную стѣну и останавливаясь, чтобы измѣрить, не открывая себя, пространство, отдѣлявшее ихъ отъ непріятеля.

— Смѣлый, — кричалъ Уильсонъ, ободряя нападающихъ, — вы почти касаетесь дерева, гдѣ скрываются эти молодцы. Если голова одного изъ нихъ покажется изъ-за дерева хоть на одну линію, я сбѣлю свое дѣло. Я бы желалъ быть на вашемъ мѣстѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ оба дерева были такъ близко другъ отъ друга, что оба пирата, съ страшными взорами, но неподвижно и молча, явственно слышали тяжелое дыханіе охотниковъ.

Смѣшанная-Кровь въ ярости заскрежеталъ зубами.

— Стрѣляй вверхъ, Красная-Рука, — произнесъ онъ.

И онъ показалъ глазами на возвышавшееся дерево, куда вѣзли два команча и откуда одинъ изъ нихъ готовился выстрѣлить въ разбойника.

— Э! могу-ли я? — вскричалъ старый ренегатъ съ безсильнымъ бѣшенствомъ. — А! куда насъ завела твоя ненасытная жадность!

Ружейный выстрѣлъ, внезапно раздавшійся съ дерева прервалъ стараго бродягу и оторванный пулею осколокъ дерева попалъ ему въ лобъ. Въ тоже самое время съ опасностью открытъ себя огню не-пріятеля, Метисъ оставилъ свою позицію, легъ на спину и выстрѣлитъ.

Даже въ этомъ неловкомъ положеніи полный успѣхъ увѣчалъ выстрѣлъ Метиса и одинъ изъ команчей полетѣлъ въ дерева съ раздробленной поясницей.

— Сюда! — съ живостью вскричалъ Красная-Рука; — развѣ ты не видишь, что дерево этихъ двухъ разбойниковъ касается нашего? Въ-самомъ-дѣлѣ живая стѣна, подвигаемая охотниками, готова была коснуться дерева, которое защищало пиратовъ. Наступила торжественная минута для зрителей, подобная той, когда два судна въ морѣ готовы столкнуться; разстояніе исчезло между деревьями и битва должна была рѣшиться рука объ руку холоднымъ оружіемъ и неминуемою смертью бойцовъ.

Метисъ не имѣлъ времени зарядить снова ружье, Пепе потерялъ свое, и съ этой стороны выгоды были равны, также какъ и между Боа-Розе и старымъ ренегатомъ, у которыхъ были ружья заряжены, курки взведены, и готовы къ выстрѣлу.

Въ страшномъ положеніи очутились канадецъ и старый ренегатъ. Тотъ изъ нихъ, кто поднялся-бы прежде, получалъ въ упоръ цѣлый зарядъ неприятельскаго карабина, тотъ изъ нихъ, кто хотѣлъ послѣ подняться, осужденъ былъ на вѣрную смерть.

Оба врага одинаково поняли, что имъ остается дѣлать. Едва только деревья столкнулись, они, пренебрегая карабинами, съ одинаковою быстротой вскочили на ноги, столкнулись, какъ два дуба.... и схватились.

Красная-Рука былъ раненъ, ослабленъ потерей крови, и его атлетическая сила должна была уступить силѣ льснаго скитальца. Глухой трескъ послышался между руками Боа-Розе, и ренегатъ упалъ съ раздробленнымъ хребтомъ.

Пепе иначе понялъ свое положеніе. Онъ далъ метису время прежде

подняться и едва его голова показалась изъ-за дерева, какъ онъ бросилъ со всѣхъ силъ топоръ въ голову метиса.

Пепе не далъ ему времени прийти въ себя отъ этого удара, который оглушилъ его и бросившись придавилъ его тѣло, потомъ почти въ ту же минуту онъ всталъ... метисъ былъ уже неподвиженъ.

Отецъ и сынъ лежали бездыханные другъ подлѣ друга.

— Вещь обѣщанная, вещь исполненная! — вскричалъ Пепе.

VI.

ПОСЛѢ ПОБѢДЫ.

Послѣ смерти Красной-Руки и Смѣшаной-Крови, когда крикъ торжества бѣлыхъ и команчей возвѣстилъ индѣйцамъ, которые еще сопротивлялись, что страшные союзники пали, это уже не было сраженіе, но кровавое и полное бѣгство.

Немного апаховъ увидѣли снова берега Рио-Жилы; но потеря слѣлыхъ была также значительна. Половина вакеросовъ донъ-Августина осталась на полѣ битвы, гдѣ изъ восьмидесяти сражавшихся, сорокъ человекъ пало, не считая тѣхъ труповъ, которые разсыпаны были по долинамъ или въ чащѣ лѣса.

Между убитыми находились два охотника за бизонами и шесть индѣйцевъ-команчей, изъ бывшихъ подлѣ предводительствомъ Жгучаго-Луча, который самъ былъ тяжело раненъ.

Боа-Розе и Пепе, опытные въ перевязкѣ всякихъ ранъ, оказали первую помощь юному воину.

Солнце пробѣжало уже двѣ четверти своего пути, когда шумъ битвы заступилъ, на полянѣ, глубокая тишина.

Мы отказываемся описывать счастье, которое испытывалъ канадецъ, видя возлѣ себя своего юнаго Фабиана, послѣ такого отчаянія и опасностей, и предоставляемъ читателю представить себѣ эту картину.

Молодой команчъ лежалъ на сброшенныхъ плащахъ около Бобрового пруда, и вокругъ него съ безпокойствомъ и въ молчаніи толпились Боа-Розе, Фабианъ, Пепе, Гайферось, Уильсонъ, сэръ Фредерикъ и три команча, оставшіеся въ живыхъ изъ десяти воиновъ, которыхъ Жгучій-Лучъ привелъ съ собою. Это его мужеству, присутствію духа отчасти обязанъ былъ лѣсной скиталецъ спасеніемъ

Фабіана; онъ одинъ цѣною своей крови спасъ дочь донъ-Августина, и онъ былъ виновникъ смерти обоихъ пиратовъ, помѣшавъ имъ спастись бѣгствомъ.

Жгучій-Лучъ, на своемъ ложѣ, съ лицомъ и тѣломъ омытымъ кандаемъ и освобожденнымъ отъ странныхъ и отвратительныхъ своихъ украшеній, былъ мужественъ и прекрасенъ, какъ индѣйскій Бахусъ. Грустно было видѣть юнаго раненнаго воина, окруженнаго посреди молчаливой поляны людьми, столь энергически во время битвы и печальными послѣ побѣды.

Взоры канадца, полные участія, переносились отъ Фабіана на команча; и онъ объяснилъ своему усыновленному питомцу, все, что сдѣлалъ этотъ воинъ, почти умирающій на ихъ глазахъ.

Фабіанъ не имѣлъ надобности знать всѣ эти подробности, чтобы питать къ Жгучему-Лучу безконечную благодарность. Онъ видѣлъ, когда тотъ отдавалъ безчувственную Розариту ея отцу, и этого для него довольно было, чтобы почувствовать самую живую привязанность къ молодому команчу.

— Ему не хуже, и это хорошій знакъ, — произнесъ Пене, когда канадецъ окончилъ краткій разсказъ всѣхъ событій, предшествовавшихъ битвѣ у Красной-Вилы, — если какая-нибудь жизненная часть не тронута, и если Гайферосъ можетъ отыскать нѣсколько стебельковъ индѣйской травы, которая его самого такъ скоро вылечила. Черезъ три дня мы можемъ его перенести въ деревню.

— Я сейчасъ-же начну искать ее, — отвѣчалъ, вставая, гамбузино, — намъ еще остается два часа дня.

Но между тѣмъ тайная грусть, казалось, волновала Фабіана, за малѣйшими движеніями котораго канадецъ наблюдалъ съ самою нѣжною заботливостью и причина этой грусти не могла укрыться отъ пронзительнаго и ревниваго взора канадца.

Фабіанъ тихонько поднялся съ своего мѣста и удалился отъ друзей своихъ, бросивъ взглядъ на команча, своего тайнаго соперника и направился къ бобровымъ хижинамъ.

Фабіанъ искалъ слѣдовъ той, съ которой онъ раздѣлялъ временной плѣнъ.

Но при входѣ въ хижину, въ которой находилась дочь донъ-Августина, онъ только увидѣлъ слѣды однихъ ея похитителей....

Только въ своемъ воображеніи Фабіанъ могъ, за недостаткомъ при-

знаковъ, возсоздать явленіе доньи Розариты, развѣвующеся платье которой онъ видѣлъ съ минуту и которая исчезла потомъ, какъ сладкое сновидѣніе....

Фабіанъ, поникнувъ головою, былъ такъ поглощенъ созерцаемъ мѣста, которое пробуждало въ немъ столько сладкихъ воспоминаній, что не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нему канадецъ.

— И ты ищешь индѣйской травы? — произнесъ надъ ухомъ Фабіана голосъ, который заставилъ его вздрогнуть, напомнивъ ему дѣйствительность.

Онъ быстро обернулся и увидѣлъ подлѣ себя лѣснаго скитальца.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ юноша, краснѣя, — я искалъ воспоминаній, а, быть можетъ, лучше было бы, еслибъ я искалъ забвенія.

— Прежде я тоже такъ думалъ, Фабіанъ, когда на морѣ или въ лѣсу я вспоминалъ ребенка, котораго лишился; но воспоминаніе невольно приходило и я не могъ забыть, и Богъ меня наградилъ за мое постоянство....

— Еще свѣтло, — произнесъ Боа-Розе послѣ короткаго молчанія, — хочешь мы отправимся вмѣстѣ къ Озеру Бизоновъ? Быть можетъ тамъ.... мы найдемъ....

Лѣсной скиталецъ еще не кончилъ; на этотъ разъ Фабіанъ понялъ, и не замѣтилъ облака грусти, которымъ вдругъ подернулись глаза его отца:

— Идемъ! — вскричалъ онъ съ живостью.

И молодой человекъ, горя отъ нетерпѣнія и старикъ, съ подавленнымъ вздохомъ отправились въ путь.

Солнце уже скрывалось за горы, верхи которыхъ золотились роскошнымъ пурпуромъ, когда два путешественника выходили на равнину.

Продолжая хранить молчаніе, они прошли уже бродъ Красной-Рѣки и вступили на тропинку, проложенную въ травѣ, которая вела къ Бизоньему Озеру. Это была та самая тропинка, по которой вѣхала Розарита, думая о Фабіанѣ и повѣряя утреннему вѣтерку дорогія, тайныя мечты своего сердца.

Пожаръ, зажженный на правомъ берегу рѣки, гдѣ находились теперь Фабіанъ и Боа-Розе, погасъ, но тучи чернаго дыма еще налетали иногда на нашихъ двухъ путешественниковъ.

— Пойдемъ поскорѣй, Фабіанъ, — произнесъ Боа-Розе, — этотъ

дымъ слишкомъ мнѣ напоминаетъ ту страшную тоску, которую я испыталъ, думая, что пожаръ равнины, быть можетъ, захватилъ и тебя.

Фабіанъ ускорилъ походку и чрезъ нѣсколько минутъ быстрой ходьбы въ рошѣ, лай Озо указалъ путешественникамъ путь къ берегамъ озера.

— Ты слышишь, Фабіанъ? — вскричалъ Боа-Розе, — это голосъ твоего избавителя; безъ этого благороднаго животнаго мы бы пришли къ тебѣ, быть можетъ, слишкомъ поздно; онъ открылъ намъ путь въ самую поляну. Встрѣча этого вѣрнаго друга служить добрымъ знакомъ.

— Кто идетъ? — послышался суровый голосъ Эпцины.

— Другъ, — отвѣчалъ Боа-Розе.

Чрезъ нѣсколько минутъ оба путешественника были на берегу пруда.

Кромѣ Эпцины, еще одного охотника, оставшагося въ живыхъ и собаки на полянѣ, болѣе никого не было. Голубая палатка Розариты и ставки ея отца и Трагадура не красовались болѣе на берегу, хозяева, всѣ слуги, какъ только могли, скорѣй покинули столь пагубныя для нихъ мѣста.

Самый барьеръ былъ открытъ и дикія лошади снова выпущены были на свободу.

Фабіанъ съ замирающимъ сердцемъ долженъ былъ облокотиться на дерево, чтобы устоять на ногахъ и Боа-Розе въ первый разъ въ жизни старался избѣжать его взгляда.

Мы не будемъ заглядывать въ глубину сердца льснаго скитальца. Быть можетъ мы найдемъ тамъ тайную радость, за которую онъ долженъ себя былъ упрекнуть, если-бы ее почувствовалъ.

Дружескій пріемъ охотника бизоновъ далъ время Фабіану снова овладѣть собой, хотя блѣдность не исчезла съ его лица.

Боа-Розе рѣшился вмѣсто его разспросить охотника о внезапномъ отъѣздѣ гаціэндеро и его свиты, хотя причину не трудно было угадать.

— Когда я съ двумя или тремя вакеросами по неотступной просьбѣ дона Августина, проводили его сюда съ дочерью, онъ едва далъ ей время нѣсколько оправиться. Сосѣдство индѣйцевъ внушало ему такой ужасъ, что боясь за дочь новыхъ опасностей, онъ самъ осѣдлалъ

лошадь для нее, посадил ее и въ сопровожденіи Трагадура, который, я думаю, дрожалъ болѣе за самого себя, и трехъ слугъ, донъ Августинъ поскакалъ по дорогѣ въ президу. Они должны быть теперь близко и внѣ всякой опасности. Тамъ онъ подождетъ ваверосовъ, которые останутся въ живыхъ послѣ битвы. Они также, бѣдняки какъ и я, потеряли половину товарищей, — прибавилъ грустно Эпцина, — и унесли своихъ раненыхъ.

— Увы! этотъ день былъ ужасенъ, и воспоминаніе сохранится о немъ, — произнесъ канадецъ; — впрочемъ, мнѣ кажется, донъ Августинъ не долженъ былъ бы такъ торопиться покидать поле битвы, на которомъ, по правдѣ сказать, храбрецы умирали собственно за него и его дочь.

— Ей Богу! сеньоръ Боа-Розе, вы тоже самое говорите, что и прекрасная молодая дѣвушка, у которой, кажется, не менѣе смелости, чѣмъ красоты, это много значить. Но отецъ ее не послушалъ.

— Такъ это она противъ воли, такъ быстро покинула Озеро Бизоновъ?

— Да, она утверждала, что нельзя такъ оставлять вѣрныхъ служителей, которые, быть можетъ, будутъ нуждаться въ ихъ помощи послѣ битвы.

— Но между этими людьми, которые такъ смѣло подвергали себя опасности за нее, я не говорю о служителяхъ, нѣтъ, но о тѣхъ, чья помощь была болѣе бескорыстна, донья Розарита не назвала... никого? — прибавилъ канадецъ.

— О! нѣтъ! — отвѣчалъ Эпцина, — она говорила вообще.

Фабіанъ слушалъ этотъ разговоръ съ глухимъ гнѣвомъ челоуѣка, который не умѣетъ еще угадать мысль женщины подъ покровомъ скромности, которая заставляетъ ее скрывать свое чувство. Онъ не зналъ, что Розарита, если бы она знала, что онъ былъ въ числѣ сражающихся, если бы она призывала помощь отца для каждаго изъ нихъ поодиночкѣ, одинъ, котораго бы она не назвала, былъ бы навѣрно тотъ, кого она предпочитала всѣмъ. Бѣдный Фабіанъ любилъ со всемъ бѣшенствомъ страсти, со всею неопытностью юнаго команча, своего дикаго соперника.

— Потомъ, — продолжалъ Эпцина, — когда я увидѣлъ, что покинули Бизонье Озеро, я открылъ барьеръ лошадямъ, которыхъ мы захватили, и въ ту самую минуту, когда вы пришли, я хотѣлъ идти

къ Бобровому Пруду узнать о здоровьи благороднаго команча, котораго я полюбилъ, какъ сына.

— Если хочешь, вернемся къ нему всё вмѣстѣ, — произнесъ Боа-Розе.

Энцина принялъ предложеніе канадца, и они готовы были пуститься въ путь, вдругъ лай Озо возвѣстилъ чье-то прибытіе.

— Кто идетъ?—вскричалъ Энцина, взводя курокъ ружья.

— Я, сеньоръ Энцина,—отвѣчалъ показавшійся всадникъ, покрытый плащомъ изъ буйволовоы кожи, по индѣйскому обычаю, раскрашеннымъ черной и красной краской.

— А! это ты, храбрець,—произнесъ охотникъ, разсмѣявшись на всадника, который былъ никто другой, какъ новичекъ, любитель разсказовъ Энцины,—откуда Богъ тебя несетъ въ такомъ нарядѣ?

— Эхъ, сеньоръ Энцина, я возвращаюсь изъ глубины равнины, гдѣ я славно поохотился за индѣйцами, увѣряю тебя.

— И такъ ты завоевалъ себѣ этотъ плащъ?

— Да,—гордо отвѣчалъ новичекъ,—теперь я самъ буду въ состояніи разсказывать славныя исторіи о кровопролитной битвѣ и о Красной Вилѣ. А! да гдѣ же всѣ другіе?

— Живые теперь на дорогѣ въ президу, гдѣ донъ Августинъ и тебя ожидаетъ.

— Хорошо! я вду.

— Какъ! ты не боишься встрѣтиться съ индѣйцами?

— Я? полно пожалуйста! я самъ ихъ ищу.

И, сказавъ это, молодой пастухъ, простившись съ друзьями, поспускалъ черезъ лѣсъ съ увѣренностью стараго ветерана степей, гордась своими воинственными походами. Во все продолженіе пути отъ Озера Бизоновъ къ Бобровому Пруду, Фабіанъ не принималъ никакого участія въ разговорѣ охотниковъ. Мрачное отчаніе заступило въ его душѣ мѣсто тихой грусти, которую онъ до-сихъ-поръ чувствовалъ; чему онъ вѣрилъ, чего надѣялся, онъ снова долженъ былъ все вырвать изъ глубины своего сердца.

Болѣе чѣмъ когда-нибудь Фабіанъ думалъ, что Розарита его презираетъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ невозможности, въ како была Розарита противиться приказаніямъ своего отца, онъ не смѣлъ вѣрить, что покидая эти берега, она уносила сладкую увѣренность, что онъ живъ, что она снова его увидитъ почти вслѣдъ за собой въ

Гациндѣ. Фабіанъ съ сердцемъ, раненнымъ несправедливымъ убѣжденіемъ, рѣшился снова идти заглушить свою безнадежную страсть въ глубинѣ пустыни съ своими двумя товарищами.

Ночь уже наступила совершенно, когда послѣ бесполезнаго путешествія, Фабіанъ снова очутился у Боброваго Пруда.

Юный команчъ нѣсколько пришелъ въ себя. Онъ узналъ Энцину и пожалъ ему руку, потомъ снова заснулъ. Сэръ Фредерикъ приказалъ раскинуть палатку надъ раненымъ, чтобы защитить его отъ ночной свѣжести; потомъ побѣдители расположились вокругъ огня на ночь битвы.

Вся ночь прошла спокойно, кромѣ маленькаго замѣшательства, причиненнаго бѣлымъ бѣгуномъ. Благородное животное не могло вынести неволи, и не смотря на крѣпость веревки, которою былъ привязанъ, онъ съ опасностью задушиться разорвалъ свои узы. Уильсонъ прибѣжалъ уже поздно, и дитя лѣсовъ несло въ быстрѣе вѣтра по равнинѣ къ своей далекой кверенціи.

Только начало разсвѣтать, какъ американецъ и англичанинъ снова собрались въ погоню за бѣлымъ скакуномъ. Энцина, въ раздумьѣ, качалъ головою.

— Берегитесь, сеньоръ,—произнесъ онъ,—кто преслѣдуетъ это чудное животное, тотъ ужъ не возвращается домой, къ родному очагу.

— Другъ мой,—отвѣчало сэръ Фредерикъ, что касается до обыкновенныхъ опасностей пустыни, положимъ, что есть еще новыя неизвѣстныя, но такъ какъ съ сегодняшняго дня контрактъ мой съ Уильсономъ вступаетъ въ свою силу, я болѣе ни во что не мѣшаюсь и начинаю путешествовать съ болѣею безопасностью, чѣмъ по берегамъ Темзы. Уильсонъ!

— Сэръ?

— Такъ-ли я говорю?

— Ваша милость оказываетъ мнѣ много чести...

— Ты готовъ?

Уильсонъ нашелъ лишнимъ отвѣчать и вспрыгнулъ на лошадь. Сэръ Фредерикъ послѣдовалъ, молча, примѣру своего тѣлохранителя, и пожалъ руку всѣмъ присутствующимъ. Два молчаливые товарища скоро исчезли за деревьями.

Хотя впоследствии объ нихъ ничего не было слышно, но намъ пріятно думать, что печальное предвѣщаніе Энцины не оправдалось.

Состояніе молодого команча къ утру улучшилось ; когда канадецъ снялъ перевязки съ его ранъ, то по взгляду заключилъ, что жизненная часть не тронута, что подтверждало постепенное возрожденіе силъ индѣйца. Впрочемъ не иначе, какъ еще на другой день можно было надѣяться, перевезти его водою до селенія команчей, находившагося въ Техасъ.

Для этой цѣли три воина Жгучаго-Луча отправились на поиски по рѣкѣ. Ихъ кожаную лодку, въ которой они пріѣхали, унесло теченіемъ, но за то они нашли индѣйскую пирогу, которая будучи тяжелой, засѣла въ тростникъ.

Оставалось рѣшить еще самое главное: куда отправятся три охотника? Поѣдутъ-ли они провожать до селенія раненнаго воина, который оказалъ имъ столько услугъ? Последнее и ужасное испытаніе, которое они перенесли, не перемѣнило-ли намѣреній Фабіана? Канадецъ долженъ-ли былъ отклонить своего сына отъ этой жизни, полной непрерывныхъ опасностей, и предложить ему раздѣлять съ нимъ существованіе болѣе мирное? Этотъ-то важный вопросъ рѣшали между собою Боа-Розе и испанецъ, пользуясь минутнымъ отсутствіемъ Фабіана.

— Мы должны услышать рѣшеніе отъ Фабіана.

Это было заключеніе льснаго скитальца, и этотъ день еще прошелъ, а Фабіанъ не высказалъ своего рѣшенія. Причина была простая ; рѣшившись бѣжать мѣстъ, которыя ему напоминали слишкомъ живо Розариту, онъ думалъ, что до-сихъ-поръ никакой перемѣны не было въ томъ рѣшеніи, которое они приняли въ Золотой Долинѣ, продолжать вмѣстѣ свою странническую жизнь.

На другой день, рано утромъ, когда перенесли Жгучаго-Луча въ лодку и индѣйцы готовились уже отчалить, Боа-Розе и Пепе стояли неподвижно на берегу :

— Что-же! — вскричалъ Фабіанъ въ удивленіи, — развѣ мы покинемъ того, кто жертвовалъ своею жизнію для насъ? Развѣ не проводимъ мы его до селенія?

— А ты этого желаешь, дитя? — спросилъ канадецъ.

— А развѣ вы не желаете также? — сказалъ Фабіанъ.

— Безъ сомнѣнія, но позже....

— Будущее — не наше!

Потомъ, наклонясь къ Боа-Розе, Фабіанъ шепнулъ :

— У насъ есть общее съ этимъ молодымъ и благороднымъ воякомъ; мы будемъ съ нимъ бесѣдовать объ Озерномъ Цвѣткѣ.

Фабіанъ подслушалъ, когда Жгучій-Лучъ произносилъ имя Цвѣтка-Озера и догадался, что это была Розарита.

Всѣ трое сѣли въ пирогу, возлѣ индѣйцевъ. Эпцина и товарищъ его простились съ ними и долго провожали глазами пирогу, которая понеслась по Красной-Рѣкѣ.

Потомъ оба охотника удалились.... Мертвое безмолвіе, по прежнему, водворилось на полянѣ, а прудомъ опять завладѣли трудолюбивые бобры.

Э П И Л О Г Ъ.

VII.

КРАСНЫЙ ПЛАТОКЪ.

Уже шесть мѣсяцевъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ трое охотниковъ, забывъ о сокровищахъ Золотой Долины, отправились, по теченію Красной Рѣки, къ степямъ Техаса. Дожди смѣнили засуху и вотъ уже опять возвращался палящій зной, а объ нихъ и объ экспедиціи дона-Эстевава не было вѣсти.

Діазъ унесъ съ собою въ могилу тайну объ этой чудесной долинѣ; Гайферось послѣдовалъ за своими избавителями.

Что сталося съ безстрашными охотниками, которые пошли на встрѣчу усталости, лишеній и опасностей, презрѣвъ цивилизованную жизнь, презрѣвъ богатства? Быть-можетъ они погибли въ пустынѣ....

Въ дикомъ уединеніи, быть-можетъ, забылъ Фабіанъ Розариту, не зная того, что она его любила и ждала.... Но послѣдующее отвѣтитъ за насъ на эти вопросы.

Въ жаркій полдень, два вооруженные всадника ѣхали по пустынной долинѣ, ведущей отъ крайнихъ предѣловъ Соноры въ президу Тубакъ. Одежда ихъ и грубая сбруя красивыхъ коней составляли вмѣстѣ рѣзкій контрастъ.... Вѣроятно это были слуги, посланные какимъ-нибудь богатымъ владѣльцемъ.

Первый, какъ пастухи большихъ гаціэндъ, съ ногъ до головы былъ одѣтъ въ кожаное платье; товарищъ его, съ мавританской физионо-

ншей, отличался шеголеватостью, но тоже, повидимому, занимал незначительную должность.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней дороги (домини президы уже бѣжались въ отдаленіи), всадники овротно истощили весь запасъ разговора; они ѣхали рядомъ молча.

Оба всадника прибыли къ президу въ то самое время, когда колоколъ свывалъ христіанъ къ вечерней молитвѣ.

Тубакъ въ то время была деревня съ двумя проѣзжими улицами, съ земляными домами, въ которыхъ было пробито немного оконъ на улицу, какъ обыкновенно это бываетъ въ мѣстахъ, подверженныхъ внезапнымъ нападѣніямъ индѣйцевъ. Крѣпкія заставы защищали четыре входа въ президу. На каждой изъ этихъ заставъ стояла полевая пушка на лафетѣ.

Прежде чѣмъ мы послѣдуемъ въ президу за вновь прибывшими, мы должны сказать объ одномъ происшествіи, которое, какъ ни было ничтожно на самомъ дѣлѣ, было великимъ событіемъ для такой уединенной деревушки, какъ Тубакъ.

Около пятнадцати дней тому назадъ стало являться часто и на короткое время какое-то таинственное лицо, уже по одному тому таинственное, что его никто не зналъ изъ жителей президы. Этотъ человекъ былъ дѣтъ сорока, худой, истощенный, лицо его выражало много перенесенныхъ опасностей, но языкъ его былъ такъ живъ, какъ выразительна физіономія. Онъ отвѣчалъ мало; но за то разспрашивалъ много и, казалось, его очень интересовало, что дѣлается въ гаціэндѣ дель-Венано. Нѣкоторые изъ жителей знали по слуху богатаго владѣльца, но никто изъ нихъ не зналъ на столько донъ-Августина Пену, чтобы удовлетворить незнакомца на всѣ его вопросы.

Еще всѣ въ Тубакъ помнили экспедицію золотоискателей, отправившуюся изъ президы шесть мѣсяцевъ тому назадъ, и по нѣсколькимъ темнымъ отвѣтамъ незнакомца, подозрѣвали, что онъ на счетъ этого предмета знаетъ болѣе, чѣмъ показываетъ. Онъ говорилъ, что онъ встрѣтилъ, въ степяхъ апачевъ, отрядъ подъ начальствомъ Эстевана въ самую критическую минуту, и можно было, по всей вѣроятности, думать, что имъ предстояла неизбежно страшная и послѣдняя битва съ индѣйцами, на счетъ результата которой нельзя было ничего предсказать хорошаго.

Наконецъ, наканунѣ онъ разспрашивалъ про дорогу, по которой нужно было ѣхать къ донѣ Августину, и особенно онъ очень интересовался знать, не вышла-ли еще замужъ донья Розарита.

Этотъ человекъ носилъ постоянно на головѣ платокъ съ красными клѣтками, складки котораго спускались почти до самыхъ глазъ, и его всѣ звали *краснымъ платкомъ*.

Теперь, сказавъ это, возвратимся къ двумъ путешественникамъ.

Прибытіе новыхъ путешественниковъ произвело въ городѣ сильное впечатлѣніе: они, въѣхавъ въ заставу, направились къ одному изъ домовъ, на порогъ котораго сидѣлъ человекъ съ гитарой въ рукахъ.

Одинъ изъ всадниковъ обратился къ нему.

— Santos tardes, любезный, — произнесъ онъ, — не окажете ли вы двумъ странникамъ гостепрѣимство въ своемъ домѣ на одинъ день и на одну ночь?

Музыкантъ вѣжливо приподнялся.

— Слѣзайте съ лошадей, господа, — отвѣчалъ онъ: — мое жилище принадлежитъ къ вашимъ услугамъ на все время, сколько вамъ угодно будетъ остаться.

Этотъ простой обычай гостепрѣимства сохранился еще во всей силѣ въ отдаленныхъ странахъ. Всадники слѣзли съ лошадей посреди толпы праздныхъ, которые съ любопытствомъ разсматривали двухъ иностранцевъ, — событіе чрезвычайное рѣдкое въ президѣ Тубакъ.

Хозяинъ молча помогъ всадникамъ разсѣдлать своихъ лошадей. Но любопытные не были такъ скромны и не перемонились забрасывать новоприбывшихъ тысячью вопросами.

— Хорошо; дайте намъ время сначала позаботиться о лошадяхъ и перекусить самимъ чего-нибудь, потомъ мы поговоримъ; мы съ товарищемъ именно съ этою цѣлью и прѣехали сюда.

Произнеся эти слова, бородастый всадникъ отвязалъ свои огромныя шпоры, положилъ ихъ на снятое сѣдло и сложилъ все это вмѣстѣ на галерею дома. Обѣдъ двухъ чужестранцевъ не продолжался долго. Они снова возвратились на порогъ и сѣли возлѣ хозяина. Любопытные оставались на своихъ мѣстахъ.

— Я, — произнесъ бородастый всадникъ, — тѣмъ болѣе расположенъ сообщить вамъ всѣмъ цѣль нашего прибытія въ президу, что мы нарочно присланы отъ господъ, чтобы кой-о-чемъ поразспросить у васъ. Согласны-ли вы на это?

— Совершенно,—послышалось нѣсколько голосовъ,—но нельзя-ли узнать, кто этотъ господинъ, о которомъ вы говорите?

— Это донъ Августинъ Пепа, о которомъ вы вѣроятно что-нибудь слышали.

— Владѣтель обширной гаціэнды дель-Венадо, милліонеръ, кто его не знаетъ? — отвѣчалъ одинъ изъ толпы.

— Это онъ самый. Вотъ товарищъ мой, вакерось, которому поручень надзоръ за скотомъ гаціэнды. Что-же касается до меня, то я мажордомъ, въ службѣ у владѣльца. Сдѣлай одолженіе, любезный другъ, дай мнѣ огня? — продолжалъ бородатый мажордомъ.

Онъ остановился, чтобы закуритъ свою сигаретку, и началъ снова:

— Около шести мѣсяцевъ тому назадъ отправилась отсюда экспедиція на золотые прииски. Этой экспедиціей командовалъ одинъ по имени.... постойте, у него столько именъ, что я не могъ упомянуть ни одного.

— Донъ Эстебанъ Арехиза,—подхватилъ одинъ изъ разговаривающихъ,—испанецъ, какихъ не много прїѣзжало въ эту страну, и который, судя по его гордому взгляду и важной осанкѣ, повелѣвалъ всю свою жизнь.

— Донъ Эстебанъ Арехиза, именно онъ самый!—произнесъ мажордомъ,—и кромѣ всего этого, щедрый какъ игрокъ, который сорвалъ банкъ.

Но я обращаюсь къ экспедиціи; изъ сколькихъ людей именно она состояла?

— Отправилось болѣе осьмидесяти человекъ.

— Болѣе ста, сказалъ другой.

— Вы ошибаетесь; число ихъ не превышало ста, — подхватилъ третій.

— Это впрочемъ не слишкомъ важно.

— Главное, необходимо знать, сколько вернулось.

На счетъ этого было также два противоположныхъ мнѣнія.

— Ни одного, — говорилъ одинъ.

— Не правда, одинъ, — утверждалъ другой.

Мажордомъ потеръ себѣ руки съ довольнымъ видомъ.

— Хорошо, — произнесъ онъ,—по правдѣ сказать, мы и одного не ожидали найти, если только этотъ господинъ, который утверждаетъ

что не все золотоискатели погибли, имѣть доказательства, какъ я надѣюсь.

— Думаете-ли вы, — говорилъ одинъ для поддержанія своего мнѣнія, что красный платокъ не изъ числа тѣхъ, которые отправились отсюда шесть мѣсяцевъ тому назадъ? Я готовъ въ этомъ поклясться...

— Э! нѣтъ! — говорилъ другой; — никогда нога этого человѣка прежде не была въ президѣ.

— Во всякомъ случаѣ, — прервалъ третій, — красный платокъ, безъ сомнѣнія имѣть что-нибудь до посланныхъ донъ Августина, о которомъ столько разъ разспрашивалъ. Съ этими господами незнакомецъ, вѣроятно, будетъ откровеннѣе чѣмъ съ ними.

— Вотъ что хорошо, то хорошо! — произнесъ мажордомъ.

— Вы узнаете теперь, и это не будетъ нескромностью, если я вамъ скажу, что донъ Августинъ Пепе, да сохранить его Богъ! былъ самый близкій другъ сеньора Арехизы, и о которомъ вотъ уже шесть мѣсяцевъ онъ не имѣетъ никакихъ извѣстій, что очень понятно, если онъ погибъ вмѣстѣ съ прочими. И такъ мой господинъ ожидаетъ возвращенія донъ Эстебана, чтобы выдать тогда замужъ донью Розариту, свою дочь, прекрасную, чудную молодую дѣвушку за донъ Винченца Трагадура. Цѣлые мѣсяцы уже прошли и какъ гацінда не на большой дорогѣ, и мы не могли спросить ни у кого на счетъ этой несчастной экспедиціи, то мой господинъ рѣшилъ наконецъ послать меня въ президу собрать какія-нибудь свѣдѣнія. Когда онъ будетъ знать навѣрно, что донъ Эстебанъ не вернется болѣе, и какъ молодыя дѣвушки не всегда могутъ найти жениховъ въ пустынѣ, и такихъ жениховъ немного, которые стоили бы приданого въ двѣсти тысячъ піастровъ....

— Карамба! славное число.

— Ваша правда, — произнесъ мажордомъ. — Предполагаемый бракъ будетъ равно пріятенъ для обѣихъ сторонъ. Вотъ причина нашей поѣздки въ Тубакъ. Если вы можете привести того, который, какъ вы говорите, одинъ остался въ живыхъ изъ, всей экспедиціи, мы, быть можетъ, узнаемъ отъ него, что насъ такъ интересуеть.

Разговоръ остановился на этомъ, когда не далеко отъ дома, гдѣ происходило описанное нами, проходилъ человѣкъ съ поникшею головою.

— Смотрите, — сказалъ одинъ, указывая пальцомъ на проходившаго человѣка, — вотъ именно вашъ единственный человѣкъ.

— Въ самомъ дѣлѣ манеры этого человѣка довольно таинственны, — прибавилъ хозяинъ. — Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ болѣе ничего не дѣлаетъ, какъ только ходитъ изъ одного мѣста въ другое, не сообщая никому причины своихъ посѣщеній. Если вамъ угодно мы его спросимъ.

— Эй! пріятель, закричалъ одинъ изъ любопытныхъ, идите сюда, вотъ кавалеръ, который желаетъ васъ видѣть и съ вами поговорить.

Таинственный незнакомецъ приблизился.

— Сеньоръ кавалеръ, вѣжливо произнесъ мажордомъ, не пустое только любопытство заставляетъ меня васъ спросить, но истинное безпокойство моего господина, который меня послалъ, о потерѣ друга, котораго смерть, онъ, быть можетъ, долженъ будетъ оплакивать. Что вы знаете о донъ-Эстебанѣ де-Арехизѣ?

— Многое. Но съ вашего позволенія, кто этотъ господинъ, о которомъ вы говорите?

— Донъ-Августинъ Пена, владѣлецъ гаціанды дель-Венадо.

На лицѣ незнакомца мелькнула молнія радости.

— Я доставлю, — отвѣчалъ онъ, — дону Августину всѣ свѣдѣнія, какія онъ желаетъ. Сколько дней пути отсюда до гаціанды?

— Три дня, но только на хорошей лошади.

— У меня превосходная; и если вы можете меня подождать до завтрашняго вечера, я поѣду съ вами, и сообщу лично донъ-Августину всѣ пужныя подробности.

— Я согласенъ, — отвѣчалъ бородатый мажордомъ.

— Превосходно, — съ поспѣшностью сказалъ человѣкъ въ красномъ платкѣ, — завтра въ этотъ часъ мы отправимся и будемъ имѣть для путешествія ночную прохладу.

Онъ удалился, и мажордомъ вскричалъ:

— Нужно сознаться, карамба! что нельзя быть любезиѣ этого бавалера въ красномъ платкѣ.

Такое рѣшеніе было вовсе не по вкусу любопытныхъ, но нечего было дѣлать, и они скоро увидѣли, что человѣкъ въ красномъ платкѣ быстро удалялся на своей лошади по направленію къ сѣверу.

Незнакомецъ былъ вѣренъ своему обѣщанію. На другой день онъ вернулся въ президу въ вечернему *Angelus*.

Оба служителя дона Августина простились съ своимъ хозяиномъ

увѣряя его въ самомъ лучшемъ приѣмѣ, если когда-нибудь дѣла его приведутъ въ гацінду дель-Венадо. Самый бѣдный въ этой первобытной странѣ, постыдится принять за гостепріимство другую плату кроме простой благодарности и обѣщанія, что онъ въ свою очередь можетъ также надѣяться на-такое же гостепріимство.

Всѣ три всадника отправились на рысяхъ. Лошадь незнакомца ни въ чемъ не уступала ни въ быстротѣ, ни въ породѣ лошадямъ, на которыхъ ѣхали слуги дона Августина. Этотъ путь они совершили очень быстро, и на третій день, на зарѣ, путешественники увидали уже издали колокольную гацінды дель-Венадо.

Черезъ нѣсколько времени они уже слѣзали съ лошадей на дворѣ. Хотя восходящее солнце бросало первые и радостные лучи, но какая-то грусть покрывала все зданіе и окрестности, такъ что утренній свѣтъ не могъ ее разогнать. Можно было сказать, что грусть хозяевъ отражалась на всемъ окружающемъ.

Тоска пожирала донью Розариту; по этой причинѣ гаціндеро былъ въ страшномъ безпокойствѣ. Не смотря на ужасное положеніе, въ которомъ находилась дочь дона Августина шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ день битвы при Красной Вилѣ, она убѣдилась, что Фабіанъ живъ. По утру она узнала его голосъ; потомъ позже, съ этою удивительною быстротою женскаго взгляда, принесенная на полѣ битвы Жгучимъ-Лучемъ, увидала Фабіана, сражавшагося подъ защитою какого-то незнакомца. Отчего-же Тибурціо, какъ она его называла, не вернулся въ гацінду? Вѣроятно онъ былъ убитъ или разлюбилъ ее, и вотъ причина глубокой тоски доньи Розариты.

Другой источникъ безпокойства гаціндеро было отсутствіе всякихъ извѣстій о донѣ Эстефанѣ; потомъ къ этому безпокойству примѣшивалось еще нетерпѣніе. Предполагаемый бракъ его дочери съ Трагадуромъ былъ устроенъ донѣ Эстефаномъ; Трагадуръ требовалъ заключенія. Донъ Августинъ сказалъ донѣ Розаритѣ; но отвѣтомъ были однѣ слезы, и отецъ ждалъ еще.

Однако, по истеченіи шести мѣсяцевъ, Пена рѣшился покончить и послалъ собрать свѣдѣнія въ президѣ объ экспедиціи, предводительствуемой донемъ Эстефаномъ. Это была послѣдняя отсрочка, которую просила донья Розарита.

Трагадуръ отлучился на нѣсколько дней, а гаціндеро давно уже всталъ, когда мажордомъ явился предупредить его о прибытіи ино-

странца, который могъ разрѣшить всѣ его сомнѣнія. Онъ приказалъ привести его въ залу уже извѣстную нашимъ читателямъ; донью Розариту также предупредили и она не замедлила прійти къ отцу.

Черезъ нѣсколько минутъ явился незнакомецъ.

Шляпа съ широкими полями, къ которой онъ войдя только прикоснулся рукой, не снимая, скрывала его физиономію, на которой можно было прочесть слѣды трудовъ и опасностей; изъ подъ шляпы видѣлся красный платокъ, который совершенно закрывалъ лобъ и брови.

Иностранецъ жадно разсматривалъ дону Августина и его дочь.

VIII.

Р а з с к а з ъ .

Розарита, покрытая шелковымъ шарфомъ, изъ подъ котораго вырвались и падали на ея грудь длинныя косы черныхъ волосъ, послала на лицѣ своемъ слѣды долгихъ и тайныхъ страданій.

Когда она съѣла, въ ея блѣдыхъ чертахъ отразилось тайное безпокойство. Молодая дѣвушка, казалось, боялась этой минуты, когда нужно было забыть всѣ мечты прошедшаго, и принять будущее, котораго она не смѣла предвидѣть.

— Благодарю, мой другъ, — сказалъ гаціэндеро, что вы пришли сообщить мнѣ свѣдѣнія, хотя предчувствіе мнѣ говоритъ, что они будутъ печальны; но мы все-таки должны ихъ знать. Да будетъ надъ всѣмъ воля Божія!

— Они въ самомъ дѣлѣ печальны; но какъ вы сказали, необходимо (и незнакомецъ ударяя надъ словами, казалось, преимущественно обращался къ донь-Розарію), чтобы вы все знали. Многое видѣлъ я тамъ и пустыня не скрываетъ, быть можетъ, такъ тайнъ, какъ можно было-бы подумать.

Молодая дѣвушка непримѣтно затрепетала и устремила на челоуѣка въ красномъ платкѣ ясный и глубокий взглядъ.

— Говорите, другъ мой, — произнесла она своимъ мелодическимъ голосомъ, — у насъ достанетъ мужества услышать все.

— Что вы знаете о донь-Эстебанъ? — спросилъ гаціэндеро.

— Онъ умеръ, сеньоръ кавалеръ.

Донъ-Августинъ тяжело вздохнулъ и оперся головой на руку.

— Кто его убилъ? — спросилъ онъ.

— Не знаю, но онъ умеръ!

— А Педро Діазъ, этотъ человекъ съ безкорыстнымъ сердцемъ?

— Умеръ, также какъ и донъ-Эстебанъ.

— А его друзья, Кухилло, Орохъ, Бораджа?

— Умерли какъ и Педро Діазъ! — всѣ умерли, исключая.... Но если вамъ угодно, сеньоръ, я начну разскажъ немножко издалека; не сказалъ-ли я, что вы должны все знать?

— Мы васъ слушаемъ, другъ мой.

— Я не буду вамъ описывать опасностей всякаго рода, — продолжалъ разскащикъ, — сражений, которыя мы выдержали со времени нашего отправленія. Подъ предводительствомъ вождя, которому мы вполне доверяли, мы весело покорялись нашей участи.

— Бѣдный донъ-Эстебанъ! — прошепталъ гаціэндеро.

— На послѣдней стоянкѣ, гдѣ и я былъ, распространился слухъ, что мы находились въ близи богатаго золотого плацера. Нашъ проводникъ Кухилло намъ измѣнилъ. Два дни онъ уже былъ въ отсутствіи. Богъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ меня спасти, потому что Онъ внушилъ донъ-Эстебану мысль дать мнѣ порученіе поискать Кухилло въ окрестностяхъ.

Я повиновался, не смотря на опасность этого порученія, и отправился искать слѣдовъ нашего проводника. Черезъ нѣсколько времени я былъ довольно счастливъ и отыскалъ слѣды. Я пошелъ по нимъ, какъ вдругъ замѣтилъ вдали часть апаховъ, которые охотились за буйволомъ. Я какъ только могъ проворно повернулъ назадъ лошадь, но свирѣпый вой, который поднялся со всѣхъ сторонъ далъ мнѣ знать, что меня замѣтили.

Иностранецъ, въ которомъ читатель, безъ сомнѣнія, узналъ Гайфероса, скальпированнаго гамбузино, остановился на минуту, какъ будто подъ влияніемъ странныхъ воспоминаній; потомъ, продолжая, онъ разсказалъ, какъ былъ схваченъ индѣйцами, о мученіяхъ, когда онъ думалъ о пыткѣ, которая для него приготовлялась, отчаянную борьбу, которую онъ долженъ былъ вытерпѣть, бѣжа голыми ногами и жестокия страданія отъ этого бѣга.

— Настигнутый однимъ изъ нихъ и повергнутый ударомъ на землю, я почувствовалъ, какъ остріе ножа провело на головѣ моей

огненный кругъ. Я услышалъ еще ружейный выстрѣлъ. Пуля про-
свистала надъ моимъ ухомъ и я совершенно потерялъ память. Не
знаю, сколько я пробылъ въ этомъ состояніи. Новые выстрѣлы заста-
вили меня открыть глаза; но кровь, залившая мое лицо, мѣшала мнѣ
видѣть, я поднесъ руку къ головѣ, которая горѣла какъ въ огнѣ;
мой черепъ былъ обнаженъ. Индѣецъ сорвалъ мои волосы съ черепа,
вмѣстѣ съ кожей. Вотъ почему, сеньоръ кавалеръ, я ношу теперъ
этотъ платокъ день и ночь.

Холодный потъ во время этого разсказа покрывалъ лицо гамбузино.
Два его слушателя дрожали отъ ужаса.

Послѣ минутнаго глубокаго молчанія гамбузино продолжалъ.

— Я, быть можетъ, долженъ былъ-бы избавить васъ и себя отъ
такихъ грустныхъ подробностей.

Гайферось передалъ своимъ слушателямъ, что мы уже знаемъ, то
есть, неожиданную помощь, которую ему оказали три охотника, быв-
шіе на островку. Онъ дошелъ до того мѣста въ разсказѣ, когда ка-
надецъ спасъ его въ глазахъ индѣйцевъ. Этотъ геройской посту-
покъ вырвалъ у донъ-Августина крикъ удивленія.

— Но ихъ было тамъ двадцать на этомъ островку? — прервалъ
онъ.

— Считаая великана, который меня уносилъ на своихъ рукахъ, ихъ
было трое.

— Боже мой! — однако хребрецы они; но продолжайте.

Гамбузино продолжалъ:

— Товарищъ того, кто меня несъ на рукахъ, былъ почти однихъ
съ нимъ лѣтъ, то есть около сорока-пяти или пятидесяти, потомъ
молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, но мужественнымъ, съ свер-
кающими глазами и пріятной улыбкой, ей Богу, сударыня, красивый
молодой человѣкъ, всякій отецъ гордился бы назвать его сыномъ,
всякая женщина гордилась и была-бы счастлива видѣть его у своихъ
ногъ. Въ одну изъ минутъ, когда я менѣ страдалъ, я былъ въ со-
стояніи спросить моихъ освободителей объ ихъ имени и состояніи.
Но я ничего не узналъ отъ нихъ, развѣ, что они были охотники за
выдрами и путешествовали для своего удовольствія. Это, впрочемъ,
было невѣроятно, но я не сдѣлалъ никакого замѣчанія.

Донья-Розарита не могла задушить вздоха; быть-можетъ она надѣя-
лась услышать имя.

Гайферось продолжалъ рассказывать различные случаи, которые читатель ужъ знаетъ. Дойдя до похищенія Фабіана, избѣгая, впрочемъ, изъ деликатнаго чувства къ молодой дѣвушкѣ, говорить о Красной-Рукѣ и Смѣшаной-Крови:

— Да сударыня, — вскричалъ онъ, — бѣдный молодой человекъ былъ взятъ индѣйцами, и ему хотѣли отмстить смерть своихъ.

При этомъ рассказѣ щеки Розариты покрылись смертельною блѣдностью.

— Ну что-же, — прервалъ гаціэндеро, котораго эта страшная развязка также трогала какъ и его дочь, — что-же случилось съ этимъ молодымъ человекомъ?

Розарита, у которой даже исчезъ голосъ отъ рассказа гамбузино, глубокимъ взглядомъ поблагодарила своего отца за заботливость, которую онъ оказывалъ къ участи этого молодаго человека, и который противъ ея воли чрезвычайно ее интересовалъ.

Гайферось скрылъ радость и удерживаясь еще по тому-же чувству деликатности отъ малѣйшаго намека о кровавой битвѣ въ долину Красной-Вилы, продолжалъ:

— Три дня и три ночи мы провели въ страшной тоскѣ; по временамъ только являлся лучъ надежды. Наконецъ утромъ на четвертый ень мы нечаянно напали на кровожадныхъ похитителей, и послѣ ожесточенной битвы гигантъ-воинъ могъ прижать къ своему сердцу того, кого онъ называлъ своимъ любезнымъ сыномъ.

— Слава Богу! — вскричалъ гаціэндеро, свободно вздохнувъ.

Розарита не произнесла ни слова; но краска, заступившая мѣсто блѣдности на ея лицѣ, свидѣтельствовала объ ея радости. Ея губы возвратили свой цвѣтъ и пріятно улынулись при заключеніи рассказа гамбузино.

Мы должны на минуту прервать рассказъ Гайфероса, чтобы сказать, что нападеніе Боа-Розе и его отряда было такъ внезапно, бѣгство донъ-Августина и его дочери было такъ успѣшно, что они не узнали именъ дѣйствующихъ лицъ.

Правда, Розарита замѣтила Фабіана сражающимся подлѣ Боа-Розе, но не знала, какъ назывался этотъ охотвикъ и что Фабіанъ былъ плѣнникомъ у степныхъ пиратовъ. Впрочемъ нѣкоторая аналогія пробудила въ ней лучъ надежды.

— Продолжайте, — сказалъ Гаціэндеро; но въ этомъ рассказѣ, — я на-

прасно ишу подробностей, относящихся къ смерти бѣднаго донъ-Эстева.
Эстева.

— Я самъ ихъ не знаю,—продолжалъ Гайферось,—и могу только повторить вамъ слова самаго младшаго изъ охотниковъ, котораго я спрашивалъ однажды объ этомъ.

— Онъ умеръ! — произнесъ онъ торжественно.—Вы сами послѣдній остатокъ изъ многочисленной экспедиціи. Когда вы вернетесь домой,—прибавилъ онъ,—потому что вѣрно у васъ есть тамъ, кто съ тоскою считаетъ дни вашего отсутствія, вамъ предложить тысячу вопросовъ на счетъ участи вождя и его воиновъ. На это вы будете отвѣчать: воины умерли, исполняя свои обязанности; что-же касается до вождя, правосудіе Божіе его осудило, и судъ совершился въ степи. Донъ-Эстева не вернется болѣе къ своимъ друзьямъ.

— Бѣдный донъ-Эстева! — вскричалъ гаціандеро.

— И вы не могли узнать именъ этихъ людей, столь мужественныхъ, столь великодушныхъ? — сказала донья-Розарита.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Гайферось; — только мнѣ показалось страннымъ, что самый молодой изъ трехъ охотниковъ говорилъ мнѣ о донъ-Эстева, Діазъ, Орехъ и о Бораджъ, какъ-будто бы онъ ихъ очень хорошо зналъ,

Лихорадочная дрожь незамѣтно пробѣжала по тѣлу Розариты; ея грудь волновалась, щеки покраснѣлись, потомъ вдругъ она поблѣднѣла, какъ цвѣтокъ непуфара, но уста ея не раскрывались.

— Я кончаю свой рассказъ,—продолжалъ рассказникъ.—Вырвавши изъ рукъ апаховъ молодаго человѣка, мы направились къ равнинамъ Техаса.

«Я не буду описывать вамъ опасностей, которымъ мы подвергались: мы охотились за выдрами и бобрами во все продолженіе шестимѣсячной бродячей нашей жизни. Но былъ между нами одинъ, который не находилъ это странническое существованіе столь пріятнымъ какъ мы трое; это былъ тотъ самый молодой человѣкъ, о которомъ я говорилъ.

«Когда я его увидѣлъ въ первый разъ, его грустная покорность на лицѣ меня поразила; но потомъ его покорность уменьшилась, а грусть увеличилась. Напрасно старый охотникъ, котораго я считалъ его отцомъ (теперь я знаю, что онъ не отецъ его), ловилъ всякій случай, чтобы заставить его удивляться великолѣпію лѣсовъ, по-

среди которыхъ мы жили, величію степи, прелести опасностей, которыя мы преодолевали. Только въ минуту опасностей забывалъ молодой человѣкъ свою грусть. Онъ ихъ призывалъ и, казалось, искалъ съ жаромъ, какъ человѣкъ, котораго начинаетъ тяготить жизнь. Въ минуты покоя въ немъ начинало проявляться мрачное отчаяніе, и я часто говорилъ старому воину: уединеніе хорошо для зрѣлаго возраста, юность любить шумъ и общество себѣ подобныхъ : вернемся въ общество.

«И великанъ вздыхалъ, не отвѣчая. Мало-по-малу чело обоихъ охотниковъ, которые любили юношу какъ сына, также омрачилось. Въ одну ночь, когда мы оба не спали съ молодымъ человѣкомъ, я ему напомнилъ имя, вырвавшееся у него шесть мѣсяцевъ тому назадъ во снѣ; это мнѣ объяснило причину, которая медленно его уничтожала. Онъ любилъ, и уединеніе оживило воспоминанія, которыя онъ тщетно надѣялся задуть. Да, бѣдный юноша любилъ и, къ несчастію, безъ взаимности.»

Разкащикъ на минуту остановился, испытывая взоромъ положеніе своихъ слушателей, и въ особенности Розариты; онъ, казалось, находилъ удовольствіе подробностями своего разсказа затрогивать струны женскаго сердца.

Гаціэндеро, будучи самъ воинъ и охотникъ, не скрывалъ своего удовольствія при разсказѣ незнакомца.

Розарита старалась скрыть подъ видомъ холодности, прелесть, которую заставлялъ ее испытывать этотъ романъ, полный сердца и дѣйствія, страницы котораго съ такою готовностію гамбузино перелистывалъ.

Но огонь большихъ ея черныхъ глазъ, краска на щекахъ изобличали ея усилія.

— А! — вскричалъ донъ Августинъ, — еслибы эти три охотника были подъ начальствомъ дона Эстевана, участь экспедиціи была-бы совсѣмъ другая.

— Я не думаю, — отвѣчалъ Гайферось, — Богъ судилъ иначе. Впрочемъ, — продолжалъ онъ, — мнѣ очень хотѣлось увидать мою родину; но благодарность заставляла меня скрывать это желаніе. Старый воинъ, казалось, догадался и самъ сказалъ мнѣ объ этомъ.

Слишкомъ великодушный, чтобы оставить дѣло, не докончивъ, и подвергать меня одного безчисленнымъ опасностямъ во время возвраще-

нiя, охотникъ рѣшился проводить меня до Тубака. Его товарищъ вовсе не возражалъ противъ этого рѣшенiя и мы отправились къ границѣ. Молодой человекъ одинъ, казалось, слѣдовалъ за нами съ отвращенiемъ по этому направленiю.

«Чтобы возвратиться въ президу, намъ необходимо было во второй разъ проходить цѣпь Туманныхъ горъ. Была уже ночь, когда мы пришли къ нимъ, и должны были остановиться.

«Это было мѣсто, наиболѣе посѣщаемое индѣйцами, и мы должны были взять всѣ предосторожности.

«Признаюсь, что ничто такъ не походитъ на жилище подземныхъ духовъ, какъ эти горы, посреди которыхъ мы принуждены были провести ночь. Всякую минуту нашъ сонъ былъ прерываемъ и нарушаемъ страннымъ шумомъ, который, казалось, выходилъ изъ подземелья; то казалось, что это подземный шумъ волкана, который клокочетъ, то шумъ отдаленнаго водопада, который реветъ, то какъ будто вой волковъ или жалобные крики неслись изъ подземелья; время отъ времени борозда молнiи раздирала туманный покровъ этихъ горъ.

«Тяжелое сновидѣнiе увеличило еще мое нерасположенiе. Я видѣлъ во снѣ, что нахожусь на островѣ, что вой индѣйцевъ раздираетъ мой слухъ, что выстрѣлы болѣзненно отдаются въ моей груди, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Этотъ сонъ такъ былъ страшно похожъ на дѣйствительность, такъ былъ мучителенъ, что я напрасно нѣсколько разъ старался пробудиться, но не могъ. Наконецъ я проснулся и открылъ глаза. Все было покойно вокругъ меня, кромѣ тѣхъ сверхъестественныхъ звуковъ, которые продолжали раздаваться.

«Мы расположились изъ опасенiя нечаяннаго нападенiя, на скалъ, которая возвышалась на пятьдесятъ футовъ надъ равниной, и не разводили огня. Два старшiе охотники спали въ нѣкоторомъ отдаленiи, одинъ юноша бодрствовалъ: это была его очередь, хотя товарищи его, казалось, съ трудомъ позволяли ему раздѣлять ихъ труды.

«— Вы ничего не слыхали?—спросилъ я моего молодого товарища.

— Ничего особеннаго, — отвѣчалъ онъ, — кромѣ шума подземнаго волкана, который кипитъ въ этихъ горахъ.

— Лучше скажите, что мы стоимъ здѣсь на какомъ-нибудь проклятомъ мѣстѣ, — произнесъ я и рассказалъ мой сонъ молодому человеку.

— Это, быть может, предостережение, — сказал он торжественным голосом. — Я помню, разъ ночью, я видѣлъ подобный сонъ, когда...

«Молодой человекъ остановился. Онъ подошелъ къ концу утеса, на которомъ мы находились. Я машинально послѣдовалъ за нимъ. Одинъ и тотъ-же предметъ бросился намъ въ глаза въ одно время.

«Казалось, что одинъ изъ подземныхъ духовъ, которые обитали здѣсь, вдругъ принялъ видимую форму. Это было въ родѣ привидѣнія, покрытое волчьимъ мѣхомъ и неподвижно стоявшее. Я перекрестился и сотворилъ молитву; привидѣніе не шевелилось.

— Это индѣецъ, — сказалъ юноша. — Смотри, вонъ его товарищи въ нѣкоторомъ разстояніи.

«Въ самомъ дѣлѣ, глаза наши, уже привыкшіе къ темнотѣ, могли различить около двухъ десятковъ индѣйцевъ, лежавшихъ на землѣ, и которые навѣрно не думали, чтобы мы были такъ близко.

«А! сударыня! — прибавилъ гамбузино, обращаясь къ Розаритѣ, это былъ одинъ изъ тѣхъ опасныхъ случаевъ, которыхъ такъ жадно искалъ молодой человекъ; и у васъ бы, сударыня, разрывалось сердце какъ мое, если бы видѣли грустную радость, которая сверкнула въ его глазахъ; потому что чѣмъ ближе мы подходили къ обитаемымъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе удвоивалась его меланхолия.

«— Разбудимъ нашихъ друзей, — сказалъ я тогда.

— Нѣтъ, оставь меня идти одного; эти два человека довольно для меня сдѣлали; теперь наступила моя очередь, и если я умру... То... я позабуду...

«Сказавъ эти слова, молодой человекъ удалился отъ меня, сдѣлалъ поворотъ, и я потерялъ его изъ виду, не спуская, впрочемъ, глазъ съ неподвижной фигуры въ пятидесяти футахъ подъ нашими ногами.

Вдругъ я увидѣлъ, черная фигура бросилась на него, два тѣла сплелись во одно, но безъ всякаго шума, такъ что можно было подумать, что это борьба двухъ духовъ. Скоро они исчезли съ моихъ глазъ и я сталъ молиться Богу за благороднаго молодого человека, который жертвовалъ своею жизнію съ такимъ хладнокровіемъ и предприимчивостью. Не много спустя потомъ я увидѣлъ его; онъ вернулся, кровь текла по лицу изъ широкой раны на его головѣ.

— О! Боже! — вскричалъ я, — вы ранены.

— Это ничего, теперь разбудимъ нашихъ товарищей.

— Что вамъ сказать, сударыня? — продолжалъ рассказчикъ: — мой

сонъ былъ предостереженіемъ отъ Бога. Часть индѣйцовъ, которыхъ мы совершенно разбили при Красной-Вилѣ, пошли по слѣдамъ нашимъ, чтобы отмстить за кровь своихъ, которая была пролита на берегахъ рѣки.... тамъ, гдѣ мы освободили этого молодого человѣка. Но индѣйцы имѣли дѣло съ страшными соперниками; ихъ часовой погибъ отъ руки юноши и не имѣлъ времени ударить тревогу, а остальные были захвачены въ располхъ во время сна, тремя охотниками.

«Ночь еще не прошла, когда они уже совершили этотъ новый подвигъ, я снова заснулъ.

«Я проснулся уже днемъ. Два охотника стояли на скалѣ и съ любовью смотрѣли на сонъ того, который былъ для нихъ дороже всего въ мѣрѣ. Я хотѣлъ разспросить у высокаго охотника о подробностяхъ ночнаго приключенія, но онъ поднесъ палецъ къ губамъ и указалъ мнѣ на спящаго молодого человѣка. Это былъ его сынъ, котораго сонъ онъ охранялъ. Я понялъ, что я также обязанъ уважать его, и молча смотрѣлъ на его блѣдныя черты и окровавленныя повязки, которыя окружали его голову

— Бѣдное дитя, — тихо проговорила Розарата, — такъ молодъ еще и долженъ вести эту жизнь, полную безпрестанныхъ опасностей! Бѣдный также и отецъ, который долженъ каждую минуту дрожать за жизнь своего любезнаго сына.

— Ваша правда, сударыня, въ теченіи шести мѣсяцевъ я могъ видѣть каждую минуту безконечную нѣжность этого страстнаго отца къ своему сыну.

«Молодой человѣкъ спокойно спалъ, и его уста тихо шептали имя, но довольно явственно, что я могъ слышать, что это было имя женщины.»

Черные глаза Розариты, казалось, вопрошали разскащика; но слова замерли на полуоткрытыхъ ея устахъ, она не смѣла произнести громко, что шептало ей сердце.

— Но я во зло употребляю вашу снисходительность, — продолжалъ Гайферось, какъ будто не замѣчая волненія молодой дѣвушки, — я приближаюсь къ концу моего разсказа.

«Молодой человѣкъ проснулся въ ту минуту, когда великанъ, взявъ меня въ сторону, хотѣлъ разсказывать о чемъ я его просилъ.» — «Смотрите, произнесъ онъ, вонъ ступайте туда, и вы сочтете мертвыхъ.»

«Одинадцать труповъ,—продолжалъ разскащикъ,—лежало на землѣ, и двѣ взятыя лошади доказывали побѣду этихъ предприимчивыхъ истребителей индѣйцевъ.»

— Слава имъ, этимъ храбрымъ незнакомцамъ!—вскричалъ донъ-Августинъ съ энтузіазмомъ, между-тѣмъ какъ его дочь, хлопая въ ладоши съ воспламенными щеками, съ сверкающими глазами, съ восторгъ повторяла :

— Это прекрасно! это удивительно! такъ молодъ и такъ храбръ! Молодая дѣвушка относила свои похвалы только къ юному незнакомцу, имя котораго, быть можетъ, она угадала по тонкому чувству женщины, которое часто бываетъ похоже на ясновидѣніе.

Разскащикъ, казалось, наслаждался похвалами своимъ друзьямъ.

— Но наконецъ вы узнали ихъ имена? — застѣнчиво спросила донья Розарита.

— Старшій изъ нихъ назывался Боа-Розе, второй Пепе или Соня: что касается до молодаго человѣка...

Гайферось, казалось, припоминалъ имя, не замѣчая по видимому тоски, которую обличало волненіе груди Розариты и ея блѣдность.

По сходству положенія Тибурцію съ этимъ молодымъ незнакомцемъ, она не сомнѣвалась, что это былъ онъ, и бѣдное дитя собирало всѣ свои силы, чтобы услышавши знакомое имя, удержать крикъ счастья и любви.

— Что касается до молодаго человѣка, — продолжалъ гамбузино, — онъ назывался... Фабіанъ.

При этомъ имени, которое ничего не напоминало молодой дѣвушкѣ и которое разрушало такимъ образомъ всѣ ея сладкія мечты, она болѣзненно схватилась за сердце, ея губы поблѣднѣли; краска, которую надежда вызвала на ея щеки, исчезла какъ розовыя облака по заходѣ солнца; потомъ какъ будто машинально только повторила :

— Фабіанъ!

Но для ней Фабіанъ не былъ Тибурціемъ, для ней Фабіанъ былъ просто незнакомецъ.

Въ эту минуту разсказъ гамбузино былъ прерванъ приходомъ слуги. Капелланъ просилъ гаціендеро прійти къ нему на минуту по очень важному дѣлу.

Донъ-Августинъ вышелъ изъ залы, сказавъ, что онъ сейчасъ вернется.

Гамбузино и молодая дѣвушка остались одни. Онъ, молча, едва скрывая свою радость смотрѣлъ на Розариту, растерявшуюся, дрожащую подъ шелковою своею воалью. Тайное чувство говорило бѣдному ребенку, что Гайферосъ не окончилъ еще своего разказа. Въ самомъ дѣлѣ гамбузино нагнулся къ ней и произнесъ тихо:

— Фабіанъ носилъ еще другое имя, сударыня; угодно вамъ услышать его, пока мы здѣсь одни.... безъ свидѣтелей?

Розарита поблѣднѣла.

— Другое имя? О! говорите, — произнесла она дрожащимъ голосомъ.

— Нѣкогда его называли Тибурціо Арелланосъ.

Крикъ счастья вырвался изъ груди молодой дѣвушки, она поднялась съ своего мѣста, подошла къ гамбузино, схватила его руку и въ порывѣ страсти поднесла къ своимъ губамъ.

— Благодарю! благодарю! — вскричала она, — хотя мое сердце мнѣ уже его сказало.

Потомъ, шатаясь, прошла она залу и пала на колѣни передъ образомъ Мадонны.

— Тибурціо Арелланосъ, — произнесъ гамбузино, — теперь Фабіанъ, послѣдній изъ графовъ Медіана, благородной и могущественной фамилія въ Испаніи.

Молодая дѣвушка продолжали молиться, не слыша, казалось, словъ Гайфероса.

— Огромное имѣніе, громкое имя, титла, почести, вотъ что подвергаетъ онъ къ ногамъ женщины, которая будетъ ему принадлежать.

Молодая дѣвушка все молилась горячо, не оборачивая головы.

— Впрочемъ, — продолжалъ гамбузино, — сердце Фабіана де Медіана, не забыло ничего, что знало сердце Тибурціо Арелланоса.

Розарита прервала свою молитву.

— Тибурціо Арелланосъ будетъ сегодня вечеромъ здѣсь, если вамъ будетъ угодно его выслушать.

Не Фабіана графа де Медіана, но Тибурціо, бѣднаго и неизвѣстнаго, дѣвушка любила и оплакивала. Только при этомъ имени она стала слушать. Что ей было за дѣло до почестей, богатства, титловъ? Фабіанъ былъ живъ и любилъ ее: чего ей еще болѣе нужно?

— Если вамъ угодно будетъ отправиться сегодня вечеромъ на проломъ въ стѣнѣ, гдѣ вы съ нимъ разстались, вы его тамъ найдете сегодня. Помните вы это мѣсто, о которомъ я говорю?

— О! Боже мой, — процептала молодая дѣвушка, — какъ будто я не ходила туда каждый вечеръ!

И все склонившись передъ образомъ Мадонны, молодая дѣвушка продолжала прерванную молитву. Гамбузино нѣсколько минутъ смотрѣлъ на это прекрасное и пламенное созданіе, стоявшее на колынахъ подъ шелковымъ покрываломъ, на эти открытыя плеча, по которымъ раскинулись длинныя косы ея волосъ, которыя мягкими кольцами висѣли и падали на полъ залы... потомъ онъ быстро вышелъ вонъ.

IX.

Возвращеніе.

Когда донъ Августинъ вернулся въ залу, онъ нашелъ свою дочь все еще стоящую на колынахъ; онъ ждалъ, чтобы она кончила свою молитву. Положительное извѣстіе о смерти донъ Эстевава такъ занимало его, что онъ естественно приписалъ молитву Розариты этой-же самой причинѣ. Онъ думалъ, что она молилась такъ горячо за упокой души того, чей таинственный конецъ они только что узнали.

— Каждый день, въ продолженіе года, — произнесъ онъ, — капелланъ будетъ служить обѣдню въ память донъ Эстевава, потому что этотъ чловѣкъ говорилъ о правосудіи Божиемъ, которое совершилось въ пустынѣ. Слова эти важны; и голосъ, съ какимъ онъ ихъ сказалъ, не оставляютъ мнѣ никакого сомнѣнія на счетъ его правдивости.

— Упокой Господи его душу! — прознесла Розарита, поднимаясь.

— Упокой Господи его душу! — торжественно повторилъ донъ Августинъ; — это благородный донъ Эстевавъ де Арихиза; или лучше, чтобы ты знала наконецъ, Розарита, донъ Антонио де Медіана, при жизни своей маркизъ де Казарсель и герцогъ Армада.

— Медіана! сказали вы, отецъ мой, — вскричала молодая дѣвушка, — какъ?... такъ это его сынъ?

— О комъ ты говоришь? — спросилъ удивленный донъ Августинъ. — Донъ Антонио никогда не былъ женатъ. Чтоже ты хотѣла сказать?

— Ничего, отецъ мой, но знайте, что сегодня ваша дочь очень счастлива!

Произнеся эти слова, донья Розарита обвила руками шею своего

отца, припала головой къ его груди и залилась слезами. Но ея слезы не имѣли ничего горькаго; слезы молодой дѣвушки текли тихо, подобно росѣ, которая падаетъ по утру съ пурпуровыхъ цвѣтковъ американскаго жасмина.

Гаціэндеро, мало понимая женское сердце, не зналъ, какую отраду иногда женщины находятъ въ слезахъ, и онъ не понималъ, какое счастье вырываетъ слезы у его дочери.

Онъ снова ее спросилъ; но она улыбаясь и съ глазами еще влажными отвѣчала:

— Завтра я вамъ скажу все.

Честный гаціэндеро дѣйствительно очень нуждался, чтобы ему объяснили эту тайну, въ которой онъ не понималъ ни слова.

— Намъ остается еще исполнить одинъ долгъ,—произнесъ онъ,— последнее желаніе, которое выразилъ донъ Антоніо, разставаясь со мною, было видѣть тебя замужемъ за Трагадуромъ. Для исполненія воли покойнаго не нужно долге откладывать этого брака. Ты имѣешь что-нибудь противъ этого, Розарита?

Молодая дѣвушка затрепетала при этихъ словахъ, которыя напоминали ей обѣщаніе, о которомъ она старалась забыть. Грудь ея поднялась и слезы снова потекли.

— Хорошо, — говорилъ гаціэндеро, улыбаясь; — это также отъ счастья, не правда-ли?

— Отъ счастья, — повторила Розарита; — о! нѣтъ! отецъ мой.

Донъ Августинъ не зналъ, что и подумать; онъ употребилъ всю свою жизнь на разгадываніе хитростей надѣйцевъ, противъ которыхъ онъ долго долженъ былъ оспаривать свои владѣнія, но не на изученіе сердца женщины.

— Отецъ мой! — вскричала Розарита, — теперь этотъ бракъ будетъ смертнымъ приговоромъ для вашего бѣднаго дитяти.

При этомъ внезапномъ открытіи, котораго донъ Августинъ вовсе не ожидалъ, онъ совершенно остолбенѣлъ, съ трудомъ подавляя гнѣвъ.

— Какъ! — вскричалъ онъ съ живостью, — не согласилась-ли ты сама на этотъ бракъ мѣсяць тому назадъ? Не назначила-ли ты сама срокъ, когда мы навѣрно узнаемъ, что донъ Эстебанъ болѣе не можетъ вернуться? Онъ умеръ, чего-же ты хочешь теперь?

— Правда, я назначила срокъ.

— Ну?

— Но я не знала тогда, что онъ живъ.

— Донъ Антонио де-Медіана?

— Нѣтъ, донъ-Фабіанъ де-Медіана, — тихо проговорила Розарита.

— Донъ-Фабіанъ? — кто это такой донъ-Фабіанъ, о которомъ ты говоришь?

— Тотъ, кого мы звали прежде Тибурціо Арелланосъ.

Донъ-Августинъ онѣмѣлъ отъ изумления; дочь, пользуясь его молчаніемъ, произнесла....

— Когда я согласилась на этотъ бракъ, я думала, что донъ-Фабіанъ навсегда потерявъ для насъ; я не знала, что онъ меня еще любить и.... судите сами, люблю-ли я васъ, мой отецъ?... Подумайте, какую тяжелую жертву я приносила вамъ.... Я знала хорошо.... Произнося эти слова, бѣдная дѣвушка подошла къ отцу, вооруженная всею очарованіемъ своего взгляда, подернутаго слезой; потомъ опершись на его плечо и скрывая зардѣвшееся личико, она прошептала:

— Я знала хорошо, что я все еще его любила.

— Но объ комъ-же ты говоришь?

— О Тибурціо Арелланосъ, о графѣ Фабіанѣ де-Медіана, которые составляютъ одно и тоже лицо.

— О графѣ де-Медіана! — повторилъ донъ-Августинъ.

— Да! но, — вскричала съ жаромъ Розарита, — я люблю въ немъ только Тибурціа Арелланоса, — не смотря на его богатства и могущество, титла, которые теперь принадлежатъ Фабіану де-Медіана.

Богатство, могущество, титла, три слова, которыя всегда пріятно звучатъ въ ухахъ честолюбиваго отца, особенно когда они принадлежатъ молодому человѣку, котораго считали бѣднымъ. Тибурціо Арелланосъ не получилъ-бы отъ донъ-Августина ничего кромѣ отказа, разумѣется смягченнаго нѣжными словами; но теперь Фабіанъ де-Медіана не имѣлъ-ли всѣхъ выгодъ на своей сторонѣ?

— Но, скажешь-ли ты мнѣ наконецъ, какимъ образомъ Тибурціо Арелланосъ могъ быть Фабіаномъ де-Медіана? — спросилъ донъ-Августинъ болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ гнѣвомъ; кто тебѣ сообщилъ эту новость?

— Вы не остались до конца разсказа гамбузино, иначе вы-бы узнали, что молодой товарищъ этихъ двухъ предприимчивыхъ охотни-

ковъ былъ никто другой, какъ Тибурціо Арелланосъ, подъ именемъ Фабіана. Теперь, — когда одинъ и раненый, онъ удался изъ гацінды, какимъ образомъ онъ нашелъ неожиданныхъ себѣ покровителей? Какое родство между Тибурціо и герцогомъ Армада? Вотъ чего я сама не знаю; но этотъ человекъ знаетъ и онъ вамъ скажетъ.

— Позвать его сію-же минуту, — быстро произнесъ донъ-Августинъ.

И онъ позвалъ слугу, которому приказалъ сейчасъ его привести. Донъ-Августинъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія Гайфероса, но его искали напрасно.... гамбузино исчезъ.

Мы сейчасъ объяснимъ причину этого внезапнаго отъѣзда. Въ это же самое время вошелъ другой слуга съ извѣстіемъ, что пріѣхалъ въ гацінду Трагадуръ.

Это одновременное возвращеніе Трагадура и пріѣздъ Фабіана былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые гораздо чаще, чѣмъ думаютъ, встрѣчаются въ дѣйствительной жизни.

Розарита, чтобы обезпечить себѣ союзника въ отцѣ, поспѣшила поцѣловать его нѣжно и напомнить, что питомецъ, усыновленный гамбузино, сдѣлался наслѣдникомъ богатой испанской фамиліи. Пусть въ такомъ образомъ двѣ стрѣлы противъ Трагадура, молодая дѣвушка убѣжала изъ залы....

Трагадуръ вошелъ какъ человекъ, который чувствуетъ, что его пріѣздъ всегда приятенъ. Онъ имѣлъ видъ будущаго зятя; онъ получилъ слово отца и согласіе дочери, хотя это согласіе было выражено молчаніемъ.

Впрочемъ, не смотря на самодовольствіе и увѣренность въ будущее, Трагадуръ не могъ не замѣтить важнаго, почти торжественнаго вида донъ-Августина, и считалъ нужнымъ разспросить его о причинѣ этого.

— Донъ-Эстебанъ де-Арехиза, герцогъ Армада, не существуетъ болѣе, — сказалъ гаціндеро; — мы съ вами потеряли благороднаго и дорогаго друга!

— Какъ! умеръ! — вскричалъ Трагадуръ, закрывая лицо батистовымъ вышитымъ платкомъ. — Бѣдный донъ-Эстебанъ! я не знаю, утѣшусь-ли я когда-нибудь.

Впрочемъ его сожалѣніе далеко было несогласно съ его тайною мыслию.

Признавая вполнѣ безчисленныя одолженія донъ-Эстебана, онъ не

могъ удержаться, чтобы не вспомнить, что еслибы донъ-Эстеваъ былъ живъ, онъ принудилъ-бы его разстратить половину приданого жены въ политическихъ предпріятіяхъ.... пол-миліона, которые онъ долженъ былъ бы бросить на вѣтеръ!...

— Правда, — говорилъ онъ самъ съ собою, — я не буду ни графъ, ни маркизъ, ни герцогъ; по моему пол-миліона пріятіе, чѣмъ всѣ титла, и больше доставятъ мнѣ наслажденія.... Притомъ это печальное событіе приближаетъ день моей свадьбы.... Послѣ всего этого, быть можетъ, смерть донъ-Эстевана вовсе не несчастіе.

— Бѣдный донъ-Эстеваъ, — продолжалъ онъ громко, — какой неожиданный ударъ!

Трагадуръ долженъ былъ въ послѣдствіи понять, что для него гораздо было-бы лучше, если-бы донъ-Эстеваъ былъ живъ. Мы его оставимъ съ гаціндеро и послѣдуемъ за Гайферосомъ; мы думаемъ, что читателю пріятно будетъ съ нимъ встрѣтиться.

Гамбузино осѣдлалъ свою лошадь и не будучи замѣченъ ни кѣмъ, переѣхалъ равнину и снова отправился по дорогѣ въ президу.

По дорогѣ гамбузино рѣдко встрѣчалъ путешественниковъ и если случайно какой-нибудь всадникъ показывался вдали, то гамбузино, подѣвжая и раскланиваясь, съ нетерпѣніемъ видѣлъ, что это не тѣ, кого онъ ждалъ.

День приближался къ концу, и было довольно уже поздно, когда Гайферосъ радостно вскрикнулъ при видѣ трехъ путешественниковъ, которые быстро приближались.

Эти путешественники были канадецъ, Пепе и Фабіанъ де-Медіана. Канадецъ ѣхалъ на сильномъ мулѣ, который былъ выше и крупче, чѣмъ бываетъ самая огромная лошадь.

У Фабіана и Пепе были превосходныя лошади, которыхъ они завоевали у индійцевъ.

Молодой человекъ очень перемѣнился съ-тѣхъ-поръ, когда онъ въ первый разъ вступилъ въ гацінду дель-Венадо.

Неумолимыя воспоминанія провели нѣсколько преждевременныхъ морщинъ на его челѣ, щеки ввалились и глаза, казалось, сдѣлались еще больше, еще блестяще. Огонь, который въ нихъ горѣлъ, не былъ огнемъ молодости, когда кровь кипитъ; это было мрачное отраженіе пожирающей страсти. Но конечно, въ глазахъ женщины, его!

блѣдность, его худоба и болѣзненный блескъ его взгляда дѣлали графа де-Медіана гораздо интереснѣе и красивѣе.

Что касается до мужественныхъ лицъ охотниковъ, то солнце, труды и опасности всякаго рода ни въ чемъ ихъ не измѣнили.

Они не показали ни малѣйшаго удивленія при встрѣчѣ съ гамбузино; но жадное любопытство выразилось въ ихъ глазахъ; взглядъ Гайфероса скоро ихъ успокоилъ, и радость отразилась на ихъ физиономіяхъ. Конечно, этотъ взглядъ имъ говорилъ, что все идетъ по ихъ желанію. Фабианъ одинъ удивился встрѣтить своего стараго товарища такъ близко отъ гаціэнды дель-Венадо.

— Вы простились съ нами подлѣ Тубакъ, чтобы опередить насъ?— спросилъ онъ у гамбузино.

— Безъ сомнѣнія; развѣ я вамъ не сказалъ?

— Я не такъ понялъ,— отвѣчалъ Фабианъ, и не обращая болѣе вниманія на все окружающее, онъ снова впалъ въ свое мрачное молчаніе.

Гайферосъ повернулъ лошадь и четыре всадника молча продолжали путь.

Около часу прошло такимъ образомъ; только Гайферосъ и канадецъ тихо помѣнялись нѣсколькими словами, но такъ, что Фабианъ, постоянно погруженный въ себя, ничего не замѣтилъ. Прошедшее, такъ недавно случившееся воскресло въ памяти трехъ путешественниковъ. Они снова проѣзжали равнину, которая тянется по ту сторону Сальто-де-Агуа, потомъ черезъ нѣсколько минутъ они подъѣхали къ водопаду, который все также ревѣлъ между камнями. Мостъ, подобный старому, замѣнилъ сброшенный въ пропасть.

Канадецъ слѣзъ на минуту съ своего мула.

— Смотри, Фабианъ,— произнесъ онъ,— здѣсь стоялъ донъ Эстебанъ; тутъ были четыре бандита, я исключаю бѣднаго Діаза, грозу индѣйцевъ. Смотри, вотъ еще слѣдъ твоей лошади, когда она поскользнулась на скалѣ и увлекла тебя въ своемъ паденіи. О! Фабианъ, дитя мое, я вижу еще воду, которая кипитъ надъ тобой, мнѣ кажется эхо повторять еще мой крикъ отчаянія. Какимъ необузданнымъ, молодой человекъ, ты былъ тогда!

— А теперь?— произнесъ Фабианъ, грустно улыбаясь,— развѣ я не тотъ?

— О, нѣтъ! теперь ты имѣешь мужественный видъ индѣйскаго

война, который улыбается мученіямъ пытки. При видѣ этихъ мѣстъ твое лицо спокойно, между-тѣмъ, я увѣренъ, что эти воспоминанія раздражаютъ твое сердце; не правда-ли, Фабианъ?

— Вы ошибаетесь, отецъ мой, мое сердце подобно этому утесу, гдѣ хотя вы и говорите, я не вижу слѣдовъ моей лошади, и моя память молчитъ, какъ вхо вашего собственного голоса, которое, вамъ кажется, что вы слышите. Я вамъ уже сказалъ, что передъ тѣмъ, какъ навсегда вернуться въ степи, чтобы жить въ дали отъ людей, вы предложили мнѣ въ родѣ испытанія посмотрѣть всѣ эти мѣста моихъ воспоминаній. Я вамъ сказалъ что у меня нѣтъ никакихъ воспоминаній.

Слеза выкатилась изъ глазъ канадца; но онъ ее скрылъ, повернувшись спиной къ Фабиану, чтобы сѣсть на мула. Путешественники перѣехали мостъ.

— Находите вы на этомъ мху, на этой землѣ слѣды моей лошади, когда я преслѣдовалъ донъ-Эстевана и его отрядъ?—спросилъ Фабианъ у Боа-Розе.—Нѣтъ, упавшіе въ послѣднюю зиму листья съ деревьевъ скрыли ихъ и они заросли травой.

— А! если бы я захотѣлъ только приподнять эти листья и траву, я нашелъ-бы твои слѣды, Фабианъ, также какъ если бы я захотѣлъ порыться въ глубинѣ твоего сердца....

— Я вамъ говорю, вы не найдете ничего,—съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ сказалъ Фабианъ; — впрочемъ я ошибаюсь, вы найдете воспоминанія дѣтства, и еще тѣ, которыя относятся къ вамъ, отецъ мой.

— Я тебѣ вѣрю, Фабианъ, вѣрю, но ты для меня дороже цѣлой моей жизни и я тебѣ говорю, что не иначе я приму твою жертву, какъ завтра въ это время, когда ты осмотришь все, даже тотъ проломъ въ стѣнѣ, черезъ который ты уходилъ съ раною въ сердце и въ груди. Фабианъ почувствовалъ, что дрожь пробѣжала по его тѣлу...

Наконецъ путешественники остановились въ рощѣ, лежащей между Сальто-де-Агуа и гаціэндой, на той-же самой полянѣ, гдѣ Фабианъ встрѣтилъ канадца и Пепе, какъ друзей, посланныхъ ему отъ Бога.

Всадники разнуздали и разсѣдали лошадей и привязали ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Такъ какъ они ѣхали цѣлую ночь, чтобы избѣжать дневнаго жара, то и рѣшили отдохнуть теперь въ тѣни деревьевъ.

Гайферось уснуль первый; его любовь къ Фабиану была безъ всякихъ опасеній за будущность его.

Пепе послѣдовалъ скоро его примѣру; одинъ канадецъ и Фабианъ не смыкали глазъ.

— Ты не спишь, Фабианъ? — сказалъ тихо Боа-Розе.

— Нѣтъ, но вы сами отчего не хотите успокоиться немножко, какъ наши два товарища?

— Не спится, Фабианъ, на мѣстахъ завѣтныхъ, — отвѣчалъ старшій охотникъ, — это мѣсто дорого для меня. Не на этомъ-ли мѣстѣ совершилось чудо, когда я нашелъ тебя въ глубинѣ американскихъ лѣсовъ, потерявъ на безграничномъ океанѣ?

— Я также думаю какъ и вы, мой отецъ, и повинуюсь вамъ.

— Благодарю, Фабианъ, благодарю Бога, что Онъ далъ тебѣ такое благородное и любящее сердце. Смотри, вотъ слѣды костра, возлѣ котораго я тогда сидѣлъ; вотъ головни, вотъ дерево, о которое я опирался въ тотъ вечеръ, самый лучший въ моей жизни... ты украсилъ ее для меня. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я нашелъ тебя, каждый день моего существованія былъ днемъ блаженства, до-тѣхъ-поръ, пока я наконецъ не понялъ, что моей одной вѣжности недостаточно для молодого сердца, что оно жаждетъ другой любви.

— Зачѣмъ всегда обращаться къ этому предмету, отецъ мой? — отвѣчалъ Фабианъ съ тою кроткою покорностью, которая бываетъ горьче всякаго упрека.

— Хорошо! не будемъ говорить о томъ, что для тебя тяжело, мы поговоримъ объ этомъ послѣ испытанія, которому ты долженъ подвергнуться.

Отецъ и сынъ, мы можемъ ихъ такъ назвать, снова погрузились въ молчаніе.

Солнце спускалось къ горизонту, легкій вѣтерокъ ласкалъ своимъ дыханіемъ листья деревьевъ; уже птички, перелетая съ дерева на дерево, подыали свое чириканье, насѣкомыя запрыгали въ травѣ, издали неслось уже рычаніе звѣрей: это были хозяева рощи, которые приветствовали возвращеніе прохлады.

Два спавшіе товарища проснулись.

Послѣ непродолжительнаго и сытнаго ужина, которымъ Гайферось запасся въ гаціэндѣ дель-Венадо, всѣ четверо въ молчаніи ждали торжественной минуты испытанія.

Много времени еще протекло, пока наступила совершенная темнота.

Мало-по-малу глубокая тишина распространилась кругомъ, миллионы звѣзд засверкали на небѣ, какъ-будто искры, разбросанныя солнцемъ на своемъ пути; потомъ наконецъ показалась луна и осеребрила верхушки деревьевъ и мохъ на полянѣ.

— Не зажжемъ-ли мы костеръ? — спросилъ Пепе.

— Безъ сомнѣнія. Что бы ни случилось, мы проведемъ ночь здѣсь, — отвѣчалъ Боа-Розе. — Какъ ты думаешь, Фабіанъ?

— Мнѣ все-равно; — отвѣчалъ молодой человекъ, — здѣсь или тамъ, не все-ли мы вмѣстѣ!

Фабіанъ давно уже понялъ, что канадецъ не можетъ даже вмѣстѣ съ нимъ жить посреди городовъ, не жалѣя свободы и воздуха степей, онъ также зналъ, что ему еще труднѣе будетъ жить безъ него и онъ великодушно приносилъ себя въ жертву послѣднимъ годамъ жизни стараго охотника.

Боа-Розе понялъ-ли всю обширность жертвы Фабіана, и слеза, которую онъ скрылъ по утру, не была-ли слеза благодарности? Мы сейчасъ узнаемъ все.

Звѣзды показывали одиннадцать часовъ.

— Скажи, мое дитя, положи руку на сердце, на мѣстѣ, гдѣ ты расстался съ женщиной, которую ты, быть-можетъ, еще любишь, если ты не чувствуешь, что оно сильнѣе бьется, то пойдемъ вмѣстѣ назадъ, ты побѣдилъ прошедшее.

— Я пойду, отецъ мой, — отвѣчалъ Фабіанъ твердымъ голосомъ, — воспоминанія для меня какъ дуновеніе вѣтерка, который пробѣгаетъ надо мной, не оставляя слѣда.

Онъ пошелъ тихимъ шагомъ. Прохладный вѣтерокъ умѣрялъ горячія испаренія земли.

Великолѣпная луна проливала свой свѣтъ на равнину, когда Фабіанъ, выйдя изъ опушки лѣса, вступилъ на пространство, лежащее между лѣсомъ и окопомъ гаціанды.

До-сихъ-поръ онъ шелъ твердымъ шагомъ, хотя тихо, но когда посреди серебристыхъ паровъ ночи онъ замѣтилъ бѣлую стѣну, въ которой виднѣлся проломъ, шаги его уменьшились и ноги дрожали. Предчувствовалъ-ли онъ свое паденіе, котораго страшился, потому что внутренній голосъ ему говорилъ, что онъ уже побѣжденъ, или

были это воспоминанія, которыя здѣсь живѣе и сильнѣе поднялись въ немъ какъ волны моря?

Глубокая тишина царствовала вокругъ; ночь была свѣтла; легкія испаренія поднимались изъ земли. Вдругъ Фабіанъ остановился, задрожавъ, какъ сбившійся путникъ, который видитъ передъ собою привидѣніе. Воздушная бѣлая форма, казалось, рисовалась надъ проломомъ стѣны. Она была подобна одной изъ тѣхъ фей старинныхъ сѣверныхъ легендъ, которыя рѣяли надъ зыбью тумановъ. Это былъ геній любви. Одну минуту казалось Фабіану, что граціозное явленіе исчезло, но то былъ обманъ его зрѣнія, глаза его невольно потускли. Онъ собрался съ силами и приблизился... видѣніе не двигалось.

Сердце молодого человѣка готово было разорваться въ груди; страшная мысль мелькнула въ его умѣ; онъ думалъ, что передъ нимъ тѣнь Розариты...

Голосъ, сладостный звукъ, который поразилъ его слухъ подобно божественному звуку, упавшему съ небесъ, не могъ разсѣять его заблужденія: этотъ голосъ говорилъ:

— Это вы, Тибурціо? я ждала васъ.

Не ясновидѣніе-ли духа съ того свѣта одно могло предсказать его возвращеніе изъ такой дали?

— Вы-ли это, Розарита?—вскричалъ Фабіанъ, совершенно потерявшись,—или это только обманчивое видѣніе, которое быстро исчезнетъ?

И Фабіанъ стоялъ какъ прикованный къ своему мѣсту, такъ боялся онъ, чтобы это чудное явленіе не исчезло.

— Это я, я, — проговорилъ голосъ.

— Боже мой! испытаніе будетъ тяжелѣе, чѣмъ я смѣлъ думать! Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился: бѣдный молодой человѣкъ не надѣялся болѣе ничего.

— По какому чуду я нахожу васъ здѣсь? — вскричалъ онъ.

— Я прихожу сюда каждый вечеръ, Тибурціо,—отвѣчала молодая дѣвушка. Фабіанъ вздрогнулъ на этотъ разъ отъ любви и надежды. Мы уже видѣли, что Розарита, при прежней встрѣчѣ съ Фабіаномъ, рѣшилась-бы скорѣе умереть, чѣмъ сказать, что она его любитъ. Съ того времени она столько страдала, столько плакала, что на этотъ разъ любовь побѣдила застенчивость.

— Приблизьтесь, Тибурціо.... возьмите.... вотъ моя рука.

Фабіанъ въ одинъ прыжокъ очутился у ногъ ей, онъ судорожно сжималъ протянутую ему руку; но напрасно старался говорить.

Молодая дѣвушка съ нѣжнымъ безпокойствомъ смотрѣла на него.

— Дайте мнѣ посмотреть на васъ... какъ вы перемѣнились, Тибурціо.... О! печаль оставила слѣды на вашемъ челѣ, но его украшаетъ теперь слава. Вы также смѣлы, какъ и прекрасны, Тибурціо; я съ гордостью услышала, что никакая опасность не заставляла васъ блѣднѣть.

— Вы знаете, говорите вы? но что вы знаете? — вскричалъ Фабіанъ.

— Все, Тибурціо, даже всѣ ваши тайныя мысли.... я все знала, даже вашъ приходъ сюда.... Понимаете вы?... И я здѣсь!

— Прежде чѣмъ я осмѣлюсь васъ понять, Розарита, потому-что теперь ошибка можетъ меня убить на мѣстѣ, — произнесъ Фабіанъ, потрясенный до глубины души словами и нѣжнымъ видомъ молодой дѣвушки, — отвѣйте вы мнѣ.... на одинъ вопросъ.... если я осмѣлюсь вамъ его предложить?

— Осмѣливайтесь, Тибурціо, — съ нѣжностію отвѣчала Розарита, — я сюда пришла за тѣмъ, чтобы васъ слышать.

— Слушайте; тому шесть мѣсяцевъ назадъ, я долженъ былъ отмстить и смерть матери и того челоуѣка, который замѣнилъ мнѣ отца Марко-Арелланоса; если вы все знаете, то должны знать также, что я болѣе не....

— Для меня вы всегда будете Тибурціо, — прервала Розарита, — я не знаю довѣ Фабіана де-Медіана.

— Несчастный, осужденный расплатиться за свое преступленіе, убійца Марко-Арелланоса, однимъ словомъ, Кухилло, умолялъ о пощадѣ. Я не могъ этого сдѣлать, но онъ вскричалъ: «Я прошу во имя дови Розариты, которая васъ любитъ, я слышалъ....» Преступникъ висѣлъ надъ пропастью, я готовъ былъ простить ему изъ любви къ вамъ, но одинъ изъ моихъ товарищей успѣшилъ его столкнуть въ стремнину. Сто разъ, въ тишинѣ почной, слышался мнѣ этотъ умоляющій голосъ, и я съ тоскою самъ себя спрашивалъ: «Что-же онъ слышалъ?» Теперь я у васъ самихъ спрашиваю, Розарита.

— Одинъ разъ, одинъ только разъ, мои уста измѣнили тайну моего сердца! Это было здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, когда вы по-

кинули нашъ домъ. Я вамъ повторю, что я тогда сказала. Казалось молодая дѣвушка собиралась съ силами, чтобы рѣшиться сказать мужчйнѣ, что она его любитъ, потомъ поднявъ на Тибурцію свое чистое чело, сіявшее чистотою невинности, которая не боится ничего, и ничего не знаетъ, произнесла :

— Я слишкомъ много страдала отъ недоразумѣнія, чтобъ оставлять его еще между нами: теперь я повторю вамъ прямо, что я тогда сказала. Вы бѣжали отъ меня Тибурцію; я знала, что вы далеко, я думала, что одинъ Богъ меня слышитъ, и вскричала: «Вернись, Тибурцію! вернись! Тебя одного я люблю!» Фабианъ, дрожа отъ любви и счастья, съ благоговѣніемъ преклонился передъ этой дѣвушкой. Въ эту минуту весь міръ для него не существовалъ: Боа-Розе, прошедшее, будущее, все сгладилось какъ сновидѣніе при пробужденіи, и онъ вскричалъ перерывающимся голосомъ:

— Твой навсегда, вся жизнь моя отнынѣ принадлежитъ тебѣ.

Розарита вскрикнула. Фабианъ обернулся и остался какъ громомъ пораженный. Опершись на длинный свой карабинъ, въ двухъ шагахъ отъ нихъ стоялъ Боа-Розе и съ нѣжностью смотрѣлъ на молодыхъ людей.

Это было осуществленіе его сна на островкѣ Ріо-Жилы.

— Отецъ мой! — съ тоскою вскричалъ Фабианъ, — простите-ли вы меня, что я не устоялъ и побѣжденъ?

— Кто-бы устоялъ на твоемъ мѣстѣ, мой дорогой Фабианъ? — улыбаясь отвѣчалъ канадецъ.

— Я измѣнилъ клятвѣ, отецъ мой; я обѣщалъ никого не любить, кромѣ васъ. Простите! простите!

— Дитя! ты-ли просишь прощенія, когда я долженъ просить у тебя. Ты былъ великодушнѣ меня, Фабианъ. Левъ, который вырываетъ изъ рукъ охотника своего львенка, никогда не уносилъ его въ свое логовище съ болѣе дикою любовью, чѣмъ я отрывалъ тебя отъ жилищъ, чтобы увлечь съ собою въ пустыню. Я былъ счастливъ, потому что въ тебѣ сосредоточивалась вся моя любовь; я думалъ, что ты также можешь быть счастливымъ. Ты не ропталъ, ты не колеблясь

пожертвовалъ всѣми сокровищами молодости. Я не захотѣлъ, чтобы это такъ было, но и здѣсь я дѣйствовалъ какъ эгоистъ, потому что если бы горе тебя убило, я тоже бы не былъ живъ.

— Что вы хотите сказать? — вскричалъ Фабіанъ.

— Что я хочу сказать, дитя? Кто сторожилъ твой сонъ, чтобы подслушать тайныя желанія твоего сердца? Это я. Кто хотѣлъ провозвать до этихъ мѣстъ человѣка, котораго твое вмѣшательство заставило меня спасти изъ рукъ апаховъ? Кто его послалъ къ этой прекрасной, молодой дѣвушкѣ узнать, сохранилось-ли въ ея сердцѣ воспоминаніе о тебѣ? Все сдѣлалъ это я, мое дитя, потому что твое счастье въ тысячу разъ дороже мнѣ моего собственнаго. Кто тебя убѣдилъ подвергнуться этому послѣднему испытанію? я же, зная, что ты не устоишь! Завтра, говорилъ я тебѣ, приму твою жертву; но Гайферось прочелъ самыя глубокія тайны этого чистаго созданія. Что ты мнѣ говоришь о прощеніи, когда я тебѣ повторяю, что это я долженъ просить твоего прощенія!

Канадецъ, произнесъ эти слова, протянулъ руку Фабіану, который бросился въ его объятія.

— О! отецъ мой, столько счастья меня страшитъ, ни одинъ человѣкъ не былъ никогда такъ счастливъ, какъ я.

— Горе прійдетъ, когда Богъ захочетъ, — торжественно произнесъ канадецъ.

— Но вы, что съ вами будетъ? — съ тоскою спросилъ Фабіанъ, — ваше удаленіе будетъ каплею жолчи въ кубкѣ моего счастья!

— Богу не угодно, дитя мое! Правда, я не могу жить въ городахъ; но это жилище, которое будетъ вашимъ, не стоитъ-ли оно на границѣ степей? Не имѣю-ли я передъ собой безконечное пространство? Я выстрою съ Пепе.... Эй! Пепе, — громко закричалъ охотникъ, — иди подтвердить мое обѣщаніе.

Пепе и Гайферось приблизились по зову охотника.

— Я выстрою вмѣстѣ съ Пепе, — продолжалъ онъ, — хижину на томъ

мѣсть, гдѣ мы тебя нашли. Правда, что, быть можетъ, мы не всегда будемъ дома; но если тебѣ прійдетъ мысль позже ѣхать въ Испанію требовать имени и состоянія своихъ предковъ, или идти къ той извѣстной долигѣ, ты всегда найдешь друзей, готовыхъ слѣдовать съ тобою на край міра. Иди, мой Фабіанъ, я надѣюсь быть счастливѣе тебя, и буду пользоваться двойнымъ блаженствомъ собственнымъ своимъ.... и твоимъ.

Къ чему болѣе останавливаться на подобныхъ сценахъ? Счастье такъ неуловимо, что оно не выноситъ ни анализа, ни описанія.

— Теперь остается одно только препятствіе,—сказалъ охотникъ :—отецъ этой молодой дѣвушки....

— Завтра онъ будетъ ожидать своего сына,—тихо прервала Розарита, вся закраснѣвшись.

— Ну! такъ дайте мнѣ благословить моего.

Фабіанъ опустился на колѣни передъ канадцемъ.

Охотникъ снялъ свою мѣховую шапку и, воздвѣвъ омоченные слезами глаза къ звѣздному небу, произнесъ:

— Господи, ниспосли Твое благословіе моему сыну... солѣлай, чтобъ дѣти также любили его самого, какъ онъ любилъ старика Боа-Розе!....

На другой день послѣ описаннаго нами вечера, знаменитый Трагадуръ печально возвращался въ Ариспу.

— Я зналъ, — говорилъ онъ себѣ, — мнѣ всегда придется оплакивать дону Эстевана.... Мнѣ осталось-бы по-крайней-мѣрѣ, отъ приданаго жены—почетъ и полмилліона.... Его отсутствіе разрушило все.... Жаль, жаль, что умеръ донъ Эстеванъ.

Спустя нѣсколько времени, на полянѣ, знакомой читателю, видѣлась хижина, сложенная изъ пней и древесной коры. Часто, очень часто навѣщалъ ее Фабіанъ съ своею молодою, любимой женою—Розаритой.

Что было позже — отправлялся-ли Фабіанъ съ двумя безстрашными охотниками въ Золотую Долину, или ѣздилъ съ ними въ Испанію....

когда-нибудь и это расскажем мы.... Но теперь, въ заключение, прибавимъ, что если земное счастье — не пустая мечта, то его можно было-бы найти въ гаціидѣ дель-Венадо у Фабіана и Лъснаго Ски-тальяца.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

БАЛЕТЪ ВЪ РОССИИ.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЗНАМЕНИТОМЪ ХОРЕГРАФЪ К. Л. ДИДЛО.

(Статья послѣдняя, А. П. Глушковаго.)

Въ 1836 году, въ началѣ декабря мѣсяца, въ 9 часовъ вечера, приходитъ ко мнѣ служитель изъ гостиницы Леблана и говоритъ, что изъ Петербурга пріѣхала иностранка, г жа Кафарелли, которая имѣетъ крайнюю нужду видѣться со мною, и потому проситъ меня немедленно къ себѣ. Я удивился, услышавъ незнакому мнѣ фамилію; но странность приглашенія меня очень заинтересовала: какую надобность можетъ во мнѣ имѣть иностранка — подумалъ я — и тотчасъ-же отправился, съ пришедшимъ имъ нѣмъ служителемъ, въ гостиницу Леблана.

Вхожу: служитель отворяетъ дверь и.... представьте мое удивленіе? вмѣсто Mme Кафарелли предо мною стоятъ Дидло, и, низко присѣдая, помирая со смѣху отъ моего удивленія. Мы бросились обнимать другъ друга, потому что уже семь лѣтъ не видались, не переставая переписываться. Первое дѣло съ моей стороны было спросить его о причинѣ пріѣзда въ Москву. Ояъ

сказалъ, что прѣхалъ для своего разсѣянія, и посмотрѣть Москву, которая такъ велика своими историческими событіями, но что пробудетъ здѣсь не долго, ибо торопится провести лѣто въ Кіевѣ и возстановитъ тамъ свое здоровье физически и морально. Доктора совѣтовали ему избрать хорошей климатъ, и онъ выбралъ Кіевъ, чтобы не быть очень удалену отъ своего сына, который, по довольно важнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ остаться въ Петербургѣ.

Такъ какъ было уже довольно поздно, то на этотъ разъ мы скоро разстались. На другой день поѣхали мы вмѣстѣ смотрѣть московскіе соборы, грановитую палату, веходили на колокольню Ивана Великаго, откуда онъ любовался видомъ Москвы, и осмотрѣлъ колоколъ, вылитый при Аннѣ Іоановнѣ и поврежденный отъ пожара въ 1733 году, лежащія противъ Сената пушки, отбитыя у непріятеля въ 1812 году.

Во время нашего обозрѣнія нѣкоторыхъ московскихъ рѣдкостей, я думалъ, что я буду играть передъ Дидло роль объяснителя, а вышло напротивъ: я тутъ, какъ и прежде, во всемъ остался его ученикомъ! Онъ отлично зналъ русскую исторію, и по поводу осматриваемыхъ нами древностей, припоминалъ самыя отдаленныя эпохи нашей жизни. Онъ съ подробностію говорилъ о зарожденіи Москвы, о временахъ Грознаго, Лжедмитріевъ, и междуцарствія. Великіе памятники кремлевскіе: башни, дворцы, терема, гигантскія пушки вызывали у него множество самыхъ остроумныхъ археологическихъ замѣтокъ, которыя ясно обличали не поверхностнаго наблюдателя, а глубокаго знатока историческихъ фактовъ.

На слѣдующій день Дидло обѣдалъ у меня и тутъ, въ первый разъ, увидѣлъ жену и дѣтей моихъ. Онъ пѣнялъ мнѣ за то, что я былъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ, и ни разу не бралъ ихъ съ собою, чтобы показать имъ одинъ изъ лучшихъ городовъ въ Европѣ. Замѣтя у меня въ гостиной свой портретъ, висѣвшій на стѣнѣ, онъ былъ тронутъ до глубины души, обнялъ меня и сказалъ: «Я вижу, у тебя есть сердце и ты меня понимаешь!» Но онъ удивлялся, откуда я могъ достать его портретъ? Я отвѣчалъ ему, что живописецъ Барановъ, списывая съ него портретъ для Дирекціи Театровъ, оставилъ у себя копію, которую я всѣми силами постарался пріобрѣсти послѣ его смерти.

Въ тотъ же вечеръ мы были съ нимъ въ театрѣ: давали балетъ «Фенелла», поставленный г жею Гюлень. Дидло остался доволенъ балетомъ: онъ былъ въ его духѣ, имѣлъ содержаніе,

драматическій интересъ и здравый смыслъ. Во все пребываніе его въ Москвѣ мы видались каждый день и были почти неразлучны. Въ день своего отъезда въ Кіевъ, онъ сказалъ мнѣ, что думаетъ прожить въ Кіевѣ только одно лѣто, а послѣ, если не уѣдетъ во Францію, намѣренъ навсегда поселиться въ Москвѣ, потому что онъ очень любитъ Россію, а по его лѣтамъ и здоровью климатъ Петербургскій ему не такъ здоровъ. Видно было по всему, что Дидло скучалъ безъ занятія, театръ для него былъ пятая стихія. Говорили въ то время, что ему предлагали опять мѣсто балетмейстера въ Петербургѣ. Мнѣ кажется, что Дидло, по возвращеніи въ Москву, имѣлъ намѣреніе предложить свои услуги директору Московскаго театра и поставить на Московской сценѣ нѣсколько изъ своихъ старыхъ и новыхъ балетовъ, въ чемъ онъ навѣрное успѣлъ бы съ большою пользою для сцены, для публики и для театральной школы.

Но увы! человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Изъ Кіева Дидло часто писалъ мнѣ, по обыкновенію, вдаваясь въ археологическія разсужденія о тамошнихъ древностяхъ. Но онъ скучалъ о своемъ сынѣ, съ которымъ былъ въ разлукѣ: этотъ единственный сынъ былъ его любимецъ, и составлялъ, кажется, предметъ всѣхъ его помышленій. Въ первыхъ числахъ ноября мѣсяца я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что уже отправилъ въ Москву на долгихъ свою бібліотеку и нѣкоторыя вещи, а 15 ноября думаетъ самъ выѣхать. Черезъ нѣсколько дней получаю я изъ Кіева другое письмо, отъ его камердинера, съ извѣстіемъ что Дидло умеръ 7 ноября 1837 года, отъ нарыва въ горлѣ, который его задушилъ, и что онъ не болѣе недѣли былъ боленъ. Внезапная смерть Дидло сильно поразила меня: не прошло и двухъ недѣль послѣ того, какъ я получилъ отъ него письмо, — а теперь уже его не стало. Сколько замысловъ и предположеній рождаются въ головѣ человека; и одного дуновенія вѣтра достаточно, чтобъ опрокинуть весь этотъ карточный домикъ. И такъ не стало нашего знаменитаго хореографа, который въ своемъ родѣ былъ не только изъ числа первѣйшихъ артистовъ, но таковъ, что въ теченіи полвѣка не нашелся ему равный. Хотя въ первыхъ моихъ запискахъ, я и указывалъ на главнѣйшіе балеты Дидло, но я не исчислилъ ихъ всѣ; здѣсь я представляю, на основаніи писемъ его ко мнѣ, подробный перечень всѣхъ его произведеній. 1801 года Дидло, по своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, сочинилъ для своего дебюта балетъ *«Аполлонъ и Дафна»*. Балеты *«Зефиръ и*

Флора» (въ одномъ актѣ), *«Амуръ и Психея»*;— *«Ладра и Генрихъ или разбитіе мавровъ»* были имъ сочинены для Эрмитажнаго Театра: первый въ 1805, второй въ 1809, по случаю пріѣзда ихъ Величества Короля и Королевы Прусскихъ, а третій въ 1810 году. Въ послѣдствіи ови были поставлены и на Большомъ Императорскомъ Театрѣ. Кромѣ того, были поставлены на Эрмитажномъ Театрѣ еще маленькіе балеты въ одномъ дѣйствіи: *«Роландъ и Моргана»* и *«Пастухъ и Амадриада.»* Года, въ которомъ они были сочинены, не помню, а въ письмѣ своемъ ко мнѣ, самъ Дидло не упоминаетъ объ этихъ небольшихъ произведеніяхъ.

Въ 1811 году, 5 марта, Дидло отправился изъ Петербурга въ Лондонъ, и поставилъ тамъ нѣсколько новыхъ балетовъ своего сочиненія.

«Храбрый Алоизо и прекрасная Имогена», *«Алина, Королева Голландская»*, *«Сафо»*, *«Счастливое кораблекрушеніе или Шотландскія колдуньи»*, *«Отмищенная любовь»*, *«Ричардъ Львиное сердце»*, *«Происхожденіе живописи»*, *«Зефиръ и Флора»*, *«Хензи-Тао»* балетъ, по содержанію и обстановкѣ совершенно отличный отъ того, который онъ поставилъ въ Петербургѣ, заимствовавъ сюжетъ изъ сказки *«Красавица и чудовище.»* Ни одинъ изъ этихъ балетовъ не былъ представленъ здѣсь, исключая *«Зефиръ и Флора»*. По возвращеніи его Россію, въ 1816 году, были имъ сочинены слѣдующіе балеты:

Въ 1816 году *«Ацисъ и Галатея»*, представленный въ первый разъ 30 августа въ день тезоименитства Императора Александра I.

1817 года: *«Неожиданное возвращеніе»*, для дебюта его сына Карла;—11 января.

«Молодая молочница», для дебюта танцовщика Волава, 20 апрѣля.

«Карлосъ и Розальба или Любовникъ автоматъ», 30 августа и *«Тезей и Ариадна»*, 22 ноября.

«Венгерская Хижица или знамените изгнанники», 17 декабря.

1818 года: *«Зефиръ и Флора»*, въ томъ видѣ, какъ Дидло предѣлалъ его въ Парижѣ, 3 февраля.

«Молодая островитянка или Леонъ и Тамюда»; 14 февраля.

«Пастухъ и Амадриада», вновь возобновленный 25 іюля.

«Кашифъ Багдадскій или молодость Гарунъ-аль-Рашида», 30 августа.

«Приключеніе на охоту»; 2 декабря.

1819 года: «*Рауль де Креки или возвращеніе изъ Крестовыхъ походовъ*», 5 марта.

«*Хензи и Тао*», 30 августа. Кроме того, онъ возобновилъ въ этомъ же году прежній балетъ «*Лаура и Генрихъ или разбитіе мавровъ*»; 3 ноября.

1820 года: «*Карлъ и Лизбета*»; 7 іюля.

«*Кора и Алонзо или Дѣва солнца*»; 30 августа.

«*Евтемій и Евхариса или Тѣнь Либаса*»; 8 декабря.

1821 года: «*Альцеста или Сошествіе Геркулеса въ адъ*»; 1 февраля.

«*Роландъ и Моргана или Разрушеніе очарованнаго острова*; (въ пяти актахъ) 30 августа.

«*Деревянная нога*»; 14 ноября.

1823 года: «*Казацкій плясунчикъ*»; 15 февраля.

1825 года: «*Федра*»; 24 сентября.

1827 года: «*Дидона или истребленіе Карфагена*»; 24 октября.

«*Фавнъ*», «*Приношеніе любви*»; «*Маска или Испанскій вечеръ*» «*Сокрушенный идолъ*», — эти балеты были до того на скоро приготовлены, что не было даже времени, что-бы написать ихъ. Я не упоминаю здѣсь объ историческихъ дивертисманахъ и о танцахъ, придуманныхъ имъ для разныхъ оперъ. Кроме того, у него осталось нѣсколько балетовъ въ портъ-фейль: «*Еней и Лавинія*», «*Взбалмошная голова и доброе сердце*»; «*Проклятіе отца*»; «*Бѣдность и несчастіе*»; «*Прощеніе*»; «*Благополучіе и счастье*»; «*Золотая коса или юность Медеи*»; «*Проказы нажда*»; «*Благородная черта*»; «*Макбетъ*»; «*Гамлетъ*»; «*Очарованный львъ*»; «*Камуль и Забара*»; «*Эхо и Нарцисъ*»; «*Діана и Ендиміонъ*». Последний балетъ былъ написанъ имъ 13 или 14 лѣтъ, въ Швеціи, когда воображеніе его только что начинало разыгрываться.

Для образца привожу одну изъ программъ Дидо, въ выѣшнее время уже очень рѣдкую въ печати.

ЕВТЕМІЙ и ЕВХАРИСА

или

ПОБѢЖДЕННАЯ ТѢНЬ ЛИБАСА.

Трагико-героическій балетъ, въ одномъ актѣ, соч. г. Дидо.

Дѣйствующіе:

Евтемій, греческій боецъ; Евхариса, молодая дѣвица города Темессы; Иппилла, ея мать; Тѣнь Либаса, первосвященникъ, жрецы, воины, народъ, ихъ дѣти.

Марсъ, Побѣда, Венера, Амуръ, Аполлонъ, Гименей, Геба, Беллона, Паллада, Меркурій, Граціи, Зефиръ, Флора, Таія, Терпсихора, Клію, Евтерпа, Полигимвіа, Мельпомена, Эрата, Уранія, Каліюпа, амурь, славы, побѣды, гладиаторы и войны.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я не первый имѣю честь представить публикѣ сей сюжетъ. Прежде меня ужъ одинъ изъ великихъ артистовъ танцевальнаго искусства, г. Новеръ, сдѣлалъ изъ онаго балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ, коего программа находится въ его сочиненіяхъ. Я долженъ былъ обработать оный въ одинъ актъ. Въ прежнія времена было все почти ново; — прежде сего костюмы и театральные эффекты не были еще такъ извѣстны, потому и не мудрено, что, при геніи автора, дѣйствіе не могло казаться растянутымъ и въ трехъ актахъ, тогда какъ это теперь-бы непременно произошло. Я прибавилъ первосвященника и мать Евхарисы и ввелъ при концѣ божества грековъ и далъ имъ эпизодическіе танцы, для избѣжанія сухости; наконецъ я старался дать балету новый ходъ, не выходя изъ сюжета.

Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Темессѣ, во время возвращенія Евтемія съ Пнѣйскихъ игръ; въ самый тотъ день, когда несчастные жители города Темессы должны Либасовой тѣни принести въ жертву юную дѣву.

Театръ представляетъ вѣковый лѣсъ, вершины котораго сплелись вмѣстѣ и составляютъ родъ арки, такъ, что солнечные лучи почти никогда не провикаютъ въ него. Съ боку виднѣн храмъ Либаса: въ немъ стоитъ его гробъ; около храма мрачныя кипарисныя деревья, которыя придаютъ особенную унылость этому мѣсту. На другой сторонѣ лежатъ остатки разбитыхъ колоннъ, ступеней, карнизовъ, и проч., отъ бывшаго тутъ строенія. На этихъ развалинахъ въ уныніи сидятъ отцы и матери, съ своими дочерьми, ожидая своей участи.

Въ глубинѣ сцены виднѣются скалы и море, которое плещетъ въ нихъ волнами.

Урна, въ которой лежатъ жребіи, поставлена на большой камень, вокругъ котораго стоятъ три старца—судіи. Народъ, погруженный въ уныніе, толпится позади ихъ. Молодыя дѣвушки, назначенныя къ ужасному жребію, являются мало-по-малу, сопровождаемыя своими матерями и родственниками, съ которыми ихъ разлучаютъ и ставятъ предъ судей. Родители невинныхъ жертвъ садятся на другой сторонѣ, ожидая со страхомъ рѣшенія судьбы ихъ. Жрецы стоятъ на ступеняхъ храма и дѣлаютъ

приготовленія къ жертвоприношенію. Вдругъ является Ипси-
ла, влекомая вихрами; она защищаетъ дочь свою, которую хо-
тятъ вырвать изъ ея объятій, бѣжитъ, падаетъ къ ногамъ су-
дей; но тщетно,—они не умолимы! уже Филиамъ курится и ур-
на жребія готова. Всѣ дѣвушки вынимаютъ съ трепетомъ би-
леты, и видя, что жребій падаетъ не на нихъ, бросаются съ
восторгомъ въ объятія своихъ родителей, и благодарятъ небо
за спасеніе. Наконецъ доходитъ очередь и до Евхарисы; она,
подобно своимъ подругамъ, со страхомъ подходитъ къ урнѣ и
трепещущею рукою вынимаетъ роковой жребій; развертываетъ
и, видя въ немъ опредѣленіе къ смерти, падаетъ безъ чувствъ
на руки своей матери, которая сама вмѣсто дочери хочетъ при-
нести себя на жертву. Она схватываетъ священный пожъ; но
жрецы и Евхариса, пришедшая въ себя, бросаются къ ней и
отводятъ грозный ударъ. Она упрекаетъ ихъ, что они воспре-
пятствовали ей умертвить себя.—Евхариса, видя свою мать въ
отчаяніи, старается ее успокоить, и скрывая собственное свое
мученіе, говоритъ ей: «Небу угодно, чтобъ я была жертвою тѣ-
ни Либаса,—я покоряюсь его волѣ; но вотъ, возьми это кольцо,
отдай его Евтемію; скажи ему, что я до гроба любила его и
сохранила ему вѣрность; и когда онъ возвратится съ поля сра-
женія, то пусть хоть одной слезой ороситъ прахъ мой.»—Она
прощается съ матерью и со всѣми подругами, и готова уже
идти на жертву! но Ипсила снова бросается къ жрецамъ, и
умоляетъ ихъ о пощадѣ своей дочери.—Вдругъ подземный шумъ
поражаетъ присутствующихъ; сквозь густой дымъ видны на
гробѣ огненные слова: *Нитъ состраданія: она моя жертва.*—
Евхарису вырываютъ изъ рукъ матери, украшаютъ цвѣтами и
готовятся уже совершить гибельное опредѣленіе судьбы, какъ
вдругъ военные звуки, повторенные эхомъ, раздаются вдалекѣ.—
Народъ стремится къ берегу: это Евтеміи, онъ возвращается
съ Пнойскихъ игръ на корабль, украшенномъ знаками его по-
бѣдъ. Оружіе его разставлено въ видѣ трофеевъ; онъ держитъ
въ рукахъ вѣнцы; пальмовыя вѣтви покрываютъ палубу;
друзья его окружаютъ, а пѣвецъ игръ, съ лирою въ рукахъ,
воспѣваетъ торжество Евтемія. Ипсила летитъ къ нему на
встрѣчу; Евхариса уже въ объятіяхъ своего возлюбленнаго. Ев-
теміи узнаетъ объ ужасной участи, готовящейся его невѣстѣ.
Онъ клянется, что не допуститъ исполнить приговоръ рока. На-
прасно жрецы покушаются вырвать Евхарису изъ рукъ его,—
они боятся гнѣва Евтемія, который въ ярости прогоняетъ свѣхъ

жрецовъ, опрокидываетъ жертвенникъ, разбиваетъ урву и вызываетъ на бой самого Либаса.—Земля начинаетъ колебаться; крыша гроба поднимается съ густымъ дымомъ; является грозная тѣнь Либаса въ бѣломъ покрывалѣ, которое съ него спадаетъ и открываетъ движущійся скелетъ въ шлемѣ. Народъ, пораженный ужасомъ, бѣжитъ во всѣ стороны; одинъ Евтеміи не причастенъ страху. Тѣнь Либаса требуетъ отъ него назначенную жертву; но Евтеміи не внемлетъ ему и, обнажа мечъ, вызываетъ его на бой.—Земля разверзается, изъ нея выходитъ огненный мечъ и щитъ; тѣнь Либаса беретъ оружіе и начинаетъ сражаться съ Евтеміемъ. Бой продолжается съ равными силами; наконецъ, они бросаютъ оружіе и приступаютъ борьбѣ. Евтеміи, стараясь схватить своего противника, обвиняетъ пламень, выходящій изъ земли. Въ это время Либасъ хочетъ похитить Евхарису; но Евтеміи его схватываетъ и повергаетъ на землю. Тѣнь поспѣшно встаетъ и бѣжитъ въ гробницу; но Евтеміи преграждаетъ ей путь. Раздраженная тѣнь схватываетъ свою жертву и подымается съ нею на воздухъ. Выходящій изъ земли пламень осмѣливаетъ Евтемія; но онъ презираетъ ужасъ, бросается въ него и схватываетъ поднимающуюся тѣнь за ногу, освобождаетъ свою возлюбленную и вторично повергаетъ Либаса на землю. Сраженіе возобновляется, и побѣжденная тѣнь убѣгаетъ на прибрежныя скалы, угрожая Евтемію, который ее преслѣдуетъ. Либасъ повергается въ волны, а побѣдитель его бросается влѣдъ за нимъ, для довершенія побѣды. Евхариса бѣжитъ за своимъ женихомъ; но едва она успѣла сдѣлать вѣсколько шаговъ, какъ море и скалы исчезаютъ, и они находятъ перенесенными въ храмъ побѣды. Евтеміи преклоняетъ колѣна предъ богиней, которая желала вознаградить его мужество. Евхариса уже въ его объятіяхъ. Беллона также въ храмѣ.—Вскорѣ Евтеміи окруженъ другими героями, заслужившими, подобно ему, безсмертіе, крылатыя побѣды увѣнчиваютъ его, Слава провозглашаетъ его дѣянія. Амуръ, сопровождаемый матерью своею и Гименомъ, соединяетъ обонхъ любовниковъ. Марсъ и Аполлонъ награждаютъ также Евтемія. Самъ Юпитеръ посылаетъ ему чрезъ Гебу вѣнецъ безсмертія и амвросію боговъ.—Юныя жертвы, имъ избавленные, изъявляютъ ему свою признательность. Аполлонъ, Музы, Беллона и прочія божества древнихъ слѣшатъ привѣтствовать Евхарису. Терпсихора и Флора, украшая празднество, рѣзвятся съ Зефиромъ; наконецъ всѣ соединяются, чтобъ изъявить радость свою всеобщими танцами.

Въ этомъ балетѣ видимъ мы сюжетъ занимательный, взятый изъ греческой мѣлологіи, понятный, не растянутый, безъ всякой запутанности; а это главное достоинство балета; если даже въ драмѣ растянутасть нестерпима, то она тѣмъ неспособѣе въ балетѣ, гдѣ менѣе средствъ къ объясненію сюжета. Въ этомъ балетѣ выступаютъ передъ зрителемъ времена суевѣрія, когда жрецы владычествовали надъ народомъ, погруженнымъ въ грубое невѣжество; въ храмахъ открывали они профанамъ, посредствомъ оракуловъ, мнимую волю боговъ; вы видите тутъ гладиаторовъ, которые, для забавы празднои публики и черни, жадной до кровавыхъ зрѣлищъ, проливали въ циркахъ кровь свою и которые, въ позднѣйшія времена республики, еще болѣе размножались, потому что все болѣе и болѣе росла охота къ кровавымъ зрѣлищамъ; видите пѣвца, прославляющаго на мѣрѣ подвиги героевъ, увѣчаныхъ на Пибійскихъ или Олимпійскихъ играхъ лавровыми вѣтвями. Передъ зрителемъ развивается самая живая картина этихъ баснословныхъ временъ и нравовъ народа, вмѣстѣ образованнаго и полудикаго.

Вторая перемѣна декораціи и сюжета рѣзко отличается отъ первой: въ первой все мрачно, и содержаніе, и мѣстности; во второй совсѣмъ другое: прелестнѣйшій садъ замѣняетъ дремучій лѣсъ; посреди сада стоитъ великолѣпный храмъ Славы; во внутренности храма, вертится большое солнце, отъ лучей котораго разливаются во всѣ стороны разноцвѣтные огни; на храмѣ и вокругъ него стоитъ множество пылающихъ жертвенниковъ; подлѣ храма на золотыхъ шарахъ, стоятъ крылатыя победы, съ лавровыми вѣтвями; подлѣ Марса, бога войны, расноложены воины, которые машутъ знаменами надъ его головою, посреди сцены прелестная группа: Богиня Славы стоитъ на золотой колесницѣ, съ побѣдной трубой въ рукѣ; она окружена амазонками; ихъ золотые шлемы съ бѣлыми, развѣвающимися перьями, блестящіе панцири, щиты и копья придаютъ какой то особенно торжественный видъ всей группѣ. Побѣда сходитъ съ колесницы и увѣчиваетъ Евтемія лавровымъ вѣнкомъ за его геройскій подвигъ, Беллона съ амазонками надѣваются на Евхарису шлемъ и доспѣхи. Беллона учитъ ее военнымъ эволюціямъ, ставя въ разныя героическія позы, показываетъ какъ владѣть копьемъ, а Паллада, какъ стрѣлять изъ лука. Къ нимъ присоединяются и другія амазонки, и составляютъ пріятный для глазъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величественный танецъ. Въ самое это время видны въ воздухѣ амуры въ разныхъ группахъ: одни лежатъ въ корз-

нахъ цвѣтовъ, поддерживаемыхъ отдѣльнымъ несущимся по воздуху облачкомъ; другіе кружатся въ воздухѣ, составляя разныя группы, держа въ рукахъ разноцвѣтныя вуали, вѣнки, и гирлянды. Мимо храма летаютъ геи съ трубами и прославляютъ геройскій подвигъ Евтемія; другіе держатъ въ воздухѣ надъ побѣдителемъ красныя покровы, что составляетъ величественную картину.

У Дидло каждая группа была остроумно придумана и отлично прилажена къ сюжету балета. Такъ-какъ онъ самъ зналъ хорошо механику, то всѣ воздушныя группы у него шли всегда вѣрно, и летающія лица имѣли не карикатурныя, а правильныя позы. Въ этомъ балетѣ не доставало только полета стаи живыхъ голубей, которые были имъ употреблены въ балетѣ «Амуръ и Психея.» Дидло придумалъ для нихъ эластическіе, свободные корсеты, такъ, что они, имѣя прицѣпленную къ корсету тоненькую проволочку, свободно летали и махали своими крылушками около Амура и Психеи. Психея—слово греческое, то есть, душа, а Амуръ латинское, то-есть любовь; что-же лучше можетъ охарактеризовать невинную душу и любовь, какъ не порханіе надъ ними голубей. Я удивляюсь, какъ балетмейстеры не позаимствовались у Дидло этимъ превосходнымъ украшеніемъ для балетовъ. А Сильфиды, я знаю, и нынѣ порхаютъ съ крылушками Флоры, это тѣ-же самыя крылушки, которыя были употреблены съ тою-же механикою въ первый разъ въ 1815 году въ балетѣ «Зефиръ и Флора», на парижской сценѣ.

Въ заключеніе всего надобно сказать, что всѣ истинные художники, живописцы, механики и поэты, смотря на балеты Дидло, восхищались его талантомъ и удивлялись, какъ онъ могъ, въ своихъ балетахъ, такъ хорошо соединить игривый вымыселъ съ прекраснымъ его осуществленіемъ.

Теперь, въ заключеніе нашей статьи, не мѣшаетъ намъ взглянуть на бальныя танцы и на методу ихъ преподаванія во времена Дидло.

Въ началѣ 1800 годовъ въ Петербургѣ были первоклассные учителя бальныхъ танцовъ: Пикъ, Юаръ, а въ послѣдствіи Огюсть, Дидло, г жи Колосова, Новницкая, гг. Дютакъ и Эбергартъ.

Метода ученія того времени была слѣдующая: по большой части дѣти начинали учиться танцовать лѣтъ восьми или девяти; свачала ихъ заставляли дѣлать разнаго рода *батманы*; тѣ, у которыхъ были отъ природы ноги косоваты (то-есть, у кого воски съ носками, сходились почти вмѣстѣ) чрезъ дѣланье бат-

♦ ановъ исправлялись; потомъ учили разные па à terre, то-есть па, не сопряженныя съ прыжками, подъ разные размѣры музыки для бальныхъ и разнохарактерныхъ танцевъ. А главное достоинство у старыхъ танцовальныхъ учителей состояло въ томъ, что они держали ученика долгое время на менуэтѣ à la reine, потому что этотъ танецъ выправляетъ фигуру, пріучаетъ ловко кланяться, прямо ходить, граціозно протягивать руку, однимъ словомъ, дѣлаетъ все движенія и манеры пріятными. Менуэтъ приносилъ еще и другую пользу: если ученикъ былъ сутуловатъ отъ природы, то отъ часто-повторяемаго ему учителемъ приказанія держаться прямо, молодые члены его выправлялись, и сутуловатость исчезала совершенно; ежели голова его отъ привычки выпячивалась впередъ, то его заставляли держать ее прямо выправляли грудь и не давали болтаться рукамъ. Такимъ образомъ ученикъ получалъ совершенную выправку всего тѣла. Дѣвцы, по большей части, выйдя за-мужъ, раекланиваются съ танцами па-всегда и оставляютъ ихъ совершенно. Уча на-скоро одни вальсы, польки и другіе легкіе танцы, они пріобрѣтаютъ только временную, весьма незначительную пользу. Совсемъ не то было съ тѣми, кто учился по методѣ старыхъ учителей: у женщины на всю жизнь оставалась фигура выправленная, походка граціозная, движенія пріятныя; даже и въ преклонныхъ лѣтахъ, въ русскомъ польскомъ, въ которомъ только ходятъ и мѣняютъ дамъ, видна и въ пожилыхъ дамахъ и старикахъ хорошая турнюра*. Часто случается видѣть молодыхъ людей, которые не изучили фундаментально танцовальнаго искусства, и на балахъ танцуютъ французскую кадрили или вальсъ, съ выпятившеюся впередъ головою, сжатую грудью и съ гусиными ногами, avec des pattes d'oie, такъ французы называютъ въ танцахъ невыправленные ноги. А это первое дѣло въ танцахъ: если молодая дѣвушка, которая хотя и не имѣетъ пріятнаго личика, но граціозно танцуетъ и мило держится, она дѣлается привлекательною для каждаго, потому что въ ней не видишь ничего карикатурнаго патянутаго. Мнѣ случалось слышать отъ хорошихъ танцоваль-

* «Въ 1815 году, когда союзныя войска были въ Парижѣ, этотъ танецъ былъ введенъ и тамъ въ употребленіе и всею полюбили его: въ немъ могутъ участвовать люди всякаго возраста. Онъ представляетъ самое удобное средство, разговаривать съ дамой; а это главное. Можно сказать, что Польскій изобрѣтенъ для тѣхъ, которые лишь на балѣ умѣютъ завоевывать сердца». (*Записки Герцогини Абрантесъ или Восп. мнѣнія о Наполеонѣ* и проч. часть 16, страница 218, переводъ К. Полеваго)

ныхъ учителей, что они предлагали въ нѣкоторыхъ домахъ учить дѣтей по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства, объясняя, какую пользу приносятъ батмапы, разныя па и минуэты; но имъ всегда отвѣчали, что это метода стараго покроя, что теперь никто минуэта не танцуетъ; что дѣтямъ ихъ не быть театральными танцовщиками, и что слѣдуя этимъ стародавнимъ правиламъ ученя, они будутъ только даромъ бросать деньги, а дѣти тратить понапрасну время. Къ этому присоединилась обыкновенная просьба: нельзя-ли ихъ прямо начать учить польку мазурку, трамбланъ, вальсъ въ два темпа. Находились учителя, которые соглашались на такія условія: брали деньги и изъ хорошенькихъ дѣтей дѣлали карикатуры. Это были учителя, которые никогда сами не учились танцевальному искусству, но, бывъ музыкантами у хорошихъ танцмейстеровъ, ѣздили съ ними на уроки, замѣчали фигуры въ танцахъ и нѣкоторыя па, и потомъ сами принимались за преподаваніе, какъ фельдшеры, приглядѣвшіеся къ больничному леченію, сами иногда имѣютъ поповозновеніе на званіе врачей.

Для примѣра я разскажу одинъ случай. На лѣто, былъ приглашенъ въ степную деревню, въ одинъ хорошій домъ, танцевальный учитель. По сосѣдству жила старушка помѣщица, она приглашаетъ его къ себѣ и говоритъ: «Нельзя-ли, батюшка, мою вачку поучить танцевать; право, мнѣ совѣстно передъ бѣлымъ свѣтомъ, что она еще не начинала учиться. Конечно она еще дитя (ей было лѣтъ шестнадцать), но все-таки пора. Куда въ гости не поѣдешь, всѣ танцуютъ, а моя Варинька и шагнуть не умѣетъ; только жаль, что она здоровья очень плохаго: боюсь, чтобъ ее не замучить (она была дѣвушка полная и румяная): нельзя-ли ее первоначальныя позиціи и выправку ногъ учить сидя, а послѣ въ трудныхъ па Феклушка и Устюшка могутъ ее подъ руки поддерживать: право, я очень боюсь за ея здоровье! Такъ какъ эта наука неголоволомвая, то нельзя-ли взять за урокъ по рублику ассигнаціями.» Учитель, услыша, какую цѣну и условія предлагали ему, отвѣчалъ: «больныхъ не учу, да и невозможно: лучше вамъ позвать лекаря, а когда будетъ ваша барышня здорова, тогда я явлюсь къ вашимъ услугамъ». — «Я вижу, господня учитель, что вы здѣсь зазнались, а воцѣ въ чужихъ краяхъ, я слышала, такъ ваша братья подъ окошками стучать и кричать: «нѣтъ-ли кого поучить танцевать».

По большой части родители учатъ своихъ дочерей танцевать только для того, чтобъ вывозить ихъ на балы, и чтобъ имъ дать чрезъ это средство составить выгодную партію, но нынче

почти всѣ женихи сдѣлались люди коммерческіе: имъ дай Калифорнію, а безъ нея ихъ никакими прыжками не подвинешь. Разъ случилось на балѣ: танцевала одна молодая барышня, знакомый ея кавалеръ сказалъ одному молодому человѣку, сидѣвшему подлѣ него, я слышалъ, что вы имѣете намѣреніе жениться, и указывая на свою знакомку, прибавилъ, вотъ вамъ можетъ быть прекрасная невѣста: собою красавица, очень хорошо образована; говоритъ на многихъ языкахъ, поетъ и играетъ отлично на фортепьянахъ, а главное въ ней хорошая нравственность. Молодой человѣкъ отвѣчалъ ему: я очень сожалею, что *существительное* прекрасно, но позвольте васъ спросить объ *прилагательномъ*? Знакомый ему отвѣчалъ: «конечно родители ея люди небогатые, но за то барышня имѣетъ хорошую нравственность». Женихъ откланялся, и, увидя богатую купеческую дочь, тотчасъ пустился съ ней въ галопъ.

Въ то время, о которомъ я говорю, танцевали слѣдующіе балльные танцы: экосезъ, вальсъ, котильонъ, французскую кадрили въ восемь фигуръ, гроефатеръ, полонезъ сотанъ, пергурдонъ, гавоть Вестриса, мазурку въ четыре пары. Характерные танцы: русскую пляску, па де-шаль, фанданго, матлотъ, венгерку, краковякъ, адеманць, па де-козакъ. Я согласенъ, почему не учить дѣтей въ свое время и этимъ танцамъ, когда они уже сформируютъ тѣло упражненіемъ и члены ихъ получаютъ надлежащую гибкость и стройность. Случается часто видѣть танцующихъ польки безъ первоначальной выправки: вмѣсто граціознаго наклоненія головы, они безобразно кладутъ ее почти себѣ на плечо; вмѣсто того, чтобы согнуть талию картинно, они переваливаютъ на бокъ весь корпусъ; вмѣсто того, чтобы поднять руку натурально, они выгибаютъ ее какимъ то вычурнымъ угломъ, воображая, что это грація. Танцевать польку, не имѣя выправки, все тоже, что ученицу, которая не умѣетъ хорошо читать ноты, заставить играть концертъ Листа, или мальчику, не знающему грамматки, задать написать стихи. Хотя танцевальное искусство и нельзя поставить на ряду съ поэзіей, но оно, какъ искусство, также имѣетъ свои начальныя правила и тогда только можетъ принести пользу, когда будетъ основательно преподаваемо. Правильное преподаваніе танцевъ даетъ развязность всему тѣлу и укрѣпляетъ мускулы; ученикъ, можно сказать, получаетъ совершенно новую форму, въ осанкѣ, въ поступкѣ, въ положеніи корпуса. Нѣкоторые подумаютъ, что танцы изнуряютъ человѣка; а я скажу напротивъ, что они укрѣпляютъ здоровье и представлю въ примѣръ слѣдующихъ людей, занимав-

шихся или занимающихся танцевальнымъ искусствомъ, которые дожили до глубокой старости, и почти до самой смерти, не покидали своего занятія; таковы Доберваль, Гордель, Пикъ, Вестрисъ, Дидло, Лефевръ, Морчяицкій, Соломони, Моноретти и Огюсть; изъ существующихъ и понынѣ Дюпоръ, которому теперь семьдесятъ-три года, Тальони, Титюсъ, Югель, Дюганъ, Альбертъ, Леонъ и проч. Нѣкоторые учатъ еще и до сихъ поръ и по своимъ лѣтамъ, пользуются отличнымъ здоровьемъ. Я говорю только о тѣхъ, которые вели и ведутъ жизнь воздержную, и вовсе не включаю въ число ихъ тѣхъ, которые охотники до даровъ земныхъ. Мало-ли умираютъ ихъ даже во цвѣтѣ лѣтъ, по тутъ вина не танцевъ, а—вина. Танцы, гимнастика и фехтованье имѣютъ близкое родство. Теперь во многихъ аристократическихъ домахъ учатъ дѣтей гимнастическому искусству, а въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ эти искусства составляютъ непремѣнную часть учебнаго курса, именно потому, что они служатъ къ укрѣпленію мускуловъ и даютъ молодому челоѣву ловкость и проворство.

Если я говорилъ объ достоинствѣ менуэта, то не въ томъ смыслѣ, чтобъ совѣтовать танцовать его на балахъ, а въ томъ, что онъ очень полезенъ при началѣ ученія. Во Франціи, во время послѣдняго года консульства Наполеона, менуэтъ à la reine и гавоть Вестриса были еще въ модѣ: ихъ танцовали на всѣхъ балахъ. Когда Наполеонъ былъ на балѣ у г-жи Пермонъ, матери Герцогини Абрантесъ, дочь ея съ г-мъ Лафитомъ танцовала его въ продолженіе вечера нѣсколько разъ; * она была ученица первыхъ учителей бальныхъ танцевъ, Денрео, Сентъ-Амана и извѣстнаго парижскаго балетмейстера Гарделя, и славилась своей ловкостію, и граціей; этотъ танецъ очень понравился Наполеону; онъ сказалъ Герцогинѣ Абрантесъ, что она такъ-же хорошо его танцуетъ, какъ дѣвица Шамруа, которая была первою танцовщицею Большой Оперы.

Какъ ни стара, по своему происхожденію, *Французская кадрили*, или контрдансъ, она все еще и теперь въ большемъ употребленіи: но только претерпѣла большія измѣненія: прежде ее танцовали, а нынѣ въ ней ходятъ и дѣлаютъ ея фигуры подобно тому, какъ нѣкоторые говорятъ по-французски, мѣшая фран-

* «Записки Герцогини Абрантесъ», часть 5, страница 569.

цузскія слова съ Русскими «*Vouslez vous aller diner* въ купеческій клубъ; *il est la bas* пріятно провести время, *je vous en prie* любезнѣйшій, *prenez moi* рубликовъ сто!...» Они хотятъ задать тонъ, и думаютъ по французски, а выходитъ по-тарабарски. Такъ и во французской кадрилѣ иные, не учась никогда танцовать, но замѣтивъ только фигуры, ходятъ въ ней преспокойно взадъ и впередъ, какъ бы гуляя, послѣ приѣма минеральной воды. А впрочемъ, нынѣ очень извинительно, если во французской кадрилѣ ходятъ, а не дѣлаютъ па; потому что бальная система въ отношеніи костюма и всего вообще совершенно измѣнилась: еще на моей памяти, на балы, даже въ клубахъ, кавалеры могли являться не иначе, какъ во фракѣ и въ башмакахъ, а нынѣ и на званые вечера ѣздятъ въ сертукахъ и въ сапогахъ съ большими каблуками. Гдѣ же выдѣлывать па въ подобной амуниціи! Мазурку въ четыре пары теперъ совсѣмъ оставили; кое-когда случается еще на балу увидѣть одну пару танцующую въ мазуркѣ которая обойдетъ кругомъ залу, постучавъ не много коблуками, повернется, и довольно. Если-бъ музыка не играла мазурки, такъ вельзя было бы узнать, что это такое танцуютъ. Я думаю многіи и досихъ поръ еще помнятъ прежнюю мазурку, когда танцовали ее И. И. Сосницкій или Сабуровъ, тутъ было чѣмъ полюбоваться!...

Но въ 1814, 15, и 16 годахъ мазурка въ четыре пары была въ большей модѣ: ее танцовали вездѣ, на сценѣ и въ салонахъ лучшаго общества. И. И. Сосницкій танцовалъ ее превосходно, а особливо, когда онъ былъ въ мундирѣ. Па его были простыя, безъ всякаго топанья, но фигуру свою онъ держалъ благородно и картинно; если приходилось ему у своей дамы пообхватывать ея талию, чтобъ съ нею вертѣться или съ дамою дѣлать фигуры, то все это выходило граціозно въ высшей степени; онъ танцуя мазурку, не дѣлалъ никакого усилія; все было такъ легко, зефирно, но вмѣстѣ увлекательно. Также хорошо танцовалъ Сосницкій и мателотъ съ флагомъ. Если Сосницкій былъ на сценѣ всегда такъ ловокъ въ своихъ роляхъ, то ему въ этомъ много помогало знакомство съ высшимъ обществомъ; а входъ туда ему открыло его искусство въ бальныхъ танцахъ: въ это время его въ Петербургѣ брали на перехватъ, въ самые лучшіе дома учить мазуркѣ и другимъ бальнымъ танцамъ.—Въ Москвѣ актеръ московскаго театра Александръ Матвѣевичъ Сабуровъ также хорошо танцовалъ мазурку, онъ много заимствовалъ отъ Сосницкаго; но въ немъ было больше огня и

жизни, хотя недостадо этого благороднаго *laissez aller*, характеризовавшаго танцы Сосницкаго. Говоря о Сосницкомъ, нельзя не упомянуть объ его современницѣ при Императорскомъ петербургскомъ театрѣ, Нимфодорѣ Семеновнѣ Семеновой, которая также была красою русской пляски. Манера ея въ пляскѣ была очаровательна: во время танцевъ на губкахъ ея всегда играла пріятная улыбка, которая обворожала нублику; и вообще все лицо ея принимало отпечатокъ какой то особенной нѣги и красоты: это придавало танцу жизненность; фигура ея была величава: всѣ ея движенія были плавны, не принужденны, русский костюмъ шелъ къ ней, какъ нельзя лучше: трудно было сказать кто кого украшаетъ, костюмъ ли-ее, или она его; отдавая русской пляскѣ ея совершенную справедливость, надо сказать, что она въ тоже время была первой красавицей и отличной пѣвицей. За то, сколько было поклонниковъ ея таланта или, лучше сказать, ея красоты; сколько лорнетовъ изъ ложъ и креселъ во время ея игры устремлены были на ея очаровательную головку, на глаза полные огня и выраженія, на улыбку—всеобщающую. Мнѣ кажется, что объ игрѣ актера можно судить слѣдующимъ образомъ. Взгляните на первую сцену семейной жизни, гдѣ разыгрываются сильныя или мелкія человѣческія страсти, сличите дѣйствительность съ актеромъ, передающимъ тѣже страсти на сценѣ, если онъ близокъ къ натурѣ, то рѣшено: онъ хорошій актеръ; г-жу Семенову нельзя упрекнуть въ недостатокѣ естественности. И въ музыкѣ, я думаю скорѣе тотъ можетъ назваться хорошимъ музыкантомъ, кто играетъ пріятно, нежели тотъ, кто играетъ мудро; потому что музыка служитъ не для фокусничанья, а для душевнаго наслажденія; музыкантъ, играющій трудныя вещи, можетъ нравиться только однимъ знатокамъ, и охотникамъ до диковинъ всякаго рода, но музыкантъ, играющій съ душой, съ чувствомъ и пріятностію невольнымъ образомъ вливаетъ въ душу каждаго пріятное ощущение, и его игра понятна и нравится одинако знатоку и не знатоку. Тоже можно сказать о Семеновой, какъ о пѣвицѣ, хотя она не имѣла голоса, не пускалась въ особенныя трудности, но за то замѣняла это прелестною методою и особеннымъ чувствомъ.

Къ достойнымъ особеннаго вниманія стариннымъ учителямъ балльных танцевъ въ Москвѣ принадлежитъ П. А. Югель, который, въ своей молодости, получилъ отличное воспитаніе: онъ изучилъ русскій, французскій языки и музыку, какъ нельзя луч-

ше, о балльных танцахъ нечего и говорить, кто въ Москвѣ не знаетъ объ его талантѣ? Сквозь его руки прошли три поколѣнія! Съ искусствомъ Югель соединяетъ неоцѣнимыя достоинства общезжитія! Олъ находчивъ, остеръ, всегда веселъ и любезелъ. Бывши во всѣхъ аристократическихъ домахъ учителемъ, онъ вездѣ умѣетъ держать себя, какъ придворный вѣка Людовика XIV, при которомъ вѣжливость была доведена до высшей степени. Югель не былъ театральнымъ танцвщикомъ, но, какъ аматеръ, изучилъ балльные танцы до возможнаго совершенства. Какъ живописцы раздѣляются на вѣсколько родовъ, на портретныхъ, пейзажныхъ, перспективныхъ и проч., такъ можно раздѣлить и танцы на различныя роды: Югеля можно отнести къ отличнѣйшимъ танцмейстерамъ *балльных танцевъ*. По большой части всѣ его ученики танцовали и танцуютъ отлично. О балахъ его въ Москвѣ отзываются слѣдующимъ образомъ:

«Между многими балами, которыми были, по обыкновенію, богаты нынѣшнія святки (1849 года), общественными и частными, мы съ наибольшимъ удовольствіемъ должны остановиться на одномъ: это балъ П. А. Югеля, почтеннаго учителя и наставника нашего и навѣрное половины Москвы, ветерана танцевальнаго искусства, поставившаго на ноги не одно поколѣніе, не одной тысячѣ сообщившаго легкость и грацію, уже полвѣка занимающагося уроками балльных танцевъ. Его балы составляютъ какъ бы средину между балами общественными и частными. Они соединяютъ въ себѣ всѣ преимущества тѣхъ и другихъ, отлагая ихъ неудобства. Въ нихъ нѣтъ недоступности баловъ частныхъ, на которые не всякій можетъ попасть, въ нихъ нѣтъ чуждаемости баловъ общественныхъ. Простота и патриархальность — вотъ что господствуетъ на этихъ балахъ, съ присоединеніемъ непремѣнной веселости. На этихъ балахъ, одно общество: это ученики П. А. Югеля, которые всегда за непремѣнный и весьма пріятный долгъ считаютъ явиться на этотъ балъ, съ тѣмъ, чтобъ изъяснить дань своего уваженія своему старому учителю, доставивъ и ему и себѣ удовольствіе посѣщеніемъ этого бала.

•И думаю, отрадно видѣть старому учителю, какъ вѣскольки поколѣній его учениковъ веселятся на его балахъ. И я самъ не разъ видалъ, какъ подходила къ П. А. Югелю, пожилая дама, рекомендовала себя его ученицей и представляла ему свою дочь

внучку, пожалуй еще и правнучку, все учениць-же П. А. Иогеля; и невольная слеза текла по рѣсениць старика. Отличительное свойство баловъ Иогеля—это веселость, невольно охватывающая насъ, заставляющая насъ даже противъ воли танцовать и пожалѣть при окончаніи бала, зачѣмъ онъ такъ рано кончился—это веселость, которую почтенный и веселый до сихъ-поръ хозяинъ всегда умѣетъ вдохнуть въ свои празднества. На балѣ 28 декабря было девять сотъ человѣкъ, всѣ танцовали до упаду и выходя изъ собранія, сожалѣли, что балъ кончился, желали другаго, желали до такой степени, что многіе усердно просили П. А. Иогеля дать другой балъ, и снисходительный на желанія учениковъ, учитель обѣщалъ исполнить ихъ желанія.

«Въ январѣ 1800 года, П. А. Иогель въ первый разъ началъ давать уроки. Въ нынѣшнемъ (1849) году этому исполнится 50 лѣтъ и балъ 28 января будетъ какъ-бы юбилеемъ полувѣковой дѣятельности почтеннаго артиста.»

Въ 1818 году, въ Москвѣ, въ Рождественской улицѣ, противъ Проломныхъ Воротъ, въ домѣ подъ № 54, бывшемъ купца Медынцева, а нынѣ купца Вишнякова, былъ танцевальный классъ г-на Миноретти, куда ежедневно съѣзжались ученики разныхъ сословій, націй и лѣтъ, потому что онъ бралъ за уроки очень дешево. Часто у него въ танцклассѣ можно было видѣть, въ составѣ кадрили, людей пресмѣшныхъ, съ которыхъ можно бы написать преоригинальную картину: мальчика лѣтъ восьми, съ булочкой въ рукѣ, прыгающаго чижикомъ, * нѣмца, старичка, съ подвязанными зубами, который кашляетъ, задыхается, но танцуетъ до поту лица, изгибаясь и дѣлая разные курбеты армявина въ національной одеждѣ, съ черной бородой, серьезнымъ лицомъ, ворчащаго про себя, что не понимаетъ словъ танцмейстера, который дурно объяснялся по-русски и въ замѣнъ словъ употреблялъ довольно забавную памтомиму, изъ магазиновъ пожилыхъ иностранокъ, въ папильоткахъ на головѣ, ко

* У Миноретти во время танц-класса можно было имѣть завтракъ. У него жилъ бѣдный старичекъ нѣмецъ, который въ случаѣ недостатка кавалера или дамы обязанъ былъ становиться въ кадрили: въ томъ стояла его должность.

торыя со все́ми граціями стараются выдѣлывать па де зефиръ, и, поглядывая на все́хъ, какъ будто спрашивали: «А что, каковы мы?»

Минаретти, какъ профессоръ танцевальнаго искусства, всегда объяснял своимъ ученикамъ свои лекціи; онъ говорилъ на многихъ языкахъ, но не на одномъ нельзя было понять его: это было вавилонское смѣшеніе языковъ; когда первый разрядъ учениковъ, окончивъ часы ученія, расходился по домамъ, съѣзжались къ нему въ танц-классъ новые аматеры, въ числѣ которыхъ часто бывали женихи и невѣсты, подготавливашіеся въ танцахъ, чтобъ на своей свадьбѣ не удариться лицомъ въ грязь. Эти, по большой части, платили ему деньги за *выучку*: онъ бралъ съ каждаго ученика по 25 рублей ассигнаціями и возлагалъ на себя обязанность выучить ихъ совершенно все́мъ танцамъ, какіе только существуютъ въ мірѣ, къ извѣстному сроку. Многие, за двадцать пять рублей, думали у него учиться до самой смерти, говоря, что они все еще не выучились, они дѣлали это съ цѣлю повеселиться въ его танц-классѣ. Но Минаретти не былъ простъ: онъ смѣкнулъ дѣло и употреблялъ съ ними также другаго рода хитрости: вмѣсто уговорнаго часу, училъ ихъ по четыре часа сряду и заставлялъ безъ отдыха выдѣлывать разныя па, и вальсировать до перваго обморока. Ученики его были по большой части народъ мелочной торговли, которые искали во всемъ барышей: они думали быть въ выигрышѣ, что за двадцать пять рублей, вмѣсто часу, ихъ учать четыре; и не догадывались, что тутъ была своего рода штука, танцмейстеръ такъ ихъ замучивалъ, что они отъ непривычки танцовать такъ долго, на другой день не могли встать на ноги и во всемъ тѣлѣ чувствовали сильную ломоту, однимъ словомъ, находились въ такомъ же положеніи, какъ запаленыя лошади. Тогда они проклинали танцы, отказывались отъ денегъ, и желали только скорѣе оправиться, чтобъ не отлагать на долго своей свадьбы. Минаретти, при всемъ этомъ, былъ хорошій итальянскій кухмистеръ, онъ умѣлъ хорошо готовить макароны, стофаты, дѣлать изъ дичи сыры и другія итальянскія кушанья; къ нему часто съѣзжались молодые люди, совсѣмъ съ другою цѣлю, имѣвшіе въ виду во время танц-класса не образованіе своихъ ногъ, но образованіе своего желудка шампанскимъ и макаронами; такъ что онъ вдвойнѣ получалъ выгоду: отъ рукъ и отъ ногъ своихъ. У него давались также маскарады: входъ былъ по билетамъ. Сю-

да събъжались охотники до забавныхъ сценъ: не проходило ни одного маскарада, чтобъ не случилось какого нибудь интереснаго приключенія. Тутъ для молодежи было чему посмѣяться, и танцклассъ Минаретти имѣлъ постоянный успѣхъ и приносилъ свою пользу. Въ 1800 годахъ Минаретти служилъ при Императорскихъ Петербургскомъ и Московскомъ театрахъ, комическимъ тансеромъ, но скоро, по разнымъ обстоятельствамъ, оставилъ службу. Минаретти былъ человекъ добрый, хотя и не очень искусный въ своемъ дѣлѣ; но его любили за его комизмъ и готовность всякому оказать услугу. Такимъ-образомъ, онъ шутя, проплясалъ свой вѣкъ, и проплясалъ его совѣтъ въ дурно.

Вѣкъ этого образователя — русскихъ ногъ въ танцованіи, можно опредѣлить танцами: экосезъ, матрадуръ, краковьякъ, контрдансъ, котильонъ и нѣмецкій кадрль.

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ТАДЬМЫ,

ПИСАННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.

ГЛАВА XXIII.

Во все времена поэты и не поэты любили говорить о непрочности и скоропреходящности славы и дель человеческих; но едва-ли какое время представило такие разительные примьры этой истины, какъ ть два, три года, о которыхъ я говорю. Одинъ изъ этихъ примьровъ мнѣ особенно памятенъ: это исторія моего постояльца Мирабо. Я говорилъ уже о его похоронахъ и упомянулъ о декретѣ, которымъ велено было прахъ его вынести изъ Пантеона и на самомъ томъ мѣстѣ положить тѣло отвратительнаго Марата. Домикъ мой, въ Монбланской улицѣ, между-тѣмъ сдѣлался историческимъ, какъ жилище и мѣсто смерти Мирабо. Въ этомъ домикѣ прошелъ онъ все степени и все превратности на избранномъ имъ поприщѣ, тутъ, наконецъ, приближался онъ къ преждевременной могилѣ. Однажды вечеромъ, въ концѣ февраля, возвращаясь домой, послѣ бурныхъ преній по поводу закона объ эмиграціи, который былъ отвергнуть его стараніемъ, онъ сказалъ сестрѣ, намекая на Робеспье-

ровскихъ сподвижниковъ: — «Я произнесъ сегодня свой смертный приговоръ: они убьютъ меня».

Съ этого вечера родные его и онъ самъ были убѣждены, что жизнь его не безопасна; онъ сталъ выходить вечеромъ не иначе, какъ въ сопровожденіи племянника, который имѣлъ всегда при себѣ оружіе. Иногда, хлѣбнувъ кофе, онъ отсылалъ его, воображая, что онъ отравленъ. Но не ядъ убивалъ его; убивали собственное разочарованіе, отвращеніе отъ собственныхъ дѣйствій, отчаяніе, сознаніе своего безсилія бороться съ потокомъ, который онъ самъ отчасти вызвалъ. Онъ понималъ, что онъ дошелъ до высшей степени значенія, что тутъ звезда его должна померкнуть, что ему оставалось только умереть.

27 марта его схватили корчи, холодный потъ сталъ выступать на лбу. Онъ послалъ за докторомъ, но врачебное искусство уже не могло помочь. 28-го числа, едва держась на ногахъ, онъ отправился однако-же въ Собраніе отстаивать законъ, отъ котораго зависѣла судьба одного изъ его короткихъ друзей. Пять разъ всходилъ онъ на трибуну и остался побѣдителемъ; но это было послѣднимъ его торжествомъ. 29 марта, весь Парижъ узналъ, что Мирабо боленъ; 30-го, — что болѣзнь его смертельна; 2-го апрѣля, что его не стало.

Мирабо умеръ спокойно, съ улыбкою на устахъ, какъ можно видѣть по маскѣ, снятой съ него по смерти. На смертномъ одрѣ онъ думалъ о будущности Франціи, и угадывалъ англичанъ, угадывалъ эту долгую, кровопролитную войну, которая долженствовала имѣть такое огромное вліяніе на судьбы Франціи.

— Охъ, ужъ мнѣ этотъ Питтъ, — говорилъ онъ, — онъ теперь, грозить намъ, и осмѣлится, пожалуй, привести свои угрозы въ исполненіе! Пожить-бы мнѣ еще, я задалъ-бы ему заботы. По смерти моей Франція сдѣлается жертвою раздоровъ.

Онъ велѣлъ отворить окно, чтобы полюбоваться въ послѣдній разъ на солнце и на деревья, только что начинавшія распускаться. Когда у него отнялся языкъ, онъ взялъ карандашъ и написалъ на клочкѣ бумаги одно слово: «Спать.» Что хотѣлъ онъ этимъ сказать? Неизвѣстно.

Во время его болѣзни явился одинъ молодой человекъ и сказалъ: —

«Я слышалъ, что можно спасти Мирабо посредствомъ перелитія крови; предлагаю свою кровь.»

Секретаря его, который любилъ его, удержали въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ перерезать себѣ горло бритвою.

Желая сохранить память пребыванія Мирабо въ моемъ домѣ, я велѣлъ поставить двѣ статуи, поддерживающія каменную плиту, съ надписью, которая напоминала каждому, что здѣсь умеръ Мирабо.

Странная вещь — сужденія современниковъ! Въ 1781 году возникъ споръ между отцемъ и дядею Мирабо; въ это время онъ погибалъ въ долгахъ и былъ приговоренъ къ смерти. Отецъ не хотѣлъ его знать, дядя также.

— «Это человекъ ничтожный, — говорилъ отецъ, — совершенно ничтожный. Въ немъ есть вкусъ, много шарлатанства, тривіальная на- ружность; онъ дьятелень, беспокоень, дерзокъ, заносчивъ, иногда благороденъ. Это ребенокъ-попугай, недоростокъ, для котораго не существуетъ ни возможнаго, ни невозможнаго, ни удовольствія, ни неприятности, ни труда, ни покоя; который упадаетъ духомъ, какъ скоро ему сопротивляются, но изъ котораго можно сдѣлать отлич- ное орудіе, ухватившись за его тщеславіе.»

Это сужденіе отца, а вотъ и сужденіе дяди:

— «Это настоящій ежъ: не великъ, а повсюду усянъ колюч- ками. Борются съ нимъ — значить борются съ невозможностью; онъ беспокоень, гордъ, хвастливъ, упрямъ, непокорень, золь и по- рочепъ въ душѣ. Его слѣдуетъ отправить въ колоніи, для исправ- ленія.»

Десять лѣтъ спустя, о немъ говорили:

Ривароль: — «Мирабо просто несносный болтунъ.»

Мабли: — «Онъ пегодай.»

Лапуль: — «Сумасшедшій.»

Де-Гильерми: — «Разбойникъ, злодѣй.»

Тарже: — «Человекъ забытый.»

Дюпонъ: — «Забытый всеми и навсегда.»

Пельтье: — «Риторъ, заслужившій болѣе свистковъ, чѣмъ руко- плесканій.»

Шансене: — «Человекъ рябой — душой и тѣломъ.»

Ламбекъ: — «Человекъ достойный каторги.»

Маратъ: — «Достойный висьлицы.»

Мирабо умеръ 2 апрѣля, а 3-го апрѣля для него учреждается Пантеонъ.

Вотъ вамъ и прочный судъ французовъ!

Надо мнѣ еще упомянуть о нѣкоторыхъ представленіяхъ, особенно замѣчательныхъ, въ 1791 театральномъ году. Я говорилъ уже объ огромномъ успѣхъ маленькой драмы Дефонтея «*Могила Дезила*»; не меньшимъ успѣхомъ пользовалась и драма Лейя — «*Каласъ*.» Исторія Каласа всегдѣ известна: онъ былъ обвиненъ въ убійствѣ сына, который самъ себя лишилъ жизни, — и не избѣгъ казни. По смерти его, уже явился его адвокатомъ Вольтеръ и оправдалъ его.

Драма Лейя памятна тѣмъ, что, во время ея появленія, вдова несчастнаго Каласа была еще въ траурѣ по немъ, и часы ея, остановившіяся въ минуту казни ея мужа, не были заводимы съ тѣхъ-поръ. Это горестное происшествіе такъ поразило умъ несчастной жены, что когда она слышала только на улицѣ унылый голосъ глашатая, объявлявшій о казни какого-нибудь преступника, она блѣднѣла и падала въ обморокъ. Хорошая служанка, чрезвычайно любимая ея, заслышавъ первая, еще издали, этотъ могильный распѣвъ, выбѣгала всегда на уголь, и просила глашатая, отъ имени госпожи Каласъ, не проходить по ея улицѣ; эта служанка сама рассказывала мнѣ, что она ни разу не встрѣчала челоуѣка, который отказалъ-бы ей въ этой просьбѣ.

Но величайшаго шума надѣлала пьеса Лейя — «*Другъ законовъ*.» Пьеса эта была написана въ защиту законности и порядка и сильно ратовала противъ новыхъ понятій и духа того времени. Робеспьеръ, Марать и ихъ сподвижники, видя, что противъ нихъ сильно возстаютъ съ театральныхъ помостовъ и что благородная часть публики вполне сочувствуетъ автору и осыпаетъ его рукоплесканіями, вошли съ прошеніемъ въ Городскую Думу о запрещеніи этой пьесы. Друзья ихъ, засѣдавшіе въ думѣ, удовлетворили несправедливому требованію и пьеса была запрещена передъ самымъ началомъ пятаго представленія. Но публика уже собралась въ театръ, деньги были заплачены, никто не хотѣлъ и слышать о перемѣнѣ, все единогласно требовали «*Друга законовъ*.» Но исполнить желанія публики не было возможности, между-тѣмъ, вся зала требовала, чтобы запрещеніе думы было немедленно представлено на разсмотрѣніе Національнаго Собранія.

По важности совершавшихся въ то время дѣлъ, собраніе засѣдало

безсмынно. Лейя явился туда самъ, въ качествѣ истца, и представилъ слѣдующую жалобу:

«Граждане законодатели!

«Ужасное злоупотребленіе совершается надъ гражданиномъ, котораго все преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ осмѣлился возвысить голосъ въ пользу законовъ, порядка и нравственности. Дума нарушила рѣшеніе Комиссін, назначенной вами для рассмотрѣнія комедіи подъ названіемъ: «Друзья законовъ.» Я ратую въ этомъ сочиненіи за непреложные законы разума и правды; слѣдовательно я предложилъ себѣ ту же задачу, которую вы разрѣшаете на другомъ поприщѣ. Лжепатріоты распустили слухъ, что я хотѣлъ заклеить не ихъ, а истинныхъ, добросовѣстныхъ сыновъ отечества; точно также при Мольерѣ, лицемеры кричали, что поэтъ хотѣлъ осмѣять людей истинно благочестивыхъ. Въ одномъ изъ вашихъ декретовъ, вы присуждаете смерть тому, кто будетъ стремиться къ раздробленію отечества. Что-же сдѣлалъ я? я наложилъ клеймо позора на чело анархистовъ, ведущихъ отечество къ распаденію, и въ то же время, другою рукою увѣнчалъ лавромъ истинныхъ поборниковъ закона и единства верховной власти. Дума, запретивъ мою комедію, ссылается на то, что она будто-бы нарушаетъ общественное спокойствіе; не она-ли сама породила весь безпорядокъ, объявивъ свое рѣшеніе въ тотъ самый часъ, какъ публика стала стекаться въ театръ. Четыре представленія прошли спокойно, безъ всякихъ безпорядковъ, а въ пятое Дума запрещаетъ пьесу? Чѣмъ оправдываетъ она это неблагоприятное дѣйствіе? чѣмъ оправдывается она въ томъ, что поступаетъ съ артистами самопроизвольно? въ томъ, что призвала ихъ, за четыре дня, чтобы сдѣлать имъ выговоръ за представленіе «Сиды», тогда какъ на другихъ театрахъ даютъ и «Сиду» и «Китайскаго сироту», и она не говоритъ ни слова. До чего-же мы дожили, граждане, если тотъ, кто ратуетъ за повиновеніе верховной власти и законамъ, считается преступникомъ? Если такъ, то посыпьте головы пепломъ, бѣгите въ пустыню, всѣ, въ комъ жива еще душа, въ комъ есть еще искра человеческого чувства? Лгутъ тѣ, которые, осмѣливаются говорить, что я хотѣлъ обратить въ орудіе партіи и въ сатиру на частныхъ лицъ, театръ, долженствующій быть школою гражданской доблести? Изъ отдѣльныхъ чертъ, подмѣченныхъ мною въ

обществѣ, создать я свои лица, представилъ не то или друго не-дѣлимаго, а людей вообще.

«Я чуждаюсь интригъ и духа партій, и живу въ бесѣдѣ съ своимъ сердцемъ и съ немногими друзьями. Я не знаю, не видалъ того, кого ложные навѣты называютъ откупщикомъ моего пера; пусть онъ явится сюда, и скажетъ прямо, что онъ подкупилъ меня. Нѣтъ, перо мое не продажно, оно принадлежитъ только правдѣ и повинует-ся только любви къ отечеству. Я дѣйствую по внушенію совѣсти, и въ ней моя сила; пусть тѣ, кому личная выгода предписываетъ совра-щать людей съ пути правды и долга, клеветуютъ на меня за то, что я стараюсь указать имъ путь долга? Граждане, я покоряюсь вамъ и закопамъ, которые вамъ поручено дать намъ, и въ этомъ повино-веніи чувствую себя выше и могущественнѣе тѣхъ вѣщественцевъ, ко-торые провозглашаютъ ослушаніе и анархію.»

Подписано Лейа »

Эта жалоба и письмо парижскаго мэра возбудили въ Собраніи по-чти такой-же шумъ, какой произвело запрещеніе пьесы въ театрѣ, Наконецъ, по предложенію знаменитаго моряка Керсента, который погибъ впоследствии на эшафотѣ, Національное Собраніе отмѣвило распоряженіе Думы.

Публика, между-тѣмъ, все ждала, не выходя изъ залы. Депутация, отправленная въ Національное собраніе въ семь часовъ, возврати-лась оттуда въ десять и пьеса была сыграна при громкихъ рукопле-сканіяхъ.

ГЛАВА XXIV.

Пора возвратиться къ нашимъ товарищамъ Французскаго театра, которые все еще были въ тюрьмѣ и ждали суда. Шанвиль, племян-никъ Превиля, арестованный вмѣстѣ съ ними, былъ освобожденъ и пользовался своею свободою для того, чтобы приискать средства къ спасенію своихъ менѣе счастливыхъ товарищей. Не смотря на трудъ, котораго ему стоило идти къ Колло-д'Эрбуа, бывшему тогда членомъ Комитета общественной безопасности, онъ рѣшился и на это сред-ство, надѣясь, что Колло-д'Эрбуа, какъ бывшій актеръ и драматиче-скій писатель, сжалится надъ судьбою несчастныхъ артистовъ. Но от-

вѣтъ былъ такой, что уничтожилъ послѣднюю надежду. — «Убирайся, вскричалъ Колло-д'Эрбуа, и будь радъ, что самъ выпутался изъ бѣды; твои товарищи сборище изменниковъ, предателей; главнѣйшіе изъ нихъ будутъ наказаны смертью, а остальные сосланы.»

Дѣйствительно, въ тотъ-же день Колло-д'Эрбуа послалъ къ Фукье-Тенвилю записку, опредѣляющую погибель обѣихъ Контá, г-жи Ланжъ и г-жи Рокуръ съ сестрою.

Къ счастью артистовъ Французской Комедіи, нашелся молодой человекъ, по имени Шарль-Ипполитъ-Лабюсьеръ, страстный любитель театра и не разъ восхищавшійся талантами Ларива, Флѣри, Дазенкура, г-жъ Контá, Ланжъ и Рокуръ. Онъ-то рѣшился спасти ихъ. Онъ началъ съ того, что опустилъ порученную ему записку Колло-д'Эрбуа въ карманъ, вмѣсто того, чтобы приложить ее къ дѣлу. Потомъ, разсудивъ, что неполученіе записки, пожалуй, не помѣшаетъ Фукье-Тенвилю приступить къ суду, онъ выбралъ изъ дѣла всѣ бумаги, которыя могли служить къ обвиненію подсудимыхъ, отправился съ этими бумагами въ баню, и, размочивъ ихъ въ ваннѣ до того, что онъ составили родъ тѣста, скаталъ ихъ въ шарики и бросилъ въ Сену.

Такимъ образомъ, всѣ приготовленныя обвиненія противъ артистовъ исчезли; когда наступилъ день суда, ихъ тщетно искали повсюду; половина дѣла, и половина самая важная, пропала, и осталось только отложить сужденія до собранія новыхъ документовъ. Но новые документы постигла таже судьба; они пропали такимъ-же таинственнымъ образомъ и пришлось начать дѣло съизнова. Между тѣмъ, наступило 9-е термидора, и артисты Французскаго театра были спасены.

Больше двухъ сотъ человекъ обязаны жизнію такому самоотверженію Лабюсьера.

Не всѣмъ благодѣтельствовала судьба, какъ артистамъ Французскаго Театра; Андрей Шенье погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта, за два дня до 9-го термидора. Я былъ очень друженъ съ Маріа-Жозефомъ Шенье и черезъ него зналъ и Андрея. Поэтому я могу привести въкоторыя обстоятельства его кончины, которыхъ никто не представлялъ до меня.

Маріа-Жозефа Шенье обвиняли, если не въ участіи въ смерти брата, то, по-крайней-мѣрѣ, въ томъ, что онъ не употребилъ всѣхъ зависѣвшихъ отъ него средствъ къ его спасенію. Это возмутитель-

ное и совершенно неосновательное обвинение терзало Марию-Жозефа до самой смерти. Вотъ все обстоятельства дѣла;

У Марию-Жозефа Шенье было два брата: Андрей Шенье, поэтъ и писатель, какъ и онъ самъ, и Соверъ Шенье, бывший бригаднымъ командиромъ, подъ начальствомъ Дюмурье. Андрей Шенье былъ членомъ такъ называвшагося общества 1789 года, желавшаго сохранения конституціи 1789. Предсѣдателемъ общества былъ Малуэ, а главнѣйшими членами Кондорсе, кавалеръ де-Павжъ, которому Шенье посвятилъ большую часть своихъ элегій, Грувель, Дюпонъ Немурскій, Керсень, герцогъ де-Ларошфуко, Пасторэ, Гиродэ, Шеронъ и Рушэ. Самыя имена эти показываютъ, что общество состояло изъ образованныхъ молодыхъ людей, жаркихъ почитателей Вашингтона.

Успѣхъ брошюры, изданной Андреемъ Шенье, побудилъ его остаться на время уединенную, созерцательную жизнь поэта, и поминаться на бурное поприще политики. Въ 1791 году онъ выступилъ въ числѣ кандидатовъ на выборы въ Законодательное Собрание; но тогда еще сильно было предубѣжденіе противъ поэтовъ, какъ людей неспособныхъ къ практической жизни, и Андрей Шенье не могъ собрать надлежащаго числа голосовъ для своего избранія.

Тогда-то Шенье и его друзья приняли редакцію «Парижскаго Журнала». До этого времени журналъ этотъ былъ въ рукахъ Сиеса, Кондорсе, Кабаниса, и Гарата; но они отступились отъ него, и начали сильную борьбу съ своими преемниками, въ другихъ журналахъ. Многіе еще помнятъ страшную полемику, которая завязалась въ самомъ этомъ журналѣ между Андреемъ Шенье и его братомъ, полемику, въ которой оба отдавали справедливость талантамъ друга друга и чтили родственныя связи, соединившія ихъ, но съ запальчивостью нападали на взаимныя мнѣнія.

Эта полемика Андрея Шенье и друга его Панжа, съ Марією-Жозефомъ Шенье, Манюелемъ и Бриссо, была въ полномъ разгарѣ, когда противники первыхъ получили сильное подкрѣпленіе въ лицѣ Колло д'Эрбуа. Этотъ новый врагъ возсталъ противъ молодыхъ друзей по поводу декрета 8 февраля 1791 года, объ амнистіи Швейцарской роты полка Шато-Вьё, приговоренной къ галерамъ за безпорядки, причиненные ею въ Мецѣ. Андрей Шенье, Павжъ, Руше и Шеронъ сильно протестовали противъ почестей, которыя одни анархисты воздавали нарушителямъ законовъ. Особенно шумѣлъ

безымянный протестъ, кончавшійся скромнымъ сознаніемъ автора, что онъ не подписывается потому, что не обладаетъ мужествомъ Андрея Шенье и боится гоненій.

Эта борьба продолжалась до десятаго августа, послѣ того анархисты, не сомнѣваясь болѣе въ своемъ вліяніи, овладѣли конторою «Парижскаго журнала» и истребили его станки. Затѣмъ «Парижскій журналъ» умолкъ до 1 октября, когда онъ явился снова подъ редакціею прежнихъ своихъ хозяевъ, Кондорсѣ, Сіеса, Кабаниса и Редерера.

Андрей Шенье, въ это время, подвергался такой опасности, что Виландъ писалъ изъ Германіи, освѣдомляясь, *живетъ-ли молодой поэтъ, къ которому онъ питаетъ такое глубокое уваженіе и такую искреннюю дружбу, хотя знаетъ его только по его твореніямъ.* Андрей Шенье однако не бѣжалъ; онъ только съѣхалъ съ своей прежней квартиры и поселился въ Пассі. Виландъ, узнавъ съ радостью, что онъ еще живъ, писалъ ему вторично, спрашивая, какую роль онъ играетъ въ современныхъ событіяхъ, и что дѣлаетъ вообще на свѣтъ?

Андрей Шенье отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ, столь полнымъ презрѣнія къ тогдашнимъ событіямъ и глубокой грусти.

«28 октября 1782 года.

«Господинъ Виландъ спрашиваетъ, какую роль я играю въ современныхъ событіяхъ? Благодаря Бога, рѣшительно никакой. Я далъ себя въ этомъ слово съ самаго начала, зная, что событія, подобныя настоящимъ, не то время, когда могутъ дѣйствовать люди прямые и непоколебимые въ своихъ убѣжденіяхъ, не желающіе ни водить партій, ни участвовать въ нихъ, люди ненавидящіе всякія интриги. Скорбя о бѣдствіяхъ, которыя я видѣлъ вокругъ себя, и которыя предусматривалъ еще въ будущемъ, я отъ времени до времени печаталъ размышленія, казавшіяся мнѣ полезными, и никогда не измѣнялъ своему образу мыслей. Это прямодушіе, не устранившееся ни передъ чѣмъ, навлекло на меня только вражду, гоненія и клевету; поэтому я твердо рѣшился удалиться отъ всего, и не принимать никакого дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, ограничиваясь, въ моемъ уединеніи, искренними желаніями спокойствія и счастія моему отечеству, — желаніями, которыя, сказать правду, далеко превосходятъ мои надежды.

«На второй вопросъ, что я дѣлаю на свѣтъ вообще, я по истинѣ не знаю, что отвѣчать. Говоря откровенно, я долженъ-бы отвѣчать тоже, что отвѣчалъ на первый вопросъ: ничего. Однако-же, какъ въ глазахъ г. Виланда время, посвящаемое наукъ и литературы не можетъ быть временемъ, проводимымъ совершенно праздно, то я скажу ему, что, предавшись вполне своему всегдашнему влеченію, я живу въ уединеніи и занимаюсь добросовѣстнымъ изученіемъ древнихъ языковъ и литературы; что я посвятилъ остатокъ своей молодости обогащенію себя знаніями, чтобы со временемъ слѣдовать по его стопамъ; и счастливъ буду я, если мнѣ дано будетъ, подобно ему, прославить родной языкъ, отечество и себя самого!»

Такъ Андрей Шенье думалъ совершенно уединиться въ частной жизни, заключиться въ литературныхъ трудахъ, въ святилицѣ своей греческой поэзіи; но онъ не принималъ въ расчетъ побужденій своего благороднаго сердца. Ежедневно смѣнявшіеся и возраставшіе ужасы, скоро вызвали его изъ уединенія и мирныхъ занятій ученаго и поэта; онъ бросилъ начатыя поэмы, элегіи и гимны, чтобы посвятить все свои способности и всю дѣятельность содѣйствию высокому дѣлу, которое принялъ на себя старецъ Мальзербъ, именно, успокоеніе отчизны. Мальзербъ принялъ предлагаемое ему содѣйствіе, но съ тѣмъ, чтобы имя поэта оставалось неизвѣстнымъ. Все усилія ихъ, какъ извѣстно, были безуспѣшны. Наконецъ, въ ночи съ 17 на 18 января, Андрей Шенье написалъ знаменитое воззваніе къ французамъ, не имѣвшее также никакого результата.

Если враги забыли на время объ Андрѣ Шенье, то средство, которымъ онъ напомнилъ о себѣ, было, конечно, не такого рода, чтобы заставить ихъ забыть свою старую вражду къ поэту. Къ счастью его, онъ заболѣлъ и болѣзнь, поневолю, принудила его молчать. Онъ пробылъ мѣсяцевъ восемь въ Версали, и только къ концу 1793 года началъ оправляться и возвратился въ Парижъ.

Тутъ-то онъ примирился съ своимъ братомъ, который самъ началъ отступать передъ бездною, въ которую онъ былъ завлеченъ злоумышленниками. Однако-же Марія-Жозефъ служилъ еще щитомъ Андрею; только его имя охраняло спокойствіе, въ которомъ жилъ до этихъ поръ поэтъ. Къ тому-же, самые жаркіе изъ его противниковъ уже не существовали: Кондорсе принялъ яду; Маратъ былъ убитъ; Песюнъ растерзанъ волками; Манюель и Бриссо погибли

на плахъ. Только Коло-д'Эрбуа всплылъ на поверхность этого грязнаго моря и дѣлилъ власть съ Робеспьеромъ. Впрочемъ, они, можетъ-быть, не позаботились-бы о поэтѣ, еслибъ простой, ничтожный случай не рѣшилъ его участи.

Шестаго января 1794 года, Андрей Шенье, будучи въ Пасси, навѣстилъ госпожу Пасторё, у которой онъ жилъ нѣкоторое время, два года передъ тѣмъ. Вдругъ нѣкто Генё, экзекуторъ Комитета безопасности, явился арестовать госпожу Пасторё, и заставъ у нея Андрея Шенье, заблагоразсудилъ арестовать и его. Тщетно Шенье предъявлялъ опасный листъ и свидѣтельство въ цивизмъ; у Генё было собачье чутье: онъ тотчасъ пронюхалъ подозрительнаго и арестовалъ его.

Генё тутъ-же снялъ допросъ; но Андрей Шенье уклонился отъ подписанія акта, что еще более взбѣсило Генё; онъ обратился къ Окружному Комитету въ Пасси, который немедленно приказалъ вести подозрительнаго въ Люксамбургскую тюрьму. Но у воротъ тюрьмы новая досада ожидала добраго гражданина Генё, который такъ ревновалъ о доставленіи новой жертвы Фукье-Тенвилю. Смотритель, находя бумаги не въ надлежащемъ порядкѣ, не хотѣлъ принять арестанта. Однако Генё не отчаялся; онъ отправилъ Андрея Шенье въ Сень-Лазарскую тюрьму, которой смотритель, человекъ болѣе сговорчивый, принялъ его безъ затрудненія. Впрочемъ, это стоило нѣкоторыхъ хлопотъ гражданину Генё, какъ видно изъ арестантскихъ списковъ, въ которыхъ Шенье записанъ подъ восьмымъ числомъ января. Вотъ какъ онъ въ нихъ записанъ: «Андрей Шенье, 31 года, родился въ Константинополь, гражданинъ, жительство имѣетъ въ улицъ Клери, подъ № 97. Ростъ: пять футовъ два дюйма; волосы и брови черныя; лобъ широкій; глаза сѣроголубыя; носъ средній; ротъ также, подбородокъ круглый; окладъ лица квадратный. Приведенъ по распоряженію Окружнаго Комитета Пассійской общины, для содержанія подъ предупредительнымъ арестомъ. Приказъ подписали: Бушера, Крамузень, комиссары; Генё, экзекуторъ Общаго Комитета.»

Узнавъ объ арестованіи сына, старикъ Луи Шенье бросился немедленно къ Марин-Жозефу. Страхъ его былъ тѣмъ сильнѣе, что въ то же самое время другой сынъ его, Совёръ Шенье, былъ арестованъ въ Узскомъ департаментѣ и отправленъ въ Бовё.

Самъ военный министръ пригласилъ Совёра Шенье выдти въ отставку и удалиться въ Бретельскую общину. Советъ былъ благодаренъ и данъ другомъ. Но вмѣсто того, чтобы сидѣть смиренно и молчать, Совёръ Шенье вздумалъ подать конвентисту Изорё записку о происшествiяхъ въ Бретель; эта записка была отправлена къ представителю Андрею Дюмону, комиссару Сомскаго департамента. Въ отвѣтъ на свою записку, Совёръ Шенье былъ арестованъ и представленъ въ судъ въ Бовё.

Луи Шенье, семидесяти-двухъ-лѣтнiй старикъ, видя двухъ сыновей подъ арестомъ, — а арестъ въ то время былъ почти то-же, что смертнiй приговоръ, — пришелъ къ третьему сыну, умолять его спасти братьевъ.

— Единственное средство спасти ихъ, — отвѣчалъ Марiа-Жозефъ, — молчать, чтобы о нихъ забыли.

Въ то же время онъ выхлопоталъ отсрочку суда по дѣлу Совёра. Андрей, между-тѣмъ, былъ безопасенъ въ Сенъ-Лазарской тюрьмѣ, пока имя его не было внесено въ списки Фукье-Тенвиля. Къ несчастiю, отецъ не хотѣлъ понять мудрости совета Марiа-Жозефа. Онъ написалъ, тайно отъ него, оправдательную записку, ходатайствуя объ освобожденiи Андрея, и представилъ ее Комитету утвердившему неправильное распоряженiе комиссара Генё. Вотъ эта записка :

«Андрей Шенье, жительствовавшiй съ отцомъ, въ улицъ Клери, подъ № 97, находясь случайно въ Пасси, 17 вантоза, былъ у гражданки Пасторё, въ то время, какъ гражданинъ Генё, экзекуторъ Комитета общественной безопасности, явился къ означенной гражданкѣ съ приказомъ объ арестѣ, относившимся къ ней одной. Имѣя право, какъ онъ увѣрялъ, арестовать въ ея домъ каждаго, кто покажется ему подозрительнымъ лицомъ, онъ арестовалъ въ томъ числѣ и Андрея Шенье, не смотря на опасный листъ, выданнiй послѣднему правленiемъ округа, въ которомъ онъ числится. Комиссаръ снялъ съ него допросъ, который Андрей Шенье не согласился подписать; тогда гражданинъ Генё исходатайствовалъ отъ окружнаго комитета въ Пасси приказъ объ арестованiи его, и послалъ его въ Сенъ-Лазарскую тюрьму, гдѣ онъ съ того времени и содержится. Вотъ всѣ обстоятельства арестованiя гражданина Андрея Шенье, въ которыхъ можно удостовѣриться справкою въ арестантскихъ книгахъ и рассмотрѣнiемъ приказа объ арестѣ.

«Гражданинъ Андрей Шенье всегда велъ жизнь безукоризненную; онъ ознаменовался и возбудилъ противъ себя сильныхъ враговъ смѣлостью и мужествомъ, съ какими возставалъ противъ Бериссо, Песона, Манюеля, Дантона, которыхъ общее мнѣніе судить нынѣ точно такъ, какъ онъ судилъ ихъ тогда. Ни при старомъ порядкѣ вещей, ни при новомъ, не имѣлъ онъ никакихъ честолюбивыхъ видовъ и жилъ въ уединеніи, занимаясь науками и литературою. Въ послѣдніе два года велъ онъ жизнь еще болѣе уединенную. Всегда покорный законамъ, чуждый всякихъ интригъ, онъ иногда удалялся, для поправленія здоровья, въ Версаль, гдѣ все сосѣди его засвидѣлствуютъ его тихій, безукоризненный образъ жизни. Нѣсколько мѣсяцевъ страдалъ онъ жестокою болѣзью, и только что покинулъ одръ недуга, когда случай привелъ его въ Пасси, навѣстить гражданку Пасторѣ.

«Нижеподписавшійся, семидесяти-двухъ лѣтній отецъ Андрея Шенье, признанный всеми въ округѣ, къ которому онъ принадлежитъ, за отличнаго гражданина, осмѣливается представить вышеизложенное на благосклонное вниманіе Комиссіи, завѣдующей разсмотрѣніемъ арестантскихъ дѣлъ. Онъ надѣется, что члены Комиссіи, уважатъ ходатайство отца, ничѣмъ не провинившагося передъ отечествомъ, за столь-же невиннаго сына, три мѣсяца уже томящагося въ незаслуженной неволѣ.»

Марія-Жозефъ былъ правъ; братъ его былъ забытъ. Но о немъ вспомнили. Имя его поразило Колло-д'Эрбуа, имѣвшаго въ это время страшное вліяніе на дѣла. Онъ припомнилъ своего давнишняго врага, который такъ неустрашимо призывалъ на него негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей.

Шенье между-тѣмъ думалъ только о поэзіи. Онъ приводилъ въ порядокъ все свои элегіи, эти неконченныя поэмы, эти недописанныя ямбы, которые произвели такое сильное впечатлѣніе на читающій міръ въ послѣдствіи, когда они явились въ свѣтъ сиротами, оплакивающими смерть отца. Онъ зналъ, что ему оставалось немного времени, и спѣшилъ.

Но и обвинитель, съ своей стороны, спѣшилъ также, такъ спѣшилъ, что перемѣшалъ Андрея Шенье съ братомъ его Совѣромъ, и приписалъ поэту дѣйствія, въ которыхъ обвинялся воинъ. Въ обвинительномъ актѣ Андрей Шенье названъ бывшимъ бригаднымъ ко-

мандромъ, подъ начальствомъ Дюмурье. Онъ явился въ судилище и былъ осужденъ подъ собственнымъ именемъ, но въ званіи и за дѣло своего брата. Онъ могъ-бы сослаться на эту ошибку; потребовались-бы справки, и онъ былъ-бы спасенъ, потому что онъ былъ судимъ 5 термидора, а 9-го Робеспьеръ палъ. Но онъ разсудилъ, что отрекаясь отъ приписываемаго ему званія, онъ погубилъ-бы брата; молчаніемъ-же своимъ онъ спасалъ его, ибо единственнымъ преступленіемъ его брата было то, что онъ служилъ и былъ бригаднымъ командиромъ подъ начальствомъ Дюмурье. И такъ, онъ промолчалъ, и 6 термидора былъ переведенъ въ Консьержери.

Марія-Жозефъ узналъ объ этомъ только 6 числа; я самъ былъ очевидцемъ его отчаянныхъ усилій спасти брата; но все эти усилія привели только къ слѣдующему отвѣту Колло-д'Эрбуа: «Вмѣсто того, чтобы ходатайствовать за другихъ, трепещи за самого себя, Марія-Жозефъ.»

Андрей Шенье былъ между-тѣмъ спокойнѣе всѣхъ. Седьмого числа онъ провелъ весь день въ пересмотрѣ своихъ рукописей и написалъ слѣдующіе стихи, лебединую пѣснь, послѣдній вздохъ поэта:

Comme un dernier rayon, comme un dernier zépher
 Anime la fin d'un beau jour,
 Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre....
 Peut-être est-ce bientôt mon tour.
 Peut-être, avant que l'heure, en cercle promenée,
 Ait posé sur l'émail brillant
 Dans les soixante pas, où sa course est bornée,
 Son pied sonore et vigilant,
 Le sommeil du tombeau fermera ma paupière.
 Avant que de ses deux moitiés,
 Ce vers que je commence ait atteint la dernière,
 Peut-être, en ces murs effrayés,
 Le messager de mort, noir recruteur des ombres,
 Remplira de mon nom ces longs corridors sombres*....

* Какъ угасающій лучъ, какъ послѣднее дуновеніе зефира оживляетъ конецъ яснаго дня, у подножія эшафота я ударяю еще въ свою лиру. Быть можетъ, не успѣетъ часъ, на блестящемъ кругѣ циферблата, отсчитать звонкою и безостановочною стопною шестидесяти шаговъ, отмѣряющихъ его ходъ, какъ сонъ могилы уже смежитъ мои глаза. Не

Дѣйствительно, Андрей Шенье только что успѣлъ дописать этотъ стихъ, какъ раздалось его имя. Онъ не могъ окончить стихотворенія, которое было бы прекрасно, безъ этого перерыва.

Андрей Шенье взошелъ на роковую тележку и встрѣтилъ на ней своего друга Рушэ. Оба поэта, какъ извѣстно, привѣтствовали другъ друга стихами Расина:

Oui, puisque je retrouve un ami si fidèle —
Ma fortune va prendre une face nouvelle.

Дорогою они бесѣдовали объ искусствѣ и поэзїи, улыбались, припоминая свои золотыя мечты, прерванныя въ цвѣтъ лѣтъ.

Не только самъ Марїя-Жозефъ Шенье говорилъ мнѣ, какія страданія онъ перенесъ, когда узналъ о переводѣ брата въ Консьержери, но еще болѣе говорилъ мнѣ объ этомъ Мегюль, лучший его другъ, которому онъ, въ эти два дня, повѣрялъ всь свои безполезныя усилія, свою безсильную скорбь и отчаянїе.

Шенье предвидѣлъ страшное обвиненїе, которое должно было пасть на него; онъ зналъ, что такое враги политическіе, и еще болѣе литературные. Его обвинили не только въ равнодушіи къ судьбѣ брата, но даже въ томъ, будто онъ самъ довелъ его до эшафота. Одинъ журналъ, «La Quotidienne,» каждый день обращался къ нему съ вопросомъ: — Каинъ, гдѣ братъ твой?

Шенье бился подъ этимъ обвиненїемъ, какъ Иксїонъ подъ бичемъ Эвмениды. Горесть его вырывалась отчаянными стихами, и надо сказать, ничто во всѣхъ его сочиненїяхъ, не сравнится съ этими стихами, писанными изъ-подъ острія клеветы.

Seul, attendant la mort, quand leur coupable voix
Demandait à grands cris du sang et non des lois,
Ceux que la France a vus ivres de tyrannie,
Ceux-là même, dans l'ombre armant la calomnie,
Me reprochent le sang d'un frère infortuné,
Qu'avec la calomnie ils ont assassiné.
L'injustice agrandit une âme libre et fière.
Ces reptiles hideux, sifflant dans la poussière,
En vain sèment le trouble entre son ombre et moi.

успѣю я окончить начатаго стиха, какъ быть можетъ, вѣстнакъ смерти, мраный вербовщикъ тѣней, огласитъ моиимъ именемъ устрашенные стѣны этихъ длинныхъ, темныхъ сѣней.

Scélérats, contre vous elle invoque la loi !
 Hélas ! pour arracher la victime aux supplices,
 De mes pleurs chaque jour fatiguant vos complices,
 J'ai courbé devant eux mon front humilié.
 Mais ils vous ressemblaient, ils étaient sans pitié !
 Si le jour où tomba leur puissance arbitraire
 Des fers et de la mort je n'ai sauvé qu'un frère,
 Qu'au fond des noirs cachots Dumont avait plongé
 Et qui, deux jours plus tard, périssait égorgé,
 Auprès d'André Chénier avant que de descendre,
 J'élèverai la tombe, ou manquera sa cendre,
 Mais où vivront du moins et son doux souvenir,
 Et sa gloire, et ses vers dictés pour l'avenir.
 Là, quand de thermidor la septième journée
 Sous les feux du lion ramènera l'année,
 O mon frère, je veux, relisant tes écrits,
 Chanter l'hymne funèbre à tes mânes proscrits,
 Là tu verras souvent, près de ton mausolée,
 Tes frères gémissants, ta mère désolée,
 Quelques amis des arts, un peu d'ombre et des fleurs,
 Et ton jeune laurier grandira sous nos pleurs*.

* Одинъ, всѣми оставленный, ожидалъ я смерти, когда ихъ преступный голосъ громко требовалъ крови, а не законовъ: голосъ тѣхъ, которыхъ Франція видѣла въ упоеніи неистовства. И теперь они же, въ тайнѣ точа клевету, попрекаютъ меня кровью несчастнаго брата, котораго они умертвили клеветою. Но благородная, гордая душа мужаетъ въ клеветѣ. Напрасно эти гнусныя гады, шипя во прахѣ, слятся породить вражду между мною и его тѣнью. Злодѣи, противъ васъ взываетъ она къ законамъ! Чтобы вырвать жертву изъ рукъ злодѣевъ, я каждый день преслѣдовалъ вашихъ сообщниковъ своими слезами, и униженно склонялъ передъ ними голосу. Но они были подобны вамъ! въ сердцахъ ихъ не было жалости! Если въ тотъ день, какъ пало ихъ кровавое владычество, я спасъ изъ оковъ и отъ смерти одного только брата, котораго Дюмонъ ввергъ въ гнусную темницу, и котораго еще два дня обрекли бы также смерти, прежде, чѣмъ я сойду къ Андрею Шенвѣ, я поставлю ему памятникъ, въ которомъ не будетъ покоится его прахъ, но въ которомъ будутъ жить его драгоценная память, его слава и его дивныя стихи, написанныя для потомства. Тамъ, каждый годъ, когда наступитъ роковой седьмой день термидора, тамъ, о братъ, буду я, перечитывая твои творенія, восплѣвать печальный гимнъ твоимъ останкамъ. Тамъ не разъ

Это гнусное обвинение преследовало Марию-Жозефа Шенье до самой могилы. Онъ умеръ 10 января 1811 года, и въ рѣчи, произнесенной на его открытой могилѣ, Арно говорилъ между прочимъ: «На Шенье указывали, какъ на сообщника убійства, котораго онъ не могъ отвратить, смерти его брата. Эти злобныя души лгутъ, когда могутъ, хотя-бы вопреки всемъ законамъ природы, указать на преступленіе въ противной партіи: онъ осмѣлился предписать угрызения совѣсти сердцу, разрываемому скорбью. Если-бъ эта скорбь Шенье, вылившаяся впоследствии въ такихъ трогательныхъ стихахъ, позволяла сомнѣваться еще въ его невинности; если-бъ память его нуждалась еще въ оправданіи, послѣ этого краснорѣчивѣйшаго изъ оправданій, я сказалъ-бы... Но нѣтъ, оставимъ холодныя разсужденія! Одинъ фактъ скажетъ болѣе, чѣмъ когда-либо могло быть сказано, или можетъ быть сказано впредь. Въ скорби своей, Шенье искалъ убѣжища въ объятіяхъ матери, которая жила у него и умерла на его рукахъ. Матери! я спрошу васъ: могло-ли сердце матери раскрыться даже раскаянію сына, который-бы такъ жестоко растерзалъ его?»

Но въ это время убійцы скоро слѣдовали за своими жертвами. Андрей Шенье погибъ седьмого термидора, а Робеспьеръ 9-го; втораго марта настала очередь Колло-д'Эрбуа; правда, это была уже эпоха снисходительности, и наказаніе его ограничилось ссылкой. Но Небесный Промыслъ отмѣнилъ рѣшеніе человѣческаго суда, и опредѣлилъ смерть злодѣю. Едва Колло прибылъ въ Гвиану, онъ началъ возбуждать безпорядки между неграми; его заключили въ Синамарійскую крѣпость, гдѣ его схватила горячка. Въ минуту бреда, ему попала подъ-руку бутылка водки; эта водка сожгла ему всѣ внутренности, и 8-го января 1796 года, когда его перевозили въ Каиенскій госпиталь, онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ, моля Небо и людей о прощеніи ему его злодѣяній и пролитой имъ крови.

Колло-д'Эрбуа занимался драматическою литературою. Онъ написалъ для театра «Клемансъ и Монжуа», «Французовъ въ Гренадѣ», «Добраго Анжуйца, или даръ сердца», и еще семь или восемь драмъ и комедій, которыя всѣ давно забыты.

увидишь ты передъ твоимъ мавзольемъ, плачущихъ братьевъ, безутѣшную мать, нѣскольکو друзей, немного тѣни и цвѣтовъ. И твой юный лавръ возрастетъ отъ нашихъ слезъ!

ГЛАВА XXV.

Всѣ наши товарищи были наконецъ освобождены, кромѣ Дазенкура. Національный театръ открылъ свои представленія 29-го термидора, «*Метроманією*» и «*Ложными секретами.*» Затѣмъ последовала новая трагедія Маріи-Жозефа Шенье, «*Тимолеонъ,*» запрещенная передъ тѣмъ террористами, но теперь имѣвшая тѣмъ большій успѣхъ. Этому успѣху, не мало содѣйствовали прекрасные хоры, написанные Мегюлемъ.

Духъ времени проявлялся на театрѣ, какъ и вездѣ и во всемъ, можетъ быть даже больше, чѣмъ гдѣ-либо; потому-что театръ, выраженіе всѣхъ стремленій, фокусъ, въ которомъ отражаются всѣ бури человѣческой жизни.

Мы, съ своей стороны, должны были принести публикѣ повинную за тѣ гадкія пьесы, которыя мы, скрѣпя сердце, должны были играть во время терроризма. Чтобы немножко загладить ихъ память, мы поставили небольшую комедію подъ названіемъ «*Добрый Комиссаръ.*» Эта миниатюрная пьеска имѣла огромный успѣхъ; она была основана на истинномъ происшествіи, очень нанумѣвшемъ въ свое время, такъ, что успѣхъ ея былъ въ родѣ публичной награды, возданной благородному поступку. Вотъ это происшествіе. Одинъ честный комиссаръ, по имени Ганжъ, успѣлъ скопить сто франковъ ассигнаціями; эти сто франковъ составляли все его богатство, когда онъ узналъ въ Сень-Лазарской тюрьмѣ одного арестанта, находившагося, также какъ его семейство, въ крайней нищетѣ. Не говоря ни слова ни узнику, ни его семейству, онъ рѣшился помочь тому и другому; раздѣливъ свое богатство на двѣ части, и, вооружившись своею комиссарскою медалью, отправился къ арестанту, вручить ему пятьдесятъ франковъ отъ имени его семейства; изъ тюрьмы же пошелъ прямо къ его семейству, и отдалъ ему остальные пятьдесятъ франковъ отъ имени узника. Только по освобожденіи послѣдняго, открылся этотъ благородный обманъ.

Гамасъ воспользовался этимъ событіемъ для очень хорошенькой пьески, объ успѣхъ которой я говорилъ выше. Ганжъ былъ въ театрѣ съ своимъ семействомъ, а публика изъявила свое уваженіе

къ его великодушному поступку вызовомъ и единодушными рукоплесканіями.

Во время невольнаго отсутствія нашихъ товарищей Сентъ-Жерменскаго предместья, національный театръ былъ занятъ комическо-оперною труппою, съ которою прежніе хозяева, по освобожденіи своемъ, соединились. Но вскорѣ возникли денежные несогласія; оперная труппа поссорилась съ драматическою, и артисты Французскаго театра, покинувъ свою старую залу Сентъ-Жерменскаго предместья, стали искать новой. Всѣ театры открылись передъ ними, предлагая пристанище знаменитымъ странникамъ. Они отдали предпочтеніе театру Федо, бывшему тогда подъ управленіемъ Сажерё, и открыли свои представленія «Смертью Цезаря» и комедію «Нечаянности любви.» «Смерть Цезаря» была возстановлена въ настоящемъ своемъ видѣ; стихи, которыми Гойё замѣнилъ слишкомъ устарѣлые въ понятіяхъ стихи Вольтера были выброшены; а рѣчь Антонія, за два года передъ тѣмъ исключенная удостоилась самыхъ восторженныхъ рукоплесканій.

Наступила наша очередь, если не подвергнуться гоненіямъ, то, крайней-мѣрѣ, испытать на себѣ непрочность милости публики. Скоплявшаяся надъ нашими головами гроза разразилась наконецъ по поводу перваго представленія «Балдерки.»

Эта пьеса была не драма и не комедія, и на афишѣ величалась просто *восточною пьесою*, въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ, сочиненія г-жи Кандейль, автора «Прекрасной мизницы.» Много видѣлъ я на своемъ вѣку паденій пьесъ, много слышалъ свистковъ; но не видалъ и не слышалъ ничего подобнаго паденію «Балдерки.» Г-жа Кандейль играла главную роль, и, — надо отдать ей справедливость, — съ рѣдкимъ мужествомъ отстаивала пьесу, какъ артистка и какъ авторъ. Но ничто не помогло; пьеса и въ другое время, вѣроятно, упала бы, а тутъ она была осуждена заранѣе, безъ выслушанія. Поднялся такой шумъ, что должно было опустить занавѣсъ, и пьеса не могла быть кончена.

Мы надѣялись, что этимъ и кончатся; но вышло не такъ. Послѣ «Балдерки» шла комедія «Криспинъ, соперникъ своего господина,»

въ которой роль Криспина долженъ былъ исполнять актеръ Фюзи *. А Фюзи былъ главнымъ помощникомъ Колло-д'Эрбуа во время его Лионскихъ подвиговъ. Едва онъ показался на сценѣ, какъ со всѣхъ концовъ театра раздались крики негодованія: «Злодѣй, разбойникъ, извергъ!» Я стоялъ за кулисами, и слышалъ среди этихъ криковъ имена Дюгазона и Гальяра; перваго вызывали, какъ актера, втораго — какъ директора. Ни того, ни другаго не было въ театрѣ. Я вышелъ на авансцену: «Браво, Тальма, браво!» вскричалъ весь театръ въ одинъ голосъ. Пусть Тальма пропоетъ куплеты.

— «Милостивые государи, отвѣчалъ я, — я ставлю себя въ долгъ и въ счастье исполнять каждое ваше желаніе; но, къ сожалѣнію, я не пою, и даже прилагаю все свое стараніе, чтобы меня нельзя было упрекнуть въ пѣніи.»

«Такъ читайте, читайте!» — воскликнуло множество голосовъ; — «читайте, а Фюзи будетъ свѣтить! Фюзи, возьмите свѣчу!»

Я принужденъ былъ прочесть пьесу *Réveil du peuple*, между-тѣмъ, какъ Фюзи мнѣ свѣтилъ. Бѣднякъ думалъ, что этимъ отдѣляется; но ему готовился самый горькій кусочекъ, на закуску. Онъ только что хотѣлъ удалиться, какъ одинъ голосъ закричалъ изъ партера: — «Нѣтъ, нѣтъ, пусть остается! я еще прочту ему кое-что!» И затѣмъ молодой человекъ вскочилъ на скамейку; онъ былъ изъ Лиона, и прочелъ смертный приговоръ своего отца, подписанный актеромъ Фюзи.

Я самъ также не избѣгъ гнѣва реакціонеровъ. — Однажды, когда я игралъ роль Нерона, въ театрѣ раздалось нѣсколько свистковъ. Я подошелъ къ рампѣ и сказалъ: — «Граждане, я всегда любилъ и люблю все благородное и великое, и всегда ненавидѣлъ злодѣйство и злодѣевъ; никто болѣе меня не оплакивалъ бѣдствій терроризма, потому-

* Мужъ актрисы Луизы Фюзи, бывшей въ Россіи въ 1804 до 1812 года, и извѣстной нашимъ читателямъ по «*Воспоминаніямъ актрисы,*» помѣщеннымъ въ Пантеонѣ 1848 года. Луиза Фюзи, въ своихъ «*Воспоминаніяхъ,*» оправдываетъ своего мужа, приписывая всѣ толки о его жестокостяхъ клеветѣ. *Примѣз. Ред.*

что все друзья мои погибли на эшафотъ.» Минъ не дали докончить; громкія рукоплесканія прервали мою рѣчь.

Дюгазонъ былъ не такъ счастливъ, какъ я. Когда онъ явился на сцену, вся публика принялась свистать и кричать, и наконецъ потребовала, чтобы онъ просилъ прощенія на колѣнахъ. Но Дюгазонъ, вмѣсто того, чтобы повиноваться, вышелъ на авансцену, и не имѣя перчатки, чтобы бросить ее публикѣ, бросилъ ей свой парикъ. Въ то же мгновеніе десятка два молодыхъ людей вскочили на сцену, и ему, вѣроятно, досталось бы порядкомъ, еслибъ машинистъ не догадался опустить подъ нимъ люкъ и тѣмъ вырвать его изъ рукъ враговъ. Потомъ его поскорѣ спровадили заднимъ выходомъ.

Послѣ актеровъ пришла очередь злодѣя Марата. Реакціонеры не довольствовались тѣмъ, что тѣло его было вынесено изъ Пантеона и брошено въ Монмартрскую водосточную канаву; они повсюду истребляли его бюсты. Вечеромъ 19-го плювіоза, нѣсколько молодыхъ людей явились въ театральную контору, вооруженные палками. — «Не бойтесь, сказалъ одинъ изъ нихъ, мы хотимъ только разбить бюстъ Марата, и больше ничего.» Дѣйствительно, молодые люди разбили только бюстъ и потомъ удалились, не тронувъ никого и ничего.

Около этого времени я создалъ новую роль, Фарана, въ трагедіи Дюси: «*Абуфаръ, или арабское семейство.*» Пьеса не то, что упала, но и не имѣла успѣха.

Не лучше шли дѣла и на театрѣ Федѣ. Тамъ падала пьеса за пьесой; сперва *Агатина*, драма въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ, гг. Лурдѣ и Десотера; пототомъ «*Павзаній*», г. Трувѣ; наконецъ «*Снисходительный человекъ*,» г. Демутѣ.

«*Новый Тартюфъ*», явившійся на нашемъ театрѣ, былъ не успѣшнѣе предыдущихъ пьесъ; мы немножко поднялись только съ трагедіею Легувѣ «*Квинтъ Фабій, или Римская дисциплина*», нынѣ почти забытою.

Между-тѣмъ рѣдкій вечеръ проходилъ безъ шума. Однажды на театрѣ Федѣ гимны были освистаны. Министръ полиціи, Мерленъ, очень оскорбился этимъ, и на другой-же день написалъ слѣдующую записку къ главнокомандующему внутренней стражею :

«Парижъ, 9-го нивоза, IV года»

«Генераль, до свѣдѣнія моего дошло, что вчера на театрѣ Федо любимыя гимны были встрѣчены свистомъ. Что-же значитъ, послѣ этого, приказъ исполнительнѣйшей директоріи, которымъ повелѣно, чтобъ эти гимны были исполняемы передъ поднятіемъ завѣса на всѣхъ Парижскихъ театрахъ? Покорнѣйше прошу васъ, генераль, распорядиться, чтобы каждый день были немедленно арестуемы всѣ лица, которыя воспротивятся исполненію приказа исполнительнѣйшей директоріи, и полагаюсь на ваше усердіе и вашу твердость въ этомъ дѣлѣ.»

«Мерленъ.»

Командиръ внутренней стражи, къ которому было адресовано это письмо, былъ никто-иной, какъ мой знакомецъ капитанъ Бонапарте, который, исполнивъ успешно возложенное на него дѣло 13-го вандемьера, былъ тотчасъ назначенъ главнокомандующимъ внутренней стражею.

Со времени выезда его изъ Парижа, я раза два или три слышалъ его имя. Бывъ назначенъ генераломъ Карто для подкрѣпленія какой-то военной операціи на Авиньонъ, онъ былъ при батареѣ Марсельцевъ; это было первымъ его воинскимъ подвигомъ. За тѣмъ услышалъ я, что батальонный командиръ Бонапарте много содѣйствовалъ отнятію Тулона у англичанъ, которые овладѣли имъ измѣною. Потомъ я узналъ, что онъ получилъ чинъ бригаднаго генерала и назначенъ командиромъ артилеріи въ италійскую армію, подъ начальствомъ генерала Дюмербюна. Наконецъ, я встрѣтилъ его однажды за кулисами; онъ былъ все также блѣденъ, худъ и задумчивъ.

Онъ былъ въ это время въ немилости и безъ дѣла. Обри назначилъ его было командовать пѣхотною бригадою въ Вандеѣ; но онъ отказался, считая эту войну безнравственною. Тогда Дульсе-де-Понтёкуланъ прикомандировалъ его къ топографическому комитету при военномъ министерствѣ; но вскоре послѣ того, Летурнеръ занявъ мѣсто Понтёкулана, отказалъ ему, и онъ снова остался безъ занятія.

Тутъ молодой человекъ вналъ въ совершенное уныніе. Записка, поданная имъ въ военное министерство, о средствахъ увеличить силы Турціи и оградить ее отъ покушеній европейскихъ державъ, была оставлена безъ вниманія. Мало-по-малу, онъ заложилъ все, что имѣлъ : часы, перстни, кой-какія дорогія вещи, и въ отчаяніи рѣшился броситься въ Сену. Онъ уже шелъ къ Новому мосту для исполненія этого рѣшенія, какъ вдругъ столкнулся съ однимъ прохожимъ, взглянулъ, и узналъ одного изъ своихъ товарищей по Бриенской школѣ.

Оба были еще въ тѣхъ лѣтахъ, когда мысли скоро переходятъ съ души на уста. Они повѣрили другъ другу свое житье-бытье. Одинъ только что получилъ отъ своего нотариуса двадцать тысячъ франковъ, и Бонапарте возвратился на свою квартиру, спокойный и обезпеченный лѣтъ на пять.

Четыре дня спустя, Бонапарте былъ въ театрѣ Федо, когда пришли объявить ему, что національная гвардія округа Лепельтье отбила войска Конвента, подъ начальствомъ генерала Мену. Видя отступленіе своихъ войскъ, Конвентъ приказалъ генералу Александру Дюма принять начальство надъ всеми войсками, находившимися въ Парижѣ. Но когда приказаніе было доставлено на квартиру генерала, его не было въ городѣ ; онъ выѣхалъ за два часа передъ тѣмъ.

Тогда Баррасъ, назначенный въ должность главнокомандующаго внутренней арміи, взялъ Бонапарте себѣ въ помощники. Вслѣдъ за тѣмъ совершилось дѣло 13-го вандемьера.

Вотъ какимъ образомъ капитанъ Бонапарте получилъ вдругъ важную должность главнокомандующаго внутренней арміи.

Получивъ письмо министра полиціи, Мерлена, онъ только пожалъ плечами, предполагая заняться гораздо важнѣйшимъ дѣломъ, чѣмъ наблюдениемъ за тѣмъ, чтобы на театрѣ Федо исполняли тѣ или другіе любимые гимны.

Здѣсь оканчиваются доннынъ вышедшіе четыре тома любопытныхъ «Записокъ Тальмы». По мѣрѣ появленія ихъ въ свѣтъ въ Парижѣ и полученіи здѣсь, редакція Пантеона не замедлитъ сообщать ихъ своимъ читателямъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

БОГАТЫЙ ХОЛОСТЯКЪ И ДВОЕ ЖЕНАТЫХЪ. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствиі, въ прозѣ Соч. актера *П. Григорьева* 1.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ШАЛУНЫ. Оригинальная оперетта въ 2 карт. съ танцами, соч. актера *П. Григорьева* 1.

ТРЕТІЕ ДѢЙСТВІЕ изъ комедіи **ЖИТЕЙСКАЯ ШКОЛА.** Соч. *П. Григорьева* 1.
ЛЮБОВНЫЯ ЗАПИСКИ МУЖА. Комедія въ 1 дѣйствиі. Сюжетъ заимствованъ съ французскаго актеромъ *П. Григорьевымъ* 1.

(*Бенефисъ г. Григорьева*).

Настоящій бенефисъ г. Григорьева 1 не столько замѣчательнъ своимъ составомъ, сколько тѣмъ, что каждая изъ этихъ бенефисныхъ пьесъ принадлежитъ труду самого бенефицианта.

Всякому свое мило, и, вѣроятно, только на этомъ основаніи г. Григорьевъ ничего не нашелъ изъ произведеній другихъ драматическихъ писателей, ни новаго, ни стараго, достойнаго красоваться въ его бенефисѣ. Манера г. Григорьева 1 писать свои небольшія бенефисныя пьески—извѣстна всѣмъ: въ этихъ пьесахъ ѣдятъ или бранятся; случается и то и другое вмѣстѣ. — Изъ настоящихъ четырехъ пьесъ только въ одной, заимствованной съ французскаго, въ «*Любовныхъ запискахъ мужа*», не было ничего съѣстнаго и бранчиваго... Зато, въ остальныхъ, и того и другого вдоволь: чаю, вина, юмору, настойки, ссоръ, брани и даже желаній подраться. Г. Григорьевъ хорошо знаетъ сценическіе эффекты, но согласитесь, что для человѣка съ эстетическимъ чувств-

вомъ, въ продолженіе четырехъ часовъ — очень скучно слышать звонъ рюмокъ, шелканье пробокъ, нестройные припѣвы петербургскихъ шалуновъ и икоту пьянаго Морошки.... А между тѣмъ на всѣ эти эффекты авторъ рассчитывалъ — и съ одной стороны, не ошибся въ расчетъ.

«*Любовный — записки мужа*» пьеса старая, болѣе обязанная своимъ минувшимъ и настоящимъ успѣхомъ — дружной игрѣ Самоголовой 2 и Максимова 1, чѣмъ своему литературному достоинству.

Перейдемъ лучше къ новостямъ. — Иванъ Семеновичъ Мямлинь *пожилыхъ лѣтъ холостякъ, съ хорошимъ состояніемъ, задумавъ жениться, предлагаетъ свое состояніе и руку — сосѣдкѣ, молодой вдовушкѣ Цвѣтковой, живущей съ нимъ гдѣ-то на дачѣ у г-жи Прибирохиной. Последняя готова помочь холостяку въ его сватовствѣ, тѣмъ болѣе, что такое дѣло для нея не новость: она уже подарила семейнымъ счастьемъ двухъ друзей: Ермолая Алексѣевича Чухломскаго и Аввакума Никитича Морошку. Но г-жа Прибирохина не иначе рѣшается устроить эту свадьбу, какъ съ тѣмъ, чтобы Мямлинь, за нѣсколько дней до брака, презентовать своей будущей супругѣ билетъ въ 50 тысячъ... Мямлинь, очевидно влюбленный одинаково въ деньги и вдову, нескоро рѣшается разстаться какъ съ первыми, такъ и съ последней. Въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ прибѣгаетъ къ совѣту своего пріятеля Чухломскаго, прося рассказать откровенно всѣ выгоды и невыгоды семейной жизни. — Чухломскій женатъ очень недавно. Онъ въ восторгѣ отъ жены, медоваго мѣсяца, будущихъ надеждъ и ожиданій... Онъ ужъ даже носитъ съ собою дѣтскую кофточку, въ которой думаетъ видѣть первенца своего потомства. Разказы его о семейной жизни, рѣшаютъ судьбу Мямлина — тотъ отправляется за деньгами, какъ вдругъ судьба посылаетъ ему новаго гостя, тощаго, чахоточнаго Морошку, не довольнаго ни женой, ни свахой, особенно первую, которая только что поклонила его зяτικомъ... Его жалобы на несчастія своей семейной жизни совершенно разстраиваютъ счастливый результатъ разказовъ Чухломскаго.... Оба друга — кидаются къ Мямлину, каждый изъ нихъ старается доказать справедливость своихъ словъ... Одинъ чуетъ супружество; другой называетъ его блаженствомъ*

одинъ говоритъ: «Не женись — погибнешь!» — другой отвѣчаетъ: «вздоръ.... женись — онъ вретъ... онъ старый дурень!» — Друзья готовы побранится: Чухломскій называетъ Морощку плѣшивымъ сигомъ и лысою тыквою и убѣждаетъ Мямлина.... Последній бѣжить за деньгами, а Морощка съ горя садится за чайный столъ, гдѣ и напивается.... Въ то время, какъ его начинаетъ мучить скота и жажда отмстить Прибирохиной, заѣвшей своимъ сватовствомъ его вѣкъ и счастье.... она является, какъ нарочно. Морощка вскакиваетъ — бѣжить къ ней и готовъ уже обойтись вовсе не посвѣтски съ вдовою почтеннаго комисара, но великодушный Чухломскій удерживаетъ Морощку и усаживаетъ его на скамью, въ то время, какъ счастливый Мямлинъ подаривъ свою невѣсту сказаннымъ билетомъ, приходитъ съ нею къ друзьямъ своимъ.

— Ну вотъ, — говоритъ Чухломскій Мямлину: — нашего полку и прибыло.... дай Богъ вамъ совѣтъ да любовь!

— Дай Богъ, чтобы у твоей жены не было зонтиковъ! — заключаетъ икающій Морощка....

Самъ бенефициантъ довольно живо исполнилъ роль Чухломскаго.

Петербургскіе шалуны. Эта пьеса принадлежитъ къ числу тѣхъ драматическихъ бездѣлушекъ, которыя, сообщая интересъ афишѣ, авторамъ не стоятъ большаго труда, а зрителями забываются также легко, какъ и создаются.

Семь пріятелей, завтракая у Излера, вдохновляясь шампанскимъ и островами изъ бильярдной, замѣчаютъ, что одинъ изъ нихъ, душа ихъ разгула, Александръ Андренчъ — скученъ противъ обыкновенія и пьетъ далеко менѣе другихъ.... Къ нему приступаютъ съ распросами и юноша открываетъ, что онъ влюбленъ въ одну хорошенькую дачницу, которую часто видитъ на балконѣ одного изъ домиковъ Новой Деревни. Друзья его утѣшаютъ, хотятъ дать ей серенаду — и принуждаютъ товарища выпить нѣсколько бокаловъ виноградава, при чемъ хоромъ поютъ: *Заходили чарочки по столу....* Потомъ горе горькое своего пріятеля и свое намѣреніе они разсказываютъ только что пришедшему Андрею Петровичу, который изъ словъ Александра узнаетъ, что пріятель влюбленъ въ его невѣсту. Вслѣдствіе этого злой Андрей Петровичъ рѣшается посмѣяться надъ шалунами, и разстается съ ними.

Во второй картинѣ вы въ Новой Деревнѣ...!кучеръ иллюминировываетъ прачешную разноцвѣтными фонарями, а у ея раствореннаго окна Татьяна, кухарка Андрея Петровича, гладитъ салфетки.—Являются шалуны-пріатели—и, воображая, что этотъ иллюминированный сарай—заключаетъ предметъ пылкой страсти Александра, начинаютъ серенаду пѣсней: «*Ты пода, моя коровушка, домой*»—Татьяна бросаетъ утюгъ и выходитъ изъ прачешной, готовая обнять пѣвца. Изумленіе пріателей увеличивается еще болѣе, когда съ противоположнаго балкона раздается громкій смѣхъ Андрея Петровича и четырехъ хорошевькихъ пріательницъ,—свидѣтелей курьозной ошибки шалуновъ.—Затѣмъ Андрей Петровичъ представляетъ друзьямъ свою невѣсту и пьеса оканчивается исполненіемъ кадрили-краковяка, который всѣ дѣйствующія лица танцуютъ на дворѣ—между прачешною и сараемъ.

Пьеса эта названа опереттою, потому что къ ней подобраны цыганскія пѣсни. Первый актъ ея исполняется довольно стройно и ловко.

Объ сценахъ изъ «Житейской школы» говорить нечего, тѣмъ болѣе, что объ ней уже и то говорятъ гораздо больше, чѣмъ бы слѣдовало.

—

КАСТИЛЬСКАЯ ЧЕСТЬ. Драма въ 1 д., въ стихахъ. Переводъ съ французскаго.

ЧЕМУ БЫТЬ, ТОГО НЕ МИНОВАТЬ. Драматическая пословица въ 1 дѣйствіи соч. Барона *Ф. Ф. Корфа*.

ВОЛШЕБНАЯ РСЗА, или УЪЗДНЫЕ ЧЕСТОЛЮБЦЫ, Комедія водевилъ въ 1 дѣйствіи, переделанная французскаго *С. Соловьевымъ*.

ОСТРИЖЕННЫЕ ЛЬВЫ или ЖИВЫЕ ПОКОЙНИКИ. Водевилъ въ 2 дѣйствіяхъ. перев. съ французскаго *П. Каратыгина*.

ЖЕЛЪЗНАЯ ДОРОГА МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГОМЪ и МОСКВОЮ. Водевилъ въ 1 дѣйствіи и въ 2 картинахъ.

(*Бенефисъ г. Каратыгина 2.*)

Отъ г. Каратыгина, занимающаго довольно видное мѣсто въ небольшомъ числѣ нашихъ извѣстныхъ драматическихъ писателей, публика всегда вправѣ требовать, въ составѣ бенефиса, болѣе новаго, интереснаго и изящнаго, чѣмъ отъ другихъ ак-

теровъ, на томъ основаніи, что онъ, какъ актеръ-авторъ, совершенно знакомый съ дѣломъ сцены и драматической литературы—владѣеть для этого множествомъ средствъ и можетъ руководствоваться при выборѣ пьесъ и своею опытностію, и просвѣщеннымъ взглядомъ—и наконецъ своимъ собственнымъ талантомъ. Въ бенефисныхъ афишахъ такихъ артистовъ—мы привыкли всегда встрѣчать одно или два изъ ихъ собственныхъ произведеній, часто оригинальныхъ не по одному только названію. Въ настоящій свой бенефисъ г. Каратыгинъ далъ только одинъ водевиль, имъ самимъ переведенный съ обыкновенною ловкостію и умѣньемъ. Но по выбору, пьеса эта никакъ не оправдываетъ опытности артиста, о чемъ въ немногихъ словахъ мы скажемъ ниже.... Что же касается до выбора другихъ бенефисныхъ пьесъ, то двѣ изъ нихъ—безспорно занимаютъ мѣсто въ числѣ рѣдкихъ и пріятныхъ явленій на нашей сценѣ.... Мы говоримъ о драматической пословицѣ Барона Ф. Ф. Корфа «Чему быть, того не миновать» и о комедіи-водевилѣ, «Волшебная Роза» передѣланной съ французскаго г. Соловьевымъ,

Въ первой изъ нихъ главное достоинство заключается въ ловкости, натуральномъ разговорѣ и въ интересѣ, съ которыми ведены сцены этой коротенькой пословицы.... Правда, основная мысль ея не представляетъ ничего новаго: это тысяча первый случай, въ которомъ—молодая вдова, твердо увѣренная въ могущество кокетства и еще не отжившей красоты, желая наказать молодаго свѣтскаго героя за его частыя побѣды надъ сердцами ея подругъ—сама увлекается его наивною любезностію, его острымъ умомъ и отдаетъ ему свою руку.—Но, повторяемъ, цѣлая пьеса ведена съ такою легкостію и благородствомъ, что форма въ ней вполне выкупаетъ бѣдность содержанія. Г-жа Самойлова 2 и г. Максимовъ 1, для которыхъ всегда ищутся подобныя пьесы,—доставили своею непринужденною, натуральною игрою истинное наслажденіе зрителямъ.

Комедія—водевиль «Роза или Упѣдные честолюбцы», кромѣ своего литературнаго достоинства и весьма удачной передѣлки въ русскіе нравы—много обязана успѣхомъ прекрасному выполненію бенефициантомъ роли отставнаго корнета Автона Ивановича Осинны Кобыльковскаго, который, прослужа десять лѣтъ юнкеромъ въ кавалеріи, не бывалъ ни въ походахъ, ни подъ штрафомъ—и вышелъ въ отставку—для чина, какъ самъ рассказываетъ. У этого Осинны Кобыль-

ковскаго находится подъ опекою молодая дѣвушка, Марья Сергѣевна Двѣпрова, помолвленная за губернаторскаго чиновника Можайскаго... свадьба ихъ близка, какъ вдругъ прїѣздъ губернатора въ уѣздный городъ, въ которомъ проживаетъ отставной корнетъ, едва не разрушаетъ и дружбы и свадьбы молодыхъ людей. Губернаторъ, въроятно въ вниманіе къ службѣ Можайскаго, — отличилъ своимъ вниманіемъ на балѣ невѣсту Можайскаго, онъ даже танцевалъ съ нею польскій и подарилъ ей розу... Честолюбивый корнетъ на тоненькихъ и непрочныхъ шпцахъ этой розы тотчасъ же построилъ все будущее благополучіе своей питомицы и свое собственное... Онъ даетъ ей почувствовать, что губернаторъ не женатъ и что вниманіе его есть вѣрный залогъ на счастье. Въ чаду своей мечты, Осина-Кобыльковскій даже не однажды величаетъ Двѣпрову — ваше превосходительство и проситъ не забыть его, когда она будетъ губернаторшей. Долго ли такими розовыми надеждами вскружите чью бы то ни было голову, а тѣмъ больше голову молодой дѣвушки. Она уже соглашается въ душѣ съ предположеніями своего опекуна, дѣлается невнимательною и холодною къ исканіямъ Можайскаго и даже явно смѣется надъ любезностями недоучки Хвостикова, племянника Кобыльковскаго. — Приходъ Можайскаго, осматривающаго вмѣстѣ съ губернаторомъ городъ и букетъ розъ, который приносятъ онъ отъ его превосходительства хорошенькой Двѣпровой — еще болѣе убѣждаетъ дѣвушку въ дальновидности опекуна. Послѣдній не упускаетъ случая высказать молодому человѣку свои честолюбивыя надежды, опоясывается ремнемъ сабли, надѣваетъ каску и бѣжитъ на площадь, готовый, какъ городской старожилъ, служить губернатору опытнымъ чичероне при осмотрѣ гостящаго двора и давно закрытыхъ присутственныхъ мѣстъ. Послѣ небольшой сцены размовки между молодыми людьми, Двѣпрова остается одна и осматривая душистый букетъ, находитъ между цвѣтами записку, которою просятъ у ней свиданія. Страстный любовникъ предлагаетъ встрѣтиться съ нею въ гостиной, куда онъ влезетъ черезъ балконъ, для чего двери балкона, какъ знакъ ея расположенія, должны быть отворены.

Ночь. Балконъ отворенъ. Осина-Кобыльковскій, предупрежденный о предполагаемомъ посѣщеніи гостя, — одинъ въ комнатѣ... вотъ чьи-то шаги... вотъ и человѣкъ, закутанный въ плащъ

появляется въ дверяхъ. Старый корнетъ дрожить отъ восторга и, застегивая мундиръ на все пуговицы, ни какъ не способный догадаться, что если бы такой гость желалъ имѣть свиданіе съ Днѣпровой, то вѣрно бы пожаловалъ съ подѣзда, а не чрезъ окно... Гость замѣчаетъ присутствіе корнета — проходить чрезъ комнату и скрывается въ кабинетъ.... Осина—все это видѣлъ.... онъ въ отчаяніи; онъ, видимо, встревоженъ больше самого Донъ-Жуана—отсутствіемъ дѣвушки... Но вотъ и она... Встревоженная раскаяніемъ, дѣвушка объявляетъ, что не можетъ забыть своего жениха... Осина умоляетъ ее образумить ся и говорить тише, потому что важный посѣтитель въ кабинетъ и все слышитъ.... Какъ вдругъ приходъ Можайскаго и извѣстіе, что губернаторъ уѣхалъ изъ города, снимаетъ повязку съ глазъ корнета. Онъ бросается въ кабинетъ и... встрѣчаетъ—Хвостикова. Дѣло объясняется. Недоученый юноша, во время суеты между Днѣпровою и ея женихомъ, успѣлъ написать посланіе, надѣлавшее столько хлопотъ корнету, и положилъ его въ букетъ.... Разумѣется, Осина Чобыльковскій тутъ же, хотя не искренно, но сознаетъ свою глупость,—и соединяетъ молодыхъ людей. Небольшая роль Хвостикова занимаетъ, по созданію, очень важное мѣсто въ этой пьесѣ. Она была прекрасно исполнена г. Мартыновымъ. Это вѣрно и натурально очерченное лицо недоучки-школьника, который думаетъ, что цѣлый міръ преклоняетъ колѣна предъ его умомъ, ученостію, и которому, для того, чтобы существовать, не нужна даже и служба... ему стоитъ только взяться за перо и онъ будетъ гениемъ любаго журнала, хвастающаго своими статьями и сотрудниками; все это онъ думаетъ вслухъ, несколько не подозрѣвая, что, умирая по лѣности и глупости—съ голоду, никакъ не будетъ жить въ потомствѣ....

Остриженные львы—водевиль, не лишенный веселости и комической интриги, невольно приводитъ насъ къ той мысли, что такія пьесы, въ которыхъ отразилась веселость, безпечность и вѣтренность французскаго типическаго характера, никакъ не достигаютъ своей цѣли и эффекта на нашей сценѣ, ибо у насъ нѣтъ и не можетъ быть вѣрныхъ и точныхъ олицетворителей этого характера.

Во всякомъ случаѣ—если не смотрѣть на пьесу съ такимъ

предубѣжденіемъ, то должно отдать полную справедливость, какъ бенефицианту, такъ и артистамъ; первому—за довольно ловкій переводъ пьесы, вторымъ—за веселое и дружное ея исполненіе.

Сюжетъ пьесы рассказывается въ немногихъ словахъ :

Два косматыхъ льва ухаживаютъ за женою негодянта Помарда. Надоѣдая безпрестанно другъ другу—они встрѣчаются въ корридорѣ опернаго театра и дружески вызываютъ одинъ другаго на дуэль. Для исполненія своего намѣренія, они являются въ Венсенскій лѣсъ, послѣ вакхическаго ужина и, едва стоя на ногахъ, принимаются за дѣло. По условію должно стрѣлять въ припоръ къ груди... Шатаясь, они подходятъ къ дереву—и каждый изъ нихъ, воображая, что бьетъ противника—стрѣляетъ въ корень дуба... Въ эту минуту окликъ стражи испугалъ бойцевъ и они разбѣгаются въ разныя стороны, каждый съ увѣренностію, что убилъ своего противника.

Во второмъ дѣйствіи,—львы, избѣгая преслѣдованій правосудія, обстрижены и выбриты.—Они измѣнились такъ, что даже не узнаютъ другъ друга, когда встрѣчаются на водахъ въ Гаврѣ, ухаживая за тою-же М-ше Помардъ.. Но здѣсь, послѣ нѣсколькихъ комическихъ сценъ, дѣло объясняется—и обстриженные львы, забывая любовь къ супругѣ негодянта, женятся на ея сестрахъ.

Рассказывая содержаніе бенефиса г. Каратыгина 2, какъ бы для порядка—должно было пачать лѣтопись водевилемъ «Железная дорога между Москвою и С.-Петербургомъ», но мы вообще имѣемъ привычку не записывать одного и того-же два раза, тѣмъ болѣе, если предметъ не выходитъ изъ ряда форменно-бенефисныхъ пьесъ—и съ возобновленіемъ не открываетъ новаго поля дѣятельности для артистовъ. Водевиль этотъ былъ данъ въ первый разъ, если не ошибаемся, въ бенефисъ г. Григорьева 2, лѣтъ шесть тому назадъ. Г. Каратыгинъ возобновилъ его къ случаю и во время.—Если предположить, что такія легонькія созданія невольно забываются, то водевиль, пожалуй, для многихъ былъ и новостію, но для критики онъ рѣшительно не представляетъ никакого повода говорить объ немъ.

Драма «Кастильская Честъ» принадлежитъ къ разряду кровавыхъ, раздирательныхъ, во ужасъ сердце приводящихъ, драмъ французской школы, того времени, когда на французской

сценѣ не было ни лицъ, ни страстей, ни истины, когда все это замѣнялось: ядомъ, кинжаломъ, петлей и заревомъ пожаровъ.

Въ драмѣ, о которой мы говоримъ въ эту минуту, главная роль принадлежитъ кинжалу Донъ Рюи-Гомеца де Сильва и его-же сткляночкѣ съ ядомъ; вторая роль—Гернани, богатому титулами, которыхъ-бы достало на четырехъ грандовъ Испаніи, а третья его молодой супругъ Довья Соль де Сильва.

Гернани, за нанесенную обиду Донъ-Рюи-Гомецу, обязанъ заплатить жизнью, по первому востребованію обиженнаго. Это видите-ли—въ испанскихъ правахъ. Мстительный испанецъ выждалъ время и, хотя по условію, долженъ самъ умереть въ одно время съ Гернани (тоже по испански), но находитъ большое наслажденіе въ своей мести, когда является съ своимъ ужаснымъ требованіемъ къ Гернани, въ ту минуту, какъ-только сталъ мужемъ любимой имъ женщины. Послѣ немногихъ сценъ обоюдныхъ упрековъ, рыданій и прозьбъ молодой доньи, честный и вѣрный своему слову Гернани отравляется вмѣстѣ съ женою ядомъ, а неумолчный Рюи-Гомецъ вынимаетъ престащенный ножъ, закалывается и падаетъ.

Пьеса дѣлаетъ тоже самое.

Ее можно прослушать только при отлично-художественномъ исполненіи ея г. Каратыгинымъ 1 и довольно эффектной игрѣ г-жи Орловой.

БЛОКАДА КРѢПОСТИ КОСТРОМЫ или **РУССКІЕ ВЪ 1608 г.** Драматическія сцены въ трехъ картинахъ, съ *пѣніемъ, танцами, взрывомъ и разруше-ніемъ крѣпости.* Соч. А. Т. В.

ЛЮБОВЬ ПО ПРИКАЗУ или **ПЕРВЫЯ ОПЫТЫ КОКОТСТВА.** Комедія въ 1 дѣйствіи, передѣланная съ французскаго г-жею *Тальцевой.*

МНОГО ШУМУ ИЗЪ ПУСТЯКОВЪ. Шутка-водевиль въ 1 дѣйствіи. Соч. А. Я. Сюжетъ заимствованъ изъ французскаго водевиля.

КАРЕТА или **ПО ПЛАТЬЮ ВСТРѢЧАЮТЪ, ПО УМУ ПРОВОЖАЮТЪ!** Комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи передѣланная съ французскаго *Ф. А. Коши.* (Въ первый разъ по возобновленіи). Дебютъ *г. Рамазанова 1.*

(Бенефисъ *г-жи Дюръ.*)

Увлечаться подражаніемъ, не измѣривъ силъ своихъ, при отсутствіи таланта и такта, который, въ этихъ случаяхъ, часто успѣхомъ замѣняетъ изобрѣтательность, есть большое несчастіе для писателя, а тѣмъ болѣе, для драматическаго!.. Съ нимъ повторится тоже самое, что повторилось-бы съ музыкантомъ, который, разумѣя въ музыкѣ только *красный сарафанъ*, взялся бы разыграть художественное и колоссальное созданіе Бетховена!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что авторъ «*Блокады крѣпости Костромы*» желалъ написать вещь равную «*Скопину*», «*Смерти Ляпунова*» и «*Русской Болырни*», избравъ время дѣйствія изъ одной и той-же эпохи, съ тою-же обстановкою и съ тѣми же аксесуарами.

Дѣйствительно—въ этой драмѣ есть все то, что производило наибольшій эффектъ въ этихъ трехъ драмахъ Кукольника, Геденова и Ободовскаго. Въ ней есть все, кромѣ исторической истины, дѣйствія и интереса! Тутъ есть и подьячій, и герой русскій воевода, и героиня жена его, и патриотъ-купецъ, и сумасшедшія и поляки... Вся эта компанія, безъ всякой причины, говоритъ, шумитъ, пляшетъ, бранится, плачетъ... и наконецъ все это авторъ свелъ въ одно мѣсто — и сжегъ!

Послѣ исполненія надъ виновными такого справедливаго авторскаго приговора, намъ бы слѣдовало не говорить ни слова болѣе о драмѣ, если бы въ числѣ сожженныхъ жертвъ мы не встрѣтили лицъ намъ слишкомъ знакомыхъ и когда-то любимыхъ нами.—Содержаніе драмы заключается въ томъ, что во время блокады Костромской крѣпости поляками—воевода ея, Хабаровъ—рѣшается умереть на стѣнахъ города, не сдавая его непріятелю. Въ дѣлѣ онъ раненъ—и почти на рукахъ жены умираетъ отъ раны. Тогда вдова героя клянется мщеніемъ къ врагу и какъ-бы вдохновленная его геройствомъ, принимаетъ начальство надъ вѣрною дружиною (замѣтьте, это русская затворница 1612 года); вѣроятно, кромѣ ее, за это великое дѣло въ Костромѣ взялся никто не могъ! Она приказываетъ отворить ворота и выпустить поляковъ въ городъ. — Въ то время, какъ поляки пируютъ въ ея покояхъ, она бросаетъ факелъ въ пороховой погребъ и какъ мы уже сказали, все летитъ на воздухъ. Послѣ стало жалъ

только героиня, которая чрезвычайно напоминаетъ «Русскую Боярыню» Ободовскаго. Намъ даже грустно было за бѣднаго подьячаго Сосульку, не смотря на то, что вмѣстѣ съ сумасшедшею Юноною — онъ только мѣшалъ ходу дѣйствія, не подвигая его нисколько впередъ... Но въ немъ столько родственнаго сходства съ подьячимъ въ «Смерти Ляпунова», что невольно принимаешь его за одно и то же лицо, замѣчая къ немалому огорченію, что онъ поглубѣлъ и повторяетъ почти тѣже фразы, какія говорилъ и прежде... только въ искаженномъ видѣ. Тамъ, — на примѣръ, на упрекъ одного изъ народа, что его высѣкли за воровство, онъ говоритъ, что его наказали — не за воровство, а за лихоимство; а здѣсь, на подобный-же упрекъ, онъ отвѣчаетъ, что его высѣкли не батогами, а розгачами. Наконецъ, герой пьесы—Хабаровъ, умирающій во второмъ дѣйствіи, есть стереотипный оттискъ со всѣхъ героевъ русскихъ историческихъ драмъ, но оттискъ карикатурный.

Такое родственное сходство дѣйствующихъ лицъ и самаго содержанія драмы, съ лицами, и пьесами, давно знакомыми, невольно обнаруживаетъ, что авторъ увлекся подражаніемъ и желалъ состряпать свою историческую драму по рецепту давно извѣстному, но худо зная драматическую фармацію, такъ неудачно перемѣшалъ основныя начала, что составилъ весьма горькую микстуру, которая врядъ-ли когда-нибудь еще будетъ прописана афишею зрителямъ.

Мы даже ничего не можемъ сказать объ исполненіи этой пьесы нашими артистами, на томъ основаніи, что, гдѣ нѣтъ жизни и дѣйствія, тамъ нѣтъ и дѣйствующихъ..... И г. Каратыгинъ, первый представитель русской драмы, всегда пользующійся справедливою признательностью публики, не былъ даже вызванъ по окончаніи пьесы.

—

Обращаюсь къ другимъ пьесамъ, составлявшимъ бенефисную афишу г-жи Дюръ, актрисы, единственной въ настоящее время, на роли сильной и классической драмы,—зритель съ удовольствіемъ утверждаетъ въ мысли, что съ нѣкоторыхъ поръ — вкусъ нашихъ писателей легкихъ сценическихъ произведеній сталъ видимо очищаться и старается отыскивать сюжеты болѣе худо-

жественные, естественные и жизненные, не увлекаясь фарсами, натяжками и вынужденным комизмом. «*Любовь по приказу, или Первые опыты кокетства*» — пьеска, которая, как нельзя болѣе, оправдываетъ эту мысль. — Вотъ ея содержаніе: Вельскій, человѣкъ добрый, но пастойчивый и горячій, непремѣнно хочетъ женить своего племянника Александра на Любовкѣ, молодой и неопытной дѣвушкѣ, выросшей среди пезатѣйливой деревенской жизни. Александръ гоститъ у Вельскаго и не замѣчая страсти Любовки, избѣженный роскошью Петербурга, коротаетъ дни, то въ лѣнливой дремотѣ, то ухаживая, отъ нечего дѣлать, за Ольгою Петровною, дальнею родственницею своего дядюшки. Любовка въ отчаяніи отъ холодности суженаго, но опытная Ольга Петровна рѣшается помочь своей подругѣ — и для начала предлагаетъ Любовкѣ прикинуться равнодушною къ Александру, и даже покетничать съ нимъ. Такое средство, по законамъ человеческой натуры, удается, какъ нельзя лучше — и Александръ влюбляется въ питомицу своего дяди.

Все это очень просто, но пьеса выигрываетъ чрезвычайно много своею веселостію и пріятнымъ языкомъ, которымъ она написана. Г-жи Самойловы и Г. Максимовъ разыгрываютъ ее съ большимъ успѣхомъ, придавая каждой сценѣ столько естественности, что пьесу можно прослушать не одинъ разъ съ удовольствіемъ.

«*Много шуму изъ пустяковъ*», пьеса, въ которой многому можно посмѣяться, но не вадъ чѣмъ задуматься.

Жанъ Силоне (г. Мартыновъ) весьма почтенный человѣкъ, онъ прожилъ-бы счастливо и безмятежно остальные дни своей старости, если бы у него не было влюбленной дочери и страсти составлять микстуры, лекарственные воды и примочки. — Въ тотъ самый день, когда онъ только что изобрѣлъ настой изъ усыпительнаго порошка, дочь его возвратилась изъ пансіона: а съ нею и огромный сундукъ съ книгами. — Но въ этомъ книжномъ сундукѣ вмѣсто тяжелой учености помѣщался очень легкій обожатель Луизы — Коко Польштровъ. Матушка Луизы первая замѣтила эту контрбанду, и думая въ неизвѣстномъ встрѣтить своего преслѣдователя — очень благосклонно предложила ему возвратиться въ сундукъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ г. Силоне. Однако Коко нашелъ за лучшее спрятаться въ амбразуру окна за занавѣсами,

въ то время, какъ акуратный аптекаръ, находя сундукъ лишнимъ украшеніемъ въ своихъ покояхъ — перенесъ его, съ помощью служанки, на балконъ.... Но вѣтхій балконъ, не привыкшій къ такой тяжести, рухнулъ — и сундукъ полетѣлъ въ прудъ.... При этомъ извѣстіи мадамъ Силоне пришла въ ужасъ и объявила своего супруга неумышленнымъ убійцей. Старый аптекаръ въ отчаяніи, онъ-бы желалъ теперь самъ кинуться съ балкона за погибшею жертвою, какъ вдругъ Коко, готовый убѣжать изъ своей засады, натывается на встревоженнаго Силоне... Повѣсу однако выручаетъ изъ бѣды письмо, адресованное отъ его отца на имя аптекаря — и въ то время, какъ послѣдній читаетъ это посланіе (при помощи котораго Коко ни какъ не нуждался въ сундукѣ, а могъ бы прямо явиться—юноша просить пить. Услужливый аптекаръ, вмѣсто воды, предлагаетъ гостю вина, приказывая служанкѣ достать бутылку изъ шкафа... Служанка, ошибкой, угостила Коко настоемъ изъ усыпительнаго порошка... Коко стонетъ, мечется... засыпаетъ и падаетъ на полъ... «Ну, восклицаетъ увичтоженный Силоне... еще другая жертва... и при помощи горничной, прячетъ жертву подъ диванъ... Въ ту-же минуту, къ ужасу Силоне, является и отецъ Коко... Дѣло къ ночи, гостя оставляютъ почевать и гость располагается на диванѣ. Вдругъ онъ слышитъ стонъ, потомъ частое дыханіе, и наконецъ — шорохъ. Воображая, что прокравшійся мошенникъ хочетъ ограбить его друга, Польшронъ-отецъ бросается къ палкѣ, засучиваетъ рукава и выжидаетъ удобной минуты наказать злокачественнаго вора. Минута эта близка... Польшронъ слышитъ шорохъ и видитъ двѣ человѣческія фигуры, слабо освѣщенные фонаремъ. Это г. Силоне съ вѣрною служанкою, они пришли для того, чтобы и другую жертву бросить въ прудъ. Гость не даетъ имъ образумиться, съ оружіемъ въ рукахъ кидается на нихъ и на очнувагося сына. — Словомъ, палка Польшрона разсѣкаетъ запутанный узелъ пьесы, какъ Александровъ мечъ Гордіевъ узелъ, — который долженъ бы былъ развязаться отъ самаго легкаго прикосновенія здраваго смысла.

Г. Мартыновъ исполнилъ роль стараго аптекаря съ неподдѣльнымъ комизмомъ. Въ этой-же пьесѣ мы встрѣтили въ пер-

вый раз и г-жу Яблочкину, которую года три назад не однажды видали на сценѣ Тифлисскаго театра. Въ эти три года г-жа Яблочкина, по видимому, не сдѣлала ни одного шагу впередъ, оставаясь при той-же неподвижной посредственности, и все такъ же не измѣняя своей вялой, неправильной и монотонной дикціи.

Спектакль былъ заключенъ давно и всѣмъ извѣстною пьесою Э. А. Кони, «*Карета*,» пьесою, пользовавшеюся, въ свое время, большимъ успѣхомъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, при перѣ Живокина, и въ особенности Дюра. Въ ней, ролью опернаго хориста *Дюпре*, на этотъ разъ, дебютировалъ г. Рамазановъ 1. — Въ одномъ мѣсяцѣ, на нашей сценѣ, мы были свидѣтелями двухъ удачныхъ дебютовъ. Оба дебютанта избрали для этого — роли въ пьесахъ г. Кони, и мы смѣемъ думать, что выборъ артистовъ — не былъ здѣсь простымъ случаемъ... Смотря на нашу драматическую литературу безпристрастнымъ взглядомъ — можно смѣло сказать, что для счастливаго дебюта, на легкія водевилныя роли ничево нѣтъ лучше, какъ выборъ пьесъ изъ стараго репертуара. Въ этихъ пьесахъ вообще замѣчается окончательность, округлость лицъ, положительная обрисовка характера... Въ этихъ пьесахъ почти не встрѣчаешь лицъ аксессуарныхъ — потому что каждое мелкое даже лицо, сколько-нибудь помогающее ходу завязки и развязки дѣйствій, всегда облечено въ свой характеръ, тщательно отдѣланный, — это не декорации, — но люди, часто отмѣченные и чувствомъ и страстями. О первомъ дебютантѣ, г. Соколовѣ, вышедшемъ въ роли *Филиппа* (*драма водевилъ «Тереза»*), мы скажемъ въ свое время, когда вполне увѣримся въ его зараждающаго таланта; но обращаясь къ г. Рамазанову — не можемъ не обѣщать ему въ будущемъ вѣрныхъ успѣховъ. Артистъ этотъ владѣетъ рѣдкимъ комическимъ талантомъ, чему много помогаетъ его веселость и развязность на сценѣ. Первое достоинство большая рѣдкость въ актерachtвѣ вообще, а второе еще большая рѣдкость — въ артистѣ, начинающемъ свое поприще. Г. Рамазановъ исполнилъ свою роль умно, отчетливо и ловко — разумѣется, не дѣлая никакихъ сравненій съ незамѣнимымъ Дюромъ, — и по окончаніи пьесы былъ публикою вызванъ два раза. — Послѣ такого дебюта, мы вправе требовать отъ г. Рамазанова дальнѣйшихъ успѣховъ.

С М Ъ С Ъ .

ТРАКТИРЪ ПРЕКРАСНОЙ ЛАУРЫ.

(Изъ воспоминаній французскаго туриста.)

.... Изъ Авиньйона вы слегка поднимаетесь въ гору. По обѣимъ сторонамъ дороги прозябаютъ деревца, посаженные тутъ вѣроятно для того, чтобы лучше дать почувствовать, какъ пріятнѣе путешествовать въ тѣни большихъ деревьевъ. Самый закоренѣлый скептицизмъ не въ силахъ устоять противъ такой очевидной истины: онъ молчитъ и утираетъ лобъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что путешествія чрезвычайно образуютъ человѣка. Но если и мало тѣни на дорогѣ, зато отъ каждаго шага поднимаются волны пыли, отъ которыхъ совершенно пересыхаетъ въ горлѣ. Буквально глотаешь дорогу.

Такъ достигаете вы селенія Сѳрги. Вы прошли около двухъ съ половиной лѣтъ, а считаете десять. Идите дальше. Страхните пыль вашихъ ногъ у бѣдной деревушки, которая вся выбѣжала къ воротамъ посмотреть на васъ. Человѣка, принадлежащаго къ породѣ сентиментальнаго туриста, ужасно должна печалить мысль, что онъ оставляетъ за собою города, селенія, пейзажи, живые существа, которая видѣлъ одинъ разъ мимоходомъ, и которыхъ не увидитъ никогда больше! Но неволь позавидуетъ онъ путнику известной легенды, который увлекалъ вслѣдъ за собою холмъ и доль, лѣсъ и потокъ, птичку и травку. Одни нѣмцы способны

доходить до такихъ вещей... Едва выйдя изъ деревни, вы видите, нѣлво, ручей, который долженъ служить вамъ путеводною нитью. Идите вверхъ по теченію до тѣхъ-поръ, пока не представится вамъ родъ бассейна. Тутъ передъ вами знаменитый Воклюзскій фонтанъ, гдѣ плескалась муза Петрарки. Клапайте съ почтеніемъ, если любите сонеты.

Я въ первый разъ очутился въ этихъ мѣстахъ въ сентябрѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ селенія Сорги я встрѣтилъ англичанина, съ которымъ наканунѣ обѣдалъ въ Авиньонѣ. Онъ переважно шелъ мнѣ на встрѣчу, съ зарумянившимися щеками и зубочисткой во рту.

— Стоитъ идти до источника? — спросилъ я его.

— Странный вопросъ! — отвѣчалъ онъ, воздввая глаза къ небу. — Сходите, и когда сходите, сдѣлаете тоже, что я: будете возвращаться до той поры, пока будетъ жить память объ этомъ человѣкѣ. Я третій разъ здѣсь. Первый разъ я былъ боленъ; второй — просто чуть не умеръ; сегодня — будь что будетъ, бѣгу пить чай. Счастливаго пути и хорошаго аппетита!

«Пить чай!» — подумалъ я: что за странное лекарство отъ поэтической экзальтаціи! Ни за что бы не счелъ я моего джентльмена способнымъ увлечься красотами природы въ соединеніи съ воспоминаніями о волюмѣ сонетовъ—до того, чтобъ заболѣть. По-крайней-мѣрѣ не такимъ показался онъ мнѣ наканунѣ. И что значила эта странная прощальная фраза: «Счастливаго пути и добраго аппетита»? — Въ этихъ размышленіяхъ, я незамѣтно очутился у фонтана.

Этотъ уголокъ земли превозносили не мало. На дѣлѣ нѣтъ ничего печальнаго. Скалы, образующія русло Сорги, голы и сѣроваты; почва безплодна и камениста. Дико — безъ величія. Надо предполагать, что, со времени Петрарки, видъ пейзажа намѣнился. Конечно, тогда украшало его присутствіе Лауры. Все, что окружало ее, носило на себѣ отраженіе ея прелестей. Поэтъ утверждалъ по бокамъ этихъ дикихъ скалъ мхи, которые висѣли длинными вязями; по выжженной землѣ онъ разстилалъ коверъ зелени, чтобъ сберечь ножки своей возлюбленной. Онъ доходилъ до того, что обсадилъ берега ручья великолѣпными лаврами — впрочемъ для себя одного. Поэты видятъ лавры вездѣ. Нынче зелень, мхи двулицеваго цвѣта, деревья и ихъ тѣнь — все это исчезло; остался только раскаленное небо и студеноя струя. Лаура и Петрарка унесли въ могилу всю обстановку своей любви. Поэтъ значить — искусный машинистъ. Чтобъ удостовѣриться

въ томъ, на сколько Петрарка вѣрилъ въ дѣйствительность своихъ фантазій, стоитъ вспомнить отвѣтъ его папѣ, который предлагалъ прислать ему разрѣшеніе жениться на Лэурѣ: «Мнѣ надо написать еще много сонетовъ:»

Лаура была для него поводомъ, предлогомъ къ сонетамъ. И однако-жъ сколько народа приходило сюда и расчувствовалось отъ души на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ говорилъ съ совершенно сухими глазами: — «Слезы мои переполняютъ этотъ источникъ». Для этого нужны были не такіе дожди. Въ блаженномъ довѣрїи къ его стихамъ, туристы любовались пейзажемъ, который поэтъ счелъ нужнымъ подкрасить немножко, до того онъ самъ находилъ его ужаснымъ. Такимъ образомъ поэтическіе восторги добрыхъ людей сдѣлали неподвижною театральную декорацию. Увлечение, послѣ этого, не есть-ли уже добродѣтель втораго разряда?

— Да тутъ не възъ чего и чай пить! — невольно воскликнулъ я.

— Безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ, точно эхо, человекъ, незамѣтно для меня подошедшій, — и всего лучше выпить нѣсколько глотковъ воды изъ фонтана. Ничто такъ не возбуждаетъ аппетита.

Я посмотрѣлъ на моего собесѣдника, который не показался мнѣ ни сентиментальнымъ путешественникомъ, ни любопытнымъ, ни восторженнымъ: онъ не подходилъ ни подъ одну изъ категорій Стерна. И я рѣшилъ, что онъ — чичероне фонтана.

— Весь къ вашимъ услугамъ! — отвѣчалъ онъ, когда я высказалъ ему мое предположеніе.

— Такъ вы можете мнѣ сказать, какъ проводятъ время путешественники, когда приходятъ сюда?

— Это зависитъ отъ вкуса. Обыкновенно мужчины стоятъ здѣсь, руки въ карманахъ, пока не выкурятъ сигары.

— А дамы?

— Дамы разнообразятъ удовольствіе. Нѣкоторыя плачутъ; другія жалуются на скверныя дороги, на жаръ, на холодъ, на струи вѣтра съ горы, что вотъ видна отсюда. Намедни одна англійская дѣвица хотѣла броситься въ Соргу: ее удержали, и съ ней сдѣлался обморокъ.

— Ну, а послѣ сигаръ и обморока?

— Отвѣдываютъ воды фонтана.

Заговорило преданіе. Я зачерпнулъ воды горстью руки, и хлебнулъ. Вода была очень свѣжа, но также безвкусна какъ

безцвѣтный сонетъ, въ которомъ не найдете ни сучка, ни задоринки. Къ счастью, я вспомнилъ о достоинствахъ этой воды въ смыслѣ пищеваренія — по словамъ моего чичероне.

— Развѣ необходимо пужко, чтобъ я возбудилъ въ себѣ аппетитъ?

— Развѣ вамъ угодно будетъ воротиться, не отвѣдавъ форелей изъ Сорги.

Гордое нахальство, которое слышалось въ отвѣтъ, заставило меня предположить, что въ моемъ вопросѣ заключалась дерзость. Я понялъ, что мой собесѣдникъ, кромѣ искусства чичероне, владелъ еще тайной.

— Да, — сказалъ я, — я хочу познакомиться со всеми продуктами Сорги. Я намѣренъ сравнить ея форели съ ея сонетами.

— Незачѣмъ ходить до сонетовъ, о которыхъ вы говорите, — возразилъ чичероне. — Мой хозяинъ, еслибъ захотѣлъ, приправилъ бы вамъ стихи послѣдняго поэта такъ, что вы ихъ нашли бы восхитительными.

— Стало великій поваръ вашъ хозяинъ?

Онъ пожалъ плечами и пошелъ — я вслѣдъ за нимъ — къ дому, лежащему въ двухъ стахъ шагахъ отъ фонтана, посреди лачужекъ, изъ которыхъ состоитъ селеніе Воклюза. Когда мы подошли ближе, я увидѣлъ надъ главнымъ входомъ вывѣску съ изображеніемъ прекрасной Лауры. Трактиръ состоялъ подъ ея покровительствомъ. Странный памятникъ возлюбленной поэта!

Снаружи ничѣмъ не замѣчательный, домъ этотъ внутри содержитъ на самой роскошной ногѣ. Въ особенности великолѣпна столовая зала: она ни въ чемъ не уступаетъ такимъ-же заламъ парижскихъ первоклассныхъ ресторановъ. Когда я вошелъ, за столъ садилась цѣлая семья туристовъ: отецъ, мать и дѣти. Отецъ, человѣкъ положительно почтеннаго объема и тучности и, по одной уже манерѣ, съ которою подвязывалъ свою салфетку, показавшейся мнѣ принадлежащимъ къ породѣ путешественника-обѣдалы, — отецъ, говорю, обдумывалъ приступъ къ дѣлу съ самою докторскою важною. Положивъ въ ротъ первый кусокъ, онъ обратился къ своему семейству, предварительно взвѣсивъ все достоинства початаго яства:

— Моя милая, — сказалъ онъ, — и вы, молодые люди, советую вамъ кушать съ должнымъ вниманіемъ. Меня не обманули: мы имѣемъ дѣло съ первымъ поваромъ въ мірѣ.

Сказавъ это, онъ, изъ уваженія-ли, отъ жары-ли, снялъ свой дорожный картузъ. Я уронилъ вилку. Первый поваръ въ мірѣ! —

подумалъ я.—Достойнъ ли я его кухни, и куда же это я попалъ? Необходимо замѣтить, что я обладаю желудкомъ не достаточно дурнымъ или не довольно-развитымъ, чтобъ возвыситься надъ уровнемъ обыкновенной гастрономіи. Поэтому я, въ это время, находился въ положеніи человѣка почти глухаго, который, въ концертѣ, вздумалъ-бы всматриваться въ игру физиономій, чтобъ оцѣнить достоинства музыки и сталъ-бы слушать разыгрываемое въ глазахъ сосѣдей. Чтобъ подняться на высоту завтрака, я воодушевлялся выраженіемъ блаженства, сіявшимъ на лицѣ туриста отца семейства. Не знаю, угадалъ-ли онъ мое ничтожество, понималъ-ли мое затрудненіе, но мнѣ показалось, что онъ по временамъ обращалъ ко мнѣ снисходительный взглядъ, какъ-будто для того, чтобъ ободрить мой аппетитъ: *Macte animo*, не робѣй! — говорилъ этотъ взглядъ, исполненный нѣжнаго расположенія, — ты можешь-быть сдѣлаешься Аппіциемъ! — Ему, безъ сомнѣнія, обязанъ я тѣмъ, что нашелъ форели восхитительными. За десертомъ достойный человѣкъ послалъ просить повара подарить ему вѣсколку минутъ разговора — отъ имени (сказалъ онъ мальчику, ему прислуживавшему) графа К*. Вошелъ поваръ гордый, какъ наливъ. Графъ попросилъ у него позволенія пожать ему руку. Они поняли другъ друга съ перваго слова. Началось гастрономическое преніе, и хотя графъ былъ чрезвычайно силенъ въ этомъ дѣлѣ, но онъ видимо уступалъ своему собесѣднику въ практическомъ знааніи. Они единогласно нашли въ великомъ Каремѣ одни и тѣже недостатки и тѣже достоинства. Второстепеннымъ дарованіямъ не было, зато, пощады. Графъ слушалъ съ почтительнымъ вниманіемъ. Поваръ этотъ, которому суждено пріобрѣсть знаменитость, служилъ своему искусству въ самыхъ аристократическихъ домахъ, чрезвычайно извѣстныхъ въ лѣтописяхъ политики и гастрономіи, и окончателью у герцога Б., прославившагося своимъ гостепрійствомъ и роскошью. Утомленный величіемъ, онъ, хотя и молодъ еще, воротился на родину, въ свою деревушку и удаллся отъ суетнаго свѣта, увѣренный, что свѣтъ самъ придетъ къ нему. Онъ зналъ, что онъ одна изъ тѣхъ силъ, которыя нѣютъ вліяніе на важныя дѣла; за то и обладаетъ онъ тою гордостью, невыразимокъ и неизмѣримою, которая бываетъ спутницею гениа.

— Сюда будутъ иногда приходять для Петрарки, — сказалъ ему графъ, — но всегда будутъ возвращаться для васъ.

Поваръ выслушалъ этотъ комплиментъ съ гордой скромностью,

которая навела меня на серьезныя размышленія о суетности мірской славы.

Послѣ этого не нужно было для меня объясненія къ энтузіазму англичанина, котораго я встрѣтилъ у Сорги: я понималъ, наконецъ, фразу, сказанную имъ мнѣ на прощанье.

Я вышелъ изъ трактира, совершенно усновоюнный на счетъ участіи Петрарки. Форели фонтана рекомендуютъ его стихи; поваръ покровительствуетъ поэту, наконецъ прекрасная Лаура содержитъ трактиръ по довѣренности. Въ наше время нужно знать какое-нибудь ремесло, чтобъ не умереть съ голода...

ИСТОРИЯ О ТЮЛЬПАНАХЪ.

Письмо Альфонса Карра.

... Я зналъ человѣка, который былъ постоянно счастливъ, до той минуты, когда кто-то прислалъ ему въ подарокъ дюжину тюльпанныхъ луковицъ.

Только одного человѣка видѣлъ я въ большемъ противъ того затрудненіи: марсельскаго негодянта, которому африканскій принцъ прислалъ двухъ тигровъ и барса, съ просьбой принять и беречь ихъ въ знакъ его любви.

Нашъ герой обратился къ кому-то съ вопросомъ: растутъ-ли тюльпаны въ водѣ и на камнѣ, какъ гіацинты? ему отвѣчали, что вѣтъ. Тогда онъ отправился къ своему пріятелю, большому любителю тюльпановъ, и предложилъ ему свои двѣнадцать луковицъ. Пріятель гордо отвѣчалъ, что онъ иногда даритъ тюльпаны, но никогда тюльпановъ не беретъ, не желая обезчестить свои клумбы растеніями неизвѣстнаго происхожденія; сверхъ того всѣ его тюльпаны были посѣяны и воспитаны имъ; они были для него, что-то въ родѣ семьи, въ которую онъ не хотѣлъ допускать чужихъ.

Герой нашъ былъ холостъ, и проживалъ около осмой части своего дохода.

— Пьеръ, — сказалъ онъ своему слугѣ, — г. Рѳ не беретъ моихъ тюльпановъ: кому бы мнѣ ихъ отдать?

Пьеръ разсудилъ, что дворъ, по которому пускали бѣгать собаку, первоначально былъ маленькой садъ, о чемъ и теперь свиѣдѣльствовали двѣ сирени и одна акація; — что стоитъ немнож-

ко покопать землю, чтобъ получить мѣста во сто разъ болѣе нежели нужно для двѣнадцати тюльпановъ, — и что не далѣе, какъ завтра, онъ все это сдѣлаетъ. Дѣйствительно, Пьеръ поднялся раннимъ утромъ, и принялся копать землю. Онъ купилъ заступъ и граблю за восемь франковъ: господинъ его нашелъ, что тюльпаны обойдутся ему очень дорого, и что по петляхъ очень жалко, что ихъ не взялъ г. Рѣ. Всею слѣдующую ночь, собака, которая до-сихъ поръ пользовалась полною свободою на дворѣ, въ отмщеніе за то, что ее заперли, страшно выла. На другой день, Пьеръ доложилъ своему господину:

— Землю я взрылъ довольно: можно посадить хоть тысячу тюльпановъ; за однимъ дѣло: не знаю, какъ глубоко сажать.

— Сажай, какъ попало; выростутъ, какъ имъ вздумается.

— Есть у меня двоюродный братъ садовникъ: я ему велѣлъ придти сегодня утромъ; заплатите ему за полдня, а онъ ужъ посадить.

Въ одномъ домѣ, гдѣ случилось, въ эту пору, быть нашему владѣльцу луковницъ, одна дама сказала ему:

— Вы, говорятъ, разводите садъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ: — я только велѣлъ посадить дюжину тюльпановъ, которые прислалъ мнѣ г. Бернаръ.

— Какой Бернаръ?

— Бернаръ изъ Лилля.

— А! Такъ это должно быть что-нибудь удивительное: онъ слыветъ за большаго знатока и любителя; и кто-жъ пошлетъ двѣнадцать тюльпановъ, когда это не рѣдкя и не дорогія растенія!

— Право, не знаю.

— Какъ же это у васъ нѣтъ сада?

— Мнѣ никогда это не приходило въ голову.

— Вы никогда не видали сада г. Дюлорье?

— Никогда.

— Восхитительный садъ; мы ходили туда съ сестрой третьяго дня.

— Вы были у г. Дюлорье?

— Были... а что?

— Но г. Дюлорье не женатъ, и...

— О, да мы и не пошли бы къ г. Дюлорье, но ходили смотрѣть его садъ.

— А! ну, а еслибъ у меня былъ садъ, вы бы пришли посмотри́ть его?

— Очень вѣроятно.

Арнольдъ вернулся домой въ ужасной задумчивости; онъ давно замѣтилъ эту даму, но неприятное впечатлѣнiе, которое ощутилъ онъ, узнавъ о ея визитѣ г-ну Дюлорье или его саду, навело его на мысль, что она интересуется его гораздо больше, нежели онъ думалъ до сихъ поръ. Садовникъ приготовлялъ грядку для двѣнадцати тюльпановъ. Арнольдъ остановилъ его, и спросилъ:

— Какъ ты думаешь, можно сдѣлать на этомъ дворѣ хорошій.... отличный садъ?

— Помилуйте, какъ же можно! Дворъ вашъ съ ладошь.

— Правда; а мнѣ бы однако-жъ хотѣлось имѣть отличный садъ.

— Дайте мѣста: за садъ я возьмусь.

— У меня только и есть что этотъ дворъ.

— А домъ, въ которомъ вы позволите жить, вашъ?

— Мой.

— Отчего-жъ бы вамъ не купить большое пустое мѣсто, которое отдѣляетъ вашъ домъ отъ дома г-на Дюрю, и которое вы хотите продать? Говорятъ, продастъ за безцѣнокъ.

— Давай смотрѣть мѣсто.

Мѣсто, въ самомъ дѣлѣ, большое. Кое-что ужъ и посажено, а отъ сада г. Дюрю оно отдѣляется прекрасной занавѣсью изъ тополей. Арнольдъ отправляется къ нотаріусу; оказывается, что пустое мѣсто продается очень дешево. Арнольдъ покупаетъ пустое мѣсто и платитъ; садовникъ принимается за дѣло. На дворъ выпускается, по-прежнему, собака, которая три ночи не переставала выть самымъ немилосердымъ образомъ.

— Хорошо будетъ садъ? — спрашивалъ иногда Арнольдъ у садовника.

— Будьте покойны! — отвѣчалъ садовникъ, — у васъ будутъ тутъ такія вещи, что не видано нигдѣ: будутъ розы зеленыя, розы черныя, розы голубыя!

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Какъ-же! У меня есть еще отъ отца рецептъ, какъ ихъ дѣлать, книга престарая, которая...

— А хорошо это, зеленыя, голубыя и черныя розы?

— Чего лучше! Этого ни у кого нѣтъ.

Арнольдъ не выходилъ изъ сада, не отходилъ отъ садовника; онъ заставлялъ его сажать, высаживать, пересаживать: все должно было непременно быть готово къ будущей веснѣ. Г. Дюрю, тотъ, у котораго онъ купилъ мѣсто, навѣстилъ его разъ, потому

другой. Затѣмъ, какъ только онъ, бывало, увидитъ Арнольда изъ окна, тотчасъ приходитъ къ нему въ садъ.

— Къ счастью, — думалъ Арнольдъ, — когда тополь покроется листьями, онъ не будетъ знать дома ли я.

Г. Дюрю былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, всегда одѣтый въ длинный и потертый зеленый сюртукъ, въ засаженной шляпѣ, — постоянно воевавшій со всѣмъ своимъ сосѣдствомъ и разорявшійся на тяжбы, которыя заводилъ даже одну изъ другой. Такъ какъ онъ былъ чрезвычайно занятъ своими тяжбами, то говорилъ о нихъ безпрестанно и украшалъ свой разсказъ всякаго рода поношеніями и проклятіями на своихъ противниковъ; кромѣ того, онъ какъ-будто и не помнилъ, что продалъ свое пустое мѣсто. Когда онъ говорилъ о немъ, онъ всегда говорилъ: «мой садъ», и осуждалъ все, что въ немъ дѣлалъ: въ его время было гораздо лучше. «Какъ, вы это пересаживаете? А что вы сажаете? Да вы все портите.» Арнольдъ былъ отъ природы кротокъ, но назойливость сосѣда приводила его въ неистовство. Разъ какъ то, когда г. Дюрю надоѣлъ ему больше обыкновеннаго, Арнольдъ приказалъ Пьеру: — Когда придетъ г. Дюрю, сказать, что меня нѣтъ дома! — На другой же день г. Дюрю изъ своего окна увидѣлъ Арнольда, и пришелъ звонить у дверей; Пьеръ, по приказанію своего господина, объявилъ, что его нѣтъ дома. — Какъ, нѣтъ дома? Я сейчасъ его видѣлъ въ «моемъ саду». — И Дюрю вошелъ. Арнольдъ былъ внѣ себя, и едва удержалъ свой гнѣвъ. Онъ не обратилъ никакого почти видимаго вниманія на гостя, и посредствомъ ораторской предосторожности, состоявшей изъ словъ: «вы позволите», продолжалъ помогать садовнику, хотя при немъ и было шесть или семь работниковъ. Когда Дюрю ушелъ, Арнольдъ обратился къ Пьеру:

— Что я тебѣ приказывалъ? не пускать Дюрю.

— Знаю; да онъ васъ видѣлъ въ саду, и вошелъ насильно.

— Кажется, тѣмъ меньше слѣдовало ему настаивать: онъ могъ понять, что я хочу быть одинъ. Если ты еще разъ его вступишь, я тебя прогоню.

— Такъ не извольте показываться въ саду.

Арнольдъ отвѣчалъ на это краснорѣчивой выходкой:

— Какъ, я купилъ землю у этого стараго разбойника, и не могу свободно гулять по ней! Развѣ меня предупредили, что съ этимъ владѣніемъ сопряжена невыносимая повинность безпрестанно мучиться его присутствіемъ? Садъ мой; я заплатилъ за него деньги; я въ немъ у себя дома, и не хочу за него платить вто-

рично и въ тысячу разъ дороже — окукой, которую каждый день приносить сюда этотъ неутомимый сутага. Я надѣлся, что у меня достанетъ терпѣнія дожидаться времени, когда деревья покроются листьями; но, слышишь-ли, Пьеръ, я не хочу его видѣть.

Дюрю является на другой же день: тотъ же отвѣтъ со стороны Пьера, таже настойчивость со стороны Дюрю.

— Помилуй, Пьеръ, я знаю, что онъ дома: я его сейчасъ видѣлъ въ «моемъ саду».

— Можетъ-быть и видѣли, но онъ самъ мнѣ сказалъ, что его нѣтъ дома.

— Такъ поди скажи ему, что это я.

— Зачѣмъ-же я пойду: его нѣтъ дома ни для кого.

— Все равно: скажи, что я.

— Не пойду, какъ вамъ угодно: г. Арнольдъ меня прогонитъ, Дюрю отиравился во свояси, и изъ окна сталъ звать Арнольда.

— Сосѣдъ! А сосѣдъ!

Арнольдъ сдѣлалъ видъ, что очень занятъ, и не отвѣчалъ. Но Дюрю не терялся отъ бездѣлицы.

— Сосѣдъ, сосѣдъ! — кричалъ онъ. — Мсье Арнольдъ!

Арнольду ужасно хотѣлось побить его.

— Эй, садовникъ! — продолжалъ кричать Дюрю, — скажи Арнольду, что я его зову.

Арнольдъ вышелъ изъ сада.

«Ужасно какъ долго не растутъ эти листья!» подумалъ онъ, и вздохнулъ.

На другой день опять явился Дюрю, встрѣтилъ тоже упорство со стороны Пьера, и опять принялся звать Арнольда изъ окна. Арнольдъ сначала опять пригворился, что не слышитъ; наконецъ терпѣніе его лопнуло.

— Слышу, слышу! — отвѣчалъ онъ.

— Ну, слава Богу! — отвѣчалъ Дюрю. — А Пьеръ увѣряетъ, что васъ нѣтъ; я ему говорю, что вижу васъ въ моемъ саду. онъ ни за что не хочетъ пускать меня.

— Пьеръ правъ: меня нѣтъ дома.

— Что вы, сосѣдъ? Что это значить?

— Это значить, что есть минуты, когда я люблю быть одинъ; для того, чтобъ быть добрыми сосѣдами, нужно не стѣснять другъ друга.

— Вы хотите сказать, что не желаете принимать меня?

— Я очень радъ васъ влѣтъ иногда; но нужно же всякому быть хозяиномъ у себя дома.

— Поднимаю; я васъ не буду больше беспокоить.

— Я васъ прошу объ этомъ.

— Хорошо-съ!

И Дюрю сердито захлопнулъ окно. Арнольдъ былъ, конечно, избавленъ отъ посѣщеній сосѣда, но съ этого дня шелуха съ овощей, обѣдки и кости изъ хозяйства Дюрю летали черезъ заборъ въ садъ Арнольда: летала и всякая другая дрянь. Сначала Арнольдъ приказывалъ убирать, не жалуясь, но когда какъ-то разъ дѣло приняло оборотъ серьезнѣе обыкновеннаго, онъ, увидѣвъ Дюрю у окна, кликнулъ его. Дюрю не отвѣчалъ; Арнольдъ кликнулъ другой разъ; Дюрю отвѣчалъ:

— Меня нѣтъ дома.

— Милостивый государь, дѣло не до шутокъ.

— Милостивый государь, всякій у себя дома хозяинъ.

— Это такъ, но я не хочу, чтобы вы кидали всякую гадость въ мой садъ.

— Та-та-та-та-та!

И Дюрю отошелъ отъ окна. Арнольдъ отдалъ приказъ — все, что ни выбросить черезъ заборъ отъ Дюрю, возвращать тѣмъ же путемъ къ Дюрю, Дюрю пошелъ жаловаться къ мэру, что Арнольдъ приказалъ выкидывать въ его садъ всякую гадость. Мэръ призвалъ Арнольда и сдѣлалъ ему выговоръ. Арнольдъ отвѣчалъ, что онъ только возвращаетъ то, что бросаютъ къ нему. Мэръ не повѣрилъ ни одному его слову. Три дня спустя, полицейскій служитель явился на квартиру Арнольда. Ему предписывалось впродолженіе двадцати-четырехъ часовъ срубить тополи, образовывавшіе занавѣсъ между двухъ владѣній. Арнольдъ былъ пораженъ этимъ ударомъ, и отправился за совѣтомъ къ одному дѣльцу. Послѣдній пришелъ взглянуть на деревья, и объявилъ.

— Надо будетъ срубить; законъ точенъ: деревья должны быть не ближе шести футовъ отъ стѣны, а между ними и стѣной едва ли четыре.

— Да вѣдь ихъ посадилъ онъ!

— Это ничего не значить; тогда оба владѣнія принадлежали ему: надо срубить.

— А если я не срублю?

— Заставятъ срубить.

Тополи сдѣлались просто великолѣпны, покрытыя молодыми

листьями прозрачно-зеленаго цвѣта; нельзя было вообразить лучшей картины. Арнольдъ пришелъ въ отчаяніе. Та, для которой онъ развелъ садъ, обѣщалась придти посмотрѣть на тюльпаны, какъ только они разцвѣтутъ, а за этимъ дѣло не могло ужъ стать теперь. Срубивъ природную занавѣсъ, предстояло разрушить эффектъ цѣлаго сада; Арнольдъ позвалъ садовника и спросилъ: можно ли пересадить тополи на шесть футовъ отъ стѣны?

— Можно.

— И они будутъ живы?

— Нѣтъ, теперь ужъ не время; еслибы мѣсяцъ тому назадъ ничего бы.

Арнольдъ отправился къ своему повѣренному.

— Дѣлайте, что хотите: я не срублю моихъ тополей.

— Это зависитъ отъ сосѣда.

— Сходите, предложите денегъ.

Адвокатъ былъ принятъ, какъ не надо хуже, и Дюрю отвѣчалъ на всѣ предложенія новыми угрозами, за которыми вслѣдъ пришло понудительное предписаніе мэра. Арнольдъ отправился съ этой бумагой къ адвокату.

— Можете вы, какимъ бы то ни было средствомъ, удержать за мною тополи на двѣ недѣли?

— Можно дать отзывъ, что противникъ вашъ ложно показываетъ и что тополи отстоятъ отъ стѣны на шесть съ половиною футовъ. Судъ нарядитъ экспертовъ и пришлетъ ихъ на мѣсто; эксперты сдѣлаютъ донесеніе — и все это продлится не менѣе двухъ недѣль. Но дѣло обойдется вамъ дорого: всѣ протори и убытки останутся на вашей же шеѣ, а деревья все-таки надо будетъ срубить.

— Да послѣ миѣ почти все-равно.

Адвокатъ началъ дѣло, и, какъ онъ сказалъ, такъ все и случилось; только погода стала холоднѣе, тюльпаны не расцвѣтали, а предметъ всѣхъ помысловъ Арнольда долженъ былъ явиться только для тюльпановъ, — но тѣмъ не менѣе пришлось срубить тополи. Кто-то присовѣтовалъ Арнольду расписать стѣну деревьями: это вышло довольно некрасиво, но въ ту пору года еще нельзя было сажать ничего.

—

Мадмоазель Аглаэ должна была пожаловать черезъ два дня; двѣнадцать тюльпановъ распустились, погода была великолѣпная, садъ былъ наполненъ цвѣтами всѣхъ временъ года. Арнольдъ от-

правился къ господину Ро, потому-что мадамозель Аглаэ сказала ему :

— Съ нами будетъ кто-нибудь изъ знакомыхъ, но вы все-таки тоже пригласите кого-нибудь : это приличнѣе.

Господинъ Ро, господинъ, отказавшійся отъ луковницъ, былъ въ это время въ саду съ гостями, пришедшими посмотреть на его тюльпаны : съ тросточкой въ рукѣ онъ показывалъ свои сокровища съ воодушевленіемъ, которое могутъ вообразить себѣ только люди, видѣвшіе въ подобномъ положеніи любителя тюльпановъ передъ распустившимися тюльпанами.

Общество находилось въ палаткѣ, между двухъ рядовъ тюльпановъ, посаженныхъ по росту. Господинъ Ро остановился на минуту, чтобъ взглянуть на вошедшаго, но увидѣвъ профана, онъ поздоровался съ нимъ легкимъ наклоненіемъ головы, и съ прежнимъ вниманіемъ продолжалъ свою демонстрацію : онъ стоялъ передъ бѣлымъ тюльпаномъ съ фіолетовыми полосками.

— Господа, — произнесъ онъ, — это *Vandaël*, перлъ своего рода, но онъ здѣсь не во всей своей красѣ : апрѣль мѣсяцъ былъ жестокъ къ нашимъ растеніямъ, а мартъ непостоянень. Вотъ это *Joseph Deschiens*; нѣтъ ничего великолѣпнѣе этого цвѣтка : фонъ бѣлый и фіолетовыя крапинки.

— Помилуйте, — прервалъ Арнольдъ, — да развѣ тотъ цвѣтокъ не такой же — бѣлый съ фіолетовымъ ?

Господинъ Ро презрительно улыбнулся, взглянулъ на двухъ другихъ зрителей и, не удостоивъ Арнольда отвѣтомъ, продолжалъ :

— Вотъ *Глюкъ*, бѣлый съ фіолетовымъ, чудное растеніе сего года вида.

— Позвольте, — прервалъ опять Арнольдъ, — да вѣдь тѣ тоже были бѣлые съ фіолетовымъ ?

На этотъ разъ господинъ Ро пожалъ плечами съ выраженіемъ неудовольствія ; одинъ изъ присутствующихъ отвѣчалъ ему такимъ-же почти жестомъ, но въ послѣднемъ было что-то похожее на то какъ-будто собесѣдникъ совѣтовалъ господину Ро пожалѣть бѣднаго профана и вооружиться терпѣніемъ. Другой собесѣдникъ отсталъ немножко вмѣстѣ съ Арнольдомъ, и вполголоса спросилъ :

— Вы, вѣрно, не любитель ?

— Нѣтъ еще : у меня всего двѣнадцать тюльпановъ.

— О! это мало! Ихъ тысяча восемьсотъ породъ совершенно различныхъ.

— Я до-сихъ-поръ видѣлъ всего три цвѣтка, которые показались мнѣ совершенно одинаковыми.

— Что вы! Эти три растенія похожи одно на другое, какъ день похожъ на ночь; на опытный глазъ между ними нѣтъ никакого соотношенія.

— Никакого соотношенія? Это сильно!

— Вы, значить, еще не сильны въ дѣлѣ тюльпановъ. Всѣ три цвѣтка бѣлые съ фіолетовымъ, это правда: фонъ во всѣхъ трехъ бѣлый, узоръ фіолетовый, но фіолетовое то не вездѣ одно и то же.

— А! понимаю теперь, и очень вамъ благодаренъ.

— Не за что, помилуйте.

Оба подошли къ господину Ро: онъ держалъ свою тросточку надъ тюльпаномъ бѣлымъ съ розовымъ.

— *Чарторижскій*, господа! Цвѣтокъ пятого подраздѣленія: рекомендую вамъ бѣлзвучу поготковъ; а что за твердость, господа, что за крѣпость!

Говоря это, господинъ Ро упиралъ тросточку о стебель тюльпана, и повидимому дѣлалъ страшныя усилія, чтобъ погнуть его, но они были тщетны.

— Это желѣзный пруть, господа!

— Какъ вы думаете, — спросилъ Арнольдъ у господина, оказавшаго состраданіе къ нему и давшаго ему снисходительное объясненіе, — неужели господинъ Ро серьезно давить своей тросточкой, и развѣ есть въ томъ достоинство, чтобъ стебель цвѣтка былъ желѣзнымъ прутомъ, какъ говоритъ онъ?

— О, разумѣется! это условіе, безъ котораго мы не допускаемъ тюльпана на наши клумбы.

— *Наполеонъ I!* — воскликнулъ господинъ Ро передъ тюльпаномъ бѣлымъ съ розовымъ. — Рекомендую вамъ это растеніе!

— Знаете-ли, — сказалъ Арнольдъ снисходительному любителю, — безъ васъ я-бы наговорилъ много страннаго; вѣроятно, розовое этихъ тюльпановъ не одно и то же розовое; но наконецъ, еслибъ я пришелъ сюда одинъ, мнѣ бы показалось, что я видѣлъ два тюльпана, помпозенные, каждый по девятьсотъ разъ: одинъ бѣлый съ фіолетовымъ, другой бѣлый съ розовымъ.

— Разумѣется, когда не знаешь....

Въ эту минуту произошла демонстрація.

Другой любитель, первый, стоялъ пораженный удивленіемъ, уничтоженный «несравненнымъ пурпуровымъ цвѣтомъ» *Наполеона I.*

— Позвольте мнѣ остановиться! — сказалъ онъ господину Ро. — Другъ мой, — продолжалъ онъ, обращаясь къ садовнику, — принеси мнѣ, пожалуйста, стулъ.... на минуту....

Когда былъ принесенъ стулъ, любитель сѣлъ, оперся обѣими руками на трость, а подбородкомъ на руки; такъ сидѣлъ онъ молча, вытаращивъ неподвижно глаза, разинувъ ротъ. Второй любитель бросилъ Арнольда, и тоже принялся восхищаться изъ за своего товарища. Господинъ Ро стоялъ, не трогаясь съ мѣста: по устамъ его блуждала невыразимая словами улыбка. Арнольдъ увидѣлъ въ несравненномъ пурпурѣ ни болѣе ни менѣе какъ тюльпанъ бѣлый съ розовымъ, котораго цвѣта повторялись совершенно-одинаковымъ образомъ въ четырехъ или пяти стахъ другихъ тюльпановъ, передъ которыми, однакожъ, всѣ прошли молча, подаривъ ихъ только комплиментами, не выступавшими за предѣлы учтивости. Наконецъ, энтузіастъ всталъ, и произнесъ:

— Господинъ Ро, я не смѣю отнимать время у этихъ господъ, но я попрошу васъ позволить мнѣ придти одному посидѣть часъ передъ вашимъ тюльпаномъ.

— Вы дѣлаете ему слишкомъ много чести.

— Не болѣе той, которую онъ заслуживаетъ.

— Надо признать — къ чему здѣсь ложная скромность — что это растеніе замѣчательное.

— Помилуйте! Да это брилліантъ!

— Извините меня, господинъ Ро, — сказалъ Арнольдъ, — и вы тоже, господа, прошу васъ извинить меня; позвольте мнѣ сказать два слова господину Ро и идти, потому-что у меня есть еще важное дѣло.

Онъ отвелъ въ сторону господина Ро, и сказалъ ему:

— Завтра, нѣсколько человѣкъ общались мнѣ сдѣлать честь придти посмотрѣть на мои тюльпаны....

— Какъ, ваши тюльпаны! Что вы называете вашими тюльпанами?

— Э, ну да мои двѣнадцать луковницъ, которыя я предлагалъ вамъ и отъ которыхъ вы отказались.

— А-а!

— Угодно вамъ сдѣлать мнѣ удовольствіе?

— Придти посмотрѣть на ваши двѣнадцать луковницъ?

— Навѣститъ меня и позавтракать кое-съ-кѣмъ, человѣка три-четыре; кетати вы скажете мнѣ, что у меня за тюльпаны; предупреждаю васъ объ одномъ: у васъ нѣтъ ни одного изъ моихъ двѣнадцати.

- Что вы!
- Увѣряю васъ.
- Любопытно, чортъ возьми! Въ которомъ же часу?
- Въ одиннадцатъ.
- Буду; непремѣнно.
- Такъ, до завтра?
- До завтра.

На другой день мадмоазель Аглаэ и ея сестрица пожаловали не много послѣ одиннадцати часовъ, но неприятное впечатлѣніе произвело на Арнольда то, что имъ сопутствовалъ господинъ Дюлорье. Въ одно почти время съ ними вошелъ господинъ Ро: они были знакомы съ Дюлорье, и взаимно извинялись другъ передъ другомъ, что до-сихъ-поръ не видали одинъ тюльпановъ другаго.

— О! — говорилъ одинъ, — мартъ сдѣлалъ мнѣ ужасный вредъ!

— Я буду просить васъ о снисхожденіи, — говорилъ другой: — апрѣль едва не погубилъ меня!

Завтракъ былъ готовъ.

Дамы этого «не ожидали», объявили, что не будутъ кушать, и кончили тѣмъ, что «согласилась». Во время завтрака, Арнольдъ сдѣлался мраченъ: онъ замѣтилъ между мадмоазель Аглаэ и господиномъ Дюлорье разные таинственные знаки, что повергло его въ мучительное недоумѣніе; сестрица мадмоазель Аглаэ скоро разрѣшила его, объяснивъ Арнольду, что ея сестра черезъ три недѣли выходить замужъ за господина Дюлорье. Арнольдъ понялъ тогда, что «неизвѣстность есть ужаснѣйшее изъ всѣхъ мученій до того мгновенія, пока дѣйствительность заставитъ васъ жалѣть о неизвѣстности». Арнольдъ совершенно потерялся: онъ то молчалъ, то дѣлался веселъ ни на что не похоже. Гости принялись смѣяться надъ его заборомъ и масляными деревьями; наконецъ, дошла очередь до тюльпановъ, до двѣнадцати тюльпановъ. Тюльпаны всѣ были чрезвычайно различны между собою: одинъ былъ желтый, другой — такого яркаго краснаго цвѣта, что почти больно становилось глазамъ; третій имѣлъ фонъ желтый и по немъ коричневыя и черныя полоски; два тюльпана были бѣлые, какъ у господина Ро, и одинъ изъ нихъ съ розовымъ, другой съ фіолетовымъ. Господинъ Ро и господинъ Дюлорье взглянули другъ на друга. Господинъ Дюлорье улыбнулся, а господинъ Ро, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ усилій, лопнулъ со смѣха. Дамы и Арнольдъ съ безпокойствомъ смотрѣли на него, боясь, чтобъ съ нимъ не случилось истерическаго припадка; но пять-шесть

минуть спустя, онъ нашелъ силу говорить и слова опять пере-
межались смѣхомъ.

— Ха-ха-ха! любезный Арнольдъ, ха ха ха! Я слишкомъ мно-
го смѣюсь.... ха-ха ха!... это даже можетъ повредить мнѣ.... И вы
говорите, что это....

— Тюльпаны, разумѣется.

— Тюльпаны! Господи!... Я просто задохнусь, честное слово.
И онъ снова принялся хохотать. Арнольдъ, у котораго по дру-
гимъ причинамъ вскипѣло на сердцѣ, обрадовался случаю сорвать
его на комъ нибудь: онъ жалѣлъ объ одномъ только, что насмѣш-
никъ былъ не господинъ Дюлорье. За немнѣишемъ лучшаго, онъ
холодно обратился къ господину Ро, прося его принять на себя
трудъ объяснить ему этотъ странный припадокъ непрерывав-
шейся веселости.

— Пожалуйста, не сердитесь: я, право, не виноватъ. Я не
имѣю ни малѣйшаго намѣренія оскорблять васъ; но вѣдь это ей-
ей слишкомъ смѣшно, а, въ особенности, если-бы видѣли вы са-
михъ себя, когда вы говорили, что это тюльпаны.

— А вы какое названіе даете этимъ цвѣткамъ?

— Какое названіе? Я не даю имъ никакого, потому-что они
никакого названія не заслуживаютъ. Г. Дюлорье, да говорите-же
и вы: я не хочу, чтобъ господинъ Арнольдъ подумалъ, что одно-
му мнѣ смѣшно на его тюльпаны. Ой-ой-ой! Я не могу больше
смѣяться: больно!

Г. Дюлорье, болѣе спокойный, объяснилъ Арнольду, что, пяти-
десять лѣтъ тому назадъ, любители тюльпановъ, основательно
называемые теперь безразсудными, разводили только цвѣты жел-
тые съ красными и коричневыми полосками, и что тогда бѣлый
тюльпанъ изгонялся изъ коллекціи. Но, когда были истощены все-
возможныя безразсудства на желтые тюльпаны, тогда затѣяли
новый рядъ безразсудствъ для тюльпановъ съ бѣлымъ фономъ.
Послѣ нѣсколькихъ несчастныхъ попытокъ, продолжительныхъ
превій между нововодителями и партизанами старыхъ тюльпа-
новъ, бѣлые взяли верхъ, а желтые были изгнаны съ клумбъ съ
позоромъ, и, какъ во многихъ книгахъ, такъ и въ памфлетахъ,
публично стали называться «отвратительными цвѣтами». Тѣ изъ
любителей, которые не извели желтыхъ тюльпановъ, подверглись
самымъ рѣзкимъ насмѣшкамъ. Что касается до тюльпановъ од-
ноцвѣтныхъ, они не признавались никогда ни нашими любите-
лями, ни приверженцами желтыхъ, ни эгидами бѣлыхъ тюльпа-

новъ ; а, въ заключеніе, — замѣтилъ господинъ Дюлорье, — ваши бѣлые тюльпаны вккуда не годятся : лепестки — острые !

Тутъ завязалось разсужденіе между господами Дюлорье и Ро. — Удивительная вещь, — говорилъ послѣдній, — что за вкусъ былъ у нашихъ предковъ ! Вотъ, напримѣръ, этотъ странный черный цвѣтъ, которому они радовались за десять экю, а я бы не пустилъ его въ курятникъ !

— Да это, кажется, — возразилъ господинъ Дюлорье, — мастрехтскій тюльпанъ, который надѣлалъ столько шума въ 1811 и 1812 годахъ ?

— Ну, конечно.

— Жалость смотрѣть !

— Не говорите !

Наконецъ гости разошлись къ великому удовольствію бѣднаго Арнольда, который, оставшись одинъ, могъ свободно предаться и горю и гавву. Но съ этого дня дѣла его пошли хуже и хуже.

Сосѣдъ Дюрю хранилъ въ сердцѣ «безсмертную рану». Впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ, онъ завелъ съ Арнольдомъ пять тяжбъ ; подъ предлогомъ, что стѣну, раздѣлявшую ихъ владѣніе, нужно исправить, онъ велѣлъ ее сломать и заставилъ сложить съ изнова на общій счетъ, въ самой серединѣ лѣта ; каменщики, принужденные работать въ саду у Арнольда, раздавали весь садъ.

Арнольдъ сдѣлалъ у себя бассейнъ для стока дождевой воды ; — г. Дюрю открылъ, что 217 статья *Coutume de Paris* позволяетъ устраивать помойныя ямы не ближе шести футовъ отъ пограничной стѣны, а бассейнъ отстоялъ отъ нея на пять футовъ три четверти. На этотъ разъ, однакожь, повѣренный Арнольда не согласился съ мнѣніемъ г-на Дюрю : онъ возразилъ, что бассейнъ не должно называть помойною ямой, и что многіе законодатели дѣлали тутъ различіе, между прочимъ Гупи, который замѣтилъ, что *Coutume de Paris*, предписавъ шести-футовое разстояніе, не имѣло въ виду противоѣствовать вреду, какой въ ночное время можетъ причинить просачиваніе воды, — ибо это разстояніе не требуется для колодезь, хотя въ нихъ встрѣчается то же просачиваніе ; кромѣ всего, на какомъ бы разстояніи ни находились колодезь или помойная яма, строящій ихъ всегда отвѣчаетъ за вредъ, нанесимый просачиваніемъ. Главное основаніе, говоритъ Гупи и говоритъ повѣренный Арнольда, состоитъ единственно въ томъ, чтобъ удалить отъ сосѣда непріятныя испаренія ; но, и здѣсь Дегодъ, другой юристъ, согласенъ съ Гупи, положеніе 217 статьи *Coutume de Paris* не можетъ простираться на бассейнъ

принимающіе дождевую воду, неиздающую неприятнаго запаха. *Coutume d'Orléans*, ст. 243, полагаетъ то же различіе, и оно подтверждается еще господиномъ Потъ въ его *Contrat de Société*, ст. 5, «объ общности пограничныхъ стѣнъ.»

Господинъ Дюрю возражалъ: адвокатъ отвѣтилъ, судъ рѣшилъ въ пользу послѣдняго, но господинъ Дюрю не унялся, и началъ новую тяжбу. Въ новыхъ своихъ заключеніяхъ, онъ сдавался на опредѣленіе и различіе, поставленные судомъ, потребовалъ, чтобъ ему позволили доказать, что бассейнъ Арнольда заслуживаетъ названіе помойной ямы, и, слѣдовательно, подходитъ подъ ст. 217 *Coutume de Paris* и ст. 243 *Coutume d'Orléans*. Назначены были эксперты, которые, какъ водится, отправились на мѣсто. Въ ночь передъ свидѣтельствомъ экспертовъ, Дюрю черезъ стѣну набросалъ въ бассейнъ столько всякой дряни, помоевъ и объѣдковъ что бассейнъ обратился въ грязную лужу и былъ экспертами признанъ за помойную яму, что повело за собою бездну издержекъ со стороны Арнольда, и онъ былъ принужденъ уничтожить бассейнъ.

Другая тяжба заставила Арнольда съѣсть всѣхъ своихъ голубей, которые «разоряли домъ сосѣда.»

Однажды, наконецъ, въ припадкѣ гнѣва, онъ, ужъ не знаю какъ, взбѣился до того, что выстрѣлилъ въ господина Дюрю изъ ружья.

Дюрю завелъ уголовный процессъ, котораго Арнольдъ не могъ кончить иначе, какъ купивъ у него третью дороже цѣны, все его владѣніе.

Словомъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, двѣнадцать тюльпанныхъ луковницъ обошлись ему въ четыреста тысячъ франковъ!

.... Что касается до меня, я развожу цвѣты, чтобъ смотрѣть на нихъ, а не показывать; у меня всего съ полсотни тюльпановъ всевозможныхъ цвѣтовъ; я не отвергаю ни одного изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ мнѣ честь цвѣсти у меня, ни даже тѣхъ, на которые сердятся великіе знатоки и любители; и цѣтъ у меня со сѣда, что напоминаетъ мнѣ два афоризма, не знаю какого Жюкрисса.

«Не имѣй сосѣдовъ, если хочешь жить въ ладу съ ними.»

Есть много философовъ, написавшихъ не одну толстую книгу, которые во всю жизнь свою не сказали ничего умнѣе!...

со.

Статья Александра Делавриля.

По правую сторону большой дороги изъ Парижа въ Орлеанъ у выѣзда на Буръ-ла Рэнъ (Bourg la Reine), начинается прекрасная, широкая аллея, которая легкимъ склономъ спускается и потомъ поднимается на возвышеніе, гдѣ раскинутъ небольшой городокъ Со (Sceaux). Съ вершины этого возвышенія представляется одна изъ лучшихъ видовъ окрестностей Парижа. Къ югу глазъ обнимаетъ горизонтъ на нѣсколько мѣ, усаженный деревьями и бѣлыми фабриками и кончающійся въ своей отдаленнѣйшей точкѣ старою башнею Монлэри. — Къ востоку Орлеанская дорога тянется длинной и величественной бороздою бѣлой и прозрачной пыли, межъ тѣмъ какъ на западъ сливаются, дружно зеленѣя, лѣса Оливскій и Веррьерскій; на сѣверѣ, наконецъ, улыбается вамъ Фонтэнэ, съ своими полями розъ.

Нѣтъ еще теперь и пятидесяти лѣтъ, надъ всѣмъ этимъ пейзажемъ господствовалъ великолѣпный замокъ, котораго громадная масса во всякое время бросала свою тѣнь на плодородныя нивы окрестности; къ этому замку подъѣзжали тою аллею, о которой я сейчасъ говорилъ; аллея въ то время пересѣкала полукружіе и кончалась параднымъ дворомъ (cour d'honneur); тутъ стояло передъ зрителемъ довольно вѣрное воспроизведеніе Версальскаго дворца, — памятникъ архитектуры, котораго холодныя и строгія линіи прямо указывали на дѣло великаго вѣка.

Однакожь, глядя на строенія—всѣ разнаго стила—группированныя по бокамъ замка, легко было признать печать разныхъ эпохъ, начиная отъ кирпичныхъ стѣнъ временъ Генриха VI, до гирляндъ и другихъ орнаментовъ, любимыхъ при Людовикѣ XV; въ садахъ рядомъ съ симметрическими партерами Лёнотра попадались, какъ въ маломъ Триановѣ, прихотливыя образцы англійскаго садоводства.... И дѣйствительно, семнадцатый и осемнадцатый вѣка оставили на вершинѣ этого возвышенія не одну страницу своей исторіи.

20 мая 1657 года, дворъ былъ Сенъ-Жерменъ. Кардиналъ Мазарини, уже страдавшій отъ первыхъ припадковъ болѣзни, которая, четыре года спустя, свела его въ могилу, не выходилъ въ этотъ день изъ своихъ апартаментовъ: кресла его святѣйшества окружала толпа дворянъ, между тѣмъ какъ король Людовикъ XIV, которому тогда было осемнадцать лѣтъ, въ амбразурѣ окна, велъ

вполголоса повидимому самую нѣжную рѣчь съ Олимпіей Манчини, старшей изъ племянницъ кардинала. Вошелъ герцогъ Трэмскій : онъ казался чрезвычайно озабоченъ.

— Что съ вами, герцогъ? — воскликнулъ Мазарини. — Не досталось ли вамъ по наслѣдству еще какого-нибудь замка, что вы такъ печальны? Или такъ мило вамъ ваше Сд, что убѣжая ко Двору, вы оставляете вашу баронію не иначе, какъ съ сожалѣніемъ? Говорятъ, удивительную резиденцію оставилъ вамъ вашъ братъ, и будто потратилъ на ея постройку все, что нажилъ, бывши государственнымъ секретаремъ при покойномъ королѣ? Увы, господа! Прошли времена, когда министры строили замки изъ доходовъ своихъ мѣсть!

Кардиналъ вздохнулъ съ неподражаемымъ лицемѣріемъ, а слушатели всѣ переглянулись, мысленно перечисляя сокровища, зарытыя въ дворцѣ Мазарини и Вэнсенскомъ замкѣ; но всѣ молчали. Кардиналъ продолжалъ:

— Когда я совѣмъ выздоровлю, герцогъ, надо будетъ навѣстить васъ въ Сд.

— Это будетъ большая честь для меня! — отвѣчалъ герцогъ Трэмскій, — но я осмѣлюсь просить ваше святѣйшество отложить на время ваше посѣщеніе: воротившись изъ поѣздки въ имѣніе герцогини Трэмской, я нашелъ мою баронію въ жалкомъ положеніи; плутъ управляющій укралъ у меня все, что только могъ увести.

— Укралъ! — перебилъ кардиналъ, поблѣднѣвъ подъ густымъ слоемъ румянъ, покрывавшимъ его щеки. — Вашъ управляющій обокралъ васъ въ вашемъ отсутствіи?... Есть извѣстіе изъ Вэнсена? — крикнулъ онъ, обращаясь къ кому-то изъ своихъ чиновниковъ, вошедшему въ эту минуту.

— Есть, ваше святѣйшество! — отвѣчалъ вошедшій. — Вотъ письмо.

— А! давай!

И онъ судорожно схватилъ письмо, которое принялся читать съ жадностью. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе прояснялось чело кардинала.

— Послушайте, герцогъ! — сказалъ онъ наконецъ съ веселымъ тономъ, — слушайте, да и вы тоже, моя милая племянница!

Прекрасная Олимпія, видимо недовольная обращеніемъ къ ней, подошла однакожь; лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ; роль послѣдовалъ за нею, не отводя отъ нея взгляда, полного

цѣлкой страсти. Кардиналъ громко и съ комической важностію началъ читать :

«Ваше святѣйшество!»

«У насъ въ Вэнсеяѣ два теленка, которыхъ нужно немедленно скушать, потому что они слишкомъ велики. Если вашему святѣйшеству угодно, чтобы ихъ прислать туда, гдѣ вы изволите быть, извольте приказать, буде угодно; я могу присовокупить двухъ молодыхъ индюковъ изъ звѣривца, молодыхъ фазановъ и большихъ цыплятъ. Но только провозъ обойдется очень дорого: нужно снарядить особую подводу; не благоугодно-ли будетъ вашему святѣйшеству самимъ прислать? Тогда соблюдется выгоды по-крайней-мѣрѣ на сорокъ эю.

«P. S. У насъ здѣсь двѣ гончихъ, которыя съѣдаютъ каждый день на восемь су. Если ваше святѣйшество имѣете въ виду подарить ихъ или прислать за вами, нужно бы сбыть ихъ по-скорѣе.

«Кольбэръ.»

— Что вы на это скажете, господа? — воскликнулъ кардиналъ въ восторгѣ отъ экономіи своего повѣреннаго: — вотъ честный управляющій! — Потомъ онъ обратился къ королю: — право, ваше величество, когда не станеть меня, онъ одинъ въ состояніи занять мое мѣсто при васъ!

Король засмѣялся, и всѣ придворные послѣдовали его примѣру.

— Г. кардиналъ! — весело замѣтилъ король, — я никакъ не прочь дать ему мѣсто, но боюсь, чтобы герцогъ Трэмскій не взялъ его въ управляющіе къ себѣ въ Сѵ.

Нѣсколько лѣтъ послѣ этой сцены, Мазарини не было на свѣтѣ; а неизвѣстный буржуа, который завѣдовалъ Вэнсенскимъ звѣривцемъ, птичникомъ и дворней, возведенный въ званіе генеральнаго контролера государственныхъ расходовъ, маркизь, членъ Французской Академіи (вѣроятно потому что не зналъ латинскаго языка), отдавалъ трехъ дочерей своихъ за трехъ герцоговъ и пэровъ славнѣйшихъ родовъ королевства, и назывался уже не иначе какъ «великій Кольбэръ.»

И подумалъ тогда прежній управляющій кардинала-герцога, что пришло ему время завестись увеселительнымъ мѣстомъ, гдѣ бы онъ могъ иногда отдохнуть отъ трудовъ общественнаго дѣла. У Сюлли было Рони, у Ришельё — Рюэль, у Мазарини — Венсенъ; ему хотѣлось резиденціи, которой великолѣпіе затмило бы воспоминаніе этихъ трехъ замковъ. Версали, этому дивному двор-

пу, можетъ быть лучшему изъ всѣхъ въ новое время, нуженъ былъ pendant : не справедливо ли было, чтобъ этимъ pendant сдѣлался замокъ Кольбэра?... Отчего, скажите, человѣческая гордыня заносится тѣмъ выше, чѣмъ ниже и безвѣстнѣе ея начало ?

Долго искалъ Кольбэръ чего-нибудь по своему вкусу между окрестностей Парижа : наконецъ онъ остановилъ свой выборъ на Сд, и однажды, герцогъ Трэмекій, явившись просить у него какой-то милости, предложилъ ему купить у него баронію. Герцогъ былъ старъ и скупъ, министръ — самолюбивъ и богатъ : дѣло сладилось скоро. Кольбэръ сталъ барономъ. Герцогъ Трэмекій, принужденный ограничиться своимъ герцогствомъ, легъ на мѣшкахъ золота ; они были его саваномъ.

Въ самый день этой сдѣлки, 30 марта 1670 г., родился въ Версали сынъ госпожи де-Монтеспанъ : герцогъ дю-Мэнъ. Ему суждено было наследовать баронію Сд.

Сд куплено ; за дѣло теперь, всѣ великіе художники, живописцы, ваятели, зодчій ! Замокъ въ Сд могъ быть прекрасной резиденціей для герцога, но слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобъ онъ былъ достоинъ Кольбэра?... Ломайте кирпичныя стѣны, кладите все изъ блага камня. Кромѣ того, и пространства слишкомъ мало : герцогъ принималъ здѣсь только своихъ друзей, министръ хочетъ помѣстить всѣхъ своихъ льстецовъ, — слышите-ли? Увеличьте число салоновъ, галлерей ! Лебрёнъ, неси кисти ! вотъ потолки, которые нужно сдѣлать такими-же, какъ въ Версали. Жирардонъ, Пюжэ, вотъ вамъ мраморъ : гдѣ ваши рѣзцы ?

Ле-Нотръ, сады эти ни на что не похожи : въ нихъ даже нѣтъ ни одного лабиринта ; пусть геній твой воспламенится на солнцѣ, позлащающемъ это очаровательное мѣстоположеніе ! Вотъ тебѣ шестьсотъ арпавовъ : довольно-ли для того, чтобъ соединить здѣсь всѣ чудеса, которыми твое искусство обогатило Версаль ? Нужны огромные партеры удивительной симметріи, которые ты такъ славно разбилаешь, нужны широкія аллеи изъ разчесанныхъ деревьевъ, богатые фонтаны, каскады : все-ли наконецъ ? Нѣтъ : нужно еще что-нибудь, чтобы напомнило бассейны швейцарцевъ, куда бы посадить карпій, для этого достаточно канала въ пятьсотъ-двадцать-пять тоазовъ длины ; если не найдется работниковъ, можно взять на помощь солдатъ. Начинайте-же ! Купи мѣдь ! куйте желѣзо ; разлетайся камень подъ молотомъ ! Золота, серебра, берите сколько хотите : за дѣло, за дѣло !

При видѣ этого дворца, поднятаго съ такими трудами и из-

держками двумя богатыми владѣльцами, а теперь срытаго до тла и вновь воздвигнутаго бывшимъ домоправителемъ Мазарини, поневолѣ вспоминаешь краснорѣчивыя строки Лабрюйера, въ которыхъ извѣстный моралистъ показываетъ намъ пастуха, обогатившагося отъ найма луговъ своей госпожи, который скоро купить на чистыя деньги ея дворець, чтобъ онъ сдѣлался достойнѣе его и его богатства!

....Работа кончена, замокъ отворили. Золото блеститъ на панеляхъ, на обояхъ. Теперь ваша очередь, поэты! Меценатъ готовъ принять васъ въ своемъ Тускулумѣ, но съ тѣмъ, чтобы вы пѣли хвалу ему. И вотъ является въ Сô славная плеяда: Мольеръ, Расинъ, Боало! зачѣмъ же Шавланъ? Не отзывайтесь о немъ дурно: Кольбэръ болѣе другихъ уважаетъ его талантъ.

Наконецъ, чтобъ увѣнчать все это величье, самъ Людовикъ XIV навѣщаетъ своего министра въ его замкѣ Сô. На этотъ день призваны еще Люлли и Киню: въ замкѣ будетъ музыка, балъ, театръ. Король благоволилъ прислать свои двадцать-четыре скрипки; Опера и Бургонскій отель отдохнутъ сегодня, потому что все искусство, все таланты созваны въ Сô для блестящаго торжества. Ночь темна, и путники, ѣдущіе изъ Пуату и Турэни видятъ издали, среди мрака, возвышеніе, на которомъ стоитъ Сô, горящее тысячею огней. Это огромный маякъ, обязанный возвѣстить жителямъ Парижа и всѣхъ окрестностей, что Людовикъ XIV въ гостяхъ у Кольбэра. О! отчего этотъ маякъ, побѣдивъ разстояніе, не можетъ свѣтить на всю Францію, на всю Европу!

Наслаждайтесь, ваша свѣтлость!—такъ васъ зовутъ теперь,—наслаждайтесь полнѣе всѣмъ блескомъ вашего торжества.

Но что вы ни дѣлаете, вы все-таки мѣщанинъ-дворянинъ, а у Лувуа есть предки! Вамъ миръ и постройки, ему—война и арміи! Кто изъ васъ возьметъ верхъ? Король въ нерѣшимости, но беритесь, чтобъ разрѣшить эти недоумѣнія, вашъ противникъ не бросилъ на вѣсы свою шпагу! Тогда, ваша свѣтлость, не пришлось бы вамъ въ вашемъ великолѣпномъ Сô не разъ пожалѣть объ уголкѣ въ Вэнсенѣ и о времени, когда вы управляли дворней кардинала Мазарини.

Въ мемуарахъ эпохи сохранилось преданіе, будто въ послѣднее время своей жизни, въ одинъ чудный осенній вечеръ, Кольбэръ одинъ-одинехонекъ спустился въ Сô на свою террасу, и при видѣ всѣхъ этихъ произведеній искусствъ, собранныхъ въ его роскошной виллѣ и кротко освѣщенныхъ солнцемъ, лучезарно садившимся за Олпейскимъ лѣсомъ, остановился подъ вліяніемъ

смертельной печали и.... заплакалъ. Къ кому обращались эти слезы? Къ богатствамъ, съ которыми приходилось разставаться ему или къ милости короля, поднявшей его и теперь видимо покидавшей?

Онъ умеръ вскорѣ послѣ этой прогулки.

Сынъ его, маркизь Сеньёлесскій (de Seignelay), наслѣдовалъ Сò : о маркизѣ говорить нечего.

Съ наступленіемъ осьмнадцатаго столѣтія начинается новая эра для замка Сò, эра честолюбія и праздноствъ, интригъ и шума.

Въ 1700 году покупаетъ Сò герцогъ дю-Мэнъ, и переселяетъ туда свой дворъ съ вничкою великаго Кондэ. Сначала молодая герцогиня вся предается удовольствіямъ. Въ замкѣ дѣлаются новыя постройки : гдѣ театръ, гдѣ бальная зала, гдѣ музыкальная? Во времена маркиза музы забыли дорогу въ Сò : надо приучить ихъ по прежнему. Все замѣчательное новой эпохи приглашено въ Сò герцогиня ревнуетъ къ славѣ Кольбэра, ей тоже хочется быть Меценатомъ. Въ Сò избранные получаютъ цѣпь ордена Пчелы, котораго статуты писала сама Луиза-Бенедикта Бурбонская.

Между тѣмъ какъ Лудовикъ XIV чувствовалъ приближеніе старости, въ замкѣ его сына слышались только пѣсни, танцы, веселый смѣхъ. Но вдругъ горизонтъ помрачается со стороны Версаля и Марли. Настало время смуть по случаю правъ на наслѣдіе французской короны.

Сколько разъ честолюбивая Луиза Бурбонская, прогуливаясь по своимъ садамъ въ Сò, мечтала объ этой коронѣ, къ которой повидимому все болѣе и болѣе очищали ей дорогу всѣ эти гробы, въ столь короткое время опустившіеся въ склепы Сень-Дени... Что же въ это время дѣлалъ набожный питомецъ госпожи дѣ-Мэнтенонъ? Онъ переводилъ французскими стихами латинскую поэму «Anti-Lucretius».... Кто не помнитъ того дня, когда онъ въ восторгѣ вошелъ къ женѣ, въ Сò, чтобъ показать ей третью пѣснь только что конченную. Герцогиня пожала плечами и отвѣчала :

— Въ одно прекрасное утро, господинъ герцогъ, вы проснетесь и узнаете, что сдѣланы членомъ Академіи, а герцогъ Орлеанскій—регентомъ !

Здѣсь уже не стало бы мѣста на разговоръ обо всемъ, что въ Сò послѣдовало за кончиной Людовика XIV, потому что съ нея начинается исторія цѣлой націи, а не одного замка. По этому я не упомяну о заговорѣ Селламарскомъ, задуманномъ въ рощахъ

Сѡ, осенью 1718 года. Взгляните, среди этого блестящаго собранія, вотъ Полиньяки, Бофремоны, Тонверры, авторъ «Inès de Castro,» Ламоттъ, Шольё, Фонтенелль, Вольтеръ,—и этотъ молоденькій пажъ съ воспламененнымъ взоромъ, раздражающей вниманіе своихъ слушателей!

Одинъ человекъ не обращаетъ вниманія на происходящее: глаза его уставлены въ потолокъ, гдѣ, въ какой-нибудь аллегоріи Лебрена, онъ ищетъ убѣгающей рѣмы или разрѣшенія астрономической проблемы. Вы узнали герцога дю-Мэнъ. Бѣдный герцогъ! На его счастье регентъ человекъ кроткій и добрый и онъ за все платится только годовымъ заключеніемъ въ крѣпости, но онъ никогда не могъ простить женѣ, что она, противъ его желанія, пустилась въ интриги.

Съ герцогинею дю-Мэнъ исчезли веселые клики, разнородныя удовольствія и празднества, происходившія въ Сѡ при ея жизни. Печальнымъ покровомъ застилается отнынѣ этотъ замокъ, могила узаконенныхъ дѣтей Людовика XIV, этихъ дѣтей, для которыхъ великій монархъ мечталъ о блестящей будущности.

Герцогъ дю Мэнъ оставилъ двухъ сыновей: оба умерли безъ наслѣдниковъ, и въ 1775 году герцогъ Пантьеврскій, единственный сынъ графа Тулузекаго и послѣдняя отрасль этого рода, происшедшаго отъ госпожи Монтеспанъ, заключилъ собою списокъ бароновъ Сѡ. Пораженный потерю жены и сына, онъ тоже любилъ теряться въ этихъ садахъ, богатыхъ столѣтними воспоминаніями,—но одинъ, вдали, и утѣшался слезами.

Рядомъ съ этимъ именемъ есть другое, о которомъ, говоря о Сѡ, нельзя не вспомнить: и это—имя Флоріана, добраго, нѣжнаго Флоріана, молодаго пажа, умѣвшаго разгонять грусть своего господина и для того сочинявшаго басни, отъ которыхъ не отказался бы и Лафонтенъ, — очаровательнаго капитана драгунъ, впоследствии раздавателя милостынь принца и посвятившаго свои досуги произведеніямъ, нѣкогда насъ восхищавшимъ.... И оба были несчастны: оба были изгнаны, оба умираютъ съ горя, одинъ велѣдъ за другимъ, на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сокрушаясь о злой участи отечества.... Поэтъ по-крайней-мѣрѣ угасъ тихо, въ чудный осенній день, окруженный друзьями, въ томъ мѣстѣ, гдѣ складывалъ онъ свои лучшія пѣсни; глаза его, передъ-тѣмъ, какъ закрыться навѣки, могли остановиться на свѣжемъ и мнрномъ убъжищѣ, гдѣ суждено ему было лечь на сельскомъ кладбищѣ, и онъ зналъ, что тутъ память его не умретъ, а могилу будетъ благословлять прохожій!...

Если оглянуть сразу всю исторію замка Со и коротко опредѣлить ея разнообразныя фазы, передъ нами являются три рѣзко обозначенныя эпохи, съ которыми связапо, такъ-сказать, тройное поэтическое освященіе. Первая—эпоха Кольбара; поэзія этого времени полна педантизма; при герцогинѣ дю-Мэнъ, начинающей вторую, направленіе ея—нѣсколько политическое, и теряется въ Бастиліи, въ Вэнсенпъ, на островахъ св. Маргариты; наконецъ третья эпоха, — герцога Пантьеврскаго, есть время идиллій и пасторалей Флоріана, что-то сладкое и грустное, какъ звукъ, умирающей передъ набатомъ 1793 года.

И такъ поэты Со были постоянно вѣрными представителями вкусовъ и характеровъ своихъ меценатовъ. Мѣщанинъ-дворянинъ, честолюбивая принцесса, старикъ-меланхоликъ,—эти три властелина замка Со, столько различные, даже противоположныя, имѣютъ однакожъ и общую черту: она заключается въ глубокомъ чувствѣ пресыщенія и грусти, охватывающемъ ихъ въ Со, среди всѣхъ чудесъ искусства ихъ окружающихъ, иногда даже, какъ герцогиню дю-Мэнъ, среди самой живой бесѣды. Не подстерегли-ли наши три мецената въ звукахъ музыки поэтовъ, безпрестанно раздававшихся въ ихъ ушахъ, нѣсколько меланхолическихъ нотъ, подобныхъ тѣмъ, что издаютъ передъ бурей Эоловы арфы?

Съ того дня осени 1794 года, когда послѣдній пѣвецъ замка Со отдалъ въ немъ душу Богу, гений поэзии отлетѣлъ отъ Со

Явился какой-то спекуляторъ, который купилъ Со съ аукціона, сломалъ его и продалъ матеріалы тоже съ аукціона. Онъ извелъ сады, вырылъ деревья, парки и обратилъ прекрасное владѣніе въ ферму: онъ пощадилъ только, оставивъ ихъ стоять среди засѣянныхъ полей, нѣсколько статуй, — печальныхъ и послѣднихъ слѣдовъ блеска прошедшаго: онѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ и теперь, спустя полвѣка.

Ночью, если вы пройдете низомъ Со, по склону возвышенія, обращенному на югъ, вами, быть можетъ, овладѣтъ чувство суетвѣрной задумчивости при видѣ этихъ бѣлыхъ фигуръ, неподвижныхъ среди волнъ колосевъ, которыя заунывно колеблеть вътеръ. Тотъ же вътеръ дошлетъ къ вамъ дальній звукъ музыки, раздающейся въ саду Звѣринца и веселое жужжанье танцевъ.

НЕВѢСТА СОЛНЦА.

Разсказъ баронесы де Менэвилль.

Два блестящихъ экипажа остановились у перистилля одной изъ извѣстнѣйшихъ парижскихъ церквей. Ливрейные лакеи отворили дверцы. Вышла молодая дѣвушка, оперлась рукою о старика, оглянулась назадъ, и взошла по ступенькамъ. Изъ втораго экипажа почти выскочилъ молодой человѣкъ, почтительно поддержалъ женщину, выхлдившую послѣ него, и они пошли оба за первую группою. Въ то же время вошло въ церковь еще нѣсколько человѣкъ: это была свадьба.

Обрядъ долженъ былъ совершаться передъ алтаремъ Богоматери, какъ и всегда убранной бѣлымъ вѣнкомъ. Другое семейство тѣснилось около крестинъ. Панерть же была обтянута чернымъ: ждали похоронной процесси. Все такъ быстро идетъ одно за другимъ въ этомъ огромномъ Парижѣ, что жизнь и смерть почти всегда стоятъ лицомъ къ лицу: онѣ попадаютъ на встрѣчу одна другой, какъ волны толпы въ нашихъ пассажахъ. Душа едва успѣваетъ мяться съ самой собою среди этого вѣчнаго прилива-отлива, среди безпрерывнаго движенія. Впечатлѣнιά затираются одно другимъ, и смутный шумъ часовъ до того ошеломяетъ васъ, что вы какъ будто менѣ слышите торжественный и правильный шагъ времени.

Слишкомъ много безотчетной увѣренности въ жизнь было въ сердца молодыхъ людей: печальныя предзнаменованія не нашли въ немъ мѣста. Надо знать несчастіе, испытать его, чтобъ его бояться; предчувствія—почти всегда воспоминанія. Кромѣ того, въ Парижѣ привыкаешь смотрѣть на все окружающее, изолироваться посреди той самой толпы, которая тѣснитъ и толкаетъ тебя,—и дѣлаешься чуждымъ, равнодушнымъ къ тому, что не самъ ты!

Когда, по окончаніи обряда, супруги вышли изъ церкви, у подъѣзда уже ждала дорожная коляска, запряженная четверкой почтовыхъ лошадей... Они сѣли, поклонились послѣдній разъ своимъ родственникамъ, улыбувшись имъ, и молодой человѣкъ крикнулъ:

— По Женевской дорогѣ!

Спустя нѣсколько часовъ они миновали Парижъ, его шумныя улицы, его загроможденные помѣстья, его окрестности, гдѣ сама природа не вдругъ, не съ разу принимаетъ свой величаво-спокой-

ный характеръ, и вотъ уже развернулись передъ ними возвышенности Фонтенблô.

Бываютъ въ жизни минуты полноты какой-то, неподобнаго эгоизма, когда намъ кажется, что мiръ существуетъ для однихъ насъ. Когда счастье сознало первыя опасенiя, оно спѣшитъ прiютиться, войдти само въ себя; но въ то время, когда только-что родилось ово, когда оно распускается, ему нуженъ воздухъ и просторъ, и свѣтъ, чтобы взлѣзть, чтобы сiять, чтобы оживиться въ чудныхъ сочетанiяхъ, въ этихъ таинственныхъ гармонiяхъ природы и сердца, дивной тайнѣ Провидѣнiя, первомъ отраженiи, восхитительномъ предчувствiи той божественной любви, которая обнимаетъ вселенную.

— Другъ души моей,—говорилъ Альфонсъ,—помнишь-ли ты у Мильтона эти группы, которыя, сплетаясь руками, распуская крыло по волѣ безконечнаго воздуха, пролетаютъ пространство, гдѣ въ океанѣ свѣта сливаются лучи всѣхъ свѣтилъ? Миѣ кажется, что мы, какъ они, носимся въ безпредѣльности....

— Да, да!—только отвѣчала Валерiя, и она облокотилась на плечо мужа рукою, на которую положила головку,—мы умно сдѣлали, что поѣхали! какое счастье—путешествовать! Есть люди, которые рождаются и умираютъ въ Парижѣ, не выйдя ни разу изъ его стѣнъ. Не грѣхъ-ли это? Если нѣтъ удовольствiя въ томъ, чтобы любоваться на природу, миѣ кажется, долгъ каждаго посмотрѣть на нее вблизи. Ты не знаешь, что больше всего поражаетъ меня, что всего больше волнуетъ меня въ цѣломъ созданiи: не зелень, не цвѣты, не вѣчное разнообразiе горизонтовъ, нѣтъ, а свѣтъ! Какъ это хорошо, какъ это говоритъ сердцу! И онъ также нуженъ для моей души, какъ для глазъ; воображенiе мое оживаетъ или гаснетъ съ нимъ. Знаешь что: мы поѣдемъ съ тобой на Востокъ. Говорятъ, тамъ дневной свѣтъ рѣзче, ярче, природа лучезарнѣе. Я, можетъ быть, еще больше буду любить тебя тамъ.

— Да, но я тамъ буду, можетъ быть, ревновать тебя къ этимъ лучамъ, которые производятъ на тебя такое притягательное дѣйствiе.

— О, нѣтъ! ревновать ты не можешь: я люблю тебя во всемъ, и все люблю въ тебѣ.

Наша поэтическая чета, прiѣхавъ въ Фонтенблô, не хотѣла продолжать своего пути, не осмотрѣвъ этихъ мѣстъ, столько богатыхъ произведенiями искусствъ и роскошью природы,—мѣсть, гдѣ такъ много воспомнанiй для ума, величественныхъ зрѣлищъ для воображенiя. Они углубляясь подъ непроницаемые своды

лѣса, и Альфонсъ воскликнулъ: какова должна быть сила, создавшая столько чудесъ, и сверхъ того молодость, умъ, любовь, восторгъ!

Альфонсъ и Валерія пріѣхали въ Женеву въ одинъ превосходный июньскій вечеръ. Садясь за столъ въ гостиницѣ, гдѣ остановились, они пашли нѣсколькихъ лицъ, съ которыми были знакомы въ Парижѣ, и на другой день было рѣшено отправиться на Монбланъ.

Я не знаю ничего печальнѣе долины Шамуни. Это — тюрьма съ огромными ледяными зубцами. Передъ вами нѣтъ горизонта: онъ на нѣсколько тысячъ футовъ надъ вами и отмѣриваетъ вамъ крохотную частичку неба. Единственное развлеченіе — какой то безпокойный ропотъ небольшой рѣки, которую повидимому сильно гонять напоръ огромнаго водянаго бассейна, скрытаго въ нѣдрахъ этихъ горъ и готоваго обрушиться на васъ. Не меланхолію, не грусть наводитъ это, а скорѣе страхъ. Но все-таки можно путешествовать весело: надо только быть парижаниномъ. Нашъ караванъ принесъ съ собою удовольствія остроумной бесѣды, вспоминая, собственныя имена, тысячу разказовъ о приключеніяхъ или наслажденіяхъ, оживляющихъ и напоминающихъ вечера у каміа, при свѣтѣ свѣчей. Дошли до того, что начали сравнивать шумъ Ара съ шумомъ столько-же однообразнымъ, непрерывнымъ, и въ самомъ дѣлѣ похожимъ, улицы—Риволи. Цивилизація не имѣетъ адептовъ болѣе хладнокровныхъ нежели парижанъ: они никогда не уступаютъ ни на волосъ природѣ, какъ бы ни грандіозна была она, и величіе царицы горъ не поражаело ихъ удивленіемъ, не заставляло ихъ молчать.

Общество все поднималось. Послѣдніе слѣды растительности, потомъ и самая почва, пѣезли подъ первыми снѣгами; подходили уже къ ледяному морю. Альфонсъ отъ времени до времени уходилъ съ проводникомъ впередъ, чтобы удостовѣриться въ надежности грунта, по которому еще нужно было проходить, и возвращался къ Валеріи, какъ вдругъ, въ ея глазахъ, и онъ и проводникъ зашатался, ухватились другъ за друга, какъ бы прося взаимно помощи, и такъ быстро пѣезли, что не успѣли ни вскрикнуть, ни взглянуть, ни проститься. Наступило мгновеніе нѣмаго ужаса. Наконецъ одинъ молодой человѣкъ вышелъ впередъ, взглянулъ и объявилъ: «Тутъ трещина.» Онъ сталъ звать: ни кто не отвѣчалъ. Валерія, сначала неподвижная и не вѣря себѣ, потомъ бросилась къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ молодой человѣкъ, но онъ ее сильно оттолкнулъ назадъ, и она упала въ обморокъ.

Всѣ занялись одной ею. Мужчины ее подняли, взяли на плечи какъ гробъ, и ее можно бы было почестъ мертвою, еслибъ нервическія судороги не показывали, что подъ летаргіею скрываются жизнь и страданія.

Съ большими затрудненіями путешественники наши спустились съ горы. Грустные пришли они въ гостинницу, лежащую въ долинѣ и принялись хлопотать около Валеріи: труды ихъ долго были тщетны. Все общество, поутру еще такое веселое, провело ночь надъ нею въ какомъ-то почтительномъ безмолвіи. Сидѣли всѣ вокругъ каминна, въ которомъ трещали сосновыя вѣтки; отъ времени до времени кто нибудь подходилъ къ постели, на которой лежала Валерія, и прислушивался къ ея дыханію. Ни малѣйшее движеніе еще не подавало надежды на возвращеніе жизни и покой ея былъ похожъ на смерть. Но когда день засіялъ всѣмъ своимъ блескомъ, глаза ея открылись: подошли къ ней; взглядъ ея блуждалъ съ выраженіемъ удивленія, искалъ чего-то и въ заключеніе сдѣлался какъ-то неясно-печаленъ. Она нехотя встала съ постели, ступила нѣсколько шаговъ; ее сѣли поддержать, поставили кресло къ окну; она сѣла и увидѣла солнце. Казалось, она привѣтствовала его какъ друга, и глаза ея не открывались отъ него. Воспользовавшись ея спокойствіемъ, нѣмымъ повиновеніемъ, ее усадили въ коляску и повезли въ Женеву. Дорогой она не сводила глазъ съ солнца, и въ ту минуту, когда оно стало прятаться за горизонтъ, она сказала:

— Боже мой! Опять утонетъ въ этихъ ужасныхъ горахъ!

Солнце сѣло; она упала въ совершенное оцѣпенѣніе; жизнь какъ будто опять остановилась въ ней.

Въ Женеву пріѣхали ночью. Приглашенные врачи остались наблюдать впечатлѣніе, какое произведетъ на нее возвращеніе дневнаго свѣта. Съ первыми лучами зари, они вывели ее на одну изъ набережныхъ озера; небо было безоблачно, горизонтъ не закрытъ испареніями; солнце поднялось точно изъ нѣдровъ самаго Монблана.

— Вотъ! вотъ! — вскрикнула она съ восторгомъ, и протянула руки, потомъ прижала ихъ къ груди, и лицо ея приняло выраженіе счастливаго созерцанія. — Это мой мужъ, — сказала она съ кроткой улыбкой, и, такъ какъ миражъ волнъ по временамъ показывалъ ей его отраженіе, прибавила опять съ улыбкой: — Ахъ! это зеркало.

— Безумна и спокойна! — печально заключили врачи, обращаясь къ спутникамъ Валеріи. — Надежды мало. Все-таки не теряйте

времени, не оставляйте ея здѣсь, гдѣ все ей чужое, возвратите ея въ семейство, въ среду воспоминаній ея юности и дѣтства. Только такія впечатлѣнія могутъ подѣйствовать на нее.

Что за возвращеніе! Что за грустное путешествіе! Валерія приказала раскрыть коляску и пока былъ день, и солнце ярко свѣтило, съ лица ея не сходило выраженіе любви и счастья: она какъ будто бесѣдовала съ нимъ, иногда обращаясь къ нему самыми странными словами; когда же оно начинало меркнуть или исчезать вовсе, снова наступали сожалѣнія, страстные упреки; небо становилось темнѣе—и она переходила понемногу къ оцѣпенѣнію, которое можно было бы почесть за идиотизмъ, еслибы правильность и выразительность ея прекраснаго лица, даже при отсутствіи мысли, не оставили ей печати какой-то сознательности.

Въ этотъ годъ іюль былъ мраченъ и дождливъ въ Парижѣ. Уже прошло три недѣли, какъ вернулась Валерія и солнце не показалось ни разу хоть бы на одно мгновеніе. Быть можетъ, еслибъ его лучи проглянули на челѣ ея отца и матери, еслибъ отраженіемъ своимъ они позолотили мѣста, бывшія свидѣтелями ея первыхъ радостей, она нашла бы воспоминанія, почувствовала бы какую нибудь привязанность, можетъ быть узнала бы она самое себя съ своимъ несчастіемъ! Но истина осталась для нея закрытою такъ же какъ небо: она умерла безъ страданій.

Ея свезли въ ту же церковь, гдѣ вѣнчали. И опять случились въ то же время и крестины и свадьба, свадьба передъ алтаремъ Богоматери—но ея мѣсто на этотъ разъ было межъ четырьмя свѣчами, подъ чернымъ балдахномъ, — и душа Валеріи отлетѣла къ душѣ Альфонса и ангеламъ Мильтона.

На другой день солнце засіяло всеѣмъ своимъ блескомъ, и его первые лучи освѣтили могилу.

ЛОНДОНСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

(Статья, написанная очевидцемъ—наблюдателемъ.)

Въ лѣтописяхъ міра промышленность есть фактъ, совершенно и овый. Древніе ее вовсе не знали и не имѣли даже для нея на-

званія ; они владѣли искусствомъ, которое, какъ поэзія, есть даръ одного лица (индивидуальный). Съ развитіемъ промышленности, все то, что прежде было удѣломъ немногихъ исключительныхъ лицъ, сдѣлалось достояніемъ общимъ. Тоже самое противурѣчіе, которое представляется намъ между древностію и новыми временами — является между цивилизаціями Востока и Запада. Уже въ прежнихъ письмахъ моихъ я показалъ, что главный характеръ восточной выставки есть чрезмѣрная роскошь и богатство, не имѣющія постепенности и представляющія съ другой стороны совершенное убожество и недостатокъ въ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей. Западная выставка представляетъ характеръ совершенно отличительный отъ восточной : здѣсь очевидна равность приобрѣтеній въ удовлетвореніи потребностей людскихъ во всѣхъ классахъ народа, здѣсь напримѣръ, домашняя утварь, разныя орудія, одежда и прочее имѣютъ почти одинаковую форму, представляютъ тѣ-же качества удобства, и только на этой общей основѣ искусство производить украшенія. Это особенно поразительно на выставкѣ самой промышленной націи, то есть Англіи и первородной дщери ея Сѣверной Америки.

Теперь кажется излишне было-бы доказывать силу и дѣйствіе механики. Что стало-бы съ Европой, если-бы ее лишить нѣсколькихъ механиковъ, химиковъ, инженеровъ, изобрѣтателей? — Въ ней водворилась-бы мертвая тишина Востока, прекратилось бы дѣйствіе фабрикъ, остановилось-бы движеніе на желѣзныхъ дорогахъ и Европа быстро сравнилась-бы съ Азією и Африкою. Едва полтора столѣтія прошло отъ введенія машинъ, а сколькоими улучшеніями въ бытѣ народномъ обязаны мы этимъ гениальнымъ произведеніямъ ума человѣческаго ! Извѣстно, что знаменитый механикъ *Вокансонъ* первый возымѣлъ мысль собрать въ одномъ мѣстѣ существовавшія въ его время машины, инструменты и прочее и что, по назначенію Кольбера, открыта была въ залахъ стараго аббатства св. Мартина существующая донынѣ *Консерваторія искусствъ и ремеслъ* (*Conservatoire des arts et métiers*). Таково было начало новой эпохи промышленности и такова первая выставка машинъ. Мы начали вторую половину этой эпохи и хотя видимъ изумительные успѣхи, сдѣланные механикою въ наше время, но хорошо чувствуемъ, что еще не пришелъ конецъ изобрѣтеній и открытій и что мы, такъ сказать, знаемъ только одну азбуку будущаго состоянія искусства и познаній человѣческихъ. Доселѣ искусство состоитъ въ большомъ сплетеніи и многосложности : что именно доказываетъ наше дѣтство. Уже

на Выставкѣ замѣтно много попытокъ стряхнуть съ себя это дѣтство, много стремленій къ достиженію совершеннolбтія, которое въ механикѣ означается упрощеніемъ состава и непрерывностью дѣйствій, посредствомъ вращательнаго движенія. Механики понимаютъ это инстинктивно, ибо все усилія свои устремляютъ къ тому, чтобы довести свои машины до цилиндрическаго движенія и освободить ихъ отъ прерывистаго движенія.

Это общее направленіе механики замѣчено директоромъ промышленнаго музея въ Брюсселѣ *Жобаромъ*, который, изучивъ во всехъ подробностяхъ на Выставкѣ отдѣленіе англійскихъ машинъ, рѣшилъ въ выдавнвой здѣсь на двяхъ брошюркѣ, что промышленность до тѣхъ поръ не достигнетъ совершенства, пока не будетъ черпать вдохновенія въ небесной механикѣ, то есть пока не будетъ основана на вращательномъ движеніи, *rotation*, и что самыя паровыя машины должны измѣниться и сдѣлаться *вращательными*; эта мысль впрочемъ не нова; со временъ *Ватта* уже дѣлали для этого немало попытокъ, и на самой Выставкѣ находится много моделей машинъ, дѣйствующихъ болѣе или менѣе въ новомъ духѣ, хотя можно считать болѣе трехъ сотъ неудачныхъ попытокъ. Впрочемъ, въ последнее время, проблема эта начала, кажется, проясняться, разрѣшеніе ея, кажется, уже не далеко; но до сихъ поръ столько было неудачъ, что фабриканты не скоро излечатся отъ предубѣжденій. Господинъ *Жобаръ* приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія печатный станокъ, который нынѣ уже основанъ на цилиндрическомъ движеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что Всемирная Выставка, составлявшая какъ-бы сокровищницу, въ которой собраны были все вымыслы людскіе, — послужитъ сильнымъ побужденіемъ для новыхъ открытій и изобрѣтеній. Англичане, безъ всякой зависти, открыли богатства своей механики, объяснили все ея тайны. Люди, которые почитались на твердой землѣ учителями механики, пріѣхали въ Англию, какъ ученики; здѣсь открылось для нихъ новое поле для наблюденій и представилась новые источники для соображеній. Ничего не было утѣшительнѣе, какъ видѣ людей спеціальныхъ, механиковъ, фабрикантовъ, разсматривавшихъ все предметы, во множествѣ нагроможденные на Выставкѣ. Видя, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ они слѣдятъ за каждымъ движеніемъ машинъ, отгадываютъ все трудности, которыя долженъ былъ поборотъ изобрѣтатель, сравниваютъ собственныя силы съ результатами, которые находятся предъ ихъ глазами; видя, съ какимъ любопытствомъ присматривается фабрикантъ къ издѣліямъ дру-

гихъ государствъ; какъ онъ образовываетъ свой вкусъ видоми артистическихъ формъ, какъ въ головѣ своей переходитъ весь процессъ фабрикаціи; какъ онъ вывѣдываетъ, сравниваетъ, учится; видя, наконецъ, эти огромныя массы людей, которыхъ привлекаютъ нынѣ на Выставку не простое любопытство, не одно желаніе развитія, — но истинный интересъ, и полагая, что каждый изъ этихъ посѣтителей воспользуется хотя частичкою богатыхъ мыслей и открытій, видѣнныхъ имъ на Выставкѣ, — мы можемъ смѣло заключить, хотя еще и не въ состояніи достойно оцѣнить, какія богатые послѣдствія для промышленности каждаго народа и цѣлаго свѣта произойдутъ отъ этого совокупленія въ одномъ мѣстѣ всѣхъ результатовъ человѣческаго разума. Эти мысли невольно рождаются въ головѣ всякій разъ, когда мы систематически разсматриваемъ Выставку. Всѣ роды промышленности, представляющіеся намъ въ обнаженномъ, такъ сказать, видѣ, — открываютъ новыя выгоды и недостатки; явный недостатокъ въ одномъ родѣ бросается въ глаза при результатахъ, коихъ можно достигнуть въ другомъ; естественныя науки, ботаническая и зоологическая географія, взятыя подъ строгій разборъ, открываютъ намъ неисчислимыя богатства познаній и предлагаютъ ихъ къ услугамъ промышленности, а механика, раскрывая свое сокровище, указываетъ, какъ много отстали назадъ тѣ роды фабрикаціи, которые доселѣ мало пользовались ея дарамъ. Возьмемъ въ примѣръ *сахарное* производство. Можно почти съ увѣренностію сказать, что отнынѣ черезъ нѣсколько лѣтъ производство колоніальнаго сахара увеличится на нѣсколько процентовъ и значительно подешевѣетъ. При развивающейся нынѣ почти вездѣ свеклосахарной промышленности, я полагаю излишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности объ этомъ предметѣ.

Нынѣ колоніальнаго сахара (ибо я о немъ только намѣренъ здѣсь говорить) добывается ежегодно, среднимъ числомъ, до 20 милліоновъ центнеровъ, кромѣ того, который производятъ въ Китаѣ, Кохинхинѣ и на островахъ Малайскаго Архипелага, и количество котораго тоже можно считать до 20 милліоновъ ежегодно. Оцѣнивая сахаръ, развозимый на рынки цѣлаго свѣта по 15 ф. за бочку (4 р. 50 к. с. за центнеръ), — общая цѣнность всего развозимаго сахара составитъ огромную сумму 90 мил. р. с. — Но, какъ извѣстно, при дурномъ его производствѣ теряется въ трое болѣе, нежели сколько продается, а потому при лучшей методѣ фабрикаціи, вмѣсто 20, можно было-бы производить 80 мил. центнеровъ. Я здѣсь вовсе не говорю о разведеніи сахарнаго

тростника, а единственно о выдѣлкѣ сахара, то есть о добываніи сока изъ тростника и о дурномъ качествѣ снарядовъ, находящихся нынѣ въ употребленіи. Для выдѣлки сахара въ разныхъ частяхъ свѣта употребляютъ по-крайней-мѣрѣ четыре различные рода снарядовъ. Первый и самый простой есть мельница, состоящая изъ жернова, обращающагося въ соответственномъ деревянномъ срубѣ. Снарядъ этотъ былъ прежде въ общемъ употребленіи и нынѣ почти исключительно употребляется въ Китаѣ и Сіамѣ. Въ Азіи въ большомъ употребленіи машина, имѣющая видъ большой ступки, въ которой толстый срубъ, соединенный съ рычагомъ, обращается волами. Такого рода мельницы въ употребленіи въ Индіи. Но оба эти рода мельницъ слишкомъ несовершенны и ни мало не соответствуютъ большимъ производителямъ, хотя и достаточны для мелкихъ, которые разводятъ плантаціи тростника при своихъ домахъ, для собственной потребности. Содержатели значительныхъ плантацій имѣютъ мельницы, составленныя по-крайней-мѣрѣ изъ двухъ цилиндровъ (часто и болѣе), установленныхъ горизонтально или вертикально и въ большемъ или меньшемъ между собою разстояніи и приводимыхъ въ движеніе силою вѣтра, паровъ или животныхъ. Судя потому, что волокна сахарнаго тростника очень нѣжны и поздраваты, и что они содержатъ въ себѣ соку по-крайней-мѣрѣ 90 частей на 100, и принимая въ соображеніе большую силу желѣзныхъ цилиндровъ въ мельницахъ, можно бы думать, что въ тростникѣ не можетъ оставаться вовсе сока: между тѣмъ, по увѣренію знатоковъ, изъ 100 частей тростника получается на западныхъ Индѣйскихъ Островахъ и въ Демарарѣ не 90, а едва 50 частей сока и, слѣдовательно, при самомъ выжиманіи сока, теряется 40%. Это происходитъ не столько отъ дурнаго устройства сахарныхъ мельницъ, сколько отъ удивительной небрежности плантаторовъ Западной Индіи; они употребляютъ выжатый тростникъ въ топливо, которое не тотчасъ загарается, если тростникъ совершенно выжатъ. Нѣтъ надобности говорить, что сахарный тростникъ слишкомъ дорогой матеріалъ, чтобы экономически могъ служить топливомъ, и хотя это очень хорошо понимаютъ хозяева плантацій, но продолжаютъ истреблять это полезное растеніе. О находящихся на Выставкѣ моделяхъ сахарныхъ мельницъ нечего много говорить: онѣ очень красивы и совершенно соответствуютъ своему назначенію. Что же касается до машины, то видя, что хотя сила двухъ цилиндровъ и довольно велика, но они должны слабо дѣйствовать на тѣло мяг-

кое, и что тростникъ, какъ растеніе поздраватое, прежде нежели выходить изъ цилиндровъ, втягиваетъ въ себя обратно часть сока: я сомнѣваюсь, чтобы самая лучшая мельница вмѣсто 90%, дала болѣе 75 или 78% сока; а потому я убѣжденъ въ томъ, что предусмотрительный фабрикантъ долженъ изыскать иную механическую помощь для полученія всего сока. Кажется, ни что не можетъ быть лучше гидравлическаго пресса, который дѣйствуетъ съ такою огромною силою. Люди свѣдующіе увѣряютъ, что посредствомъ пресса можно изъ выжатого уже тростника получить оставшіяся въ немъ сокъ, такъ, что дѣйствуя прессомъ, можно дѣйствительно добыть цѣлые 90%. Въ странахъ занимающихся сахарнымъ производствомъ, представляются большія трудности въ заведеніи машинъ, во-первыхъ потому, что въ случаѣ разстройства машины, часто не кому ее исправить, а во-вторыхъ, — по причинѣ дороговизны машинъ. Но все это не можетъ относиться къ гидравлическимъ прессамъ, которые стоятъ не дорого, не много занимаютъ мѣста и по способу употребленія своего такъ просты, что даже дитя можетъ управлять ими. Но они, впрочемъ, не совершенно могутъ замѣнять паровыя мельницы, какъ въ томъ убѣдились многіе фабриканты; хотя они дѣйствуютъ удачно, но слишкомъ медленно: и потому могли бы съ пользою быть употребляемы только въ дополненіе дѣйствій мельницъ.

Въ гидравлическихъ прессахъ сила давленія бываетъ обыкновенно сверху внизъ, что еще увеличиваетъ ее, но въ сахарномъ прессѣ противоположное направленіе силы, то есть снизу на верхъ. Недавно изобрѣтенный г. *Бессеньеромъ* снарядъ для производства сахара можетъ заступитъ мѣсто мельницъ и гидравлическаго пресса; всѣ, которые писали объ этомъ снарядѣ, отдають ему полную похвалу.

По выдавленіи сока слѣдуетъ другое дѣйствіе, то есть очищеніе его, которое необходимо, потому что выжатый сокъ содержитъ въ себѣ обыкновенно множество растительныхъ частицъ, затрудняющихъ кристаллизацию сахара, а иногда и вовсе ее останавливающихъ. Для очищенія употребляютъ обыкновенно известь, но всѣ соглашаются, что свинцовая окись для этого гораздо дѣйствительнѣе. Недавно кто-то предлагалъ употреблять для очищенія сахара рѣчной песокъ. По очищеніи слѣдуетъ сгущеніе сахарной массы, то есть выпариваніе водяныхъ частицъ сока: это производятъ обыкновенно посредствомъ жара. — Въ числѣ снарядовъ для сгущенія сахарнаго сока, за-

мѣчательнѣе на выставкѣ котелъ (Pflanz) гг. *Грема, Уэста и Ко.* (Graham, West et Co.) О снарядахъ, которые могли бы быть съ пользою употреблены въ Европѣ на сахарныхъ заводахъ и рафинеріяхъ, и именно о машинѣ *Манлоу Алькота* (Manlowe Alcot) я уже упоминалъ въ прежнихъ моихъ письмахъ, — его можно смѣло рекомендовать всѣмъ сахарнымъ заводчикамъ. Замѣчательнѣе также, находящійся въ русскомъ отдѣленіи Выставки, большой снарядъ для варки сахара въ пустомъ пространствѣ, варшавскаго котельнаго фабриканта *Гекке*.

Приступлю къ дальнѣйшему описанію Выставки, и начну съ *мебели*.

Между всѣми предметами, находящимися на Выставкѣ, мебель наиболѣе сохраняетъ въ себѣ характеръ народный. Кажется, если бы выбрать изъ Кристальнаго Дворца лучшія произведенія мебельщиковъ (а ихъ очень много) — наблюдательный зритель былъ-бы въ состояніи отличить фабриканта каждой націи: одна мебель прельщаетъ взоры своимъ вкусомъ и изяществомъ, — другая, хотя и оригинальна, поражаетъ чрезмѣрностью украшеній; она слишкомъ громоздка и тяжела — это обнаруживаетъ болѣе терпѣливости и трудолюбія, нежели искусства и изобрѣтательности. Сравнимъ ихъ поочередно и начнемъ съ Франціи, потому что она издавна сльветъ отечествомъ щегольской и удобной мебели. Здѣсь находится мебель въ стилѣ *классическомъ*, мебель *готическая* временъ *Елисаветы*, мебель *à la renaissance*, временъ *Людвиковъ XIV* и *XV*, и *Имперіи*.

Болѣе всего находится на Выставкѣ буфетовъ и это весьма естественно въ Англии, ибо здѣсь нѣтъ дома, гдѣ бы не было буфета. На твердой землѣ мебель эта не въ столь большомъ употребленіи; въ Англии же буфетъ вещь необходимая въ домашнемъ хозяйствѣ: а потому здѣшніе мебельщики преимущественно занимались приготовленіемъ и украшеніемъ буфетовъ. Не смотря на это, сами англичане отдавали преимущество буфету *Фурдинуа*. Онъ сдѣланъ изъ орѣховаго дерева и его рисунокъ и простота въ отдѣлкѣ превосходны. Украшенія въ немъ, чисто *renaissance*, обращаютъ на себя общее вниманіе; вмѣсто каріатидъ, большія собаки поддерживаютъ столъ буфета, разныя звѣри, множество цвѣтовъ, человѣческія фигуры, полныя жизни и правды, даже эта рыба, которая, кажется, ожидаетъ только воды, — всѣ эти предметы, въ глазахъ знатока, кажутся не мертвымъ произведеніемъ художника, а живыми существами. Послѣ *Фурдинуа*, первое мѣсто во Франціи можетъ быть признано за *Тааномъ* (Taan): сколько вкуса видно въ его судучкѣ, съ превосходною живопи-

сью на фарфорѣ, въ его шкафѣ для книгъ, украшенномъ мѣдью, раковинами и позолоченою бронзою, — въ его готическомъ дубовомъ наловѣ, съ отличною рѣзною работою и во множествѣ его туалетовъ, ящичковъ, столиковъ и тому подобномъ. Къ этому-же разряду принадлежатъ горка изъ палисандроваго дерева *Леклера*, шкафъ для книгъ во вкусѣ *renaissance* съ малахитовыми украшениями *Аксельма*, разная мебель изъ палисандроваго дерева *Людовика Граде*, живопись новаго рода на фарфорѣ *Ривара* и *Андріе*. Всѣ эти предметы имѣютъ одинъ характеръ, то есть какую-то неизъяснимую прелесть, чистоту и окончательность отдѣлки и неподражаемый вкусъ. Въ этомъ же отдѣленіи поражаютъ взоры зрителя мозаическія работы *Марселина*. Его мозаика основана на математическомъ вычисленіи: работа оконченная сегодня, можетъ быть завтра передѣлана, а на другой день опять можно ее стѣснить или расширить. Г. Марселинъ съ одинаковымъ искусствомъ выдѣлываетъ, какъ самую мелкую мозаику, составленную изъ шести тысячъ пяти сотъ камушковъ на шести-дюймовой поверхности, такъ и полы обширныхъ залъ; его мозаичный паркетъ заслуживаетъ особенное вниманіе.

Не знаю къ какому мѣсту, относительно мебели, я долженъ отнести *Австрію*, — но то извѣстно, что ея залы постоянно наполнены зрителями. Австрія разставила свою мебель въ вѣсколькихъ залахъ, и такимъ образомъ весьма искусно отняла отъ Выставки видъ базара. Эта счастливая мысль, вѣроятно, не мало послужила къ придачѣ того эффекта, какой имѣютъ мебели *Лейстлера* и *Грегера*. Я уже описывалъ вамъ великолѣпное *ложе* перваго (купленное маркизомъ Вестминстеромъ, вмѣстѣ съ другими мебельями *Лейстлера*, за четырнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ); оно сдѣлано изъ бразильскаго дерева; обѣ стѣны этого ложа украшены фигурами ангеловъ, охраняющихъ сонъ челоуѣка. Покровъ надъ нимъ сдѣланъ изъ бархата, шелка и золота. Но годится-ли это ложе къ употребленію, можетъ-ли кто рѣшиться спать въ этомъ громоздкомъ зданіи и потому соответствуетъ-ли оно первому условію каждой мебели, то есть цѣли своей — я не берусь рѣшить. Другія издѣлія *Лейстлера*: какъ-то наловъ, ночной столикъ и прочее показываютъ гораздо болѣе вкуса. Изъ двухъ шкафовъ для книгъ, поставленныхъ въ боковой залѣ, я предпочитаю сдѣланный во вкусѣ *renaissance*, хотя готическій шкафъ стоить гораздо болѣе труда и искусства. Но какъ-бы то ни было, издѣлія *Лейстлера* заслуживаютъ большую похвалу и доказали, что Австрія,

въ отношеніи своей промышленности, стоитъ гораздо выше, нежели какъ до-сихъ-поръ полагали.

Изъ мебели, находящейся въ англійскомъ отдѣленіи, заслуживаютъ примѣчанія: буфетъ гг. *Кукса* (Cookes), хотя онъ и не можетъ стать на ряду съ буфетомъ *Фурдинуа*, но отличается оригинальностью мысли и искусной отдѣлкой. Изображенные на немъ предметы взяты изъ извѣстнаго романа *Вальтеръ-Скота: Кенильвортскій замокъ*. Но художникъ вдался въ слишкомъ большія подробности. Буфетъ гг. *Джаксона* и *Грема*, изъ дубоваго дерева, сдѣланъ во вкусѣ *renaissance*. Онъ, по своимъ размѣрамъ, можетъ быть поставленъ въ любомъ замкѣ, всѣ фигуры на немъ выдѣланы отлично въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Группы представляютъ символическое изображеніе охоты, рыболовства, земледѣлія, сборъ винограда и пр.; все это отдѣлано съ величайшею тщательностью. Онъ можетъ служить каждому артисту, какъ произведеніе образцовое. Не столь удачны издѣлія во вкусѣ *классическомъ*, надъ которыми находится надпись: *Шеффилдская рисовальная школа*. Хотя отдѣлка мебели отличная, но странно видѣть буфетъ, представляющій некрасивый фасадъ какого-то дворца, или почной столѣтъ, имѣющій форму гробницы. Впрочемъ вообще классическій вкусъ нейдетъ къ мебелиамъ и фабриканты избѣгаютъ его, зная, какъ трудно согласить классическія формы мебели съ повѣйшею архитектурою. Нѣкоторые однако англійскіе мебельные фабриканты и особенно гг. *Пуль* и *К^о* (Poole) побороли эти трудности въ выставленномъ ими буфетѣ. Въ ихъ мебели, чистаго италіанскаго стиля, нѣтъ ни одной линіи, ни одной формы, которыя-бы не удовлетворяли вполне самому изысканному вкусу. Бронзовыя украшенія представляютъ *Филемона* и *Бавкиду*, а на одной стѣнѣ изображенъ *Судъ Мидаса*; — украшенія эти такъ хороши, что могутъ соперничествовать съ издѣліями первыхъ французскихъ бронзовщиковъ.

Разматривая мебель другихъ народовъ, трудно не остановиться на бельгійской, особенно-же на приславной изъ *Антверпена*, откуда отличные мебельные фабриканты: *Юдо*, *Рубе*, *Кюфсъ* и *Родтъ* представили превосходныя издѣлія, хотя они въ нихъ и не избѣгнули изысканности въ украшеніяхъ. Заслуживаетъ вниманія нѣкоторая италіанская мебель. *Тоскана* прислала превосходный *консоль* съ зеркаломъ; — мебель изъ *Піемонта* отличается также необыкновенною легкостью: нѣкоторые столы съ мозаикою очень хороши. Въ рускомъ отдѣленіи обращаютъ на себя общее вниманіе: шкафъ *Гамбса*, отличающійся изяществомъ живописи на фар-

форъ и богатствомъ бронзовыхъ украшеній; также небольшой рабочей столикъ *Шефельда*, который тотчасъ, по открытіи Выставки, нашель покупщика. Въ этомъ же отдѣленіи находятся превосходные паркеты изъ разнаго дерева *Мюллера*, которые, при своемъ изяществѣ, удивляютъ всѣхъ необыкновенною дешевизною.

Послѣ мебели я перейду къ фортепіанамъ, этой благороднѣйшей и, такъ сказать, живой и гармонической мебели. И здѣсь я долженъ начать съ Франціи: вообще выдѣлка музыкальныхъ инструментовъ составляетъ во Франціи важную отрасль промышленности. Промышленность эта преимущественно процвѣтаетъ въ Парижѣ, Лакутюрь въ Нормандіи, Мирекуръ въ Лотарингіи, въ Лионѣ и въ Марселѣ. Въ Мирекурѣ выдѣлываютъ болѣе струнные инструменты, въ Лакутюрь—духовные, въ Марсели фортепіано, а Парижъ составляетъ средоточіе всѣхъ родовъ инструментовъ. Весьма трудно опредѣлить статистически важность этой промышленности; изъ отчета присяжныхъ судей о Выставкѣ 1849 года, видно, что общая стоимость приланныхъ тогда на Выставку 85 ю экспонентами инструментовъ, превышала 8 миліоновъ франковъ. Что касается до внѣшней торговли, то въ привозѣ вовсе нѣтъ музыкальныхъ инструментовъ, а вывозъ ихъ весьма значителенъ. Въ десятилѣтнемъ періодѣ, то есть отъ 1826 по 1837 годъ, ежегодный вывозъ простирался до 670,000 франковъ, съ 1837 по 1846 годъ вывозъ возросъ до 1,277,000 франковъ, а въ 1849 году уменьшился на 902,586 франковъ. Здѣсь разумѣются все вообще музыкальные инструменты. До 1776 года, то-есть до времени, когда поселился въ Парижѣ *Эраръ*, Франція выписывала фортепіано изъ Англіи и Германіи;—съ этого времени она начала снабжать другія государства своими фортепіанами. Кроиъ извѣстнаго всѣмъ Эрара, прославились въ Парижѣ слѣдующіе фабриканты фортепіанъ: *Пане*, *Шлейель*, *Петцольдъ*, *Роллеръ*, *Бланшетъ*, *Герцъ*, *Боасселотъ* и нѣкоторые другіе. Фортепіано Эрара, какъ своимъ внутреннимъ достоинствомъ, такъ и отдѣлкою, занимаютъ первое мѣсто. Число такъ называемыхъ кабинетныхъ фортепіанъ весьма значительно и доказываетъ, что длинная форма все болѣе и болѣе теряетъ своихъ почитателей: многіе этимъ недовольны, но мнѣ кажется, что это измѣненіе формы показываетъ успѣхи вѣка. Преимущество кабинетныхъ фортепіанъ замѣтно на выставкахъ всѣхъ народовъ: въ Англіи, Бельгіи, Россіи, Германіи; во Франціи, которая первая распространила эту форму—множество кабинетныхъ фортепіанъ. Въ Англіи не прекратилась еще война

между продолговатыми фортепіанами *Бродвуда* (Broadwood), который все еще главный англійскій фортепіанный фабрикантъ, и превосходными кабинетными фортепіанами *Роллера* и *Бланшета* сына. Австрійскія фортепіана отличаются только своею дешевизною.

Одно изъ украшеній Кристалльнаго Дворца составляютъ ковры. Они развѣшены надъ галереями и по стѣнамъ, чрезвычайно разнообразяютъ Выставку и живостью цвѣтовъ гармонируютъ съ бьющими фонтанами и зеленью величественныхъ деревьевъ. Можно сказать, что Выставка завалена коврами, что каждое государство хотѣло показать, какъ далеко оно успѣло въ этой промышленности. А вѣдь еще не такъ давно то время, когда, даже въ Англии, гдѣ нынѣ коверъ есть вещь необходимая, привозимые по дорогой цѣнѣ ковры персидскіе и турецкіе считались предметомъ роскоши, дозволеннымъ однимъ только богатымъ людямъ. Хотя Персія и доселѣ снабжаетъ еще Европу своими богатыми коврами, — но съ нѣкотораго времени Франція раздѣляетъ съ ней эту привилегію. Персидскіе и турецкіе ковры прельщаютъ глазъ своими фантастическими рисунками, къ нимъ можно бы присоединить тунисскіе и пидѣйскіе, но въ выдѣлкѣ ихъ не видно ни какихъ успѣховъ, — чѣмъ они были за сто лѣтъ предъ симъ, тѣмъ остаются и доселѣ; между тѣмъ, издѣлія европейскія доказываютъ необыкновенные успѣхи, предвѣщающіе, что вскорѣ Сѣверъ будетъ снабжать Востокъ и Югъ своими коврами. Особенно замѣчательны быстрые въ этой фабрикаціи успѣхи въ Англии, которая вскорѣ, кажется, уничтожитъ въ этомъ дѣлѣ Францію. Выдѣлываемые въ Англии ковры имѣютъ множество различныхъ названій, но они почти всѣ одинаково дѣлаются. Такъ называемые *обивные* ковры (по-англійскій *Tapestries*), ковры изъ *Акеминстера*, изъ *Турне*, *Вилтонъ*, сохранили прежнія свои названія, хотя способъ ихъ выдѣлки совершенно одинаковъ съ другими. Всѣ такъ называемые *бархатные* ковры, въ Англии называются *Саксонскими* или *Velvet-Pille*. Излишне было бы говорить, что Северская зала представляетъ самые великолѣпнѣйшіе образцы ковровъ. Здѣсь находятся богатые гобелены и ковры *Бове* (*Beauvais*). Между ними поражаютъ взоры ковры, изображающіе: а) видъ *Истребленія мамелюковъ*, снятый съ картины *Верне* (оцѣненъ въ 80,000 франковъ), б) *дворца въ Сен-Клу* и *Замка въ Но*, съ картинъ *Кудера* и *Алукаса*; в) *Спасителя во гробѣ* и нѣсколько отличныхъ ковровъ *Бове*. Есть также нѣсколько ковровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: *Aubusson*, выдѣланныхъ на фабрикѣ г. *Салландруза*, первого

французскаго комиссара на Всемирной Выставкѣ. Имя его пользуется всеобщей извѣстностью, — но изготовленный имъ для выставки коверъ не очень удаченъ: на немъ представлены въ серединѣ королевскіе гербы, а по бокамъ символическія изображенія Европы, Азии, Африки и Америки, потомъ поэзія, скульптура, музыка, живопись и такъ далѣе. Торговля и промышленность находится возлѣ гербовъ; на боковыхъ поляхъ: астрономія, химія, архитектура и земледѣліе. Сверхъ того вышиты имена и знаки главнѣйшихъ промышленныхъ мѣстъ Великобританіи и Франціи. Коверъ этотъ долженъ былъ составлять одинъ изъ главнѣйшихъ украшеній Выставки, но не поправился публикѣ, а ловкіе рецензенты объясняютъ, что онъ былъ дѣланъ въ отсутствіи Саландруза, который давно уже находится въ Лондонѣ. Онъ также много теряетъ отъ того, что виситъ противъ превосходныхъ гобеленовъ. Между французскими фабрикантами заслуживаютъ быть упомянуты: Bequillard, Roussel, Choceuel, Flaissier. Бельгійскіе ковры изъ Турве, поддержали свою прежнюю славу: австрійскіе, въ отношеніи рисунка, довольно хороши, но отдѣлкою не могутъ сравниться съ бельгійскими.

Я упомянулъ уже выше о Севрской залѣ — она содержитъ въ себѣ собраніе превосходнаго французскаго фарфора, изъ котораго выдѣлана столовая и чайная посуда, статуи, вазы, столы и отличныя картины. Французы довели искусство живописи на фарфорѣ до совершенства и какъ образцовое произведеніе представлены портреты: королевы, писанный Дюкюрюмъ и принца Альберта — *Беранжетома*. Портреты эти въ натуральную величину и не имѣютъ себѣ подобнаго относительно живости колорита. Севрская фабрика (состоящая нынѣ подъ управленіемъ *Александра Броньяра* (Brogniart), извѣстнаго своимъ сочиненіемъ: *Histoire de l'art cégomique*, и имѣющаго помощниками вѣсколько отличныхъ химиковъ и между ними г. *Малагути*, отличается химическимъ составомъ употребляемой ею глины и превосходнымъ качествомъ матеріаловъ. Превосходство этой фабрики извѣстно и неоспоримо: а посему она, по справедливости, получила первую медаль.

Принять на себя описаніе фарфора, находящагося на Выставкѣ, значитъ написать полную исторію этого искусства, которое быстро подвигается впередъ, вмѣстѣ съ успѣхами цивилизаціи. Разсматривая эти издѣлія, можно хотя приблизительно видѣть степень нравственнаго образованія народовъ. Китай, напримѣръ, производитъ и нынѣ такой-же фарфоръ, какой онъ производилъ въ то время, когда въ Европѣ еще вовсе не знали его. Но фарфоръ

есть продуктъ чисто европейскій: онъ родился въ Европѣ, именно въ Саксоніи, благодаря аптекарю *Бетхеру*. Китайская фарфоровая выставка весьма поучительна: на ней представлены всѣ матеріалы, употребляемые въ огромной фабрикѣ Кіангъ-Титъ-Хина. Китайскій каолинъ ни чѣмъ не отличается отъ получаемого въ Корнуайльсѣ, о которомъ я говорилъ въ прошедшемъ письмѣ моемъ. Здѣсь-же находятся разные составы, политура и краски, употребляемые китайцами для украшенія фарфоровыхъ издѣлій. Далѣе установлены огромнаго размѣра вазы, разные поражающія своею оригинальностью и необыкновенною легкостью чайныя чашки и блюдечки изъ чернаго, прозрачнаго, фарфора. Изъ Японіи присланы богатые издѣлія изъ краснаго фарфора; съ острова Цейлона находятся незначительные образчики.

Въ русскомъ отдѣленіи Выставки обращаютъ вниманіе знатокъ — фарфоровыя вазы и столы, присланные Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ, а мастерская копія съ картины *Бергема*, на фарфоровомъ плато, отнесена къ числу лучшихъ художественныхъ произведеній.

Испанская глиняная посуда, для содержанія вина, показываетъ, какихъ огромныхъ размѣровъ могутъ быть глиняныя издѣлія. Если этакой кувшинъ перевернуть вверхъ дномъ, то онъ могъ бы служить жилищемъ человѣку. Германская выставка представляетъ всѣ роды глиняной посуды, начиная съ самой ординарной, до превосходныхъ фарфоровыхъ издѣлій. Прусскій фарфоръ не уступаетъ саксонскому. Мейсенская фабрика сохранила прежнюю славу свою; вѣнскій фарфоръ отличается прекрасною живописью. Заслуживаютъ замѣчанія издѣлія бельгійскія изъ Антверпена и Брюсселя; голландскій фарфоръ не такъ хорошъ. Изъ Даніи присланы фарфоровыя копіи съ художественныхъ произведеній Торвальдсена. Что касается Англій — то я, въ прошедшемъ письмѣ, описывалъ сырые продукты фарфороваго производства, выставленные компаніею *Austel*. Въ этомъ отдѣленіи находится множество копій съ произведеній Торвальдсена, Данекера, Челлени и другихъ. Фарфоровый сервизъ безъ глазури *Лилтона* обращаетъ общее вниманіе, но онъ не годится къ употребленію и можетъ служить только къ украшенію буфета. Живопись на фарфорѣ сдѣлана въ Англій большіе успѣхи, равно какъ и позолота.

Отъ фарфора, этого полустеклянаго тѣла, къ стеклу и хрустальному одинъ только шагъ. И можно-ли забыть о стеклѣ въ Кристальномъ Дворцѣ, гдѣ стеклянная крыша покрываетъ пространство 18 акровъ. То обстоятельство, что для постройки этого

неполинскаго зданія, доставилъ все нужное стекло одинъ только стеклянный заводъ братьевъ Чансъ (Chance) изъ Бирмингэма, который сверхъ того представилъ и другія свои издѣлія на Выставку — доказываетъ неслыханное богатство англійскихъ фабрикантовъ. Достаточно окинуть взоромъ огромное количество стекла, находящагося на Выставкѣ, чтобы убѣдиться, до чего можетъ дойти искусство человѣка въ обдѣлкѣ сырыхъ продуктовъ. Не много песку, даже нечистаго, смѣшаннаго съ щелочью, получаемую отъ пепла растеній, производятъ химическій составъ, удивляющій своею прозрачностью, физическимъ свойствомъ отраженія и преломленія лучей свѣта.— Не менѣе заслуживаетъ уваженія прочность стекла, не подвергающаяся вліянію времени. Нѣсколько вѣковъ могутъ пройти, не оставя на стеклѣ ни малѣйшаго слѣда разрушенія. Самые древнѣйшіе памятники стекла остались намъ отъ римлянъ; видно, что греки не упражнялись въ выдѣлкѣ стекла. Римскіе императоры ввели эту промышленность въ Италію. Въ британскомъ Музеумѣ находятся образцы римскаго стекла, извѣстные подъ названіемъ: *Poriland rose*. Эти памятники древности приводятъ нынѣшнихъ фабрикантовъ въ изумленіе. Римская стеклянная мозаика не составляется изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, но состоитъ изъ одного разноцвѣтнаго куска, извѣстнаго подъ названіемъ: *Mille-fiori*. Изъ Рима искусство это перешло въ Венецію, гдѣ и произведены эти чудныя произведенія, которыя сохраняются нынѣ въ музеумахъ. Какъ далеко промышленность эта распространилась и какой народъ овладѣлъ первыи тайною Венеціи, здѣсь не мѣсто описывать, — достаточно сказать, что во Франціи и въ Германіи появились въ одно время стеклянные заводы, и что Богемія превзошла всѣ прочія государства. Въ ней, для производства стекла, употребляется самый чистый кварцъ и поташъ, между тѣмъ, какъ во Франціи употребляется сода изъ Нормандіи, и если иногда и употребляется поташъ, то съ пескомъ, не столь чистымъ, какъ кварцъ. Въ доказательство того, какъ важно имѣть чистый песокъ, не имѣющій въ себѣ желѣзныхъ и другихъ постороннихъ частицъ, производящихъ въ стеклѣ полосы, можетъ служить то, что англійскіе суда, возвращающіеся изъ Сиднея или Новой Голландіи, привозятъ оттуда чистый песокъ. Англія поздно приступила къ этой борьбѣ Франціи съ Богеміею въ фабрикаціи стекла, но дѣйствуя съ обычнымъ искусствомъ, вскорѣ сравнялась съ ними. Находящійся въ Кристалльномъ дворцѣ фонтанъ *Ослера* можетъ служить тому доказательствомъ. Кто изъ насъ не читалъ въ восточныхъ

сказкахъ описанія чудесныхъ кристалльныхъ фонтановъ? — Нынѣ одинъ фабрикантъ изъ Бирмингама показатъ, какъ можно осуществлять самыя фантастическія произведенія воображенія, какъ творческая рука промышленности можетъ олицетворять поэтическіе идеалы, и какъ щелочь, смѣшанная съ несомъ, можетъ соперничествовать своей чистотою и блескомъ съ струями чистѣйшей воды, поднимающейся на верхъ и ниспадающей въ прозрачную котловину. — Почти столь же великолѣпны: хрустальная люстра на сто-сорокъ-четыре свѣчи, работы *Перре* изъ Лондона; замѣчательны также издѣлія *Гарриса*, *Ричардсона*, *Бакгуса* и другіе. Здѣсь есть и цвѣтной хрусталь, но по признацію самихъ англичанъ, онъ не можетъ равняться съ богемскимъ. Два огромные стола графа *Гарраха* изъ Богеміи заставлены тысячами вещей изъ разноцвѣтнаго хрустала. Во Франціи, которая была учительницею въ этомъ дѣлѣ Англіи, есть много значительныхъ хрустальныхъ заводовъ, но одинъ изъ главнѣйшихъ, *Годара* и *Туссенъ* — ровно ничего не прислалъ на Выставку. Какъ въ стеклѣ, такъ и въ *зеркалахъ* венеціанцы очень долго пользовались исключительною привилегіею — только Кольбергъ переманивъ нѣкоторыхъ заводчиковъ во Францію, учредилъ въ Шербургѣ первый зеркальный заводъ, гдѣ дѣлали дутыя зеркала. Заводъ этотъ улучшилъ свои издѣлія при Людовикѣ XIV, подъ завѣдываніемъ Авраама *Теварта*. вмѣстѣ съ внукомъ короля, промышленность эта перешла также и въ Испанію. Во Франціи существуетъ отличный зеркальный заводъ въ Сен-Гобенѣ и другою возлѣ него въ Сен-Керенѣ. Но на Выставкѣ находятся только зеркала изъ *Монлюкона*, а самыя значительныя заводы ничего не выслали. Изъ цвѣтнаго бельгійскаго завода: *Сен-Мари д'Эю*, — также ничего не прислано. Англія, не имѣя на Выставкѣ соперниковъ въ дѣлѣ зеркальномъ — выставила огромныя зеркала въ восемнадцать футовъ вышины и десять ширины.

Прежде, нежели я приступлю къ краткому обзору одной изъ самыхъ значительнѣйшихъ частей Выставки — издѣлій *железныхъ*, *медныхъ* и тому подобное, а также *ножевыхъ*, я долженъ поговорить о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, введенныхъ англійскими рудокопами и фабрикантами въ этой промышленности, и представленныхъ на Выставкѣ.

Первое мѣсто между ними занимаетъ патентованная ракета *Бикфордта*. Ракета эта не только сама дѣйствуетъ, какъ фитиль, постепенно загорающийся, но и вся операція эта производится легче и безопаснѣе. Ракета эта вкладывается въ конопляную

трубочку, которая покрыта смолою; она составлена изъ особенной легко возгорающейся смѣси, которая медленно горитъ, пока не дойдетъ до заряда, производящаго выстрѣлъ. Ракета этакая находится на Выставкѣ. — Господинъ *Роджерсъ* изъ Аберкорна представилъ новый способъ буравленія, посредствомъ стальныхъ буравовъ. Онъ же придумалъ трубочки, облегчающія качаніе воды изъ рудняковъ, во время буравленія отверстія. Трубочки *Роджерса* составлены изъ гутта-перчи.

Въ другомъ отдѣленіи выставки объяснены способы передѣлывать желѣзо, уже переплавленное. Есть нѣсколько образцовъ кузнечныхъ молотовъ, но нынѣ все болѣе распространяется употребленіе пароваго молота, изобрѣтеннаго господиномъ *Несмитомъ* (*Nasmyth*). Этотъ молотъ ударяетъ на раскаленное желѣзо отъ семидесяти до сто-сорока разъ въ минуту, а сила ударовъ зависитъ отъ высоты, съ которой падаетъ молотъ; такъ напримѣръ, если при десяти дюймовомъ поднятіи молотъ имѣетъ силу 4,000 фунтовъ, то при двадцати-дюймовомъ онъ будетъ имѣть силу 4,000 фунтовъ. Молотъ этотъ служитъ также для испытанія доброты металла. Заслуживаютъ особенное вниманіе результаты, происходящія отъ смѣшенія желѣза съ другими металлами, испытанные господиномъ *Морисъ-Стирлингомъ* (*Morris Stierling*), а также смѣсь кованнаго и литаго желѣза, которой образчики находятся на Выставкѣ. Плавкость желѣза приписываютъ мышьяку, хотя вѣроятно и фосфоръ оказываетъ свое содѣйствіе. На столѣ, завятомъ издѣліями господъ *Бордъ и К.* находятся огромнѣйшія полосы желѣза и листовое желѣзо. Всякому извѣстно, какихъ трудовъ стоитъ выдѣлать хорошія желѣзные листы. Желѣзо должно быть бѣлое и волокнистое; сначала изъ него дѣлаютъ плоскія полосы, которыя пропускаются нѣсколько разъ между цилиндрами. Русское листовое желѣзо признано всеми знатоками отличнымъ: оно имѣетъ свѣтлый, глянцевитый цвѣтъ, что превосходитъ, вѣроятно, отъ фосфора и кремнезема, находящихся въ желѣзныхъ рудахъ, а, какъ англичане объясняютъ, отъ смѣси съ угольною кислотою, происходящею отъ употребленія въ топливо дерева. Листовое желѣзо, даже лучшаго качества, шероховато.

Въ Англій желѣзо сдѣлалось самымъ повсемѣстнымъ, самымъ дешевымъ и самымъ удобнѣйшимъ для употребленія веществомъ. Оно употребляется вездѣ, гдѣ можетъ замѣнить дерево или камень. Недавно предлагалось было въ Лондонѣ, сдѣлать мостовую изъ насѣченнаго листоваго желѣза, такъ какъ дѣланныя пробы

изъ гутта перчи оказались слишкомъ дорогими. Асфальтъ неудобенъ для мошения улицъ, а каменная или кирпичная мостовая производятъ невыносимый шумъ при огромной ѣздѣ на лондонскихъ улицахъ. Большая часть маленькихъ печей и каминовъ, находящихся на Выставкѣ, сдѣланы изъ желѣза и весьма красивы. Отдѣленія, назначенныя для заводчиковъ Бирмингама и Шеффилда, главныхъ мѣстъ металлической промышленности Англiи, наполнены самыми разнообразными образцами. Они употребляютъ въ дѣло все вообще металлы: мѣдь, золото, англійское олово, серебро, желѣзо, и все это въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, служащихъ на пользу и для украшенiя; уже во времена нашегo Саксовъ, Бирмингамъ славился выдѣлкою перочинныхъ ножей, ножницъ, серповъ, сабель и тому подобнаго, Шеффилдъ занимается преимущественно выдѣлкою стальныхъ издѣлiй и его бритвы и всякаго рода ножи слишкомъ извѣстны, чтобы распространяться о нихъ. Впрочемъ и выставки другихъ нацiй заслуживаютъ также въ этомъ отношенiи вниманiя. Конечно, Францiя уступаетъ нѣсколько Англiи, хотя она имѣетъ такихъ фабрикантовъ, каковы: Жани (Jari), Гольденбергъ, Куло и прочiе, которые могли бы также снабжать Европу своими издѣлiями, еслибы не вредила имъ огромная таможенная пошлина на желѣзо. Цинковыя издѣлiя ихъ однако значительны. Копи товарищества, подъ именемъ *Vieille-Montagne*, снабжаютъ ихъ матеріаломъ, изъ котораго французы производятъ отличныя издѣлiя. Въ отдѣленiи передъ входомъ въ Северскую залу находится нѣсколько превосходныхъ статуй, отлитыхъ изъ цинка и между ними левъ въ натуральную величину, присланный тѣмъ-же товариществомъ, хотя и не отличается въ художественномъ отношенiи, но доказываетъ, въ какомъ огромномъ размѣрѣ могутъ быть издѣлiя изъ цинка. Даже огромная статуя амазонки *Kissa*, находящаяся на Выставкѣ (которую Вашингтонскiй Музеумъ купилъ за 3,500 ф. ст.), отлита также изъ цинка. — Австрiя прислала множество металлическихъ издѣлiй; изъ Богемiи, Моравiи, Штирiи, Тироля, Карнiолiн, Карнтiн; одна только Галицiя ничего не прислала. Не говоря уже о косахъ (которыхъ сто сорокъ-двѣ фабрики производятъ въ годъ до семи милiоновъ штукъ), обращаютъ вниманiе зрителей миланская сталь и свинцовыя трубы. Мнѣ показывали напримѣръ, одну свернутую свинцовую трубу, длиною въ девять сотъ футовъ, сдѣланную изъ одного куска и имѣющую вездѣ одинаковую толщину. Нѣкоторыя издѣлiя отдѣльныхъ фабрикантовъ также заслуживаютъ вниманiя; такъ напримѣръ

литейный заводъ *Китцеля* изъ Вѣны прислалъ прекрасные металлическіе горшки съ бронзовыми цвѣтами. Каделабры изъ чугуна, кресла и столы изъ дутаго желѣза, цинковый столъ и наконецъ котель, невыглаженный послѣ отливки, что показываетъ необыкновенную чистоту матеріала. Очень замѣчательно также собраніе различныхъ станковъ, присланныхъ *Вертегеймомъ* изъ Вѣны; онъ имѣеть четыре огромные завода и снабжаетъ всѣхъ ремесленниковъ станками. Находящееся на Выставкѣ собраніе, состоитъ изъ 1,400 различного рода станковъ, въ составъ которыхъ входитъ только дерево, желѣзо и сталь. Англичане особенно обратили вниманіе на деревянные станки, и я видѣлъ нѣсколько разъ, какъ англичане срисовывали ихъ, потому что эти станки на сто процентовъ дешевле англійскихъ. Два англійскіе фабриканта закупили всѣ станки *Вертегейма*.

Таможенный союзъ представилъ очень богатое и любопытное собраніе металлическихъ издѣлій, но о нихъ вообще можно сказать, что хотя они очень дешевы, для англичанъ даже баснословно дешевы, но за то и очень плохи. Фабрики металлическихъ издѣлій въ Соединенныхъ Штатахъ находятся еще въ младенчествѣ.

Минувъ бронзовыя вещи и издѣлія золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ которыхъ безспорно первенствуетъ Франція и которыя служатъ новымъ доказательствомъ, что французская промышленность устремлена къ роскоши, доступной однимъ только людямъ достаточнымъ, между-тѣмъ какъ главная цѣль англійской промышленности есть комфортъ, то-есть общественная выгода, я приступлю наконецъ къ отдѣленію *пряжи и прядильныхъ издѣлій*, о которыхъ можно-бы исписать цѣлые томы. Обращая вниманіе на самую богатую часть этой промышленности, то есть, на *шелковыя издѣлія*, я долженъ начать съ Ліона. При самомъ входѣ въ восточныя ворота, взоры посетителя поражены блескомъ этого шелковичнаго сада, въ которомъ разсыпаны съ изобиліемъ всевозможные цвѣты. Здѣсь перемѣшаны и богатѣйшія *бархаты* и скромная *тафта*, *атласъ*, *эроданль*, потомъ идетъ: *крепъ*, *плюшъ*, *фуляры*, *парча*, *штофъ* и прочее. Каждый родъ матеріи содержитъ въ себѣ всѣ измѣненія и постепенности, такъ, что однимъ взглядомъ, можно обозрѣть все прядильное семейство, составляющее гордость фабрикантовъ. При открытіи Выставки мѣста, назначенныя для ліонскихъ фабрикъ, были пусты и наполнились только спустя нѣсколько недѣль по открытіи; тогда публика поражена была великолѣпнымъ видомъ этихъ богатыхъ ма-

терій, изъ которыхъ нѣкоторыя стоятъ четыреста франаковъ за одинъ метръ. Тогда раздался всеобщій крикъ восторга и Ливъ поразилъ всѣ шелковыя фабрики цѣлаго міра! Господа *Демуръ* и сынъ возвысили еще давно заслуженную ими славу, представивъ церковныя облаченія и именно: тканья ризы, вышитыя драгоцѣнными камнями.

Одинъ ливонскій фабрикантъ выставилъ одни только гладкіе *крепы*, такъ называемые: *Crêpes lisses, areoaphanes*, съ бѣлыми букетами по бѣлому полю или по цвѣтному. Невозможно описать ихъ прелесть, ихъ легкость и неравненную свѣжесть цвѣтовъ. Щеголихи всего свѣта вапояли по цвѣлымъ днямъ эту часть выставки, приходя въ восторгъ отъ этихъ издѣлій и записывали имена фабрикантовъ.

За этою радугою шелковъ, ливонскіе фабриканты выставили огромячую массу *фуляровъ* и *галстуконъ* и наполнили три шкафа плюшемъ для мужскихъ шляпъ. Одинъ изъ ливонскихъ фабрикантовъ выставилъ конопные китайскіе платки, и, кажется, превзошелъ въ искусствѣ самихъ китайцевъ, ибо ихъ платки слишкомъ тяжелы отъ изобилія цвѣтовъ, хотя ткань въ нихъ и легка. *Атласъ Геккеля* есть идеалъ этого рода фабрикаціи, а *Жиравъ Невэ* (*Girard Neveu*) изъ Лондона, въ выдѣлкѣ бархата почти сблизился съ жевевскими фабрикантами, которые издавна славятся своими *velours unis*. Есть также нѣсколько примѣчательныхъ картинъ, вытканыхъ на шелковой матеріи, между прочими: портреты королевы Викторіи, принца Альберта и наследника англійскаго престола изъ фабрики *Кавильята* (*Carquillate*). На его же фабрикѣ слѣданы портреты папы, *Завѣщаніе Людовика XVI: Посвященіе фабрики герцога Омальскимъ* и наконецъ одна картина въ память *Жакара*. Она представляетъ этого знаменитаго механика, сидящаго передъ своимъ изобрѣтениемъ.

Вообще ливонская выставка есть *non plus ultra* вкуса, предъ которымъ все прочее исчезаетъ. Англійскія издѣлія, можетъ быть, и не уступаютъ ей въ отдѣлкѣ, но стоятъ гораздо ниже относительно рисунковъ и цвѣтовъ. Фактъ этотъ весьма извѣстенъ. Англійскіе жюриалы безпристрастно отдають въ этомъ дѣлѣ первенство Франціи, и недавно еще газета *Times* объявила, что въ отношеніи изобрѣтательности и рисунка Англія занимаетъ гораздо высшее мѣсто и приписываетъ это тому, что въ англійскихъ школахъ рисовальное искусство въ пренебреженіи.

Въ среднѣхъ Англійской Залы гг. *Кейтъ* и *К°* поставили высочій шатеръ, украшенный однѣми парчами. По мнѣнію знато

ковъ, г. Кейтъ болѣе всѣхъ подходитъ къ лионскимъ фабрикантамъ. Остальные англійскіе фабриканты размѣстились въ южной галлерей западнаго крыла. Гг. *Маршалъ* и *Снелъгроувъ* представили превосходныя матерія *муаре*, гг. *Картеръ*, *Вавасоръ* и *Риксъ*: отличныя *попелины* (смѣшенная матерія изъ шелка и шерсти); — англійскіе попелины лучше французскихъ: они легче и имѣютъ болѣе упругости. Но бархатъ *Гаррисона*, *Калибель* и *Ллойда*, хотя и хорошъ, но не можетъ сравниться съ французскимъ. Портреты королевы и принца Альберта, вытканые шелками на фабрикѣ *Чарльса* и *Крона* теряютъ много при подобныхъ же портретахъ съ фабрики *Каркильята*. Геврихъ *Соперъ* прислалъ гладкія и цвѣтныя матеріи для дамскихъ зонтиковъ: онѣ не отличны, да и самыя зонтики англійскіе не могутъ сравниться не только съ парижскими, но даже и съ вѣнскими. Гг. *Баллансъ* и сынъ своимъ кипорными червыми матеріями и штофами доказали, что шелковая фабрикація Спитфильда сдѣлала большіе успѣхи, но цѣны издѣлій ихъ чрезвычайно высоки. *Робинзонъ* и К^о прислали черный и разноцвѣтный бархатъ, который занимаетъ третье мѣсто на Выставкѣ. Здѣсь же находится отличный плюшъ фабрики *Вашингтона* и К^о. Не исчисляя всѣхъ англійскихъ фабрикантовъ шелковыхъ издѣлій, обращаюсь къ выставкѣ Манчестера. Она доказываетъ, что эта столица бумажной промышленности не пренебрегаетъ и шелковою фабрикаціею и занимаетъ даже и въ этомъ отношеніи первое мѣсто въ Англій. Заслуживаютъ особенное вниманіе присланные изъ этого города отличный шелковый плюшъ — матерія, называемая *шине* (*chine Silks*). Шелковыя ленты англійскія гораздо ниже швейцарскихъ и французскихъ.

Въ русскомъ отдѣленіи Выставки обратили на себя общее вниманіе знатоковъ отличныя парчи, наследниковъ *Сапожникова* въ Москвѣ. Даже лионскіе фабриканты удивлялись ихъ совершенству и особенно дешезизнѣ и выставляли на видъ глянцеovitость золотой и серебряной ткани и оригинальность узоровъ. Шелковыя матеріи мануфактуръ-совѣтника *Кондрашева* не менѣе возбуждали удивленіе лионскихъ фабрикантовъ, которые находили въ нихъ превосходные цвѣта, добротную ткань и разнообразіе узоровъ. Такое же одобреніе знатоковъ получили шелковыя матеріи и кашемировыя ткани московскихъ фабрикантовъ *Тучковыхъ*; золотыя и серебряныя парчи Павла *Колоколникова*, шелковыя матеріи и тканые портреты *Кондрашева*, большая бѣлая шаль

Мерлиныхъ, а также матеріи изъ русскаго шелка московскаго фабриканта *Лаптева*.

Передъ вступленіемъ въ швейцарское отдѣленіе, я хотѣлъ осмотрѣть шелковыя издѣлія Востока. Что сказать вамъ объ индѣйскихъ шаляхъ? Все, что только могло родиться въ пылкомъ воображеніи этихъ жителей пламеннаго юга—все это представлено въ великолѣпныхъ тканяхъ изъ золота, серебра и шелка, въ бархатѣ яркаго цвѣта съ золотыми полосами. Нѣсколько разъ осматривалъ я индѣйскія шали и бомбайскій шатеръ и принимался описывать ихъ, но чрезмѣрное богатство и великолѣпіе ставятъ ихъ выше всякаго описанія. Перейдя въ китайское отдѣленіе, чтобы ближе убѣдиться въ томъ противурѣчій, какое представляетъ остановившаяся китайская промышленность съ постоянною подвижностью европейской, я убѣдился, что, не смотря на богатство выставокъ французской, англійской и индѣйской, — китайскія шелковыя издѣлія и особенно штофы — поражаютъ зрителя своею мягкостью, упругостью и глянцевою. Не берусь рѣшить, происходитъ-ли это отъ добраго качества сырыхъ продуктовъ или отъ искусства фабрикаціи. Съ другой стороны, подъ шатромъ, освѣщенномъ луною, находятся издѣлія Турціи, Египта и подлѣ нихъ Персіи. Здѣсь я любовался разнообразными арабесками, вытканными на шаляхъ, но излишне было бы говорить, что въ сосѣдствѣ издѣлій западной промышленности выставка послѣднихъ трехъ государствъ представляется въ младенческомъ состояніи.

На восточной выставкѣ поражаетъ зрителя грубость матеріи съ богатыми украшеніями. Такъ напр. ихъ полотно такъ грубо, что наши крестьяне не хотѣли-бы его носить, а между тѣмъ оно украшено вышивками золотомъ, котораго въ самой небольшой штучкѣ полотна будетъ вѣсомъ въ нѣсколько червонцевъ. На каждой штучкѣ полотна вышиваютъ обыкновенно не фабричный знакъ, а изрѣченія корана золотыми буквами, что стоитъ много времени и издержекъ. У турокъ довольно высоко поставлена шелковая фабрикація — особенно же выдѣлка камчатныхъ издѣлій, но и они не могутъ сравниться съ европейскими.

Шелковая промышленность Швейцаріи, процвѣтающая преимущественно въ Сент-Галленѣ, Цюрихѣ и Базелѣ, въ послѣднее время сдѣлала огромные успѣхи. Въ отношеніи дешевизны издѣлій швейцарцы могутъ соперничать со всѣми націями. Здѣсь преимущественно выдѣлываются гладкія матеріи, хотя и другихъ достаточно: я видѣлъ здѣсь даже матеріи шинѣ. Но

главная шелковая промышленность Швейцарии состоитъ въ выдѣлкѣ лезть, которыя (длиною въ 12 сажень) развѣшаны на Выставкѣ и составляютъ собою великолѣпную радужную стѣну. —

До-сихъ-поръ я ничего не говорилъ о *кружевахъ*. Они находятся почти вездѣ; хороши очень французскія, менѣе красивы англійскія, находятся также въ отдѣленіяхъ Германіи и Испаніи, но всѣ они исчезаютъ при Брюссельскихъ кружевахъ. Эти послѣднія превосходятъ все, что можно себѣ нарисовать въ воображеніи. Они до такой степени неподражаемы такъ что если бы можно было располагать по классамъ разные роды промышленности относительно ихъ совершенства, — то Брюссельскія кружева помрачили-бы блескъ цѣлой бельгійской выставки, которая, какъ мы видѣли, очень блистательна. Впрочемъ никто и не удивился, что Брюссель прислалъ такія превосходныя кружева: эта промышленность укоренилась издавна въ этомъ городѣ, — но пріятно было видѣть, что она не только не упадетъ, но напротивъ еще совершенствуется, какъ то видно по чернымъ кружевамъ, извѣстнымъ подъ именемъ: *dentelles de Chantilly*. — Подлѣ выставки кружевъ находится выставка духовныхъ облачений изъ фабрики *Фанъ-Галле*. Подлѣ богатою золотою ризою видѣнъ стпхарь изъ Брюссельскихъ кружевъ, которыя отъ сосѣдства съ золотомъ цѣлого не теряютъ, но напротивъ еще кажутся величественнѣе. Облаченія *Фанъ-Галле* такъ хороши, что трудно желать чего-нибудь лучшаго.

Я не буду распространяться о шелковой выставкѣ Австріи, хотя и чувствую, что этимъ молчаніемъ оказываю ей несправедливость, ибо ея платки и другія шелковыя матеріи заслуживаютъ вниманія. Изъ Германскаго Таможеннаго союза мало прислано такого, о чемъ можно бы было поговорить.

Фабрикація *бумажныхъ издѣлій*, особливо въ Англии, чрезвычайно важна. Я опишу ее въ короткихъ словахъ: Мишель *Шесалле* говоритъ, что индѣйцы, благодаря вѣжности своихъ пальцевъ, довели бумажную пряжу до тонкости № 200. Изъ пряжи № 250, въ Европѣ выдѣлываютъ кисею. Въ началѣ, не зная хорошо этого предмета, я съ изумленіемъ вематривался въ пряжу № 450, въ которой я не могъ различить нитокъ простымъ глазомъ и мнѣ казалось, что это была одна сплошная масса; послѣ мнѣ говорили, что въ Манчестерѣ употребляютъ пряжу № 600. — Между тѣмъ и два француза въ Лиллѣ употребляли этотъ нумеръ. И это почиталось уже приобретеніемъ нынѣшняго времени, между тѣмъ какъ оказалось, что пряж

Гг. *Гоулдсуортъ и Ко* (Houldsworths et Co) есть мѣ 800. Но каково же было мое удивленіе, когда съ помощію микроскопа я увидѣлъ въ издѣліяхъ г. *Базле* (Basley) изъ Манчестера, пряжу № 2,270. Это такая тонина, говоритъ г. *Шевалье*, что для составленія одного килограмма потребно 3,600,000 метровъ этихъ нитокъ. Я читалъ въ одномъ официальномъ промышленномъ журналѣ, что г. *Гоулдсуортъ* дошелъ до баснословной тонины мѣ 2150. Кто можетъ себя вообразить эти нитки, которыя можно назвать воздушными! Объ огромности же этого рода промышленности можно судить по тому, что Англія поставляетъ ежегодно 325 милліоновъ километровъ сырой хлопчатой бумаги. Одинъ только фабрикантъ въ Манчестерѣ, г. *Шабъ* выдѣлываетъ ежегодно бумажной матеріи до 17,500,000 метровъ, а извѣстно, что окружность земнаго шара содержитъ въ себѣ не болѣе 40 мил. метровъ.

Всѣ соглашаются, что въ выдѣлкѣ сукна англичане превзошли всѣ прочія націи, особенно же фабрики въ Лидсѣ и Худерсфилдѣ, — но за то и цѣны ихъ суконъ гораздо выше всѣхъ прочихъ паредовъ. Выставка англійскихъ суконъ очень богата, французская бѣднѣе числомъ, по не достоинствомъ суконъ: потому что двѣ главныя фабрики Седана и Эльбефа соперничаютъ какъ между собою, такъ и съ англійскими фабриками. Драдедамы Павла *Бакоса* изъ Седана превосходятъ подобныя издѣлія всего свѣта. Гг. *Шенниверъ* изъ Эльбефа выставили издѣлія свои изъ ангорскаго пуха, а вдова *Барнуи Дотренъ и Ко* (Barnuis Daustrenne), своими отличными матеріями на панталоны, сдѣлала имя свое извѣстнымъ повсюду. Изъ бельгійскихъ суконныхъ фабрикантовъ г. *Самонисъ* занимаетъ первое мѣсто; — австрійскія сукна, особенно изъ Моравіи, пользуются извѣстностью по своей добротѣ необыкновенной дешевизнѣ.

Въ русскомъ отдѣленіи выставки суконъ замѣчательны и заслужили общее одобреніе сукна фабрикантовъ: *Фидлера* въ Опатовкѣ, въ Царствѣ Польскомъ, — *Четверикова*, въ Москвѣ, также *Исоева* и *Аксенова*, равнымъ образомъ сукно изъ верблюжьей шерсти г. *Дурасова*, изъ Оренбургской Губерніи и крестьянское сукно, присланное однимъ помѣщикомъ Радомской Губерніи.

Для дополненія этого бѣлаго обзора матерій, служащихъ къ одѣванію, я долженъ поговорить еще о *мизгахъ*, и особенно о сѣверо-американскихъ. Эту выставку устроила Гудсонъ-Байская компанія и гг. *Ниголей* и сывъ (Nicholaj). Находящіеся здѣсь предметы очень красивы и цѣпны. Лисьяго мѣха находится нѣсколько сортовъ, но черные и серебристые (бурые) считаются самыми

дорогимъ, ибо за каждую шкуру этого мѣха платятъ здѣсь отъ 10 до 40 гиней, — въ Россіи и Китаѣ ихъ покупаютъ также по высокимъ цѣнамъ. Красный лисій мѣхъ въ большомъ употребленіи въ Китаѣ, Греціи и Персіи: его употребляютъ также отчасти въ Россіи и Польшѣ; въ Англіи и на западѣ употребляютъ болѣе бѣлыхъ лисицъ для дамскихъ нарядовъ и прежде такой нарядъ считался очень богатымъ. Находящіеся въ русскомъ отдѣленіи мѣха лисій, червѣй и завойчатый, присланный Кабинетомъ Его Величества — возбуждаютъ здѣсь всеобщее удивленіе по своей красотѣ и богатству. Замѣчательны также превосходные соболи сибирскіе и дубленныя овчины и тулупы изъ нихъ. Нѣкоторые натуралисты утверждали, что въ полярныхъ странахъ лисицы измѣняютъ свой цвѣтъ: не знаю, справедливо-ли это, но не подлежитъ сомнѣнію, что бѣлыя лисицы зимою бываютъ совершенно бѣлы, а лѣтомъ имѣютъ сѣрый цвѣтъ. Я видѣлъ здѣсь прекрасные экземпляры куницы (*Lutra Canadensis*); ихъ привозятъ въ Европу изъ Гудсонъ Бая, въ Сѣверной Америкѣ, и преимущественно въ Россію, Польшу и Китаѣ. Здѣсь же находятся также американскіе бобры (*Castor Americanus*). Прежде бобры цѣнились очень дорого, особенно пока ихъ употребляли на выдѣлку мужскихъ шляпъ; въ послѣднее время они упали въ цѣнѣ, хотя и пробовали изъ ихъ отличнаго и мягкаго пуха дѣлать пряжу. Равнымъ образомъ прежде были въ большой модѣ мѣха рысьи, но нынѣ почти вовсе вышли изъ употребленія. Далѣе находятся мѣха: волчьи, соболи (*Mustella Canadensis*) и т. д. — Известно, что волчьи мѣха въ большомъ употребленіи въ Россіи; а русскіе соболи безспорно занимаютъ первое мѣсто; за ними идутъ гудсонъ-байскіе. Употребленіе соболей издавна распространилось въ Европѣ; соболиные мѣха цѣнятся очень высоко не только на Востокѣ, но и здѣсь шуба, подбитая соболемъ, стоитъ до 600 руб. сер. — Во времена Генриха VIII, въ Англіи, подобно какъ при Владиславѣ IV въ Польшѣ, дозволено было только нѣкоторымъ привилегированнымъ классамъ жителей употреблять въ одежду соболиные мѣха. Американскій барсукъ также высоко цѣнится, тѣмъ болѣе, что изъ волосъ европейскаго барсука приготовляютъ только щеточки для бритвы. Американскій огромный медвѣдь, представленный на Выставкѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ Англіи называется *армейскимъ* (*Army Bear*), потому что изъ него дѣлаютъ для войскъ гренадерскія шапки и проч. Бѣлые медвѣди находятся болѣе въ Россіи, ихъ употребляютъ для богатыхъ уборовъ. Въ Америкѣ дамы

носить шубы изъ бурога медвѣдя (*Isabella Bear*), который за нѣсколько лѣтъ тому въ Англіи былъ въ большой модѣ и тогда одна шкурка стоила отъ 30 до 40 гвней. Съ измѣненіемъ моды и цѣна упала.

Нѣтъ сомнѣнія, что половина людей не знаетъ, чѣмъ другая половина живетъ. Эта мысль пришла мнѣ въ голову, когда я осмотрѣвъ почти всю внутренность Кристальнаго Дворца, остановился при выставкѣ *писчей бумаги*. Предметъ этотъ принадлежитъ къ второстепенному роду англійской промышленности, а между-тѣмъ здѣсь выдѣлывается писчей бумаги 130,000,000 фунтовъ въ годъ, стоящихъ до 20,000,000 руб. сереб. и привносящихъ казнѣ дохода до 3,000,000 руб. сереб. Девять десятыхъ этого огромнаго количества бумаги потребляется внутри края, что не можетъ никого удивлять при такомъ большомъ числѣ шотландскихъ и англійскихъ журналовъ большаго формата. За границу вывозится англійской бумаги почти на 2,000,000 руб. сереб. Выставка не даетъ надлежащаго понятія, о состояніи этой промышленности, потому что едва 10 фабрикантовъ выставили свои издѣлія, и означенное выше замѣчаніе сдѣлано мною отъ того, что я нашелъ между экспонентами бумаги половину такихъ, которыхъ огромныя фабрики занимаются выдѣлкою оберточной бумаги для купцовъ. Я о нихъ скажу нѣсколько словъ: гг. *Джоймонъ* (*Joymon*) и *Спицеръ* представили свертокъ бумаги, длиною въ двѣ тысячи пятьсотъ футовъ и притомъ объяснили механизмъ выдѣлки бумаги, посредствомъ котораго бумажная масса, непрерывно сплываетъ съ одного конца машины, между-тѣмъ какъ съ другого выходитъ безпрестанно сухой листъ бумаги, совершенно готовый къ употребленію. Они же выставили другой свертокъ сѣрой бумаги, шириною въ 93 дюйма, а длиною въ 420 футовъ, а также новаго рода картонную бумагу и нѣсколько образчиковъ почтовой бумаги. Г. *Фурдринье* (*Fourdrinier*) представилъ листъ *файсовой* бумаги, длиною въ 2½ англійскія мили. Бумага эта употребляется на файсовыхъ фабрикахъ, для отпечатыванія на посудѣ рисунковъ. Силу и крѣпость этой бумаги доказываетъ слѣдующее обстоятельство: однажды г. Фурдринье ѣхалъ съ своими друзьями въ фэтовѣ, какъ вдругъ ремень въ экипажѣ лопнулъ. Г. Фурдринье не могъ тотчасъ найти веревки и потому они должны были выйти изъ экипажа и идти нѣшкомъ, какъ вдругъ онъ вспомнилъ, что при немъ было не много его файсовой бумаги: онъ скрутилъ его въ веревку и связавъ имъ ремень — могъ благополучно продолжать свою поѣздку. Отъ него-же узналъ я, что его отцу при-

надлежитъ честь усовершенствованія выдѣлки бумаги: онъ изобрѣлъ машину для дѣланія безконечной бумаги. Г. *Ламбъ* представилъ также фаянсовую бумагу, а нѣсколько образчиковъ, присланныхъ изъ Дасфорда фабрикантомъ *Саундесомъ* подтверждаютъ необыкновенную силу этой бумаги, ибо одинъ листъ, шириною въ 20 дюймовъ, выдерживаетъ тяжесть въ 200 фунтовъ. Отличнаго качества бумагу прислали, г. *Каунъ* (Cowan) изъ Эдмбурга, и гг. *Венабль* (Venable), собравшіе всѣ сорта бумагъ, выдѣлываемыхъ на англійскихъ фабрикахъ. Въ этомъ отдѣленіи заслуживаетъ особое вниманіе извѣстная рисоувальная бумага *Уатмана* (Watman) и *Дисорджа Уильмоса* (Wilmos). Здѣсь есть сѣрая бумага для завертки стали в предохраненія ея отъ ржавчины.

Гг. *Деларю* (de la Rue) и К^о. заложили огромный столъ, возлѣ своей машины для дѣланія конвертовъ, гласированною почтовою бумагою, между которою замѣчательны образчики бумаги съ отлично выдѣланными буквами. Рисунокъ въ нихъ истинно артистическій. Есть нѣсколько образцовъ совершенно новаго рода бумаги, изобрѣтенной г. *Ольдгемомъ* (Oldham) и выдѣланной г. *Саундерсомъ*. Она похожа на картички, отпечатанныя на фарфорѣ. Между украшеніями на почтовой бумагѣ находятся превосходные рисунки, отпечатанные по новому способу: римскія головы, разные сельскіе виды, медальоны королевы, званіе Выставки, портреты королевы, принца Альберта и прочее. — Кажется этотъ способъ отпечатыванія могъ-бы съ пользою быть употребленъ для векселей, ассигнацій и затруднялъ-бы подѣлку ихъ. Швейцарія прислала хорошую бумагу для нотъ и отличную почтовую бумагу, но картонная бумага хуже англійской; за то бумага для гравюръ и оберточная очень хорошаго качества и прислана фабрикою г. *Штейнтена* изъ Цюриха. *Милляни* прислалъ превосходную бумагу для рисованія. Французская бумага вообще хороша; извѣстные братья *Монгольфье* (Montgolfier) прислали отличную цвѣтную бумагу для рисованія, особый родъ *животнаго пергамента* (parachemin animal); это — искусственная шкура, проникнутая алфитомъ, и служитъ для сохраненія зарисовъ, что особенно полезно во время продолжительнаго мира. Гг. *Обри*, *Бернаръ* и К^о, прислали бумагу, приготовляемую для фабрикантовъ обоевъ. *Безыменное Общество* (Société anonyme), въ Марсѣ, доставило образчикъ почтовой и типографской бумаги. Сравнивая произведенія французскія съ англійскими, видно, что англичане отличаются крѣпкою бумагою: они любятъ употреблять почтовую

бумагу толстую, для того, чтобы писанное не сквозило на другой сторонѣ. Изъ Бельгій одна только бумажная фабрика *Годена* (*Godin*) прислала разнаго рода бумагу, которая хотя и не можетъ сравниться съ англійскою или французскою, но однако довольно хороша. На русской Выставкѣ находятся издѣлія фабрикъ: *Аристархова*, *Соленикова* и кушца *Вареунина*, которые прислали безконечную писчую бумагу; бумага эта признана знатоками довольно хорошаго качества, особливо Аристарховская. Въ этомъ же отдѣленіи находятся и хромофотографированные рѣсунки русскихъ древностей, присланные *Дрегеромъ* изъ Москвы: они привлекаютъ постоянно вниманіе посѣтителей Выставки, которые находятъ ихъ превосходными. Здѣсь же находятся признанные всеми знатоками отличными *обои*, присланные фабрикою *Ронн* и *Феттера* въ Варшавѣ и наконецъ *писчія перья* г. *Рабцевица*, изъ Петербурга, которыя нашли тотчасъ многочисленныхъ покупателей, не взирая на повсемѣстное распространеніе въ Англій употребленія металлическихъ перьевъ. Изъ прочихъ государствъ обращаютъ общее вниманіе издѣлія бумажной фабрики *Дилингена*, изъ Пруссій.

Теперь я долженъ сказать еще объ одномъ весьма любопытномъ классѣ Выставки, т. е. о произведеніяхъ *скульптуры*. Многие гнѣвались за то, что скульптуру, это благороднѣйшее изъ всехъ изящныхъ художествъ, гдѣ художникъ облачаетъ мысль свою тѣломъ, или лучше сказать, вливаетъ въ мертвый камень жизнь и душу, что произведенія этого художества включены въ число промышленныхъ издѣлій. Отвѣтъ на это замѣчаніе очень легокъ. Всемирная Выставка была открыта не только для ремесленниковъ и фабрикантовъ — она должна была служить мѣриломъ человѣческой цивилизаціи, соединеніемъ результатовъ всехъ умственныхъ усилій челоука, сборищемъ всего, что имѣетъ связь съ натурою и умомъ челоуческимъ. Оба полушарія собрали самые богатые плоды трудовъ своихъ, весь цвѣтъ полей своихъ и прислали ихъ въ эту общую сокровищницу. Я увѣренъ, что тѣ же самые, которые упрекаютъ нынѣ исполнительную комиссію за обезчещеніе изящныхъ художествъ, чувствовали-бы въ Кристалльномъ Дворцѣ нѣкоторую тоску, ихъ поражала бы явная пустота, если бы его лишили этихъ великолѣпныхъ статуй. Неужели изящныя художества не могли удѣлить своей красоты для увеличенія торжества этого промышленнаго юбилея? А притомъ кто укажетъ нынѣ границу между художествами и промышленностью, между артистомъ и ремесленникомъ? Развѣ эти исполня-

скія машины, изумляющія зрителя своею могущественною силою, не явственнѣе представляютъ дивные памятники человѣческаго гения, нежели бронзовыя или мраморныя статуи? Развѣ эти великолѣпные ковры, изящная мебель и множество другихъ издѣлій промышленности не показываютъ вамъ мысль артиста, борющуюся съ механическими трудностями? Отъ чего же издѣлія бронзовыя, литейныя, не принадлежать, подобно скульптурѣ, къ числу изящныхъ художествъ? Какъ во всемъ есть прекрасное, такъ и во всемъ есть художественность; нынѣ уже не годится облачать промышленность отъ эстетическаго украшенія ея. Именно эта связь, это сочетаніе духа съ матеріей, наукъ съ промышленностію, искусства съ мастерствомъ, составляетъ характеръ успѣховъ нашего вѣка.

Почти каждое государство прислало на Выставку свои скульптурныя произведенія, но собственно два только отдѣленія Выставки заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманіе, и именно итальянское и германское, первое наполнено произведеніями Ломбардіи, вмѣстѣ съ Австріею, Тосканы и Рима: оно нашло многихъ почитателей и было уже многими описано, а потому я не буду распространяться о немъ, и займусь болѣе германскимъ отдѣленіемъ.

Въ Миланской залѣ болѣе всего обращали на себя всеобщее вниманіе скульптурныя произведенія *Рофаэля Монти*, — здѣсь находятся ихъ нѣсколько и всѣ они высокаго достоинства, но верхъ искусства представляетъ газовое покрывало, выдѣланное изъ мрамора, которымъ покрыты лица статуи. Какъ бы для увеличенія трудности, артистъ сдѣлалъ изъ мрамора покрывало въ складкахъ и, не смотря на это, проглядывающія сквозь покрывало лица ни мало не теряютъ своей прелести. Изъ трехъ подобныхъ статуй выше всѣхъ должно признать: «Невольницу, лежащую на базарѣ.» Послѣ Монти, «Нищія» *Демокрита Кондольфи* обращаетъ на себя общее вниманіе знатоковъ; «Сусанна» *Антонія Галли* почитается мастерскимъ произведеніемъ; то же самое должно сказать и о «Измаилѣ», *Страци*. Проходя въ другое отдѣленіе итальянской выставки нельзя пропустить безъ вниманія: «Равеннаго Ахиллеса», работы *Доминика Фракаролли* изъ Веровы. Это статуя колоссальная: Ахиллесъ со стрѣлою въ пятѣ, съ ужасомъ оглядывается и предчувствуетъ смерть: его страданія и отчаяніе, при колоссальной силѣ исполненія, отлично изображены. Въ римскомъ отдѣленіи примѣчательны: «Жница», «Дитя съ собакою»;

въ тосканскомъ : «Амуръ и Психея» ; «Ангель, являющійся спящей женщиной».

Скульптурныя произведенія Бельгій также очень замѣчательны : колоссальная статуя *Симониса* : «Годфридъ Бульонскій», на концѣ, можетъ быть поставлена наряду съ лучшими произведеніями скульптуры. Но талантъ г. Симониса еще болѣе выказывается въ фантастическихъ предметахъ : его «*Vainin malheureux*» приводитъ всѣхъ въ восторгъ. «Влюбленный Левъ» Вильгема *Геевса* (*Geefs*), «Мадонна» *Ишота* (*Ichotte*), четыре статуи *Фрайкина* и т. д., приносятъ честь талантамъ артистовъ и доказываютъ, что заслуженная артистическая слава Бельгій ни мало не померкла.

Изящныя искусства Германіи представлены на Выставкѣ двумя школами : берлинскою и мюнхенскою. Скульптурное искусство въ Пруссіи обязано своимъ усовершенствованіемъ тремъ знаменитымъ художникамъ : *Шинкелю*, *Рауху* и *Тику*. Они всегда стремились къ тому, чтобы искусства въ Германіи не ограничивались однимъ холоднымъ и бездушнымъ подражаніемъ греческимъ художникамъ, а создали-бы собственныя творенія, въ духѣ новѣйшихъ временъ. И эти великіе три мужа, изъ которыхъ въ живыхъ остался нынѣ только одинъ *Раухъ*, успѣли образовать большое число учениковъ, которыхъ произведенія красуются нынѣ въ Кристалльномъ Дворцѣ. Между этими произведеніями находится знаменитая «Амазонка» *Кисса*.

Этимъ гениальнымъ произведеніемъ *Кисса* включилъ имя свое въ число первыхъ художниковъ нынѣшняго вѣка. Когда онъ окончилъ, въ 1838 году, въ Берлинѣ гипсовую отливку этой статуи, то привелъ въ восторгъ всѣхъ знатоковъ и тогда же собрана была добровольная подписка, чтобы дать ему возможность вылить эту статую изъ бронзы. Статуя эта находится при входѣ въ берлинскій музеумъ. Но какъ высокая цѣна бронзовыхъ издѣлій не позволяла распространить это образцовое произведеніе повсемѣстно, то г. *Гейссъ* (*Geiss*) сдѣлалъ отливку этой статуи изъ цинка, и прислалъ ее на Выставку. Цинкъ имѣетъ то преимущество передъ бронзою, что менѣе портитъ формы, при охлажденіи менѣе сжимается, а потому отлично входятъ во всѣ части и менѣе требуетъ выглаживанья; но, съ другой стороны, холоднымъ цвѣтомъ своимъ много уступаетъ бронзѣ. Г. *Гейссъ*, отклонилъ этотъ недостатокъ, покрывая цинкъ изобрѣтеннымъ имъ металлическимъ составомъ, отъ котораго цинкъ принимаетъ колоритъ флорентинской бронзы. Здѣсь же находятся и другія цинковыя отливки *Гейсса* : именно «Геба» *Каноеи* (стоитъ 18 Ф. ст.), «Евва

Бетел (15 ф. ст.), «Мальчикъ съ аистомъ», «два Оленя» *Рауха*, сдѣланные эгимъ знаменитымъ скульпторомъ для герцога Ангальтскаго (каждый по 30 ф. ст.). Всѣ эти статуи отлиты изъ цинка и бронзированы посредствомъ гальваническаго тока.

Мюнхенская школа, которой главный представитель—*Шванталеръ* умершій, къ сожалѣнію, въ цвѣтѣ лѣтъ, отличается огромнымъ количествомъ бронзовыхъ статуй, по большей части гениальныхъ и полныхъ жизни. Онѣ отлиты въ королевской литейной, состоявшей прежде подъ управленіемъ *Штигльмайера*, а нынѣ въ завѣдованіи Фердинанда *Миллера*. На Выставкѣ находятся слѣдующія произведенія: одинъ изъ четырехъ колоссальныхъ *львовъ* (въ 15 футовъ длины и 9 вышины), назначенныхъ для триумфальныхъ воротъ въ Мюнхенѣ. Модель ихъ сдѣлана профессоромъ *Гальбигомъ*; потомъ статуя основательницы Праги, *Либуссы*, и *Георгія Подъбрада*, каждая по 7 футовъ вышины, отлиты по моделямъ *Шванталера* и назначены для богемской Валгалы. Возлѣ нихъ находится статуя «Мальчика», *Калида*, украшающая фонтанъ въ саду замка Шарлоттенбурга. — Изъ литейной *Лаухгаммера*, въ Саксонской провинціи, прислана статуя «Женщины, черпающей воду», по модели знаменитаго берлинскаго скульптора *Вихмана*. Она стоитъ 105 ф. с. Небольшая статуйка, изображающая «Надежду», по рисунку *Рауха* (24 ф. с.), заслуживаетъ примѣчанія.

Изъ числа гипсовыхъ статуй отличаются, какъ своей величиною, такъ и отличною отдѣлкою: «двѣ группы женщинъ» *Гобблера*, изъ Штутгарда; два коня, снятые съ натуры, арабской породы, превосходны; возлѣ нихъ находится «Молодой Фавнъ», натуральной величины, Роберта *Лауфа*. Здѣсь же находится копія памятника Фридриху Вильгельму III, воздвигнутаго жителями Берлина. — Модель памятника сдѣлана талантливымъ ученикомъ *Рауха*, Фридрихомъ *Драке*. Пьедесталъ памятника украшенъ барельефами. — Еще замѣчательны: фонтанъ, по модели *Громенца*, котораго нижнюю часть составляетъ группа дѣтей, поддерживающихъ большую раковину съ тритономъ (40 ф. ст.) и большая ваза въ готическомъ вкусѣ (15 ф. ст.). Оба эти предмета выдѣланы на заводѣ Эрнеста *Марша*, въ Шарлоттенбургѣ.

На другой сторонѣ находятся: ваза придворнаго ювелира изъ Берлина, въ четырехъ отдѣленіяхъ, представляющихъ четыре степени цивилизаціи рода человѣческаго: внизу видны кочующіе люди; охота, рыболовство и пастушество составляютъ ихъ занятіе,—съ другой стороны видны: хлѣбнощество, садоводство и сборъ винограда, представленныя въ видѣ трехъ прекрасныхъ

женщинъ; далѣе видны: архитектура, горнозаводство, торговля, судоходство, художество и науки. Это произведеніе отличается какъ богатствомъ мыслей, такъ и мастерскимъ выполніемъ всѣхъ подробностей (цѣна 1,800 ф. с.).—Вблизи установлены произведенія Королевской литейной въ Берлинѣ: «двѣ Амазонки», изъ которыхъ одна верхомъ на лошади (90 ф. с.), возлѣ «два воина» одинъ также на лошади (90 ф. с.); копія «Варвицкой вазы» (90 ф. с. 10 ш.); «Аоицкая ваза» съ фигурами (52 ф. с.) и т. д.—Въ этомъ же отдѣленіи находятся двѣ бронзовыя статуи *Фишера* изъ Берлина: «Молящаяся дѣвушка», 3 фута и 2 дюйма вышины (49 ф. с.); «Данаида», по рисунку *Рауха* 1½ фута вышиною (37 ф. с.); гальвано-пластическая статуйка *Лессинга*, сдѣланная съ большимъ стараніемъ въ Франкфуртѣ (20 ф. с.); бронзовая статуя «Императрицы Россійской» на конѣ, берлинскаго скульптора *Блезера* (145 ф. с.); бронзовое изваяніе: «Богородица съ младенцемъ» въ средневѣковомъ стилѣ, Берварда *Афингера* изъ Берлина (33 ф. с.) и его же 4 бронзовые портрета Принца Прусскаго и его супруги, генерала Врангеля и скульптора *Рауха*; Желѣзная статуя «Коня»—*Якоби* изъ Брауншвейга (21 ф. с.); охотничій серебряный кубокъ (82¼ ф. с.); *львиная голова* изъ желѣза и т. д.

Скульпторъ *Біанкони* прислалъ три превосходныя копіи изъ каррарскаго мрамора: «*Венера Торвальдсена* (52 ф. с.), «*Парисъ Кановы* и «*Пастухъ Торвальдсена* (по 30 ф. с.). Высоко цѣнятся всѣ произведенія *Альберта* изъ Берлина и цинковыя отливки *Деваранни* по моделямъ *Рауха* и *Кановы*. Здѣсь же прусскій комисаръ Выставкн, *Штернъ*, собралъ разныя художественныя произведенія, требующія хорошаго освѣщенія. Эта зала служитъ украшеніемъ Выставкн: она богата художественными произведеніями.—Здѣсь находятся труды одного изъ первыхъ учениковъ *Рауха*: Эрнеста *Ритцера* изъ Дрездева: гипсовая статуя «Молящейся Маріи предъ тѣломъ Спасителя», въ натуральную величину. Въ этой же залѣ находятся: изваяніе изъ каррарскаго мрамора: «Кающаяся Магдалина» работы *Драка*, двѣ бронзовыя статуи Юлія *Франца* изъ Берлина: одна представляетъ «Побѣду» (*Victoria*), сходящую со скалы и низвергающую вѣнокъ Побѣды,—а другая тоже «Побѣды» (*Victoria*), вписывающей имя героя въ книгу лѣтописей (каждая по 45 ф. с.); «Кубокъ Нѣмецкой Имперіи» изъ гипса—профессора *Гальбига*,—«Дѣвушка съ гнѣздомъ амуровъ» изъ каррарскаго мрамора *Леоба*, (*Leeb*), статуйка, изображающая Бетховена, окруженнаго четырьмя фигурами, энтузіазмомъ военнымъ и религіознымъ, жа-

лостью и радостью, работы *Мезера* изъ Берлина; мраморная статуя «дѣвухи съ ягненокъ» *Альберта Вольфа* изъ Берлина и т. д.

Въ этомъ же богатомъ художественномъ музеемъ находятся многіе барельефы изъ бронзы, а именно: «*Ариадна*» на пьедесталѣ изъ слоновой кости (3 ф. с.); «*Конь Якоби*» изъ Брауншвейга, «*Бахусъ и Амуръ*», снятые съ *Торвальдсена Эйхлеромъ* въ Берлинѣ; «*Христосъ, благословляющій дѣтей*», «*Марія съ младенцемъ*» того же художника.—Изъ бумажной папки выдѣланы фигуры римско-нѣмецкихъ императоровъ: *Родольфа Габсбургскаго*, *Альбрехта Брандта* и «горшокъ съ цвѣтами», и т. п.; заслуживаютъ также примѣчанія рѣзныя работы изъ слоновой кости *Михаила Гагена* изъ Мюнхена: кубокъ съ фигурами и арабесками, изображающими: «*Походъ Вакханокъ*», «*Шахматная игра*», работы *Христіана Франка* изъ Фюрта; «*Битва германцевъ*».—*Гейля* изъ Дармштадта.

Хотя я множество наименовалъ предметовъ, заслужившихъ общее вниманіе,—но вижу, что еще болѣе пропущено мною; вѣтъ возможности о всѣхъ говорить: такъ богата Выставка.

Между различными издѣліями, находящимися на Выставкѣ, есть еще одинъ родъ, который я оттого помѣщаю въ самомъ заключеніи, что не зналъ, гдѣ его слѣдовало умѣстить—а именно: *издѣлія изъ волосъ*. Нѣкоторыя изъ этихъ издѣлій заслуживаютъ примѣчанія: онѣ почти все прислааны изъ Франціи и Англіи. *Г. Форреръ* изъ Лондона прислалъ множество образчиковъ этихъ издѣлій. Сдѣланные имъ изъ волосъ портреты королевской фамиліи очень похожи. Надъ ними очень искусно сдѣланы изъ волосъ и золота разныя символическія изображенія. Здѣсь же находятся и портретъ самого художника, окруженнаго цвѣтами, которыя превосходно отдѣланы. Есть и другіе образчики этой удивительной работы, а именно: «*Гробница орлеанской дѣвы*»,—множество кошелекковъ, букеты, браслеты, броши, перстни и пр. и пр.—*Ганзенъ и Коитинъ* прислали большую корзину съ цвѣтами. Трудно себѣ представить, съ какимъ необыкновеннымъ искусствомъ сдѣлааны эти цвѣты. Но любопытаѣе всего въ этомъ отдѣленіи Выставки есть портретъ герцога *Валлійскаго*. Въ французскомъ отдѣленіи одинъ только художникъ прислалъ подобныя издѣлія, а именно: *Лемонье*—портретъ королевы *Викторіи*, довольно большой величины, надъ которымъ онъ трудился 8 мѣсяцевъ (цѣнять его въ 10,000 фр.),—онъ уступастъ однако

англійскому, — по за то его ландшафты, букеты и разныя дамскія украшенія показываюгь много вкуса и искусства. Всѣ эти издѣлія перешиты золотомъ и драгоценными камнями.

Энтузіасмъ публики къ Всемирной Выставкѣ не только не уменьшался до самаго закрытія ея, послѣдовавшаго 11 октября н. ст., но можно сказать, что съ каждымъ днемъ увеличивался. — Общее число лицъ, посѣтившихъ Кристалльный Дворецъ въ продолженіе пяти мѣсяцевъ и 10 дней, превышало *шесть милліоновъ* человекъ, такъ, что круглымъ числомъ приходилось на каждый день до 60,000 посѣтителей, въ послѣдніе дни число то это превосходило 100,000 человекъ; не взирая на такое огромное собраніе публики въ одномъ мѣстѣ, порядокъ не былъ ни разу нарушаемъ, и торжество это не было ознаменовано ни какимъ происшествіемъ; даже число воровскихъ покушеній было весьма незначительно: задержано всего до 20 воровъ. Весь сборъ по Выставкѣ составлялъ: 469,115 ф. с. (2,814,690 р. с.), а расходы: 170,743 ф. с. или 1,024,458 р. с., слѣдственно чистой прибыли получено: 298,372 ф. или 1,790,162 р. с. — сумма огромная, которая превзошла даже ожиданіе учредителей Выставки!

Часть этой суммы употреблена на раздачу отличившимся на Выставкѣ выставителямъ всѣхъ націй, медалей, которыя раздѣляются на два рода, одинъ состоитъ изъ большей, или *совѣтской медали* (Council Medal), она опредѣлена только за новое изобрѣтеніе или новостъ рисунка произведеній и можетъ быть окончательно присуждаема совѣтомъ предѣдателей всѣхъ комитетовъ присяжныхъ; — второй родъ состоитъ изъ меньшей, *медали 2 й степени* (prize medal), которая дается за произведенія, отличающіяся хорошими качествами, но не выходящія изъ обыкновеннаго круга; — сверхъ этихъ наградъ опредѣлено раздать еще *похвальные отзывы* (Ponourable mention) всѣмъ тѣмъ экспонентамъ, которыхъ произведенія обратили на себя общее вниманіе. — Всѣхъ этихъ наградъ роздано королевскою комиссіею до 3000; въ томъ числѣ: большихъ медалей 172, второй степени и похвальныхъ отзывовъ до 2800.

Изъ русскихъ экспонентовъ удостоены наградъ большой или совѣтской медалью три выставителя; медалью 2-й степени удостоены 60 лицъ и мѣстъ, а похвальными отзывами надѣлены 67 лицъ; и такъ изъ 365 русскихъ экспонентовъ 130 лицъ и мѣстъ признаны заслужившими награду. — Это важная эпоха для русской промышленности!

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МЕГЮЛЬ.

Возобновленіе «Иосифа» въ Парижѣ обратило снова всеобщее вниманіе на композитора этой оперы, который стоитъ въ числѣ людей, прославившихъ французскую школу. Наши читатели, конечно не найдутъ дурнымъ, что мы, пользуясь минутою общаго увлеченія, займствуемъ нѣсколько фактовъ, говорящихъ не только въ пользу таланта, но и въ пользу характера замѣчательнаго человека изъ его біографіи. — Независимо отъ своихъ оперъ, Мегюль, написалъ музыку для многихъ поэмъ, сочиненныхъ на различные торжественные случаи и праздники, при Наполеонѣ, господами Шенье, Арно и де-Фонтаномъ. Та пѣсня, которая вмѣстѣ съ французами обошла всю Европу, пѣсня, въ которой ясно выражены восторги побѣдителей, словомъ знаменитый «*Chant du Départ*» — принадлежитъ Мегюлю. Наполеонъ, который для иностранныхъ музыкантовъ сдѣлалъ, быть можетъ, слишкомъ много, не былъ слишкомъ несправедливъ и къ первому музыканту французской школы. Онъ далъ Мегюлю пенсію въ 2000 франковъ; онъ хотѣлъ сдѣлать болѣе и поставить Мегюля въ главѣ своей музыки, поставить его наравнѣ съ Давидомъ, котораго назвалъ своимъ первымъ живописцемъ. Въ томъ, что это не было сдѣлано, виновать самъ Мегюль. Но вина эта такъ много дѣлаетъ ему чести, что мы должны объяснить, въ чемъ она состояла. Узнавъ намѣреніе Наполеона, Мегюль просилъ предлагаемое ему мѣсто и сопряженныя съ нимъ выгоды раздѣлить между нимъ и Керубини, котораго талантъ и бѣдность были извѣстны Мегюлю. Императоръ увидѣлъ условіе въ этой проебѣ. «Я хочу», — сказалъ Наполеонъ, — «имѣть капельмейстера, который бы занимался музыкою и не дѣлалъ шума» и назначилъ автора «Бардовъ».

Мегюль былъ огорченъ этимъ отказомъ болѣе потому, что въ слѣдствіе его страдалъ другъ его, и мы также не должны слишкомъ объ этомъ печалиться: если Мегюль не написалъ ни одного мотета; за то нѣсколько его оперъ вознаграждаютъ насъ вполне. Замѣчательнѣе прочихъ его послѣднихъ произведеній опе-

ра «Амфіонъ», которая далеко не имѣла успѣха, котораго заслуживала. Прекрасныхъ мѣстъ въ этой оперѣ множество. Мегюль посвятилъ ее выраженію чувства, которое всю жизнь его не покидало; онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ передать въ ней языку дружбы всю прелесть, которую онъ для него имѣлъ. Мегюль успѣлъ въ своемъ намѣреніи; но тщетно. Между-тѣмъ это чудное произведеніе его сердца было написано по системѣ, которая довела огромный успѣхъ ея изобрѣтателю. Система эта состояла въ томъ, чтобъ брать въ основу пѣнія природныя звуки.

Мегюль болѣе всего и употреблялъ эти измѣненія голоса, которыми страсти придаютъ столько силы самымъ простымъ словамъ. Мегюль изучалъ ихъ не въ оперѣ, а во французскомъ театрѣ. Всѣ чудныя мѣста оперы Мегюля, которыя восхищаютъ насъ, выражая и красоту природы, — не что иное, какъ музыкальное развитіе декламации Тальмы и госпожи Марсь. Это слова, поддерживаемыя мелодію, которая описываетъ все то, что происходитъ въ сердцѣ дѣйствующаго лица, и выражаетъ ясно то, чего нельзя доказать въ стихахъ. Вообще у Мегюля оркестръ служить болѣе дополненіемъ, нежели необходимою частію оперы.

Природа, наградивъ Мегюля талантомъ, не обидѣла его и въ отношеніи къ сердцу: онъ былъ характера возвышеннаго, котораго основаніемъ служила чувствительность, соединенная съ энергіею, строгою безкорыстностью и щедростью. Эта душа, нѣжная и сильная, была открыта для всѣхъ страстей и умѣла побороть ихъ всѣ, кромѣ страсти къ славѣ. Прибавьте ко всѣмъ этимъ достоинствамъ пламенное воображеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ здравый разсудокъ, сильную воспримчивость, въ высшей степени изящный вкусъ, умѣнье говорить легко и правильно и придавать интересъ всякаго рода разговорамъ — и вы будете въ нѣкоторой степени имѣть понятіе о Мегюлѣ. Слѣдующій его поступокъ доказываетъ, какъ онъ уважалъ дружбу. Оставшись однажды почти на-единѣ на дачѣ съ одною дамою, къ которой онъ былъ равнодушенъ и которую любилъ со всею своею ответственною ему горячностью, онъ вспомнилъ во-время, что мужъ ея былъ его другомъ. Онъ тотчасъ-же заперся въ свою комнату, выбросилъ ключъ отъ нея изъ окна и такимъ образомъ провелъ ночь, можетъ быть, очень неприятную, но за то безъ угрызеній совѣсти.

Слѣдующій поступокъ показываетъ, какъ сильно Мегюль жаждалъ славы. Господинъ Лемуаръ, начальникъ полиціи, очень любилъ Мегюля и однажды сказалъ ему это. «Такъ будьте столько добры», — отвѣчалъ музыкантъ, — «докажите справедливость словъ вашихъ на дѣлѣ.» — Какое-же доказательство нужно вамъ? — «Я еще не приобрѣлъ извѣстности, и теперь мнѣ представляется случай сдѣлаться извѣстнымъ: мнѣ поручили либретто оперы, которое хочу переложить на музыку въ шесть мѣсяцевъ. Но какъ быть? мнѣ безпрестанно представляются разныя развлеченія.... Будьте такъ добры, велите посадить меня на шесть мѣсяцевъ въ Бастилію.» Господинъ Лемуаръ не согласился исполнить такую просьбу, и Мегюль, не смотря на свою молодость, — ему было тогда двадцать лѣтъ, — сдѣлался самъ своимъ тюремщикомъ и ревностно принялся за работу. Такимъ образомъ онъ, не смотря на различныя обязанности, которыя отвлекали его отъ музыки, написалъ очень много пьесъ. Онъ умеръ пятидесяти-четырехъ лѣтъ отъ роду въ 1818 году. Въ немъ потеряли мы талантливаго артиста и человѣка съ возвышенною душою. За гробомъ Мегюля шло далеко не столько народу, сколько бываетъ обыкновенно на похоронахъ разныхъ иностранныхъ музыкантовъ; но за то Мегюля провожали люди, прославившіеся въ его искусствѣ. Ученики великаго композитора, черезъ нѣсколько дней послѣ его погребенія, почтили память своего наставника вѣнкомъ на его могилѣ. Вѣнокъ этотъ былъ давою ихъ уваженія и горести.

Мегюль былъ всегда хорошимъ сыномъ и въ послѣдствіи хорошимъ отцомъ семейства. Не имѣя дѣтей отъ брака съ дочерью доктора Гастальди, онъ обратилъ всю свою нѣжность на своего племянника, извѣстнаго теперь господина Доссуаня; этому ребенку Мегюль, вмѣстѣ съ отцовскими попеченіями, передалъ и свой талантъ и все то, чему его самого выучилъ Глюкъ. Молодой питомецъ Мегюля получилъ первый призъ за сочиненія въ Парижскомъ Институтѣ и былъ отправленъ въ Италію. По возвращеніи въ Парижъ, онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ музыкальныхъ пьесъ. Когда «Стратонису» перенесли на сцену Музыкальной Академіи, тогда речитативы къ этой оперѣ, также какъ и окончаніе партитуры «Валентины Миланской», неоконченной Мегюлемъ, прибавилъ господинъ Доссуанъ и прибавилъ такъ удачно, что нѣтъ различія между его музыкою и музыкою Мегюля, и кажется, что вся опера написана однимъ и тѣмъ-же композиторомъ. Эту оперу давали въ 1823 году на театрѣ Комической Опе-

ры, и она имѣла успѣхъ, хотя непродолжительный, въ чемъ, впрочемъ нисколько не виноватъ музыкантъ.

Мегюль оставилъ нѣсколько неоконченныхъ произведеній, между прочимъ оперу «Сезострисъ», о которой онъ много говорилъ.

ЕЛКА.

Въ нашихъ петербургскихъ нравахъ очень много заимствованій у иностранцевъ. Правда, не всякое подраженіе хорошо, но есть предметы, которые перенимать вовсе не худо. Къ такимъ предметамъ и обычаямъ принадлежитъ привычка дарить дѣтей въ праздникъ Рождества Христова—елкою, украшенною огнями, золочеными фруктами, конфектами, игрушками и книгами. Къ намъ обычай этотъ перенесенъ, во время Петра Великаго. Съ тѣхъ поръ онъ укоренился и почти совершенно вошелъ въ наши нравы. Теперь въ рѣдкомъ домѣ вы не встрѣтите елки, даже бѣднѣйшіе родители не отказываютъ въ ней своимъ дѣтямъ.

По этому все отрасли петербургской промышленности около Рождества стремятся къ одной цѣли, именно, къ елкамъ. Хлѣбники — пекутъ пряники; портные — шьютъ дѣтскія платья; переплетчики — изготовляютъ бомбоньерки и картонажи; токари — точатъ игрушки; мебельщики готовятъ миниатюрныя мебели; кондитеры — золотятъ орѣхи, отливаютъ шоколадныя куклы и прочее, издатели — печатаютъ дѣтскія книжки. Словомъ, это чисто дѣтскій базаръ: у всехъ ввиду выгоды, основанныя на дѣтскихъ забавахъ; елка — благотворное дерево, подъ сѣнь котораго стремится весь промышленный Петербургъ! Кондитерскія превращаются въ Гесперидскія сады, сѣнная и окружающія ее улицы и проулки въ бульвары — изъ елокъ.

Но изъ всего промышленнаго міра Петербурга есть одинъ человѣкъ, который предлагаетъ наиболѣе усердія, когда дѣло идетъ

объ общественномъ удовольствіи. Это И. И. Излеръ. Нельзя достаточно надивиться изобрѣтательности, умѣнью, ловкости и безкорыстію этого почтеннаго торговца во всѣхъ его начинаніяхъ для удобства и наслажденія публики. Лѣтніе праздники его на «Минеральныхъ Водахъ» приводятъ въ изумленіе самыхъ иностранцевъ: нигдѣ, въ цѣломъ мірѣ, нельзя найти столько развлеченій, разнообразія, вкуса и роскоши, за такую баснословно дешевую цѣну, какую Излеръ беретъ за входъ на свои очаровательные праздники! Недавно еще мы видѣли изъ его афишъ, что Излеръ устроилъ удивительное удобство для всѣхъ, кто желаетъ давать у себя вечера, обѣды, ужины и прочее, предлагая, за чрезвычайно умѣренную цѣну, изготовлять столы во всѣхъ вкусахъ; русскіе, итальянскіе, французскіе и англійскіе, и принимая на себя всѣ заботы ихъ обстановки. Вы только заказываете и назначаете часъ, и все у васъ является, какъ по шучьему велѣнью: и великолѣпная посуда, и серебро, и роскошный хрусталь и тонкое бѣлье, и вазы съ цвѣтами, и ловкая, вѣжливая прислуга — и всѣ дары гастрономіи, и по окончаніи вашего праздника, все исчезаетъ такимъ-же волшебнымъ образомъ, не оставя послѣ себя никакого слѣда, кромѣ пріятнаго воспоминанія. Такое устройство истинная заслуга для публики, особенно для людей холостыхъ, или небогатыхъ семействъ, не могущихъ имѣть дома большихъ запасовъ предметовъ роскоши.

И теперь, по поводу *елки*, И. И. Излеръ опять является услужливымъ и ловкимъ. Какъ не ничтожно, кажется, съ перваго взгляда, устройство домашней *елки*, но оно сопряжено съ большими хлопотами и заботами и всегда обходится довольно дорого. Излеръ рѣшился и эту часть удешевить для публики. Кондитерская его просто превратилась въ волшебный садъ Армиды: эти фантастическія деревья, украшенные съ роскошью, со вкусомъ и съ необыкновеннымъ богатствомъ самыхъ замысловатыхъ граничныхъ бездѣлашекъ и конфетъ, представляютъ видъ, по истинѣ, поразительный! И ихъ заготовлены тысячи! Если подумаешь, сколько рукъ трудилось надъ этими рождественскими подарками дѣтямъ, то право любая статистика станетъ въ тупикъ — при вычисленіяхъ. И все это устроено такъ, что всякій вкусъ, отъ самаго прихотливаго до самаго спсходительнаго, всякій карманъ, отъ самаго расточительнаго до самаго тугаго, найдутъ здѣсь, чѣмъ себя удовлетворить. Мысль припасать *елки* — совсѣмъ готовая, во всеоружіи красоты и обилія, принадлежитъ къ самымъ

счастливымъ мыслямъ Излера, всегда богатаго на изобрѣтательность, и многое множество родителей и дѣтей скажутъ ему за нея спасибо: родители за то, что онъ сберегъ имъ время, хлопоты и большія издержки, дѣти — за то, что безъ него, они никогда не могли бы имѣть такого роскошнаго подарка, даже при значительныхъ тратахъ своихъ родителей. Значить цѣль достигнута вполне — ибо Излеръ, если судить по умѣреннымъ цѣнамъ его елокъ, только и хлопочеть объ общественномъ *спасибо!*

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 12.

ШАЛУНЫ

или

ЕЩЕ ВЪДОВАЯ ДЪВУШКА.

ШУТКА - ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СОЧИНЕНІЕ

Н. Н. Круглополева.

Представлена въ 1-й разъ на Александринскомъ театрѣ, 26 сентября 1851 года, въ пользу актера Толченова 1-го.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

Анна Гавриловна Трунова, вдова.
Наденька) ея дѣти.
Петя)
Владиміръ Николаевичъ Закамскій.
Алеша Голубковъ, старый волокита.
Платоша Горлицынъ, его пріятель.
Слуга г-жи Труновой.

АКТЕРЫ :

Г-жа Дюръ.
Г-жа Жулева.
Г. Кузьминъ.
Г. Смирновъ 2 й.
Г. Самойловъ.
Г. Марковецкій.
Г. Натяровъ.

Дѣйствіе происходитъ на дачъ Труновой.

Хорошо убранная комната; дверь въ среднѣ и двѣ по сторонамъ; въ задней стѣнѣ окно, выходящее въ садъ.

I.

ТРУНОВА и ПЕТЯ, сидятъ у стола съ книгой.

Трунова. Что Наденька встала, или нѣтъ?

Петя. Не знаю, маменька! Кажется, что нѣтъ!

Трунова. Этакая негодная дѣвочка! скоро двѣнадцать часовъ, а она еще спитъ! Послушай, Петя, когда Наденька встанетъ, то скажи ей, чтобъ она одѣлась, какъ можно лучше.

Петя. Зачѣмъ, маменька? Развѣ у насъ гости будутъ?

Трунова. Да!... сегодня прѣдетъ твой новый учитель.

Петя. Такъ вы-то зачѣмъ-же уѣзжаете?

Трунова. Мнѣ пужно съѣздить по одному дѣлу, такъ пусть Наденька, во время моего отсутствія, приметъ гостей. Впрочемъ, я скоро возвращусь.

Лакей (*входитъ*). Карета готова!

Трунова. Хорошо!... Прощай, Петя! (*Петя цѣлуетъ ея руку.*) Такъ смотри-же, не забудь сказать сестрѣ, что я тебѣ говорила.

Петя. Не забуду, мамаша!

Трунова. А самъ ты, между-тѣмъ, приготовь хорошенько урокъ, Прощай. (*Уходитъ, за ней слуга.*)

II.

ПЕТЯ, потомъ НАДЕНЬКА.

Петя (*бросаетъ книгу*). Такъ и есть! стану я учить урокъ въ такую прекрасную погоду! Большая важность, что новый учитель придетъ! и не буду знать урока, такъ бѣда не велика: маменька побранитъ, да и только! Вѣдь не въ первый разъ!

Наденька (*сбѣгаетъ, одѣтая мальчикомъ*).

Ужъ шалить, такъ шалить,

я начну такъ и быть...

Здравствуй, Петя!

Петя. Наденька!.. Ха, ха, ха! Какъ ты уморительна!..

Наденька. Что? какова? Послушай, Петя, похожа я на мальчика?

Петя. Это ты у меня утащила курточку-то?

Наденька. Все у тебя!... Ахъ, сколько возни было мнѣ съ

этимъ одѣваньемъ! Катя такая скверная: совсѣмъ одѣвать не умѣетъ!

ПЕТЯ. Нашла время наряжаться! Знаешь-ли ты, что сегодня къ вамъ гости будутъ, какой-то учитель, а маменька уѣхала и ты должна принять гостей?

НАДЕНЬКА. Знаю, знаю! я для этого-то и одѣлась!...

ПЕТЯ. Для чего? (*Слышитъ звонокъ въ передней.*)

НАДЕНЬКА. Ай! это онъ! Смотри-же, Петя, не выдавай меня! да не забудь, меня зовутъ... (*Приложивъ палецъ ко рту.*) Да, какъ же, въ самомъ дѣлѣ, меня зовутъ?

ПЕТЯ. Колей!...

НАДЕНЬКА. Ну, ну, хорошо! смотри-же, не забудь, меня зовутъ Колей!...

III.

ТѢЖЕ и ЗАКАМСКІЙ.

ПЕТЯ. Ахъ, Владиміръ Николаевичъ! Это вы?

ЗАКАМСКІЙ. Здравствуй, Петинька. (*Наденька, молча кланяется Закамскому; онъ почтительно отвѣчаетъ на ея поклонъ. Пети.*) Это кто такой?

НАДЕНЬКА. Ха, ха, ха!

ЗАКАМСКІЙ. Боже мой! Надежда Михайловна! вы-ли это?

НАДЕНЬКА. А вы меня не узнали?

ЗАКАМСКІЙ. Признаюсь, васъ трудно узнать въ этомъ костюмѣ.

НАДЕНЬКА. Я думаю, это васъ удивляетъ?

ЗАКАМСКІЙ. Не совсѣмъ! я уже привыкъ къ вашимъ шалостямъ. Но что вамъ за фантазія пришла наряжаться? Вѣдь нынче не святки?

НАДЕНЬКА. Такъ и быть, скажу! Вамъ можно: вѣдь вы мамшѣ не скажете!

ЗАКАМСКІЙ. Что за идея!...

НАДЕНЬКА (*грустно*). Видите, въ чемъ дѣло, Владиміръ Николаевичъ! Меня хотятъ женить!

ЗАКАМСКІЙ. Васъ хотятъ женить? Ха, ха, ха! вотъ это мило!

НАДЕНЬКА. Да чему-же вы смѣетесь?

ЗАКАМСКІЙ. Помилуйте, какъ не смѣяться, когда васъ хотятъ женить, или вы ужъ хотите всегда ходить въ мужскомъ платьѣ?

НАДЕНЬКА. Ахъ, какая я вѣтренница! ну, все равно! Меня хотятъ выдать замужъ!

ЗАКАМСКІЙ. Кто вамъ сказалъ?

НАДЕНЬКА. Я сама узнала. Вчера мамаша получила отъ своей пріятельницы письмо и во время чтенія что-то очень часто по-сматривала на меня. Мнѣ показалось это подозрительнымъ: вѣрно что-нибудь въ письмѣ обо мнѣ написано! Вотъ я вчера потихоньку и вытащила изъ маменькинаго бюро это письмо....

ЗАКАМСКІЙ. Шалунья! развѣ можно читать чужія письма?

НАДЕНЬКА. Да вѣдъ тамъ обо мнѣ было написано, а то-бы я и читать не стала. Я терпѣть не могу читать писемъ. Вотъ Машенька Костина сколько мнѣ присылала записокъ, а я, не распечатывая, имп все папироски закуривала, только потихоньку отъ маменьки: вѣдъ она мнѣ запрещаетъ курить.

ЗАКАМСКІЙ. Но скажите, пожалуйста, что - же объ васъ то писали маменькѣ?

НАДЕНЬКА. А вотъ прочтите. *(Подаетъ ему письмо.)*

ЗАКАМСКІЙ. Очень любопытно. *(Хочетъ читать.)*

НАДЕНЬКА. Владиміръ Николаевичъ! Что вы дѣлаете?

ЗАКАМСКІЙ. Что такое?

НАДЕНЬКА *(подражая его голосу)*. Развѣ можно читать чужія письма?

ЗАКАМСКІЙ *(улыбаясь)*. Я беру примѣръ съ васъ!

НАДЕНЬКА. То-то-же! Вы все таковы! Наставленія давать любите, которые сами не исполняете.

ЗАКАМСКІЙ. Въ такомъ случаѣ я и читать не стану!

НАДЕНЬКА. Нѣтъ, читайте, читайте, я вамъ позволяю.

ЗАКАМСКІЙ. О, если узнаетъ объ этомъ Анна Гавриловна! до-станется вамъ!

НАДЕНЬКА. Да читайте-же скорѣе! вѣдъ Голубковъ скоро прі-ѣдетъ.

ЗАКАМСКІЙ. Кто, кто такой?

НАДЕНЬКА. А мой женихъ?

ЗАКАМСКІЙ. На которомъ васъ женить-то хотятъ?...

НАДЕНЬКА. Насмѣшникъ!

ЗАКАМСКІЙ. Посмотримъ, какъ его рекомендуютъ. *(Читаетъ.)* «Милая Анна».... Ну, это въ сторону!... Гдѣ-же объ васъ-то пишутъ? А! вотъ!... «Сегодня пріѣдетъ къ тебѣ подъ видомъ учителя одинъ мой знакомый, прекрасный, богатый человекъ, нѣкто Голубковъ, который хочетъ жениться на твоей Наденькѣ. Совѣ-тую тебѣ не упускать изъ рукъ такого жениха, тѣмъ болѣе, что я стараюсь объ этомъ!» Ваша знакомая, кажется, въ свахи за-писалась?

Наденька. Читайте дальше.

Закамскій. «Оставь ихъ, пожалуйста, однихъ, чтобы они лучше узнали другъ друга»!...

Наденька. Каково? и вѣдь маменька въ-самомъ-дѣлѣ уѣхала и велѣла мнѣ встрѣтить гостя.

Закамскій (*всторону*). О маменька! Понимаю я твою цѣль! (*Наденькѣ*.) Что же вы теперь хотите дѣлать?

Наденька. Хочу подурочить его неможко! Вы мнѣ тоже поможете?

Закамскій. Съ удовольствіемъ! Значитъ, я пришелъ сюда во время?

Наденька. Конечно, а то я хотѣла за вами послать, даже и записку приготовила. Вотъ она!.. (*Даетъ ему записку*.)

Закамскій (*пробѣжавъ записку, нечаянно роняетъ ее на полъ*) Ну, а если Голубковъ вамъ поврвится? Что тогда? Вы вѣрно, выйдете за него замужъ?

Наденька. Ни за что. Вѣдь я вамъ дала слово.

Закамскій (*цѣлуетъ ея руку*). О, добрая Надень..... Надежда Михайловна!

Наденька. Ничего, ничего! называйте меня Наденькой!

Закамскій. Вы позволяете?

Наденька. Отъ всей души!

Закамскій. Наденька! Какъ прелестно это имя? Оно къ вамъ гораздо лучше идетъ, нежели чопорное Надежда Михайловна.

Наденька. Разумѣется! Вѣдь я точно ребенокъ! Ахъ, Владиміръ Николаевичъ! Мнѣ иногда бываетъ на себя досадно: ни какъ не могу отвыкнуть отъ шалостей и сдѣлаться взрослой дѣвухой! Научите меня!

Закамскій. Будьте скромнѣе, начиная съ этого дня!

Наденька. Непремѣнно! даю вамъ слово! а то что я буду за жена! Но сегодня мнѣ очень хочется пошалить; вѣдь это, можетъ быть, въ послѣдвій разъ!

Закамскій. На сегодняшній день я разрѣшаю!

Наденька. И сами будете помогать?

Закамскій. Буду, буду!

Наденька. О, какъ я рада, что подурочу моего нарѣченнаго жениха, котораго и въ глаза не знаю!

Закамскій. Но скажите, пожалуйста, какой-же у васъ планъ?

Наденька. Да вѣтъ никакого! Мнѣ, просто, хочется пошалить. Мнѣ досадно, зачѣмъ мною такъ свободно распоряжаются, какъ

куклой какой!... (За сценой слышенъ звонокъ.) Ахъ, Боже мой! Это, вѣрно, овъ.... Пойдемте скорѣе отсюда!

ЗАКАМСКІЙ. За чѣмъ же?...

НАДЕНЬКА. Мнѣ что-то страшно!... Надо собраться съ духомъ! Пойдемте-же! (Всѣ уходятъ.)

IV.

ГОЛУБКОВЪ, ГОРЛИЦЫНЪ и ЛАКЕЙ.

Голубковъ. Все равно! Если барыни пѣтъ дома, такъ доложи хоть барышнѣ.

ЛАКЕЙ. Какъ прикажете доложить объ васъ?

Голубковъ. Скажи, что прѣехали Голубковъ и Горлицынъ.

ЛАКЕЙ. Слушаюсь. (Уходитъ въ комнату Наденьки.)

V.

ГОЛУБКОВЪ и ГОРЛИЦЫНЪ.

Горлицынъ. А вѣдь, ей-Богу, Алеша, мы созданы нарочно другъ для друга: даже и фамилии-то наши какъ-то.... этакъ.... соотвѣтственны: Голубковъ и Горлицынъ! Голубокъ и горлица! Странное стеченіе обстоятельствъ!

Голубковъ (осматриваетъ комнату въ лорнетъ). Миленькая комната! очень миленькая! и убрана со вкусомъ. (Напльвал.)

«Ты поди, моя коровушка, домой!»

Горлицынъ. Судя по комнатѣ, можно надѣяться, что мы пообѣдаемъ сегодня отлично.

Голубковъ. А ты надѣешься, что насъ здѣсь оставятъ обѣдать?

Горлицынъ. Я думаю! Вѣдь я затѣмъ и поѣхалъ съ тобой, чтобы поѣсть повкуснѣе.

Голубковъ. И садикъ какой хорошенькой! Недурно, недурно! (Напльвал.) «Крамбамбули, отцевъ наследство!»

Горлицынъ. Отличная дача! надобно полагать, что и поваръ здѣсь хорошъ.

Голубковъ. Ба! кто это тамъ идетъ въ розовомъ платьѣ? Посмотри, Платоша!

Горлицынъ. Гдѣ, Алеша?

Голубковъ. Воиъ тамъ, по аллеѣ.... Это, кажется, моя невеста!

Горлицынъ. Помилуй, братецъ! Это, просто, горничная!

Голубковъ (*смотря въ лорнетъ*). Хорошенькая! прелесть дѣвочка! Ей, я думаю, не больше, какъ лѣтъ двадцать.

Горлицынъ. Ты, просто, Донъ Жуанъ, Алеша! Ну, какъ можно смотрѣть на горничную, когда думаешь жениться?

Голубковъ. Ничего! ничего! Вѣдь я ужасный шалунъ! Страшный шалунъ! Меня всѣ женщины и любятъ и боятся!

Горлицынъ. Ахъ, Алеша! Мнѣ все что-то не вѣрится! Неужели ты серьезно намѣренъ жениться!

Голубковъ. Вѣдь надобно-же когда-нибудь перебѣситъ! Мнѣ эти побѣды надъ женщинами ужасно надоѣли! все одно и то же! пора перестать! да и ихъ жалко, бѣдненькихъ!

Горлицынъ. Такъ ты, не шутя, залумалъ исправиться?

Голубковъ. Не шутя, не шутя! Теперь ужъ шутки въ сторону!

Горлицынъ. Странное стеченіе обстоятельствъ!

Голубковъ. Впрочемъ, меня и обстоятельства принуждаютъ жениться....

Горлицынъ. Любовныя?...

Голубковъ. Нѣтъ, не любовныя, а карманныя!...

Горлицынъ. А что? развѣ у тебя карманъ-то этакъ.... фить!

Голубковъ. Да! со свистомъ!... были-бы деньги, такъ ужъ вѣрно не промѣнялъ-бы своей свободы.

Весна моей жизни увяла,

Темна, безнадежна душа!...

Пошаривъ въ карманахъ, тамъ мало,

Иль, попросту, нѣтъ ни гроша!

А хочется все веселиться

И уголь у карты загнуть!...

Ахъ, если-бъ удачно жениться,

Съумѣлъ-бы я жизнью блеснуть!...

А все эти московскія цыганки разорили меня совѣмъ! По чистой совѣсти сказать, любилъ я у нихъ бывать! шибко кутил! и не жаль для такихъ хорошенькихъ! Просто прелесть, что за штучки! Шлутовки и шалуньи ужасныя, совершенно въ моемъ вкусѣ... хоть кого проведуть... только, конечно, не меня! я ужъ тертый калачъ! самъ шалунъ первостатейный.

Горлицынъ. Да, Алеша! шалости до добра не доведутъ! Теперь или женись, или полѣзай въ петлю! Впрочемъ, это все равно!

Голубковъ. Нѣтъ, не все равно! вотъ я женюсь на Наденькѣ, да и приберу ея денежки къ рукамъ, а тамъ....

Горлицынъ. А тамъ и пошелъ на право и на лѣво?

Голубковъ. Нѣтъ, теперь ужъ *минувшихъ дней очарованье* въ сторону! И радъ - бы, да дѣлать неч! Нѣтъ прежней ловкости въ пальцахъ! совершенно нѣтъ! бывало такъ ловко передернешь, что и самъ не замѣтишь... О, я былъ страшный шалунъ!

Горлицынъ. Да и вывче не уступишь ни кому?

Голубковъ. Да, да! и вывче никто не въ состояннн со мной тягаться! Грѣшный человекъ... люблю пошалить... особенно съ женщинами! О, женщины моя пассія!

Любилъ, люблю и вѣчно буду
Всегда хорошенькихъ любить!
Не разъ случалось, не забуду,
Интрижки съ ними заводить!

Да!

Интрижки съ ними заводить!

Любилъ я дѣвушекъ прелестныхъ,
Да и замужнихъ побѣждалъ;
Любилъ и вдовъ я неутѣшныхъ,
Которыхъ скоро утѣшалъ!

Да

Которыхъ скоро утѣшалъ!

И на моемъ вѣку случалось,
Что и модистокъ я любилъ...
И все легко мнѣ удавалось:
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

Да!

Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

Горлицынъ. Ужъ я не могу прибрать тебѣ и названія! Ты... ты Цампа какой-то!

Голубковъ. Цампа! (*Поетъ.*) «Власть моя всего сильнѣй...»

VI

ТѢЖЕ И СЛУГА.

Слуга. Барышни нѣтъ-съ дома: онѣ чакже изволили отправиться вмѣстѣ съ своей матушкой.

Голубковъ. Вотъ тебѣ и разъ!

Горлицынъ. Что это значитъ?

Голубковъ. А не знаешь, скоро они будутъ назадъ?

Слуга. Не могу знать-съ. Впрочемъ, молодые господа дома; они сию-минуту выйдутъ къ вамъ. (*Уходитъ.*)

VII.

ГОЛУБКОВЪ и ГОРЛИЦЫНЪ.

Голубковъ. Да чортъ-ли мнѣ въ молодыхъ господахъ? Вѣдь я не на нихъ собираюсь жениться? Это смѣшно!

Горлицынъ. Да! странное стеченіе обстоятельствъ! Вирочемъ, и сама хозяйка не слишкомъ деликатно поступила и уѣхала со двора, зная, что ты будешь.

Голубковъ. Это сдѣлано по предписанію, собственно для того, чтобъ мы, то-есть я и Наденька, могли лучше узнать другъ друга!

Горлицынъ. Бѣдная матушка! она не знала на какого льва ставила свою овечку.

Голубковъ (*самодовольно улыбаясь*). Да, тогда вѣрно не оставила-бы ее одну!

Горлицынъ. А знаешь-ли что, Алеша? Мнѣ кажется, что насъ чисто на чисто не хотятъ принять! Не лучше-ли намъ убраться, пока есть время? А послѣ хотя насъ и съ честью выводятъ, да все-таки непріятно!

Голубковъ. Ну, вотъ, пустяки какіе! Гдѣ видано, чтобъ жениха не захотѣли принять?... Это ни съ чѣмъ не сообразно!

Горлицынъ. Да мало-ли бываетъ странныхъ стеченій обстоятельствъ! (*Замѣчаетъ записку, потерянную Закамскимъ.*) Ба! ба! это что за розовая бумажка? (*Развертываетъ.*) Записка! и какая душистая! (*нюхаетъ.*) Такъ жасминомъ и разить! Понюхай-ка. (*Отдаетъ записку Голубкову.*)

Голубковъ (*нюхаетъ*). Не правда! это настоящій ex-voquet.

Горлицынъ. Ну, а прочти-ка, что тутъ написано?

Голубковъ. Должно быть, что-нибудь любовное! Это я навѣрно знаю, потому что у меня такихъ записокъ пропасть! Вотъ такая куча! Все объясненія въ любви! (*Читаетъ, смотря въ лорнетъ.*) «Приходите ко мнѣ на помощь и не удивляйтесь, увидя «меня въ мужскомъ платьѣ: мнѣ хочется одурaczyć одного гос-подина!» (*Прячетъ записку.*) Ха, ха, ха! Это надо принять къ свѣдѣнію! Превосходно!... Чудно-хорошо! Теперь я вполне увѣренъ, что на ловца и звѣрь бѣжитъ! Пошалимъ, пошалимъ! Я отъ этого ни чуть не прочь, потому что побѣда останется навѣрно на моей сторонѣ!

Горлицынъ. А я-то что-же буду дѣлать!

Голубковъ. Какъ что? Я буду учитель искусствъ, а ты профессоръ всевозможныхъ наукъ.

Горлицынъ. Я... профессоръ? что ты за вѣлѣность выдумалъ? Меня и изъ школы-то выгнали за лѣность, а ты...

Голубковъ. Да не бойся! тебя не сдѣлають учителемъ! Это только простой предлогъ, чтобы войти въ домъ! Вѣдь надобно же тебѣ разыгрывать какую нибудь роль, а то какъ разъ назовутъ объѣдалой!

Горлицынъ. Странное стеченіе обстоятельствъ!

VIII.

ТЪ ЖЕ, ЗАКАМСКІЙ, НАДЕНЬКА и ПЕТЯ.

ЗАКАМСКІЙ (*раскланисаясь*). Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть г-на Голубкова?

Голубковъ. Честь имѣю рекомендоваться! Алексѣй Алексѣевичъ Голубковъ, учитель искусствъ, какъ-то: пѣнія, танцованія, фехтованія, гимнастики, плаванія, верховой ѣзды и проч. и проч.

Горлицынъ (*всторону*). Удивительный человекъ! Вретъ и не краснѣетъ!

Закамскій. Очень пріятно познакомиться!

Голубковъ. Много чести! много чести!

Наденька (*Петь*). Ихъ двое? что это значитъ?

Голубковъ (*указывая на Горлицына*). А вотъ позвольте вамъ представить моего товарища, Платона Платоновича Горлицына, профессора различныхъ наукъ. (*Горлицынъ кланяется*.) Онъ прекрасно преподаетъ математику...

Горлицынъ (*всторону*). Дважды-два-четыре, а дальше не спрашивай!

Голубковъ. Обладаетъ обширными свѣдѣніями въ статистикѣ и географіи.

Горлицынъ (*тоже*). Петербургскія улицы знаю.

Голубковъ. Превосходно знаетъ ботанику...

Горлицынъ (*тоже*). Да! розу отъ крапивы отличить съумѣю

Закамскій. Очень радъ! очень радъ, что мои ученики кончатъ свое воспитаніе подъ руководствомъ такихъ преподавателей.

Голубковъ. Такъ вы...

Закамскій. Я учитель и гувернеръ этихъ дѣтей, которыхъ рекомендую вамъ, какъ по прилежанію, такъ и по удивительнымъ способностямъ.

Голубковъ (*смотря въ лорнетъ*). Будьте знакомы, будьте знакомы! (*Протягиваетъ и изъ руку*.) Надѣюсь, что вы меня по любите! Я славный малый! Ужасный ша...

Горлицынъ (толкаетъ его). Что ты? ономысь!

Голубковъ (закашливаясь). Да, ма! я ужасный дѣбракъ! (Горлицыну.) Смотри въ оба! (Горлицынъ начинаетъ вертѣться около Наденьки и осматриваетъ ее съ ногъ до головы.)

Петя. Такъ вы не будете меня бранить за лѣнность?

Голубковъ (не отнимая отъ глазъ лорнета). Нѣтъ, не буду! я не люблю есориться!...

Петя. О, когда такъ, я ужъ теперь васъ люблю!

Голубковъ (беретъ его за руку). Ну, вѣдь я говорилъ, что вы меня полюбите! (Всторону.) Это, кажется, дѣвушка!

Наденька. И меня не будете бранить?

Голубковъ (беретъ ея руку и смотритъ въ лорнетъ). Я буду вашимъ другомъ! (Всторону.) Нѣтъ, вотъ это, кажется, дѣвушка. (Петя, чтобъ не расхохотаться, отходитъ къ окну; Горлицынъ его преследуетъ.)

Наденька. А вашъ товарищъ сердитъ?

Голубковъ. Нѣтъ, онъ тоже добрый человекъ, но только не-людимъ большой: все занятъ науками.

Наденька. Я не люблю ученыхъ: они всѣ такіе скучные!

Голубковъ (всторону). Это дѣвушка! Сейчасъ видно, что дѣвушка! Женщины вообще терпѣть не могутъ ученыхъ.

Наденька (Закамскому). Оставьте насъ! Мнѣ хочется отъ него кой-что вывѣдать!

Закамскій. Оставляю безъ опасенія. (Горлицыну.) Вы, кажется, любите ботанику?

Горлицынъ. Какъ же! очень люблю! Это любимая моя наука.

Закамскій. Такъ не угодно-ли вамъ осмотрѣть нашъ садъ; въ немъ очень много рѣдкихъ растеній!

Горлицынъ. Съ большимъ удовольствіемъ! (Всторону.) Чортъ бы взялъ эту ботанику! ну, какъ я теперь выпутаюсь? (Тихо Голубкову.) Что мнѣ теперь дѣлать?

Голубковъ. Ври, что хочешь, а самъ между-тѣмъ наблюдай хорошецко! Можетъ быть, тотъ мальчикъ — дѣвочка!

Горлицынъ. Странное стеченіе обстоятельствъ! (Закамскому и Петю.) Я къ вашимъ услугамъ! (Уходитъ.)

—

IX.

НАДЕНЬКА И ГОЛУБКОВЪ.

Голубковъ (всторону). Какое я? настоящій Юлій Цесарь: veni, vidi, vici. —

Наденька. Позвольте узнать ваше имя?

Голубковъ. Алексѣй Алексѣичъ! но я не имѣю удовольствія... да бросимъ эти фразы! я человѣкъ откровенный, безъ всякихъ церемоній! У меня для всѣхъ душа на распахку! скажите, какъ васъ зовутъ?

Наденька. На... Колей!

Голубковъ (*всторону*). Проговорилась! ужъ видно, что дѣвушка! (*Наденькѣ*.) Ну, cher Nicolas, вы мнѣ очень правитесь!

Наденька. Какъ вы мнѣ!

Голубковъ. Значить, мы съ вами сошлись характерами! и съ этихъ поръ мы друзья! Не такъ-ли?

Наденька (*протягивая ему руку*). Друзья.

Голубковъ (*всторону*). Чортъ возьми! мнѣ не бывало такого счастья!

Наденька. А чему вы меня будете учить?

Голубковъ. Всевозможнымъ искусствамъ.

Наденька. Однако?

Голубковъ. Танцованію...

Наденька. Я хорошо танцую.

Голубковъ. Ну, а я васъ усовершенствую.

Наденька. Еще чему?

Голубковъ. Пожалуй... верховой ѣздѣ.

Наденька. Нѣтъ, нѣтъ! не хочу! я ужасно боюсь лошадей!

Голубковъ (*всторону*). Это дѣвушка... и лошадей боится... (*Наденькѣ*.) Напрасно, напрасно! Этакъ, напримѣръ, утромъ для моціона...

Наденька. Ни за что не стану учиться!

Голубковъ. Ну, ну! какъ хотите! мнѣ все равно! все равно! я съ вами лучше займусь гимнастикой, напримѣръ, плаваніемъ.

Наденька. Пожалуй.

Голубковъ (*всторону*). Чортъ возьми! неужто я ошибся! неужто это мальчикъ? (*Смотритъ на нее въ лорнетъ*.)

Наденька. Что вы на меня смотрите?

Голубковъ. Такъ! это моя привычка! Вѣдь я ужасно близорукъ. Впрочемъ, по правдѣ сказать, ваше лицо напоминаетъ мнѣ одну дѣвицу!

Наденька. Дѣвицу! ха, ха, ха! Вы находите, что я похожъ на дѣвочку! (*Всторону*.) Если онъ догадается!

Голубковъ. Нѣтъ, нѣтъ, нисколько... нисколько. Я только пошутилъ...

Наденька. А вы будете учить меня пѣнію?

Голубковъ. Буду, буду; а вы поете что-нибудь?

Наденька. Цыганскія пѣсни.

Голубковъ. Цыганскія пѣсни! ахъ, спойте, пожалуйста, что-нибудь?

Наденька. А вы любите ихъ?...

Голубковъ. Просто обожаю! Не пропускаю ни одного концерта, гдѣ поютъ цыгане! сколько удалства, жизни, музыкальности въ ихъ пѣсняхъ! (Поетъ.)

Антипка балалайку
Нечаянно сломалъ,

Прелестъ что за пѣсня! всѣ меломаны отъ нея въ восхищеніи.

Наденька. Нѣтъ, я вамъ спою лучше другую.

Голубковъ. Все равно, все равно, другую спойте.

Наденька (поетъ).

Матушка, голубушка,
Солнышко мое!
Пожалѣй, родимая,
Дитятко свое!
Словно змѣя лютая
Сердце мнѣ сосеть
И цѣлую поченьку
Спать мнѣ не даетъ!*

Что это, родимушка,
Сталось со мной?
Али приключился мнѣ
Злой ведугъ какой?
Ахъ, скажи, родимая,
Чѣмъ мнѣ пособить?
«Знать, приспѣло, дитятко,
«Времечко любить!» (*)

А вотъ, послушайте другую! (Поетъ.)

Улане, улане,
Малеваны дѣти!
Не одна дивчина
За вами полети!
Ла, ла, ла, ла!
Ла, ла, ла, ла!
Не одна дивчина,
Не одна и вдова,

(*) Музыка А. Гурилѣва.

За вани, улане,

Полетать готова!

Ла, ла, ла, ла!

Ла, ла, ла, ла!

Улане, улане!

Сивы кони майтесь!

Яжъ до-вась припстану,

Ни чѣмъ не кохайтесь!

Ла, ла, ла, ла!

Ла, ла, ла, ла!

(Поетъ и гавцуетъ мазурку. Голубковъ, вѣв себя отъ восторга, припѣваетъ и притопывая, размахиваетъ руками.)

Голубковъ. Душечка!

Наденька. Кому-вы это говорите?

Голубковъ. Вамъ.

Наденька. Мнѣ? ха, ха, ха! Развѣ я дѣвушка!

Голубковъ (*смотря на нее съ лорнетъ*). А чѣмъ вы докажете, что вы не дѣвушка?

Наденька (*всторону*). Неужели онъ догадался? Боже мой! что мнѣ теперь дѣлать?

Голубковъ (*всторону*). Смутилась! Это дѣвушка!...

Наденька. Знаете что, Алексѣй Алексѣичъ?

Голубковъ. Нѣтъ, не знаю!

Наденька. Протанцуете польку-шотишь?

Голубковъ. Вотъ выдумали.... съ какой это стати?

Наденька. Пожалуйста! мнѣ хочется узнать, такъ-ли я танцую!

Голубковъ. Нѣтъ, нѣтъ, ни за-что! послѣ когда-нибудь!

Наденька (*настойчиво*). Я теперь хочу! ну, ну, давайте танцовать: я за кавалера, а вы за даму! (*Беретъ его за талию.*)

Голубковъ (*освобождаясь*). Я за даму? этого только не доставало! (*Всторону.*) Чорта съ два! у меня и въ кадрилъ-то ноги не двигаются, а она съ полькой пристала.

Наденька. Такъ вы рѣшительно не хотите танцовать?

Голубковъ. Теперь?

Наденька. Да!

Голубковъ. Не хочу!

Наденька. Такъ я не хочу быть вашимъ другомъ.

Голубковъ. Ну, ну, полноте! Что за капризы! (*Всторону.*) Это дѣвушка! сейчасъ и закапризничала! (*Ей.*) Ну, я, пожалуй, протанцую....

Наденька (*съ радостью*). Вотъ давно бы такъ.

Голубковъ. Послѣ.

Наденька. Ахъ, вы, обманщикъ! А еще называетесь учителемъ танцованія!

Голубковъ. Ну, да! Я, какъ учитель, обязанъ танцовать только во-время урока.

Наденька. Не все-ли равно! это урокъ будетъ.

Голубковъ. А гдѣ-же вашъ братецъ? Ужъ показывать, такъ всѣмъ вмѣстѣ! Я же не могу порознь каждымъ заниматься!

Наденька. Я его сей-часъ позову!

Голубковъ. Нѣтъ, не надо, онъ самъ прійдетъ сюда.

Наденька. А тогда вы будете танцовать?

Голубковъ. Сколько угодно! и кадрили, и польку, и вальсъ и все что вамъ угодно!...

Наденька. Въ такомъ случаѣ я возвращаю вамъ свою дружбу.

Голубковъ. О, какой добренькій! Поцѣлуйте-же меня въ знакъ дружбы!

Наденька. Извольте! (*Всторону.*) Не выдамъ себя...

Голубковъ (*всторону*). Чортъ возьми! неужто это мальчикъ?

Наденька (*бросается къ нему на шею и цѣлуетъ его*). Въ знакъ дружбы!

Голубковъ (*всторону*). Это мальчикъ! это мальчикъ!.. совсемъ не жевекій поцѣлуй! Мнѣ вѣдь жевекіе поцѣлуй-то не въ диковинку! Чортъ возьми! а я чуть въ дурака не сѣлъ: принялъ было мальчика за дѣвушку! Вотъ бы вышла исторія то... (*Наденькѣ.*) Да гдѣ-же вашъ братецъ-то? Отыщите его... вѣдь я съ нимъ еще не познакомился!

Наденька. Онъ въ саду. Пойдемте!

Голубковъ. Пойдемте, пойдемте! (*Всторону.*) Экой я дуракай! Напрасно только время потратилъ! Платошка, я думаю, разыскается теперь передъ ней!

Наденька. Смотрите-же, не забудьте, что-вы обѣщали протанцовать со мной польку!

Голубковъ. Нѣтъ, нѣтъ, не забуду! Протанцую когданибудь.... (*Всторону.*) Какъ это я съ разу не замѣтилъ, что это мальчикъ! Затмѣніе какое-то нашло! Ну, похожъ-ли этакій сорванецъ на дѣвушку!

Наденька. Что-же вы! Пойдемте!

Голубковъ. Иду, иду! (*Уходя.*) Тѣфу пропасть, время потялять только!

X.

ПЕТЯ и ГОРЛИЦЫНЪ (выходятъ изъ другихъ дверей).

Горлицынъ. Такъ вы не хотите отвѣчать мнѣ!

ПЕТЯ. Да что-жъ я вамъ буду отвѣчать?

Горлицынъ. Вы не хотите оцѣнить мою безпредѣльную любовь? Ахъ, Петръ Михайловичъ!—Извините, я не имѣю чести знать настоящаго вашего имени?...

ПЕТЯ. Меня иначе никто не называлъ.

Горлицынъ. Нѣтъ, не обманывайте меня! Я знаю, кто-вы; знаю, что и вы можете любить; такъ полюбите-же меня!

ПЕТЯ (*всторону*). Неужто они догадались? Не понимаю!

Горлицынъ. Я не вѣтренникъ какой-нибудь, я не Голубковъ, котораго вся любовь ограничивается волокитствами.... Я люблю въ первый разъ въ жизни, а первая любовь, говорятъ, и есть истинная.... божественная.... Петръ Михайловичъ!... (*Всторону*.) Какъ не знаешь имени, такъ дѣло дрянъ выходить!...

ПЕТЯ. Что вамъ угодно отъ меня?

Горлицынъ. Вашей любви!...

ПЕТЯ. Я васъ люблю!

Горлицынъ (*въ восторгъ*). Вы меня любите? Такъ-ли я слышалъ? О, повторите, сдѣлайте одолженіе, повторите! Я еще никогда не слыхивалъ признанія въ любви!... (*Всторону*.) Вотъ счастье то привалило! А я думалъ, что первый блинъ всегда комомъ!... Не уступлю ее Алешкѣ, хотя-бы дѣло дошло до дуэли!...

ПЕТЯ (*всторону*). Вотъ не думалъ-то разыгрывать роль дѣвушки!

Горлицынъ. Теперь я долженъ открыть вамъ всю истину! Знайте, что васъ хотятъ погубить, выдать замужъ за чудовище!... Вѣдь этотъ Голубковъ хуже Донъ Жуана.... Я удивляюсь, какъ онъ еще до-сихъ-поръ не провалился сквозь землю!...

ПЕТЯ (*всторону*). Это я все разскажу Наденькѣ.

Горлицынъ. Если вы меня искренно любите, не выходите за него за-мужъ.... Въ противномъ случаѣ я его убью.... убью до смерти! Самъ пропаду, а ужъ не уступлю ему!

ПЕТЯ. Извините, я васъ не понимаю!... (*Хочетъ идти*.)

Горлицынъ (*удерживая его*). Куда-же вы? пожалуйста, не уходите!

Не отходи отъ меня, (*)

(*) Слова А. Фета; музыка А. Варламова.

Другъ мой, останься со мной!
 Мнѣ такъ отраднo съ тобой,
 Не отходи отъ меня!...

(Беретъ Петю за руку.)

(Голубковъ входитъ и въ изумленіи останавливается въ дверяхъ.)

Горлицынъ (продолжая).

Если-же ты предо мной,
 Грустно головку склоня,
 Мнѣ такъ отраднo съ тобой,
 Не отходи отъ меня!...

(Цѣлуетъ руку Пети нѣсколько разъ.)

II.

ТѢЖЕ И ГОЛУБКОВЪ

Голубковъ (отталкиваетъ Горлицына). Мало-ли что тебѣ отраднo, да имъ не отраднo! Пошелъ прочь! (Беретъ Петю за руку.) Вы не слушайте, что онъ говоритъ! онъ все вретъ (Украдкою цѣлуетъ его руку.) Не вѣрьте ему! Это только шалость.

Горлицынъ Если это шалость, такъ что-же послѣ этого истинная-то любовь?

Голубковъ. Вы мнѣ повѣрьте, моя неоцѣненная!

Петя (про себя). И онъ тоже!...

Горлицынъ (разъединяя ихъ). Не вѣрьте, не вѣрьте ему!.. (Беретъ его за руку.) Бѣгите отъ него, какъ отъ чумы!..

Голубковъ (съ другой стороны, взявъ Петю за руку). Неправда-ли, что онъ набитый дуракъ?...

Горлицынъ (вспыхнувъ). Милостивый государь!

Голубковъ. Милостивый государь! молчите!...

Горлицынъ (не выпуская руки). Не замолчу! Вы не смѣете отбивать у меня мою невѣсту!

Голубковъ. Съ чего-ты взялъ, что она твоя?...

Горлицынъ. Она моя! мнѣ сердце говоритъ!..

Голубковъ. Она моя! мнѣ сердце говоритъ!

Горлицынъ. Ложь!

Голубковъ. Вздоръ!

Горлицынъ (Петя). Повторите при немъ ваше признаніе

Отд. VIII.

Уничтожьте этого старикашку! Вѣдь онъ, ей Богу, старикъ! и зубы-то все вставные!... и подагра въ обѣихъ ногахъ!

Голубковъ. Ну, ужъ это выходите изъ границъ!... Извольте назначить часъ, оружіе и мѣсто!...

Горлицынъ. Завтра въ пять часовъ утра на Голодаѣ! На шпагахъ, на пистолетахъ, хоть на пожахъ, пожалуй!

Петя. Позову на помощь Владимира Николаевича. *(Убѣгаетъ.)*

ХІІ.

ГОЛУБКОВЪ и ГОРЛИЦЫНЪ.

Горлицынъ. Цампа проклятый! Я тебѣ докажу дружбу.

Голубковъ. И я не останусь въ долгу! Мы деремся безъ секундантовъ!...

Горлицынъ. Шулерничать хочешь! Да вѣтъ, не поддамся! на зло тебѣ десять секундантовъ привезу!

Голубковъ. Но!...

Горлицынъ. Слышать ничего не хочу! Завтра раздѣляюсь съ тобой и женюсь на Петянкѣ... Тыфу пропасть! Какъ ее зовутъ!

Голубковъ. Успокойтесь! я драться съ вами не буду! Я дерусь только съ равными себѣ....

Горлицынъ. Негодяями, надобно прибавить.

Голубковъ. Хотя ты стоишь быть убитымъ, но я жалѣю тебя!

Горлицынъ. Экой добрый какой!

Голубковъ. Живъ ли ты, вѣтъ ли, мнѣ все равно!... Во всякомъ случаѣ, ты не можешь помѣшать моей женитьбѣ.

Горлицынъ. Онъ еще думаетъ о женитьбѣ! Да знаешь ли ты, что меня любятъ платонической любовью... не ты женишься, а я!... Сегодня-же сдѣлаю предложение.

Голубковъ. Бабушка на-двое сказала! ха, ха, ха!.. Онъ хочетъ жениться!...

ХІІІ.

ТѢЖЕ, НАДЕНЬКА и ПЕТЯ.

Наденька *(подбѣгая къ Голубкову)*. За тѣмъ-вы скрылись отъ меня! я обѣгалъ весь садъ, искавши васъ?

Голубковъ. А кто вамъ всѣмъ!

Наденька. Вы обѣщались протанцовать со мною польку! так начнемте-же скорѣе! (*Горлицынъ между-тѣмъ подходитъ къ Петю и начинаетъ знаками обьясняться въ любви.*)

Голубковъ. Послѣ, послѣ... теперь что за танцы! Еще успеете натавцоваться!

Наденька. Нѣтъ, не послѣ, я теперь хочу! давайте-же! (*Беретъ его за талию и напѣваетъ польку.*)

Голубковъ (*освобождаясь, всторону*). Ну, что это за сорванецъ! Просто покою нѣтъ отъ него! (*Наденькѣ.*) Я сказалъ, что танцовать не буду!... (*Увидя Горлицына съ Петей.*) Онъ опять съ ней! Это невыносимо! (*Становится между Горлицынымъ и Петей. Горлицынъ переходитъ на другую сторону.*)

Голубковъ. Позвольте узнать, о чемъ-вы перепшетывались?

Горлицынъ (*поспѣшно*). О ботаникѣ!..

Голубковъ. О ботаникѣ! а!... (*всторону*). У! какая милашка!

Наденька (*Голубкову*). Такъ-вы рѣшительно не хотите танцовать?

Голубковъ (*съ досадою*). Я вамъ сказалъ, что послѣ!

Наденька. Да когда же послѣ?

Горлицынъ. Да что вы его просите: вѣдь онъ и шагу въ танцахъ не умѣетъ сдѣлать! Гдѣ ему съ подагрой танцовать польку!...

Голубковъ. Не.... не.... не вѣрьте! Вретъ... все вретъ! Я безъ хвостовства скажу, что я первый полькеръ въ Петербургѣ.

Горлицынъ. Гмъ! давно-ли?

Наденька. Если это правда, такъ протанцуйте со мной!

Голубковъ. Непремѣнно, непременно! но....

Наденька. Что такое?

Голубковъ. Послѣ.

Наденька (*притворно разсердясь*). Я скажу татап, что не хочу у васъ учиться!

Петя. Отчего-же вы не хотите протанцовать?

Голубковъ. О, для васъ затанцуюсь, пожалуй, до-упаду... только...

Наденька (*смѣясь*). Вѣрно, послѣ?

Голубковъ (*Наденькѣ*). Только вы прежде протанцуйте съ сестрицей!

Наденька. Да ее нѣтъ дома!

Голубковъ (улыбаясь). Ну, все-равно! вотъ хоть съ ними!
(Указываетъ на Петю.) Это все равно!

ПЕТЯ. А потомъ-вы?

ГОЛУБКОВЪ. А потомъ я!

НАДЕНЬКА (Петю). Я буду танцовать за кавалера.

ПЕТЯ. Мнѣ все равно!

ГОЛУБКОВЪ (всторону). Это дѣвушка! Птицу по-полету видно!

НАДЕНЬКА (Голубкову). А вы поправляйте насъ!...

ГОЛУБКОВЪ. Хорошо! хорошо!...

(Оркестръ играетъ польку. Наденька и Петя танцуютъ.)

ГОЛУБКОВЪ (всторону). Что за глупѣйшій танецъ! Толи дѣло мой фаворитный! Такъ всѣ-жилки и ходять!...

НАДЕНЬКА (оставляетъ Петю и схватываетъ Голубкова). Теперь съ вами! (Начинаетъ вертѣть его. Горлицынъ и Петя хохочутъ.)

ГОЛУБКОВЪ. Что это! что это? Ну, послушайте! это безсѣбно!... Ну, пожалуйста... оставьте меня!... Что-за сорванецъ — мальчишка!... Послушайте-же, я вамъ говорю... Ой!... упаду! упаду!

XIV.

ТѢЖЕ И ЗАКАМСКІЙ, ПОТОМЪ ТРУНОВА.

ЗАКАМСКІЙ (поспѣшно входитъ). Анна Гавриловна!

ПЕТЯ. Маменька!

НАДЕНЬКА. Ай! (Убѣгаетъ въ свою комнату.)

ТРУНОВА (входитъ). Здравствуйте, господа! здравствуйте, Владиміръ Николаевичъ!

ГОЛУБКОВЪ (граціозно кланяется). Честь имѣю рекомендовать!...

ТРУНОВА. Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть г. Голубкова?

ГОЛУБКОВЪ. Точно такъ! точно такъ! Алексѣй Алексѣичъ

Голубковъ, учитель искусствъ....

ТРУНОВА. Очень рада васъ видѣть!

ГОЛУБКОВЪ. А вотъ позвольте вамъ рекомендовать моего товарища, Платона Платоновича Горлицына, профессора различныхъ наукъ.... (Горлицынъ кланяется)

ТРУНОВА. Очень пріятно! Вы извините меня, господа, что я, ожидая вашего посѣщенія, не могла встрѣтить васъ....

ГОЛУБКОВЪ. Помилуйте!... Что за церемоніи!...

ГОРЛИЦЫНЪ (всторону). Видно она не узнаетъ дочку-то: близорука, должно быть!...

Голубковъ. Мы такъ пріятно провели время съ вашими милыми сыновьями!

Трунова (смотря на Петю). Съ Петей?

Горлицынъ (всторону). Рѣшительно не узнаеть! Она ужасно близорука!

Голубковъ. Да-съ!... съ Петинькой и съ Николинькой!

Трунова. Съ какимъ Николинькой?

Голубковъ. Съ вашимъ сыномъ!...

Закамскій (всторону). Ну, теперь выйдетъ исторія!

Трунова. У меня только одинъ сынъ, котораго вы видите!... (Указываетъ на Петю.)

Голубковъ. Но, по-крайней-мѣрѣ!...

Горлицынъ (всторону). Она совсѣмъ слѣпа!

Трунова. А! вы вѣрно говорите про Колю Солнцева, сына нашего сосѣда?... Петя! развѣ онъ былъ здѣсь?

Петя (потупивъ глаза). Да-съ, былъ!...

Голубковъ. А я думалъ, что это тоже вашъ сынъ... Ужасный головорѣзь!...

Трунова. Будто-бы? Онъ, кажется, такой тихой!...

Голубковъ. Какой тихой?... Страшный шалуны! просто, сорви-голова!

Горлицынъ. А вѣдь въ тихомъ-то омутѣ извѣстно.... что!...

Голубковъ (тихо ему). Молчи ты!

Трунова. Вотъ онъ каковъ!... Кто бы могъ подумать!... Между тѣмъ, господа, позвольте вамъ представить мою дочь!...

Голубковъ. Сдѣлайте одолженіе! очень пріятно!

Трунова (Петя). Позови Наденьку.

Петя. Сейчасъ! (Уходитъ.)

XV.

ТѢЖЕ, кромѣ ПЕТИ.

Горлицынъ (всторону). Наденька - то Наденьку пошла звать! ха, ха, ха!...

Закамскій. Попалась!

Голубковъ (всторону). Никогда себѣ не прощу! нѣжничать съ мальчишками!

Трунова. Господа, я надѣюсь, что вы обѣдаете у меня?...

Голубковъ. Очень благодарны! Но, извините, мы дали слово!...

Горлицынъ (тихо ему). Оставайся!... А то цѣлый день проходимъ съ пустыми желудками!...

Голубковъ. Впрочемъ, если это вамъ угодно — мы не смѣемъ отказаться!...

Трунова. Вы мнѣ этимъ доставите большое удовольствіе!

Голубковъ. Много чести! много чести!...

Горлицынъ (про себя). Слава Богу!... сегодня будемъ обѣдать!

Трунова. Что же вы стоите, господа! Прошу садиться!...
(Голубковъ и Трунова садятся; Закамскій подходитъ къ Горлицыну и разговариваетъ съ нимъ.)

Голубковъ. Какая сегодня прекрасная погода!

Трунова. Да! на вынѣшнее дѣло нельзя пожаловаться.

Голубковъ. Только очень жарко и пыль страшная на улицахъ... надобно-бы больше полить!...

Трунова. Такая погода благоприятствуетъ загороднымъ удовольствіямъ!...

Голубковъ. И путешественникамъ надобно прибавить. Многие изъ моихъ знакомыхъ отправились въ Англію на Всемирную Выставку... Я самъ хотѣлъ ѣхать, но... нѣкоторые обстоятельства задерживаютъ... (всторону) финансы плохи!...

Трунова (всторону). Понимаю! женитьба задерживаетъ.

Голубковъ. А мнѣ очень хотѣлось посѣтить Всемирную Выставку. Это очень любопытно; тѣмъ болѣе, что я не бывалъ еще въ Англіи.

Трунова. А вы путешествовали?

Голубковъ. Какъ же путешествовалъ! Парижъ, Мадридъ, Вѣна, Берлинъ, мнѣ очень знакомы! (Всторону.) Славные трактиры! (Громко.) Въ Пекинъ былъ нѣсколько разъ!...

Трунова. Вы и въ Китаѣ были?

Голубковъ. Имѣлъ удовольствіе! (Всторону.) Этотъ Китай не далеко!

Трунова. Вамъ, я думаю, это путешествіе слишкомъ дорого стоило?

Голубковъ. Дашъ! не дешево!...

Закамскій (вслушиваясь въ слова Горлицына). Вашъ товарищъ путешествовалъ?

Горлицынъ. Да! всѣ здѣшнія ресторациі обходилъ!

— XVI.

ТѢЖЕ и НАДЕНЬКА, выходитъ изъ саду въ бѣломъ платьѣ и въ соломенной тарельской шляпкѣ; за ней Петя.

Наденька. Вы меня звали, татап?

Закамскій (про себя). Bravo!... вывернулась!... (Голубковъ встаетъ и увидѣвъ Наденьку, въ изумленіи плтится назадъ.)

Трунова. Вотъ, господа, рекомендую вамъ мою дочь!...

Наденька (*улыбаясь*). Мы уже съ г. Голубковымъ нѣсколь-
ко знакомы?

Трунова. Какимъ образомъ? (*Въ изумленіи смотритъ на нихъ*.)

Голубковъ (*про себя*). Чортъ возьми!... Ну посадили же меня
въ дураки!...

Горлицынъ (*тоже*). А, а, а!... Мы, значить, съ преогромнымъ...

Закамскій (*тихо Голубкову*). Ни слова о томъ... Пони-
маете!... Не то вы будете имѣть дѣло со мной!...

Голубковъ (*поспѣшно*). Хорошо! хорошо! (*Труновой*.) Да съ!
я имѣлъ уже счастье познакомиться съ Надеждой Михайловной...

Трунова. Когда же?

Наденька. Сегодня!

Трунова. Тѣмъ лучше! тѣмъ лучше!... А вы мнѣ этого и
не сказали? (*Отводитъ Наденьку всторону и тихо говоритъ съ ней*.)

Голубковъ (*про себя*). Вотъ исторія то! дѣвчонка провела...
Тьфу! никогда не прошу себя!... принявъ дѣвушку за мальчика!

Горлицынъ. Глаза, братъ, плохи стали!...

Голубковъ. Скверная исторія!

Горлицынъ. Да! странное стеченіе обстоятельствъ!

Голубковъ (*беретъ шляпу*). Пойдемъ домой!

Горлицынъ. Какъ? а обѣдать?

Голубковъ. До обѣда-ли мнѣ теперь? Уменя кусокъ въ гор-
лѣ встанеть!...

Горлицынъ (*съ досадой*). Опять безъ обѣда!

Голубковъ (*раскланиваясь*). Мое почтеніе!...

Трунова (*удивляется*). Куда-же вы? А обѣдать?...

Голубковъ. Нѣтъ-съ, никакъ не могу...я вспомнилъ...я
далъ слово...

Горлицынъ. Съ удовольствіемъ-бы... да обстоятельства не
позволяютъ!...

Трунова (*ему тихо*). Но ваше намѣреніе...

Голубковъ. Извините!...не могу...никакъ не могу! (*Всто-
рону*.) Нѣтъ, на эту Надежду плохая надежда.

Трунова. Что это значить?

Закамскій. Я вамъ объясню эту загадку! (*Говоритъ тихо съ
Труновой*.)

Голубковъ (*отдавая записку Наденьки*). Позвольте возвра-
тить вашу записочку!...Вы ее вечапно обронили!...

Наденька. А! теперь я понимаю ваши намеки!...

Голубковъ. Покорно васъ благодарю за поцѣлуйчикъ!...

Наденька. Не стоитъ благодарности! (Въ продолженіе этого разговора, Петя нѣсколько разъ пытался заговорить съ Горлицынымъ, но тотъ отъ него увертывался).

Петя (Горлицыну). Такъ вы меня очень любите?...

Горлицынъ. Отвяжитесь! сдѣлайте милость!...

Трунова (Закамскому). Вотъ что! понимаю!

Голубковъ и Горлицынъ. Мое почтеніе!...

Наденька. Нѣтъ, нѣтъ, стойте!

Голубковъ и Горлицынъ. Что такое?

Наденька (отводя его всторону). Вѣдь вы были причиной тому, что я сегодня пошала, такъ не угодно ли вамъ будетъ и извиниться за меня?...

Голубковъ. Хорошо! хорошо! кетати и за себя попрошу!... (Публикъ.)

Господа! меня простите,

Я немножко пошалилъ...

Сознаюсь!... Извините...

)Закашливается. Музыкантамъ.) Стойте, стойте!... Совсѣмъ пѣть не могу....А прежде пѣлъ чудесно, лучше Маріо....Простудился, должно быть!...(Горлицыну.) Спой послѣдній куплетъ за меня.

Горлицынъ. Вотъ пѣвца нашель!...

Наденька. Я вижу, господа, что мнѣ одной приходится отвѣчать за всѣхъ!...

Горлицынъ. Да-съ, ужъ сдѣлайте одолженіе!...

Голубковъ. Чѣмъ премного обяжете!

Закамскій. Автора-то не забудьте!

Наденька. За всѣхъ попрошу, но не знаю, будутъ ли снисходительны къ моей просьбѣ!... (Публикъ.)

Господа! намъ объявите

Участь автора скорѣй!...

Вмѣстѣ съ нами наградите

Благосклонностью своей,

Мы старались, безъ сомнѣнья,

Угодить по силамъ намъ,

И въ надеждѣ снисхожденья

Ждемъ рѣшенья Шалунамъ!

Всѣ

И въ надеждѣ снисхожденья,

Ждемъ рѣшенья Шалунамъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ИЗДАВАНІЯ

за 1851 годъ.

1. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

а) ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

Томъ. Лѣ

1. Идеаль или женитьба безъ любви Оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. <i>Н. Я. Яковлевскаго.</i>	I.	1.
2. Случай изъ Петербургскаго быта. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Соч. <i>П. А. Коратыгина.</i>	I.	2.
3. Старички или съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. <i>П. Федорова.</i>	II.	3.
4. Дружба и любовь. Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Эмиля Ожье, передѣланная съ французскаго вольными стихами <i>В. Р. Зотовымъ.</i>	II.	4.
5. Црни. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. соч. Теодора Кернера, переводъ въ стихахъ <i>Г. Анельрота.</i>	III.	5.
6. Куликовская битва. Историческія сцены, въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. <i>Ив. Ни—ова.</i>	III.	6.
7. Царскіе потѣшныя или Кожуховскій походъ. Комедія въ двухъ актахъ, изъ временъ Петра Великаго.	IV.	7.
8. Буря въ стаканъ воды. Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго. <i>П. С. Федоровымъ.</i>	IV.	8.
9. Искательница приключеній. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. <i>Эмиля Ожье.</i>	V.	9.
10. Пари. Оригинальная драма въ двухъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ. Соч. <i>Кн. Г. В. Кушова.</i>	V.	10.
11. Клоди. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. <i>Жоржъ-Сандъ.</i>	VI.	11.
12. Датская война. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. Евгенія Скриба, переводъ <i>В. Попова.</i>	VI.	12.

б.) ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

1. Мязинчикъ Мери. Повѣсть <i>Л. Бранта.</i>	I.	1.
2. Любовь провинціальной барыни. Повѣсть. <i>А. Бутовскаго.</i>	I.	1.
3. Цѣлковый. Повѣсть. <i>И. С. Юрьевой.</i>	I.	2.

	Томъ №
4. Мачиха. Повѣсть. <i>Р. М. Зотова.</i>	II 3.
5. Пріятельское мщеніе. Разсказъ <i>Аркадія Бутовскаго.</i>	II. 4.
6. Русскій комикъ конца XVIII столѣтія. <i>В. И. Савинова.</i>	III. 5.
7. Сцены изъ жизни Моцарта.	III. 5.
8. Красная феска. Повѣсть. <i>В. И. Савинова.</i>	III. 6.
9. Львоной скиталець. Романъ <i>Габріэля Ферри.</i> Часть первая.	IV. 7.
10. Львоной скиталець. Романъ <i>Габріэля Ферри.</i> Часть вторая.	IV 8.
11. Львоной скиталець. Романъ <i>Габріэля Ферри.</i> Часть третья.	V. 9.
12. Львоной скиталець. Романъ <i>Габріэля Ферри.</i> Часть четвертая.	V. 10.
13. Львоной скиталець. Романъ <i>Габріэля Ферри.</i> Части пятая и шестая.	VI. 11
14. Львоной скиталець. Романъ <i>Габріэля Ферри.</i> Части шестая и седьмая.	VI. 12.

с.) СТИХОТВОРЕНИЯ.

1. Цвѣтотъ. <i>А. Реймерса.</i> — М. И. Ч...ой. <i>П. Блистова.</i> — Мечтай, мечтай! <i>Д. Сушкова.</i> — Смерть младенца. <i>П. Буле.</i>	I. 1.
2. Утро и вечеръ. <i>В. Корсака.</i> — Изба. <i>Его же.</i> — Шловець. <i>Его же.</i> — Минуты душевной тишины. <i>Н. Сулова.</i> — Глазки. <i>Н. Ча.</i> — Усопшему. <i>Д. Сушкова.</i> — Ураганъ. <i>А. Зименко.</i> — Со-вѣсть. <i>Г. Лаговскаго.</i>	I. 2
3. Второй разсказъ инвалида. <i>П. Шереметевскаго.</i> — Мелодіи. <i>Н. Грекова.</i> — Смотри! <i>Его же.</i> — Усопшая. <i>Его же.</i> — Друзь-ямъ. <i>Н. Сулова.</i>	II. 3.
4. Пѣсня. <i>Н. Чумина.</i> — Несказанное слово. <i>Князя Гр. Кукушева.</i> — Три мелодіи. <i>Н. Грекова.</i>	II. 4.
5. Рыбаки. <i>Н. Сулова.</i>	V. 10.

II. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

1. Галлерія русскихъ художниковъ: Еще одинъ изъ русскихъ тра-гиковъ.	I. 1.
2. Галлерія русскихъ художниковъ: Александръ Петровичъ Сумо-роковъ. Статья 1-я <i>Г. И. Лаговскаго.</i>	I. 2.
3. Галлерія русскихъ художниковъ: Александръ Петровичъ Сумо-роковъ. Статья 2-я <i>Г. И. Лаговскаго.</i>	II. 3.
4. Галлерія русскихъ художниковъ: Александръ Петровичъ Сумо-роковъ. Статья 3-я <i>Г. И. Лаговскаго.</i>	II. 4.
5. Воспоминаніе о великомъ хореграфѣ К. Л. Дидло. Статья <i>А. П. Глушковскаго.</i>	II. 4.
6. Комедіи Эмиля Ожье. Статья <i>Густава Плана.</i>	III. 5.
7. Начало и развитіе оперы въ Европѣ.	III. 6.
8. Начало и развитіе оперы въ Европѣ.	IV. 7.
9. Гофманъ и его жизнь.	IV. 7.
10. Гофманъ и его жизнь.	IV. 8.
11. О балетномъ искусствѣ въ Россіи. (Продолженіе и воспоминанія о Дидло.) Статья <i>А. П. Глушковскаго.</i>	IV. 8.
12. Тартиніева трель. Разсказъ капелмейстера <i>Крейслера.</i>	V. 9.
13. Великіе художники XIX столѣтія: Карлъ-Марія Веберъ. (Статья <i>Скудо.</i>)	V. 10.
14. Теренцій Варронъ, римскій ученый и писатель, и его менипейскія сатиры.	VI. 11.
15. Балетъ въ Россіи. Воспоминаніе о знаменитомъ хореграфѣ К. Л. Дидло. (Статья послѣдняя, <i>А. П. Глушковскаго.</i>)	

II. MEMUAPY.

Томъ. №

1. Записки трагика Тальмы, писанныя имъ самимъ. Книга первая, главы: 1, 2, 3 и 4.	I.	1.
2. Записки трагика Тальмы.	I.	2.
3. Записки трагика Тальмы. Книга первая, главы 11, 12, 13, 14 и 15.	II.	3.
4. Записки трагика Тальмы. Книга первая, главы 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22.	II.	4.
5. Жизнь актрисы Кино. Театральные нравы XVIII вѣка.	III.	5.
6. Сказка моей жизни безъ вымысла. Автобіографическій очеркъ Г. А. Андерсена <i>А. Грека</i> .	IV.	7.
7. Сказка моей жизни безъ вымысла. Автобіографическій очеркъ Г. Х. Андерсена <i>А. Грека</i> .	IV.	8.
8. Записки Тальмы, писанныя имъ самимъ.	VI.	12.

ЮМОРИСТИКА.

1. Ночь на новый годъ. Неправдоподобный разсказъ <i>В. Натухайскаго</i> .	I.	1.
2. Бубновая дама. Шутка <i>А. И. Савинова</i> .	I.	2.
3. Раздвѣлъ сердца.	II.	3.
4. Невѣсты. Три сцены изъ жизни. <i>П. Александрова</i> .	III.	5.
5. Двѣ сдачи въ преферансъ. Разсказъ <i>А. Бутовскаго</i> .	III.	6.
6. Черное стекло. Разсказъ <i>В. И. Савинова</i> .	V.	10.

V. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

Томъ I. № 1. Русскій Театръ въ Петербургѣ. Заговорило регнивое, или урокъ бѣдовой дѣвушкѣ. Оригинальная комедія, въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. *П. И. Григорьева 1-го*.—Интересный вдовецъ или ночное свиданіе съ иллюминаціей. Оригинальный водевилъ, въ одномъ дѣйствіи, соч. Г***, — Провинціальный братецъ. Оригинальный водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи.—Фантазія. Оригинальная шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. *У. и Z.*—Вечеръ артистовъ. Дивертисманъ. (Бенефисъ г-на Максимова 1-го).—Писательница. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г-жи *М. Корсини*.

Томъ I. № 2. I. Итальянская опера въ Петербургѣ. Гвельфы и Гибеллины. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, либретто *Скриба*, музыка *Мейербергера*.—II. Балетъ въ Петербургѣ. Нянда и Рыбакъ. Большой фантастическій балетъ, въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Перо*, музыка *Пуни*, декорации и машины *Роллера*.—Крестьянская свадьба (*Wesele w Ojcowie*), балетъ-дивертисманъ, исполненный варшавскими танцорами и танцовками (Бенефисъ Карлоты Гризи).—III. Русскій театръ въ Петербургѣ. Старички, или съ чѣмъ прибѣжалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Комедія водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *П. С. Федорова*.—Курьерская свадьба. Оригинальная шутка водевилъ, соч. *Оникса*.—Идеаль или женитьба безъ любви. Оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ *Н. Я. Яковлевскаго*.—Провинціалка. Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *И. С. Тургенева*.—Елка. Драмагическая быль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. барона *Ө. Ө. Корфа*.—Жена подъ замкомъ или исправленный ревнивецъ. Орвиги нальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *В. Ш.*—Сцена изъ водевиля «Бѣдовая дѣвушка» съ новой аріей-попурі г-на *Кажинскаго*.—Людмила, бал, ада *В А Жуковскаго*.—

Томъ II. № 3. Русскій театр въ Петербургѣ. Бѣлая камелия, или маскарадъ въ Дворянскомъ собраніи. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. барона *Ф. Ф. Корфа*. — Урокъ мужьямъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Г****. — Старина. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *М. К****. — Воспоминаніе о Персїи. Ералашъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Г. К.* — Дочь Карла Смѣлаго, второе дѣйствіе изъ драмы *В. Р. Зтова*. (Бенефисъ г-жи Вѣры Самойловой 2 и). — Замокъ Плесси-Легуръ. Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣланная *В. А. Киртчинымъ 1 мь*, изъ французской трагедіи *Делавиня «Louis XI.»* — Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, въ своемъ не видимъ и бревна. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *П. С. Фодоровымъ*. Статья *Ф. А. Кони*.

Томъ III. № 5. Русскій театр въ Петербургѣ. Не спросясь броду, не суйся въ воду. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. — Мелюзина и Лузиньянъ или Освобожденный Геркулесамъ. Волшебноромантическая трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ танцами. — Сирена. Комическая опера, въ трехъ дѣйствіяхъ. Музыка *Обера*, слова *Скриба*. — Осада Углича или Русскіе въ 1611 году. Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе *А. Реймерса*, съ пѣніемъ и плясками (?). — Одна на примѣтъ, другая въ каретѣ. Оригинальная комедія, въ одномъ дѣйствіи, соч. *Г****. — Суматоха за ширмами Оригинальный водевиль. соч. *Поночарева*. (Бенефисъ *Славина*). — Любовь Испанки. Оригинальная драма въ трехъ дѣйствіяхъ въ прозѣ, соч. *К.* — Бѣдненькій охъ, а надъ бѣдненькимъ Богъ. Историческая быль, въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г-жи *С.* — Учитель и Мельничиха, или Воспитаніе и Природа. Оперетка въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *Д. Т. Ленскимъ*. (Бенефисъ г-на режиссера *Алекина*.) Статья *Ф. А. Кони*.

Томъ III. № 6. Русскій театр въ Петербургѣ: Чудакъ-математикъ. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи и въ трехъ картинахъ. — Прерванный ужинъ или лишняя дверь въ квартирѣ холостяка. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Я. Яковлевскаго*. — Огородъ и дача на Петергофской дорогѣ или несчастный день Тихона Сидоровича. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. — Сцены изъ трагедіи Озерона «Дмитри Донской». — Цыганка. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Г****. — Картина степной жизни цыганъ, поставленная г-номъ *Артемовскимъ*. (Бенефисъ г-на режиссера цирка *Краюшкина*). — Черная немочь. Оригинальная драма въ трехъ дѣйствіяхъ и трехъ картинахъ, соч. *Славина* — съ пѣніемъ и плясками (?). — Не бывають воронъ соколомъ, а куриць пѣтухомъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. г-на *Славина*. — Дѣвичьи клятвы или вся бѣда отъ романовъ. Водавиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго г-на *Соловьева*. (Бенефисъ актера-пансионера *Радина*).

Томъ V. № 10. Русскій театр въ Петербургѣ. — Украинская свадьба, съ хорами и плясками, аранжированная изъ мажороссійскихъ пѣсенъ, господиномъ *Артемовскимъ*. — Сцена изъ втораго дѣйствія оперы: «Русланъ и Людмила», музыка *М. И. Глики*. — Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, въ своемъ не видимъ и бревна. — Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *П. С. Фодоровымъ*. (Бенефисъ г-на *Артемовскаго*). — Итальянскія наслѣжденія или капризъ и сюрпризъ. Шутка-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, *Н. Я. Яковлевскаго*. — Бури въ стаканѣ воды. Водавиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго *П. С. Фодорова*, — Тереза. Драма-водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Ф. А. Кони*. — Дайте мнѣ старуху! Шутка въ одномъ дѣйствіи, *В. И. Савинова*. (Бенефисъ г-жи *Сзидуновой*). — Представленіе Эс-

меральды въ провинціи. Комедія-анекдотъ, соч. Г***. — Гарили. Комедія-водевиль въ четырехъ картинахъ, передѣланная съ французскаго гг. *Тарновскимъ* и *Рудневымъ* — Морякъ Шверъ или возвращеніе изъ плѣна. Комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго г-на *Бурдина*. — Было или не было? на яву или во-снѣ? Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ французскаго. (Бенефисъ г-на Смирнова 2). — Пятница или всякой шуткѣ должны быть границы. Комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи. — Бѣшенство. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. — Одинъ стулъ для двоихъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. — Сцена изъ «Евгенія Онѣгина». — Женихъ съ Лондонской выставки. Оригинальный фарсъ à-propos, въ одномъ дѣйствіи, соч. Г***. — Мѣдный всадникъ. Отрывокъ изъ поэмы А. С. Пушкина, декламировалъ г-нъ Каратыгинъ 1. (Бенефисъ г-на Марковецкаго). — Пари, драма въ двухъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ, соч. *Князя Кугушева*. — Френологъ и физиономистъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи. — Марфа Ивановна и Захаръ Захаровичъ Собачкины, водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго г-номъ *Соловьевымъ*. — Магъ да удагъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи. (Бенефисъ г-на Третьякова). — Провинціальная актриса. Сцены изъ жизни артистовъ, въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *П. А. Смирновъ*. — Бѣда отъ сердца и горе отъ ума. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Ө. А. Коки*. — Сцена изъ романтической трагедіи Керимъ Гирей Крымскій ханъ, или Бахчисаранскій фонтанъ, соч. *Князя А. А. Шаховскаго*. — Вотъ-такъ полковникъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго гг. *Тарновскаго* и *Руднева*. — Узкіе башмаки. Оперетка въ одномъ дѣйствіи, съ хорамъ, слова *П. С. Федорова*, новая музыка *Ө. П. Дюшана*. (Бенефисъ г-жи Жулевой). — Не хотя. Комедія-водевиль передѣланный съ французскаго *А. Т.* — Шалуны или еще бѣдовая дѣвушка. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. ***. — Семикъ въ Рыбацкой. Интермедія въ одномъ дѣйствіи. — Карлъ XII подъ Полтавою. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Россійское сочиненіе. — Г-нъ *Славикъ* въ роли *Мазены*. (Бенефисъ г-на Толченова 1).

Томъ VI. № 11. I. Итальянская опера въ Петербургѣ. — Введеніе. (Очеркъ исторіи пѣнія въ Италіи. — Школы: артистическая и драматическая. — Будущность пѣнія и требованія отъ него Мейербера. («Любовный напитокъ» и «Марія ди Роганъ» Доницетти, «Гвельфы и Гибелины» Мейербера, «Эрпани» Верди, «Норма» Беллини, «Лючія ди Ламмермуръ» Доницетти. II. Русскій театръ въ Петербургѣ. — Греческій философъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ, заимствованная съ французскаго, соч. г. *В. З.* — Панъ Твардовскій, романтическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *М. Н. Загоскина*, музыка *А. Н. Верстовскаго*. — Старый мундиръ. Драма въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго. — Комедія безъ названія, соч. *Кн. Кугушева*. — Искалъ булавочку—нашелъ жену. Комедія въ одномъ дѣйствіи. — Бодось дологъ, умъ коротокъ. Оригинальная комедія въ двухъ картинахъ. — Казачка. Оперетка въ одномъ дѣйствіи, слова *Крестовскаго*, музыка *Кажинскаго*. (Бенефисъ г-жи Сосницкой). — Материнская любовь или дѣвочка-малычикъ. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго г-на *Сабурова*. — Убийца, повѣсть въ стихахъ. *А Катеница*, декламировалъ г-нъ Каратыгинъ 1. — Куда чортъ не поспѣетъ, туда старую бабу пошлетъ. Пастовица въ одномъ дѣйствіи. — Ермакъ Тимофѣевичъ или Волга и Сибирь. Соч. *Н. Поленскаго*. (Сцена изъ втораго дѣйствія). — Бумагоманія или страсть къ тяжбамъ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г-на *Крестовскаго*. (Бенефисъ г-жи Гусевой).

Томъ VI. № 12. Русскій театръ въ Петербургѣ. — Богатый холостякъ и все женатыхъ. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, соч. *П.*

Григорьева 1. — Петербургскіе шалуны. Оригинальная опера, въ двухъ картинахъ, съ танцами, соч. *П. Григорьева 1.* — Третье дѣйствіе изъ комедіи Житейская школа, соч. *П. Григорьева 1.* — Любовныя записки мужа. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сюжетъ, заимствованъ съ французскаго *П. Григорьевымъ 1.* (Бенефисъ г-на Григорьева). — Кастильская честь. Драма въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, переводъ съ французскаго. — Чему быть, того не миновать. Драматическая пословица въ одномъ дѣйствіи, соч. *Барона Ф. Ф. Корфа.* — Волшебная роза или убѣдныя честолюбцы. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *С. Соловьевымъ.* — Остриженные львы или живые покойники. Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго *П. Каратыгина.* — Желѣзная дорога между Петербургомъ и Москвою. Водевиль въ одномъ дѣйствіи и въ двухъ картинахъ. (Бенефисъ г-на Каратыгина **2.** — Блокада крѣпости Костромы или Русскіе въ 1608 г. Драматическія сцены въ трехъ картинахъ, съ пѣніемъ, танцами, вѣрвномъ и разрушеніемъ крѣпости, соч. *А. Т. В.* — Любовь по приказу или первые опыты кокетства. Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго г-жею *Тильцовой.* — Много шуму изъ пустяковъ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *А. Я.* Сюжетъ заимствованъ изъ французскаго водевиля. — Карета или по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ! Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *Ф. А. Коми.* (Въ первый разъ по возобновленіи). — Дебютъ г-на *Рамазанова 1.* (Бенефисъ г-жи Дюръ.)

VI. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Томъ 1, *М 1.* Франція. Новости и приготовленія на театрѣ Большой Оперы. — Таинственная пѣвица, комическая опера, либретто Евгенія Скриба, музыка Виктора Массе. — Итальянская опера въ Парижѣ. — Огромный успѣхъ тенора Иванова въ роль Дженаро, въ «Дукреція Борджія» — Дебютъ Коллинн: въ роль отца въ «Линдѣ де Шамуни». — Г-жа Фіорентини въ роль Дукреция. — Г-жа Зонгагъ въ «Линдѣ» — Будущія приготовленія Думля — ожиданіе дебюта дѣвицы Дюпре и невзгоды, готовящіяся Итальянской оперѣ въ Парижѣ. — Фейтцикъ, античная комедія въ стихахъ, *Эмиля Ожье.* — Домашніе враги, комедія *Камиля Дусе.* — Искупленіе Аптуанетты, водевиль Кларвилья и Кольце. — Дебюты двухъ прекрасныхъ водевильныхъ актрисъ дѣвицы *Вольфъ* и *Амелины Лютеръ.* — Безпокойная почъ, водевиль *Рошвора* и *Дангле.* — Фехтовальный учитель, водевиль, соч. *Гию.* — Помпонета и Помпадуръ, водевиль гг. *Моле-Жантильома* и *Констана-Серу.* — Земля улитокъ, фарсъ геуе, гг. Левеня, Брунсвика и Артура Боплана. — Господинъ, бѣгающій за женщицами, комедія *Баяра* и *Декурселя* — Двери и шкафы, путаница гг. *Вареня* и *Лериса.* — Пальницо, драма гг. *Деншери* и *Марка Фурье.* — Фредерикъ Леметръ и Кларисса Мируа. — Женихи Жембетты, водевиль гг. *Поля Дондре* и *Сенега.* — Процѣсъ Историческаго театра. — Открытіе новаго театра подъ старымъ названіемъ «Театръ Бомарше.» — Открытіе Олимпійскаго цирка, подъ названіемъ «Национальнаго театра.» Сгатья *Аполлиарія Бонавентуры.*

Томъ 1, *М 2.* Франція. (Письмо изъ Парижа отъ 13 февраля.) Новый Балетъ Теофія Готье и Сенъ-Леона «Пакеретга.» — Фанни Черито въ главной роли, — музыка соч. Бенуа. — Дебюты тенора Мера и дѣвицы Пуансо въ Большой Оперѣ. — Появленіе г-жи *Но* въ «Лючии» и въ «Привидѣніи» Фютова. — «Шиковая дама», большая комическая опера, соч. *Скриба*, музыка *Галевы.* — Дебюты въ Комической Оперѣ *Анны Леметръ.* — Итальянская опера. Блистательный дебютъ *Каролины Дюпре*, дочери знаменитаго пѣвца въ «Лючии» и въ «Любовномъ напитокѣ.» — Дебюты *Магдалины Бро-*

ганъ на сценѣ Французскаго Театра. — Принятіе г-жи Рашель общицею этого театра. — Ея будущіе прозекты на открытіе новой Калифорніи. — Празднованіе годовщины рожденія Мольтера. — Дѣвица Жоасенъ. — «Мужичекъ» комедія Сувестра. — Конецъ комедіи, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ *Таксилъ Делори*. — Новая отдѣлка театра «Драматической Гимназіи.» — Записки Гимназіи, прологъ *Анмануара* и *Клервилля*. — Дочь короля Рене, комедія водевилъ *Густава Лемуана*. — Малютка артистка Юдію Феррейра, — въ пьескѣ «Машино приданое,» соч. гг. *Клервилля* и *Жюля Кордье*. — Всякому своей чередъ, умѣй только выждать, водевилъ *Байра*. — Шенальде де Пезена, соч. *Лорангена*. — Взаимное обученіе, шутка *Теодора Барьера*, съ музыкою *Герве*. — Бабушкины женихи, водевилъ г-жи *Анаисы Сегеля*. — Годичныя обозрѣнія (revues) разныхъ театровъ: «Послѣдній день Нантскаго Отеля,» «*Journal pour rire*,» «Путешествіе узитокъ,» «Чепуха» и пародія на: «Блуднаго сына,» «Пальяцца,» на «Сказки королевы Наваррской,» — Некрологъ Адриана Перле, комика *Драматической Гимназіи*, написанной актеромъ Сансономъ. Статья *Аполлинарія Бонавентуры*.

Томъ II, № 4. Франція. (Письмо изъ Парижа отъ 13 Марта 1851). — Театральныя новости карнавальныя оперы. — *Bonsoir, cher Pantalon!* Комическая опера. либретто гг. *Локруа* и *Морвана*, музыка *Гризара*. — Буря, опера; либретто *Скриба*, музыка *Галеви*. — Валерія, большая историческая драма въ стихахъ, соч. *Жюля Локруа* и *Маке*. — Г-жа Рашель въ роли Валеріи. — Донъ Гаспаръ нищій, драма, соч. *Делю*. — Пьерро, шутка водевилъ, соч. гг. *Дефранка* и *Декурселя*. — Жемчужное ожерелье, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Мозера*. — Жанна, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. *Анисе Буржуа* и *Деланда*. — Три пинка, водевилъ гг. *Локруа* и *Деконбюсса*. — Романобѣси (La chasse aux romans), комедія гг. *Эмиля Ожье* и *Жюля Сандо*. — Отказъ служанкѣ, водевилъ, соч. г-на *Берту*. — Южная любовь, водевилъ, соч. г-на *Розье*. — Дебютъ г-жи *Дезире*. — Кража невѣсты, водевилъ гг. *Байра* и *Варьера*. — Новая пьеса театра *Монтансье*. — *Staple-Chase*, комедія гг. *Плуве* и *Бисса*. — Бенгалская невѣста, водевилъ, соч. гг. *Дюшена* и *Саве*. — Мистерія о герцогѣ Вильгельмѣ Пуатуанскомъ, драма, соч. *Эмиля Сувестра*. — Генрихъ Левъ, драма въ шести дѣйствіяхъ, гг. *Сентъ-Эрнеста* и *Фильо*. — Самбръ и Мааская армія, драма г-на *Лабрусса*. — Новая пьеса театровъ: *Бомарше*, *Délassements comiques* и *Folies dramatiques*.

Томъ III, № 6. Франція (Письмо изъ Парижа) — Театръ Большой Оперы. — Ночной демонъ, опера, либретто *Байра*, музыка *Розенгайна*. — Сафо, опера, либретто *Эмиля Ожье*, музыка *Гуно*. — Новая пьеса, приготовляемая театромъ Большой Оперы. — Комическая опера. — Конецъ сезона Итальянской Оперы. — Три свадьбы, опера, либретто *Береттоши*, музыка *Алари*. — Французскій Театръ. — Христіанъ и Маргарита, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, гг. *Поля Мерсье* и *Эдуарда Фурье*. — Дамское сраженіе или состязаніе въ любви, комедія гг. *Скриба* и *Лекуве*. — Отпускъ г-жи Рашель. — Театръ Одеона. — Гофмановы сказки, фантастическая драма въ трехъ частяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ, соч. гг. *Жюля Барбье* и *Мишеля Карре*. — Театръ *Драматической Гимназіи*. — Манонъ Леско, драма, соч. *Марка Фурье* и *Барьера*. — *Midi à quatorze heures*, комедія-водевилъ *Теодора Барьера*. — Новая пьеса Театра Разнообразія. — Докторъ Пыррей, водевилъ *Варена*. — Ключница, водевилъ въ одномъ дѣйствіи *Мишеля Делаторта*. — Другой мужъ моей жены, водевилъ гг. *Мелсвилля* и *Ксаویه*. — Театръ *Монтансье*. — Зубы пирваются, водевилъ гг. *Марка Мишеля* и *Либини*. — Мадамъ Бертрапъ и мамзель Ратонъ, комедія *Анмануара* и *Лагранжа*. — Любовь на слѣпой пьезъ, комедія

Мелесвиля и Ксавье.—Марсиаль, завоеватель сердецъ, комедія водевилъ г-на *Мелесвиля*.—Театръ Развлеченій.—Маша, идиллія г-жи *Рельеде-Пребуа*.—Театръ Амбигю.—Графъ де Марсерфъ, драма *А. Дюма*.—Национальный Театръ.—Клишійкая застава, историческая драма *А. Дюма*.—Театръ Сень-Мартенскихъ Воротъ.—Дорожники, драма *Латуръ де Сеншъ-Ибара*.—Нѣмой, драма въ семи дѣйствіяхъ гг. *Анисе-Буржуа* и *Массона*.

Томъ IV, № 7. Франція (Письмо изъ Парижа).—Театръ Веселости.—Мольеръ драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. г-жи *Жоржъ Сандъ*.—Театръ Большой Оперы.—Раймондъ или тайны, опера, либретто Гг. *Левена* и *Розье*.—музыка Амбуаза Тома.—Французскій театръ.—Мужъ виноватъ или у хорошаго мужа и жена хороша. Комедія въ стихахъ, соч. г-жи *Эмиль Журарденъ*.—Заключеніе романа. комедія *Леона Гозлана*.—Театръ Драматической Гимназій.—*Le vol à la goulade*. комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. *Мелесвиля* и *Иурси*.—Мой пріятель Баболенъ, водевилъ г-жи *Аниль-Контъ* и г-на *Мокроза*.—Ужинъ у Маркизы, комедія водевилъ *Маркъ-Мишеля*.—Новости Театра Разнообразія.—Откуда молодежь ума набирается, водевилъ *Альбера Моңье* и *Эдуарда Мартена*.—Счастіе въ несчастіи, водевилъ *Дивери*, *Дозана* и *Латруна*.—Бой-баба, водевилъ *Кармуша* и *Вандерберга*.—Театръ Монтансье.—Бельегоръ фантастической водевилъ *Дюмануара*. *Сентъ Ива* и *Шолера*.—Волшебная курочка, водевилъ *Мелесвиля* и *Ксавье*.—Театръ Сентъ Мартенскихъ воротъ.—Кристалльвій дворець, обобръженіе, соч. *Клервиля* и *Жюля Кордье*.—Три сосѣда и три сосѣдки, водевилъ *Дрюбуа*.—Еще новыя пьесы театра Веселости.—Похожденіе Сусанны, драма *Дюпети*.—Военный соувѣтъ, военно-комическая опера, либретто *Камерсона* и *Фокемона*, музыка *Ванжелля*.—Театръ Амбигю.—Вильфоръ, драма *А. Дюма*.—Новыя пьесы театровъ *Délassemens comiques et Folies dramatiques*.

Томъ IV, № 8. Франція. (Письмо изъ Парижа).—Французскій Театръ.—Капризы Маріанны, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Альфреда де Мюссе*.—Плывущія палки, комедія *Амадьера*.—Возобновленіе старинной пьесы *L Avocat Patelin*.—Театръ Комической Оперы.—*Au fid borger*, опера, либретто *Скриба* и *Сень Жоржа*, музыка *Адольфа Адана*.—Дебютанты и дебютантки.—Испанскіе танцоры Большой Оперы.—Новости Театра Драматической Гимназій.—Судьба! Комедія-водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Шарля Денюе*.—Жена обманывающая мужа, комедія, соч. Гг. *Моро* и *Делакюра*.—Театръ Разнообразія.—Три возраста Разнообразія, прологъ, соч. *Гастона де Монто*.—Примрозная мышь, водевилъ *Гормона* и *Диттертра*.—Съ мебелью и безъ мебели, водевилъ *Дюпети* и *Гранже*.—За занавѣсомъ, водевилъ *Лелеса* и *Эжена Нью*.—Театръ Монтансье.—English exhibition, водевилъ *Курселя*, *Барьера* и *Гранже*.—Два Корюше, водевилъ *Поль-де-Кока* и *Байе*.—Дуэль на поцѣлуй, водевилъ *Клервиля* и *Кордье*.—Искатель безкорыстной любви, водевилъ Гг. *Сиродена* и *Премаре*.—Театръ Сентъ Мартенскихъ Воротъ. Дача продается, водевилъ гг. *Сове* и *Вестива*.—Театръ *Folies Dramatiques*.—Продажа даже для сбыта невѣсты, водевилъ гг. *Нуизеля* и *Рошфора*.—Клари, драма-водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Сентъ Илера*.—Блондетта, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Маркъ Лепрово* и *Шарля Делорме*.—Театръ *Delassements Comiques*.—Разнощикъ, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Гг. *Ваннуа*, *Вара* и *Жалле*.—Старикъ Жозефъ, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. *Марешалля* и *Гомбо*.—Пробужденіе Орфея, фарсъ гг. *Лери* и *Куальяка*.—Театръ Амбигю.—Чудовище и колдунъ, драма гг. *Мерля* и *Беро*.—Метители, драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Шувье*.

Томъ V, № 10. Франція. (Письмо изъ Парижа).—Парижскія увеселенія.—

Тридцать дней забавъ за пятнадцать франковъ!—Новости Большой Оперы.—Театръ Комической Оперы.—Серафина, комическая опера въ одномъ дѣйствиіи, либретто *Сень-Жоржа*, музыка *Сень-Жюльена*.—Французскій Театръ.—Баронъ де Лавлеръ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ и въ стихахъ, соч. *Камилла Дусе*.—Магюреяъ Ренье, драма въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ, *Фердинанда Дюге*.—Театръ Сень-Мартенскихъ воротъ.—Сальваторъ Роза, драма *Дюге*.—Театръ Драматической Гимназіи.—Двадцатилѣтніе философы, комедія въ одномъ дѣйствиіи, соч. г-жи *Каролины Вертонаъ*,—Меркаде смышленный человекъ (*Mercadet le faiseur*), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Бальзакъ*.—Театръ Разнообразія.—*La Gothon de Beranger*, водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Кормона, Гранже и Дютертра*.—Выигрывающій номеръ, водевилъ въ одномъ дѣйствиіи, гг. *Фолькелмона, Коллю и Лефевра*.—Мужъ хорошенькой жены, водевилъ въ одномъ дѣйствиіи, гг. *Сенль-Иви и Шолера*.—Театръ Монтансье.—Приключенія соломённой шляпки, водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ, соч. гг. *Маркъ-Мишеля и Лабиса*.—*Ep manches de chemise*, водевилъ въ одномъ дѣйствиіи, гг. *Лефранка, Лавиша и Нона*.—Театръ *Folies Dramatiques*.—*Le monde volant*, водевилъ въ одномъ дѣйствиіи, соч. *Поль-де-Кока*.—*Les Plaisirs d'asnières*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. *Фердинанда Вильнева и Инполита Лер*.—Театръ Амбию.—Приключенія розы и могильщика, драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Вризбара и Евгения Нона*.—Национальный Театръ.—Медвѣдь и дикарь, хроника времени Крестовныхъ походовъ, въ пяти дѣйствіяхъ и одиннадцати картинахъ, соч. Г. *Лабрусса*.

VII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Томъ I. № 1. Сигналы музыкальные, литературные и художественные.—Какъ Петербургъ отдыхаетъ и наслаждается.—Музыкальныя его наклонности.—Иосифъ Гунгъ и достоинства его.—Кстати, слово о театральныхъ оркестрахъ.—Отечественный композиторъ танцевъ Федоръ Вальцъ.—Его житейская и музыкальная школа.—Италинская Опера въ сезонъ 1850 1851 года.—«Севильскій цирюльникъ» и «Карлъ Смѣлый» Россини.—«*Donna del Lago*» Королева Голкондская, Доницетти.—Цѣнители и судьи.—Музыкальныя наслаждения № 2.—Оркестръ въ Пассажъ.—Московскіе цыганы.—Контрфакція цыганъ братья Мальчугины.—Цыганскіе драмы дивертисманы.—Пассажъ и его зрѣлища.—Анатомическій музей г-на Навратила. Дѣтскій театръ г-жи Геогартъ.—Нувелистъ, издаваемый Бернаромъ.—«Исторія Итальянской Оперы», сочиненіе г-на Кажинскаго.—Инструменты Лихтенгала.—Балы и маскарады.—Семейные вечера въ Благородномъ Собраніи.—Швейцаръ-поэтъ.

Томъ II. № 3 Сигналы музыкальные и художественные.—Что такое наша музыкальная порча?—Новости вынѣшенъ музыкальной порчи.—Начало съ конца.—Преобладаніе скрипки надъ прочими инструментами.—Еврейская и славянская скрипка.—Георихъ Веняскій.—Русскій скрипачъ Афонасевъ.—Диво-скрипачка Вильма Неруда, ея игра и оіографія.—Казимръ Лада.—концертъ Датышена и трубачъ Гомилусъ.—Презообразіе пьянство въ всѣхъ видахъ и форматахъ.—Амаля Неруда.—Сенмуръ-Шифъ импровизаторъ.—Антонъ Рубинштейнъ.—Юлій Шульгофъ, виртуозъ и композиторъ.—Его оіографическіи очеркъ.—Достоинство и заслуги Шульгофа.—Школа и характеръ его игры.—Сигналы художественные.—Эстампъ литографическій съ картины Шгеибена «Христосъ на Голгоѣ», сдѣланный художникомъ Щедровскимъ и отпечатанный Подемъ Пети.—Художественный Листокъ, издаваемый Г. Тимомъ.—Фотографическіи портреты Г. Кулишъ.

VII. СМѢСЬ.

Томъ I, № 1. — Два года въ плѣну у горцевъ. (Воспоминанія о жизни и псѣжденіяхъ, въ Кавказскихъ горахъ. Штабъ Капитана Новоселова) *В. И. Савинова*. — Исторія поединковъ и дуелей. — Живописецъ Давидъ и его женитьба. Нѣсколько словъ по поводу отъѣзда г-на Вл. Ч. о комедіи «Женская дружба». № 2. — Нигдѣ не напечатанное письмо госпожи Стазь къ Тальмъ. — Нумеръ пятьдесятъ третій. — Два года въ плѣну у Горцевъ. *В. И. Савинова*.

Томъ II; № 3. — Музыкально хореграфическій праздникъ при дворѣ короля Генриха III. — Исторія одного носа. Разсказъ *Генриха Берту*. — Дикарка. — Мелочи. № 4. — Два года въ плѣну у Горцевъ. *В. И. Савинова* — Николо Изуаръ. Статья *Фиорентино*. — Джонъ Фильдъ. Статья *Франца Листа*. — Греческая басня и баснописецъ Бабрій. Статья *А. Милановскаго*. — Простонародный театръ въ Парижѣ.

Томъ III, № 5. — Изъ записокъ русскаго моряка. (Плаваніе Индѣйскимъ Океаномъ. — Альбатросы и фрегаты. — Береговья и морскія черепахи. — Праздникъ Христова Воскресенія среди Океана. — Штормовки. — Ураганъ. — Суматры въ Малакскомъ проливѣ — Молюска Галера. — Архипелагъ Никобарскихъ острововъ и приключенія на нихъ. — Нанковрійская бухта. — Первая встрѣча съ островитянами. — Дикари на транспортъ. — Старшина *Тетуй*. — Обмѣнъ въ живостей. — Никобарскіе дикари: ихъ наружность, костюмъ, вооруженіе суда. — Торгъ съ островитянами — Остроуміе и честность русскаго боцмана. — Жилища островитянъ. — Смыслный европеецъ. — Характеръ, вѣра и промышленность островитянъ. — Кладбище. — Кровавыя событія на Никобарахъ. — Дѣятельные лѣса и растительность. — Островъ Катчала). Статья *Канибакса*. — Письмо изъ Калифорніи. (Увеличеніе Санъ-Франциско. — Нынѣшнее народонаселеніе его. — Распоряженія городского начальства. — Роскошь. — Игорные дома. — Калифорнійская журналистика. — Зрѣлища. — Общій видъ Санъ-Франциско. — Странствующій антрепренеръ. (Разсказъ). — Исторія перваго горнаго завода въ Россіи. — Испанцы и Самоѣды на ярмаркѣ. — Ягъ Мортъ (Чулское преданіе). — Два года въ плѣну у Горцевъ. *В. И. Савинова*. № 6. — Два года въ плѣну у горцевъ. *В. И. Савинова*. — Пегръ Великій въ Казани. — Два отца — два гордца. (Разсказъ изъ временъ Людовика XIV).

Томъ IV, № 7. — О вліяніи музыки на человѣка и на животныхъ. *А. Николаевъ*. — Бой быковъ въ Португаліи и нѣсколько словъ о Лиссабонскихъ театрахъ. — Товарищъ калифорнскихъ переселенцевъ. (Совѣты отправляющемуся въ путь. — О компаніяхъ и объ обществахъ колонистовъ. — Мелкіе товарищи. — Багажъ. — Продовольствіе на морѣ. — Совѣты пассажирамъ. — О вещахъ необходимыхъ переселенцамъ. — Гигіеническія предосторожности для переселенцевъ въ Новыл Сибѣрь. — О поведеніи европейцевъ въ отношеніи къ жителямъ Испанской Америки). *А. Альмози*. — Музыка въ Китаѣ, въ Сенегалии и Центральной Африкѣ. — Харьковскій театръ. *Д. Ж.* № 8. — Отрывки изъ записокъ композитора Гретри. — Леди Эстеръ Стенгопъ. Статья *Филарета Шаля*. — Товарищъ калифорнскихъ переселенцевъ. (Промышаніе золота. — Отдѣленіе и проба его. — Погодные мѣры. — Образъ пугающаго. — Климатъ. — Нѣкоторыя свѣдѣнія о Центральной Америкѣ). *А. Альмози*. — Торжество генія. — Новое художественное произведеніе Сазикова.

Томъ V, № 9. — Лондонская Всемирная Выставка. Статья, написанная очевидцемъ-наблюдателемъ. (Значеніе Выставки. — Открытіе ея. — Зданіе

Кристалнаго дворца. — Первое впечатлѣніе. — Распределение Выставки по народамъ. — Ихъ сравненіе и бѣглый обзоръ. — Предметы изящныхъ художествъ). — Идеаль Рафаэля. — Воздушное путешествіе изъ Парижа въ Сиа, совершенное русскимъ, *И. Мацнево*. — Эммануэль Дюпати. (Некрологъ.) *П. Б. № 10.* — Постояльцы мистрисъ Тибсъ. — Неуловимый портретъ. — Два письма Фетиса о музыкальныхъ инструментахъ на Всемирной Выставкѣ.

Томъ VI, № 11. — Картина изгнанника. (Случай изъ жизни художника). *А. Альмова*. — Музыка Верди. Статья *Фетиса*. — Сходство Моцарта съ Шекспиромъ. — Лондонская Всемирная Выставка. Статья, написанная очевидцемъ-наблюдателемъ. (Способъ обзорѣнія Выставки. — Различіе посетителяей. — Сырые матеріалы. Англійское отдѣленіе сырыхъ матеріаловъ. — Важный результатъ появленія ихъ на Выставкѣ. — Ископаемые химическіе и аптекарскіе матеріалы, произведенія животнаго и растительнаго царствъ. — Монолиты. — Карандашная масса. — Китайская глина. — Каменный уголь. — Драгоценные камни. — Металлы. — Янтарь. — Шелкъ, ленъ, конопля. — Машины). — Народное образованіе, искусства и литература Мексики.

Томъ VI, № 12. Трактиръ прекрасной Лауры. (Изъ воспоминаній французскаго туриста). — Исторія о тюльпанахъ. Письмо *Альфонса Карра*. — Со. Статьи *Александра Делаверля*. — Невѣста солнца. Разсказъ *Баронессы де-Мензиль*. — Лондонская Всемирная Выставка. Статья, написанная очевидцемъ-наблюдателемъ. — Нѣсколько словъ о Мегюдь. — Елка.

IX. КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Томъ I, № 2. — 1. Густавъ Альбертъ Лорцингъ. (Некрологъ). — 2. Статистика ежедневныхъ несчастій въ Парижѣ. — 3. Еще странности Обера и Скриба. — 4. Наслѣдство знаменитой актрисы Сентъ-Обень. — 5. Пожаръ Кролева воксала въ Берлинѣ. — 6. Кресло Мольера. — 7. Американскій способъ сбывать мыло и вакуу. — 8. Дорво, старѣйшій изъ французскихъ драматурговъ. — 9. Мистеръ Барнумъ, антрпренеръ Фенни-Ляндъ. — 10. Московскій какачъ съ бриллиантовой начинкой. — 11. Стихи графини Расгопчиной и г. Денскаго — въ честь Фанни Эльслеръ. — Андрей Осиповичъ Сихра. — Молчаливость гениальныхъ людей. — 14. Англійскіе романы «*День Эйръ*» и «*Шерли*».

Томъ II, № 4 — Актёръ Лезевръ. — Еще кое-что о Спонтини. — Александръ Гумбольтъ въ молодости. — Благодарность рыбы. — Современные Армидины сады. — Последняя опера Лорцинга. — Венеція и завивщики. — Англійская драматическая писательница. — Художественныя вѣсти изъ Италіи. — Инвалидный домъ для бойцовъ пера. — Новая движущая сила. — Процессъ гжи Джуліи Гризи. — Всеобщая художественная выставка современныхъ художниковъ. — Мелочи.

Томъ VI, № 11 — Джемсъ-Фениморъ Куперъ. — Воронежскій театръ. — Новое полярное море. — Мелочи.

X. БАЛАГУРЪ.

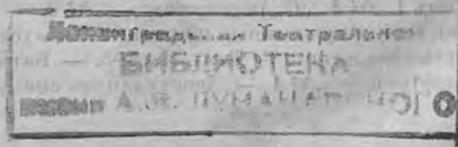
Томъ I, № 1. 30. Анекдотовъ; — № 2. — Исторія тысяча перваго кандидата въ гени (журнальные нравы). — Тибетскій пиль. — Театральные гробы. — Шесть анекдотовъ. — Томъ II, № 3. — Батальный живописецъ. — тринадцать анекдотовъ. — № 4. — Девятнадцать анекдотовъ. — Томъ III, № 5. Двадцать

шесть анекдотовъ: — № 6. Тотого и России. — Волшебная флейта. — Странности Керубини. — Странныя идеи мономановъ. — Странности Генделя. — Анекдоты. — Томъ IV. № 7. — Двадцать пять анекдотовъ. № 8. — Тридцать пять анекдотовъ. — Томъ V. № 9. — Коммерція и любовь. — Счастливое Quirgoquo. — Нѣкоторыя черты Брауэра. — Анекдоты. — № 10. Странности Рембрандта. — Анекдоты о музыкантахъ. — Гости въ Редакціи.

XI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

	Томъ. №
1. Свадебный столъ безъ молодыхъ, или старая любовь не ржавѣетъ. Оригинальный водевилъ въ одномъ дѣйствии. <i>П. А. Каратыгина.</i>	I. 1.
2. Голубой капотъ. Комедія, въ одномъ дѣйствии, въ стихахъ. Соч. <i>Князя Кугужева.</i>	I. 2.
3. Дѣвушка морякъ или сваха въ новомъ родѣ. Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствии, соч. <i>Т. и Б.</i>	II 3.
4. Провинціальный братецъ. Водевилъ въ одномъ дѣйствии, соч. <i>Н. И. Флимонова.</i>	II. 4.
5. Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, въ своемъ не видимъ и бревно! Водевилъ, въ одномъ дѣйствии, передѣланный съ французскаго <i>П. С. Федоровымъ.</i>	III. 5.
6. Всякій шутъ Иванъ Ивановичъ! Шутка поговорка, въ двухъ дѣйствияхъ, <i>Ф. А. Копи.</i>	III. 6.
7. Хлопчатая бумага или устраха глаза велики! — Фарсъ-водевилъ въ одномъ дѣйствии, соч. <i>Г. Б.</i>	IV. 7.
8. Дайте мнѣ старуху! Фарсъ-водевилъ въ одномъ дѣйствии, соч. <i>В. И. Савинова.</i>	IV. 8.
9. Прерванный ужинъ или лишняя дверь въ кварталъ холостяка. Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствии <i>Н. Я. Яковлевскаго.</i>	V. 9.
10. Морякъ Пьеръ или возвращеніе въ плѣно. Комедія въ одномъ дѣйствии, переводъ съ французскаго г. <i>Бурдина.</i>	V. 10.
II Старый математикъ или ожиданіе кометы въ уздномъ городѣ. Шутка водевилъ въ одномъ дѣйствии, передѣланная изъ нѣмецкой комедіи подъ названіемъ «Комета» г. <i>А. Н. А—вымъ и П. Г. Г—вымъ.</i>	VI. 11.
12. Шалуны или еще бѣдовая дѣвушка. Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствии, соч. <i>Н. И. Круглополева.</i>	VI. 12.

№ 10436
9821
18242

«ПАНТЕОНЪ»

будетъ выходить въ будущемъ 1852 году, согласно своей програмѣ, и будетъ состоять изъ 12 книжекъ *Пантеона* отъ 20 до 30 листовъ каждая, изъ 12 *М.М. Репертуара Русской сцены*, изъ 12 фотографическихъ партретовъ русскихъ знаменитыхъ лицъ, изъ 12 музыкальныхъ приложений: новѣйшихъ романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арий изъ оперъ, переложеній изъ балетовъ, и танцевъ, и проч.

Цѣна за годовое изданіе

12 руб. сер., съ пересылкою и доставкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается исключительно

Въ Главной Конторѣ журнала „Пантеонъ“.

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ : въ книжной лавкѣ П. А. Ратькова на Тверской, въ домѣ Мятлевой, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ.

Всѣ лица, когда-бы они не подписались, получаютъ всѣ номера журнала, начиная съ перваго, со всѣми принадлежащими къ нимъ приложеніями.

Редакція отвѣчаетъ заверную доставку только тѣхъ экземпляровъ, на которые подписка принята въ сказанныхъ ею выше мѣстахъ или въ самой редакціи.

Всѣ лица, имѣющія какую-либо надобность до Пантеона, благоволятъ адресоваться къ редактору и издателю, *Федору Алексѣевичу Коки*, близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина.